

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

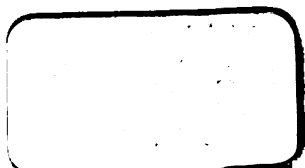
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pin 278975 d. 80

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

1855.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

	СТР.
I. Стихотворенія: 1) Союзникамъ. А. ПОДОЛИНСКАГО. (стр. 167) 2) «Какъ воздухъ родины въ страннѣ чужой и дальной». А. ПОДОЛИНСКАГО.	168—
Докторша. Повѣсть. В. Р. ЗОТОВА.	169—274
Европейскіе Негры. Романъ Ф. В. ГАКЛЕНДЕРА. <i>Часть третья и послѣдняя</i>	275—330
Переселенцы. Романъ изъ престопаго быта. Д. В. ГРИГОРОВИЧА. <i>Часть вторая</i>	331—392
II. Основьяненко (Г. Ѳ. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы. <i>Статья вторая и послѣдняя.</i> Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.	97—144
Воспоминаніе о К. П. Брюловѣ. А. Н. МОКРИЦКАГО.	145—184
III. Прописи. Сборникъ статей по классической древности, изд. П. Леонтьевымъ. Книга IV. (<i>Статья вторая</i>). Н. М. БЛАГОВѢЩЕНСКАГО.	27— 48
IV. Библиографическая хроника (разборы 19 книгъ). — Журналистика.....	47— 94
V. Современная хроника Россіи: 1) Обзоръ военныхъ дѣйствій 1854—1855 годовъ: VI. Крымская экспедиція.—2) Обзоръніе движенія русскаго законодательства по государетвенному управленію за октябрь 1855 года.—3) Событія въ отечествѣ за тотъ же мѣсяць.....	87—126
VI. Новости наукъ, литературы, искусствъ и промышленности.....	57— 72
Петербургскія Замѣтки.....	72— 94
Моды, съ парижскою картинкою <i>дамскихъ модъ.</i>	

Объявленіе о музыкальныхъ новостяхъ, продающихся у г. Бернара.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

ДЕКАБРЬ.

І. Словесность.

	СТР.
СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) Союзникамъ, А. ПОДОЛИНСКАГО (стр. 167). — 2) «Какъ воздухъ родины въ странѣ чужой и дальней», А. ПОДОЛИНСКАГО (стр. 168).	
ДОКТОРША. Повѣсть. В. Р. ЗОТОВА.....	169
ЕВРОПЕЙСКІЕ НЕГРЫ. Романъ Ф. В. ГАКЛЕНДЕРА. <i>Часть третья и послѣдняя</i>	275
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. Романъ изъ престолярнаго быта. Д. В. ГРЕГОРОВИЧА. <i>Часть вторая</i>	331

ІІ. Науки и Художества.

ОСНОВЬЯНЕНКО (Г. Θ. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы. <i>Статья вторая и послѣдняя</i> . Г. Ш. ДАНИЛЕВСКАГО.....	97
ВОСПОМИНАНИЕ о К. П. БРЮЛЛОВѢ. А. Н. МОКРИЦКАГО.....	145

ІІІ. Критика.

Прошлен. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга IV. (<i>Статья вторая</i>). Н. М. ВЛАГОВЪЩЕНСКАГО.....	27
---	----

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНИЯ.

Народныя русскія сказки, изд. <i>А. Аванасьевымъ</i> , выпускъ 1.	47
Сельскохозяйственная статистика Смоленской Губерніи, <i>Я. Соловьева</i>	52
Новый способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса, <i>А. Мейера</i>	55
Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, <i>М. Безъ-Корниловича</i>	56
Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи, <i>Н. Березина</i>	58
Памятная книжка Импер. Александровскаго Лицея на 1855 — 1856 годъ.....	—
Курсъ технической химіи, <i>А. Ходнева</i>	59
Нѣкоторыя замѣчанія о причинахъ гибели наполеоновскихъ полчищъ въ 1812 году, <i>И. Липранди</i>	61
Россійскіе законы о торговлѣ и промышленности, <i>А. Леонгарда</i> .	64
Крымская экспедиція.....	65
Размѣнъ плѣнныхъ на Кавказѣ.....	—
Собраніе новѣйшихъ военныхъ и другихъ пѣсень.....	—
Болгарскія пѣсни, изд. <i>П. Безсоновымъ</i>	67
Руководство статистики Россіи, <i>А. Соколовскаго</i>	69
Путешествіе вокругъ свѣта (Сѣверная Америка), <i>Ө. Студитскаго</i>	71
Фабрикація стеариновыхъ и другихъ свѣчей, <i>Мальпейера</i>	—

ПЕРЕВОДЫ.

Ложь и дѣйствительность восточной войны, <i>В. Жоли</i>	65
О примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному искусству, соч. <i>П—ца</i>	66
Правила физическаго воспитанія дѣтей, <i>Ф. Гюнтера</i>	67

ЖУРНАЛИСТИКА.

Еще слово о современной журнальной критикѣ. — Разказы г. <i>Н. А. Т.</i> изъ военного быта, и разказы, записанные со словъ очевидцевъ, гг. <i>Таторскимъ</i> и <i>Кузнецовымъ</i> и собранные г. <i>Сокольскимъ</i>	71
---	----

V. Современная Хроника Россіи.

Обзоръ военныхъ дѣйствій 1854 — 1855. VI. Крымская экспедиція. Высадка англійскихъ, французскихъ и турецкихъ войскъ близъ Евпаторіи. — Сраженіе на р. Алмѣ. — Удаленіе

русскихъ войскъ на южную сторону Севастополя и потомъ къ Бахчисарю. — Переходъ непріятеля съ сѣверной стороны севастопольской бухты на южную и занятіе Балаклавы. — Усиленіе севастопольскаго гарнизона. — Присоединеніе подкрѣпленій къ русскимъ войскамъ. — Рекогносцировки русской кавалеріи къ Евпаторіи и въ Байдарскую Долину. — Нападеніе на Николаевскую Батарею. — Разграбленіе Ялты и окрестныхъ селеній. — Начало осадныхъ работъ противъ севастопольскихъ укрѣпленій съ южной стороны. — Попытки непріятеля устроить батарею надъ инкерманскимъ спускомъ. — Обложеніе Евпаторіи. — Занятіе русскою пѣхотою д. Чоргунъ. — Бомбардированіе Севастополя 5 и 6 октября. — Наступательное движеніе русскихъ къ д. Комары и къ непріятельскому укрѣпленію. — Дѣйствіе подъ Евпаторіею. — Вылазка русскихъ съ 8-го на 9-е октября. — Продолженіе бомбардированія Севастополя. — Ночная стычка съ англійскимъ патрулемъ. — Дѣло генерала Липранди. — Инкерманская битва. — Буря на Черномъ Морѣ. — Продолженіе осады. — Ночныя нападенія на непріятеля. — Пароходы «Владиміръ» и «Херсонесъ». — Ночныя вылазки русскихъ. — Дѣйствіе непріятельскихъ батарей по Севастополю. — Французское судно «Аяксъ». — Подземныя работы подъ Севастополемъ. — Рекогносцировки непріятеля. — Усиленная рекогносцировка русскихъ къ Евпаторіи. — Редуты Селенгинскій и Волынскій. — Болѣзнь князя Меншикова. — Стычка съ непріятелемъ у Евпаторіи. — Покушеніе непріятельскихъ судовъ на сѣверовосточный берегъ Чернаго Моря. — Авангардное дѣло подъ Евпаторіею. — Ночная вылазка русскихъ. — Нападеніе непріятеля на камчатскій редутъ. — Прибытіе въ Севастополь генерал-адъютанта князя Горчакова. — Осадныя работы.....

81

Обозрѣніе движенія русскаго законодательства по государственному управленію за октябрь 1855 года.....

113

Событія въ Отечесствѣ. Пребываніе Государя Императора въ Крыму. — Приказъ Крымской Арміи. — Деревянная бомба. — *Малая жертва* крестьянина. — Памятникъ матросу Шевченко. — Соединеніе русской телеграфической линіи съ австрійскою и прусскою. — Открытіе телеграфическаго дѣйствія отъ Николаева до Симферополя. — Комитетъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. — Русскіе рельсы. — Наводненіе въ Кизлярѣ. — Морское животное страшнаго вида. — Провсшествіе въ Нухъ. — Волки. — Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ. — Пожары. — Привозъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ, по Николаевской Желѣзной Дорогѣ въ Санктпетербургъ и Москву. —

Некрологъ: *Н. А. Редъ, Игнатій Головинскій, А. И. Маловъ и С. Е. Рамчъ*.....

VI. СМѢСЬ.

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Торжество закрытія парижской всемірной выставки. — Взглядъ на ея значеніе для промышленности. — Очеркъ ея существованія и неудачъ, сопровождавшихъ ея начало. — Общее сужденіе о ней. — Церемонія торжественнаго закрытія. — Рѣчь президента выставки. — Раздача наградъ. — Нѣсколько словъ о выставкѣ изящныхъ искусствъ. — Закрытіе выставки не было еще концомъ ея. — Судьба, предстоящая дворцу ея. — Марио. — Надежды французовъ относительно зимы. — Неурожай и балы. — Очеркъ перемѣнъ въ англійскихъ обычаяхъ. — «Президентъ геніевъ» въ НьюЙоркѣ. — Осушеніе Гарлемскаго Озера. — Извѣстіе о возвращеніи арктической экспедиціи Кэна. — Акустическіе опыты Лиссажу.....

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Зима. — Петербургскіе jours fixes. — Образчики назначенныхъ дней. — *Армида*, новый балетъ. — Комедія г. Ожье на русской и французской сценахъ. — *Ceinture dorée*. — *Тестъ любитъ честь, зять любитъ взять*. — *Невинное заблужденіе*. — Водевиль. — Русская и итальянская оперы. — Удовольствія предвечернія. — Звѣринецъ г. Бернабо. — Закрытіе Невы и зимнія удовольствія. — Концерты въ Университетѣ. — Лекціи въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

МОДЫ, съ парижскою картинкою дамскихъ модъ.

СОЮЗНИКАМЪ.

Такъ вотъ какое просвѣщенье
Вы проповѣдывать пришли :
Грабежь, насильство, разрушенье —
Все, что презрѣннаго въ пыли
У васъ взросло среди порока,
Вы, покровители пророка,
На Русь святую привели!
Вамъ все едино, что ни впишутъ
О васъ въ всемирную скрижаль.
Но знайте — кровной местию пышутъ
И наша грудь и наша сталь!
Могучій врагъ вашъ не уступить,
И будетъ длиться страшный споръ,
Пока послѣдній свой топоръ
Послѣдній ратникъ не притушитъ...

Но дни пройдутъ, замолкнетъ бой —
И Русь отъ мрачныхъ грѣзъ воспрянетъ,
И снова твердою пятой
Въ виду морей покорныхъ станетъ;
Но ангель мира сохранитъ
Обломки кровью облитые...
О томъ, чѣмъ такъ сильна Россія
Въ нихъ каждый камень говоритъ.
Они для внуковъ нашихъ святы:
Въ нихъ впечатлѣна наша кровь
Къ отчизнѣ вѣчную любовь
И вѣчный стыдъ для сопостата !

Въ народномъ чувствѣ оскорбленъ
 Потомокъ вашъ, бѣжитъ ихъ слѣда,
 И отъ позорной славы дѣда,
 Краснѣя, отречется онъ...

А. ПОДОЛИНСКІЙ.

С. Ярославка.
 Іюль 1855.

Какъ воздухъ родины въ странѣ чужой и дальней,
 Какъ въ лѣтній зной цвѣтамъ студеноя роса,
 Какъ лучъ весны струямъ подъ ризою хрустальной,
 Какъ сердцу сироты отрадная слеза,
 Какъ пѣсня стройная при арфѣ тихострунной,
 Какъ небу темному вечерняя звѣзда,
 Какъ отдыхъ сладостный для тяжкаго труда,
 Какъ нѣга и тепло сіянью ночи лунной,
 Какъ рошѣ соловей, какъ узнику мечты,
 Моей больной душѣ необходима ты!...

Хранитель—ангелъ мой, въ твоей любви мнѣ вѣсть
 Изъ міра лучшаго таинственная вѣсть.
 Враждой къ землѣ мой умъ съ тобою не болѣеть,
 Съ тобой и на землѣ блаженства много есть:
 Есть милый голосъ твой, улыбка, ласка взгляда,
 Забвенье сладкое или вслухъ мечты вдвоѣмъ,
 Есть дни, согрѣтые поэзіи огнѣмъ,
 Молитвы пламенной высокая отрада,
 Сочувствіе къ дѣламъ и славы и добра
 И вѣра въ полнотѣ любви и умиленья,
 Что жизнь не случая минутная игра,
 Но дивный, вѣчный даръ благаго Провидѣнья!...

А. ПОДОЛИНСКІЙ.

ДОКТОРША.

ПОВѢСТЬ.

I.

Царское Село, до проведенія въ него желѣзной дороги, было едва-ли не самымъ тихимъ и уединеннымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Петербурга. Жителей въ немъ было не мало, но это были жители болѣею частью невыбиравшіе своимъ пребываніемъ этотъ чистый и красивый городокъ, а обязанные жить въ немъ по служебнымъ отношеніямъ. Въ городъ помѣщалась часть дворцоваго управленія, стоялъ гусарскій полкъ и находился Царскосельскій Лицей; но многочисленныя лица, принадлежащія къ этимъ учрежденіямъ, или имѣвшія съ ними необходимыя сношенія, не придавали большаго оживленія городу; дѣятельность этихъ лицъ обнаруживалась только въ тѣсномъ кругу ихъ занятій, а кругъ ихъ знакомства былъ еще тѣснѣе. Зимой въ городѣ не было ни баловъ, ни собраній; на улицахъ, въ иной день не удавалось встрѣтить ни одного человѣка; большее освѣщеніе въ окнахъ скромныхъ домиковъ было чрезвычайно рѣдкостью, о которой, впрочемъ, мало толковали, потому-что мало кому удавалось ее замѣтить. Лѣтомъ городъ оживлялся немного, болѣе отъ переселенія дачниковъ, привлекаемыхъ сюда великолѣпнымъ садомъ или желаніемъ чаще видѣться съ своими дѣтьми или родственниками, воспитывавшимися въ Лицеѣ и увольняемыми въ Петербургъ только четыре раза въ годъ. Вообще на Царскомъ Селѣ лежалъ отпечатокъ особенной, своеобразной жизни. Это была далеко-нестоличная жизнь, но ничто не напоминало въ немъ также жизни уѣздныхъ городовъ, отъ которыхъ Царское Село отличалось рѣзко даже наружнымъ видомъ

своихъ правильныхъ, удивительно-чистыхъ улицъ, обставленныхъ красивыми домиками.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, на самомъ концѣ улицы, выходившей прямо къ саду, жилъ уже лѣтъ десять докторъ Грохѡвичъ. Многіе жители помнили, когда онъ поселился въ Царскомъ Селѣ, и не понимали, зачѣмъ прїѣхалъ онъ туда изъ Петербурга. Въ городѣ было немного врачей, но больныхъ еще меньше. Вся казенныя учрежденія имѣли, конечно, своихъ докторовъ, издавна пользовавшихся и частныхъ жителей въ рѣдкія минуты ихъ болѣзней. По новости и, можетъ-быть, изъ желанія испытать знаніе Грохѡвича, нѣкоторые изъ царскосельцевъ обратились къ нему, въ первые мѣсяцы его прїѣзда, за совѣтами и пособіями въ легкихъ случаяхъ нездоровья, и нельзя сказать, чтобъ онъ лечилъ неудачно, но общее мнѣніе осталось недовольно новопривышшимъ докторомъ. Находили вообще, что онъ мало внимателенъ къ больнымъ, нелюбезенъ, непредупредителенъ, и что даже самая наружность его не внушаетъ довѣрія.

Докторъ былъ дѣйствительно некрасивъ собою: маленькаго роста, сутуловатый, почти безъ шеи, съ весьма-короткими ногами, поддерживавшими довольно-полное туловище, съ лицомъ широкимъ, непріятнаго желтаго цвѣта, маленькими глазами, глубоко-ввалившимися въ глазныя впадины, толстымъ приплюснутымъ носомъ, широкимъ ртомъ и подбородкомъ. Въ обыкновенномъ положеніи физиономія и вся фигура доктора была даже непріятна, а онъ къ тому же очень-рѣдко выходилъ изъ этого спокойнаго положенія; немногимъ удавалось видѣть его въ минуты одушевленія, когда глаза его блистали огнемъ, полнымъ ума и чувства, подъ густыми бровями, краска выступала на щекахъ, обыкновенно-глухой голосъ дѣлался звучнымъ и почти-гармоническимъ, станъ выпрямлялся, голова гордо откидывалась назадъ и на своихъ широкихъ плечахъ докторъ, какъ новый Атласъ, готовъ былъ поднять цѣлый міръ науки...

Казалось только одни научные вопросы и могли вывести Грохѡвича изъ его привычнаго спокойствія. Совершенно-равнодушный ко всему, что его окружало, онъ не показывалъ даже вида, что принимаетъ въ комъ-нибудь участіе и, вѣроятно поэтому, немногочисленные его пациенты вскорѣ обратились къ другимъ врачамъ, отдавая, однакожь, справедливость познаніямъ Грохѡвича. Больные по-большой-части любятъ, чтобъ докторъ ахалъ вмѣстѣ съ ними при исчисленіи симптомовъ ихъ болѣзни, на-

ходилъ чрезвычайно-важнымъ каждый прыщикъ, неожиданно-вско-чившій на носу, и съ особенною глубомысленностью отвѣчалъ на вопросы въ родѣ слѣдующихъ : какую вѣткою лучше отгонять мухъ—березовою или рябиновою ? или : полезнѣ ли посыпать сначала сахаромъ ягоды и потомъ налить на нихъ сливокъ, или сначала налить сливокъ и потомъ посыпать сахаромъ ?

Къ подобнымъ больнымъ Гроховичъ былъ безжалостенъ. Онъ отвѣчалъ имъ рѣзко, насмѣшливо, даже грубо; говорилъ въ глаза самыя неопровержимыя истины, что оскорбляетъ людей гораздо-болѣе, чѣмъ самая несбыточная ложь. Поэтому немудрено, что практика его, весьма-ограниченная и въ началѣ его поприща, съ теченіемъ времени сдѣлалась совершенно-ничтожною. Его при-зывали къ себѣ только тѣ больные, которыхъ онъ однажды спасъ отъ опасности. Человѣкъ скорѣе помнитъ когда его избавить отъ незначительнаго зла, нежели когда ему сдѣлаютъ большое добро. Избавленіе отъ матеріальныхъ страданій цѣнится гораздо-болѣе, нежели уничтоженіе страданій моральныхъ. Докторъ приобрѣлъ также извѣстность прекраснаго акушера; но и въ этомъ случаѣ помощь его требовалась еще рѣже. Въ Царскомъ Селѣ вовсе не было великосвѣтскихъ дамъ, измученныхъ балами, широкою жизнью и узкими корсетами.

Знакомыхъ у доктора было еще меньше, чѣмъ паціентовъ. Онъ рѣшительно чуждался всякаго общества и говорилъ прямо, что не видитъ ни необходимости, ни удовольствія терять время въ пустыхъ визитахъ и разговорахъ. Когда же ему замѣчала жена, что, сидя постоянно дома, можно соскучиться и что необходимо иногда искать развлеченія въ обществѣ, онъ отвѣчалъ, что развлеченіе ему доставляютъ больные и что съ книгами онъ никогда не соскучится; а если которая ему очень надоѣстъ, то онъ можетъ бросить ее подъ столъ, чего нельзя сдѣлать съ чело-вѣкомъ.

На докторшу, конечно, болѣе чѣмъ на доктора обратили вни-маніе по пріѣздѣ ихъ въ Царское Село, но и о ней, какъ о мужѣ, общественное мнѣніе отзывалось несовѣмъ-благосклонно. Мужчины находили, что она нехороша собой, неловка, дика, не умѣетъ ни сказать двухъ словъ, ни держать себя въ порядочномъ обществѣ. Женщины говорили, что она дурно одѣвается, счита-етъ себя чрезвычайно-умною, потому-что жена доктора, не кокетничаетъ, понимая, что никому не можетъ понравиться, но что, впрочемъ, она хорошая хозяйка и добрая женщина. Съ

своей стороны, докторша не оскорблялась даже послѣднимъ эпитетомъ и была повидимому еще равнодушнѣе мужа ко всѣмъ городскимъ толкамъ и новостямъ.

Ей было, впрочемъ, и некогда заниматься тѣмъ, что, по словамъ злоязычныхъ людей для женщины необходимѣе воздуха. На ней лежало все хозяйство; докторъ рѣшительно ни во что не вмѣшивался, а прислуга ихъ вся состояла изъ толстой чухонки-кухарки, жившей у нихъ со времени ихъ прїѣзда и исполнявшей всѣ должности по дому.

Дѣтей у доктора не было, но въ домѣ его жилъ еще болѣзненный малорослый мальчикъ, которому съ виду можно было дать лѣтъ тринадцать и котораго докторъ называлъ своимъ приемышемъ. Страшно-худой и блѣдный, съ неподвижной физиономіей, совершенно-желтыми волосами и кривыми ногами, мальчикъ этотъ отличался также порядочной величины зубомъ, закрывавшимъ почти всю шею. Отъ него, многіе, знавшіе Грохѣвича десять лѣтъ, не слыхали и десяти словъ, хотя онъ исполнялъ въ городѣ всѣ порученія доктора и его жены. Онъ былъ болѣе нихъ причиной, что нѣкоторые остряки называли всѣхъ жильцовъ скромнаго домика семействомъ, убѣжавшимъ изъ кунсткамеры.

Домикъ, гдѣ жилъ докторъ, былъ дѣйствительно очень-скромный: четыре комнаты внизу и двѣ наверху, въ мезонинѣ, составляли всѣ его владѣнія. Подъѣздомъ, выходившимъ на дворъ, входили въ переднюю; направо помѣщалась кухня, налѣво четыре комнаты анфиладой; сзади нихъ шелъ корридоръ, въ который былъ выходъ изъ всѣхъ четырехъ комнатъ; въ послѣдней угловой, выходившей двумя окнами на улицу и тремя противъ сада, былъ кабинетъ доктора, заставленный шкапами, заваленный книгами. За передней шли двѣ чистыя комнаты. Наверху гостиная и спальня докторши.

Домъ этотъ очень-старый, архитектуры самой фантастической, принадлежалъ отставному придворному служителю, старику лѣтъ семидесяти, жившему тутъ же, на дворѣ, въ маленькомъ флигелѣ, выходившемъ окнами въ небольшой садъ, также принадлежавшій къ дому и почти весь насаженный самимъ хозяиномъ. Больше не было жильцовъ въ этомъ домѣ, отдѣленномъ отъ всѣхъ сосѣднихъ зданій высокимъ заборомъ. Ворота, выходившія на улицу, были постоянно заперты, и въ домикъ входили узкою калиткою, на ночь крѣпко запиравшеюся, хотя послѣдняя предосторожность была совершенно-излишнею даже и потому, что

по двору день и ночь гуляла огромная собака, изъ породы па-стухъихъ, чрезвычайно-неуклюжая и толстая, но невольно-внушавшая къ себѣ нѣкотораго рода уваженіе; она рѣдко лаяла на посѣтителей, но показывала имъ два ряда такихъ бѣлыхъ и длинныхъ зубовъ, съ которыми не было никакой охоты по-знкомиться.

Хозяинъ дома былъ едва-ли не единственное существо, съ которымъ докторъ иногда разговаривалъ даже о пустякахъ. Часто, послѣ обѣда, выйдя въ садъ старика, докторъ толковалъ съ нимъ о городскихъ слухахъ, еще чаще о временахъ давно-минувшихъ. Старикъ помнилъ Великую Екатерину и не разъ видѣлъ, какъ она гуляла въ Царскосельскомъ Саду, гдѣ онъ былъ при-ставленъ смотрѣть за однимъ памятникомъ, воздвигнутымъ императрицею недалеко отъ Камероновой Галереи, противъ оконъ дворца. Много разсказовъ изъ этого блистательнаго вѣка сохранилось въ памяти старика, еще довольно-бодраго, хотя начинавшаго уже по временамъ мѣшаться въ своихъ разсказахъ. Онъ бралъ съ доктора весьма-небольшую плату за квартиру, да тотъ и не могъ бы платить много, потому-что дѣла его были не въ цвѣтущемъ состояніи. Объ этомъ ясно говорилъ даже первый взглядъ на мебель, которая содержалась въ совершенной чистотѣ, но давно уже требовала значительныхъ исправленій.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 18** года, докторъ вышелъ, озабоченный, изъ дома часу въ десятомъ утра, но вернулся черезъ полчаса съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ. Еще издали онъ уви-дѣлъ, что на его крыльцѣ сидитъ старикъ Васютинъ въ своемъ неизносимомъ военномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ погонами и шевронами, съ цѣлымъ рядомъ медалей на широ-кой груди. Солнце било прямо на непокрытую, совершенно-лы-сую голову старика, сгорбившагося въ раздумьи; у ногъ его ле-жала черная собака, ласково-завилившая кургузымъ хвостомъ при видѣ доктора, но неподнявшая головы, протянутой между перед-ними лапами.

— Здравствуй, Артамонъ Сергѣичъ, сказалъ докторъ, подходя къ крыльцу.

— Здравствуйте, батюшка, отвѣчалъ старикъ, повертывая къ нему морщинистое лицо. — Раненько вернулись. А я безъ васъ въ ваши володѣнья забрелъ.

— Ты, вѣрно, меня поджидалъ, прервалъ Грохѣвичъ, садясь противъ гостя, на другой выступъ крыльца. Въ голосъ его было

замѣтно смущеніе, въ глазахъ печаль, во всѣхъ движеніяхъ досада и нетерпѣніе.

— Нѣтъ, не поджидалъ, отвѣчалъ простодушно Васютинъ. — Думалъ, вы по больнымъ пошли.

— Какіе тутъ больные! Ходилъ въ почтовую контору. Вчера страховую повѣстку получилъ... Только это не о деньгахъ... Прийдется тебѣ еще немножко потерпѣть, Артамонъ Сергѣичъ. Вотъ соберусь увѣзжать изъ Царскаго, такъ продамъ мѣбель и книги разныя... сполна рассчитаюсь. Можешь быть увѣренъ, что еслибъ я получилъ деньги, то самъ бы къ тебѣ первому принесъ, и дожидаться тебѣ было бы меня незачѣмъ.

Въ послѣднихъ словахъ доктора была не только досада, но даже желчь. Старикъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и неудовольствіемъ и сказалъ сердитымъ тономъ:

— Вовсе и не думалъ я вашихъ денегъ дожидаться. У меня въ саду тѣнь, такъ я приобрелъ на ваше крылечко просто только старыя кости на солнцѣ погрѣть, а вы ужь сейчасъ и вообразили, будто я васъ ловлю. Нехорошо старика обижать, Семень Игнатьичъ! Вы у меня одиннадцатый годъ живете, стало-быть, знаете меня хорошо. Напоминалъ ли я хоть разъ вамъ о деньгахъ въ это время? Мнѣ хорошій жилецъ дорогъ, а не деньги— провалъ бы ихъ взялъ! мутятъ они только честныхъ людей. Вотъ и вы въ послѣднее время на себя непохожи стали, все надувшись ходите, даже и со мной напоследкахъ ссориться вздумали.

Эти простыя слова сильно подѣйствовали на доктора. Онъ покраснѣлъ и вскричалъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія:

— Прости меня, Артамонъ Сергѣичъ! У меня въ-самомъ-дѣлъ было столько заботы въ это время, что я легко могъ оскорбить другихъ, хоть и безъ всякаго намѣренія. Дай руку, добрый старикъ, и не сердись на меня.

— Вотъ такъ-то лучше! отвѣчалъ Васютинъ, сжимая въ своей сухой и желтой рукѣ красную, здоровую руку доктора: — и хоть сердиться мнѣ на васъ не приходится...

— Постой, Артамонъ Сергѣичъ, прервалъ Грохѣвичъ:—самымъ лучшимъ доказательствомъ, что ты все забылъ и не сердишься, будетъ, когда ты мнѣ станешь говорить *ты*. Я тебя ужь сколько разъ просилъ объ этомъ; ты не разъ и начиналъ, да послѣ все какъ-то опять на *вы* сводилъ.

— И самъ не знаю, какъ это дѣлалось. Говорить *ты* мнѣ не трудно, да у тебя иной разъ, вотъ какъ сегодня, лицо такое

важное, что подумаешь: начальство передъ тобой стойтъ; такъ языкъ самъ на вы и поворачиваетъ.

— Неужто я и теперь похожъ на начальство? спросилъ докторъ, смѣясь добродушно.

— Ну, теперь нѣтъ, оттого я и спрошу тебя: что съ тобой приключилось и отчего ты всѣ эти дни ходишь повѣся голову?

— Оттого, что нѣтъ денегъ, отвѣчалъ угрюмо Грохѳвичъ.

— Вотъ и опять нахмурился! Нѣтъ денегъ — большая бѣда! Нѣтъ у тебя, такъ у добрыхъ людей найдутся. Отчего у меня не спросилъ?

— Я и такъ тебѣ за полгода долженъ за квартиру.

— И не за полгода, а всего за какіе-нибудь пять мѣсяцевъ. Стоить и говорить объ этомъ! Тысячъ я, конечно, не могу тебѣ дать, а десятокъ другой краснѣшекъ найдется помочь хорошему знакомому.

— Но если я не знаю, какъ и когда могу отдать долгъ? вскричалъ докторъ, сжимая руку старика вмѣсто всякой благодарности.

— И это не бѣда! Не все ли равно, у меня, или у тебя лежатъ деньги? Я ихъ въ проценты не отдаю; пусть же лучше тебѣ на пользу пойдутъ, чѣмъ такъ въ комодѣ валяться будутъ. А вернутся завтра, или черезъ годъ — не одно ли и то же, коли мнѣ они неужны? Съ тебя получать — деньги вѣрныя.

— Вѣрныя! повторилъ съ горькимъ выраженіемъ Грохѳвичъ. — А что на свѣтъ вѣрнаго? Кажется, чего вѣрнѣе были тѣ тысяча рублей, которыя купецъ Непейпивинъ сулилъ мнѣ, если вылечу его сына!... Какъ было не рассчитывать на нихъ? Я даже кое-что впередъ взялъ, въ надеждѣ на эту сумму, и что же?... Ты помнишь, какая сильная горячка сдѣлалась съ этимъ купеческимъ сыномъ послѣ трехдневной попойки; помнишь, какъ сюда пріѣзжалъ отецъ, въ ноги кланялся, говорилъ, что головы своей не пожалѣетъ, если спасу его единоутробное дѣтище? Я двѣ ночи провелъ безъ сна у постели безпутнаго. Стало ему полегче; отецъ началъ поговаривать, что и тысячи рублей не пожалѣетъ, лишь бы сынокъ поднялся на ноги. Я подумалъ, что съ меня довольно будетъ и тысячи. Выздоровѣлъ сынокъ совсѣмъ — о благодарности нѣтъ и помину. Недѣль шесть ждалъ я и рѣшился наконецъ написать записку, въ которой напоминалъ ему, что я двѣ недѣли сряду по три раза въ день пріѣзжалъ къ больному, проводилъ подлѣ него цѣлыя ночи... Ты думаешь, легко мнѣ было написать это письмо? Еслибъ не крайность, рѣшился ли бы на это?

— Конечно, нѣтъ. Да вѣдь онъ прислалъ тебѣ отвѣтъ?

— На словахъ, съ прикащикомъ. Велѣлъ сказать, что сынъ его вовсе не такъ опасно былъ боленъ, и въ запечатанномъ конвертѣ прислалъ мнѣ пятьдесятъ рублей.

— Экой алтынникъ, прости Господи! сказалъ старикъ, качая головою.

— И насъ упрекаютъ въ жадности, продолжалъ съ жаромъ Грохѣвичъ: — тогда-какъ каждый больной только о томъ и думаетъ, какъ бы обмануть, если не смерть, такъ доктора.

— Ну ужъ и каждый! сказалъ съ неудовольствіемъ Васютинъ. — Нашелъ одного урода, такъ еще не значить, чтобъ вся семья была такая же. Тяжелая пора бываетъ съ каждымъ. Въ иное время пожмешься, въ другое будешь жить пошире.

— Нѣтъ я ужъ жмусь который годъ, а жить широко мнѣ и вовсе никогда не приходилось. Прихотничать я себѣ никогда не позволялъ, да и нѣ изъ чего было. Ты знаешь, что я въ годъ и двукъ тысячь не проживаю. Сначала получалъ я и больше: было кое-что и въ запасъ; теперь не осталось почти ровно ничего. Изъ Петербурга переѣхалъ я сюда, потому-что жизнь здѣсь скромнѣе, дешевле и уединеннѣе. Приходится теперь уѣзжать и отсюда. Получилъ сейчасъ письмо отъ одного стараго товарища, изъ Екатеринбургa: предлагаютъ мѣсто при одномъ заводѣ; жалованья восемьсотъ рублей, по-крайней-мѣрѣ не умремъ съ женою съ голоду. Я ужъ почти рѣшился. Только вотъ не знаю, гдѣ денегъ взять на дорогу.

— Я ужъ говорилъ, что деньги найдутся, только, правду сказать, не на такое употребленіе хотѣлось бы отдавать ихъ. Десять лѣтъ прожили мы мирно; врядъ ли мнѣ найти опять такого хорошаго жильца.

Докторъ невольно улыбнулся при этомъ немножко-эгоистическомъ сожалѣніи старика и отвѣчалъ:

— Чтò жъ дѣлать, Артѣмонъ Сергѣичъ! Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше. Легко можетъ быть, что я и ошибусь: я уже пробовалъ въ старыя годы служить, да несовсѣмъ-удачно. А уѣхать все-таки надо будетъ непременно, и твое предложеніе — ссудить меня нѣсколькими сотнями, выводитъ меня изъ затруднительнаго положенія. Продажа моея мебели и книгъ выручить хоть часть этихъ денегъ, а остальные...

— Нѣчего тутъ о продажѣ толковать, прервалъ Васютинъ съ сердцемъ: — за всю-то мебель твою — не прогнѣвайся — дадутъ ал-

тыиъ безъ гривны, а безъ книгъ ты и дня не проживешь—это я знаю; онъ тебѣ нужнѣ хлѣба. Богъ тебя въдаетъ, чего ты въ нихъ доискиваешься, роясь съ утра до ночи—это твое дѣло; но я былъ бы дурной человекъ, еслибъ вздумалъ лишить тебя одной книжицы, хоть по мнѣ всѣ онѣ гроша не стоятъ. Для меня гораздо-прятнѣе было бы, еслибъ ты у меня со всѣми твоими книгами остался.

— Радъ бы и самъ, да нельзя, старинушка. Самъ видишь, каково мое житье: бьюсь, какъ рыба объ ледъ! отвѣчалъ со вздохомъ Гроховичъ.

— Все еще можетъ обдѣлаться. Пошлетъ тебѣ судьба невидимо какого-нибудь хорошаго больнаго—и все поправится.

Докторъ не могъ опять удержать улыбки и сказалъ :

— Пошлетъ либо нѣтъ, а до-тѣхъ-поръ самъ захвораешь съ сухояденья. Будь я одинъ—перенесъ бы и не то еще; а жену заставлятъ голодать не приходится... Ну, да чтò толковать о томъ, что ужъ почти рѣшено. И въ Екатеринбургѣ люди живутъ; можетъ быть, я тамъ и поправлюсь, а ты найдешь жильца и лучше меня. Я вотъ всего десять лѣтъ у тебя жилъ, а ты говорилъ, что первый твой жилецъ жилъ двадцать-три года.

— Это былъ не первый, отвѣчалъ старикъ, одушевляясь, что случалось съ нимъ всегда, когда заговаривали о старинѣ. Прежде всего въ моемъ домикѣ жила вдова нашего мундшенка, хорошая женщина, только по два кофейника въ день кофею выпивала, а въ кофейникъ чашекъ десять будетъ. Лѣтъ шесть она у меня жила; тутъ и Богу душу отдала. Доктора говорили, что отъ кофею же у нея какая-то тамъ жила лопнула. Это ужъ послѣ нея отставной секунд-майоръ Чухачевъ цѣлые двадцать-три года у меня выжилъ. Золотой человекъ былъ, только тоже трубку такъ курилъ, что отъ его табачища чуть не всякій годъ стѣны бѣлить приходилось. На взглядъ изъ себя куда молодецъ былъ, съ косяку сажень; гаркнетъ, бывало, такъ, что руки у тебя сами по швамъ вытягиваются; усища—взглянуть страшно, а въдъ поди жь, и храбрый человекъ былъ, и подъ турку ходилъ, и Очаковъ бралъ, а, бывало, противъ Марѣи Терентьевны (это его ключница была, всѣмъ хозяйствомъ правила) хоть бы словечко! изъ ея воли ни на шагъ... Только, кажется, я ужъ обо всемъ этомъ рассказывалъ, прибавилъ старикъ, видя, что докторъ задумался, слушая его болтовню.

Но докторъ былъ радъ отвлечь мысли отъ своего собственнаго, неутѣшительнаго положенія и отвѣчалъ поспѣшно:

— Я слышалъ объ этомъ прежде не такъ подробно. Сдѣлай одолженіе, рассказывай.

— Ну, такъ вотъ я про Чухачева говорилъ, сколько лѣтъ онъ у меня жилъ. Прожилъ бы онъ, я думаю, и вдвое больше; никакая болѣзнь, кажется, не одолѣла бы такого здоровяка; отродясь ничѣмъ не лечился. Только Марѳа Терентьевна вздумай простудиться, что-ли, да и умерла ни съ того, ни съ сего, неожиданно-негаданно, а онъ-то, сердечный, съ горя, что-ли, почитай-что съ самыхъ ея похоронъ началъ кутить, что называется, и въ хвостъ и въ голову. Хотѣлъ ли онъ потерянное время наверстать, или просто на него такой стихъ нашелъ, только не прошло и году, какъ онъ загулялся до того, что отправился вслѣдъ за Марѳой Терентьевной.

— Стало-быть, я у тебя третій жилецъ? сказалъ докторъ, видя, что старикъ задумался, вѣроятно, надъ брэнностью всего мірскаго и надъ участью храбраго майора, боявшагося только Марѳы Терентьевны.

— Третій, коли не считать одного шаромыжника, который, послѣ майора, у меня съ полгода прожилъ, въ квартирѣ только напачкалъ, а заплатилъ всего пять рублей задатку. Насилу я его выжилъ. Послѣ него квартира стояла почти годъ пустая. Охотниковъ на нее и много было, да я все порѣшить боялся: люди несовсѣмъ-надежные были. Ну, а какъ ты пришелъ нанимать, я тотчасъ увидѣлъ, что тутъ мнѣ бояться нечего, и хоть я не изъ такого званія, чтобъ хворать приходилось, все же, думаю, доктора въ домъ держать не мѣшаетъ: не ровенъ случай, вонъ мой сосѣдъ и никогда боленъ не былъ, а угораздило его съ крыльца упасть да расшибиться; покуда за докторомъ бѣгали, да кровь пустить собирались—тогда еще у меня майоръ жилъ—сосѣдъ-то пометался, пометался, да и Богу душу отдалъ.

— Я, однакожь, тебѣ ровно ни въ чемъ не былъ полезенъ, хоть и одиннадцатый годъ живу.

— Ну, не мнѣ, такъ все-равно моему Кэлибану пособилъ. Помнишь, какъ его цѣлая стая собакъ чуть до смерти не загрызла? Ты самъ ему примочки, да перевязки дѣлалъ.

И старикъ ласково погладил свою собаку, которая, полѣнившись поднять голову, выказала хвостомъ удовольствіе при ласкахъ хозяина.

— А что, я забылъ: который это у тебя Калибанъ? спросилъ, смѣясь, докторъ.—Вѣдь у тебя ихъ, кажется, было столько же, какъ и жильцовъ.

— Ну нѣтъ! собаки не такъ живущи, какъ люди, отвѣчалъ съ важнымъ видомъ Васютинъ.—Домикъ-то я отстроилъ въ самый годъ смерти блаженной памяти матушки императрицы, и три жильца легко могли прожить лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, а собака эта у меня уже седьмая.

— И все Калибаны?

— Все Калибаны. Съ-тѣхъ-поръ, какъ матушка Катерина Алексѣевна, прогуливаясь по саду, изволила увидѣть мою Жучку и сказала «экой Калибанъ!», я всѣхъ моихъ собакъ зову этимъ же именемъ. Да и само-по-себѣ имя это хорошее, англійское. Мнѣ говорилъ секунд-майоръ, что тамъ у нихъ этакъ одного важнаго генерала звали.

Докторъ засмѣялся и хотѣлъ ужь разочаровать старика на счетъ важности имени его собаки, какъ вдругъ англійскій генералъ вскочилъ на ноги, наострилъ уши и, глядя на калитку, заворчалъ самымъ негостеприимнымъ басомъ.

Въ то же-время брякнула защелка, и въ калиткѣ показался молодой человѣкъ, въ камлотовой шинели. Слегка приподнявъ шляпу, онъ спросилъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ:

— Здѣсь живетъ докторъ Грохѡвичъ?

— Здѣсь, батюшка! закричалъ старикъ, приподнимаясь съ крыльца.

И, прикрикнувъ на Калибана, чтобъ прекратить все еще продолжавшееся ворчанье, Васютинъ сказалъ тихо доктору, въ то время, какъ молодой человѣкъ подходилъ къ крыльцу:

— Вотъ ты на судьбу жаловался, а она тебѣ, можетъ, благодѣтеля посылаетъ. Это, вѣрно, хорошій больной.

— Могла бы судьба выбрать благодѣтеля и попрезентабельнѣе, проворчалъ Грохѡвичъ, тоже спускаясь съ подъѣзда навстрѣчу посѣтителю въ то время, какъ старикъ, не желая мѣшать объясняться прибывшему гостю, тихими шагами отправился къ своему флигелю въ сопровожденіи Калибана, часто останавливавшася на дорогѣ и очень-недружелюбно поглядывавшаго на молодого человѣка.

II.

Надо было имѣть слишкомъ-много недоувѣрчивости и мизантропіи, чтобъ остаться недовольнымъ, какъ докторъ, первымъ впечатлѣніемъ, которсе произвелъ посѣтитель. Это былъ стройный мужчина, средняго роста, лѣтъ двадцати-трехъ, сильный блондинъ съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, маленькимъ ртомъ, прямымъ носомъ. Его можно было бы назвать красавцемъ, еслибъ пріятное выраженіе лица его не портили слишкомъ-маленькіе глаза и брови такія бѣлыя и такія рѣдкія, что ихъ было почти вовсе-незамѣтно. Недостатокъ этотъ выкупался чрезвычайно-изящными манерами и тономъ совершенной порядочности, господствовавшей въ каждомъ движеніи молодаго человѣка.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ докторомъ Грохдвичемъ? сказалъ онъ, останавливаясь передъ нимъ съ легкимъ поклономъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Чтѣ прикажете? спросилъ тотъ несовсѣмъ ласковымъ тономъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ за консультаціей, и просилъ бы васъ подарить мнѣ съ четверть часа времени, если пациенты ваши не требуютъ въ настоящую минуту вашихъ попеченій.

— Я совершенно-свободенъ и готовъ васъ слушать. Не угодно ли пройти въ мой кабинетъ?

И докторъ провелъ посѣтителя въ угловую комнату. Молодой человѣкъ окинулъ быстрымъ, но внимательнымъ взглядомъ нероскошное убранство комнатъ, черезъ которыя онъ проходилъ, и той, въ которой остановился.

— Садитесь, пожалуйста, сказалъ хозяинъ, показывая гостю на простое кожаное кресло и усаживаясь въ вольтеровское, сильно-потертое и обветшалое.

Гость сѣлъ совершенно-свободно и началъ чрезвычайно-пріятнымъ голосомъ, въ которомъ было что-то мелодическое:

— Предметъ, о которомъ я буду говорить, весьма-важенъ, но я, конечно, не имѣю надобности просить васъ, чтобъ нашъ разговоръ не переходилъ за стѣны этой комнаты, въ случаѣ отказа вашего въ помощи, совѣтъ и содѣйствіи.

Молодой человѣкъ остановился, ожидая услышать въ отвѣтъ, одну изъ обыкновенныхъ фразъ учтивости: но докторъ пристально смотрѣлъ на него и не говорилъ ни слова. Гость продолжалъ:

— Впрочемъ, не имѣя чести знать васъ лично, я столько слышала о вашей готовности помогать во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, не говоря ужь о вашемъ знаніи, что прибѣгнула къ вамъ безъ малѣйшаго опасенія быть отвергнутымъ вами.

Докторъ съ минуту помолчалъ и послѣ такой фразы. Это немного удивило посѣтителя, хотя онъ не показалъ виду, что молчаніе Грохдовича было даже неучтивостью. Оно было прервано наконецъ слѣдующими словами доктора :

— Чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ меньше понимаю, какого рода болѣзнь могла бы быть у васъ, и еще такая, которую должно хранить въ-тайнѣ.

Гость улыбнулся въ отвѣтъ на несовсѣмъ-деликатное замѣчаніе хозяйина и сказалъ :

— Вы, вѣрно, фізіономистъ?

— Большой.

— И вы не отыскиали въ чертахъ моего лица признака ни одной болѣзни?

— Ни одной; развѣ...

— Я прошу васъ досказать вашу мысль, говорилъ гость самымъ спокойнымъ тономъ, видя, что докторъ остановился.

— Развѣ фізіономія ваша принадлежитъ къ исключеніямъ. Вы знаете, что и великій Лафатеръ принялъ портретъ Гердера за извѣстнаго мошенника.

— Обратная ошибка была бы непріятнѣе для основателя фізіономики, сказалъ еще спокойнѣе молодой человекъ, разглаживая свои желтыя перчатки. — Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ показанія вашей науки не обманули васъ. Я совершенно-здоровъ и пришелъ просить вашей помощи не для себя, а для моего брата.

— Я васъ слушаю, проговорилъ докторъ весьма-сухо, чувствуя какое-то предубѣжденіе противъ посѣтителя, Впрочемъ, ровно ничѣмъ-неоправдываемое.

— Прежде всего позвольте назвать себя: я губернской секретарь Корсаинскій, состою по особымъ порученіямъ при департаментѣ...

— Если дѣло идетъ не о васъ, то мнѣ кажутся излишними всѣ эти подробности, прервалъ докторъ, не скрывая своего нетерпѣнія и раздражаясь тѣмъ болѣе, чѣмъ гость становился учтивѣе.

Нисколько не смутившись, Корсалинскій продолжалъ говорить тѣмъ же ровнымъ, мелодическимъ голосомъ:

— Вы сказали мнѣ, что въ настоящую минуту ни одинъ изъ вашихъ пациентовъ не требуетъ вашей помощи, а потому я рѣшился распространиться нѣсколько о себѣ и о нашемъ семействѣ. Думаю даже, что вамъ будетъ необходимо знать многое, чтобъ оцѣнить вполнѣ наше положеніе и важность болѣзни бѣднаго брата. Если геній дѣйствительно терпѣливъ, то доктора лучше всего доказываютъ эту мысль.

Грохъвичъ почувствовалъ при этомъ тонкомъ упрекѣ, что было бы несправедливо и странно, увлекаясь безотчетнымъ нерасположеніемъ къ человѣку, отнимать у самого себя возможность помочь другому, и потому сказалъ, смягчая, сколько могъ, свой рѣзкій голосъ:

— Прошу васъ рассказать мнѣ во всей подробности все, что относится до вашего брата и его болѣзни, и не обращать вниманія, если въ моихъ словахъ что-нибудь покажется вамъ рѣзкимъ. Я человѣкъ не свѣтскій и выражаюсь иногда немножко жестко, но готовъ помогать каждому всѣмъ, чѣмъ могу.

— Я вполнѣ убѣжденъ въ этомъ, отвѣчалъ Корсалинскій съ легкимъ наклоненіемъ головы. Чтожь касается до свѣтскости обращенія, то давно извѣстно, что она только внѣшній лоскъ, прикрывающій очень-часто внутреннюю пустоту, тогда-какъ наука и истина выражаются прямо и безъ фразерства.

Оба опять замолчали; одинъ—сбираясь рассказывать, другой—приготавливаясь слушать. Гость прервалъ молчаніе вопросомъ:

— Не лучше ли будетъ намъ говорить попольски?

— Зачѣмъ это? Вы такъ хорошо говорите порусски, несмотря на то, что носите польскую фамилію, а я вовсе не такъ хорошо знаю польскій языкъ, какъ русскій.

— Развѣ вы не полякъ? спросилъ гость тономъ нѣсколько-выше прежняго.

— Я чехъ, родился въ Прагѣ, но привезенъ въ Россію ребенкомъ; здѣсь учился я, воспитывался и сдѣлался вполнѣ-русскимъ, кромѣ одной религіи.

— Такъ вы католикъ?

— Нѣтъ, лютеранинъ.

Что-то похожее на неудовольствіе мелькнуло въ чертахъ посетителя; но чувство это было такъ мимолѣтно, что его не под-

мѣтилъ бы самъ Лафатеръ. Черезъ нѣсколько секундъ гость говорилъ ужь съ величайшимъ спокойствіемъ.

— По вашей фамиліи я заключалъ, что мы земляки. Впрочемъ, это совершенно-постороннее обстоятельство, и вы позволите мнѣ обратиться къ главному предмету моего посѣщенія.

Докторъ слегка наклонилъ голову. Посѣтитель продолжалъ :

— Мой братъ воспитывался въ одномъ учебномъ заведеніи и вышелъ, шесть лѣтъ назадъ, однимъ изъ первыхъ учениковъ. Обладая независимымъ состояніемъ, принадлежа къ лучшимъ нашимъ фамиліямъ, умный, добрый, образованный, онъ могъ рассчитывать на самую блестящую будущность. Судьбѣ угодно было опрокинуть всѣ наши надежды, отравить всю жизнь бѣдной матери, любившей сына больше жизни.

— Чѣмъ же онъ захворалъ? спросилъ докторъ.

— Болѣзнь его была сначала моральная. Еще въ училищѣ онъ нѣсколько беспокоилъ родителей чрезвычайною экзальтаціею своего характера, доходившею до высшей степени раздражительности, если желанія его встрѣчали неожиданное сопротивленіе. Энтузіастъ и сангвиникъ, онъ увлекался часто первымъ впечатлѣніемъ, готовъ былъ жертвовать всѣмъ тому, что не заслуживало даже вниманія. Первое время, по выпускѣ изъ училища, увлеченіе заставляло его дѣлать проступки, заслуживающіе порицанія, но не компрометирующіе его званія и положенія въ свѣтѣ. Я не сказалъ вамъ еще, что братъ мой носитъ фамилію и титулъ графа Перскаго. Графиня ужь по смерти своего мужа вышла за моего отца. Мы сводные братья съ графомъ.

Докторъ молча нагнулъ голову. Посѣтитель продолжалъ.

— Вскорѣ же по выходѣ изъ заведенія, братъ мой имѣлъ несчастіе сблизиться съ одною особою, вдовою какого-то разночинца. Матушка не обратила сначала никакого вниманія на это знакомство, какъ на простую прихоть молодыхъ лѣтъ, которая, по всей вѣроятности, не могла быть продолжительна. Вышло напротивъ: съ каждымъ годомъ пылкій и настойчивый молодой человекъ привязывался все болѣе-и-болѣе къ этой женщинѣ, которая, не говоря ужь о ея низкомъ званіи и образованіи, была чуть-ли не десятью годами старше графа. Сверхъ-того, онъ имѣлъ неосторожность не скрывать своихъ отношеній къ ней и держалъ себя такъ, что матушка вынуждена была замѣтить ему все неприличіе его поведенія и просила принять мѣры къ прекращенію дурныхъ слуховъ, ходившихъ о немъ въ высшемъ кругу. Знае-

те ли, что отвѣчалъ на это молодой человѣкъ? Что онъ не хочетъ обращать никакого вниманія на свѣтскіе пересуды и не видитъ ничего предосудительнаго въ своихъ отношеніяхъ къ той, которая будетъ его женою.

Корсалинскій остановился, вѣроятно, желая видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на доктора слова эти; но тотъ сидѣлъ очень-спокойно и только кивнулъ головою, какъ-будто приглашая продолжать разсказъ.

— Можете представить себѣ, что почувствовала бѣдная мать при этихъ словахъ. Ни упреки, ни просьбы, ни слезы, ни самыя ясныя убѣжденія въ нецѣлности подобнаго поступка — ничто не дѣйствовало. Докторъ долженъ все знать, и потому я не скрываю отъ васъ, что графъ сдѣлалъ матушкѣ очень-непріятную сцену по этому случаю, былъ даже непочтителенъ къ ней... Потомъ ужъ мы узнали, что онъ не владелъ собою въ эту минуту, потому-что мыслящія способности его были въ нѣкоторомъ разстройствѣ. Этому же несчастному состоянію можно приписать странную привязанность его и упорство въ своемъ намѣреніи жениться чуть не на мѣщанкѣ. Съ этой минуты молодой человѣкъ сталъ непохожъ на себя. Онъ пренебрегъ всѣми связями родства и знакомства и проводилъ цѣлые дни въ обществѣ этой женщины, опутавшей его такъ хитро и ловко, что онъ погибалъ совершенно. Онъ говорилъ даже, что давно бы женился на ней, но что она сама просила его подождать и убѣдиться, дѣйствительно ли страсть его такъ сильна, какъ ему кажется. Видя, что на ослѣпленнаго молодаго человѣка ничто не дѣйствовало, родные графа обратились къ этой авантюристкѣ, предлагали ей самыя выгодныя условія, чтобъ она отказалась отъ графа, и эта женщина, очень-хорошо понимавшая свою власть надъ нимъ, вздумала въ нашихъ глазахъ разыгрывать роль деликатной дамы хорошаго круга съ возвышенными чувствами. Она уѣхала изъ Петербурга.

— И графъ не повѣхалъ за нею! сказалъ докторъ болѣе восклицательнымъ, нежели вопросительнымъ тономъ.

— Она запретила ему слѣдовать за собою; онъ не смѣлъ послушаться, но съ-тѣхъ-поръ началъ такъ грустить и чахнуть, что вскорѣ захворалъ, впрочемъ, неопасно. Мы были вполнѣ убѣждены, что непонятная страсть пройдетъ вмѣстѣ съ болѣзнью. Временное несчастіе и страданіе можно всегда предпочесть поступку, который кладетъ пятно на цѣлое семейство.

— Какой болѣзью захворалъ графъ? спросилъ докторъ въ отвѣтъ на этотъ глубокомысленный афоризмъ.

— Весьма-обыкновенною. Нашъ домашній докторъ называлъ ее простымъ упадкомъ силъ, ослабленіемъ организма, атонією, реакцію жизненнаго начала противъ чрезмѣрнаго напряженія нервъ чувствованія и воображенія.

— И вы хотите, чтобъ я вылечилъ графа отъ этой болѣзни?

— О нѣтъ! Мы бы не стали беспокоить васъ въ такомъ обыкновенномъ случаѣ. Нашъ докторъ ручался за выздоровленіе больного; къ-несчастью, предметъ его страсти вернулся въ то самое время, когда больной былъ доведенъ кровочистительными лекарствами до той спасительной слабости, послѣ которой долженъ былъ наступить переворотъ и состояніе больного улучшиться. Авантюристка стала увѣрять, что вернулась для того только, чтобъ спасти графа, что онъ умеръ бы, еслибъ она промедлила еще нѣсколько дней. Доказательствомъ, какъ было мало опасно его положеніе, служитъ то, что графъ выздоровѣлъ черезъ нѣсколько недѣль. Очевидно, что съ ея стороны это была тонко-разсчитанная комедія, цѣлью которой было привязать къ себѣ графа еще болѣе, выставивъ себя его спасительницей. Цѣль была исполнѣ достигнута. Выздоровѣвъ тѣломъ, братъ еще болѣе захворалъ духомъ. Онъ началъ настаивать на скорѣйшемъ бракѣ, говоря, что не она ему, а онъ ей будетъ обязанъ въ этомъ случаѣ... Графъ Перскій будетъ обязанъ госпожѣ Лепехиной, женившись на ней!

Посѣтитель вышелъ при этихъ словахъ изъ роли хладнокровнаго разскащика; щеки его горѣли огнемъ благороднаго негодованія, голосъ звучалъ тономъ оскорбленнаго достоинства. Докторъ началъ принимать участіе въ этой исторіи.

— Мы не знали, на что рѣшиться при такомъ упрямствѣ и ослѣпленіи и съ-тѣхъ-поръ начали подозрѣвать графа въ разстройствѣ умственныхъ способностей. Подозрѣнія наши оказались вскорѣ же основательными...

— Графъ Перскій женился на госпожѣ Лепехиной? спросилъ докторъ съ отгѣнкомъ ироніи.

— Онъ не успѣлъ этого сдѣлать, отвѣчалъ глухо Корсаинскій. Авантюристка, по-счастью, умерла скоропостижно отъ апоплексическаго удара, но смерть ея обнаружила то, чего мы давно опасались: графъ оказался страждущимъ помѣшательствомъ ума.

— Онъ помѣшался! вскричалъ докторъ въ волненіи.

— Не совсѣмъ. Графъ не похожъ на обыкновеннаго сумасшедшаго. Онъ не выходитъ изъ себя и говорить обо всемъ очень-логично, кромѣ, разумѣется, своей покойницы, выше которой онъ не признаетъ ничего на свѣтѣ, и противорѣчіе въ этомъ случаѣ раздражаетъ его до послѣдней степени; но его вообще очень-трудно заставить говорить о чемъ бы то ни было, и мы, бывало, по цѣлымъ недѣлямъ не могли добиться отъ него ни слова. Очень-тихий и покорный, онъ исполняетъ все, что ему скажутъ, но самъ не попроситъ даже куска хлѣба, хотя бы не ѣлъ двое сутокъ — докторъ нашъ пробовалъ это. Онъ вообще называетъ это легкимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, происходящимъ отъ глубокой меланхолии, временной атрофіей мозговой системы, вслѣдствіе пораженія разсудочныхъ нервовъ.

— И вашъ докторъ вѣрно не успѣлъ вылечить атрофіи, какъ не вылечилъ атоніи? спросилъ Грохѣвичъ.

— Не только онъ, но и всѣ лучшіе доктора, испытывавшіе послѣдствіи надъ больнымъ извѣстные способы леченія, не могли привести его въ прежнее состояніе, и въ-особенности побѣдить его упорное молчаніе. Ни ласками, ни угрозами нельзя было добиться отъ него ничего, кромѣ односложныхъ, отрывистыхъ отвѣтовъ. Поэтому всѣ рѣшили ждать отъ времени улучшенія его состоянія и предписали только одно: совершенное, по возможности, спокойствіе духа и отстраненіе всего, что можетъ раздражить больного.

— Эта система кажется мнѣ самую лучшую въ подобныхъ болѣзняхъ. Но, искренно сожалѣя о молодомъ человѣкѣ, я все-таки не вижу, чѣмъ могу быть полезенъ вамъ въ этомъ случаѣ. Вѣроятно, вы не потребуете, чтобы я взялся лечить его послѣ того, какъ отъ него отказались лучшіе врачи, да я и не возьмусь за это, потому-что не занимался специально изученіемъ болѣзней ума.

— Я пріѣхалъ просить васъ отъ имени всего глубоко-пораженнаго семейства, если не лечить больного, то слѣдить за нимъ, окруживъ его всѣми попеченіями вашего бдительнаго и просвѣщеннаго надзора. Вы понимаете, что въ Петербургѣ, въ нашемъ домѣ, по необходимости открытомъ для всѣхъ родственныхъ и общественныхъ связей, больной не могъ бы пользоваться тѣмъ спокойствіемъ, которое такъ необходимо для него; о помѣщеніи же его въ заведеніе, гдѣ получаютъ пособіе науки подобные

ему страдальцы, не могло быть и рѣчи. Путешествіе съ нимъ было бы и затруднительно, да и неодобрено врачами, нашедшими, что ѣзда въ экипажахъ можетъ скорѣе повредить, нежели принести пользу. Поэтому мы рѣшились помѣстить его здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, близкомъ къ городу, изъ котораго его родные могутъ слѣдить за перемѣнами его состоянія, и въ то же время отдаленномъ отъ столичнаго шума. Вашъ домъ, по нашему мнѣнію, соединяетъ всѣ удобства такого рода жизни, который можетъ значительно улучшить положеніе бѣднаго больного, и я увѣренъ, что вы изъ челоѣколюбія не откажете убитой горестью матери надзирать за ея сыномъ и облегчать, чѣмъ можно, его тяжелую болѣзнь.

Гроховичъ, неожиданный подобнаго предложенія, сильно не понравившагося ему, хотѣлъ отвѣчать отказомъ, но Корсалинскій прервалъ его словами:

— Я прошу васъ не рѣшаться вдругъ, не отнимать однимъ словомъ единственной надежды у огорченнаго семейства, но обдумать мое предложеніе, ни въ какомъ случаѣ неналагающее на васъ отвѣтственности. Мы готовы ко всему худшему и даже, въ случаѣ потери страдальца, будемъ отъ всей души благодарны вамъ за то, что вы, конечно, до послѣдней минуты будете облегчать его страданія. Если же положеніе его улучшится, вы одни будете виновникомъ радости всѣхъ родныхъ, вамъ однимъ будетъ обязано все семейство. Вамъ дается полное право поступать съ больнымъ по вашему усмотрѣнію; надзоръ за нимъ не долженъ нисколько стѣснять вашей всѣдневной практики: больной такъ тихъ, что вы можете смѣло оставлять его на цѣлые дни безъ присмотра; онъ не встанетъ съ своего мѣста цѣлый день, если ему не напомнить объ этомъ. Въ этихъ бумагахъ вы найдете свидѣтельство докторовъ о помѣшательствѣ графа, разрѣшеніе вамъ принять его къ себѣ въ домъ для пользованія и предложенія касательно условій этого пользованія, которыя вы можете измѣнить вполнѣ по вашему усмотрѣнію.

Корсалинскій очень ловко положилъ на столъ доктора нѣсколько бумагъ и поклонился ему съ совершеннымъ почтеніемъ, прибавивъ:

— Завтра, въ эти же часы, я буду имѣть честь явиться за отвѣтомъ, а до-тѣхъ-поръ позвольте мнѣ увѣрить васъ въ искреннемъ моемъ уваженіи къ вашимъ познаніямъ, и столько же, какъ на нихъ, надѣяться на ваше доброе сердце.

Потомъ, поклонившись еще разъ хозяину, гость не далъ ему сказать ни слова и исчезъ чрезвычайно-быстро. По уходѣ его, докторъ погрузился въ раздумье, потомъ перебралъ бумаги, оставленныя посѣтителемъ: все было въ порядкѣ; предложенія самыя щедрыя: триста рублей въ мѣсяцъ, не считая въ этой суммѣ того, что потребовалось бы на лечение, содержаніе и даже развлеченія больного; въ случаѣ же его выздоровленія та же сумма должна была обратиться въ пожизненный пансіонъ. На случай принятія докторомъ этихъ условій, триста рублей за апрѣль были приложены къ бумагамъ въ видѣ документовъ. Докторъ задумался еще сильнѣе.

Передъ нимъ открывалась перспектива жизни въ довольствѣ, безъ заботъ и лишеній, жизни, вполне обеспеченной и спокойной. Онъ не издерживалъ въ годъ и двухъ тысячъ, следовательно, могъ легко даже откладывать больше тысячи на черный день. Слѣдить за страннымъ больнымъ, можетъ-быть даже облегчить его участь и во всякомъ случаѣ оставить наукѣ нѣсколько добросовѣстныхъ данныхъ—было также чрезвычайно-пріятно и лестно. И что мѣшало ему согласиться на это? Предубѣжденіе противъ своднаго брата, ничѣмъ, впрочемъ, неподтвержденное и неоправданное, кромѣ нѣкоторыхъ фیزیомическихъ признаковъ и двухъ-трехъ неловкихъ фразъ, вырвавшихся у него въ жару разговора. Но фразы легко могли быть сказаны, вовсе не съ тѣмъ намѣреніемъ, какое придавалъ имъ докторъ, а въ фیزیономикѣ, какъ извѣстно, больше исключеній, чѣмъ правилъ.

Поэтому, немудрено, что, взвѣсивъ всѣ *pro* и *contra*, Грохъ-вичъ рѣшился принять предложеніе Корсалинскаго и посвятить себя, если не исключительно, то преимущественно наблюденію за его помѣшаннымъ братомъ. Что касается до леченія, докторъ понималъ необходимость въ этомъ случаѣ предварительнаго и близкаго ознакомленія съ родомъ болѣзни, характеромъ и всею предыдущею жизнью пациента. Разсказъ брата о причинахъ этой болѣзни, хотя, повидимому весьма-подробный и откровенный, казался доктору темнымъ и неправдоподобнымъ во многихъ обстоятельствахъ.

Обдумавъ планъ дѣйствія въ-отношеніи къ больному, докторъ отправился наверхъ разсказать женѣ обо всемъ случившемся.

Двѣ комнатки мезонина, занимаемая докторшею, были убраны еще опрятнѣе тѣхъ, въ которыхъ жилъ докторъ; въ первой было нѣсколько плетеныхъ стульевъ, диванъ, обитый самою простою

шерстяною матерією темнаго цвѣта, сильно-помянутою, и небольшой буфетъ съ посудой, сервизомъ, бѣльемъ и другими хозяйственными вещами. Въ другой маленькой узкой комнатѣ стояли два шкапа: одинъ съ книгами, другой съ платьемъ, простой комодъ и столъ съ письменнымъ приборомъ; въ углу желѣзная кровать, съ кожаными подушками и матрацомъ, накрытая байковымъ одѣяломъ; у окна дамскій рабочій столикъ и старое вольтеровское кресло. Въ комнатѣ было замѣтно отсутствіе всякаго рода туалетныхъ бездѣлокъ и дамскихъ работъ: не было ни пялецъ, ни вязаній, ни бумажекъ съ разными вышиваньями, надъ тѣмъ наши дамы такъ добродушно тратятъ время и такъ добросовѣстно портятъ глаза.

Докторша сидѣла подъ окномъ въ креслахъ, за очень-прозаической работой: она зашивала перчатки мужа; передъ нею лежало ихъ нѣсколько паръ поношенныхъ, но крѣпко зашитыхъ. Она была въ черномъ платьѣ съ высокимъ гладкимъ лифомъ, довольно-короткою юбкою, безъ всякихъ волановъ, изъ-подъ которой видны были чрезвычайно-маленькія ноги, обутыя въ простые кожаныя башмаки. Простой, отогнутый каленкоровый воротничокъ, безъ всякаго шитья, обнажалъ загорѣлую шею; на платьѣ не было ни бантиковъ, ни пуговокъ, ни ленточекъ, ни уборокъ, ничего лишняго; одинъ толстый снурокъ съ маленькими кистями стягивалъ чрезвычайно-тонкую талію докторши, несмотря на то, что она была безъ корсета. Вообще докторша была довольно-худая; грудь у нея была совершенно-плоская, лицо блѣдное, мало оживленное, но очень-выразительное, глаза большіе голубоватые, смотрѣвшіе на все спокойно, даже немножко-гордо, носъ правильный, ротъ маленькій, только губы тонкія, сухія. Волосы, почти совершенно-свѣтлые, спереди постоянно причесывались гладко и, раздѣляемые прямымъ проборомъ посерединѣ, закрывали съ обѣихъ сторонъ верхнюю часть лба и ушей; сзади, заплетенные въ одну косу, они приподнимались кверху и затыкались на затылкѣ простымъ гребнемъ. Докторша не носила серегъ, и только одно обручальное кольцо свѣтилось на пальцѣ правой руки. Вообще нельзя было сказать, что она хороша собою, но во всѣхъ чертахъ лица ея, въ жестахъ, въ движеніяхъ, было что-то чрезвычайно-граціозное, непоражающее съ перваго взгляда, но тѣмъ не менѣе привлекательное, въ особенности, совершенною безыскусственностью. Отъ нея вѣяло тихимъ, чистымъ спокойствіемъ, дѣйствовавшимъ на душу какъ-то отрадно и примирительно.

Докторъ поздоровался съ женою и поцаловалъ ее въ лобъ, отведя немного въ сторону ея волосы. Она взяла его руку и крѣпко поцаловала ее. Онъ сталъ противъ нея къ окну и разсказалъ всю исторію помѣшаннаго. Докторша слушала сначала спокойно, но потомъ судьба больного заинтересовала ее.

— Такъ ты рѣшилъ взять его къ себѣ и лечить? спросила она, по окончаніи разсказа.

— Да; и ты должна помочь мнѣ въ этомъ, отвѣчалъ онъ.

— Ты думаешь, что я могу принести какую-нибудь пользу больному?

— Я убѣжденъ въ этомъ. Больные такого рода довѣрчивѣе къ женщинамъ. Лечение въ этомъ случаѣ должно быть моральное, а не физическое. Женщина можетъ имѣть больше вліянія; она способнѣе ходить за больнымъ, возбудить въ немъ участіе, расположеніе къ откровенности. Во время моихъ отлучекъ ты должна даже будешь совершенно замѣнять меня. Я надѣюсь, что мы общими силами облегчимъ болѣзнь пациента, тѣмъ больше, что, сколько я могъ замѣтить изъ разсказа, помѣшательство его вовсе не такъ сильно, чтобъ быть безнадежнымъ.

— Я употреблю, конечно, всѣ усилія, чтобъ помочь ему; буду ходить за нимъ, какъ за своимъ сыномъ, сказала докторша, и послѣднія слова ея зазвучали какъ-то особенно-грустно.

Докторъ также опустилъ голову и продолжалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Ты будешь сообщать мнѣ свои замѣчанія о положеніи больного и предположенія о томъ, какъ лечить его. Если ты не можешь быть матерью живаго существа, то можешь спасти жизнь бѣдному больному; а послѣ удовольствія дать жизнь, пріятнѣе всего сохранить жизнь хотя бы и чужому намъ человѣку.

— Ты придаешь слишкомъ-много важности моимъ познаніямъ въ медицину, отвѣчала докторша съ печальной улыбкой.— Если, благодаря тебѣ, я имѣю кое-какія свѣдѣнія, то они слишкомъ-ничтожны по части леченія умственныхъ болѣзней. Я могу только вѣрно наблюдать за болѣзнью и внимательно ходить за больнымъ.

— Даже и въ этомъ случаѣ помощь твоя будетъ незамѣнима. Я увѣренъ, что больному у меня будетъ гораздо-лучше, чѣмъ подъ родительскимъ кровомъ, гдѣ ему все и всѣ каждую минуту напоминали о его несчастіи.

— Гдѣ же ты думаешь помѣстить его?

— Подлѣ своего кабинета, въ двухъ комнатахъ: одна будетъ

у него спальнею, другая гостиной. Юиль будетъ также ходить за нимъ, а спать въ передней... Чтò я, кстати, не вижу его сегодня?

— Я послала его съ декоктомъ къ этой бѣдной солдаткѣ, которая захворала третьягодня.

— Мнѣ надобно кое-куда сходить. Скажи ему, когда онъ вернется, что у насъ будетъ новый жилецъ, съ которымъ онъ долженъ обходиться какъ можно ласковѣе.

— Я попросила бы тебя самого объявить объ этомъ Юилю. Каждое твое слово онъ считаетъ закономъ, а ко мнѣ, ты знаешь, онъ не очень расположенъ.

— Нерасположеніе это не дѣлалось ни больше, ни меньше въ послѣднее время? спросилъ докторъ.

— Кажется, нѣтъ, отвѣчала равнодушно докторша.

— И ты не замѣчала въ немъ никакой переменны? ни къ худшему, ни къ лучшему?

— Никакой.

Докторъ задумался, молча простился съ женою, сошелъ внизъ и, захвативъ съ собою только-что полученныя деньги, вышелъ изъ дому.

Прежде всего онъ зашелъ къ своему хозяину. Старикъ копалъ гряды въ садикъ; непокрытая лысина его лоснилась на солнцѣ. Какъ-то неохотно принялъ онъ отъ жильца долгъ за квартиру.

— Ты бы лучше, батюшка, заплатилъ лавочнику или тамъ кому понужнѣе деньги, сказалъ старикъ. — Я могу и подождать.

— Знаю; но я только началъ съ тебя перваго и заплачу всѣ мелкіе долги; на всѣхъ достанетъ! отвѣчалъ жилецъ съ довольной улыбкой.

— Ну, какъ хочешь. А все-таки, значить, я былъ правъ, когда говорилъ, что судьба посылаетъ тебѣ помощь въ этомъ гостѣ. Вышло по-мòему. Онъ мнѣ съ перваго взгляда такимъ хорошимъ человѣкомъ показался. Давича, какъ онъ отъ тебя уходилъ, такъ повстрѣчавши меня на дворѣ, поклонился и сказалъ такъ ласково: вы съ вашего жильца все, чтò слѣдуетъ получите; мы съ нимъ уговорились по одному очень-выгодному для него дѣлу. Видно онъ тебя годовымъ лекаремъ нанялъ, а лечить такого здорovia труда большаго, кажись, не будетъ.

Докторъ не отвѣчалъ ни слова, но ушелъ, озабоченный мыслью: «отчего поствитель зналъ, что онъ долженъ за квартиру, и отчего былъ заранѣе увѣренъ, что онъ согласится лечить помѣшаннаго?»

III.

На другой день, ранним утромъ, у воротъ дома, занимаемаго докторомъ, остановился щегольской дормёзъ. Изъ него ловко выскочилъ Корсаинскій и отправился прямо въ кабинетъ Грохдовича, въ-сопровожденіи рослаго господина съ огромными бакенбардами, въ черномъ фракъ съ свѣтлыми пуговицами, въ бѣломъ галстухъ, съ маленькими глазками, лоснящеюся физиономіею, подобострастными манерами.

Завидѣвъ доктора еще издали, посѣтитель быстро подошелъ къ нему съ самою радушною улыбкою и сказалъ самымъ дружескимъ, ласковымъ тономъ:

— Добрый докторъ, конечно, не обманулъ надеждъ всего нашего семейства и согласился быть спасителемъ моего бѣднаго брата?

— Я не отказываюсь испытать всѣ зависящія отъ меня средства для облегченія его участи, отвѣчалъ докторъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — но съ условіемъ: передать леченіе болѣе-искуснѣйшему врачу, если, по прошествіи извѣстнаго времени, не найду въ больномъ перемѣны къ лучшему.

— Какъ благодарить васъ! вскричалъ со слезами въ голосъ Корсаинскій. — Всѣ слова будутъ слабы для выраженія нашихъ чувствъ. Мы были такъ убѣждены въ вашей добротѣ и готовности служить несчастнымъ, что привезли съ собой больнаго, чтобъ, не теряя драгоценнаго времени, ввѣрить страждущаго вашимъ просвѣщеннымъ и челоуколюбивымъ попеченіямъ.

— Вы ужъ и привезли его! сказалъ удивленный и недовольный Грохдовичъ: — гдѣ жъ онъ?

— Въ дормёзъ. Дорѣгою онъ впалъ въ забытѣ, и можетъ остаться въ этомъ положеніи хотъ цѣлый день.

— Я не думаю, чтобъ было полезно оставлять его въ такомъ положеніи, и потому вы мнѣ позвольте тотчасъ же попросить его сюда, хотя здѣсь еще не приготовлено ничего къ принятію его. Я не ждалъ видѣть его сегодня же.

И докторъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Зачѣмъ же вамъ беспокоиться самимъ? сказалъ Корсаинскій, учтиво останавливая его. — Вотъ панъ Жѣнчекъ сейчасъ приведетъ брата.

При этихъ словахъ гость указалъ на господина, вмѣстѣ съ нимъ вошедшаго въ кабинетъ доктора и стоявшаго у дверей въ скромной позѣ, нелишенной, однакожь, нѣкотораго достоинства. Низко поклонившись, панъ Жѳнчекъ, тотчасъ же, вслѣдъ за поклономъ, быстро скрылся изъ комнаты.

— Рекомендую вамъ, продолжалъ Корсалинскій, по его уходѣ:— прекраснѣйшій человекъ, дотога привязанный къ нашему семейству, что скорѣе можно назвать его другомъ, нежели служителемъ; одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ типовъ Калеговъ, которые исчезаютъ съ каждымъ днемъ и остаются въ однихъ романахъ, какъ образецъ неизмѣнной преданности своимъ господамъ. Панъ Жѳнчекъ не былъ рожденъ, впрочемъ, къ тому званію, которое теперь занимаетъ; онъ природный шляхтичъ, и только крайняя бѣдность, обрушившаяся на него вслѣдствіе обстоятельствъ, вовсе отъ него независѣвшихъ, заставила его предложить свои услуги нашему дому и остаться при немъ въ званіи, которое онъ благогоживаетъ своимъ образомъ мыслей и поведеніемъ. Бывъ въ послѣднее время камердинеромъ и конфидентомъ моего брата, чрезвычайно его любившаго, онъ не хотѣлъ оставить своего господина въ жестокой болѣзни и, съ перваго дня ея, ухаживаетъ за нимъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ. Больной такъ привыкъ видѣть его подлѣ себя, несмотря на наружное нерасположеніе, появляющееся повременамъ и оказываемое имъ, впрочемъ, рѣшительно всѣмъ, что я буду просить васъ позволить пану остаться при графѣ. Я убѣжденъ, что благородный и добродушный камердинеръ будетъ полезенъ даже вамъ, потому—что знаетъ хорошо всѣ привычки и наклонности больного и избавитъ васъ отъ необходимости приставить собственнаго вашего служителя для того, чтобъ ходить за больнымъ. Само-собою разумѣется, что содержаніе камердинера не только вамъ не будетъ ничего стоить, но и всѣ расходы касательно матеріальныхъ удобствъ больного—его стола, одежды, мѣблировки, развлеченій, выѣздовъ для прогулки—вы позволите намъ принять на себя, и если, по вашему мнѣнію, вы найдете что—нибудь необходимымъ для больного, прикажите только—и панъ Жѳнчекъ въ-точности исполнитъ ваше требованіе. Для этой цѣли ему ассигнована довольно-значительная сумма, которая будетъ находиться, какъ и самъ панъ, въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Сначала этотъ длинный панегирикъ «рѣдкому служителю», а потомъ и послѣднее распоряженіе Корсалинскаго сильно не по-

нравилсь доктору. Онъ не довѣрялъ черезчуръ-восторженнымъ похваламъ этому пану и видѣлъ въ немъ домашняго шпиона, котораго приставляли не столько къ больному, сколько къ врачу, чтобъ отдавать отчетъ въ его дѣйствіяхъ. Раздумавъ объ этомъ, онъ нашель, впрочемъ, что родные графа правы, неполнѣ довѣряя человѣку, еще мало имъ знакомому, и были даже обязаны принять свои мѣры къ возможному обезпеченію участи больнаго. Докторъ общалъ только себѣ быть какъ-можно осторожнѣе въ сношеніяхъ своихъ съ этимъ паномъ и сколько можно менѣе прибѣгать къ его посредничеству касательно суммы, находящейся въ его распоряженіи.

Не успѣвъ онъ сказать, что согласенъ и на эти условія, какъ въ дверяхъ показался больной, опираясь на руку камердинера.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-шести, высокаго роста, но чрезвычайно-худой и блѣдный. Черты лица его были правильны, хотя кожа, натянувшаяся на лбу и на щекахъ, отъ болѣзненной худобы, придавала этимъ чертамъ рѣзкость и угловатость; длинный носъ и тонкія губы сообщали всей физиономіи странное выраженіе, еще болѣе увеличивавшееся отъ неподвижнаго блеска большихъ глазъ на-выкатѣ. Волосы больнаго были обстрижены подъ гребенку; подъ подбородкомъ шла ожерельемъ небольшая и рѣдкая борода. Одѣтъ онъ былъ въ черный бархатный сюртукъ; отложной воротникъ рубашки, подъ которымъ былъ небрежно повязанъ черный шелковый платокъ, обнажалъ рѣдкой бѣлизны шею; руки были бѣлы, тонки и аристократически-малы; широкіе шаровары падали складками на лакированныя ботинки, крошечному объему которыхъ могла бы позавидовать любая женщина.

Больной шелъ медленно. Во всѣхъ движеніяхъ его замѣтна была вялость, даже слабость; въ чертахъ выражалось нетерпѣніе; глаза смотрѣли впередъ тѣмъ пристальнымъ, безжизненнымъ взглядомъ, который такъ ясно доказываетъ разстройство мыслящей способности. Корсалинскій пошелъ на встрѣчу къ больному, съ участіемъ взялъ его за руку и сказалъ :

— Какъ ты чувствуешь себя, любезный Алексѣй? Дорога не показалась тебѣ тяжелою, не разстроила тебя?

— Нѣтъ! отвѣчалъ графъ глухимъ, неприятнымъ голосомъ, почти выдергивая свою руку отъ пожатій брата.

— Рекомендую тебѣ Семена Пгнатъича Грохѣвича, продолжалъ Корсалинскій тѣмъ же ласковымъ, спокойнымъ тономъ:—хозяина дачи, на которой ты будешь жить здѣсь въ совершенномъ уединеніи,

какъ самъ желалъ этого. Семенъ Игнатьичъ былъ такъ добрѣ, что согласился принять тебя на это лѣто нахлѣбникомъ и помѣстить тебя въ своемъ семействѣ. Онъ кстати же и докторъ и можетъ оказать тебѣ пособіе, если съ тобой случатся припадки меланхолии, отъ заваловъ въ печени, которыми ты страдаешь.

Что-то похожее на улыбку мелькнуло на губахъ больного, поклонившагося учтиво доктору при первыхъ словахъ Корсалинскаго.

— Я не стѣсню васъ? сказалъ онъ глухо, обращаясь къ Гроховичу, но смотря въ сторону своимъ неподвижнымъ взглядомъ.

— Нисколько! отвѣчалъ тотъ, осматривая больного съ участіемъ: — вы не будете только имѣть у меня, на дачѣ, тѣхъ удобствъ, которыми пользовались въ городѣ. Квартира моя очень невелика, но свѣжій и здоровый воздухъ Царскаго Села замѣнитъ съ избыткомъ недостатки нашей бивачной жизни, и я надѣюсь, что здѣсь вы получите облегченіе въ вашей болѣзни, конечно, не важной, но которую все-таки ненадабно запускать.

— Мнѣ вездѣ хорошо, продолжалъ больной: — а здѣсь будетъ, конечно, лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Что же касается до моей болѣзни, вы можете лечить ее чѣмъ вамъ угодно: я не имѣю права мѣшать вамъ, хотя бы и сознавалъ въ душѣ всю безполезность вашихъ усилій.

Слова эти отзывались ироніей. Докторъ обратилъ все свое вниманіе на страннаго больного, въ которомъ не замѣчалъ ни одного признака умственного разстройства.

Корсалинскій заботливо усадилъ графа въ кресло и завелъ разговоръ о превосходствѣ царскосельскаго климата передъ петербургскимъ, объ удовольствіяхъ прожить пять-шесть мѣсяцевъ въ такомъ здоровомъ мѣстѣ. Докторъ обращался съ вопросами къ графу, но тотъ отвѣчалъ неохотно, отрывисто, и вскорѣ совершенно замолчалъ. Тогда Корсалинскій замѣтилъ, что брату его необходимо отдохнуть отъ дороги, простился съ нимъ и вышелъ съ докторомъ въ третью комнату, поручивъ камердинеру приготовить все во второй комнатѣ для больного. Изъ дормеза вынесли нѣсколько чемодановъ и начали разбирать ихъ.

— Мы можемъ теперь оставить его одного, сказалъ Корсалинскій. Онъ не замѣтитъ нашего отсутствія. Минутное раздраженіе мыслящей силы, произведенное, вѣроятно, дорогою, было причиною, что онъ вышелъ изъ своего обыкновеннаго, апатическаго состоянія и началъ разговоръ весьма-логично. Но вы видите сами, какъ непродолжительны у него проблески благоразумія; по нимъ

нельзя судить о его здоровьи, потому что подобныя минуты—исключеніе, и весьма-рѣдкое. Я даже не прошу васъ сказать своего сужденія о его положеніи. Ближайшее знакомство съ больнымъ покажетъ вамъ, что было бы ошибочно полагаться на здравомысліе нѣкоторыхъ поступковъ и фразъ его. Разстройство ума его не бросается въ глаза; но мнѣ кажется, что тѣмъ болѣзнь по наружности ближе къ здоровью, тѣмъ труднѣе излечить ее.

Докторъ не отвѣчалъ на это, но сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ насчетъ привычекъ больнаго. Корсалинскій увѣрилъ, что графъ дѣлаетъ все, что ему скажутъ, и вообще послушенъ, какъ ребенокъ; потомъ просилъ позволенія доставить въ его комнату мебель нѣсколько-удобнѣе, и уѣхалъ, сказавъ, что будетъ навѣщать его раза два-три въ недѣлю.

Проводивъ Корсалинскаго, Грохѣвичъ вернулся въ кабинетъ. Больной сидѣлъ, какъ прежде, въ большихъ креслахъ, безъ всякаго движенія, смотря безсознательно передъ собою и, повидимому, не замѣтилъ появленія доктора, долго-стоявшаго передъ нимъ и смотрѣвшаго на него со вниманіемъ. Грохѣвичъ взялъ его за руку; на лицѣ больнаго выразилось на-минуту нетерпѣніе, потомъ оно приняло свое обычное, апатическое выраженіе.

— Не хотите ли отдохнуть съ дороги? спросилъ докторъ.

Больной не отвѣчалъ ни однимъ движеніемъ даже и тогда, когда ему во второй разъ сдѣлали тотъ же вопросъ. Грохѣвичъ рѣшился вывести его изъ этого каталентическаго состоянія и крѣпко сжалъ ему руку; брови больнаго сдвинулись, но самъ онъ остался неподвиженъ. Докторъ рѣшился повторить опытъ въ болѣе-сильной степени, но въ эту минуту за нимъ раздался тонкій, гнусливый голосъ, говорившій съ замѣтнымъ польскимъ акцентомъ.

— Это вы не извольте беспокоиться. Панъ грабе теперь въ своемъ припадкѣ и ничего не услышать, что имъ ни говорить. Они будутъ нѣсколько часовъ сидѣть молча и не шевелясь и сами очнутся, когда придетъ ихъ часъ.

Грохѣвичъ разсѣянно слушалъ слова эти, недовольный тѣмъ, что Жѣнчекъ незамѣтно вошелъ въ кабинетъ, и въ то же время не сводилъ глазъ съ графа. Ему показалось, что въ глазахъ больнаго мелькнуло что-то похожее на ненависть, а губы сжались иронически. Тогда Грохѣвичъ, быстро повернувшись къ камердинеру и осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, причемъ тотъ не замедлялъ поклониться, сказалъ ему твердо и почти-рѣзко:

— Прошу васъ оставить меня теперь съ больнымъ. Мнѣ необходимо сдѣлать надъ нимъ кое-какія наблюденія. Я позову васъ, когда вы будете нужны.

Панъ Жѡнчекъ остановился въ недоумѣніи, вовсе не ожидая этихъ словъ, и отвѣчалъ самымъ-нѣжнымъ голосомъ :

— Панъ грабе такъ расположенъ ко мнѣ!.. Я знаю всѣ его привычки... Онъ будетъ дичиться чужаго человѣка... Онъ такъ привыкъ видѣть меня всякую минуту...

— Онъ можетъ и отвыкнуть отъ этого, сказала сухо Грохѡвичъ. — Моя система леченія будетъ состоять въ томъ, чтобъ заставить его позабыть все прошедшее и испытать надъ нимъ силу новыхъ впечатлѣній.

— Но пане Корсалинскій строго приказали мнѣ не оставлять ни на минуту больного, настаивалъ Жѡнчекъ.

— А я еще строже приказываю вамъ выйти сію же минуту и вообще слушаться меня во всемъ безъ возраженій. Здѣсь распоряжается не панъ Корсалинскій, и я взялся лечить больного только подъ условіемъ совершенной свободы въ моихъ поступкахъ. Вы понимаете это?

Жѡнчекъ съѣжился самымъ подобострастнымъ образомъ и отвѣчалъ чуть не плача :

— Падамъ до-ногъ, пане докторе! Смѣю ли я послушаться вашихъ приказаній? Я только осмѣлился замѣтить изъ усердія... Но моя преданность, моя готовность служить вамъ...

— Излишнее усердіе можетъ дѣлать большой вредъ, сказала докторъ, наблюдая незамѣтно за больнымъ. — Я буду просить васъ исполнять только то, что вамъ скажутъ, и лучше не слышомъ, чѣмъ черезчуръ-усердно.

Положивъ молча руку на сердце, Жѡнчекъ согнулся, на сколько позволялъ это длинный ростъ, и выскользнулъ за дверь безъ малѣйшаго шума. Грохѡвичъ не сводилъ глазъ съ Перскаго и думалъ :

«Я теперь убѣжденъ, что онъ не въ каталепсіи. Онъ чувствовалъ боль при пожатіи руки, слѣдилъ за разговоромъ моимъ съ камердинеромъ, остался, повидимому, доволенъ его уходомъ, почти улыбался, когда я нарочно заговорилъ о системѣ моего леченія. Если онъ не отвѣчалъ на мои вопросы, не участвовалъ въ разговорѣ между мною и его братомъ, это изъ одного упрямства.

И рѣшившись, во что бы ни стало, узнать истину, докторъ придвинулъ кресло, сѣлъ прямо противъ больного и сказалъ спокойно :

— Послушайте, графъ: намъ прійдется, можетъ-быть, провести нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею, видясь почти каждыиъ часъ; стало-быть намъ необходимо, чтобъ отношенія наши были какъ-можно-проще и непринужденнѣе, иначе мы будемъ только стѣснять другъ друга. Скажу вамъ откровенно: вы будете находиться здѣсь подъ моимъ надзоромъ. Я не только хозяинъ вашъ, но и докторъ. Правы или нѣтъ ваши родные—это покажетъ время; но они думаютъ, что припадки глубокой меланхоліи — болѣзнь, которой вы подвержены—могутъ имѣть дурныя послѣдствія, и рѣшились вѣрить мнѣ ваше леченіе. Предупреждаю васъ, что я упрямъ въ высшей степени и не откажусь отъ принятой мною обязанности прежде, нежели испытаю всѣ средства, какія только внушитъ мнѣ наука и чувство долга. Но, съ другой стороны, я не стану ни мучить васъ лекарствами, ни стѣснять вашей свободы. Узнавъ меня короче, вы увѣритесь, что я самый снисходительный изъ врачей. Но я убѣжденъ, что никакое леченіе не принесетъ существенной пользы, если больной самъ не хочетъ выздоровѣть и не будетъ помогать врачу. Поэтому я попрошу васъ быть со мною откровеннымъ и сказать мнѣ, впервыхъ, какой образъ жизни хотите вы вести у меня и, вовторыхъ, что вы сами думаете о вашей болѣзни? Ваше упорное молчаніе могло ввести въ заблужденіе вашихъ родныхъ; вы, можетъ-быть, даже имѣли свои причины не отвѣчать на разспросы, которые могутъ иногда дѣлаться невыносимыми, несмотря на то, что происходятъ отъ участія. Но мнѣ, какъ врачу, вы обязаны отвѣчать логически и категорически, и я увѣренъ, что вы можете сдѣлать это. Ваше молчаніе меня не обмануло; я, конечно, имѣлъ бы возможность вывести васъ изъ него физическими средствами, но предпочитаю моральныя, и прошу васъ еще разъ отвѣчать на мои вопросы.

Графъ слушалъ доктора со вниманіемъ, неподвижно, устремивъ на него глаза, блестяшіе выраженіемъ неопредѣленнымъ, но лишненнымъ разумности. Подумавъ съ минуту, онъ отвѣчалъ тихимъ, ровнымъ голосомъ :

— Ваши слова удивили меня! Признаюсь, я не ждалъ ничего подобнаго. Много докторовъ обращалось ко мнѣ съ разспросами о моей болѣзни, ни одинъ не говорилъ такъ просто, съ

такимъ вниманіемъ и снисходительностью. Вы угадали, что молчаніе мое происходитъ не отъ болѣзни, угадали также причину его. Если даже истинное участіе можетъ надобѣсть, понятно, что человѣкъ, котораго всякій часъ мучать разспросами и допросами, прибѣгаетъ къ молчанію, какъ къ единственному средству избавиться отъ невыносимой докучливости. Но на вашу откровенность я буду также отвѣчать откровенностью же, хотя съ вашей стороны она неполна. Вы спрашивали меня, что я думаю самъ о моей болѣзни, названной вами глубокою меланхоліею. Прежде всего я долженъ назвать эту болѣзнь ея настоящимъ именемъ, котораго вы не произносили по очень-понятному, вполне-человѣческому чувству: это вовсе не меланхолія, а помѣшательство.

Больной такъ спокойно произнесъ это страшное слово, что докторъ посмотрѣлъ на него въ совершенномъ изумленіи. Грустная улыбка мелькнула на блѣдныхъ губахъ графа. Онъ продолжалъ:

— Вы, въ свою очередь, удивлены моими словами. Если мнѣ не случилось встрѣчать доктора, похожаго на васъ, то и вамъ, можетъ-быть, не попадались такіе больные, какъ я. Вамъ странно слышать, что человѣкъ, несовсѣмъ еще лишенный сознанія человѣческаго достоинства, говорить такъ спокойно о болѣзни, возбуждающей въ другихъ чувство состраданія или ужаса, сознается, что онъ подверженъ этой болѣзни. По этому вы можете судить, что я долженъ былъ перенести, чтобъ сродниться съ мыслью, что не принадлежу уже къ числу разумныхъ существъ, что отвергнуть, если не презрѣнъ моими братьями по человечеству, что я сумасшедшій!

Въ словахъ больнаго было столько горькаго отчаянія, что докторъ, тронутый и взволнованный, вскричалъ съ жаромъ:

— Вы сами преувеличиваете свою болѣзнь. Можетъ ли не имѣть здраваго разсудка тотъ, кто такъ здраво разсуждаетъ о своемъ положеніи?

— Онъ разсуждаетъ здраво потому, что приноровливается въ этомъ случаѣ къ общепринятымъ понятіямъ; но это не мѣшаетъ ему знать, что на него находятъ минуты, когда люди считаютъ его помѣшаннымъ, а самъ онъ не видитъ ничего нелогичнаго въ своихъ чувствахъ и поступкахъ, и потому ему тяжело понимать несправедливость людей, больно видѣть ихъ заблужденіе. Въ эти минуты онъ былъ бы готовъ считать ихъ всѣхъ самихъ помѣшанными, еслибъ они не составляли большинства, а онъ исключенія, хоть и не всегда случалось, что большинство было право въ своемъ.

ихъ сужденіяхъ. Въдъ и гениальные люди составляютъ исключеніе...

Больной задумался, и докторъ, боясь, чтобъ мысли его, судя по послѣднимъ словамъ, не приняли эксцентрическаго направленія, прервалъ его вопросомъ :

— Вы еще не сказали мнѣ, какъ бы вы желали, чтобъ я поступалъ съ вами ?

— Вы хотите, чтобъ я говорилъ откровенно? спросилъ графъ.

— Это первое условіе прочности нашихъ отношеній.

— Въ такомъ случаѣ скажу вамъ все, что думаю, хоть это, можетъ-быть, оскорбить васъ. Вы высказали давеча самую справедливую мысль, что больного нельзя лечить, если онъ этого не хочетъ. Моя болѣзнь неизлечима, потому-что я и не сознаю ея, и не хочу отъ нея вылечиться; стало-быть, всѣ ваши труды будутъ напрасны, тѣмъ болѣе, что я не вѣрю въ медицину.

— Можно не вѣрить въ медиковъ, но не въ медицину, отвѣчалъ, улыбаясь, Гроховичъ. — Наука не виновата въ промахахъ и незнаніи отдѣльныхъ лицъ.

— Но это самая неточная и сбивчивая наука; правила ея не установлены положительно. Одно и то же предписаніе ея производитъ часто совершенно-противоположныя дѣйствія въ двухъ разныхъ лицахъ. Въ составъ лекарства входитъ иногда столько разнородныхъ веществъ, что химическое дѣйствіе одного вещества на другое можетъ совершенно измѣнить общее дѣйствіе, котораго докторъ ждалъ отъ этого лекарства. Не отвергаю старанія докторовъ принести больному облегченіе; но если въ наше время было бы странно обвинять ихъ вмѣстѣ съ Мольтеромъ въ томъ, что они больше уморили, чѣмъ вылечили больныхъ, или говорить съ Бомаршэ, что добрая земля скрываетъ всѣ ихъ ошибки, во всякомъ случаѣ вы встрѣтите сколько докторовъ, столько и системъ леченія, не говоря уже о томъ, что на консультаціяхъ всегда найдутся по-крайней-мѣрѣ два совершенно-противоположныя мнѣнія. Галіенъ слѣдовалъ системъ потогонныхъ, рвотныхъ, очистительныхъ средствъ. По Броуну, болѣзнь происходитъ отъ излишней силы или отъ излишней слабости; въ первомъ случаѣ употреблялись вещества ослабляющія, во второмъ—тоническія. Бруссе ввелъ систему раздраженія и кровопусканій; послѣднія употреблялъ, впрочемъ, еще прежде знаменитый докторъ Санградо. Теперь кровопусканіе не въ модѣ; его замѣняютъ реактивы. Но къ-чему говорить о системахъ! вы сами знаете,

сколько патей господствует въ настоящее время. Мы возобновили почти все способы, которыми въ-теченіе "слишкомъ" семи тысячъ лѣтъ лечилось человечество, обратились къ Иппократу и Парацельсу, къ оракуламъ, пнеламъ и сивилламъ древнихъ, дѣйствовавшимъ на воображеніе прорицаніями и тайнственностью, какъ наши магнетизёры и сонambuлки; возвратились даже къ салернской школѣ, лечившей водою, діетю и движеніемъ. Что жъ все это доказываетъ? Двухъ истинъ не можетъ быть на свѣтѣ, также, какъ и двухъ медицинъ. Если одна истинна — все остальные должны быть ложны. А какъ убѣдиться, которая изъ этихъ безчисленныхъ системъ истинна?

Графъ говорилъ съ такимъ жаромъ, увлекся до-того, что на щекахъ его показался легкій румянецъ, голосъ сталъ прерываться отъ усталости. Докторъ слушалъ съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ этого страннаго больнаго. Его ясныя, хотя отчасти парадоксальныя сужденія, доказывали совершенную логичность мыслящей способности, и докторъ убѣдился, что эта способность, взятая отдѣльно, безъ всякаго вліянія на нее чувства, находится въ здоровомъ положеніи. Оставалось узнать только, въ какой мѣрѣ чувства производили разстройство въ разсудкѣ, но Гроховичъ отложилъ это испытаніе до другаго раза, и сказалъ, вставъ съ кресла:

— Все, что вы сказали противъ медицины, справедливо только съ одной точки. Для того, чтобъ оспаривать васъ и доказывать важность этой науки и пользу ея, нужно было бы много времени, а у меня есть теперь занятія, да и вамъ необходимо немного отдохнуть съ дороги. Мы еще возобновимъ этотъ разговоръ; теперь скажу только одно: различныя системы нисколько не вредятъ единству науки; я допускаю даже, что одинъ и тотъ же способъ леченія можетъ прилагаться къ разнымъ болѣзнямъ, смотря только по организму больнаго, и поэтому докторъ ближе всего долженъ ознакомиться не съ болѣзью, а съ образомъ жизни, характеромъ, наклонностями больнаго. Собственно говоря, для каждаго человѣка должна быть особая система леченія, и только совершенно-схожіе организмы надобно лечить одинаковымъ образомъ. Одно предписаніе можетъ, конечно, произвести въ двухъ лицахъ два противоположныя дѣйствія, но за-то оно же можетъ принести пользу въ двухъ различныхъ болѣзняхъ. И тотъ и другой случаи ничего не доказываютъ противъ медицины. Истина, конечно, одна, но можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Впро-

чемъ, что бы я ни говорилъ, вы можете отвѣчать мнѣ словами того же Мольера, который, если и не любилъ докторовъ, то по крайней-мѣрѣ не умолялъ ихъ спасти его, когда дѣлался боленъ, что случается зачастую со всѣми слабыми смертными въ минуты опасности.

— Вы, какъ докторъ, защищающій свое искусство, хотите, конечно, напомнить слова Журдана въ Мъщанинъ-Дворянинъ? сказалъ графъ, улыбаясь, и приподнимаясь съ кресель.

— Vous êtes orgévre, monsieur Josse! вскричалъ Гроховичъ, весело подавая руку больному и провожая его во вторую комнату, гдѣ ужъ было все готово и убрано для его помѣщенія.

IV.

Черезъ недѣлю послѣ прибытія больного, въ квартирѣ доктора все приняло новый, комфортабельный видъ: въ комнатахъ явились бархатные диваны, мягкіе ковры, вычурные пате и козѣзы. Цѣлый шкапъ съ книгами въ богатыхъ переплетахъ былъ поставленъ въ комнату графа. Привезли даже рояль, на которомъ больной игралъ повременамъ симфоніи Бетховена и оперы Моцарта. Гроховичъ не запрещалъ этого, видя, что музыка не оказываетъ вреднаго вліянія на Перскаго. Жднчекъ предупредилъ только, что больной не можетъ слышать нѣкоторыхъ русскихъ пѣсенъ, а нѣмецкую и даже итальянскую музыку слушаетъ съ удовольствіемъ.

Докторъ имѣлъ въ это время мало случаевъ наблюдать за своимъ больнымъ, и послѣ перваго разговора съ нимъ, не возобновлялъ продолжительныхъ бесѣдъ, желая дать ему успокоиться, осмотрѣться, привыкнуть къ новому роду жизни. Онъ не хотѣлъ еще начинать изслѣдованіе болѣзни Перскаго и занимался въ это время приведеніемъ въ порядокъ своихъ собственныхъ дѣлъ, завелъ кое-какія улучшенія въ хозяйствѣ, написалъ въ Екатеринбургъ, что не можетъ принять предлагаемаго ему мѣста. Къ-тому же съ прибытіемъ Перскаго, сдѣлавшимся извѣстнымъ всему городу, у Гроховича начали чаще являться пациенты, и онъ долженъ былъ вдругъ подавать помощь въ пяти, шести домахъ, что заставляло его довольно-часто отлучаться. Во время этихъ отлучекъ съ больнымъ иногда разговаривала докторша. Больной обходился съ нею чрезвычайно-вѣжливо, отвѣчалъ на всѣ ея вопро-

сы, но самъ не предлагалъ никакихъ и видимо тяготился ея присутствіемъ.

Было еще въ домѣ доктора лицо, которому сильно не понравилась больной, хотя нерасположеніе это выказывалось въ однихъ взглядахъ и упорномъ молчаніи, когда графу случалось о чемъ-нибудь спросить. Юиль и безъ того былъ неразговорчивъ, но въ присутствіи графа дѣлался еще больше дикъ и нелюдимъ, хотя безъ возраженій исполнялъ все, что докторъ или жена его приказывали дѣлать для больного. Домохозяинъ, напротивъ, чрезвычайно интересовался судьбою молодого паціента и при всякомъ удобномъ случаѣ изъявлялъ ему всевозможное участіе.

Грохѳвичъ убѣдился только въ одномъ, что присутствіе и услуги пана Жѳнчка производили самое непріятное вліяніе; а между тѣмъ Жѳнчекъ былъ неутомимъ въ изъявленіи преданности и заботливости обо всемъ, что касалось до графа. Онъ окружилъ его всѣми матеріальными удобствами, старался предупредить его малѣйшія желанія, передавалъ доктору самыя незначительныя подробности касательно привычекъ и наклонностей больного. Не меньше старался онъ услужить и Грохѳвичу: заставилъ его по-неволѣ измѣнить свой столъ и взялъ кухню въ полное свое распоряженіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что, зная хорошо больного, будетъ приказывать готовить кушанье по его вкусу. Докторъ согласился на это отчасти и потому, что это избавляло жену его отъ всякихъ хлопотъ по хозяйству и давало ей возможность отдохнуть отъ своихъ прежнихъ многочисленныхъ трудовъ по этой части и посвятить болѣе времени наблюденію за больнымъ. Жѳнчекъ настоялъ даже на томъ, чтобы докторъ дѣлалъ визиты въ каретѣ, присланной изъ Петербурга въ распоряженіе и для прогулокъ больного; камердинеръ говорилъ, что это даже необходимо, потому-что графу не позволяетъ часто выѣзжать его здоровье, а лошади застаиваются и портятся, если на нихъ рѣдко ѣздятъ. Усердный камердинеръ втѣрь даже въ кабинетъ Грохѳвича нѣсколько мягкихъ креселъ и большой пушистый коверъ, говоря, что графу, приходящему часто въ кабинетъ хозяина, удобнѣе сидѣть въ покойныхъ креслахъ и ходить по мягкому ковра. Онъ замѣнилъ понемногу докторскій сервизъ, столовое бѣлье, серебро, даже кухонную посуду цѣнными вещами съ графскими гербами — все подъ разными благовидными предлогами. Въ передней безотлучно находились два рослые лакея, готовые исполнять малѣйшее желаніе доктора или жены его. Неутомимый, услужливый,

предупредительный, въ своемъ черномъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и безукоризненно-бѣломъ галстухѣ, онъ скользилъ цѣлый день по комнатамъ неслышными шагами, выросталъ точно изъ земли каждую минуту, когда надо было что-нибудь приказать, говорилъ шопотомъ, кланялся подобострасно даже Юлию, услуживалъ даже чухонкѣ кухаркѣ Грохѣвича, приходившей въ восторгъ отъ его любезности и отъ того, что ей почти ничего не оставалось дѣлать въ домѣ. Жѣнчекъ успѣлъ приобрести расположеніе Васютина, несмотря на то, что принудилъ его обратиться въ конюшню одинъ сарай, заваленный старымъ хламомъ, за что, впрочемъ, домохозяйину было заплачено особенно. Даже докторша не разъ благодарила камердинера за оказанныя ей услуги, и Юиль, встрѣчаясь съ нимъ, ворчалъ очень-благосклонно.

Только одинъ Грохѣвичъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ графомъ антипатію къ этому пану, и Жѣнчекъ, понявъ, что никакія услуги не помогутъ ему приобрести расположеніе больного и довѣренность доктора, сталъ какъ-можно-рѣже показываться на глаза къ первому, а второму сказалъ однажды прямо, что графъ, вѣроятно, по причинѣ болѣзни, почувствовалъ нерасположеніе къ своему вѣрному слугѣ, и потому онъ, чтобъ не производить въ больномъ хотя бы и незначительной раздражительности, принялъ намѣреніе являться къ графу только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, не переставая въ то же время наблюдать неусыпно за доставленіемъ ему всевозможныхъ удобствъ и удовольствій, съ разрѣшенія доктора. Грохѣвичъ одобрилъ это, внутренне сожалея, что уклончивый полякъ не даетъ ему средства вовсе выслать его изъ дома—такъ не любилъ его докторъ, несмотря на то, что сознавалъ всю важность услугъ его и стараній облегчить сколько можно положеніе больного.

Корсаляинскій пріѣзжалъ въ эту недѣлю всего одинъ разъ, и то на короткое время. Онъ говорилъ, что хочетъ дать время осмотрѣться и пациенту и доктору, и пріучить перваго къ разлукѣ съ родными, а второму дать болѣе случаевъ для наблюденій. Сводный братецъ увѣрялъ, впрочемъ, что даже въ такое короткое время въ больномъ замѣтна видимая перемѣна, и что онъ у Грохѣвича гораздо-спокойнѣе и разсудительнѣе.

Въ началѣ слѣдующей недѣли случилось, однакожъ, обстоятельство, представившее больного съ совершенно-другой стороны и заставившее доктора сильно задуматься,

Это было въ свѣтлый и теплый апрѣльскій вечеръ. Окна въ квартирѣ доктора были уже выставлены. Онъ сидѣлъ въ креслахъ у окна и пилъ чай. Графъ за роялемъ игралъ анданте изъ пасторальной симфоніи. Последніе звуки замерли подъ его рукою. Онъ задумался надъ клавишами. Грохѣвичъ, нелюбившій, чтобъ больной задумывался, началъ разговоръ о музыкѣ, очень-наивно признавался въ своемъ невѣжествѣ по части гармоніи, но утверждалъ, что люди восхищаются разными Моцартами и Бетховенами рѣшительно изъ одного упрямства; что пріятно слушать музыкальную мысль, мотивъ, мелодію, а не разработку по правиламъ контрапункта какихъ-нибудь учено-скучныхъ фугъ. Докторъ соглашался съ тѣмъ писателемъ, который называлъ гармонію искусствомъ убивать мелодію, и почти склонялся на сторону юмориста, называвшаго вообще музыку самымъ шумнымъ изъ всѣхъ предрасудковъ.

Перскій слушалъ его разсѣянно, не улыбаясь, облокотившись на пюпитръ правою рукою, поддерживавшею голову его, лѣвою перебирая по временамъ бѣглые минорные аккорды. Въ эту минуту подъ окномъ шарманка заиграла «Аврора-вальсъ» Лабицкаго.

Довольно-трудно было узнать эту блестящую мелодію, разыгрываемую на жалкомъ инструментѣ. Несмотря на то, и докторъ и больной долго прислушивались къ дребезжащимъ звукамъ самаго танцевальнаго изъ вальсовъ, бывшаго въ то время въ большой модѣ.

— Вотъ это по-крайней-мѣрѣ музыка, сказалъ Грохѣвичъ, качая головою въ тактъ вальса: — понимаешь, по-крайней-мѣрѣ, въ чемъ дѣло. Эти звуки прямо приглашаютъ васъ обхватить талію какой-нибудь хорошенькой мечтательницы и унесть съ нею, въ головокружительномъ вальсѣ, въ золотое царство воображенія и туманныхъ сновъ, одуряющихъ голову и сердце. Мелодія страшно изуродована въ этой расколотой шарманкѣ; многихъ нотъ вы вовсе не слышите, другія стучать, звенять, визжать, даже хрипеть, но все-таки это не мѣшаетъ вамъ слышать въ звукахъ мысль, понимать ее, восхищаться ею. Музыка эта производитъ на меня впечатлѣніе, пріятное или грустное—это зависитъ отъ моего организма, и въ-сущности все-равно. Но въ такомъ впечатлѣніи должна заключаться вся цѣль музыки; судить ее должно одно сердце; головѣ тутъ дѣлать ровно нечего; и тамъ, гдѣ я долженъ раздумывать, что высказываетъ исполняемая передо мною пьеса и въ какой степени вѣрна она законамъ контрапункта,

тамъ я уже не могу восхищаться, и размышленіе только убѣтъ чувство. Такая пьеса будетъ уже не музыка, а математическая теорема, положенная на ноты.

— Вы несовсѣмъ-логичны въ своихъ выводахъ, любезный докторъ, отвѣчалъ тихо Перскій. Если вы допускаете, что цѣль музыки состоитъ только въ томъ, чтобъ произвести на насъ впечатлѣніе, то должны согласиться и съ тѣмъ, что болѣе или мѣнѣе сильное впечатлѣніе будетъ зависѣть отъ болѣе или мѣнѣе воспріимчивости, впечатлительности субъекта; стало-быть, необходимо допустить и тотъ случай, что пьеса, непріимчивая на васъ никакого дѣйствія, на меня, напротивъ, можетъ подѣйствовать очень-сильно, смотря по особому устройству моего организма, болѣе раздражительности нервовъ, наконецъ даже вслѣдствіе какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ моей жизни, о которыхъ мнѣ напоминаетъ ровно ничего неговорящая вамъ мелодія.

Грохновичъ приготовился опровергать графа, подождавъ нѣсколько времени продолженія его тирады. Видя, что тотъ замолчалъ, докторъ уже собирался сказать какой-то блистательный парадоксъ, какъ вдругъ, взглянувъ на Перскаго, остановился въ недоумѣніи. На лицѣ больного изображалось сильное волненіе; глаза его горѣли огнемъ; губы дрожали; легкій лихорадочный румянецъ выступилъ на щекахъ. Онъ повернулся лицомъ къ окну и, казалось, слушалъ что-то съ напряженнымъ вниманіемъ; докторъ тоже прислушался. Изъ шарманки неслись заунывные звуки «Лучины лучинушки»; онъ тотчасъ же вспомнилъ слова Жончка, предупреждавшаго, что русскія пѣсни производятъ на графа вредное вліяніе, и бросился къ окну, чтобъ заставить замолчать шарманку; но звуки уже замолкли, и онъ увидѣлъ только въ окно, какъ Жончекъ отгонялъ бѣднаго шарманщика.

— Слушайте, слушайте! говорилъ хриплымъ голосомъ больной, протягивая къ окну руки:—вамъ ничего не говоритъ эта мелодія, а для меня это цѣлая страница изъ моего прошедшаго, тяжелая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогая страница. Вы заставили замолчать эту пѣсню, но я все еще слышу ее, еще громче, еще явственнѣе... Звуки раздаются у меня въ головѣ и въ то же время отъ нихъ, становится больно сердцу... Объясните мнѣ: отчего происходитъ эта боль?.. Вѣдь ваша наука, если не все понимаетъ, то беретъ все растолковать. Вотъ и теперь, продолжалъ больной, вскочивъ съ своего мѣста и устремивъ глаза въ уголъ комнаты,

гдѣ начиналъ уже сгущаться вечерній мракъ : — скажите мнѣ, отчего только я одинъ вижу ее, мою бѣдную Катю, съ той самой улыбкой, съ какой она пѣвала мнѣ «Лучину» и другія наши пѣсни, полныя тоски и чувства? Вотъ теперь улыбка ея дѣлается грустною... Она смотритъ на меня съ тихой печалью, съ чистой любовью... Вы не вѣрите тому, что она стоитъ передо мною, не понимаете этого, а объяснить это вамъ необходимо, и потому вы называете людей, подобныхъ мнѣ, сумасшедшими. Сказавъ это страшное слово, вы успокоиваетесь, какъ-будто сдѣлали дѣло. Вы остаетесь довольны собою и жалѣете о бѣдномъ сумасшедшемъ, потому-что вамъ больше нѣчего дѣлать, какъ жалѣть о немъ. О, еслибъ вы могли догадываться, какъ сами вы жалки въ эту минуту для сумасшедшаго со всѣмъ вашимъ здравымъ умомъ!

— Алексѣй Васильичъ, полноте, успокойтесь! говорилъ встревоженный Гроховичъ, взявъ за руку больнаго и усаживая его на диванъ.

Перскій повиновался машинально, но продолжалъ говорить глухо, сжимая голову руками и вздрагивая повременамъ всѣмъ тѣломъ.

— Успокойтесь! вотъ также одно изъ вашихъ любимыхъ словъ. Какъ-будто отъ меня зависитъ успокоиться, какъ-будто я самъ захочу вашего мертвящаго покоя, еслибъ и могъ его себѣ доставить. Развѣ счастье въ этомъ снѣ головы и сердца, который вы называете покоемъ? Развѣ необходимо убить въ себѣ всѣ воспоминанія, всѣ чувства дьятого, чтобъ быть счастливымъ? А кто сказалъ вамъ, что я не вдвое счастливѣе васъ въ моемъ помѣшательствѣ, что я не предпочитаю его вашему разумному состоянію? И вы хотите заставить меня отказаться отъ моихъ сновъ и грѣзъ, отъ моихъ убѣжденій во имя какого-то логическаго смысла, здравомыслія, необходимости слѣдовать общепринятымъ правиламъ поступковъ и сужденій, когда я вовсе не признаю ни этихъ правилъ, ни необходимости слѣдовать за большинствомъ, подобно барану! Вы смѣшны мнѣ съ этими требованіями! И если я покоряюсь имъ, то потому только, что сила на вашей сторонѣ, что я не хочу стать на степень животнаго, которое можетъ быть только оттого и оупѣло, что на него дѣйствуютъ принужденіемъ. Но, повинуваясь вамъ наружно, я буду все-таки внутренно смѣяться надъ вашими усиліями убить во мнѣ память прошедшаго; буду самъ нарочно и чаще вызывать тѣ образы, которые, по вашему мнѣнію, разстраиваютъ мои умственные способности. Вѣрьте, что вамъ никогда не удастся вылечить меня,

потому—что я самъ не хочу этого, потому—что я считаю не себя, а всѣхъ васъ сумасшедшими.

Экзальтація больного дошла до такой степени, что онъ едва говорилъ отъ волненія и усталости. Гроховичъ не останавливалъ его, пристально наблюдая за его словами и движеніями, не замѣчая, казалось, знаковъ Жончка, давно уже стоявшаго за графомъ и дѣлавшаго доктору самые отчаянные жесты. Видя, что докторъ не намѣренъ, повидимому, прекратить восторженное состояніе Перскаго, и не смѣя сказать ни слова, чтобъ не возбудить гнѣва того или другаго, Жончекъ прибѣгнувъ къ другому средству и, исчезнувъ на минуту изъ комнаты, явился въ ней съ двумя канделябрами, вдругъ освѣтившими комнату, уже совсѣмъ потемнѣвшую.

Свѣтъ подѣйствовалъ раздражительно на больного. Онъ обернулся къ Жончку, и узнавъ его, поблѣднѣлъ еще болѣе, отвернулся и сказалъ Гроховичу глухимъ, прерывистымъ голосомъ:

— Вотъ вы кого взяли себѣ въ помощники, чтобъ мучить меня! Выборъ хорошъ; это человѣкъ надежный. Дѣйствуя заодно съ нимъ, вы легко можете довести меня до бышенства. Еще легче будетъ вамъ просто поручить ему убить меня, какъ онъ убилъ мою Катю!

Гроховичъ быстро подошелъ къ Перскому и взявъ его за руку, бросивъ мимоходомъ бѣглый взглядъ на камердинера. Лицо Жончка выражало только глубокую грусть; глаза его были устремлены на графа съ заботливымъ вниманіемъ, съ глубокимъ участіемъ.

— Вамъ надо отдохнуть, графъ, сказалъ докторъ твердымъ и яснымъ голосомъ.—Вы такъ взволнованы, что не можете понимать нелогичность вашихъ словъ, которыя, сверхъ-того, оскорбительны. Когда пройдетъ ваше раздражительное состояніе, вы будете сожалѣть о томъ, что сказали теперь. Лягте и постарайтесь уснуть; я пришлю вамъ успокоительнаго питья. Жончекъ проводить васъ въ вашу комнату.

Больной молча поднялся съ кресель, но на лицѣ его выражалось такое отвращеніе, даже ненависть, что докторъ отстранилъ рукою уже подходившаго Жончка и сказалъ:

— Если вамъ неприятно видѣть этого человѣка, если онъ напоминаетъ вамъ какія-нибудь тяжелыя минуты вашего прошедшаго, я запрещу ему показываться вамъ на глаза.

Лицо больного покрылось легкой краской. Онъ схватилъ за руку доктора и сказалъ въ волненіи:

— Вы сдѣлаете это, докторъ?

— Я сдѣлаю все, что можетъ доставить вамъ удовольствіе и что я найду полезнымъ для васъ.

— Въ такомъ случаѣ... видите ли: перетѣвая къ вамъ, я далъ себѣ слово ни о чемъ не просить васъ; но если вы такъ добры, что хотите поступать со мною по-человѣчески, я прошу васъ исполнить то, что вы сейчасъ сказали. За это я обѣщаю—вамъ слушаться васъ во всемъ, всегда и безъ возраженій.

Въ чертахъ больного выразилось столько надежды, радости, опасенія, что Грохѳовичъ молча пожалъ ему руку и оказалъ, обратившись къ совершенно-оторопѣвшему Жѳичку:

— Вы слышали? Присутствіе ваше не только бесполезно, но и вредно для больного. Уважая вашу заботливость о немъ и сожалѣя о его очевидно-болѣзненномъ нерасположеніи къ вамъ, я въ то же время, по обязанности врача, не могу позволить вамъ долге прислуживать графу. Потрудитесь увѣдомить господина Корсалинскаго, если онъ еще нескоро будетъ сюда...

— Но... я не знаю, говорилъ поблѣднѣвшій камердинеръ: — это какъ будетъ угодно пану Корсалинскому. Онъ приставилъ меня къ пану грабе, и безъ его воли...

— А я говорю вамъ, прервалъ съ гнѣвомъ Грохѳовичъ: — что если вы осмѣлитесь еще показаться графу, я прикажу васъ выпроводить изъ этого дома до объясненія съ вашимъ паномъ Корсалинскимъ.

Жѳичекъ согнулся какъ-то комически, хотя въ глазахъ его блеснула злоба, и не смѣя противорѣчить доктору, выскользнулъ изъ комнаты, бормоча:

— Какъ угодно... но мое усердіе... я не ожидалъ этого за мои старанія...

Когда камердинеръ исчезъ за дверью, на лицѣ Церскаго выразилось такое удовольствіе, онъ такъ крѣпко пожалъ руку Грохѳовича, что тотъ окончательно убѣдился въ вредномъ вліяніи камердинера на больного. Раздражительность его улеглась совершенно, и онъ пошелъ къ себѣ въ комнату, очень-логично говоря съ докторомъ о томъ, какъ можно безъ Жѳичка распорядиться всѣмъ хозяйствомъ, и прося, чтобъ за туалетомъ его наблюдалъ одинъ изъ лакеевъ, Станиславъ, очень-усердный и расторопный, по мнѣнію больного.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, Грохѳовичъ сильно задумался.

Въ такомъ положеніи нашла его жена, пришедшая съ нимъ прощаться.

— Больному твоему кажется хуже, сказала она, поговоривъ сначала о разныхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ.—Юль слышалъ изъ передней, какъ ты прогналъ этого камердинера за то, что онъ чѣмъ-то раздражилъ графа.

— Да, сегодня я убѣдился окончательно въ помѣшательствѣ Перскаго, глухо отвѣчалъ докторъ.

— Бѣдный молодой человѣкъ! Но ты надѣнешься вылечить его? спросила грустно докторша.

— Врачъ не долженъ терять надежды до послѣдней минуты. Гдѣ безсильны человѣческія старанія, тамъ природа и случай дѣлаютъ часто многое. Положеніе Перскаго можетъ уллучиться еще и потому, что минуты помѣшательства на него находятъ нечасто; но въ эти минуты симптомы его болѣзни очень-опасны и тѣ же самые, какъ у сумасшедшихъ, съ рѣдкими свѣтлыми минутами. Вся разница между настоящими помѣшанными и Перскимъ состоитъ въ томъ, что у нихъ свѣтлыя минуты, *lucida intervalla*, составляютъ исключеніе, а у него исключеніе минуты помѣшательства, хотя симптомы его рѣдкихъ припадковъ тѣ же самые: галлюцинаціи, упорство въ нихъ, непониманіе своего положенія, особеннаго рода лукавство въ сношеніяхъ съ лицами, отъ которыхъ зависитъ помѣшанный. Всѣ эти признаки развиты въ немъ въ сильной степени, и леченіе будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ правильнѣе станетъ разсуждать онъ въ свѣтлыя минуты.

— Но мнѣ кажется, что тогда онъ яснѣе пойметъ свое положеніе, возразила докторша.

— Да; но за-то найдетъ и больше средствъ къ оправданію своихъ мыслей и поступковъ. Видѣнія припишетъ онъ силѣ возбужденія, легкое бышенство—раздражительности характера. Для успѣшнаго леченія необходимо дѣйствовать на главную причину его болѣзни—любовь къ той женщинѣ, о которой я подробно передалъ тебѣ разсказъ Корсалинскаго. Теперь еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь я сомнѣваюсь въ справедливости этого разсказа, а мнѣ непременно надо узнать всѣ его подробности. Со мною больной не будетъ откровененъ, да я и не сѣмью разспросить его такъ тонко, чтобъ не расшевелить въ немъ слишкомъ-тяжелыхъ воспоминаній. На это способна только женщина. Постарайся, пожалуйста, сблизиться съ нимъ и разузнать всю эту исторію. Вообще мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ ты чаще видѣлась

и говорила съ нимъ, оказывала ему больше участія. Я увѣренъ, что еслибъ ты пила сегодня вмѣстѣ съ нимъ чай въ гостиной, съ нимъ бы не случилось такого сильнаго пароксизма. Въ подобныхъ случаяхъ вліяніе женщины успокоительно; оно можетъ имѣть огромные и благотѣльные результаты.

— Мнѣ казалось какъ-то неловко оказывать ему большое вниманіе, отвѣчала докторша: — но если ты хочешь этого...

— Я просилъ ужъ тебя объ этомъ и прошу еще разъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, сказалъ докторъ съ легкимъ отгвнкомъ неудовольствія.

— Я сдѣлаю все, что тебѣ угодно, хоть ты знаешь, какъ трудно будетъ мнѣ измѣнить своимъ привычкамъ и характеру. Стараться возбудить довѣрчивость въ молодомъ человѣкѣ...

— Но вѣдь онъ сумасшедшій! прервалъ съ нетерпѣніемъ докторъ.

— Сумасшедшій! повторила съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ докторша.—Конечно, самое положеніе возбуждаетъ невольное участіе къ нему...

— И прекрасно! прервалъ опять докторъ: — если только онъ увидитъ съ твоей стороны искреннее участіе, то будетъ совершенно откровененъ съ тобою. Это бываетъ и не съ помѣшанными. Подумай только, что этимъ ты можешь облегчить его тяжелую участь, можетъ-быть, спасти его, возвратитъ людямъ и обществу.

— Я сдѣлаю для этого все, что могу, спокойно отвѣчала докторша, подставляя лобъ свой поцалую мужа.

V.

На другой день къ Гроховичу явился Корсалинскій, обо всемъ уже предупрежденный. Какъ онъ могъ такъ скоро все узнать — докторъ не могъ понять этого; но больше всего его удивляло то, что Корсалинскій ни слова не возражалъ на требованіе удалить Жѳнчка, напротивъ, говорилъ, что очень-хорошо понимаетъ необходимость не раздражать больнаго, и жалѣлъ только о его непонятномъ ослѣпленіи, заставлявшемъ такъ жестоко оскорблять человѣка, преданнаго ему всею душою. Онъ просилъ, однакожь, чтобъ Жѳнчекъ попрежнему считался въ услуженіи у больнаго и даже находился въ распоряженіи доктора, исполняя все, что

будеть нужно для графа, и наблюдая вообще за его потребностями. Съ этою цѣлью Жѣнчекъ, по словамъ Корсалинскаго, уже прискалъ себѣ особый уголокъ въ сосѣднемъ домѣ, чтобъ все-таки быть какъ-можно-ближе къ любимому имъ господину, особенно на случай, если болѣзнь приметъ дурной оборотъ. При этомъ камердинеръ давалъ всевозможныя обещанія и ручательства, что больной никогда его не увидитъ и что Жѣнчекъ будетъ узнавать о его положеніи только черезъ прислуживающихъ ему лакеевъ. Гроховичъ очень-хорошо понималъ, что надзоръ Жѣнчка необходимъ для Корсалинскаго, хотя и стѣснительнъ для него самого, но не могъ не согласиться на просьбу о камердинерѣ, весьма-скромную и основательную. Докторъ подтвердилъ только непрѣмное условіе: не показываться на глаза большому, и сказалъ, что, при малѣйшемъ нарушеніи этого условія, будетъ требовать совершеннаго удаленія камердинера изъ Царскаго Села. Корсалинскій ручался за исполненіе всего, что потребуеъ докторъ.

Послѣ удаленія Жѣнчка, больной сдѣлался видимо-спокойнѣе, обращался съ докторомъ непринужденнѣе, довѣрчивѣе. Докторши онъ повидимому избѣгалъ, въ ея присутствіи былъ неразговорчивъ, на ея вопросы отвѣчалъ отрывисто, неохотно, благодаря сухо за все вниманіе къ нему и мелкія услуги, которыя она ему оказывала. Докторъ былъ недоволенъ этимъ, недоволенъ даже своею женою и говорилъ, что она все-таки холодна и неласкова съ больнымъ. Докторша отвѣчала, что насильно нельзя ни въ комъ возбудить участія, и что она невиновата, если больной не чувствуетъ къ ней ни малѣйшаго расположенія.

Въ концѣ слѣдующей недѣли одно незначительное обстоятельство сблизило ихъ довольно-быстро. Въ ясный вечеръ послѣднихъ чиселъ апрѣля докторъ повѣхалъ кататься съ больнымъ; докторша осталась одна дома. Дѣлать ей было нечего. Дѣятельность Жѣнчка избавила ее почти отъ всѣхъ заботъ по хозяйству. Имѣя несравненно-болѣе свободнаго времени, чѣмъ прежде, она вздумала припомнить себѣ одну изъ любимыхъ ею мелодій: «послѣднюю мысль Вебера», отыскала въ комодѣ старенькія ноты и принялась разыгрывать ихъ въ гостиной, на богатомъ роялѣ графа.

Въ жару игры, занятая прилежнымъ дешифрированіемъ, отъ котораго почти отвыкла, она не слыхала, какъ къ крыльцу подъѣзжала карета, и возвратилась мужъ ея и графъ. Послѣдній услы-

халъ еще изъ передней меланхолическіе звуки веберовой мелодіи и спросилъ съ удивленьемъ Грохѣвича :

— Кто это играетъ?

— Вѣрно, жена бренчитъ какую-то дребедень, отвѣчалъ спокойно докторъ.—Въ старые годы она тоже была охотница барабаничь на этихъ цимбалахъ, которые Богъ-знаетъ почему сдѣлались моднымъ инструментомъ. То ли дѣло было, когда наши бабушки играли на гитарѣ!

Но Перскій не слыхалъ уже давно словъ доктора. Онъ быстро вбѣжалъ въ гостиную и сталъ за стуломъ докторши. Увидѣвъ его, она немного смутилась и взяла невѣрный аккордъ... Пальцы ея остановились на умолкнувшихъ клавишахъ.

— Не такъ! сказалъ съ досадою Перскій и, держась лѣвою рукою за спинку стула, протянулъ правую черезъ плечо докторши, отвелъ въ сторону ея руку и взялъ нѣсколько звучныхъ аккордовъ, окончившихъ пьесу.

Докторша вздрогнула невольна, когда ея руки коснулась бѣлая, холодная рука больного, когда за ея плечомъ послышалось его неровное дыханіе и волосы его слегка задѣли ея шею. Смущенная, она хотѣла встать со стула, но Перскій дотронулся до ея руки ниже локтя и сказалъ отрывисто и глухо :

— Продолжайте, прошу васъ!

— Но... я уже кончила, отвѣчала она едва-слышно.

— Начните сначала. Эта мелодія напоминаетъ мнѣ многое; я очень любилъ ее.

Стараясь побѣдить невольное волненіе, докторша собрала вои силы и стала играть снова. Перскій недолго стоялъ за нею; онъ взялъ стулъ, сѣлъ съ правой стороны рояля, лицомъ къ докторшѣ, оперся рукою на рояль, положилъ на нее голову и сталъ смотрѣть прямо въ лицо играющей большими черными глазами. Она чувствовала, что глаза эти устремлены на нее; она не различала уже нотъ передъ собою, и пальцы, не повинаясь ей, готовы уже были замереть на клавишахъ, когда онъ протянулъ къ ней руку и, положивъ ее на ея трепещущія руки, сказалъ тихо и грустно:

— Перестаньте; вы дурно играете. Мнѣ тяжело слушать васъ.

— Я играю невыносимо, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ, не имѣя духа освободить свои руки отъ холоднаго пожатія больного. Только не желая отказать вамъ, я рѣшилась играть передъ вами пьесу, которую разбираю всего второй разъ послѣ десятилѣтняго антракта! Видите ли, какъ у меня мало самолюбія!

— У васъ мало искусства, продолжалъ тѣмъ же холоднымъ тономъ Перскій.—Въ вашей игрѣ есть чувство и мягкость, но вы играете неровно, не слышите своихъ ошибокъ и не соблюдаете такта, не говоря ужъ о томъ, что дурно держите пальцы: Вы много учились музыкѣ?

— Серьезно, года два.

— И любите ее?

— Очень.

— Зачѣмъ же бросили играть?

— Я не имѣла возможности учиться для себя: въ домѣ, гдѣ я жила, не любили музыки.

— Скажи яснѣе: у тебя не было времени заниматься музыкой, замѣтилъ докторъ, усѣвшись въ углу на диванѣ.

— Отчего же вы не продолжали играть, выйдя замужъ? спросилъ Перскій:—вашъ мужъ вѣрно позволилъ бы вамъ это, хоть ровно ничего не понимаетъ въ музыкѣ.

— У насъ не было средствъ приобрести фортепьяно, отвѣчала печально докторша, въ то время, какъ мужъ ея проворчалъ что-то въ родѣ благодарности Перскому за такое лестное мнѣніе объ немъ.

— Не-уже-ли въ десять лѣтъ, продолжалъ Перскій, не обращая никакого вниманія на доктора:—вы не могли отказать себѣ въ чемъ-нибудь, чтобъ доставить себѣ удовольствіе заниматься музыкой?

— У насъ никогда не было лишнихъ доходовъ, сказала съ грустной улыбкой докторша.—Потомъ, въ теченіе нѣкотораго времени мы могли, конечно, скопить сумму на покупку недорогого инструмента, но, не играя уже лѣтъ шесть и имѣя, сверхъ-того, много дѣла по хозяйству, я перестала думать о музыкѣ и врядъ ли бы вспомнила о ней, еслибъ меня не соблазнилъ вашъ удивительный рояль, на которомъ какъ-то, во время вашего отсутствія, я попробовала взять нѣсколько аккордовъ. Почти ежедневныя прогулки ваши дали мнѣ мысль заняться опять музыкой и, если можно, припомнить кое-что изъ старыхъ нотъ, случайно-оставшихся у меня, какъ память прошедшаго. Вы бы и не знали о моихъ музыкальныхъ попыткахъ, еслибъ не моя непростительная сегодняшняя оплошность, которая, конечно, не повторится, потому-что при васъ я впередъ не рѣшусь подойти къ роялю.

— Напротивъ, я хочу, чтобъ вы и при мнѣ занимались музыкой, сказалъ съ живостью Перскій. — Какъ ни плохо играете

вы, но ваша неискусная игра все же приятнѣе для меня, чѣмъ глубокомысленныя разсужденія доктора о музыкѣ.

На это также несовсѣмъ-любезное замѣчаніе докторъ не отозвался ни однимъ звукомъ и сидѣлъ совершенно-неподвижно въ своемъ углу, такъ-что можно было подумать, что онъ спитъ.

— Но я могу надѣсть вамъ, сказала докторша.

— Я скажу вамъ, если вы мнѣ надѣдите, отвѣчалъ спокойно Перскій.—Гаммы вы, конечно, можете выдѣлывать во время моихъ прогулокъ, а при мнѣ разыгрывать что-нибудь хорошее. Я выберу вамъ нетрудныя пьесы, буду самъ учить васъ.

— Очень-благодарна вамъ; но это займетъ слишкомъ-много времени... Я довольно безтолковая ученица... У меня есть занятія...

— Никакихъ занятій у тебя нѣтъ, раздался рѣзкій голосъ изъ угла комнаты.—Графъ заботится о томъ, чтобъ доставить тебѣ удовольствіе и пользу, и было бы смѣшно не соглашаться на это.

Докторша опустила голову; въ комнатѣ съ минутою царствовало молчаніе.

— Я не буду обременять васъ трудными пьесами, началъ опять также спокойно больной.— Вы разучите также нѣсколько пьесъ въ четыре руки. Я такъ давно не игралъ ни съ кѣмъ моихъ любимыхъ сонатъ... Вѣдь вамъ не трудно будетъ играть секунду?

— Въ секундѣ всего труднѣе счетъ; но, подѣ вашимъ руководствомъ, я увѣрена, что не буду сбиваться.

— Стало-быть, это дѣло рѣшеное, и теперь не вы меня, а я васъ долженъ благодарить за ваше снисхожденіе къ прихотямъ больного. Скажите: очень вамъ скучно смотрѣть на него?

Докторша взглянула на него съ удивленіемъ.

— Отчего вамъ вздумалось сдѣлать мнѣ такой вопросъ? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— По очень-простой причинѣ: мнѣ надѣвли всѣ люди; стало-быть, и я въ свою очередь долженъ надѣдать вамъ.

— И то и другое кажется вамъ оттого только, что вы больны.

— Вы думаете, что моя нелюбовь къ людямъ происходитъ отъ болѣзни? Мнѣ кажется напротивъ, что моя болѣзнь происходитъ оттого, что я не могу любить людей, сказалъ Перскій съ грустнымъ выраженіемъ.

— Если вы и дѣйствительно не любите ихъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ они обязаны были платить вамъ тѣмъ же.

— Такъ вы думаете, что можно любить человека, который насъ ненавидитъ? спросилъ съ ироніею Перскій.

— Конечно, отвѣчала спокойно докторша.—Въ чемъ же и состояла бы заслуга истинной любви, полной самоотверженія и преданности, еслибы мы любили только за то, что насъ любятъ?

— Ваша теорія очень-великодушна, только изъ нея можно извлечь слишкомъ-обширные результаты. Если мы можемъ любить тѣхъ, кто насъ не любитъ, то обязаны также любить за то только, что насъ любятъ.

— Я думаю, что это даже неизбежно. Истинное чувство непременно вызываетъ сочувствіе.

— Но вы оправдываете эту теоріею всякую непопозволенную страсть.

— Страсть бываетъ непопозволенною, когда она высказывается въ словахъ и поступкахъ; заключенная въ сердца — она только несчастна.

За этими словами слѣдовало опять минутное молчаніе. Его прервалъ Перскій.

— Вы, однакожь, странная женщина... Вильгельмина Карловна, кажется? спросилъ онъ.

— Меня зовутъ не Вильгельминой, отвѣчала докторша.

— Я слышалъ, какъ мужъ звалъ васъ Миной.

— Это правда; но имя это сокращено изъ Эрминіи.

— Это очень-хорошее имя, и его вовсе не слѣдовало сокращать, особенно такъ неправильно.

— Жена моя не любитъ своего имени, раздался опять изъ угла голосъ доктора, о которомъ позабыли разговаривающіе.—Она считаетъ его слишкомъ романтическимъ; поэтому я зову ее всегда Миною. Впрочемъ, у нея не одно это имя. Ее зовутъ: Эрминія-Катерина-Марія-Констанція.

Перскій вздрогнулъ при второмъ имени докторши и повторилъ, опустивъ голову:

— Катерина!... Да, она напоминаетъ ее многимъ: мыслями, даже лицомъ, только не голосомъ... О! никто изъ живыхъ не говорилъ никогда такимъ голосомъ... Только я одинъ слышу его по ночамъ, когда онъ давно уже замолкъ для всѣхъ на свѣтѣ.

Онъ совершенно опустилъ голову на грудь въ глубокой задумчивости. Давъ пройти нѣсколькимъ минутамъ, докторша охватила, обращаясь къ нему:

— Не хотите ли вы отдохнуть, графъ?

Больной не отвѣчалъ ни слова. Докторша встала съ своего мѣста и подошла къ мужу, сказавъ ему тихо :

— Мнѣ кажется, ты дурно сдѣлалъ, напомнивъ ему имя этой женщины.

— Напротивъ, очень-хорошо, отвѣчалъ докторъ, выходя съ нерва въ переднюю. — Надо его чаще наводить на этотъ разговоръ, заставить его высказаться и повѣрить другимъ всѣ свои мечты и видѣнія, вывести образъ этой женщины изъ таинственнаго почитанія, которымъ онъ ее окружаетъ, сдѣлать ее предметомъ ежедневныхъ толковъ, свести опять въ тотъ прозаическій міръ, изъ котораго онъ исторгнулъ ее, олицетворявъ своею страстью, лицить ее, всей идеальной обстановки, которою онъ окружилъ ее въ своемъ поклоненіи ей. Если нельзя, чтобъ онъ забылъ о ней, пусть говоритъ столько, чтобъ это утомило его. Надо только во всемъ соглашаться съ нимъ, находить ее чудомъ совершенства, если можно, восхищаться ею больше, чѣмъ онъ самъ.

— Женщина, внушившая такую страсть, не могла быть обыкновенной женщиной... сказала задумчиво докторша.

— Тѣмъ лучше, если ты точно убѣждена въ этомъ, продолжалъ Грохovichъ. — Въ тебѣ есть частичка сантиментальности и романичности, и я, признаюсь, разсчитывалъ на нее, потому-что это будетъ весьма-полезно для твоихъ сношеній съ больнымъ. Говори ему какъ-можно-чаще и какъ-можно-восторженнѣе о его покойномъ идеалѣ. Пользуйся всякимъ случаемъ, не бойся растратить его воспоминанія: это принесетъ большую пользу. Пусть онъ задумывается, терзается, приходитъ въ отчаяніе: это очень-хорошо. Всего-лучше, еслибъ его можно было заставить плавать. До-сихъ-поръ съ нимъ употребляли совершенно-противоположную систему: она не принесла никакой пользы. Чѣмъ больше удаляли отъ него всякое напоминаніе о покойницѣ, тѣмъ упорнѣе онъ возвращался къ нему. Мнѣ почему-то кажется, что, наводя его ежеминутно на мысль о ней, мы его заставимъ наконецъ отвернуться отъ этого воспоминанія. Физиологія представляетъ подобные факты. Поэтому я прошу тебя обращаться какъ-можно-безжалостнѣе съ его драгоценнымъ воспоминаніемъ. Помни, что, причиняя временную боль человеку, ты спасаешь его этой деривативной системой. Помни, что тебѣ онъ можетъ быть обязанъ больше чѣмъ жизнью — способностью оценить эту жизнь и пользоваться всѣми дарами, которые дается въ ней человеку здравомыслящему закону и требованія этой жизни.

— Цѣль наша, конечно, высока и благородна, но дорога къ ней тяжела, и сердце не разъ обольется кровью на этомъ трудномъ пути...

— Тѣмъ болѣе велика заслуга достигнуть этой цѣли, отвѣчалъ Грохѡвичъ.—Теперь ужь поздно; и, ослабляя силы его воображенія, мы не должны въ то же время утомлять его физическихъ силъ; иначе мы вылечимъ духъ, а погубимъ тѣло, и цѣль наша все-таки не будетъ достигнута. Ступай къ себѣ, но съ завтрашняго же дня толкуй ему, если можно, всякую минуту о его Катенькѣ, стараясь разговаривать съ нимъ только по утрамъ. Теперь онъ, кажется, сошелся съ тобою и ты ему очень понравилась.

Докторша слегка покраснѣла и, молча простившись съ мужемъ, ушла наверхъ.

Грохѡвичъ, вернувшись въ гостиную, долго смотрѣлъ на Перскаго, неподнимавашаго головы, потомъ положилъ къ нему на плечо руку и сказалъ :

— Пора вамъ спать, Алексѣй Васильичъ. Не забудьте, что мы завтра въ шесть часовъ утра ѣдемъ въ Графскую Славянку.

Перскій посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ человекъ, пробужденный внезапно отъ крѣпкаго сна.

— А, это вы! сказалъ онъ съ разстановкой, собирая разсѣяныя мысли. — Гдѣ же ваша жена?

— Ушла къ себѣ наверхъ. Вамъ не наскучило разговаривать съ нею?

— Нисколько. Я, признаюсь вамъ, никакъ не ожидалъ, чтобъ я... чтобъ она...

Перскій остановился, не приискавъ фразы, которая объяснила бы его мысль. Докторъ помогъ ему.

— Вы не ждали, что она несовсѣмъ-глупа— не такъ ли? Въ этомъ случаѣ вы такъ же легко, какъ и всякій, могли въ ней ошибиться. Въ ней дѣйствительно много прекрасныхъ чувствъ и здравыхъ мыслей; но она большая нелюдимка, и ее очень-трудно заставить разговариваться. Удивляюсь, какъ вы успѣли въ этомъ. Это значитъ, что она принимаетъ въ васъ искреннее участіе.

— Но я ничѣмъ не заслужилъ его, сказалъ съ жаромъ Перскій:—я не обращалъ на нее никакого вниманія, даже несовсѣмъ-учтиво обходился съ нею... Сегодня, напримѣръ, показывая ей какъ надо играть, я выразился, помнится, довольно-грубо, отвелъ ея руку отъ клавишей, и замѣтилъ, что это произвело на нее непріятное впечатлѣніе. По праву больного, я позволялъ себѣ не

церемониться съ окружающими меня лицами и долженъ извиниться въ этомъ.

Перскій поднялся съ своего мѣста съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Гроховичъ, улыбаясь, взялъ его за руку и сказалъ :

— Вы успѣете завтра передать ей всѣ ваши объясненія и извиненія, а сегодня вамъ рѣшительно пора спать. Мы много ходили по саду и вамъ нуженъ покой. Не хотите ли принять на ночь лавровишневыхъ капель?

— Расскажите мнѣ исторію вашей жены, докторъ, отвѣчалъ больной.

— Хоть два раза, только завтра. Пойдемте; я провожу васъ.

— А не поѣдетъ ли она завтра съ нами въ Славянку? Отчего она такъ мало гуляетъ? Это нездорово.

— Я приглашу ее ѣхать съ нами, если вы этого хотите.

— Прошу васъ. И вы думаете, что она согласится?

— Разумѣется.

— Не забудьте же сдѣлать это.

— Не забуду, сказалъ докторъ, смѣясь и почти насильно вталкивая больного въ спальню.

Потомъ, возвращаясь отъ жены въ свой кабинетъ, онъ съ удовольствіемъ потерялъ руки и сказалъ : — Кажется, дѣло идетъ на ладъ.

VI.

Докторъ, однако, радовался напрасно. Вставъ на другой день, по своему обыкновению, въ пять часовъ, онъ съ неудовольствіемъ увидѣлъ, что все небо обложилось тучами и шелъ мелкій дождь, обѣщавшій, по всѣмъ примѣтамъ, не переставать цѣлый день. Входя въ шесть часовъ къ Перскому, онъ даже обдумывалъ фразы утѣшенія и сожалѣнія, но, къ удивленію его, онѣ оказались совершенно-ненужными. Съ первыхъ словъ больной остановилъ его и сказалъ, что даже радъ дождю, потому-что и безъ того чувствовалъ нерасположеніе къ прогулкѣ. Гроховичъ спросилъ, не было ли съ нимъ какого-нибудь особеннаго болѣзненнаго припадка. Перскій отвѣчалъ, что, напротивъ, чувствуетъ себя гораздо-лучше и разсудительнѣе, чѣмъ вчера. Какъ ни старался докторъ вывѣдать причину такой внезапной переменны въ мысляхъ и намѣреніяхъ, больной молчалъ упорно; можно было только замѣтить, что онъ былъ немного-грустнѣе обыкновеннаго. О докторшѣ

не было и помину въ ихъ разговоръ. Перскій не справлялся даже о ея здоровьѣ.

Докторъ оставилъ его въ покоѣ, желая посмотреть, не поманитъ ли это расположение въ-теченіе дня. Перемены, однакожь, не было. Цѣлый день Перскій былъ грустенъ и задумчивъ, не выходилъ изъ своей комнаты и, встрѣясь съ Миной Карловной за обѣдомъ, едва сказалъ ей нѣсколько словъ, сухихъ и отрывистыхъ. Она сама была удивлена этимъ, но не хотѣла насильно вызывать его на бесѣду.

«Съ нимъ что-нибудь случилось, или онъ просто не въ духѣ», думалъ докторъ. «Подождемъ до завтра».

Но завтра и послѣзавтра было то же самое. Больной видимо избѣгалъ докторши и казался неловкимъ и смущеннымъ въ ея присутствіи. Съ каждымъ днемъ онъ становился также грустнѣе обыкновеннаго. О прогулкѣ и объ урокахъ музыки не было и помину. Докторъ былъ очень-недоволенъ этимъ и началъ придумывать, какой бы толчокъ дать организму больного, чтобъ расшевелить его. Апатическое состояніе казалось ему опаснѣе ирритационнаго.

Толчокъ этотъ дали обстоятельства, и онъ былъ даже сильнѣе, чѣмъ нужно. Въ концѣ этой недѣли пріѣхала навѣстить больного мать его. Это была женщина лѣтъ пятидесяти-трехъ, высокая, худощавая, потерявшая еще не всѣ остатки прежней красоты, со впалыми, но еще выразительными глазами, гордой походкой, пріемами большаго свѣта. Съ нею пріѣхали младшій сынъ ея и компаньонка, вертлявая поляка съ сѣдыми локонами и открытой шеей.

Госпожа Корсагинская съ необыкновеннымъ участіемъ встрѣтила сына, осведомилась о его положеніи, разспрашивала, всѣмъ ли онъ доволенъ, вѣтъ ли у него какой-нибудь прихоти, которую она почти бы за счастье исполнить. Перскій отвѣчалъ отрывисто, что здѣсь ему очень-хорошо и онъ ничего не желаетъ, ни въ чемъ не нуждается. Корсагинская обратилась потомъ къ доктору, благодарила его въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ за его попеченіе о больномъ, сказала нѣсколько преувеличенныхъ комплиментовъ о знаніи доктора и, прощаясь, изъявила надежду видѣть сына своего въ скоромъ времени совершенно-здоровымъ при такой блистательной системѣ леченія. Доктору сильно не понравилась эта женщина; въ ней была смѣсь гордыхъ манеръ съ выраженіями, неупотребляемыми въ высшемъ кругу, любвиности

съ аскетическою, предупредительности съ пренебреженіемъ. Самая лнѣжность къ сыну была въ ней какъ-то натянута, несмотря на всѣ громкія еразы и кажущуюся заботливость. Корсалинскій обходился съ нею очень — почтительно, компаньонка смотрѣла на нее съ подобострастіемъ, отвѣчала чуть не съ благоговѣніемъ. Отъ этого почтительное, но холодное обращеніе съ нею большого, отвѣчавшаго довольно — сухо на всѣ ея ласки, выказывалось еще рѣзче, и Корсалинская сочла долгомъ замѣтить доктору, что болѣзнь произвела большую переменъ въ ея сынѣ, принудивъ его отвѣчать на всѣ ея заботы и попеченія не съ прежнею живѣйшею благодарностью и самою восторженною любовью къ матери. Грохѣвичъ не отвѣчалъ ничего на это физиологическое замѣчаніе.

Больной былъ очень-заволнованъ этимъ посвѣщеніемъ и долго не могъ успокоиться послѣ отъѣзда матери. Докторъ нашелъ даже, что въ немъ развилась раздражительность и задумался еще сильнѣе надъ своимъ пациентомъ, не дѣйствуя, однакожъ, ничѣмъ противъ этой раздражительности.

На другой день, послѣ пріѣзда матери, положеніе больного было также неудовлетворительно, а докторша, противъ своего обыкновенія, была очень-разсѣянна, что удивило Грохѣвича; но еще болѣе удивился онъ, увидя опять передъ собою Корсалинскаго. Правда, наканунѣ онъ не успѣлъ сказать съ нимъ почти ни слова, но и говорить имъ было нѣ о чемъ; стало-быть, во второй разъ онъ долженъ былъ пріѣхать за дѣломъ.

Дѣло было, впрочемъ, неважное, хотя немножко щекотливое. При всей находчивости Корсалинскаго, при умѣньи его выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, онъ видимо затруднился исполнить порученіе, возложенное на него матерью. Оно состояло въ томъ, что Корсалинская, въ ознаменованіе своего благоволенія къ доктору, просила его позволить увеличить его гонорарій. Грохѣвичъ поблагодарилъ за предложеніе, но рѣшительно отказался отъ него, увѣряя, что онъ и такъ получаетъ довольно. Корсалинскій не настаивалъ, но намекнулъ, что, въ случаѣ исцѣленія, докторъ не можетъ отказаться отъ благодарности матери, въ какомъ бы видѣ ни выказалась эта благодарность. Грохѣвичъ отвѣчалъ, что объ этомъ будетъ время говорить тогда, когда послѣдуетъ исцѣленіе.

— Стало-быть, вы надѣетесь, что бѣдный братъ мой можетъ

совершенно излечиться от этой ужасной болѣзни? спросилъ Корсалинскій, съ особеннымъ участіемъ смотря на доктора.

— Болѣзнь его вовсе не такъ ужасна, отвѣчалъ спокойно Гроховичъ.

— Но, однакожь, вѣдь это настоящее сумасшествіе? говорилъ тотъ съ какимъ-то безпокойствомъ.

— Дѣ, если мы пріймемъ эту болѣзнь въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ большинство.

— Стало-быть, вы думаете, что не всѣ назовутъ ее сумасшествіемъ?

— Иначе назвать ее нельзя, потому-что въ наукѣ нѣтъ терминовъ для опредѣленія различныхъ степеней умственного разстройства; но, произнося одно и то же слово, мы оба будемъ съ вами понимать его, можетъ-быть, совершенно-различно. Я увѣренъ даже, что еслибъ вамъ самимъ надобно было подробно описать помѣшательство ума, вы были бы не въ-состояніи сдѣлать этого по самой простой причинѣ: для оцѣнки степени сумасшествія необходимо сдѣлать прежде точное опредѣленіе ума. А можете ли вы положить ему строгія границы?

— Мнѣ кажется, однакожь, что помѣшаннаго легко отличить отъ человѣка въ здоровомъ умѣ, сказалъ съ легкой ироніей Корсалинскій.

— Вы легко отличите представителей крайностей того и другаго состоянія — не болѣе. А развѣ не случалось вамъ въ жизни встрѣчаться съ людьми, вся жизнь которыхъ проходитъ на границѣ между умомъ и безуміемъ, которымъ не достаетъ только случая помѣшаться окончательно? То, что для однихъ безуміе для другихъ только невѣжество. Разсудительность одного вѣка кажется безуміемъ другому. Даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ развѣ не мѣняются иногда съ лѣтами его сужденія, взгляды, понятія? развѣ онъ не считаетъ часто въ зрѣломъ возрастѣ безуміемъ того, что думалъ въ молодости? Въ самомъ помѣшательствѣ логика не теряетъ своихъ правъ, и заблужденіе ума бываетъ совершенно-отлично отъ заблужденія чувствъ. Наука называетъ галлюцинаціями созданіе образовъ, безъ всякаго участія чувствъ въ этомъ созданіи. Это, очевидно, состояніе болѣзненное, ненормальное, а между-тѣмъ сколько людей, которыхъ мы называемъ великими мыслителями, были подвержены галлюцинаціямъ! Вспомните самыя рѣзкіе примѣры: Сократа, Паскаля, и другихъ. А развѣ не бываетъ безумія неизбежнаго, наследственнаго, эпидемическа-

го? Какъ объясните вы безуміе частное, относящееся только къ одному какому-нибудь предмету, *idea fixa*, или безуміе періодическое, возвращающееся черезъ нѣсколько лѣтъ въ извѣстные числа и мѣсяцы? Мы еще такъ мало знаемъ умственные болѣзни, что произносить о нихъ рѣшительный приговоръ было бы то же своего рода безуміемъ.

— Если мы не знаемъ причины этого рода болѣзней, то намъ извѣстны ихъ свойства и способы леченія. Если мы не имѣемъ права сказать, кто можетъ сойти съ ума, то нашли два возраста, въ которые съ ума не сходятъ — дѣтство и старость. У дѣтей можетъ быть только временной бредъ, у стариковъ — постепенное ослабленіе всѣхъ умственныхъ способностей вообще, такъ называемое старческое слабоуміе. Потомъ вы раздѣлили помѣшательство на манию и мономанію, то-есть на общее и частное, или однопредметное.

— Если вы заговорите о дѣленіяхъ и системахъ, то въ этомъ еще меньше добьетесь толку, прервалъ Грохѳовичъ. — Классическое дѣленіе не признаётся теперь многими врачами, опровергающими возможность существованія мономаніи и проповѣдующими, что человекъ не можетъ быть помѣшанъ на одномъ предметѣ, и въ то же время разсуждать о другихъ здраво. Они утверждаютъ, что умственное расстройство должно распространяться на всю мыслящую силу. Кондильякъ и Ларомигьеръ говорили, что помѣшательство происходитъ отъ поврежденія способности вниманія. Гейнротъ различаетъ поврежденія ума, чувствъ и воли. Одни не признаютъ меланхолиі видомъ помѣшательства; другіе даютъ ей главную роль во всѣхъ видахъ безумія; третьи, какъ Гюисленъ, отличаютъ въ меланхолиі особый видъ френопатіи. Есть, наконецъ, врачи, причисляющіе къ помѣшательству всѣ симпатіи и антипатіи. Эскироль даже сильное влеченіе къ какому-нибудь поступку, выходящему изъ правилъ и привычекъ нашей ежедневной жизни, называетъ инстинктивной мономаніей и причисляетъ къ разряду маніи безъ бреда; по его мнѣнію, меланхолики только чувствуютъ, а не размышляютъ. Онъ же первый началъ различать галлюцинаціи отъ иллюзіи, находя въ первыхъ слѣдствіе поврежденія мозга, а во вторыхъ, поврежденіе органовъ чувствъ и нервовъ. Конечно, взгляды его на галлюцинаціи совершенно-вѣрны, потому-что до него Линней называлъ ихъ болѣзнию воображенія, Соважъ — заблужденіемъ мыслящей силы, Сагаръ — ложными концепціями, а Колленъ, Дарвинъ и почти всѣ

английскіе врачи — просто бредомъ. Но, при всемъ моемъ уваженіи къ Оскарю, я раздѣляю мнѣніе тѣхъ немногихъ лицъ, которые считаютъ излишнимъ это дѣленіе на галлюцинаціи и иллюзіи и не допускаютъ поврежденія чувствъ безъ поврежденія ума. Длѣтотъ, чтобъ обманъ чувствъ былъ причисленъ къ помѣшательству, необходимо, чтобъ разстроенная мыслящая сила признала дѣйствительное существованіе этого обмана, и въ такомъ случаевъ подтвержденіе иллюзіи зависитъ отъ разстройства ума.

— Всѣ эти теоріи сумасшествія весьма-любопытны, но вы не высказываете о немъ собственнаго вашего мнѣнія, а мнѣ очень бы хотѣлось знать, какъ думаете вы объ этомъ предметѣ?

— По-моему, сумасшествіе — сонъ на яву, отвѣчалъ спокойно Грохѣвичъ.

— Сонъ на яву! повторилъ Корсалинскій нѣсколько-удивленнымъ тономъ.

— Мнѣніе мое можетъ вамъ показаться страннымъ, но его ужъ высказывали въ формѣ вопроса и сомнѣнія два-три врача, правда, не пользовавшіеся большою извѣстностью. Я окончательно убѣдился въ этомъ послѣ нѣсколькихъ наблюденій и изученій.

— Мнѣ любопытно было бы узнать, на чемъ основывается ваше мнѣніе.

— Я объясню вамъ его въ короткихъ словахъ. Чтобъ понять его вполнѣ, надобно прежде всего согласиться въ томъ, что мы называемъ сномъ. Физиологи и врачи понимаютъ различно это состояніе. Бурдахъ и Брандисъ называютъ его возвращеніемъ къ состоянію зародышной жизни, Кабанисъ видитъ въ немъ не пассивное состояніе, а особое отправление мозговой системы; другіе видятъ въ немъ даже типъ элементарнаго состоянія организма, какъ Бюффонъ, принимающій сонъ за такой же видъ существованія, какъ и бѣдніе. Въ наше время смѣшно думать съ Бруссе, что сонъ обнаруживается прекращеніемъ отправления чувствъ и мускуловъ, управляемыхъ волею и уничтоженіемъ мыслящихъ способностей. Такой сонъ не существуетъ и невозможенъ, потому что онъ не могъ бы прекратиться. Пробужденіе невозможно тамъ, гдѣ есть прекращеніе какихъ-нибудь способностей. Что замѣчаемъ мы въ началѣ помѣшательства?—тѣ же самые признаки, какъ и при началѣ сна: образы, ощущенія, идеи неправильныя, смѣшанныя, потомъ постоянныя и преобладающія представляются намъ, не имѣя никакого основанія въ дѣйствительности. Обра-

зы эти, отпечатываясь въ мозгу, дѣйствуютъ во снѣ сильнѣе на органы, потому-что вліяніе ихъ не удерживается, не исправляется дѣйствительнымъ существованіемъ предметовъ, какъ въ состояніи бдѣнія. Такимъ-образомъ во снѣ мы стремимся совершить предпріятія, за которыя не взяли бы на-яву, потому-что препятствія къ достиженію ихъ непреодолимы. Въ помѣшательствѣ, несознающемъ прямо логическаго отношенія между предметами и впечатлѣніями, ими производимыми, тѣ же симптомы, какъ и въ сновидѣніи, тоже разногласіе между ощущеніями и причинами, произведшими ихъ, ослабленіе сужденія отъ недостатка размышленія, быстрота умозаключеній, происходящая отъ чрезмѣрной дѣятельности мозга, неуправляемаго расудкомъ сочетаніе разнородныхъ идей и происходящія отъ этого ложныя сужденія, остановка отправленій одного или нѣсколькихъ чувствъ, дѣйствующихъ только по воспоминанію, отсутствіе возможности повѣрять впечатлѣнія, стремленіе нервной дѣятельности къ ея центру. Всѣ эти точки соприкосновенія между сномъ и сумасшествіемъ такъ многочисленны, что не могутъ быть случайными. Бурдахъ говоритъ, что душа во снѣ въ одно и то же время бываетъ зрительницей и дѣйствующимъ лицомъ въ представленіи, разыгрываемомъ ею самою и передъ нею. Она примѣчаетъ свои собственныя дѣйствія, какъ-будто-бы они происходили внѣ ея, потому-что во снѣ нѣтъ противорѣчія дѣйствительности, присутствія ума, вниманія; но, съ другой стороны, органы чувствъ развиваютъ во снѣ свою собственную дѣятельность, ничѣмъ не удерживаемую и непоправляемую. Не то же ли происходитъ и въ помѣшательствѣ? Развѣ сновидѣнія не тѣ же галлюцинаціи? Еслибъ мы знали условія, при которыхъ наши органы и тѣлесныя отправленія теряютъ постепенно свою дѣятельность, достигая до глубокаго сна, еслибъ мы знали различныя условія сна простаго и полнаго сновидѣніями, мы знали бы причины галлюцинацій. Но въ настоящемъ положеніи науки мы можемъ догадываться только, что у нихъ одинъ источникъ. Сумасшествіе такой же сонъ на-яву, какъ сонambuлизмъ — сумасшествіе во снѣ.

Докторъ излагалъ свою теорію спокойно и съ убѣжденіемъ. Корсаляинскій слушалъ, повидимому, внимательно, но воспользовался первою минутою, чтобъ сказать Грохѣвичу:

— Не могу спорить съ вами о степени вѣроятности вашей системы, потому-что не занимался спеціально медициною, а согласіе съ вами профана, конечно, не можетъ имѣть для васъ цѣны. Во всемъ

этомъ, какъ вы легко можете понять, мнѣ интересно болѣе всего то, что относится къ моему брату. Теперь вы ужь имѣли время изучить болѣзнь его, и я попросилъ бы васъ сказать мнѣ ваше искреннее мнѣніе: надѣетесь ли вы возвратить ему разсудокъ?

Докторъ исподлобья взглянулъ на Корсалинскаго, въ лицѣ котораго дышало такое искреннее участіе, въ голосѣ было такое неподдѣльное волненіе, что было бы очень-пріятно успокоить нѣжнаго брата. Несмотря на это, Грохѣвичъ по какому-то безотчетному чувству не хотѣлъ дать утвердительнаго отвѣта и возразилъ холодно :

— Я не могу сказать вамъ ничего не только рѣшительнаго, но даже проблематическаго: все будетъ завистъ отъ обстоятельствъ. Ваша матушка нашла, что состояніе больнаго замѣтно улучшилось даже въ такое короткое время; я самъ не ожидалъ этого и нисколько не участвовалъ въ этомъ. Все сдѣлала перемѣна мѣста и, можетъ-быть, образа жизни, стало-быть, въ будущемъ можно ожидать улучшеній. Собственно леченія я еще не предпринималъ, а только изучалъ больнаго. Думаю, впрочемъ, въ самомъ скоромъ времени попытаться произвести на него нравственное потрясеніе, которое, какъ мнѣ кажется, должно имѣть благодѣтельные послѣдствія.

Корсалинскій не допытывался о томъ, какія средства намѣренъ употребить докторъ, и простился съ нимъ весьма-озабоченный, сказавъ, что долженъ будетъ отлучиться на нѣсколько недѣль изъ Петербурга по семейнымъ дѣламъ, и прося Грохѣвича, въ случаѣ нужды, отдавать попрежнему всѣ приказанія Жончку, остающемуся въ полномъ распоряженіи доктора.

Вечеръ этого дня былъ тепелъ и ясенъ. Грохѣвичъ почти насильно увезъ графа кататься, отъ чего тотъ долго отговаривался. По отъѣздѣ ихъ, Мина Карловна сошла внизъ и сѣла за рояль, къ которому не подходила со дня перваго сближенія съ Перскимъ. Она была задумчивѣе и играла разсѣяннѣе обыкновеннаго, часто останавливаясь и къ чему-то прислушиваясь. Нѣсколько разъ и съ особеннымъ стараніемъ играла она одинъ пассажъ изъ увертюры «Фрейшица», повторяющійся потомъ въ аріи Агаты. Это не помѣшало ей, однакожь, разслышать, какъ къ подъѣзду ихъ дома подъѣхала карета и въ передней послышались шаги графа и доктора. Несмотря на это, она продолжала играть очень-старательно, не поднимая головы, хотя чувствовала небольшое дрожаніе въ пальцахъ и легкую краску въ лицѣ.

Перскій нахмурилъ брови, войдя въ гостиную, быстро прошелъ ее и остановился у двери въ свою комнату; потомъ, простоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьи и держась за ручку двери, вернулся неровными шагами, какъ-будто невольна, на средину комнаты и, не глядя на докторшу, сѣлъ въ маленькую causeuse, въ формѣ буквы S, стоявшую тутъ же.

Мина Карловна употребляла всѣ усилія, чтобъ играть ровно; но, чувствуя, что не въ-состояніи хорошо исполнить труднаго финала увертюры, вдругъ остановилась, и послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, стала играть какой-то легонькій вальсъ.

— Полноте! какъ вамъ не стыдно! закричалъ Перскій съ своего мѣста. Бросьте этотъ вздоръ, кончайте «Фрейшица».

— Не могу, отвѣчала тихо докторша. — Я только-что начала разучивать увертюру и безъ васъ дошла до пассажа изъ аріи Агаты...

— Когда она на балконѣ ждетъ Макса, сказалъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ Перскій.

Докторша невольна покраснѣла. Ей показалось, что въ словахъ его была иронія. Она встала изъ-за рояля и сказала, идя къ двери:

— Не хотите ли продолжать сами увертюру? Агата дождалась ужъ своего Макса и идетъ къ нему.

— Куда жъ вы? спросилъ съ удивленіемъ Перскій.

— Я ужъ сказала вамъ, что къ своему мужу. Развѣ онъ не вернулся съ вами?

— Онъ вошелъ вмѣстѣ со мною въ гостиную и я не замѣтилъ, куда онъ пропалъ. Вѣрно, пошелъ писать какіе-нибудь нужные рецепты. Развѣ вамъ такъ необходимо его видѣть?

— Особенной необходимости нѣтъ, точно также, какъ нѣтъ необходимости и оставаться здѣсь, отвѣчала Мина Карловна съ живостью, удивившею ее самою.

— Вы сегодня что-то слишкомъ-развязны; это не идетъ къ вамъ, замѣтилъ спокойно Перскій.

— Не думаете ли вы, что я умѣю только молчать? спросила она, немножко-разсерженная его тономъ и словами.

— Умѣть молчать въ-время гораздо-труднѣе, чѣмъ говорить не въ-понадѣ...

— Или говорить колкости. Въ подобномъ случаѣ молчаніе было бы даже учтивостью.

— Что съ вами? Вы сегодня такъ раздражительны? прервалъ Перскій съ участіемъ. — Развѣ слова мои оскорбили васъ? Чѣмъ

же я могъ васъ разсердить? Мое обращеніе съ вами было, конечно, неровно: сначала я не обращалъ на васъ никакого вниманія, потомъ въ одинъ вечеръ сблизился съ вами, а на другое утро сталъ попрежнему избѣгать васъ. Но, не зная васъ, я не рѣшался прежде сблизиться съ вами, изъ недоувѣрчивости къ самому себѣ, изъ боязни не найти въ васъ никакого расположенія къ бѣдному больному, а потомъ, еслибъ вы знали, какія причины заставили меня вторично убѣгать васъ послѣ того ужъ, какъ вы оказали мнѣ столько участія!... Прошу васъ, не считайте сумасбродными моихъ поступковъ и не сердитесь на меня!

— На васъ нельзя сердиться; вы въ такомъ положеніи! сказала быстро докторша съ насмѣшливою улыбкой, которая, впрочемъ, тотчасъ же исчезла съ лица ея при видѣ бѣдности, покрывшей лицо больного.

— О, да! сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Вы правы: на мои слова нельзя обращать вниманія. Можно ли отвѣчать на нихъ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ пренебреженія? Если меня слушаютъ, то только изъ одного состраданія. Кого можетъ знать, кому принесетъ удовольствіе лепетъ бессмысленнаго ребенка? Впрочемъ, всякій ребенокъ можетъ больше меня возбудить участія: въ его словахъ можетъ еще быть зародышъ какой-нибудь мысли, признакъ чувства; въ моихъ нѣтъ ничего, кромѣ нелѣпаго бреда разстроеннаго воображенія. Чтѣ путнаго скажетъ сумасшедшій?...

Послѣднія слова больного были полны такой горечи, такого глубокаго, затѣннаго отчаянія, что Мина Карловна бросилась къ нему, сѣла напротивъ его, взяла за руку и сказала:

— Полноте, графъ! какъ вамъ не стыдно! Зачѣмъ такъ перетолковывать слова мои? говорила она голосомъ полнымъ слезъ. — Видъ вы знаете, что я не хотѣла, не могла оскорбить васъ... Вы правы: я сегодня въ раздражительномъ состояніи и, можетъ-быть, сказала какую-нибудь необдуманную фразу, за которую прошу у васъ прощенія... Слышите ли вы меня, графъ?... Простите меня!

И она крѣпко сжимала ему руки и, перегнувшись на ручку кресель, смотрѣла со страхомъ и волненіемъ прямо въ его мутные глаза, устремленные неподвижно въ уголъ комнаты.

— А! это ты, Кзтя! говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и отстраняя рукою докторшу. — Ты опять печально смотришь на меня, съ упреками качаешь головою, какъ въ ту ночь, когда, послѣ перваго разговора съ этой женщиной, ты пришла оказать мнѣ, чтобъ я боялся ея, избѣгалъ встрѣчь съ нею, мучае она

погубить меня!.. Твоя правда, Катя!.. Я чувствую, что слова ее ударили меня въ голову, точно мѣлотомъ... Мозгъ мой раскалдоя и жигеть нанутри черепъ... О! какая невыносимая боль!.. Катя! Катя! спаси меня!

Больной судорожно сжалъ голову руками, опрокинулся нанешичь въ кресла и глухой стонъ его слился съ громкимъ воплемъ докторши, бросившейся почти въ безпамятствѣ на грудь Персваго...

VII.

Два недѣли больной былъ въ весьма-опасномъ положеніи. Къ совершенному упадку силъ присоединилось чрезвычайное раздраженіе мозговой системы. Онъ бредилъ сильно и постоянно; галлюцинаціи не оставляли его почти ни на минуту. Состояніе горячечнаго бреда замѣнялось по-временамъ глубокой меланхоліей, и тогда больной проводилъ цѣлые дни неподвижно, сидя въ огромномъ креслѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, повидимому никого не замѣчая. Рѣдкія фразы его, обращенныя къ окружающимъ, были болышею-частью очень-странны и обнаруживали явное помѣшательство. Докторъ сомнительно покачивалъ головою. Только докторша не теряла надежды и ходила за больнымъ со вниманіемъ матери, съ самоотверженіемъ жены, съ преданностью сестры.

Больной, казалось, понималъ и цѣнилъ ее заботливость. Съ нею говорилъ онъ логичнѣе, чѣмъ съ другими, исполнялъ безпрекословно всѣ ея приказанія; при ней обуздывалъ, сколько могъ, порывы своего разстроеннаго воображенія. Ей удавалось даже иногда разсвѣвать припадки его меланхолии. Самая физическая боль, казалось, уменьшалась въ немъ, когда она проводила холодной рукою по его пылающему лбу, отводя въ сторону густые волосы, или прикладывала ее къ сильно-бьющемуся сердцу больного. Она провела почти безотлучно у его постели и креселъ всѣ эти два недѣли, и за-то надо было видѣть, съ какимъ чувствомъ устремлялись на нее большіе, неподвижные глаза Персваго! Эти уверныя, долгіе взгляды приводили ее порою въ невольное смущеніе, въ которомъ она не могла и не хотѣла дать себѣ отчетъ.

Во второй половинѣ мая больной замѣтно началъ поправляться. Грохочущъ былъ въ восторгѣ и называлъ жену свою истинной и

единственной спасительницей графа, что повторилъ и самъ Перскій. Мина Карловна краснѣла и говорила, что не сдѣлала ничего особеннаго, что долгъ всякаго помогать, чѣмъ можно, своему ближнему, и что, наконецъ, она не могла бы сдѣлать ничего безъ лекарствъ мужа. Грохѣвичъ отвѣчалъ, въ свою очередь, что больному нужно леченіе душевное и что лекарствъ онъ не давалъ ему никакихъ, кромѣ успокоительныхъ микстуръ и нѣсколькихъ капель морфина, чтобъ подѣйствовать на нервы и побѣдить упорную бессонницу Перскаго, неспавшаго часто нѣсколько ночей сряду, что было особенно-опасно, по причинѣ утомленія силъ и раздраженія воображенія.

Май въ этомъ году былъ теплый и ясный. Вечера были удивительны; но прозрачныя, свѣтлыя ночи дѣйствовали болѣзненно на Перскаго. Онъ не любилъ этихъ чудныхъ ночей, называлъ ихъ неестественными, больными, лихорадочными, даже мертвыми. Поэтому, часу въ десятомъ, всѣ ставни его комнаты запирались наглухо и отпирались только, когда онъ просыпался. Нерѣдко въ потемнѣвшую комнату его приносились свѣчи, и докторша долго еще сидѣла у больнаго за шитьемъ, разговаривая съ нимъ, или читая ему что-нибудь. Докторъ по вечерамъ обыкновенно работалъ въ своемъ кабинетѣ и только изрѣдка являлся къ больному навѣдываться о его положеніи.

Въ то время, какъ состояніе графа было сомнительно, Жѣнчекъ чуть не всякую минуту забѣгалъ справляться о его здоровьи и нѣсколько разъ приставалъ къ доктору съ просьбою, чтобъ тотъ позволилъ ему написать къ пану Корсалинскому и вытребовать его къ больному брату. Грохѣвичъ отвѣчалъ просто и лаконически :

— Присутствіе Корсалинскаго тутъ вовсе ненужно, и скорѣе можетъ принести вредъ, чѣмъ пользу.

Почтенный камердинеръ при такомъ отвѣтѣ обыкновенно потуплялъ голову съ покорнымъ и печальнымъ видомъ и отправлялся повѣрять свои опасенія и сожалѣнія Артамону Сергѣевичу Васютину, съ которымъ очень подружился. Добрый домохозяинъ передавалъ Жѣнчку всѣ новости, если камердинеру случалось уѣзжать въ Петербургъ, къ матери Перскаго, или отлучаться по своимъ дѣламъ. Васютинъ, въ свою очередь, узнавалъ все, что дѣлается у доктора черезъ Ююля, также очень-подружившагося съ Жѣнчкомъ и часто приходившаго слушать ихъ тол-

ки и рассказы. Самъ Юилъ говорилъ очень-мало и съ большимъ трудомъ.

Этотъ Юилъ былъ очень-странное созданіе. Онъ исполнялъ съ точностью всѣ порученія доктора, но никогда не вызывался самъ оказать кому бы то ни было ни малѣйшей услуги. Онъ дѣлалъ все, что ему прикажутъ, но дѣлалъ ровно сколько было приказано, не предупреждая ни чьей просьбы, какъ бы она ни была ясна. Происходило ли это отъ тупости, отъ лѣни, или отъ нерасположенія ко всѣмъ вообще людямъ—докторъ не могъ объяснить себѣ этого. Исторія его, рассказанная докторомъ Перскому, была не-совсѣмъ-утѣшительна. Еще въ то время, какъ докторъ находился въ казенной службѣ, былъ онъ откомандированъ въ Бѣлоруссію, по одному судебнo-медицинскому дѣлу. Грохѣвичу пришлось провести дня два въ бѣдной деревушкѣ, гдѣ у одного крестьянина нашелъ онъ Юиля, сироту, загнаннаго деревенскими ребятишками, которымъ онъ служилъ забавою и предметомъ насмѣшекъ. У бѣдняка не было никого родныхъ; отецъ и мать его умерли въ чахоткѣ, и крестьянинъ, взявшій его изъ милости, самъ тяготился мальчикомъ тупоумнымъ и, въ добавокъ, еще болѣзненнымъ: у Юиля росъ на шеѣ замѣтный зобъ. Этотъ признакъ кретинизма, рѣдкаго въ Россіи, занялъ доктора, и, не имѣя времени изслѣдовать на мѣстѣ положеніе мальчика, онъ рѣшился взять его съ собою въ Петербургъ, желая, сверхъ-того, избавить бѣдняка отъ вовсе-незавидной участи, предстоявшей ему въ будущемъ. Съ-тѣхъ-поръ Юилъ постоянно былъ при Грохѣвичѣ, служа ему довольно-усердно. Докторъ лечилъ его постоянно и успѣлъ остановить дальнѣйшее развитіе зоба разными іодистыми составами; зобъ, правда, не уменьшался въ объемъ, но по-крайней-мѣрѣ и не увеличивался. За-то и умственное развитіе мальчика, казалось, также остановилось на одной точкѣ. Онъ и въ семнадцать лѣтъ былъ такъ же простъ и тупоумень, какъ въ десять, а физически развитъ такъ мало, что казался въ эти годы тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Только къ доктору чувствовалъ онъ что-то похожее на привязанность; но докторшу, видимо, не любилъ, и перенесъ это расположеніе и на Перскаго, хотя послѣдній, конечно, не могъ сдѣлать ему ничего непріятнаго, а первая была такъ добра, что выучила его читать порусски съ большимъ трудомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій едва достигнувъ того, что онъ могъ разбирать грамоту, составлять правильныя фразы и чертить на бумагѣ подобія русскихъ буквъ.

Т. III. — Отд. I.

Въ одинъ солнечный майскій день, въ послѣ-обѣденное время, въ комнатѣ Васютина хозяинъ угощалъ чаемъ своего гостя, пана Жончка. Пилъ чай собственно одинъ гость, прихлебывая по-временамъ изъ стакана и держа въ рукѣ засаленный листъ бумаги. Старикъ сидѣлъ насупротивъ гостя, потупившись въ землю, и слушалъ его съ чрезвычайнымъ волненіемъ, забывъ даже на окнѣ свой стаканъ, съ котораго поднимался легкій паръ, едва-замѣтной струйкою улетавшій въ растворенное окно.

— Вотъ видишь ли, Артѣмонъ Сергѣичъ, говорилъ съ важною Жончекъ: — что бы тамъ въ книгахъ ни печатали, а докторъ все-таки не знаютъ многого. Вотъ и панъ Грохѳовичъ, человекъ очень-умный, а не посоветовалъ тебѣ пить эликсира долгой жизни. Объ этомъ, видишь ты, въ книгахъ у нихъ ничего не написано, такъ они этому и не вѣрятъ; а известно, какой же дуракъ захочетъ про свое секретное лекарство въ книгахъ напечатать, чтобъ о немъ всѣ знали? Какая ему отъ этого прибыль? Вотъ и эликсиръ тоже поэтому только и передавался друзьямъ, да знакомымъ изобрѣтателя. Я его тоже подъ большимъ секретомъ досталъ отъ одного важнаго пана. Ты вотъ жалуешься теперь, что поясница часто ноетъ, да и ноги слабы становятся. Что жъ тебѣ прописалъ панъ Грохѳовичъ? — мазь какую-то. А дѣло тутъ не въ мази. На болѣзнь надо внутренно дѣйствовать. Вотъ тутъ мой эликсиръ всю боль разомъ какъ рукой снять.

— Семень Игнатѣичъ говоритъ, что вся боль моя отъ старости, и помочь этому трудно, отвѣчалъ Васютинъ, покачивая головою.

— Что за старость! возразилъ съ жаромъ Жончекъ: — какихъ-нибудь лѣтъ восемьдесятъ, да еще, поди, и того нѣтъ.

— Нѣтъ еще!

— Ну, вотъ видишь ли, а шведскій докторъ Гернертъ, у котораго нашли въ бумагахъ рецептъ эликсира долгой жизни, умеръ ста-четырехъ лѣтъ, да и то оттого, что упалъ съ лошади. А дѣдъ его жилъ сто-тридцать, отецъ сто-двадцать, мать сто-семнадцать, и все оттого, что пили этотъ эликсиръ по восьми капельъ всякое утро и вечеръ въ чаѣ, или бульонѣ, или красномъ винѣ.

— Вотъ что! Такъ изъ чего же онъ сдѣланъ, этотъ эликсиръ-то?

— А вотъ я тебѣ прочту рецептъ и описаніе, какъ его употреблять, отвѣчалъ Жончекъ и съ важною началъ читать бумагу.

— Постой-ка панъ, прервалъ Васютинъ: — тутъ, написаны все такія снадобья, про которыя я никогда и не слыхивалъ.

— Обь этомъ ты не безпокойся : все это ты достанешь. Слушай лучше , какъ со всѣми этими снадобьями нужно поступать.

И онъ продолжалъ чтеніе рецепта :

«Всѣ сія спеціи истолки въ порошокъ и пропусти сквозь частое сито. Всыпь потомъ все оное въ штофъ или бутылъ толстаго стекла. Налей въ бутылъ полкварти хорошей французской водки, закупорь все сіе пузыремъ , а когда оный высохнетъ , то во многихъ мѣстахъ проколи булавкой , дабы штофъ не лопнулъ отъ броженія эликсира. Поставь его на десять дней въ комнату въ тѣни и каждый день хорошенько взбалтывай утромъ и вечеромъ , причеъ пузырь закрывай рукой , дабы эссенція не пролилась. Черезъ десять дней слей ее потихоньку, не взбалтывая , въ другую бутылъ , пока жидкость будетъ течъ не мутная , и перелитое закупорь крѣпче. Потомъ на тѣ же спеціи налей опять столько же свѣжей водки и поступай по вышесказанному , и черезъ десять дней слей въ особую склянку ; если жидкость пойдетъ опять мутная , то положи въ воронку хлончатой бумаги и цѣди сквозь нея эссенцію , пока не сдѣлается чистою, закрывая при переливаніи воронку полотномъ, сложеннымъ вчетверо, чтобъ настой не выдыхался. Потомъ слитое въ первый и во второй разъ слей вмѣстѣ и употребляй.

— Все это очень-хитро и запомнить трудно, сказалъ старикъ, качая головою.

— Нисколько не трудно. Я оставлю тебѣ этотъ рецептъ ; а коли ты что позабудешь , или не разберешь написаннаго , тебѣ прочтетъ Юиль. За-то, посмотри, отъ какихъ болѣзней вылечиваетъ этотъ эликсиръ.

И, принявъ еще болѣе торжественный тонъ , Жончекъ сталъ читать на-распѣвъ :

«Эссенція сія оживляетъ жизненный духъ, изощряетъ чувства, отъемлетъ дрожаніе жилъ, утушаетъ удары падучей болѣзни, избавляетъ нужды кровопусканія и употребленія другихъ лекарствъ, останавливаетъ біеніе нервовъ, въ одинъ часъ прогоняетъ тошноту, очищаетъ и укрѣпляетъ желудокъ , дѣлаетъ веселымъ , мягчитъ барабанъ въ ушахъ, усмиряетъ зубную боль, истребляетъ глистовъ, дѣлаетъ прекраснымъ цвѣтъ лица, спасаетъ отъ оспы и заразительныхъ болѣзней ; можно назвать оный возстановителемъ челоуѣчества, и всего удивительнѣе, что можно принять его больше, нежели должно, и безъ вреда.»

— Экое, поди ты, снадобье! пробормоталъ Васютинъ. — Все, что ли?

— Дà, почти. Тутъ еще написано по сколько принимать его въ какихъ болѣзняхъ, продолжалъ Жончекъ, пробѣгая глазами бумагу: — «Еще сказать можно, что люди, желчью болящiе, принимаютъ по полужкѣ сверхъ вседневнаго употребленiя. Для истребленiя тѣхъ матерiй, отъ которыхъ происходятъ всѣ наши болѣзни, столовую ложку; въ оспѣ, девять дней принимать по чайной ложкѣ въ трехъ ложкахъ бараньяго супа; отъ подагры три ложки... «Ну, это все до тебя не относится.

— А отъ боли-то въ поясницѣ сколько ложекъ и въ какомъ супѣ? спросилъ старикъ.

— Тутъ этого прямо не сказано. Самъ увидишь, сколько тамъ по болѣзни потребуется, отвѣчалъ Жончекъ, складывая бумагу и передавая Васютину. — Юиль прочтеть тебѣ послѣ всѣхъ подробности, а мнѣ пора и въ Петербургъ.

Въ это время въ комнату вошелъ Юиль, и Жончекъ подошелъ къ нему.

— Ну что? спросилъ онъ: — говорилъ пану Грохдвичу, что я дня на три въ городъ уѣзжаю?

— Говорилъ, отвѣчалъ тотъ рѣзкимъ, неприятнымъ голосомъ.

— Спросилъ, не будетъ ли мнѣ какихъ порученiй?

— Никакихъ.

— И ничего не сказалъ панъ еще?

— Сказалъ, что хоть ты, вмѣсто трехъ, тридцать дней въ Петербургъ оставайся, еще лучше будетъ.

Жончекъ засмѣялся принужденно и сказалъ:

— Такой шутникъ панъ докторъ! А что, пану грабе лучше?

— Лучше.

— Ну, дай Богъ; только я не очень надѣюсь на это лучше. Были они ужъ не разъ! Сегодня лучше, а завтра, глядишь, опять хуже. Вотъ кабы ему эликсира долгой жизни, навѣрное бы помогло — такъ ли, панъ Васютинъ?

Старикъ покачалъ разсѣянно головою, но не отвѣчалъ. Жончекъ простился съ нимъ и, уходя, пробормоталъ, обращаясь неизвестно къ кому:

— Покрѣпче бы приемы, такъ сняло бы какъ рукою.

Юиль кивнулъ головою въ отвѣтъ на эти слова...

Въ это же самое время Грохѡвичъ, весело потирая руки, входилъ въ комнату больного, сидѣвшаго у окна въ большихъ креслахъ и пристально смотрѣвшаго на Мину Карловну, которая читала вслухъ газету.

— Я прерву вашу политику самымъ прозаическимъ вопросомъ, сказалъ докторъ, обращаясь къ женѣ: — готовъ ли сальсапарильный декоктъ? Я пройдусь теперь до Софіи и занесу его къ Быкову.

— Я поставила декоктъ варить на кухнѣ, отвѣчала докторша: — теперь онъ долженъ быть готовъ. Я солью его и принесу.

— Возвращайтесь скорѣе! сказалъ Перскій, провожая ее глазами. Она отвѣчала улыбкой и скрылась за дверью.

— Зачѣмъ это вы заставляете вашу жену варить декокты? спросилъ графъ доктора.

— Она сама приготовляетъ ихъ для бѣдняковъ, отвѣчалъ Грохѡвичъ: — гдѣ какому-нибудь Быкову, каменьщику, покупать въ аптекахъ сальсапарильную эссенцію? Ее варить у меня жена, и я часто, прописывая лекарство, дѣлаю его у себя дома.

Перскій задумался и сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія :

— Помните , докторъ , вы хотѣли рассказать мнѣ исторію вашей жены.

— Помню; только въ этой исторіи нѣтъ ничего ни особеннаго, ни романческаго; вся она заключается въ десяти словахъ.

— Все-равно ; я васъ слушаю. Я знаю , что вы десять лѣтъ женаты, но долго ли вы были влюблены ?

— Влюбленъ ? повторилъ , улыбаясь , докторъ . — Вы думаете , что я когда-нибудь былъ влюбленъ ?

— Не-уже-ли нѣтъ ? спросилъ удивленный Перскій.

— Конечно, по моей наружности, вы могли заключить, что у меня нѣсколько-сангвиническій темпераментъ , но , несмотря на мое полнокровіе и короткую шею, я все-таки флегматикъ.

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ ? Развѣ флегматики не влюбляются ?

— По-крайней-мѣрѣ , не должны : это не въ ихъ натурѣ . Да и вообще всякому разсудительному человѣку слѣдовало бы въ наше время перестать забавлять себя выдумкой страстной любви .

— Не-уже-ли вы не любили и не любите вашей жены ? спросилъ въ волненіи Перскій .

— Надо знать , что вы понимаете подъ словомъ « любить » ? Я , конечно , люблю ее , но любовью тихою , мирною , чувствомъ отраднымъ , успокоительнымъ , привязанностью , невозможнаю ни-

какими нелѣпыми порывами, которыми, по вашему мнѣнію, только и доказывается любовь: ревностью, подозрѣніями, бѣшенствомъ, трагическими выходками и романическими претензіями. Такую любовь сочинили ваши писатели, а добродушные люди, и не вѣря ей, принялись отыскивать ее въ себя или въ другихъ, стали увѣрять себя, что способны любить страстно, пламенно, неистово и, разумѣется, подѣ-конецъ убѣдили себя въ возможности такой неестественной привязанности, потому-что человекъ можетъ убѣдить себя въ чемъ ему угодно, потому-что воображеніе, направленное на одинъ предметъ, доводитъ до мономаніи. Въ наше время идеаль такой любви кружить головы только хлорозистымъ дѣвцамъ, помѣшаннымъ на романахъ. Мужчины, по-счастью, начинаютъ сознаваться въ томъ, что не чувствуютъ въ себя способности любить такимъ образомъ, и дѣлаются гораздо-хладнокровнѣе, только по наружности играя роль Вертеровъ и Отелло.

— Я не буду спорить съ вами объ этомъ, отвѣчалъ задумчиво Перскій: — мнѣнія наши о любви слишкомъ-несогласны, и вы никакими доказательствами не убѣдите меня, чтобъ я ошибался. Но не-уже-ли вы всегда любили расчитанно и хладнокровно?

— Всегда, кромѣ одного раза, когда, ухаживая за хорошенькой ревельской нѣмкой, я увѣрять ее въ любви даже за гробомъ. Само-собой разумѣется, что въ этомъ случаѣ я только притворялся по-необходимости, хотя и совершенно-напрасно, какъ оказалось впоследствии, потому-что моя нѣмка вышла сантиментальною только на словахъ, а на дѣлѣ я поплатился довольно-дорого за мою вѣру въ идеальничанье.

— И Мина Карловна раздѣляетъ вашу теорію любви? спросилъ взволнованный Перскій.

— На сколько женщина можетъ раздѣлять ее. Въ дѣвичество у нея было много романизма, и только выйдя замужъ, стала она смотрѣть на вещи настоящими глазами. Прежняя жизнь ея, впрочемъ, значительно расхолодила въ ней наклонность къ идеализаціи, которою страдаютъ почти всѣ молодыя дѣвушки вслѣдствіе ошибочнаго направленія ихъ воспитанія. Этотъ нравственный недостатокъ встрѣчается у нихъ точно такъ же часто, какъ и физическое искривленіе позвоночнаго столба и возвышеніе одного плеча или лопатки — болѣзнь, которую мы называемъ: scoliosis. Въ первое время знакомства съ Миною я, признаюсь, не обращалъ на нее большаго вниманія. Она жила компаньйонкой у одной

капризной старухи, ея дальней родственницы. Я лечил нѣсколько времени эту старуху отъ рака въ груди. Мина ходила за ней съ самымъ покорнымъ самоотверженіемъ, и, несмотря на это, старуха обращалась съ нею возмутительно. Бывая у больной иногда по нѣсколько разъ въ день, я поневолѣ видѣлъ сцены, заставлявшія меня удивляться терпѣнію и снисходительности бѣдной дѣвушки. Она была сирота и зависѣла вполнѣ отъ этой старухи, капризы которой доходили до послѣдней степени позволительности. При всемъ моемъ хладнокровіи и привычкѣ къ несправедливостямъ всякаго рода, я былъ возмущенъ подобнымъ обхожденіемъ, и однажды, вступившись за дѣвушку, высказалъ нѣсколько горькихъ истинъ старухѣ. Сцена была великолѣпная! Старуха чуть не задохлась съ досады и съ непривычки слушать правду, но минутное торжество невинности и справедливости имѣло самыя печальныя послѣдствія. На другой же день я получилъ письмо, въ которомъ мнѣ весьма-неучтиво отказывали отъ дома и весьма-недвусмысленно намекали на то, что я, конечно, имѣлъ право вступаться за женщину, съ которою имѣлъ самое близкое знакомство, но что, въ свою очередь, добродѣтельная тетушка имѣла не только право, но и обязанность не держать у себя болѣе въ домѣ особы, за которую такъ жарко вступаются всецсторонніе люди. Вѣроятно, по этому же случаю старуха не заплатила мнѣ ни копейки за мѣсяцъ самаго усерднаго леченія, считая меня достаточно-вознагражденнымъ расположеніемъ своей компаньонки. Ясно было, что я только все испортилъ своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ и окончательно погубилъ бѣдную дѣвушку. Мнѣ оставалось, по-возможности, поправить сдѣланное мною зло. Съ трудомъ отыскалъ я Мину въ одномъ жалкомъ углу, занимавшуюся шитьемъ грубаго холста съ утра до ночи и выработывавшую копеекъ пятнадцать самыми усиленными трудами. Она ушла изъ дома своей благодѣтельницы въ одномъ истасканномъ платьѣ, въ ковровомъ платкѣ, съ узломъ, въ которомъ были двѣ рубашки, пара чулокъ и еще одно старое платье. Больше ничѣмъ не снабдила ея въ дорогу внимательная тетушка, да Мина и не взяла бы ничего, потому-что ни на чтѣ не имѣла права. Замѣтьте, что старуха отпустила ее на всѣ четыре стороны, когда на улицѣ стояли двадцатиградусные морозы. Я хорошо зналъ здоровье Мины: такой жизни, такой работы она не перенесла бы; искушенія бѣдности начинали также окружать ее. Отъ меня она не хотѣла принять ничего, какъ ни объяснялъ я

ей, что виновник случившагося съ нею несчастія все-таки я одинъ. Чтò тутъ было дѣлать? Разумѣется, жениться на ней, чтò я и сдѣлалъ, не думая долго, хоть, признаться, женитьба никогда не входила въ мои планы и была совершенно не въ моемъ характерѣ.

— Стало-быть, если васъ заставили жениться обстоятельства, то и Мина Карловна выходила за васъ не по любви?

— Какая тутъ любовь, когда и женившись-то, мы въ первое время должны были думать только о томъ, какъ бы намъ быть сытыми! Въ Петербургѣ мнѣ не везло, да и дорого было жить. Я переѣхалъ сюда, и вотъ ужъ десять лѣтъ мы живемъ здѣсь то хорошо, то плохо, но совершенно-мирно и дружно. Все это время дѣла у насъ обонхъ было столько, что о романтической любви не было бы времени и подумать, еслибъ кому-нибудь изъ насъ и пришла въ голову подобная блажь. Я, конечно, очень привязанъ къ Минѣ, потому-что она добрая и умная женщина, отыскивающая всѣ средства, какъ бы угодить мнѣ; она точно такъ же расположена ко мнѣ. Я увѣренъ, что вы немного найдете такихъ спокойныхъ супружествъ, и между-тѣмъ въ нашемъ домѣ цѣлыя десять лѣтъ никогда не было и помину о пламенной страсти и восторженныхъ чувствъхъ.

— Вы можете отвѣчать только за себя, отвѣчалъ грустно Перскій. — Сердце женщины часто тайна для того, кто всю жизнь живетъ съ нею. Очень можетъ быть, что она любитъ васъ вовсе не такъ спокойно, какъ вы думаете, хотя и не показываетъ этого.

— Не думаю, сказалъ Грохѡвичъ, улыбаясь добродушно. — Во всякомъ случаѣ самая страстная привязанность могла бы давно расколodиться отъ ежеминутнаго соприкосновенія съ моею апатическою натурою.

— Вы клевете, можетъ-быть, и на себя, настаивалъ Перскій. — Въ теоріи вы составили для себя правила не только для поступковъ и мнѣній, но и для чувствъ; а случалось ли вамъ примѣнять ихъ къ практикѣ? Мы не можемъ ручаться за то, какъ поступимъ въ обстоятельствѣ, которое еще не было съ нами. Не думаю, чтобъ вы остались, на примѣръ, равнодушны, еслибъ Мина Карловна умерла.

— Меня, конечно, сильно порздила бы смерть ея, какъ и вообще потеря всякаго существа, къ которому мы привязаны и привыкли; я, пожалуй, и грустилъ бы, но не всю жизнь; не

сталъ бы приходить въ отчаяніе , пренебрегать всѣмъ живымъ для мертваго. Смерть—неизбѣжный законъ всей природы; вооружаться противъ него , значить не видѣть воли Провидѣнія во всемъ , что случается на землѣ , не признавать того , что обуславливаетъ наше земное существованіе.

Грохѳвичъ говорилъ твердо и важно , слѣдя внимательно за впечатлѣніемъ , какое производили слова его на Перскаго. Онъ слушалъ въ волненіи , съ горькой улыбкой. Докторъ ждалъ отъ него возраженій и примѣненій къ собственной судьбѣ больнаго , но , къ удивленію его , графъ сказалъ почти-спокойно :

— Смерть еще не самое большое зло на землѣ. Она разрываетъ не всѣ связи между двумя мірами : здѣшнимъ и загробнымъ; она не въ конецъ истерзаетъ сердце , отравить эту жизнь. Есть большія несчастія на землѣ. Что бы вы сдѣлали , еслибъ Мина Карловна обманула васъ?

Докторъ не ожидалъ этого вопроса и отвѣчалъ несовсѣмъ-твердо:

— Навѣрное не знаю , но думаю , что скорѣе обвинилъ бы другихъ , а не ее въ подобномъ случаѣ.

Перскій въ волненіи сжалъ руку Грохѳвича и сказалъ:

— Вы рѣдкій человѣкъ , докторъ. Обмануть такого человѣка было бы не только преступленіе , но и низость.

— Э , полноте ! Я человѣкъ , какъ человѣкъ , и даже порядочный эгоистъ. Въ поступкахъ моихъ нѣтъ ничего героическаго , а очень-часто , какъ у всякаго смертнаго , несовсѣмъ-безкорыстный расчетъ... Впрочемъ , такъ-какъ разговоръ у насъ зашелъ уже о пламенныхъ чувствахъ и растрепанныхъ страстяхъ , то я хочу сдѣлать вамъ маленькое признаніе и успокоить васъ даже насчетъ моей жены ; въ моихъ анти-романическихъ наклонностяхъ вы , конечно , увѣрены. Апатическій характеръ свой Мина не сама выработывала: онъ происходитъ отъ ея организма и болѣзненнаго разстройства , которому она подвержена съ давнихъ поръ , и измѣнить его она сама не въ силахъ. Хотя ея болѣзнь не *descensus* или *prolapsus* , но особаго рода неправильность позвоночнаго столба , *angustitas pelvis* , и всякаго рода сильное ощущеніе или потрясеніе можетъ быть для нея смертельно , если не въ самую минуту , то по своимъ послѣдствіямъ , и она сама очень-хорошо знаетъ это.

Перскій не отвѣчалъ ни слова , но глубоко задумался.

VIII.

Весь этот вечер больной был встревожен и занят какой-то мыслью, сильно его озабочивавшею. Он отказался даже от обыкновенной вечерней беседы с Миной Карловной, не захотел слушать ни ее чтения, ни игры на фортепьяно, и рано попросил оставить его одного. Докторша безпокоилась о его здоровье; он отвѣчал ей голосомъ, полнымъ благодарности и участія, смотря на нее съ такою грустью, съ такимъ чувствомъ, что она невольно смутилась и, простившись съ нимъ, долго не могла заснуть подъ вліяніемъ самыхъ странныхъ ощущеній.

Утро другого дня было теплое, солнечное. Докторъ часовъ въ семь послалъ Ююля узнать, всталъ ли графъ, и получилъ отвѣтъ: «давно ужъ!» Войдя въ комнату больного, онъ нашелъ его у окна въ томъ же положеніи, въ которомъ оставилъ вчера; онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго; вѣки его были красны и замѣтно распухли.

— Вижу по глазамъ, что вы опять дурно спали ночь, сказалъ Грохѣвичъ, щупая пульсъ, также оказавшійся лихорадочнымъ.

— Ошибаетесь, отвѣчалъ больной: — я не спалъ вовсе.

Докторъ нахмурилъ брови и проворчалъ недовольно:

— Опять бессонница и галлюцинаціи!

— Бессонница — да; галлюцинаціи — нѣтъ. Я думалъ о настоящемъ, а не о прошедшемъ, отвѣчалъ тихо Перскій.

— Все-таки это нехорошо. Физическое ослабленіе для васъ вредно, потому-что ведетъ за собою и умственное. Сегодня на ночь я вамъ дамъ немного морфина: это успокоитъ также и ваши нервы, которые у васъ сильно разстроены.

— Отчего вы не дадите мнѣ никогда вина? Мнѣ кажется, это укрѣпило бы меня.

— Вино еще болѣе взволновало бы вашу кровь; къ-тому же оно дѣйствуетъ и на мозгъ; одуряющее свойство въ немъ сильнѣе крѣпительнаго. Я и морфинъ-то даю вамъ неохотно и въ крайней необходимости. Нѣчего дѣлать, если вы не спите по нѣскольку ночей сряду, и нервы ваши раздражены до послѣдней крайности!

— Несмотря на бессонную ночь, я чувствую себя все-таки довольно-свѣжимъ и прошу васъ не откладывать перваго моего выѣзда и прогулки нашей въ Баболово.

— Вдемъ, пожалуй, если вы желаете этого, хоть я что-то не вѣрю вашей свѣжести и думаю, что она происходитъ отъ экзальтаціи.

— И... Мина Карловна тоже поѣдетъ съ нами?

— Если хотите.

— Вы скажете ей объ этомъ?

— Сейчасъ иду наверхъ, а вы покамѣсть одѣнетесь.

Докторша съ удовольствіемъ согласилась участвовать въ прогулкѣ. Они провели нѣсколько часовъ въ чудной баболовской рошѣ. Перскій былъ необыкновенно-веселъ, оживленъ, разговорчивъ. Онъ даже много ходилъ, опираясь то на руку доктора, то на руку Мины Карловны, пока Грохѡвичъ, забывавшій никогда положительнаго, устраивалъ на травѣ маленькій сельскій завтракъ. Раннее утро прошло незамѣтно, и только полдневный жаръ, утомившій больного, принудилъ вернуться въ Царское. Докторъ, правда, уже давно поговаривалъ о возвращеніи, жалуясь, что у него даромъ пропадаетъ время и много необходимыхъ визитовъ, но не настаивалъ, видя, какъ благотѣтельно дѣйствуютъ на больного воздухъ и прогулка. За-то, вернувшись домой, Грохѡвичъ объявилъ, что оставляетъ больного подъ присмотромъ докторши на цѣлый день, потому-что ему надо съѣздить въ Павловскъ, гдѣ будетъ обѣдать и откуда вернется только къ вечеру.

Вставая рано и не завтракая, Перскій обѣдалъ въ два часа, по примѣру доктора. Видя, что онъ утомленъ прогулкою, Мина Карловна велѣла подать обѣдъ въ его комнату, придвинула маленькій столикъ къ его креслу, сама накрыла на столъ и сѣла противъ больного, угощая его со всею заботливостью хозяйки. Перскій не сводилъ съ нея глазъ, слѣдилъ за каждымъ ея словомъ, за каждымъ движеніемъ и въ то же время самъ былъ очень-веселъ и любезенъ. Докторшѣ даже несовсѣмъ нравилось одушевленіе, съ которымъ онъ говорилъ обо всемъ, и она часто перемѣняла разговоръ, отыскивая предметы, которые не возбуждали бы его экзальтаціи. Ее удивляло также какое-то особенно-грустное выраженіе въ голосѣ Перскаго, когда разговоръ касался до нея самой. Она рѣшилась даже прекратить на время бесѣду, смущавшую ее немного восторженнымъ направленіемъ, и сказала, вставая съ своего мѣста:

— День еще дологъ, а вы не успѣли отдохнуть послѣ прогулки. Разговоръ долженъ тоже утомлять васъ; мужъ говорилъ,

что вы, къ-тому жъ, дурно спали ночью. Я оставляю васъ отдохнуть часа на два: послѣ обѣда это полезно.

— Я надѣлъ вамъ? спросилъ больной съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ, что докторша остановилась, испуганная и удивленная.

— Чтò вы! какъ вамъ не стыдно говорить это! сказала она въ волненіи. — Развѣ мнѣ можетъ быть скучно съ вами? Мнѣ показалось только, что вы утомлены, и я думала, что отдыхъ подкрѣпитъ васъ.

— Меня подкрѣпляютъ ваши слова, ваше присутствіе, отвѣчалъ глухо Перскій. — Безъ васъ мною овладѣваютъ смутныя грѣзы, страшныя видѣнія. Только подлѣ васъ я мыслю здраво, чувства не обманываютъ меня. Когда я одинъ, со мною бывають такія минуты, что я не могу связать двухъ мыслей, не могу поручиться за дѣйствительное существованіе всего, чтò меня окружаетъ, и въ ужасѣ сознаю, что люди правы, считая меня помѣшаннымъ.

— Полноте! вы все преувеличиваете, и раздражительное состояніе духа замѣтно во всѣхъ вашихъ словахъ. Потому-то я и хотѣла, чтобъ вы успокоились. Еслижъ одиночество такъ пугаетъ васъ, я, пожалуй, не уйду отсюда, но все-таки не позволю много говорить. Вы будете лежать спокойно въ вашемъ креслѣ и слушать «Путешествіе въ Абиссинію», которое меня очень занимаетъ, вѣроятно, такъ же, какъ и васъ.

Больной не отвѣчалъ, но поднялъ на нее взглядъ, полный такой жаркой благодарности, такой радости, что докторша поторопилась уйти за «Путешествіемъ».

Вернувшись, она нашла Перскаго въ томъ же положеніи; взгляды его были устремлены на дверь, голова лежала на ладони правой руки, опиравшейся на окно. Докторша сѣла далеко отъ него и начала читать. Голосъ ея не былъ спокоенъ, какъ обыкновенно; при всемъ стараніи быть внимательной, она плохо понимала то, чтò читала. Ни разу не взглянувъ на больного, она чувствовала, что онъ не сводитъ съ нея глазъ — и ей было неловко...

Въ то время, какъ она читала что-то очень-любопытное о коптскомъ богослуженіи и объ управленіи Абуны, ее прервалъ рѣзкій голосъ Перскаго:

— Бросьте книгу, Мина Карловна! Развѣ вы не видите, что оба мы не понимаемъ ровно ничего изъ того, чтò вы читаете?

Она молча опустила книгу на колѣни, а голову на грудь.

— Чтеніе хорошо, когда людямъ нѣ о чемъ говорить, продолжалъ онъ неровнымъ, прерывистымъ голосомъ: — а мы еще многого не сказали другъ другу.

Она еще ниже наклонила голову. Онъ говорилъ грустнымъ, но выразительнымъ тономъ:

— До послѣдняго припадка со мною, я говорилъ съ вами долго всего одинъ разъ, но и этого раза мнѣ было довольно, чтобъ узнать вашу прекрасную душу; потомъ я имѣлъ случай еще болѣе изучить васъ въ то время, какъ вы ходили за мною. Наконецъ вчера мужъ вашъ разсказалъ мнѣ всю вашу исторію, не скрывая ничего: ни прежней жизни, ни вашего настоящаго положенія. Могъ ли я, послѣ этого, не уважать васъ, не удивляться вамъ, не жалѣть о васъ?

Докторша вспыхнула и совершенно смѣшалась отъ волненія. Она чувствовала необходимость перемѣнить разговоръ. Отвѣчать на послѣднія слова было невозможно, но первыя подали ей мысль заставить Перскаго говорить о себѣ, и она отвѣчала съ жаромъ:

— Вы были правы, сказавъ сейчасъ, что мы еще не все знаемъ другъ о другѣ. Мою исторію разсказалъ вамъ мужъ; и хотя онъ, вѣроятно, по добротѣ своей, украшалъ ее слишкомъ-лестными выводами и заключеніями о моемъ характерѣ, но фактовъ, конечно, не могъ измѣнить. Слѣдовательно, вы знаете меня хорошо, какъ и сами говорите, а я вовсе не знаю вашей прежней жизни, и слышала о ней, и то мелькомъ, самые разногласные толки. Такъ если вы не хотите слушать чтенія, то разскажите мнѣ вашу исторію. Мнѣ будетъ очень-пріятно узнать ее.

— Зачѣмъ вы хотите, чтобъ я самъ вызывалъ тяжелое прошедшее, тревожилъ еще незажившія раны? спросилъ съ упрекомъ Перскій. — Развѣ вы не знаете, что вся цѣль леченія, которому меня подвергаютъ, состоитъ въ томъ, чтобъ я забылъ мою прошлую жизнь, что слишкомъ-сильное воспоминаніе производитъ во мнѣ ту болѣзнь, которая заставляетъ остальныхъ людей смѣяться на меня какъ на восторженнаго мономана?

Послѣднія слова его звучали горькимъ упрекомъ. Докторша отвѣчала твердо и спокойно:

— Мнѣ кажется, напротивъ, что если вы сами хорошенько разберете прежнія свои чувства и впечатлѣнія, это значительно уменьшитъ силу вашего воображенія и воспоминанія. Вы только потому и храните къ этимъ чувствамъ какое-то благоговѣйное уваженіе, что никогда не передавали ихъ другому, не только не

проверяли ихъ, но боялись даже сравнивать съ чувствами другихъ лицъ, тогда-какъ эти чувства могли быть ничуть не ниже и не слабѣе вашихъ, только они были бы не такъ исключительны и не происходили бы отъ чрезмернаго себялюбія.

— Себялюбія! повторилъ удивленный и взволнованный Перскій.

— Конечно. Чему жъ другому приписать ваше упорное стремленіе не признавать законовъ, положенныхъ намъ самою природою, и сохранить то, что навсегда утрачено, чего нельзя воротить? Вы хотѣли быть исключеніемъ между всѣми людьми, стать выше ихъ по энергіи и неизмѣнности вашихъ чувствъ. Развѣ это не самолюбіе?

— Всякая истинная любовь будетъ послѣ того самолюбіемъ, потому-что въ ней каждый считаетъ, что любить сильнѣе и лучше всѣхъ людей на свѣтѣ.

— Это можно говорить и думать въ увлеченіи страсти; но когда проходятъ первые порывы ея, когда, наконецъ, самый предметъ страсти уже не существуетъ, все еще считать ее чѣмъ-то особымъ, исключительнымъ, значить считать всѣхъ любившихъ и любящихъ людей гораздо-ниже себя. И что же особеннаго сдѣлала эта женщина, которую вы любили, чтобы поставить ее вѣнцомъ, идеаломъ всѣхъ женщинъ?

Слова докторши звучали силою, убѣжденіемъ и иронією; больной отвѣчалъ съ жаромъ и одушевленіемъ :

— Что она сдѣлала? То, чего не сдѣлаютъ другія женщины. Я вышелъ изъ училища съ самой горячей головой, съ самыми необузданными наклонностями, которыя могли легко принять дурное направленіе. Сначала я пошелъ даже по веселому пути безпутной жизни и легкихъ удовольствій, за которыя платятъ цѣлыми годами раскаянія, иногда бесплоднаго и поздняго. По счастью, я успѣлъ остановиться во-время или, вѣрнѣе, меня остановила любовь къ этой женщинѣ, которой я обязанъ всѣмъ на свѣтѣ. Я случайно встрѣтился съ нею и обошелся жестоко, неблагородно, оскорбилъ ее самымъ наглымъ образомъ, принявъ ее за одну изъ тѣхъ женщинъ, нецеремонное обращеніе съ которыми возвышаетъ молодыхъ людей въ глазахъ ихъ товарищей. Я никогда не забуду грустной и кроткой улыбки, съ которою она встрѣтила мое оскорбленіе, ея слова, дышавшія не гнѣвомъ, но сожалѣніемъ обо мнѣ. И потому, когда, узнавъ свою ошибку, я старался познакомиться съ нею, всѣми средствами заслужить ея прощеніе — съ какимъ добродушіемъ она все позабыла, давала мнѣ совѣты, какъ вести

себя въ обществѣ, старалась усмирить мои несовсѣмъ-приличныя выходы и рѣзкіе порывы чувствъ! Ей обязанъ я тѣмъ, что избавился отъ дурнаго тона и разгульныхъ замашекъ, составляющихъ какъ-будто необходимую принадлежность молодаго человѣка, вступающаго въ свѣтъ со школьной скамьи. Она раскрыла передо мною жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ, научила уважать общественныя условія въ самыхъ ихъ недостаткахъ, заставила меня продолжать мои занятія, показавъ неполноту кабинетнаго образованія въ сравненіи съ необходимыми практическими познаніями въ жизни; она развила и укрѣпила мой характеръ, влила въ душу любовь къ прекрасному и отвращеніе отъ всего низкаго, довершила мое нравственное воспитаніе, создала меня такимъ, каковъ я теперь. Невозможно рассказать всего, что она сдѣлала для меня. Это была бы цѣлая исторія перерожденія, цѣлая поэма пересозданія чувствъ, наклонностей, привычекъ. Могъ ли я не полюбить такой женщины?

— И она дѣлала все это, конечно, изъ любви къ вамъ? спросила задумчиво докторша.

— О нѣтъ! чувство ея было самое чистое, самое безкорыстное. Это была любовь матери, сестры и друга, сосредоточенныя вмѣстѣ на одномъ лицѣ. Но я не могъ довольствоваться такою любовью. Сердце мое переполнялось другимъ, болѣе-отраднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе-мятежнымъ чувствомъ. Она испугалась, убѣдившись, до какой степени была сильна моя страсть къ ней. Чего не дѣлала эта рѣдкая женщина, чтобъ заставить меня разлюбить ее! какихъ средствъ не употребляла, чтобъ оттолкнуть меня отъ нея! измѣнила свое обращеніе, свой характеръ, даже свои привычки; старалась показаться въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ; дѣлала все то, что мнѣ не нравилось; убѣждала меня самыми краснорѣчивыми доводами въ странности любви человѣка молодаго, образованнаго, изъ высшаго круга—къ ней, женщинѣ простой, недоучившейся, безъ званія и состоянія, старухѣ—она была шестью годами старше меня. Она поступала со мною жестоко, мучила меня капризами, хотѣла даже показаться легкомысленной кокеткой, наконецъ познакомила меня съ одной очень-милой дѣвушкой и всѣми средствами старалась, чтобъ я полюбилъ молодое, невинное созданіе, а не ее, вдову, утратившую въ борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами и искушеніями много душевной теплоты. Все это ни къ чему не послужило: я не хотѣлъ, не могъ отказаться отъ моей любви; но, видя упорство Кати, захворалъ опасно.

— Знали ли вы въ то время, что и она любила васъ?

— Нѣтъ, она призналась мнѣ въ этомъ потомъ уже, когда поняла, что не можетъ убить во мнѣ любви, но что скорѣе эта любовь убьетъ меня... Я и теперъ едва могу говорить отъ волненія, вспомнивъ о дняхъ, слѣдовавшихъ за этимъ признаніемъ. Она такъ свѣтло любила меня, отдалась этой любви такъ просто и спокойно, продолжая слѣдить за мною какъ мать и сестра, что я, безъ всякаго сомнѣнія, былъ въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самый счастливый человекъ въ цѣломъ мірѣ, потому-что не желалъ ничего больше, кромѣ ея любви, такъ безгранично, такъ безраздѣльно наполнившей все мое существованіе.

Перскій замолчалъ, блѣдный отъ волненія, сжимая сердце рукою. Докторша слушала его съ невольнымъ участіемъ, поддаваясь безотчетно обаянію этихъ восторженныхъ словъ, развивавшихъ картину такой рѣдкой любви.

— Я понимаю, что васъ должна была жестоко потрясти потеря такой женщины, сказала тихо докторша, послѣ долгаго молчанія.

— Я терялъ ее два раза, отвѣчалъ глухо Перскій.— Въ первый разъ, уступая просьбамъ моихъ родныхъ, она уѣхала отъ меня, чтобъ не мѣшать моей карьерѣ, какъ она говорила. Болѣзнь моя возобновилась тогда сильнѣе... Съ-тѣхъ-поръ я сталъ бредить и заговариваться... Были приняты всѣ мѣры, чтобъ я не зналъ, куда она уѣхала, чтобъ не могъ слѣдовать за нею. Объ этомъ она старалась больше всѣхъ. Она думала, уѣзжая, что нѣсколько лѣтъ полного счастья должны были ослабить страсть мою, что я перенесу разлуку съ нею. Она ошиблась: любовь къ такой женщинѣ не могла окончиться пресыщеніемъ. Я умираю безъ нея. Одинъ изъ моихъ товарищей, болѣе другихъ приверженный ко мнѣ, написалъ ей о моемъ положеніи. Она пріѣхала и спасла меня. Выздоровѣвъ, я рѣшился положить конецъ всѣмъ преслѣдованіямъ и объявилъ роднымъ твердую волю мою жениться на Катѣ, только-что поправляюсь окончательно. Тутъ мнѣ надо было выдержать столько новыхъ сценъ, просьбъ, упрековъ, совѣтовъ... Больше всего встрѣтилъ я препятствій со стороны самой Кати, и только одно твердое убѣжденіе въ томъ, что я не переживу ея отказа, заставило ее согласиться на нашъ бракъ... Остальное вы знаете: она умерла скоропостижно за недѣлю передъ свадьбой...

Голосъ Перскаго прервался такой глухой нотой, что Мина Карловна съ безпокойствомъ подняла на него глаза, въ которыхъ бле-

ствло участіе. Онъ былъ страшно-блѣденъ. Она взяла его за руку и сказала едва слышно :

— Вы должны были очень страдать, теряя ее...

— Нѣтъ, потому-что я впалъ въ помѣшательство, какъ они называютъ это состояніе, и видѣлъ ее передъ собою каждую минуту. Сначала я былъ въ восторгѣ отъ этого. Только она не говорила со мной ни слова, а все глядѣла на меня грустно и съ любовью. Я просилъ, умолялъ ее сказать хоть одно слово — она молчала. Я понялъ, что она не говоритъ оттого, что меня постоянно окружали люди, ухаживавшіе за мною въ моей болѣзни, и сталъ отгонять ихъ отъ себя; меня не слушались; я плакалъ, кричалъ, осыпалъ ихъ упреками и угрозами, выходилъ изъ себя отъ досады и безсилія: они заключили, что я сошелъ съ ума, и стали лечить меня еще усерднѣе. Тогда я рѣшился прекратить свои страданія и, доставъ бритву, вѣроятно, случайно-оставленную моимъ камердинеромъ Жончкомъ въ моемъ бюро, въ одну темную ночь я рѣшился на малодушное преступленіе и ошупью раскрывъ бритву, поднесъ ее къ горлу... Въ то же мгновеніе, несмотря на темноту ночи, я увидѣлъ передъ собою мою Катю. Окруженная слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ, она положила мнѣ на плечо свою руку, а другую подняла вверхъ съ угрожающимъ видомъ. Отъ ея прикосновенія, по тѣлу моему разлился болѣзненно-пріятный трепеть, и среди ночной тишины я слышалъ явственно слова, произнесенныя ею шопотомъ :

«Безумный! развѣ ты хочешь, чтобъ мы никогда больше не видѣлись?»

Я приподнялся съ постели, чтобъ броситься къ ногамъ ея и расцаловать ихъ. Она остановила меня повелительнымъ жестомъ. Тогда я сказалъ :

— «Я хотѣлъ соединиться съ тобою.

— «Смерть твоя не соединила, а разлучила бы насъ, отвѣчала она : — тогда-какъ теперь, въ этой жизни, я умерла только для другихъ, а для тебя живу попрежнему.

— «Но ты не говорила со мною ни слова въ это время.

— «Я не могла сдѣлать этого. Сколько разъ, прежде, говорилъ ты мнѣ, что, въ награду за счастье, которое я дала тебѣ, ты желалъ бы подвергнуться всѣмъ несчастіямъ; всѣмъ испытаніямъ, чтобъ доказать только, какъ сильна твоя любовь! Часъ испытанія наступилъ. Теперь, въ-теченіе долгаго времени, мы будемъ видѣться рѣдко, говорить мало. Любовь наша должна очиститься отъ

всего земного, чтобъ сдѣлаться вѣчною, неизмѣнною. Я буду являться къ тебѣ, когда это будетъ возможно и нужно. Ты можешь спрашивать меня о чемъ хочешь; но если я не буду отвѣчать на какой-нибудь изъ твоихъ вопросовъ, знай, что отвѣтъ не въ моей власти, что тебѣ не нужно знать его.

Докторша слушала съ грустнымъ участіемъ слова больного, такъ простоушно-пересказывавшаго свой бредъ, созданіе своего разстроеннаго воображенія.

— И вы часто видѣлись съ нею? спросила она.

— Сначала очень-часто. Мнѣ стоило даже иногда сильно пожелать, чтобъ она явилась передо мною. Но она перестала являться ко мнѣ при людяхъ и, кромѣ особенныхъ случаевъ, приходила обыкновенно ночью. Поэтому, видя, что я днемъ спокоенъ, стали говорить, что я выздоравливаю. Меня стали даже вовсе оставлять безъ надзора, но Корсалинскій вздумалъ наблюдать за мною по ночамъ и, подслушавъ мои разговоры съ Катей, нашелъ, что сумасшествіе находить на меня преимущественно по ночамъ и потому меня слѣдуетъ лечить... И они начали меня лечить такъ неистово, что только утѣшенія и совѣты Кати давали мнѣ силу переносить ихъ гоненія и удержали меня отъ покушенія на преступленіе, если не надъ собой, то надъ моими гонителями.

— Когда видѣли вы ее въ послѣдній разъ? спросила быстро Мина Карловна, чтобъ разсвѣять черныя мысли больного.

— Она не являлась ко мнѣ со времени послѣдняго припадка, послѣ котораго вы такъ заботливо ухаживали за мною. Она за что-нибудь сердита на меня. Я спрошу ее объ этомъ... и еще о другомъ, прибавилъ онъ глухо. — Меня тревожитъ ея долгое отсутствіе. Во что бы ни стало, я долженъ видѣть ее и употреблю для этого всѣ усилія...

— Но зачѣмъ же дѣлать это? прервала докторша въ волненіи. — Для чего напрасно разстраивать себя стремленіемъ къ тому, что должно совершиться само-собою, по волѣ обстоятельствъ? Отчего вамъ, напротивъ, не постараться вовсе не думать объ этомъ, не обратиться къ другимъ мыслямъ, не поинимать вокругъ себя развлеченій, другихъ чувствъ, другихъ привязанностей?

— Чувство мое такъ сильно, что не можетъ быть заглушено пустыми забавами. И развѣ могу я встрѣтить во второй разъ въ жизни такую привязанность, которою любила меня Катя? О! зачѣмъ она такъ давно забываетъ меня!

— Отчего же вы думаете, что въ жизни возможна любовь боль-

ше, нежели любила ваца Катя? спросила твердо докторша, понимая, что въ больномъ надобно во что бы ни стадо нѣмъ-нибудь затмить образъ, который онъ восхищается.

— Любить больше Кати! вскричалъ Перскій.— Вамъ кажется это возможнымъ?

— Я убѣждена въ этомъ. Ея любовь, конечно, сильна, но она боролась только со свѣтскими предрасудками, съ неравенствомъ лѣтъ, званій и состояній, она была свободна; она любила васъ—молодаго человека, умнаго, пылкаго, образованнаго, отвѣчавшаго ей самою пламенною страстью. Но представьте же, что васъ полюбила бы женщина теперь, васъ—больнаго, съ разстроеннымъ воображеніемъ, съ угасшими силами, почти отвергнутаго обществомъ, неспособнаго не только отвѣчать любви, но даже подозревать ее, полюбила бы любовью, которая была бы только безнадежна, потому-что эта женщина, можетъ-быть, несвободна, потому-что и нравственная и органическая невозможность запрещаютъ ей даже думать о любви... Развѣ такая любовь не сильнѣе?

Въ отвѣтъ на эти слова докторши, увлеченной желаніемъ заставить больнаго забыть о его Катѣ, онъ вскричалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и закрывая лицо руками:

— О! замолчите! замолчите! Зачѣмъ рассказали вы такой сладкій, такой мучительный сонъ!

Онъ не замѣтилъ, что докторша была взволнована едва-ли не больше его.

IX.

Докторъ въ этотъ день вернулся домой очень-поздно, но нашелъ больнаго въ постели неспавшаго, въ лихорадочномъ состояніи. Онъ покачалъ головою и отправился въ кабинетъ приготовить Перскому сонныхъ капель.

У Гроховича въ далекомъ углу шкапа стояла стеклянка со слабымъ растворомъ морфина въ димонной кислотѣ. Онъ отдилъ нѣсколько капель для Перскаго и сталъ готовить другой приемъ, вдвое-слабѣйшій, въ которомъ имѣлъ надобность на слѣдующій день. Прописавъ его одному бѣдняку, онъ боялся, что тотъ не съумѣетъ сдѣлать раствора и каплетъ капель больше, чѣмъ слѣдуетъ, и потому самъ занялся приготовленіемъ жидкости для одного приема. Разведя ее въ водѣ, онъ попробовалъ на языкъ крепость раствора и остановился въ изумленіи: въ растворѣ не было

почти никакого слѣда кислоты. Грохѳвичъ подлилъ еще жидкости: результатъ оказался тотъ же самый. Онъ подвергнулъ испытанію стклянку съ растворомъ морфина, но ни одинъ реактивъ не показалъ въ ней присутствія морфина, или оказались только самые слабые слѣды его.

Грохѳвичъ поблѣднѣлъ. Ясно было, что растворъ морфина вылить у него изъ стклянки, и для того, чтобъ скрыть это, она дополнена водою.

Докторъ задумался издѣ цѣлью такого похищенія. Приѣмъ вдругъ цѣлой стклянки могъ быть смертеленъ. Кромѣ домашнихъ лицъ, никто не могъ знать о существованіи этой стклянки. Несмотря на позднее время, Грохѳвичъ пошелъ къ женѣ. Она также не спала въ своей постели, была блѣдна и встревожена. Онъ спросилъ ее, не брала ли она у него, или не поручала ли взять кому-нибудь одной стклянки. Докторша отвѣчала спокойно, что не беретъ ничего безъ его позволенія. Грохѳвичъ, уходя, спросилъ ее о здоровьи и о томъ, чтѣ дѣлалъ безъ него больной. Она отвѣчала, что совершенно здорова и весь вечеръ читала больному «Путешествіе въ Абиссинію». Онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ въ сильномъ волненіи.

Прежде всего ему пришелъ на умъ Жончекъ, но онъ былъ уже два дня въ Петербургѣ. Кухарка-чухонка не умѣла читать и никогда не входила въ кабинетъ. Докторъ позвалъ Юиля.

Кретинъ вошелъ съ своимъ обыкновеннымъ, безжизненнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Грохѳвичъ составилъ планъ допроса, зная, что угрозами ничего не возьмешь у упрямаго полуидіота, и сказалъ, пристально наблюдая за каждымъ его движеніемъ :

— Я позвалъ тебя, чтобъ отдать приказаніе съ вечера. Я очень усталъ, и завтра, можетъ-быть, проспю долго; такъ ты, не дожидаясь меня, отнесешь это лекарство въ Комендантскую Улицу, въ домъ, гдѣ живетъ старый плотникъ Щекаевъ—помнишь?

— Помню, отвѣчалъ лаконически Юиль.

— Въ этомъ домѣ ты спросишь больнаго старика Михина и скажешь, что я прислалъ уже совсѣмъ готовое лекарство, которое онъ долженъ выпить при тебѣ же. Понимаешь?

— Понимаю.

Грохѳвичъ отдалъ ему растворъ, приготовленный для больнаго и, смотря въ глаза кретину, прибавилъ:

— Будь какъ можно осторожнѣе съ этимъ лекарствомъ: это морфинъ. Ты знаешь его?

— Нѣтъ.

— Нѣсколько капель его даютъ сонъ; прибавь еще каплю—и человекъ умретъ.

На лицѣ идиота выразилось только удивленіе. Докторъ продолжалъ :

— Вотъ почему я самъ всегда приготавливаю растворъ и приемы. Нашъ больной тоже принимаетъ морфинъ, и ты понимаешь, что еслибъ я ошибся въ приемъ и прибавилъ каплю больше обыкновеннаго — Перскій умеръ бы.

Лицо Юиля оставалось холодно и неподвижно.

— Я, конечно, самъ не пережилъ бы подобной ошибки и потребовалъ бы заслуженнаго наказанія : Сибири и каторги, или самъ погубилъ бы себя, чтобъ не видѣть посрамленія моего честнаго имени и смерти жены моей, которая, конечно, не пережила бы меня.

Какое-то странное, конвульсивное движеніе исказило на одно мновеніе черты Юиля, но онъ не сказалъ ни слова. Докторъ, подождавъ съ минуту, продолжалъ :

— Растворъ, который посылаю Михину, не опасенъ, но я говорилъ тебѣ, чтобъ ты былъ осторожнѣе со стекляшкой, потому-что, еслибъ почему-нибудь больной старикъ не принялъ при тебѣ лекарства, или принялъ только половину его, разведя водою, то морфинъ уже не будетъ имѣть той силы—и старикъ непременно умретъ отъ слабаго приема. Его можетъ спасти только именно тотъ приемъ и той самой крѣпости, какой я ему посылаю.

Въ глазахъ Юиля выразился страхъ, но онъ все молчалъ.

— Ты понимаешь, какъ безчеловѣчно было бы убить слабаго бѣдняка ошибкою. Я и въ этомъ случаѣ принялъ бы ее, конечно, на себя, хотя отвѣтственность передъ правительствомъ также, какъ и послѣдствія были бы тѣ же самыя, какъ и при злонамѣренномъ отравленіи. Поэтому я и объяснилъ тебѣ всю важность этого лекарства. Если ты разобьешь стеклянку, или прольешь нечаянно сколько-нибудь изъ нея дордогой, вернись тотчасъ ко мнѣ и не давай больному слабаго приема: это будетъ все-равно, что дать ему простой воды и убить, не подавъ помощи.

При этихъ словахъ на лицѣ Юиля выразилось такое волненіе, что докторъ взялъ его за руку и спросилъ съ участіемъ:

— Чтò съ тобой? Ты нездоровъ?

— Нѣтъ... Я... ничего! отвѣчалъ идиотъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Такъ ступай же къ себѣ, а завтра утромъ, въ шесть ча-

совѣ, не будя меня, возьми эту стеклянку съ моего стола и отнеси къ Михинѣу.

Юиль сдѣлалъ шагъ къ двери, но остановился посреди комнаты, блѣдный и взволнованный, и сказалъ глухимъ голосомъ, указывая на большую стеклянку, изъ которой Грохѣвичъ отлилъ растворъ:

— Лекарство нехорошее... Сдѣлай новое... Тутъ одна вода.

Докторъ поблѣднѣлъ, въ свою очередь, и спросилъ съ сильно-обьющимся сердцемъ:

— Но тутъ былъ морфинъ; кто же взялъ его?

— Я! отвѣчалъ идиотъ, стуча зубами.

— Но что жъ ты сдѣлалъ съ нимъ? спросилъ Грохѣвичъ, чувствуя, что колѣни его дрожатъ, а волосы поднимаются на головѣ.

— Спряталъ... Вотъ здѣсь все, сказалъ Юиль, вынимая изъ-за пазухи маленькую стеклянку и протягивая къ доктору.

Тотъ схватилъ стеклянку съ радостнымъ движеніемъ, прикладывая другую руку къ вискамъ, на которыхъ забились жилы отъ сильнаго прилива крови, и вскричалъ:

— Зачѣмъ же ты вылилъ морфинъ?

— Не помню... не зналъ! отвѣчалъ отрывисто кретинъ. — Слышалъ, какъ говорили: докторъ не такъ лечитъ, слабо лечитъ... Долго лечить выгодно... Все жалованье идетъ... Мало даете лекарства... Налить вдвое—разомъ здоровъ будетъ больной, сейчасъ отъ насъ уйдетъ... Я хотѣлъ, чтобы скорѣе ушелъ... Я не люблю больного... Но убить — никогда... грѣхъ!

Эта длинная фраза утомила идиота. Дыша тяжело и прерывисто, онъ прислонился къ стѣнѣ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Грохѣвичъ приводилъ въ порядокъ свои разстроенныя мысли, открывая въ словахъ Юиля слѣды тайной, хорошо-обдуманной интриги.

— Отъ кого ты слышалъ все это? спросилъ онъ строго и твердо.

Кретинъ оправился при этихъ словахъ и, взглянувъ исподлобья на доктора, отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Не знаю... не помню...

— Какъ не помнишь? вскричалъ докторъ въ досадѣ:—можетъ ли это быть? Развѣ ты не понимаешь, что мнѣ необходимо знать этого человека, который своими коварными совѣтами хотѣлъ воспользоваться твоей простотой, погубить и меня и Перскаго?

Юиль поблѣднѣлъ, но отвѣчалъ твердо:

— Онъ также могъ не знать, какъ и я... такой же простой... Ты закочешь наказывать... я не скажу... я общалъ.

Докторъ съ полчаса упрашивалъ, уговаривалъ, объяснялъ, гро-

зиль—все было напрасно, идиотъ не сознавался. Тогда Гроховичъ переманилъ съ нимъ тонъ, доказывалъ ласково, какъ вредно слушать постороннихъ лицъ, непонимающихъ медицины, какія страшныя послѣдствія могли произойти отъ поступка Юля. Идиотъ былъ тронутъ и общалъ не дѣлать ничего, не открывшись прежде доктору, не посоветовавшись съ нимъ.

Этотъ странный, неожиданный случай дотога взволновалъ доктора, что онъ не спалъ почти всю ночь и едва могъ успокоиться на другое утро. За-то его больному было гораздо-лучше, и съ этого дня онъ сталъ замѣтно поправляться. Силы его укрѣпились дотога, что онъ всякій день часа по три гулялъ въ Царскосельскомъ Саду, утромъ и вечеромъ, то бродя по тенистымъ аллеямъ, полнымъ воспоминаній славнаго прошедшаго, то отдыхая на скамейкахъ у подножія памятниковъ, или на берегу озера. Въ прогулкахъ сопровождала его обыкновенно докторша: дѣлая въ эти часы дѣлалъ свои визиты.

Корсаинскій прѣзжалъ рѣдко. Онъ долженъ былъ жить съ своею матерью на Каменномъ Острову и былъ, сверхъ-того, очень занятъ. Онъ былъ видимо пораженъ значительнымъ улучшеніемъ въ положеніи больного, и осыпалъ каждый разъ Гроховича самыми громкими фразами благодарности. Корсаинскій замѣтилъ, однакожъ, что Перскій повременамъ былъ задумчивъ и разсѣянъ, и увѣрялъ, что это улучшеніе здоровья ненадежно, и что припадки умопомѣшательства могутъ возвратиться еще съ ббльшею силою, какъ уже это не разъ и случалось.

Такъ прошелъ июнь, не произведя никакой явной переменны въ отношеніяхъ всехъ этихъ лицъ. Проведя съ Перскимъ нѣсколько дней сряду, никто и не догадался бы, что онъ помѣшанъ. Докторъ самъ началъ убѣждаться въ совершенномъ его исцѣленіи и былъ необыкновенно-веселъ и доволенъ. Дѣла его вообще шли прекрасно. Юль старался особеннымъ усердіемъ загладить свой проступокъ, но не могъ побѣдить своего нерасположенія къ больному и избѣгалъ случаевъ встрѣчаться съ нимъ. Жѣнчекъ почти вовсе не показывался никому на глаза и являлся, повременамъ, только у стараго Васютина, пившаго очень-усердно элексиръ долгой жизни, и увѣрявшаго, что онъ приноситъ ему удивительную пользу.

Замѣтно переманилась въ это время только одна докторша. Она стала еще блѣднѣе и грустнѣе обыкновеннаго, но часто краснѣла безъ всякой причины, задумывалась долго и глубоко, и по-

временамъ глаза ея блистали какимъ-то страннымъ огнемъ. Въ ежедневныхъ, самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ Перскимъ она была неровна: то нѣжна и внимательна къ нему, то держала себя какъ-то принужденно и неловко, то смѣялась безо всякаго повода, то была грустна и неразговорчива. Почти тѣ же самые признаки замѣчались и въ Перскомъ.

Однажды, въ концѣ іюня, поздно вечеромъ, когда уже все въ домѣ спало, докторша вошла тихо въ кабинетъ своего мужа и положила къ нему на плечо свою худую, блѣдную руку. Погруженный въ чтеніе какой-то медицинской книги, онъ замѣтилъ только въ эту минуту свою жену и сказалъ, потягиваясь и кладя книгу на столъ:

— А! это ты, Мина! Не нужно ли тебѣ чего-нибудь?

И съ особенной любезностью онъ поцаловалъ руку, лежавшую у него на плечѣ. Докторша вздрогнула и спрятала руку подъ черную мантилью, накинутую на бѣлый, распашной капотъ. Онъ обернулся къ ней и, пристально посмотрѣвъ ей въ глаза, сказалъ, взявъ ее почти-насилъно за руку и притягивая къ себѣ:

— Знаешь ли что? Въ послѣднее время ты замѣтно похорошѣла, и не будь ты только такъ худа, тебя можно бы назвать красавицей.

Вся кровь бросилась въ лицо докторши. Она выдернула руку у мужа, запахла мантилью на груди и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Я пришла поговорить съ тобой. Есть у тебя время?

— Пожалуй, отвѣчалъ докторъ, зѣвая и вытягиваясь въ креслѣ.
— Только для чего жъ ты выбрала такую позднюю пору?

— Днемъ намъ почти вовсе не случается быть наединѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ. Время идетъ такъ скоро! Я все съ моими больными; ты съ твоимъ Перскимъ. Ужъ не о немъ ли ты хочешь передать мнѣ какое-нибудь медико-психологическое наблюденіе?

— Дѣ, отвѣчала сухо докторша, обведя вокругъ глазами, ища свободнаго стула и не находя его, потому-что всѣ они, вслѣдствіе врожденной антипатіи Грохѳовича къ порядку, были завалены книгами, платьемъ, бѣльемъ.

— Тебѣ нѣ на чѣмъ сѣсть? сказалъ онъ улыбаясь.—Поди, сядь ко мнѣ на колѣни.

Докторша опять вздрогнула, но, не отвѣчая ни слова, отыскала

стулъ, на которомъ лежалъ одинъ фоліантъ, сняла его на полъ и принесла стулъ къ столу, сѣла противъ мужа, опустила глаза.

— Ты нашла, что лучше обезпokoить Галліена, чѣмъ меня. Или тебя удивило, что я сегодня такъ разнѣжился? Въ этомъ, впрочемъ, виновата ты сама: зачѣмъ ты такая хорошенькая!

И онъ съ самой нѣжной улыбкой дернулъ за ленточку ночнаго чепчика, обрамлявшаго мелкими кружевами ея блѣдное лицо, которое дышало какою-то тихою, грустною прелестью. Она спокойно завязала опять ленту подъ подбородкомъ и сказала:

— Я пришла просить у тебя совѣта.

— Ты хотѣла, кажется, говорить о Перскомъ?

— О немъ... и о себѣ.

— Чтò жъ хочешь ты сказать о немъ?

— То, что онъ любитъ меня, отвѣчала докторша, складывая руки на груди.

— Ну, такъ что жъ? спросилъ докторъ, съ удивленіемъ глядя на жену.

— Любить, то-есть влюбленъ въ меня, повторила она тихо, но твердо.

— И онъ самъ говорилъ тебѣ это?

— Нѣтъ, но это видно очень-ясно во всѣхъ его словахъ, во всѣхъ поступкахъ.

— Стало-быть ты убѣждена въ томъ?

— Убѣждена.

— И это совершенно вѣрно? И ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

— О, какъ я радъ! вскричалъ докторъ, вскакивая и начиная ходить по комнатѣ въ то время, какъ докторша, въ свою очередь, смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его выздоровленіи! говорилъ Грохòвичъ, останавливаясь передъ женою въ торжественной позѣ.—И тебѣ онъ будетъ обязанъ своимъ спокойствіемъ, разсудкомъ, возвращеніемъ въ общество, всѣмъ, чѣмъ дорого чело-вѣку его существованіе. Ты умѣла изгнать изъ его сердца этотъ страшный призракъ, изъ головы эту упорную мысль, отравлявшія жизнь его. Ты побѣдила соперницу, борьба съ которой была невозможна, потому-что призракъ былъ неуловимъ, невидимъ, потому-что разстроенное воображеніе больнаго окружало ее всѣми совершенствами души и тѣла, потому-что онъ отвергалъ даже возможность, чтобъ ему когда-нибудь могла понравиться дру-

гая женщина. Признаюсь, темная мысль объ этой возможности мелькнула у меня въ головѣ въ первую минуту прибытія больного, но я отвергнулъ ее, какъ несбыточную, не надѣясь на ея осуществленіе. Могъ ли я ожидать, чтобъ менѣе чѣмъ въ три мѣсяца мы достигли такихъ важныхъ, такихъ благодѣтельныхъ результатовъ!

Въ своемъ наивномъ, медицинскомъ восторгѣ, докторъ даже не замѣчалъ, что онъ говорилъ несовѣтъ—учтивыя и приличныя фразы. Докторша выслушала его хладнокровно и отвѣчала ровнымъ голосомъ, звучащимъ грустью и чувствомъ:

— Я, конечно, не меньше тебя рада спасенію Перскаго, если точно любовь эта можетъ вылечить его отъ сумасшествія... Мнѣ кажется, однакожь, что новое чувство, ненаходящее себя отвѣта и полнаго сочувствія, будетъ такъ же опасно, какъ страсть, редѣляемая, но прерванная внезапно и насильственно; что новая любовь можетъ принести ему столько же горя и нравственныхъ потрясеній, какъ и старая. Я понимаю, что тебѣ хотѣлось бы спасти его, и пришла просить у тебя совѣта, средства спасти его, не губя себя.

— Къ-чему такія громкія фразы? Чтò за бѣда, что онъ любитъ тебя? сказалъ съ неудовольствіемъ Гроковичъ.—Любовь эта будетъ только реакціей противъ помѣшательства. Ее можно будетъ вылечить легко, не доводя до крайней степени пароксизмовъ. Это будетъ нѣчто въ родѣ искусственной болѣзни, которую мы производимъ иногда для того, чтобъ излечить отъ настоящей.

— Твоя теорія, можетъ-быть, очень вѣрна, но я все-таки не вижу изъ нея, какъ мнѣ должно поступать?

— Очень-просто: старайся всеми силами изгладить изъ его памяти даже воспоминаніе о покойницѣ, обходи съ нимъ, какъ съ болѣннымъ ребенкомъ, угождай его капризамъ, въ-особенности не раздражай его противорѣчіями, старайся въ то же время не возбуждать въ немъ слишкомъ-рѣзкихъ порывовъ, заставляй его смотреть на его чувство съ легкой, эпикурейской точки зрѣнія, обращай въ шутку его восторженныя фразы; однимъ словомъ, тверди ему больше о чистой, возвышенной дружбѣ и обращай съ нимъ, какъ со старымъ, немощно-романическимъ другомъ, которому позволяется иногда невинная ласка изъ уваженія къ его испытанной преданности и сантиментальному характеру.

— Все это, сознайся, неочень-просто, весьма-нелегко и не очень-благородно. Ты можешь сказать, конечно, что въ этомъ

случая цѣль извиняетъ средства, и я, можетъ-быть, приняла бы на себя эту тяжелую и неблагодарную роль, еслибъ этому не мѣшало еще одно обстоятельство: я не въ силахъ кокетничать и не умѣю притворяться.

— Отчего жь?

— Оттого, что я сама люблю Перскаго.

Докторша сказала эти слова такъ просто, такъ спокойно, что Грохѳовичъ остановился передъ нею, удивленный и смущенный. Онъ долго смотрѣлъ на нее, но на блѣдномъ лицѣ ея не могъ прочесть ничего, кромѣ глубокой грусти и какого-то фаталистическаго спокойствія. На минуту встревоженный, онъ вскорѣ совершенно успокоился, сообразивъ всѣ обстоятельства, вспомнивъ о характерѣ и правилахъ жены, о ея болѣзненномъ состояніи, о своей теоріи любви, которую она прежде раздѣляла вполне. Ему показались даже странными опасенія Мины, и, принявъ самый ласковый тонъ, онъ сказалъ ей, шутя и улыбаясь:

— Кажется, ты начинаешь немножко сантиментальничать и придаешь слишкомъ-много важности весьма-понятному участию къ бѣдному больному. Не хочешь ли ты, можетъ-быть, возбудить во мнѣ ревность? Предупреждаю тебя, я не венеціанскій мавръ и твердо увѣренъ въ твоемъ благоразуміи и разсудительности. До сихъ-поръ ты очень-хорошо понимала, какъ смѣшны и неестественны всѣ романическія страсти: не-уже-ли ты думаешь, что я повѣрю возможности увлечься восторженною привязанностью къ полоумному въ то время, когда ты уже перешла за вѣтныя тридцать лѣтъ, потому-что, между нами будь сказано, тебѣ ужъ пошелъ тридцать-второй? Обманывать себя простиительно какой-нибудь семнадцатилѣтней пансіонеркѣ, незнающей людей и свѣта; а ты, я увѣренъ, завтра утромъ станешь сама смѣяться надъ сегодняшнимъ идилическимъ направленіемъ. Я буду, впрочемъ, великодушенъ и не напому о немъ. За симъ риторическимъ наставленіемъ мнѣ остается только пожелать вамъ доброй ночи.

И онъ поцаловалъ ее въ лобъ самымъ разсудительнымъ супружескимъ поцалуемъ. Она поднялась блѣдная, съ сильно-волнующейся грудью, но не выказывая, какъ глубоко оскорбилъ ее шутивый тонъ мужа, спросила тихимъ голосомъ:

— И ты больше ничего не скажешь, не посоветуешь мнѣ?

— Я посоветую только идти спать, потому-что ужъ поздно и у меня самого слипаются глаза.

Она молча подошла къ двери, взялась за ручку замка, но тутъ

твердость оставила ее; глухія рыданія вырвались изъ груди, и когда встревоженный Грохѳвичъ подошелъ къ ней, она почти безъ чувствъ упала на грудь его, плача и твердя:

— Спаси меня, научи, что мнѣ дѣлать! Еслибъ ты зналъ, какъ я страдаю, какъ я несчастна!..

— Успокойся, другъ мой, повторялъ Грохѳвичъ, усживая ее въ кресло. — Теперь я понимаю твою раздражительность, вижу, что ты больна, что все это истерики, разстройство нервовъ. Тебѣ нужно спокойствіе, aqua lauræ cerisi, extractum hyosciami, lactucarium. Я пропишу тебѣ все это.

— Такъ ты рѣшительно не вѣришь моимъ словамъ? спросила она глухимъ голосомъ, быстро вставая съ креселъ и опираясь на ручку ихъ.

— Вѣрю всему, только пожалуйста успокойся. Тебѣ вредно волненіе. Ты знаешь, какъ оно дѣйствуетъ на твои разстроенныя органы. Берегись, чтобъ тебѣ не напомнила о себѣ твоя болѣзнь, о которой ты забыла въ своихъ романическихъ мечтахъ, и, надѣясь на которую, я былъ совершенно увѣренъ въ твоемъ хладнокровіи и разсудительности.

Докторша сдѣлалась блѣднѣе полотна. Въ глазахъ ея блеснула досада и иронія. Она сказала прерывистымъ голосомъ:

— Такъ ты думаешь, что страхъ смерти уничтожить мои романическія мечты — какъ ты ихъ называешь?

— Я думаю, что они еще легче уничтожатся отъ нѣсколькихъ грановъ аconitum и lactucarium.

Докторша прижала платокъ ко рту и твердыми шагами пошла къ дверямъ.

— Кажется, ты не простилась со мною, сказалъ Грохѳвичъ, не глядя на нее и прибирая что-то на своемъ столѣ.

— Прощай! сказала она съ отчаяньемъ, скрываясь за дверью.

X.

Докторъ дѣйствительно принесъ женѣ на другой день lactucarium и extractum hyosciami. Она приняла ихъ, не говоря ни слова.

Отношенія ихъ нисколько не перемѣнились и въ послѣдующія двѣ недѣли іюля. Докторша даже перестала задумываться, и въ ея движеніяхъ и словахъ стало гораздо-болѣе выказываться энергіи и восторженности. О прежней апатіи не было и помину; ея смѣнили одушевленіе и рѣшимость. Это придало ей еще больше

красоты, такъ-что ее даже не узнавали старые обитатели Царскаго Села. Докторъ вскорѣ забылъ о разговорѣ съ женою и только потиралъ руки отъ удовольствія, видя, какъ замѣтно поправляется и крѣпнеть Перскій.

Графъ, однакожь, въ послѣднее время сдѣлался замѣтно грустнѣе и задумчивѣе. Видно было, что его беспокоитъ какая-то мысль, тревожное ожиданіе чего-то тягостнаго. Даже среди самаго оживленнаго разговора съ Миной Карловной, онъ вдругъ останавливался и впадалъ въ глубокую меланхолю, изъ которой его нелегко было вывести.

Однажды, во время прогулки у Большаго Каприза, докторша рѣшилась спросить его о причинѣ задумчивости, напавшей на него вдругъ среди бесѣды объ эстетическомъ значеніи поддѣльныхъ развалинъ, которыя они только-что обошли.

— Я давно самъ хотѣлъ открыть вамъ то, что такъ тревожитъ меня, отвѣчалъ Перскій: — но меня удерживала боязнь, что вы будете смѣяться надъ моимъ малодушіемъ.

— Развѣ я смѣялась когда-нибудь надъ вашими словами? спросила докторша.

— Нѣтъ; но настоящее опасеніе мое такъ странно. Я боюсь пятнадцатаго іюля.

— Чего же ожидаете вы отъ этого дня?

— Возобновленія моихъ припадковъ.

— Отчего именно въ это число?

— Оттого, что въ этотъ день умерла она... Катя.

— Вы давно ужъ не видали ея? спросила докторша послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Со времени моего послѣдняго припадка она не являлась ко мнѣ; но какое-то тяжелое предчувствіе говоритъ мнѣ, что пятнадцатаго іюля я увижу ее непременно... И, признаюсь вамъ, боюсь этого свиданія. Но вы не оставите меня въ этотъ день ни на минуту — не правда ли? вы будете со мною, подлѣ меня. Мнѣ кажется, что ваше присутствіе защититъ меня, спасетъ отъ грозящей мнѣ опасности. Этотъ день долженъ быть кризисомъ въ моей жизни, долженъ рѣшить: могу ли я надѣяться на совершенное исцѣленіе, или судьба опредѣлила мнѣ пользоваться немногими свѣтлыми минутами среди тяжкихъ ощущеній и видѣній, которыя я когда-то самъ вызывалъ, какъ дорогія моему сердцу, но которыя теперь пугаютъ меня, отравляютъ мое настоящее страшными призраками. Не правда ли, вы исполните прось-

бу человека, который будетъ обязанъ вамъ всѣмъ: жизнью, здоровьемъ, разсудительностью, спокойствіемъ, счастьемъ?

— Зачѣмъ и просить объ этомъ? Развѣ я не должна сдѣлать все, чтобъ спасти васъ? Я не предлагаю вамъ собрать около васъ въ этотъ день знакомыхъ, которые бы развлекали васъ: присутствіе постороннихъ лицъ можетъ быть гораздо-вреднѣе, особенно, если съ вами случится припадокъ. Другихъ незачѣмъ дѣлать свидѣтелями этого; но я буду подлѣ васъ весь этотъ день.

Онъ взялъ ея руку и крѣпко сжалъ, не говоря ни слова. Она шла молча по дорожкѣ, опустивъ голову. Онъ смотрѣлъ впередъ съ восторгомъ и довѣрчивостью. Съ широкихъ клѣновъ и столѣтнихъ липъ, окаймлявшихъ аллею, вѣяло прохладой; каждый листокъ въ вышинѣ, каждая травка подъ ногою, трепетали такою полною жизнью, что въ ихъ движеніи, казалось, отзывалось бѣніе пульса цѣлой природы. Груды было такъ легко и привольно дышать, сердцу такъ весело отвѣчать призыву природы: сильнѣе чувствовать, жить полнѣе...

И долго еще бродили они въ густой зелени царскосельскихъ садовъ, мѣняясь отрывистыми фразами, пустыми словами, глубокими по выраженію. Они давно сказали другъ другу все, что можетъ быть сказано между лицами, которыя не могутъ свободно говорить обо всемъ, ихъ занимающемъ; они были давно въ такомъ положеніи, когда слова ровно ничего не прибавляютъ къ мысли, понятой другъ другомъ, и звучать рѣзко и странно въ нашъ вѣкъ, боящійся больше словъ, нежели дѣлъ. Имъ даже рѣдко приходилось говорить.

Возвращаясь домой, докторша спросила Перскаго:

— Въ которомъ часу умерла ваша... эта женщина?

— Ночью, въ половинѣ перваго.

— Вы были при этомъ? сказала она черезъ нѣсколько минутъ.

— Первые конвульсіи сдѣлались съ ней на моихъ рукахъ, около полуночи...

Докторша не спрашивала больше ни о чемъ.

Въ этотъ же вечеръ она рассказала мужу объ опасеніяхъ Перскаго по поводу пятнадцатаго іюля, которое должно было наступить черезъ три дня. Докторъ задумался и потомъ сказалъ:

— Надобно непременно въ этотъ день какъ можно болѣе развлекать Перскаго, не оставлять его одного, стараться, чтобъ его заняла какая-нибудь другая идея, быть къ нему какъ-можно внимательнѣе, ласковѣе. Мы постараемся найти ему какое-нибудь

развлеченіе, хоть я и не очень опасуюсь этого дня. Больной теперь въ такомъ удивительномъ положеніи, что прежніе припадки его врядъ ли возвратятся, и онъ, кажется, напрасно воображаетъ, что его ждетъ какая-то опасность.

— Но ты, конечно, будешь въ этотъ день дома? спросила въ волненіи Мина Карловна.

— Вѣроятно! отвѣчалъ равнодушно докторъ.

Докторша хотѣла еще что-то сказать, но Грохѳовичъ засвисталъ какой-то маршъ и, повернувшись къ ней спиной, началъ рыться въ своихъ книгахъ. Она медленно вышла изъ комнаты.

Докторъ, повидимому, судилъ совершенно-справедливо: три дня прошли безъ всякой перемѣны для больного, и на утро четвертаго онъ проснулся такъ же свѣжъ и здоровъ, только съ легкимъ отбѣскомъ грусти и безпокойства, придававшимъ особое одушевленіе его блѣдному, выразительному лицу. Утромъ онъ, по обыкновенію, долго гулялъ съ Миной Карловной въ саду.

Когда они вернулись домой, докторъ встрѣтилъ ихъ съ письмомъ въ рукахъ. Письмо было отъ одного стариннаго пріятеля Грохѳовича, бывшаго въ этотъ день именинникомъ и звавшаго къ себѣ доктора обѣдать. Докторша поблѣднѣла и стала упрашивать мужа не ѣхать. Онъ отвѣчалъ, что нельзя отказать такому пріятелю, что нѣтъ ровно никакой необходимости ему быть дома, что она одна еще лучше займетъ и успокоитъ Перскаго, что, во всякомъ случаѣ, къ одиннадцати часамъ онъ непремѣнно вернется, и что, наконецъ, за нимъ можно будетъ даже послать всякую минуту, если съ больнымъ сдѣлается хуже.

Мина Карловна не настаивала.

Волненіе больного увеличилось, однакожь, вскорѣ послѣ отъѣзда Грохѳовича на именины. Докторша должна была употребить большія усилія, чтобъ успокоить его. Послѣ обѣда они поѣхали кататься въ коляскѣ, но принуждены были вскорѣ вернуться: пошелъ дождь, и небо, обложеное тучами, не сбиралось, повидимому, проясниться до слѣдующаго утра. Сильный вѣтеръ качалъ деревьями; на горизонтѣ всплывала по временамъ далекая зарница. Когда они всходили на крыльцо, торопясь укрыться отъ дождя, падавшаго холодными, большими каплями, вѣтеръ оторвалъ одну ставню, худо-привязанную къ окну, и Калибанъ, гдѣ-то въ углу, на дворѣ, завывъ такъ жалобно, что докторша, въ страхъ, прижалась къ Перскому, вздрогнувшему въ свою очередь... только не отъ страха.

Она собрала, однакожь, всё свои силы, понимая, что теперь онъ нужнѣ ей, чѣмъ когда-нибудь, велѣла подать свѣчи въ гостиную затворить ставни и готовить чай. Она шепнула даже лакею, чтобъ, вмѣсто четырехъ свѣчей, онъ зажегъ восемь, на всѣхъ столахъ. Они съиграли сначала въ четыре руки увертюру изъ «Оберона», но музыка шла плохо: Перскій ошибался чаще, нежели Мина Карловна и объявилъ вскорѣ, что не можетъ играть. Она съѣла одна за клавиши, но безъ него начала играть вдвое-хуже; къ тому же и онъ задумывался и не слушалъ вовсе музыки. Чай занялъ съ полчаса времени. Больной началъ сильнѣе задумываться. Докторша съ безпокойствомъ увидѣла, что на него сильное впечатлѣннѣ производитъ бой большихъ бронзовыхъ часовъ, стоявшихъ тутъ же и бывшихъ четверти. Стрѣлка на нихъ перешла ужъ за десять. Мина Карловна вздумала-было остановить часы, но для этого надобно было снимать стеклянный колпакъ; тогда она позвала графа на средину комнаты и усадивъ его въ козетку, спиною къ часамъ, чтобъ онъ по-крайней-мѣрѣ не смотрѣлъ на нихъ, сама помѣстилась противъ него и стала рассказывать ему о своей прежней жизни. Это всегда очень интересовало Перскаго, но въ этотъ разъ онъ слушалъ ее довольно-разсвѣнно. Она поняла, что надо заставить его говорить самого, и сказала:

— Расскажите мнѣ вы теперь что-нибудь о вашихъ планахъ въ будущемъ. Чтѣ вы будете дѣлать, напримѣръ, когда совершенно выздоровѣете?

— Я никогда не выздоровлю, отвѣчалъ онъ глухо.

— Опять! сказала она съ упрекомъ.—Вы общали мнѣ не вспоминать объ этомъ днѣ.

— Я и не вспоминаю о немъ, а говорю, что не выздоровлю, потому-что не хочу выздоровѣть.

— Еще недавно это было, однакожь, самымъ пламеннымъ вашимъ желаніемъ.

— Недавно, я не понималъ самъ чего желаю. Теперь я не хочу, чтобъ меня другіе по-крайней-мѣрѣ считали здоровымъ. Выздоровѣть—значить вступить въ свѣтъ, оставить васъ, а я не могу сдѣлать этого.

— Мы можемъ попрежнему видѣться... добрыми друзьями, если вы и оставите нашъ домъ.

— А вы хотите, чтобъ я оставилъ его? быстро спросилъ Перскій, не сводя глазъ съ своей собесѣдницы.

— Вы сами знаете, что это необходимо, отвѣчала она, не под-

нимая головы.—Мужу моему нельзя будетъ, да онъ и не захочетъ держать васъ у себя, когда найдетъ, что болѣзнь ваша прошла совершенно.

— Я спрашиваю: хотите ли вы, чтобъ я оставилъ вашъ домъ?

— Я отвѣчала уже вамъ, что это необходимо, повторила она едва-слышно.

— Я хочу знать, что вы думаете объ этой необходимости? настаивалъ Перскій.

— Я не вижу средствъ не покориться ей.

— Конечно, въ подобныхъ случаяхъ, фатализмъ самое спокойное вѣрованіе, сказалъ насмѣшливо графъ.—Отчего не предоставить всего судьбѣ, когда человѣкъ не хочетъ бороться съ обстоятельствами?

— Но если онъ не можетъ?

— Въ комъ есть истинное и сильное чувство, тотъ можетъ все на свѣтѣ...

— Но что жъ намъ дѣлать?... Скажите сами, что дѣлать? вскричала почти въ отчаяніи докторша.

Въ отвѣтъ на эти слова Перскій сталъ высказывать такія восторженныя, такія сумасбродныя предположенія, что Мина Карловна совершенно потерялась. Старательно избѣгая разговора о чувствахъ, весьма-затруднительнаго въ ихъ положеніи, она вдругъ сама подала ему поводъ высказать ясно все, что онъ думалъ и чувствовалъ. Жребій былъ брошенъ. Сказаннаго нельзя было возвратить. Стоило только тронуть эту струну, чтобъ она издала самые богатые, самые разнообразныя звуки. Въ бесѣдѣ жаркой и увлекательной они забыли о времени. Ихъ вывелъ изъ области фантазій и поэтическихъ мечтаній дребезжащій звукъ часовъ. Пробыло одиннадцать. Докторша вздрогнула. Этотъ звукъ напомнилъ ей, что мужъ хотѣлъ вернуться домой къ одиннадцати часамъ. Несмотря на все увлечение, она обрадовалась и стала радостно слушать и отвѣчать, посматривая по временамъ на дверь. Перскій продолжалъ изливать всю свою душу въ выраженіяхъ безсвязныхъ, отрывистыхъ. Сильное безпокойство овладѣло Миной Карловной, и когда скрипнула дверь въ гостиную, она бросилась къ двери съ непритворною радостью, но остановилась въ недоумѣніи.

На порогѣ стоялъ Іюль, смотря на нее холоднымъ, подозрительнымъ взглядомъ...

— Докторъ прислалъ сказать, что нескоро будетъ, говорилъ

онъ глухимъ голосомъ.—Съ пріятелями остался. Велѣлъ послать за нимъ, если нужно.

Мина Карловна хотѣла сказать, чтобъ онъ непременно вернулся, но въ то же время за нею раздался рѣзкій голосъ Перскаго:

— Скажи, что ненужно, что я совершенно-здоровъ.

Докторша обернулась къ нему, но не могла возразить ни слова. Юлиль подождалъ съ минуту, потомъ молча исчезъ за дверью.

— Затѣмъ докторъ хотѣлъ, чтобъ за нимъ послали? говорилъ Перскій въ волненіи. Чѣмъ онъ можетъ помочь мнѣ? Самое присутствіе его напоминало бы мнѣ о моей болѣзни. Его скептицизмъ, въ-отношеніи къ чувствамъ, волнуешь меня всегда самымъ непріятнымъ образомъ. Не онъ вылечилъ меня, а вы. Не-уже-ли вы думаете, что при немъ я сталъ бы такъ спокойно ожидать этого страшнаго часа?

И онъ показавъ на стрѣлку, подвигавшуюся къ четверти двѣнадцатаго. Несмотря на твердый голосъ, графъ былъ очень-блѣднѣлъ. Мина Карловна усадила его подлѣ себя на диванъ, начала успокаивать, утѣшать, говорить о новой жизни, новыхъ чувствахъ, новыхъ впечатлѣніяхъ. Въ свою очередь, онъ слушалъ разсѣянно, то задумавшись, то съ безпокойствомъ осматривая окружавшіе его предметы, или со страхомъ прислушиваясь къ свисту вѣтра, къ шуму дождя на улицѣ. Чаще всего глаза его останавливались на часахъ, и вся стратегія докторши, чтобъ заставить его забыть о времени, была напрасна. Когда тотъ же рѣзкій, металлическій звонъ, пробилъ четверть двѣнадцатаго, Перскій вскочилъ и вкричалъ, не стараясь даже ни побѣдить, ни скрыть своего ужаса:

— Нѣтъ! я не могу выносить этого ожиданія. Я человекъ безъ твердости, безъ характера; я слабый, малодушный ребенокъ, но не могу оставаться въ этой комнатѣ... Ради Бога уйдемте отсюда... Одинъ бой этихъ часовъ сведетъ меня съ ума...

— Но куда жъ мы пойдѣмъ? Въ вашу комнату, въ кабинетъ мужа?..

— Тамъ вездѣ есть часы... Всѣ эти комнаты наводятъ на меня страхъ своею величиною. Въ нихъ свѣчи, освѣщая одинъ уголокъ, оставляютъ всегда другой въ темнотѣ. Во всѣхъ этихъ комнатахъ она являлась мнѣ не разъ. Пойдемте навѣрхъ, тамъ, въ вашей маленькой комнаткѣ, гдѣ я былъ всего раза три на нѣскольکو минутъ, я буду защищенъ всѣми предметами, столько

лѣтъ окружающими вашу тихую, спокойную жизнь... Туда, она, можетъ—быть, не посмѣетъ явиться.

Не говоря ни слова, докторша взяла канделябръ и пошла изъ гостиной, устремивъ на Перскаго взглядъ, выразившій множество самыхъ разнородныхъ ощущеній; онъ бросился за нею съ чувствомъ ребенка, боящагося на секунду остаться въ темной комнатѣ.

Внизу узкой, крутой лѣстницы, поднимавшейся изъ коридора въ мезонинъ двадцатью крутыми ступенями, встрѣтили они Ююля, молча посторонившагося, чтобъ дать имъ дорогу.

— Ты еще не спишь? сказала докторша, для того, чтобъ сказать что-нибудь.

— Буду ждать доктора, отвѣчалъ онъ, глядя исподлобья на Перскаго.

Поднимаясь на лѣстницу, графъ принужденъ былъ, отъ волненія, держаться за перилы.

— Вы не находите, что ступени здѣсь круты и шатки? сказалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Не замѣчала; онъ трясется подъ ногами, но я не такъ тяжела, чтобъ онъ могли подо мною подломиться, отвѣчала докторша, отворяя дверь въ свою комнату.

Перскій вздохнулъ спокойно и отрадно, усѣвшись въ простыяхъ, кожаныхъ креслахъ докторши; она сѣла подлѣ него на стулѣ и стала рассказывать, какъ провела десять лѣтъ въ этой скромной комнаткѣ, безъ радостей въ настоящемъ, безъ пріятныхъ воспоминаній о прошедшемъ, безъ надеждъ на будущее. Она умѣла привлечь вниманіе графа своимъ безыскусственнымъ разговоромъ, возбудить его участіе описаніемъ ея всеневныхъ прозаическихъ занятій, ребяческихъ думъ и мечтаній. Онъ слушалъ ее, грустный и задумчивый; но, вглядываясь въ черты ея, докторша замѣтила, что онъ блѣднѣе обыкновеннаго.

— Полноте, сказала она, взявъ его съ участіемъ за руку. — Что вамъ думать о прошломъ! Жизнь еще вся впереди для васъ. Будущее можетъ быть такъ свѣтло...

— Оно не будетъ никогда лучше настоящаго, отвѣчалъ онъ съ увлеченіемъ. — Вѣрьте мнѣ, что я живу теперь только имъ...

— Но вы такъ поблѣднѣли!

— Это отъ упадка физическихъ силъ. Я очень—слабъ, а мнѣ нужно много крѣпости, чтобъ пережить полночь. Дайте мнѣ выпить чего-нибудь... нѣсколько глотковъ вина...

— У меня здѣсь есть мадера, въ которой я настаиваю, когда нужно, горькія травы. Но не вредно ли вамъ вино?

— Нѣтъ, дайте. Прошу васъ!

Со времени своей болѣзни, Перскій въ первый разъ выпилъ рюмку вина: легкій румянецъ выступилъ на щекахъ его, глаза загорѣлись ярче. Онъ сказалъ, наклонясь къ докторшѣ:

— Говорите мнѣ о васъ, чтобъ я забылъ о времени, обо всемъ на свѣтѣ.

И, слушаясь его какъ больного ребенка, Мина Карловна начала опять повѣрять ему свои чувства, надежды, ощущенія. Онъ изрѣдка прерывалъ ее восторженными фразами, которыя она старалась не слушать. Время шло быстро, они не замѣчали его.

Вдругъ, въ минуту молчанія и сладкой задумчивости докторши, Перскій судорожно сжалъ ея руку и сказалъ ей на-ухо голосомъ полнымъ ужаса:

— Слышите? слышите? лѣстница тихо скрипнула.

Докторша вздрогнула и стала прислушиваться. Дѣйствительно, въ тишинѣ ночи, былъ явственно слышенъ легкій трескъ ступенекъ. Она поблѣднѣла и пододвинулась къ Перскому, вскричавшему дико въ ту же минуту:

— Вотъ она!... вотъ она!... О, какъ она смотритъ на меня!

И взгляды его, блиставшіе ужасомъ, устремились неподвижно въ уголъ комнаты подлѣ двери; зубы его стучали, все тѣло дрожало, страхъ исказилъ черты лица.

— Прийдите въ себя, рассмотрите хорошенько! шептала Мина Карловна, чувствуя, что ей должно сохранить всю твердость духа, чтобъ ободрить больного.

— О! я очень-ясно вижу ее... Вся фигура ея не такъ ясна и опредѣленна, нѣтъ рѣзкихъ очертаній контура, она вся какъ-будто сквозитъ и волнуется; но лицо ея... я никогда не видалъ такого суроваго взгляда, такой горькой улыбки... Она печально качаетъ головою.

Докторша собрала всѣ силы, поднялась со стула, твердыми шагами пошла въ тотъ уголъ, куда указывалъ Перскій, и стала на то самое мѣсто, гдѣ было видѣніе.

— Гдѣ она теперь? спросила Мина Карловна твердымъ голосомъ.

— Я вижу васъ изъ-за нея, отвѣчалъ онъ глухо. — Вы обѣ сливаетесь часто въ одинъ и тотъ же образъ... Теперь вы почти такъ же блѣдны, какъ она.

Докторша чувствовала, что страхъ невольно овладѣваетъ ею,

но рѣшилась до послѣдней минуты бороться съ призракомъ... Вдругъ Перскій поднялся съ кресель, шатаясь, бросился въ противоположный уголъ комнаты и упалъ на колѣни, головою на постель, хватаясь, за занавѣски, закрываясь ими и крича :

— Спасите! она идетъ ко мнѣ!

Мина Карловна въ ужасѣ бросилась къ нему, приподняла его, посадила подлѣ себя и сказала, закрывая пылающее лицо его своими холодными руками:

— Не смотрите на нее!... Забудьте о ней!...

— Мнѣ хорошо такъ, шепталъ онъ, вздрагивая. — Я не вижу ее больше. Но я боюсь ея приближенія...

— Подлѣ меня вы можете быть спокойны... говорила она, утѣшая его.

— Я не вижу, но слышу ее, сказалъ онъ, прижимаясь къ ней въ страхъ. — Слова ея тихія, но мѣрныя, явственно раздаются въ ухахъ моихъ.

— Что жъ она говорить? спросила въ волненіи докторша.

— «Ты забылъ меня», шепталъ Перскій, машинально повторяя слова, слышанныя имъ однимъ. — «Ты измѣнилъ памяти обо мнѣ. Я умерла для тебя и за тебя, а ты боишься даже думать обо мнѣ. Но судьба накажетъ васъ. Ты не узнаешь счастья. Твоя любовь погубить и ее, какъ погубила меня.»

И при этихъ словахъ онъ поднялъ голову, окинулъ все вокругъ мутнымъ взглядомъ и оттолкнулъ отъ себя Мину Карловну, говоря прерывисто:

— Оставьте, оставьте меня!... Вы слышали, чтò говорила она?

— Не думайте обо мнѣ!... шептала докторша.

— Вы прогнали зловѣщій образъ... Я не вижу и не слышу ее... Послѣдняя цѣпь съ прошедшимъ разорвана... Я чувствую, что для меня теперь возможно будущее!...

— А я живу только въ настоящемъ! грустно говорила докторша въ то время, какъ онъ, молча сжималъ ея холодныя руки, несогрѣвшіяся даже въ эту минуту...

XI.

Поздно ночью Грохѣвичъ постучался въ комнату докторши. Мина Карловна отперла ему дверь и, показывая на спящаго Перскаго, сказала тихо :

— Не разбуди его; онъ уснулъ такъ сладко. Это сонъ не больного, а выздоравливающаго.

— Такъ ты думаешь, что кризисъ кончился благополучно, что припадки болѣе не возвратятся? спросилъ докторъ.

— Надѣюсь! отвѣчала она...

Грохѳвичъ взглянулъ на нее и, взявъ за руку, вывелъ изъ комнаты, сказавъ:

— Не надобно мѣшать ему. Пойдемъ ко мнѣ.

Докторша, задумчивая, машинально послѣдовала за нимъ.

— Стало-быть, я хорошо сдѣлалъ, что не вернулся домой, часа три назадъ, когда ты посылала за мной Юиля? сказалъ Грохѳвичъ, спускаясь съ лѣстницы.

Мина Карловна взглянула на него съ удивленіемъ, но ничего не отвѣчала...

На другой день въ домъ Грохѳвича все повидимому пошло по старому. Докторъ былъ, правда, задумчивѣе обыкновеннаго, жена его грустнѣе, Перскій веселѣе, Юиль неразговорчивѣе; но эта перемѣна расположенія ни на что не имѣла никакого вліянія. Попрежнему докторъ занимался своими больными и своими книгами, попрежнему между Перскимъ и докторшей были долгія бесѣды и долгія прогулки. Корсалинскій пріѣхалъ вскорѣ послѣ пятнадцатаго іюля и съ участіемъ разспрашивалъ Грохѳвича о томъ, что было съ больнымъ въ этотъ день. Докторъ отвѣчалъ, что припадокъ былъ очень-силенъ и что надо ждать вскорѣ повторенія его, отчего положеніе Перскаго, вѣроятно, сдѣлается хуже. Корсалинскій повидимому не совсѣмъ повѣрилъ этому и уѣхалъ, озабоченный какою-то мыслью.

Грохѳвичъ, съ своей стороны, тоже что-то задумывалъ. Онъ сталъ посѣщать нѣкоторыя лица, имѣвшія значеніе по медицинской части, совѣтовался съ ними, приглашалъ ихъ къ себѣ, сильно хлопоталъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Перскій поправлялся замѣтно и быстро. Онъ одинъ изъ всѣхъ обитателей дома Грохѳвича, казался счастливымъ и довольнымъ. Даже старикъ Васютинъ сильно похирѣлъ и постарѣлъ въ послѣднее время, хоть очень-усердно пилъ эликсиръ долгой жизни.

Въ концѣ іюля, въ домъ Грохѳвича случились два обстоятельства, нарушившія немного тишину этого дома. Однажды, во время отсутствія доктора, Перскій, спускаясь вечеромъ внизъ изъ комнаты докторши, гдѣ засидѣлся нѣсколько-долѣе обыкновеннаго, уналъ съ лѣстницы оттого, что подъ нимъ подломилась

одна ступенька. По-счастью падение не имѣло вредныхъ послѣдствій, кромѣ незначительнаго ушиба и легкаго вывиха ноги, отъ которыхъ онъ вылезъ днѣй черезъ шесть. Черезъ два дня послѣ этого страннаго случая, Грохѳвичъ отослалъ отъ себя Юлиа, отправивъ его къ одному изъ своихъ знакомыхъ въ Петербургъ. Жончекъ почти въ то же время исчезъ изъ Царскаго Села, и докторъ не встрѣчался съ нимъ ужь нѣсколько недѣль.

Въ половинѣ августа къ Грохѳвичу явился совершенно-неожиданно Корсалинскій и попросилъ позволенія поговорить съ нимъ наединѣ. Въ отборныхъ и чрезвычайно-учтивыхъ фразахъ онъ началъ благодарить его за всѣ попеченія о больномъ, сказалъ, что система леченія принесла изумительные плоды и что состоянiе больного почти совершенно-удовлетворительно. Для окончательнаго выздоровленія, ему недоставало только развлеченій, жизни въ болѣе обширномъ кругу, который доставилъ бы пищу его дѣятельности. Съ этою цѣлью, мать Перскаго, увѣжая въ этомъ же мѣсяцѣ за границу, рѣшилась взять съ собою своего больного сына, въ полной надеждѣ, что знакомство съ новыми странами и впечатлѣнiями и совѣты извѣстныхъ европейскихъ врачей довершатъ излеченіе, главнымъ виновникомъ котораго благодарная мать будетъ все-таки считать Грохѳвича. Въ заключеніе Корсалинскій подалъ письмо отъ своей матери и разрѣшеніе, врачей, пользовавшихся прежде Перскаго, передать этого пациента, страдающаго душевною болѣзнью, подъ надзоръ Корсалинскаго и одного врача, который долженъ былъ путешествовать вмѣстѣ съ ними.

Грохѳвичъ молча выслушалъ Корсалинскаго, молча принялъ всѣ представленныя ему бумаги и отвѣчалъ самымъ спокойнымъ голосомъ, отдавая ихъ назадъ :

— Все это очень-хорошо, но нисколько до меня не касается, и я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было обратиться ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ.

— Я долженъ былъ объявить вамъ рѣшеніе матери больного и врачей, отвѣчалъ Корсалинскій, глядя съ удивленіемъ на доктора. — Вы, вѣроятно, согласитесь на это.

— Все-таки не вижу, къ чему вамъ нужно мое согласіе. Вы должны спросить объ этомъ у самого графа.

— Вы забываете, почтенный Семенъ Игнатьичъ, что еслибъ онъ и не согласился, то мы, хотя и съ сожалѣніемъ, должны будемъ исполнить желаніе семейства и медиковъ и увезти его

отсюда. Страдающій разстройствомъ ума не можетъ имѣть своей воли и долженъ повиноваться пользующему его врачу.

— Это совершенно-справедливо, почтенный Ювентинъ Симеонъчъ, отвѣчалъ хладнокровно Грохъвичъ : — но вы забываете также, что братецъ вашъ не находится уже въ состояніи помѣшательства и имѣетъ полное право поступать по своей волѣ.

— При всемъ уваженіи къ вашей опытности, вы мнѣ позвольте, однакожь, усомниться въ этомъ, сказалъ, улыбаясь, Корсалинскій : — и подвергнуть впослѣдствіи большаго испытанію въ присутствіи врачей и правительственныхъ лицъ.

— Я предупредилъ въ этомъ случаѣ весьма-понятныя опасенія такого добраго родственника, и вмѣсто того, чтобъ сдѣлать это испытаніе впослѣдствіи, подвергалъ ему графа не разъ въ присутствіи слѣдующихъ городскихъ врачей и лицъ, извѣстныхъ въ этомъ городѣ.

И Грохъвичъ твердымъ голосомъ прочелъ имена извѣстныхъ лицъ и медиковъ, подписанныя подъ бумагами, составленными по всей формѣ и которыя онъ передалъ Корсалинскому.

Несмотря на все знаніе свѣта и приличій, Корсалинскій поглядывалъ какъ полотно, читая эти бумаги. Грохъвичъ слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и поспѣшилъ взять ихъ обратно, когда тотъ прочелъ ихъ.

— Вы чѣмъ-то недовольны, почтенный Ювентинъ Симеонъчъ? спросилъ Грохъвичъ. — Не замѣтили ли вы какого-нибудь упущенія въ формѣ этихъ бумагъ?

— Нѣтъ, никакого, глухо отвѣчалъ Корсалинскій.

— Въ такомъ случаѣ вы, конечно, находите, что мои авторитеты, признающіе графа въ полномъ разсудкѣ, немножко значительнѣе вашихъ, предписывающихъ лечить его какъ помѣшаннаго. Поэтому вы поймете, что согласіе графа ѣхать съ вами за границу будетъ зависть отъ него одного, и я тотчасъ же попрошу его къ намъ, хотя, признаюсь, не ожидаю большаго успѣха отъ вашего предложенія.

И онъ, позвонивъ, послалъ лакея просить къ нему Перскаго.

— Но не вы ли сами говорили мнѣ, недѣлю назадъ, что не надѣетесь на его выздоровленіе? сказалъ рѣзко Корсалинскій.

— *Ergare humanum est!* старая поговорка, Ювентинъ Симеонъчъ, отвѣчалъ докторъ съ добродушной улыбкой. — Я думаю, и вамъ приходилось не разъ испытать ея справедливость. Мои со-

братья-медики рѣшили иначе, и я вполне согласился съ рѣшеніемъ лицъ, болѣе меня пользующихся медицинскою извѣстностью.

Корсалинскій закусилъ губы, но не отвѣчалъ ни слова. Бесѣда его съ Перскимъ не продолжалась и пяти минутъ. Тотъ холодно и на-отрѣзъ отказался ѣхать куда-нибудь изъ Царскаго, и тѣмъ болѣе за границу. Сводный братецъ уѣхалъ, видимо-взволнованный и разстроенный.

Черезъ нѣсколько дней Перскій получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она почти умоляла его сопровождать ее въ путешествіи, приводя тысячи причинъ, почему присутствіе его было необходимо для больной матери. Графъ отвѣчалъ очень-учтиво, что хотя онъ и совершенно вымечился отъ болѣзни ума, но разстройство физическихъ силъ не позволяетъ ему оставить Царскаго Села; что же касается до необходимаго присмотра за матерью въ болѣзни, то священная обязанность эта принадлежитъ, по всѣмъ правиламъ, Корсалинскому, столько лѣтъ уже пользующемуся ея расположеніемъ и неоставляющему ее ни на минуту.

Пріѣзжала послѣ этого и сама Корсалинская, пріѣзжали разные важные родственники; увѣщанія, просьбамъ не было конца — все напрасно: Перскій оставался твердъ. Стали приходиться разные безыменные письма, затрогивавшія самыя чувствительныя стороны прошедшаго, напоминавшія о томъ, что въ прежнее время приводило графа въ сильное волненіе: теперь все это онъ встрѣчалъ хладнокровно. Ему попался даже на глаза Жончекъ, но и того онъ встрѣтилъ съ улыбкою презрѣнія. Были и нѣкоторыя мелкія придирки, относившіяся до разныхъ формальностей, но и это ни къ чему не послужило. Корсалинскій долженъ былъ уѣхать съ матерью одинъ. Перскій попросилъ даже отчетъ въ нѣкоторыхъ собственно ему принадлежащихъ капиталахъ и имѣніяхъ. Ему обещали устроиться по возвращеніи изъ-за границы.

Графъ прожилъ въ Царскомъ Селѣ до начала зимы, и только въ концѣ ноября уѣхалъ въ Петербургъ, продолжая навѣщать Грохдовича сначала очень-часто, потомъ рѣже. Въ декабрь онъ получилъ извѣстіе, что мать его умерла въ Палермо. Вскорѣ потомъ вернулся и Корсалинскій. Перскому должна была принадлежать большая часть имѣнія, оставшагося отъ его покойнаго отца; но сводный братецъ затѣялъ съ нимъ тяжбу, предъявивъ такое огромное количество заемныхъ писемъ своей покойной матери, что почти все имѣніе должно было перейти къ нему. Завязалось

дѣлю, которое не могло, впрочемъ, быть сомнительнымъ. Вся вѣроятность выиграннаго процесса была на сторонѣ своднаго брата.

До ноября Мина Карловна была еще довольно-здорова и покойна. Зимую она стала замѣтно грустить и чахнуть. Грохѳовичъ и прежде былъ невеселъ, а тутъ, съ болѣзнью жены сдѣлался еще угрюмѣе и неразговорчивѣе, хотя дѣла его шли очень-хорошо. Въ началѣ новаго года на него сильно подѣйствовала смерть двухъ близкихъ ему лицъ.

Первый умеръ Юилъ. Бѣдный идиотъ не могъ ужиться тамъ, куда его отправилъ Грохѳовичъ. Въ сильный морозъ пришелъ онъ пѣшкомъ изъ Петербурга просить, чтобъ докторъ принялъ его опять къ себѣ. Грохѳовичъ отказалъ, говоря, что и такъ былъ слишкомъ-снисходителенъ къ человѣку, заслуживавшему строгаго наказанія за его послѣднiе поступки. Юилъ не настаивалъ, но сказалъ, что не можетъ нигдѣ жить, кромѣ доктора. Когда онъ собрался назадъ въ Петербургъ, уже стемнѣло. Грохѳовичъ предложилъ ему переночевать; то же самое предлагалъ ему у себя и Васютинъ. Кретинъ отказался и ушелъ. Въ ночь была сильная вьюга, потомъ большой морозъ. Всю ночь Калибанъ вылъ на дворѣ такъ жалобно, что Васютинъ не разъ просыпался; но зная, что на вора добрый песъ залился бы не такимъ лаемъ, не хотѣлъ оставлять теплой постели. Съ первыми лучами свѣта, на крыльцѣ Грохѳовича нашли замерзшаго Юила. Калибанъ лежалъ у него на груди и напрасно старался согрѣть его. Бѣднякъ, вѣроятно, вернулся ночью въ домъ, гдѣ провелъ столько лѣтъ, и не могъ, или не хотѣлъ постучаться въ комнаты. Грохѳовичъ считалъ себя виновникомъ его смерти и сдѣлался еще мрачнѣе, еще недюдимѣе.

Вскорѣ за Юилемъ умеръ и старикъ Васютинъ. Видя, что эликсиръ долгой жизни не приноситъ ему никакой пользы, онъ сталъ допытываться у Жончка, которому все слѣпо вѣрилъ, продолжая видѣться съ нимъ почти каждый день, нѣтъ ли какого-нибудь лекарства подѣйствительнѣе. Тотъ присовѣтовалъ ему прибѣгнуть къ методу доктора Шпира. Она была очень-проста: лучшимъ лекарствомъ по этой методѣ считался свѣжій, некомнатный воздухъ, во всякое время, днемъ и ночью, несмотря ни на какую погоду. Только дальнѣйшiя развитiя этой методы, сообщенныя Жончкомъ, были немножко-странны: предписывалось спать на дворѣ, если можно, и во всякомъ случаѣ, имѣть всегда по-крайней-мѣрѣ окна отворенныя настежь; горячка лечилась однимъ свѣжимъ воз-

духомъ, дурное пищевареніе—сномъ на воздухъ; искусственное нагрѣваніе комнатъ, соединенное съ воздухомъ, испорченнымъ дыханіемъ и испариною, считалось началомъ всѣхъ болѣзней. Надо было жить какъ-можно-выше, потому-что тамъ воздухъ чище; но во время сна и въ спокойномъ состояніи человекъ дышитъ неполными лёгкими, и потому сильное движеніе на открытомъ воздухѣ, доводящее до испарины, было всего спасительнѣе, такъ-какъ, при бѣганіи, воздухъ вбирается до дна лёгкихъ и оживляетъ всего человекъ насквозь; движеніе это, сверхъ-того, надо было дѣлать съ полнымъ желаніемъ достигнуть здоровья, думая о томъ постоянно, а не разсѣянно и безъ сознанія. Вслѣдствіе этой системы, убѣжденный, что каждое вдыханіе комнатнаго воздуха на столько же времени сокращаетъ жизнь, Васютинъ раскрылъ у себя окна и двери при двадцатиградусномъ морозѣ, и умеръ простудною горячкою.

Грохѳовичъ и въ этомъ случаѣ упрекалъ себя, что силою не удержалъ старика отъ его страннаго леченья. Докторъ зналъ, что методу эту передалъ Васютину Жончекъ. Нельзя было, конечно, полагать преднамѣреннаго умысла со стороны бывшаго камердинера Перскаго, тѣмъ болѣе, что въ старикъ онъ лишился единственнаго друга въ цѣломъ домѣ Грохѳовича. Жончекъ умѣлъ такъ опутать Васютина, что безродный старикъ завѣщалъ ему, по смерти, свой домикъ. Но судьба не дала, однакожь, ему воспользоваться несправедливо-пріобрѣтеннымъ добромъ и страшно наказала его за всѣ дурные поступки. Въ самый день похоронъ Васютина, Калибанъ, мстя, можетъ-быть, за смерть своего господина, бросился, взбѣсившись, на Жончка, и покаместъ его успѣли отогнать и убить, такъ искусалъ камердинера, что того должны были отправить въ больницу.

Вслѣдствіе этихъ происшествій, новый годъ начался печально для Грохѳовича. Занятый процесомъ и устройствомъ своихъ дѣлъ, Перскій сталъ ѣздить рѣдко въ Царское... Но вскорѣ доктора должно было постигнуть еще большее несчастіе. Въ началѣ февраля онъ сталъ сильно сомнѣваться, переживетъ ли его жена этотъ тяжелый годъ.

Она дѣйствительно не пережила его. Угасая постепенно, она умерла въ первыхъ числахъ апрѣля, въ самый день пріѣзда Перскаго въ ихъ домъ въ прошломъ году. Докторъ напрасно ждалъ спасительнаго кризиса... Перскій, болѣе доктора надѣявшійся на спасеніе больной, былъ поэтому болѣе его пораженъ ея смертию.

Она умерла въ мученіяхъ, но безъ жалобъ, цалуя руки мужа, прося у него прощенья въ томъ, что не могла жить дольше, не могла посвятить ему каждой минуты своей короткой жизни. Грохъвичъ рыдалъ, какъ ребенокъ надъ умирающей; отчаяніе Перскаго было такъ сильно, что опасались возвращенія помѣшательства. Но, видно, несчастія закаляютъ душу человѣка, и кто вынесетъ одно тяжелое горе, тотъ можетъ не страшиться новыхъ ударовъ. Сердце можно поразить до извѣстной степени—всѣ послѣдующія раны только притупляютъ его чувствительность.

Дальнѣйшая судьба Перскаго не относится къ нашей грустной исторіи. Проигравъ въ началѣ лѣта процессъ и лишившись почти всего состоянія, онъ въ августѣ сдѣлался, совершенно-неожиданно, единственнымъ наслѣдникомъ всего имѣнія Перскихъ и Корсалинскихъ. Сводный братецъ его, осуществившій наконецъ всѣ свои надежды, погибъ при столкновеніи паровозовъ, случившемся въ этомъ мѣсяцѣ на только-что открывшейся желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, и все его имѣніе досталось Перскому. Теперь графу лѣтъ сорокъ-пять; онъ постоянно живетъ въ Петербургѣ, принятъ въ хорошемъ кругу, и многія маменьки еще не теряютъ надежды выдать когда-нибудь своихъ дочекъ за умнаго и свѣтскаго богача. Онъ, однакожь, не собирается жениться, хотя вообще очень нравится женщинамъ. Въ-особенности романическія натуры приходятъ въ восторгъ—не говоря уже о другихъ качествахъ — отъ матовой блѣдности его лица, единственнаго слѣдствія страшной болѣзни, которою онъ страдалъ когда-то. Вообще, какъ говорятъ у насъ по-русски: его очень-хорошо позируетъ въ свѣтѣ то, что двѣ женщины умерли изъ любви къ нему. Впрочемъ, онъ самъ не сознается въ этомъ и съ иронической улыбкой говоритъ, что не вѣритъ возможности умереть отъ любви въ нашъ образованный вѣкъ, съ чѣмъ совершенно соглашаются дамы большаго свѣта, которыхъ онъ удостоиваетъ своимъ вниманіемъ.

ВЛАДИМИРЪ ЗОТОВЪ.

ЕВРОПЕЙСКІЕ НЕГРЫ.

РОМАНЪ Ф. В. ГАКЛЕНДЕРА.

Часть третья и послѣдняя.

I.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ.

Шеллингеръ , театральнй портной , жившій , какъ , можетъ-быть , еще помнить читатель , въ домѣ , гдѣ находилось заведеніе для прокормленія безродныхъ дѣтей , исполнилъ порученіе Ричарда : разузнать , не въ это ли заведеніе принесенъ двухлѣтній малютка крестьянкою , по фамиліи Бильцъ. Дитя , которое было показано умершимъ , но вмѣсто котораго былъ похороненъ другой младенецъ , въ-самомъ-дѣлѣ было спрятано сюда. Смѣлый Ричардъ подговорилъ нѣсколькихъ пріятелей помочь ему возвратитъ малютку матери. Приготовленія эти потребовали довольно времени. Наконецъ все было устроено , и черезъ нѣсколько дней послѣ новаго года Ричардъ Гаммеръ , Шеллингеръ и нѣсколько ихъ союзниковъ вошли вечеромъ въ садъ , примыкавшій къ этому полуразвалившемуся дому , стоявшему въ одномъ изъ самыхъ узкихъ и пустыхъ проулковъ города. Катарина уже давно бродила тутъ , дожидаясь ихъ.

— Исполните же свою роль , Шеллингеръ , сказалъ Ричардъ : — помните , что вамъ надобно дѣлать : вы войдете къ Шламмеру , постараетесь какъ-нибудь завести ссору , и какъ-только они нападутъ на васъ , вы начнете кричать , мы прибѣжимъ на помощь , и во время этой суматохи Катарина осмотритъ дѣтей , найдетъ своего ребенка и унесетъ его. Помните же вашу роль.

Шеллингеръ вошелъ въ домъ. Въ первой комнатѣ сидѣлъ , по обыкновенію , хозяинъ , Шламмеръ , блѣдный и чахоточный мужчина лѣтъ

пятидесяти, ремесло котораго было покушать краденныя вещи. Подлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, одѣтый съ претензіями на щеголеватость, одинъ изъ кліентовъ хозяина, мелкій воръ, поселившійся на квартирѣ у Шламмера. Изъ сосѣдней комнаты слышался плачь дѣтей и голосъ жены Шламмера, бранившей малютокъ и унимавшей крикъ ихъ ударами плѣтки. Эта достойная женщина, почти всегда пьяная, помогая мужу сбывать съ рукъ купленныя вещи, посвящала свои досуги надзору за пятью или шестью малютками, изъ которыхъ старшему было около шести лѣтъ, а двое или трое были младенцы, еще неумѣвшіе ходить и лежавшіе на грязныхъ кроваткахъ. Г-жа Шламмеръ занималась теперь тѣмъ, что наказывала плѣткою старшаго мальчика, который съ отчаяніемъ защищался отъ своей мучительницы зубами и ногтями. Мужъ и его собесѣдникъ, не обращая никакого вниманія на эту привычную для нихъ исторію, разсуждали о предметѣ, повидимому, очень-интересовавшемъ обоихъ.

— Такъ на другой день наши его тѣло въ каналѣ? спрашивалъ Шламмеръ: — и ты былъ при судѣ надъ нимъ?

— Да, онъ уличилъ его въ намѣреніи предать насъ полиціи. О, я ужасно боюсь этого человѣка; онъ мѣшалъ мнѣ во многихъ отличныхъ дѣлахъ. Думаешь: что, если онъ узнаетъ о какомъ-нибудь, какъ онъ называетъ, гнусномъ убійствѣ? А вѣдь отъ него трудно укрыться: онъ все знаетъ и уличитъ — и тогда пропадъ человѣкъ.

Шламмеръ улыбнулся.

— Что вы смѣтаете, г. Шламмеръ? Вы, кажется, думаете: «а вотъ о моихъ продѣлкахъ онъ не знаетъ». Нѣтъ, до него дошли слухи. Онъ говорилъ, что у васъ дѣлаются, какъ онъ называетъ, гнусныя вещи, и что онъ займется вами. Я васъ предупреждаю по-дружески.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? съ испугомъ сказалъ Шламмеръ, начавъ каплять, чтобъ скрыть свое волненіе: — это было бы неочень-пріятно. Впрочемъ, чего жъ бояться намъ съ женою? прибавилъ онъ, стараясь ободриться: — мы не признавали его своимъ начальникомъ; онъ не долженъ вмѣшиваться въ наши дѣла. Да и кто онъ такой — мы этого еще не знаемъ.

— Да этого и никто не знаетъ, сказалъ Штрейберъ. — Известно каждому только одно: онъ сдѣлался нашимъ начальникомъ не для того, чтобъ имѣть какія-нибудь выгоды; онъ не требуетъ себѣ ничего изъ общей прибыли, наиротивъ, самъ помогаетъ тѣмъ, кому случается нужда.

— Значитъ, у него есть свои особенныя цѣли, сказалъ Шламмеръ. — Знаешь ли, я думаю, что это какой-нибудь знатный господинъ, который забавляется нашими дѣлами отъ скуки или для шалости.

Появленіе Шеллингера прервало разговоръ.

— Здравствуйте, г. Шламмеръ, сказалъ портной, раскланиваясь:— въ моей квартирѣ холодно; я зашелъ къ вамъ погрѣться. Я бы васъ попросилъ, г. Шламмеръ, поставить у меня въ комнатѣ хорошую печь: моя совсѣмъ не грѣетъ.

— Да выдержать ли гнилой полъ новую печь? насмѣшливо сказалъ Штрейберъ: — я того и жду, что онъ провалится, и вы повиснете на какой-нибудь перекадинѣ.

— Прежде, чѣмъ я повисну, отвѣчалъ Шеллингеръ: — я надѣюсь видѣть, что добрые люди повѣсятъ васъ.

— Полноте ссориться! сказалъ хозяинъ.

— Я не ссорюсь, а просто разсуждаю, кому приведетъ судьба умереть своею смертью, а кому придется умереть на висѣлицѣ, отвѣчалъ Шеллингеръ.

— Да полноте же! повторилъ хозяинъ: — если вы говорите и не въ обиду Штрейберу, такъ все лучше оставить этотъ неприятный предметъ: кому весело думать о смерти?

— Вамъ, г. Шламмеръ, рѣчь о смерти не должна быть въ диковинку, возразилъ неугомонный Шеллингеръ, искавшій случая къ ссорѣ: — говорить, будто бы у васъ въ квартирѣ смерть очень обыкновенная гостя; говорить, будто дѣти, которыхъ вы берете на прокормленіе, мрутъ какъ мухи отъ голода и побоевъ.

— Какъ вы смѣете говорить это! закричалъ хозяинъ, вспыхнувъ.

— Отчего жъ не говорить, когда это правда? продолжалъ Шеллингеръ.

— Лжешь ты, старый дуракъ, нищій безсовѣстный! закричалъ хозяинъ, разгорячась еще больше.

— Я не нищій, а вы воры, мошенники. Уйду отъ васъ, разбойниковъ, чтобъ не зарѣзали, сказалъ Шеллингеръ и пошелъ къ дверямъ.

— Нѣтъ, ты не уйдешь! Мы съ тобой раздѣлаемся! закричалъ хозяинъ, въ бѣшенствѣ бросаясь на старика: — Штрейберъ, держи его!

— Бьютъ! рѣжутъ! помогите! крикнулъ Шеллингеръ, и въ ту жъ минуту дверь затрещала подъ ударами Ричарда и слетѣла съ петель. Впереді всѣхъ вбѣжала Катарина.

— Шеллингеръ, укажите ей, гдѣ комната, въ которой дѣти, сказалъ Ричардъ: — а мы пока подержимъ этихъ негодяевъ.

Но держать было нѣкого: Шламмеръ и Штрейберъ попрятались въ разные углы. Жены Шламмера также не было видно нигдѣ.

— Вотъ оно, вотъ мое дитя! вскричала Катарина, рыдая и смѣясь слезами: — жива моя милая дочка! и она цаловала ручки и ножки малютки. — О, какъ я благодарна вамъ!

Радостное волненіе ѳдной матери было такъ велико, что слабыя силы ея не вынесли потрясенія: она упала въ обморокъ.

— Шеллингерь, ты умѣешь обращаться съ женщинами лучше насъ, сказалъ Ричардъ: — иди сюда; что намъ дѣлать съ этою бѣдняжкою?

— Ничего, ничего, суетливо говорилъ Шеллингерь, бросааясь во всѣ стороны: — нужно только воды; гдѣ вода? съѣщите поскорѣе!

— Вотъ вода, сказалъ дѣтскій голосъ позади Ричарда: — вотъ въ большой кружкѣ, на окнѣ.

Ричардъ обернулся и увидѣлъ мальчика, лѣтъ шести, который при началѣ шума залѣзъ—было подъ лавку, но теперь, ободрившись, вышелъ изъ своего убѣжища.

Шеллингерь принялся мочить виски Катаринны.

— Кто ты, мой милый? спросилъ Ричардъ мальчика.

— Посмотрите, онъ спрятался туда, сказалъ вмѣсто отвѣта мальчикъ, указывая на одну изъ кроватей.

Ричардъ увидѣлъ, что изъ-подъ дѣтской кровати торчали ноги:

— Вылѣзай, любезный, намъ нужно съ тобою переговорить, сказалъ онъ.

Ноги зашевелились, потомъ показались фалды фрака, наконецъ явился всюю своею особою Штрейберъ и, поднявшись на ноги, учтиво сказалъ:

— Мое почтеніе, господа! Я здѣсь челоѳкъ посторонній, позвольте мнѣ удалиться отъ этой непріятной исторіи.

— Не отпускайте его, Ричардъ, сказалъ Шеллингерь: — иначе тотъ плутъ можетъ надѣлать намъ непріятностей.

Катарина между-тѣмъ оправилась.

— Нечего здѣсь оставаться, сказалъ Ричардъ: — идите поскорѣе изъ этого вертепа.

Но когда они вышли въ переднюю комнату, дверь въ сѣни была окружена десяткомъ незнакомыхъ людей, среди которыхъ стоялъ челоѳкъ въ черномъ плащѣ:

— Что за беспорядокъ, сказалъ онъ, выступая впередъ: — зачѣмъ вы силою вломились въ чужой домъ? Съ этими словами онъ одинъ вошелъ въ комнату, оставивъ прочихъ въ сѣняхъ: — затворите дверь, сказалъ онъ, обращаясь къ нимъ.

Ричардъ и его товарищи отступили, пораженные смѣлостью этого челоѳка, который одинъ остался въ ихъ толпѣ, и его твердымъ повелительнымъ голосомъ.

— Мы пришли сюда не съ дурнымъ намѣреніемъ, а за добрымъ дѣломъ, чтобъ отдать ребенка его матери, сказалъ Ричардъ: — вотъ, спросите ее, продолжалъ онъ, указывая на Катарину.

Катарина, все-еще заливаясь слезами отъ радости, рассказала въ короткихъ словахъ свою исторію незнакомцу.

— Да, я слышалъ о Шламмерѣ много подобнаго, сказалъ онъ. — Шламмеръ, гдѣ ты прятешься? Поди сюда! сказалъ онъ громкимъ голосомъ.

Шламмеръ, спрятавшійся въ кухнѣ, вышелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Правду говорятъ они, что ты похоронилъ другаго ребенка подъ именемъ того, который былъ принесенъ къ тебѣ крестьянкою? спросилъ мужина въ плащѣ.

Шламмеръ молчалъ.

— Хорошо, можете идти домой, сказалъ незнакомецъ Ричарду и его товарищамъ : — я вижу, что вы правы.

— Предупреждаю тебя, чтобъ вы съ женою были осторожнѣе, сказалъ онъ Шламмеру, когда всѣ посторонніе ушли изъ комнаты : — полиція наблюдаетъ за вами, и нынѣ произведенъ былъ бы у васъ обыскъ, еслибъ я не остановилъ этого дѣла. Но не одна полиція наблюдаетъ за вами: я также не хочу терпѣть вашихъ ужасныхъ продѣлокъ: помни же, что если ты заставишь меня еще разъ быть здѣсь, то я приѣду не за тѣмъ уже, чтобъ предостерегать.

Онъ хотѣлъ уйти, но, обводя комнату взглядомъ, замѣтилъ мальчика и остановился: «Эти глаза, да и весь очеркъ лица напоминаютъ мнѣ...» подумалъ онъ, и спросилъ:

— Чье это дитя? Понимаешь, передо мною нельзя лгать.

— Намъ переданъ этотъ мальчикъ изъ вторыхъ рукъ; настоящаго имени его намъ не сказали; клянусь вамъ, я говорю правду, отвѣчалъ Шламмеръ трепещущимъ голосомъ.

— Да, кажется, теперь ты не лжешь. Но завтра къ шести часамъ утра ты долженъ самымъ точнымъ образомъ узнать : чье это дитя — понимаешь ?

Шламмеръ низко поклонился.

— Тебѣ тутъ, я думаю, невесело жить? сказалъ незнакомецъ, взявъ за руку ребенка : — хочешь уйти отсюда ?

— Хочу ! Они злые, а заѣе всѣхъ гадкая женщина съ краснымъ носомъ; они безпрестанно бьютъ насъ и не даютъ намъ ѣсть.

— Очень выгодное для тебя свидѣтельство, Шламмеръ. Хорошо, мой другъ, я возьму тебя отсюда.

Онъ позвалъ одного изъ своихъ людей и сказалъ :

— Отведите этого ребенка въ Лисью Нору, накормите его и одѣньте. Завтра поутру я пришлю приказаніе относительно его. Не бойся,
Т.С III. — Отд. I.

мой другъ, теперь будутъ съ тобою обращаться хорошо, прибавляя онъ, лаская ребенка.

II.

Вечеръ у военнаго министра.

На великолѣпномъ балѣ у военнаго министра, графа Форбаха, былъ весь дворъ.

За однимъ изъ столовъ, поставленныхъ въ залѣ, назначенной для игры въ карты, сидѣли обершталмейстеръ, гофмаршалъ и третій господинъ, который особенно долженъ обратить на себя наше вниманіе—генералъ баронъ Вольмаръ, маленькій, сухощавый старикъ съ мутными глазами и неприятнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Они играли въ преферансъ втроемъ; но и четвертое мѣсто было занято молодою дамою, съ правильными и тонкими чертами лица и прекрасными русыми волосами. Это была супруга барона Вольмара, и контрастъ между ветхимъ, износившимся старикомъ и его красавицею-женою былъ поразителенъ. Молодая женщина не принимала участія въ танцахъ, опасаясь возбудить ревность мужа. Читатель, быть-можетъ, еще не забылъ разговора, подслушаннаго нами, когда мы въ первый разъ знакомились съ молодымъ графомъ Форбахомъ и его друзьями.

Баронъ фон-Брандъ пріѣхалъ поздно и прошелъ по всѣмъ комнатамъ, какъ бы отыскивая кого-то. Наконецъ, онъ увидѣлъ Вольмара и жену его, и сѣлъ въ нишѣ у окна, напротивъ молодой женщины. Уловивъ минуту, когда она подняла глаза, Брандъ выразительно взглянулъ на нее, и баронесса вздрогнула, увидѣвъ его; робко взглянула она на мужа, но, къ-счастью, онъ занятъ былъ картами и не замѣтилъ ничего. Еще нѣсколько разъ обмѣнялись взглядами она и Брандъ; наконецъ она, какъ-бы понявъ его мысль, слегка наклонила голову въ знакъ согласія. Послѣ того баронъ ушелъ изъ комнаты.

Баронесса Вольмаръ все-еще довольно-долго сидѣла подлѣ мужа; но вотъ и она поднялась съ мѣста, говоря мужу:

— Желаю тебѣ играть счастливо.

— Mais dites-moi, où allez-vous? недовольнымъ тономъ сказалъ Вольмаръ.

— Я пройдуся по комнатамъ; я устала сидѣть, отаѣчала она.

— Eh bien, va-t-en, va-t-en, съ досадою преговорилъ мужъ: — ты развлекла меня: вотъ я сбросилъ не ту карту, какую слѣдовало. Diable, quelle distraction!

Молодая женщина прошла, не останавливаясь, до огромной залы, въ которой былъ устроенъ зимній садъ, и которая была теперь почти цуста. Одинъ баронъ Брандъ стоялъ тамъ, разсматривая какое-то тропическое растеніе.

— Сядь на это кресло, сказалъ онъ подошедшей къ нему баронессѣ:—а я буду стоять подлѣ тебя, здѣсь: отсюда мнѣ видно, если кто идетъ сюда, и мнѣ легко уйти незамѣченнымъ въ кабинетъ молодаго графа; эта дверь, въ двухъ шагахъ отъ меня, ведетъ туда. Не бойся же, никто не подсмотритъ, что мы говоримъ съ тобою наединѣ. А я долженъ сказать тебѣ многое, многое.

— И я тебѣ также. О, какъ мучителенъ былъ для меня этотъ день! Да, ты былъ правъ, говоря, что я должна была поручить тебѣ моего сына. Но я не могла видѣться съ тобою тогда; писать я боялась; но всего больше остановило меня опасеніе, чтобъ не замѣчены были мои близкія отношенія къ тебѣ—о, это было бы ужасно!

— Конечно, это подало бы поводъ къ самымъ нелѣпымъ сплетнямъ. Но довольно тосковать о прошедшемъ.

— Да, продолжала она:—ты былъ правъ, говоря, что не должно привозить сюда моего сына; но я не могла выносить разлуки съ нимъ; единственною моею отрадою было цаловать, хоть изрѣдка, его невинную головку. И когда мужъ началъ догадываться о томъ, что мой сынъ здѣсь, почти открылъ, гдѣ онъ скрывается, и я должна была передать его другой воспитательницѣ—я опять должна была обратиться къ тебѣ за помощью и совѣтомъ, но я не могла, потому-что за каждымъ моимъ шагомъ слѣдили; я могла только сказать его воспитательницѣ, чтобъ она передала его какой-нибудь другой женщинѣ, еще неизвѣстной моимъ преслѣдователямъ; это было третьягодна; и вотъ, нынѣ поутру мнѣ сказали, что мое дитя вчера вечеромъ похищено. О, Генри, возможно ли это? Боже, что теперь съ нимъ? гдѣ онъ? Уже-ли мнѣ измѣнили? Уже-ли онъ во власти...

— Успокойся, тихо сказалъ баронъ, нагнувшись почти къ самому ея уху:—ты рыдаешь почти вслухъ; помни, что мы окружены людьми: что подумаютъ, если замѣтятъ слѣды слезъ въ твоихъ глазахъ? Успокойся же, другъ мой.

Она посмотрѣла на него съ невыразимымъ отчаяніемъ.

— Успокойся, братъ не обманываетъ тебя. Улыбнись, моя милая Луси, ты не потеряла его.

— Генри, не обманывай меня надеждою!

— Умѣй же владѣть собою: сейчасъ войдутъ сюда. Гдѣ и какъ

найденъ твой сынъ, некогда рассказывать. Молчи же, тигре! твой сынъ у меня.

— Боже, благодарю тебя! прошептала бѣдная женщина, едва подавляя въ груди радостный крикъ.

Баронъ Брандъ поспѣшно пожалъ сестрѣ руку и скрылся въ кабинетъ молодого графа. Черезъ секунду вошли въ залу зимняго сада нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ и самъ хозяинъ, старый графъ. Они сѣли подлѣ баронессы, удивляясь тому, что она одна; она сказала, что утомлена и хотѣла отдохнуть здѣсь, но теперь уже совершенно отдохнула. Внимательный хозяинъ предложилъ ей осмотрѣть садъ, и съ какимъ восторгомъ любовалась она каждымъ рѣдкимъ растеніемъ! Старый графъ, страстный любитель цвѣтовъ, былъ въ восхищеніи, нашедши женщину, которая такъ хорошо умѣетъ цѣнить достоинство его рѣдкостей.

Не одной баронессѣ Вольмаръ принесъ счастье этотъ вечеръ. Молодой графъ Форбахъ, танцуя съ Евгенією фон-Сольмъ, рѣшился откровенно высказать ей свои чувства, ободренный тѣмъ, что слышалъ въ голубой галереѣ. Намъ нѣтъ надобности подслушивать отвѣтъ Евгеніи; довольно сказать, что молодой графъ не обманулся въ своихъ надеждахъ.

III.

Старая исторія.

Балъ кончился. Тихи и пусты были огромныя приемныя комнаты. Старый графъ уже отдыхалъ отъ вечернихъ трудовъ своихъ; но близкіе пріятели молодого графа собрались въ его кабинетъ потолковать на свободѣ en petit comité о вечерѣ, который былъ такъ блестящъ и веселъ. Общество молодого графа состояло изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыхъ встрѣтили мы у него въ первый разъ; кромѣ нихъ былъ тутъ одинъ только герцогъ Альфредъ. Герцогъ лежалъ на мягкомъ chaise longue; подлѣ него сидѣлъ баронъ фон-Брандъ, въ изысканно-безукоризненномъ костюмѣ, какъ всегда, и, какъ всегда, благоухая воспитательнымъ соеuf de rose; на другомъ диванѣ лежалъ майоръ фон-Сальмъ, чрезвычайно-скандализируя тѣмъ чинно-сидѣвшимъ подлѣ него Брахфельда, недавно-получившаго званіе совѣтника; Эриксенъ и Форбахъ расположились въ креслахъ.

— Дѣ, я танцевалъ съ истиннымъ самоотверженіемъ, говорилъ герцогъ:—впрочемъ, вечеръ былъ столь же веселъ, какъ и многолюденъ; кажется, и вы всѣ, господа, не щадили себя. Только вы, Брандъ,

вѣроятно, почти вовсе не танцевали. Посмотрите, майоръ : онъ какъ-будто сейчасъ только кончилъ свой туалетъ: его галстухъ, его волоса, наконецъ вся его фигура ясно изобличаютъ , что онъ не сдѣлалъ ни одного тура вальса.

— Вы ошибаетесь, герцогъ : я танцевалъ не менѣе другихъ, отвѣчалъ Брандъ: — но мое правило: удерживаться отъ всякихъ увлеченій и не забывать, что излишняя быстрота движеній вредитъ туалету.

— У барона , кромѣ танцевъ , были другія мысли , сказалъ Брахфельдъ.

— Да, баронъ, мы за вами кое-что замѣтили , прибавилъ майоръ.

— Что жъ такое ? Ради Бога, вы знаете, я люблю проникать въ чужія тайны , сказалъ герцогъ: — кто жъ изъ достоуважаемыхъ мужей можетъ жаловаться на барона?

— Баронъ Брандъ долго разговаривалъ съ баронессою Вольмаръ, важно сказалъ Брахфельдъ.

— А я замѣтилъ, что онъ волочится за оберго-мейстершею , прибавилъ майоръ.

Баронъ снисходительно улыбнулся и кокетливо приложилъ къ губамъ платокъ, отъ котораго повѣяло соеуг de rose. — Messieurs, вы меня хотите представить Дон-Жуаномъ. Не вѣрьте мнѣ, герцогъ. Я, messieurs, также кое-что замѣтилъ за иными, но молчу.

— Не обо мнѣ ли вы говорите? сказалъ Форбахъ:—берегитесь, я знаю самый страшный изъ вашихъ грѣховъ.

— Вы? вотъ это любопытно!

Графъ значительно посмотрѣлъ на него и торжественно произнесъ:

— Баронъ, не напомнить ли вамъ чего-нибудь слово полиція? Онъ надѣялся замѣтить невольное движеніе при этомъ намекѣ, но ни одинъ мускулъ не шевельнулся на открытомъ лицѣ барона.

— Полиція? сказалъ онъ спокойно: — соеуг de rose, какое жъ отношеніе имѣетъ она къ вашему балу?

— О, коварный человекъ! отвѣчалъ хозяинъ: — развѣ я не видалъ, какъ вы пожали руку Августы, дочери президента полиціи?

— Баронъ рѣшительно Дон-Жуанъ, сказалъ герцогъ:—я слышалъ объ этомъ.

— Старая исторія ! отвѣчалъ баронъ , пожмая плечами: — чтобъ набѣжать сплетень, я сдѣлаюсь отшельникомъ.

Изъ передней въ это время послышался громкій и веселый хохоть.

— Безъ доклада нельзя, сударь, говорилъ камердинеръ.

— Пустяки , графъ будетъ благодаренъ , если вы дадите мнѣ сдѣлать ему сюрпризъ.

Съ этими словами дверь отворилась и вошелъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, въ дорожномъ костюмѣ, въ мѣховыхъ сапогахъ, съ шляпою на шеѣ. Всѣ вскрикнули отъ изумленія и радости.

— Откуда вы являетесь, какъ видѣніе? сказалъ герцогъ, протягивая руку вошедшему.

— Ты ли это, Гуго? говорилъ хозяинъ, бросаясь ему навстрѣчу.

— Кажется, вы должны видѣть, что это я и что я вошелъ сюда прямо изъ дорожнаго экипажа.

— Садись же, Штейнфельдъ, и рассказывай, изъ какихъ тридцатыхъ земель прикатилъ ты. Ты остаешься ночевать у меня?

— Конечно, и останусь еще три-четыре дня, пока принму квартиру. Я могъ бы пріѣхать часа три назадъ, но на последней станціи узналъ, что у тебя, Форбахъ, балъ; я не хотѣлъ переодѣваться, и подождалъ на станціи, чтобы явиться, надѣюсь, въ самую удобную минуту.

— Да откуда жъ ты?

— Теперь изъ Индіи, гдѣ воевалъ съ сейками.

— А гдѣ пропадалъ ты прежде?

— Былъ въ Китаѣ, въ Египтѣ, на Мысѣ Доброй Надежды, въ Сѣверной Америкѣ, въ Бразиліи — однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только можно быть.

— Да, messieurs, онъ, вѣроятно, хотѣлъ размыкать по сѣту свое горе, сказалъ герцогъ: — онъ скрылся отъ меня изъ Вецлара, вслѣдствіе загадочной исторіи... да, господа, вслѣдствіе происшествія, которое, кажется, въ первый разъ сильно затронуло его сердце.

— Возможно ли? Нашъ непостоянный Штейнфельдъ отдался въ плѣнъ какой-нибудь красоткѣ? Расскажи, пожалуйста; это гораздо-любопытнѣе твоихъ сраженій съ сейками, сказалъ майоръ.

— Нѣтъ, лучше расскажу вамъ о сейкахъ, отвѣчалъ Штейнфельдъ: — герцогъ преувеличиваетъ; мое вецларское приключеніе вовсе не такъ интересно.

— Не хочешь рассказывать, стало-быть, оно дѣйствительно интересно, сказалъ Форбахъ. — Теперь и я присоединяюсь къ майору и требую вецларской исторіи.

— Да, объ этой исторіи доходили до меня очень-занимательные слухи, продолжалъ герцогъ: — я семь лѣтъ ждалъ объясненія отъ васъ, Штейнфельдъ, вы не можете отказать въ немъ. Видите, какъ вы наказываетесь за свою скрытность: еслибъ рассказали тогда ниѣ, одному, не были бы теперь принуждены рассказывать цѣлому обществу.

— О, тогда никакая сила не заставляла бы меня говорить! задумчиво сказалъ Штейнфельдъ: — но теперь это дѣло прошлое...

— Не мучь насъ, Штейнфельдъ: мы здѣсь всѣ свои люди, можемъ оставить свою скрытность.

— Пожалуй, сказалъ Штейнфельдъ, вздохнувъ.— Вы знаете, семь лѣтъ назадъ, я побѣхалъ съ герцогомъ путешествовать, и мы доѣхали до Вецлара, гдѣ вздумали прожить нѣсколько времени. На другой день по прїѣздѣ, мы были въ театрѣ, въ бельэтажѣ. Я замѣтилъ въ партерѣ дѣвушку необыкновенной красоты: ея нѣжныя черты лица, дивныя русые волосы и голубые глаза чрезвычайно заняли меня. Признаюсь, я гораздо-больше смотрѣлъ въ партеръ, нежели на сцену...

— Ну, да, я тогда же замѣтилъ это, сказалъ герцогъ: — и ужь впередъ зналъ, что начинается романъ.

— О, какъ дивно-хороша была она! Я спрашивалъ о ней въ антрактѣ своихъ вецларскихъ знакомыхъ: никто не зналъ ея. Она замѣтила, что я не свожу съ нея глазъ, и также нѣсколько разъ поднимала на меня свой упительный взглядъ. У меня кружилась голова, когда глаза наши встрѣчались. По окончаніи спектакля я дождался ея на крыльцѣ; она прошла мимо меня съ женщиной пожилыхъ лѣтъ; онѣ сѣли въ наемную коляску. Я велѣлъ своему человѣку во что бы ни стало узнать, гдѣ онѣ живутъ...

— Да, легкомысленный юноша, вы ушли изъ логи, бросивъ меня одного — помню, сказалъ герцогъ.

— Мой ловкій Жакъ сѣлъ на запятки ихъ экипажа; они побѣхали въ одно изъ отдаленныхъ предмѣстій. Выходя изъ экипажа, старуха замѣтила непрошеннаго спутника и прочитала ему очень-назидательную рѣчь. Слушая наставленія, онъ замѣтилъ фасадъ дома и на другой день поутру разузналъ, что старуха — вдова Цинкейзенъ, а дѣвушка — ея дочь, и что онѣ прїѣхали въ Вецларъ всего только два мѣсяца, откуда — никто не зналъ. Выслушавъ донесеніе, тотчасъ же усѣлся я за письменный столъ и сочинилъ письмо такого содержанія, что я въ отчаяніи отъ неловкаго положенія, въ которое поставилъ меня Жакъ передъ г-жею Цинкейзенъ, и что я покорнѣе прошу позволенія лично выразить мое сожалѣніе объ этомъ неприятомъ случаѣ и проч. и проч...

— Недурно! сказала майоръ: — видно опытнаго человѣка.

— Да, это было довольно-смѣло, отчасти даже дерзко. Но успѣхъ оправдываетъ все: г-жа Цинкейзенъ отвѣчала, что готова принять меня. Я отправился, старуха приняла меня одна. Я извинялся тѣмъ, что дочь ея произвела на меня слишкомъ-сильное впечатлѣніе. Она улыбнулась очень-благоклонно. Надобно вамъ замѣтить, что слухи, собранныя Жакомъ, были несовсѣмъ благопріятны для старухи. Дочь, напротивъ, сосѣди называли идеаломъ чистоты и доброты. То и другое, по моимъ

замѣчаніямъ, оказалось справедливо. Я выпросилъ позволеніе продолжать свои визиты. Старуха согласилась. Я попросилъ позволенія лично извиниться передъ ея дочерью въ безпокойствѣ, которое могла пробудить въ ней неловкость моего человѣка. Она согласилась и позвала дочь. Я былъ очарованъ ею. Дочь ни мало не походила на мать, истую мѣщанку, безъ всякаго воспитанія и образованія, между-тѣмъ, какъ Элиза была превосходно образована. Мнѣ казалось, что она англичанка: по-крайней-мѣрѣ въ типѣ красоты ея было что-то англійское. Да, теперь я увѣренъ, что старуха не была ея матерью.

Баронъ Брандъ, о которомъ всѣ забыли, слушая расказчика, тяжело вздохнулъ.

— Что съ вами, баронъ? сказалъ герцогъ: — ужь не жалѣете ли вы, что не вы были на мѣстѣ Штейнфельда?

Едва только обратилось на Бранда общее вниманіе, какъ онъ уже состроилъ приторно-сентиментальную мину и сказалъ:

— Герцогъ, вы знаете, какъ слабы мои нервы; я не могу безъ глубокаго чувства слушать разказа, начинающагося столь грустно.

— Послѣ перваго же разговора съ этою дѣвушкою я почувствовалъ, что страстно полюблю ее, продолжалъ Штейнфельдъ. — Такъ и случилось. Старуха, какъ-бы нарочно, оставляла насъ однихъ. Черезъ недѣлю я былъ увѣренъ, что Элиза также любитъ меня...

— И дѣло пошло по заведенному порядку? прервалъ герцогъ.

— Оно вовсе не шло. Мое чувство было чисто, какъ и мои мысли.

— Значить, ты хотѣлъ жениться на этой дѣвушкѣ? спросилъ Форбахъ.

— Да, были такіа минуты. Одно останавливало меня: странная личность ея матери. Еслибъ старуха была женщина честная, я не задумался бы, хоть она была грубая мѣщанка. Но... впрочемъ, вы на дѣлѣ увидите, какова была она. Однажды, когда я пришелъ, меня встрѣтила одна старуха; Элизы не было дома. Это случилось ужь не разъ, и я спокойно усѣлся на диванъ, спрашивая, куда она уѣхала.

— Я нарочно услала ее изъ дому, чтобъ переговорить съ вами, отвѣчала старуха. — Вы бываете у насъ часто, всегда очень-внимательны къ Элизѣ — позвольте же спросить, съ какими цѣлями? Скажу вамъ откровенно, что собственно на васъ я не рассчитываю: вы, какъ мнѣ извѣстно, человѣкъ очень-небогатый; но если вы хотите оказать дружескую услугу герцогу Фельзенбургу, съ которымъ путешествуете, то будьте со мною откровенны...» — Я вспыхнулъ и не могъ сказать ни слова отъ негодованія. «Не безпокойтесь, я женщина, знающая свѣтъ и людей. Если вы дѣйствуете по порученію вашего друга, я очень-рада». Я сидѣлъ, не зная, что отвѣчать этой женщинѣ. — «Пони-

маю, что вы сами также влюблись въ Элизу, продолжала она съ улыбкою: «и вамъ трудно отказаться отъ нея; но довѣрьтесь моему расположенію къ вамъ: ваши притязанія не могутъ пострадать отъ нашихъ сношеній съ герцогомъ: вы еще неопытны; многое, повидимому, несовѣстимое, легко улаживается людьми, знающими жизнь». — «Но я хочу жениться на вашей дочери!» вскричалъ я. — «Это для меня не рассчитать», съ улыбкою отвѣчала старуха.

— Вы коварный другъ, Штейнфельдъ! сказалъ герцогъ: — какъ же не передали вы мнѣ такого интереснаго обстоятельства?

— Не забудьте, герцогъ, что я страстно любилъ эту дѣвушку. Не стану пересказывать вамъ, какихъ вещей наговорилъ я старухѣ, съ какими чувствами ушелъ отъ нея. Черезъ часъ меня не было въ Вецларѣ.

— Надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, вы увезли съ собою Элизу? спросилъ герцогъ.

— Я усккалъ одинъ. Но черезъ мѣсяць я воротился въ Вецларъ, продавъ все, что имѣлъ. Было уже поздно. Я нашелъ только письмо отъ Элизы, оставленное для меня у хозяйки дома, въ которомъ онѣ жили. Потомъ я встрѣтилъ Элизу въ Парижѣ. Старуха принимала меня очень-ласково, пока у меня были деньги, а послѣ того поѣхалъ я скитаться по свѣту.

— Ясно, что старуха не могла быть матерью Элизы, замѣтилъ майоръ.

— Да; но тогда я не зналъ этого, къ-несчастью, вздохнувъ, проговорилъ Штейнфельдъ и, закуривъ сигару, замолчалъ.

— А вы, что скажете, баронъ? спросилъ герцогъ: — мы съ вами не были бы такъ простодушны, какъ Штейнфельдъ; старуха не провела бы насъ? сказалъ герцогъ. — Ба! да вы совершенно растроганы, баронъ!

— Что тутъ сказать? произнесъ Брандъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — развѣ повторить вѣстѣ съ Мефистофелемъ: «не она первая, не она послѣдняя». — Вы разстроили мои нервы, Штейнфельдъ, прибавилъ онъ, стараясь придать своему голосу обыкновенную кокетливость и обмахивая лицо платкомъ, отъ котораго повѣяло запахомъ *soeur de rose*. — Я долженъ ѣхать домой, чтобъ успокоиться. До свиданья, Форбахъ.

— Пора и мнѣ отправляться домой, сказалъ герцогъ: — ужь очень-поздно. Прощайте, графъ.

Остальные гости также встали.

Баронъ Брандъ отпустилъ карету домой и пошелъ пѣшкомъ.

IV.

БРАТЬ И СЕСТРА.

Безъ цѣли бродилъ Брандъ по пустымъ улицамъ города, печально опустивъ голову, разстроенный, упавшій духомъ. — «Нѣтъ, теперь она погибнетъ! Тутъ было пять человѣкъ. Что будетъ, когда онъ встрѣтится съ нею? Они догадаются, хоть онъ не скажетъ съ нею ни одного слова; малѣйшей перемены въ его или ея лицѣ будетъ довольно, чтобъ погубить ее! О, еслибъ я зналъ, какъ будешь ты болтать на ея погибель, я избавился бы отъ твоего глупаго языка! А теперь чѣмъ я могу спасти ее? Я безсиленъ, я беззащитенъ противъ опасности!»

Долго бродилъ онъ, пока, поднявъ голову, увидѣлъ, что случайно подошелъ къ маленькому, но опрятному, двухъэтажному дому, окруженному садомъ. — «Бѣдное дитя! твой отецъ губить твою мать! Быть-можетъ, взглядъ на твое спокойное, свѣтлое лицо успокоитъ и меня». — Онъ вынулъ изъ кармана ключъ, отперъ калитку и тихо пошелъ по лѣстницѣ.

— Кто тамъ? спросилъ изъ первой комнаты верхняго этажа голосъ Бейля.

— Я, любезный другъ, отвѣчалъ Брандъ: — я хотѣлъ взглянуть на ребенка.

— Вы, вѣрно, не спали всю ночь; а мнѣ ужъ пора вставать, сказалъ Бейль: — сейчасъ одѣнусь и выйду къ вамъ.

— Я провелъ вечеръ и ночь въ сильномъ безпокойствѣ. Скажите, здоровъ ли вашъ воспитанникъ?

— Да, онъ здоровъ, веселъ и очень-милъ.

— Вы не замѣчали никакихъ подозрительныхъ людей вокругъ дома? Вы знаете, какъ я боюсь, чтобъ люди, которымъ вовсе ненужно того знать, не открыли, куда исчезъ нашъ малютка отъ Шламмера?

— Однажды только мнѣ показалось, когда я шелъ по улицѣ, за мною слѣдила какая-то неблаговидная фигура въ черномъ фракѣ. Я взялъ фляжъ и проѣхалъ на другой конецъ города, такъ-что, надѣюсь, онъ не узналъ, гдѣ я живу.

— Благодарю васъ, Бейль, сказалъ Брандъ, пожимая ему руку. — Я вполне полагаюсь на вашу осторожность. Я пойду взглянуть на ребенка.

Черезъ четверть часа баронъ воротился къ Бейлю. — «Тяжело у меня на душѣ, сказалъ онъ: — и нѣ съ кѣмъ раздѣлить мнѣ мою печаль. О, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть человѣка, съ которымъ могъ бы я говорить! Будьте моимъ другомъ, Бейль.

— Я одинокъ въ мірѣ; въ васъ я нашелъ покровителя — можете ли вы сомнѣваться во мнѣ?

— Да, я довольно узналъ васъ, Бейль : вы скромны и благородны; вамъ можно довѣрять все... Брандъ задумчиво склонилъ голову на руку. — Мнѣ кажется, что недолго осталось мнѣ жить на свѣтѣ ; тогда этотъ малютка останется беззащитенъ , если не будете вы его защитникомъ, продолжалъ онъ. — Вамъ надобно будетъ узнать, кто мать его... Да и теперь она захочетъ видѣть его... она будетъ здѣсь, я не удержу ее отъ этихъ опасныхъ свиданій. Да, отъ васъ невозможно скрывать нашей тайны, и, не правда ли, вы будете вѣрнымъ хранителемъ ея?

Бейль протянулъ руку барону.

— Слушайте же! О, какъ облегчено будетъ мое сердце, когда хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ будетъ знать меня такимъ, какимъ сдѣлала меня судьба!

— Вы никогда не выѣзжали изъ Германіи, началъ Брандъ : — вы не знаете, какъ прекрасенъ югъ. Кто разъ былъ въ Италиі, никогда не забудетъ ея. Но еще прекраснѣе Сицилія ; я до-сихъ-поръ мечтаю о своей родинѣ. Я родился въ Палермо. Мать моя была сицильянка, отецъ — англичанинъ, который заѣхалъ въ Сицилію на своей яхтѣ, и влюбился въ мою матушку. Онъ былъ старшій сынъ лорда Кембля. Женившись, онъ написалъ своему отцу, прося его благословенія; но старикъ, оскорбленный самоволіемъ сына, лишилъ его наслѣдства. Батюшка остался жить у своего тестя, маркиза Біанки, надѣясь, что время смягчитъ гнѣвъ лорда Кембля. Скоро тесть умеръ; на долю моей матери досталось имѣніе, хотя и не большое, но достаточное, чтобъ жить прилично. Они были счастливы другъ другомъ и двумя дѣтьми.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Не знаю, хлопоталъ ли батюшка о примиреніи съ отцомъ, но вдругъ получилъ онъ увѣдомленіе, что лордъ Кембль готовъ простить его, если онъ съ своимъ семействомъ переедетъ въ Шотландію, гдѣ жилъ старый лордъ. Мы съѣли на корабль. Мнѣ было тогда десять лѣтъ, сестрѣ четыре года. Черезъ нѣсколько времени счастливо вышли мы на шотландскій берегъ. У пристани ждали насъ двѣ кареты, присланныя старымъ лордомъ, и мы поѣхали въ его наслѣдственный замокъ. Когда батюшка вошелъ виѣстѣ съ нами въ комнату, какой-то старикъ (его злое лицо тогда испугало меня) подалъ письмо, прочитавъ которое, батюшка сдѣлался печаленъ. « Другъ мой, сказавъ онъ матушкѣ, отецъ мой спѣшилъ сюда встрѣтить насъ, но занемогъ на дорогѣ и остановился въ одной деревнѣ, за нѣсколько миль отсюда. Онъ желаетъ, чтобъ я немедленно ѣхалъ къ нему. Я долженъ ис-

полнить его волю». — Матушка просила, чтобъ онъ взялъ ее и насъ съ собою. — «Я боюсь оставаться одна въ этомъ угрюмомъ замкѣ, среди незнакомыхъ мнѣ людей», говорила она. — «Ужь ночь на дворѣ и дорога очень-дурна», отвѣчалъ отецъ: «тебѣ и дѣтямъ было бы слишкомъ-безпокойно провожать меня. И чего тебѣ бояться? Ты въ своемъ замкѣ, эти люди твои служители. Завтра до разсвѣта я буду опять съ тобою». Комнаты замка были великолѣпны, но казались холодны и мрачны намъ, привыкшимъ къ легкимъ зданіямъ Палермо.

Онъ поужиналъ съ нами, осмотрѣлъ приготовленные для насъ комнаты и отправился, поцаловавъ меня съ сестрою и обнявъ матушку. Матушка печально сѣла въ кресла и взяла къ себѣ на колѣни сестру; я смотрѣлъ вмѣстѣ съ ними въ окно на отъѣздъ батюшки. На дворѣ стояло нѣсколько служителей съ факелами; онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ; позади его поѣхалъ старикъ, передавшій письмо, и нѣсколько человекъ верхами. Я зарыдалъ, когда онъ скрылся за деревьями парка: мнѣ казалось, что батюшку увозятъ насильно, что ему грозитъ какая-то бѣда. Матушка также была очень-грустна. Всю ночь мнѣ грезилась страшные сны, и вдругъ я вскочивъ съ постели: мнѣ показалось, что около меня раздаются знакомые голоса; въ-самомъ-дѣлѣ, проснувшись, я услышалъ говоръ въ сосѣдной комнатѣ. Сестра также проснулась на этотъ шумъ и сидѣла на своей кровати. «Что тамъ говорятъ?» спросилъ я. «Не знаю», отвѣчала она, «но матушка тамъ плачетъ». Я былъ тогда смѣлъ и боекъ; я бросился къ дверямъ, съ крикомъ: «я защищу ее!» — но едва сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ, какъ сильная рука схватила меня за плечо; я обернулся, это былъ злой старикъ, поѣхавшій съ батюшкою. «Куда ты?» спросилъ онъ сердито. — «Къ матушкѣ; она плачетъ, ее обижаютъ» отвѣчалъ я. — «Видишь, какой молодецъ! ложись-ко спать, да не суйся, гдѣ тебя не спрашиваютъ». И съ этими словами онъ толкнулъ меня къ кровати. Никто никогда не билъ меня; я вспыхнулъ; но что могъ я сдѣлать ему? и, стиснувъ зубы отъ гнѣва, я сѣлъ на кровать и сталъ прислушиваться. Да, это былъ голосъ матушки. Она рыдала, она говорила дрожащимъ голосомъ: «Отдайте же мнѣ дѣтей моихъ! Боже мой, что будетъ съ ними!» И я кричалъ: «Мама! не бросай насъ, мы здѣсь!» Но вдругъ все затихло. Старикъ раскрылъ окно и перегнулся, выглядывая на дворъ. У крыльца послышался стукъ колесъ, шумъ шаговъ, раздался крикъ матушки; я осматривался кругомъ, ища оружія: я хотѣлъ защищаться, мстить злому старику за себя и за матушку. Надъ моею кроватью висѣли кинжалы и пистолеты. Я тихо сталъ на кровать, вынулъ изъ ноженъ кинжалъ, который висѣлъ ниже другихъ, и

держалъ его за спиною. Опять раздался крикъ матушки: «Отдайте мнѣ дѣтей!» Старикъ закричалъ: «Ну, поворачивайтесь проворнѣе! Везите ее поскорѣе!» Снова послышался страшный, раздирающій душу стонъ матушки, хлопнулъ бичъ и колеса быстро зашумѣли по песку. Я крѣпче стиснулъ въ рукѣ кинжалъ. Старикъ закрылъ окно и пошелъ ко мнѣ, говоря: «Теперь пріймусь за тебя, щенокъ: плетка тебя вышколить, будешь у меня шелковый». Я не помнилъ себя отъ ожесточенія; но я рассчиталъ инстинктивно, что рука моя слишкомъ—слаба для удара, — когда онъ былъ на шагъ отъ меня, я въ одинъ мигъ уперъ кинжалъ рукояткою къ своей груди и бросился на старика съ кровати всѣмъ тѣломъ. Кинжалъ до самой рукоятки вонзился ему въ грудь. Онъ упалъ мертвый, даже не застоналъ.

— Вы убили его? съ испугомъ сказалъ Бейль, чрезвычайно—добродушный, несмотря на свои саркастическія выходки.

— И по дѣломъ. Онъ былъ главною причиною всѣхъ нашихъ несчастій. Онъ управлялъ слабымъ разсудкомъ лорда Кембля, какъ я узналъ послѣ. На шумъ паденія прибѣжали люди; вошелъ человекъ очень пожилыхъ лѣтъ, опираясь на палку — это былъ лордъ Кембль. «Прекрасно!» сказалъ онъ взглянулъ на трупъ: «ужь видно, каковъ будетъ молодецъ! — Увезите ихъ поскорѣе». Сестру и меня схватили, несмотря на все мое сопротивленіе, посадили въ экипажъ, и повезли— куда—я не зналъ. Долго мы ѣхали; двѣ ночи я не спалъ, на третью сонъ одолѣлъ меня, и когда я проснулся, сестры не было со мною. Когда и какъ насъ разлучили—я не помнилъ; я помнилъ только, что заснулъ обнявъ ее. Не могу выразить вамъ, какъ тяжело этотъ послѣдній ударъ поразилъ меня! Я страстно любилъ свою Люси. Меня привезли въ какую-то деревню и оставили у поселяннина, который вовсе не смотрѣлъ за мною. Мальчикъ живой, смѣлый и сильный, я былъ первымъ во всѣхъ играхъ и шалостяхъ; скоро я сталъ удалцомъ въ полномъ смыслѣ слова: не было крутизны, на которую я не взобрался бы, не было лошади, которой не могъ бы я объѣздить. Часто пропадалъ я изъ дому на два, на три дня, бродя по лѣсамъ и горамъ. Но мысль о томъ, чтобъ отыскать матушку и сестру, никогда не покидала меня. Почему жь я не убѣжалъ? Горе, одиночество, шалости развили меня не по лѣтамъ; я ужь понималъ, что безъ денегъ, одинъ, я ничего не могу найти; притомъ же я не зналъ даже фамиліи моего отца—у насъ въ домѣ называли его просто: «сэръ Робертъ»; я не зналъ, въ какомъ краю Шотландіи лежитъ замокъ моего дѣда, и я понималъ, что бѣжать одному бесполезно. Но какъ я обрадовался, когда, подлѣ нашей деревни, появился таборъ цыганъ! Я подружился съ ними, проводилъ въ

таборѣ цѣлые дни, наконецъ ушелъ съ ними. Долго я скитался по разнымъ угламъ Англіи; но вотъ одному изъ табора надобно было гнать въ Шотландію лошадей, и я отправился съ нимъ. Со времени нашего несчастія прошло нѣсколько лѣтъ; я былъ уже взрослый мальчикъ. Имени дѣдовскаго замка я не помнилъ, но мадѣлся узнать его фасадъ и паркъ, и ѣздилъ верхомъ на десятки миль во все стороны, осматривая каждый замокъ. Много разъ меня обманывало воображеніе, но все подробности мѣста вртзались въ мою память, и, внимательнѣе всмотрѣвшись, я узнавалъ, что ошибся. Послѣ долгихъ поисковъ я нашелъ его, этотъ роковой замокъ. Сквозь рѣшетку забора я видѣлъ играющихъ дѣтей; одна изъ дѣвочекъ была похожа на мою сестру; но вотъ на крыльцо вышла молодая дама въ траурномъ платьѣ и увела дѣтей въ комнаты. Я пошелъ въ деревню, принадлежащую къ замку и началъ разспрашивать о его владѣльцахъ. «Лордъ Ричардъ Кембль умеръ полгода назадъ, на охотѣ, упавъ съ лошади» сказали мнѣ. «Кто жъ эта дама въ траурѣ? чья это дѣти?»—«Дама?—супруга покойнаго лорда, то-есть, видите ли, вторая супруга» сказали мнѣ: «потому-что первая жена его была какая-то иностранка; когда онъ пріѣхалъ съ нею домой, старый лордъ велѣлъ взять ее и двухъ своихъ внучатъ, то-есть, дѣтей иностранки, и отправилъ ихъ куда-то, должно быть, назадъ, за границу, потому-что, видите ли, сынъ женился безъ его позволенія, да еще на бѣдной. Ну, сначала сынъ очень тосковалъ, можно сказать, убивался; а потомъ покорился отцу. Подали просьбу, что бракъ былъ недѣйствительный, и—разумѣется, люди богатые—дѣло такъ и рѣшили, какъ имъ хотѣлось. Значить, первую жену нѣчего и считать женою, а дѣти отъ нея, стало-быть, незаконныя. Тогда старикъ нашелъ сыну богатую невѣсту и женилъ его. Это ты видѣлъ дѣтей отъ второй жены. Ну, теперь, какъ онъ убитъ, она осталась вдовою, а дѣти—сиротами, потому и ходятъ въ траурѣ». Итакъ, я былъ отвергнутъ моимъ отцомъ! Сестра моя, если она жива, покинута теперь совершенно на произволъ судьбы; и гдѣ она теперь? и гдѣ матушка? Какъ мнѣ искать ихъ? Послѣ этого я, очертя голову, бросился во все удаляя походженія цыганскаго табора. Прежде я только бродилъ съ цыганами, но не участвовалъ въ ихъ дѣлахъ. Конечно, я не хотѣлъ заниматься мелкими продѣлками; я былъ честолюбивъ, и хотѣлъ опасностей и славы въ своемъ кругу.

Однажды атаманъ табора сказалъ мнѣ: «Если въ тебѣ есть смѣлость, мы съ тобою завтра можемъ за одинъ разъ обогатиться». Я согласился. «Нынѣшнюю ночью мы остановимъ на дорогѣ одного изъ самыхъ богатыхъ адѣшнихъ помѣщиковъ» сказалъ онъ: «онъ везетъ съ

собою гибель денегъ; правда, есть съ нимъ и лакеи; не мало ли будетъ насъ двоихъ?»—«Управимся и двое, хотя бъ ихъ было десятокъ» сказалъ я. Мы засѣли въ лошнѣ, за кустами. Часу въ первомъ услышали стукъ кареты. На лошадяхъ сидѣли два почтальйона, сзади кареты два лакея. Я бросился на лошадей, остановилъ ихъ, стацилъ одного почтальйона съ сѣдла; лакеи выстрѣлили по мнѣ, но я спрятался подъ лошадей, стацилъ и другаго почтальйона, вынулъ двуствольный пистолеть, заставилъ почтальйоновъ выпрячь лошадей, которыя тотчасъ убѣжали и вслѣдъ за ними почтальйоны. Между-тѣмъ, товарищъ мой запугалъ лакеевъ, которые не смѣли тронуться съ мѣста. Я подошелъ къ дверцѣ кареты. Сидѣвшій въ ней сѣдлалъ по мнѣ два выстрѣла, но я каждый разъ отсторонялся; потомъ я вытацилъ его изъ кареты; это былъ старикъ, хромой и ошравшійся на палку. Я усадилъ его на камень, лежавшій у дороги, снялъ фонарь съ кареты и, освѣтивъ ему лицо, вскрикнулъ отъ изумленія: черты старика были мнѣ знакомы; это былъ мой дѣдъ, врагъ моей матери. Я присматривалъ за нимъ, а товарищъ мой вынималъ шкатулки изъ экипажа. Кровь кипѣла во мнѣ, а пока я не зналъ, кто онъ, я былъ очень спокоенъ; но и тутъ я превозмогъ себя. «Помните ли ту ночь въ вашемъ замкѣ, когда вы погубили счастье цѣлаго семейства?» тихо сказалъ я ему: «помните ли, какъ отца принудили вы сдѣлаться преступникомъ передъ женою и дѣтьми, растерзали сердце матери, лишили дѣтей родительскаго надзора, законныхъ правъ и честнаго имени, отдали ихъ на жертву нищетѣ и пороку? Ну вотъ порадитесь же, я вашъ внукъ. Мы съ вами больше не увидимся, развѣ когда меня будутъ судить, а васъ позовутъ быть свидѣтелемъ». Онъ молчалъ, опустивъ голову: интересно бы знать, съ досады или раскаянья? Товарищъ мой кончилъ свое дѣло, и мы ускорили. Добыча наша была чрезвычайно-велика. Мы дѣлили ее на разсвѣтъ въ развалинахъ стараго аббатства. Я отдалъ товарищу всѣ деньги, себѣ взялъ банковые билеты и бумаги. Онъ почелъ меня сумасшедшимъ. Послѣ того мы съ ними не видѣлись.

«Я уѣхалъ изъ Англiи, размѣнявъ наскоро свои билеты. Изъ Парижа я писалъ въ Палермо къ родственникамъ бѣдной моей матери, но мнѣ отвѣчали, что о ней нѣтъ никакихъ слуховъ. У меня не осталось надежды отыскать ее или сестру. Это приводило меня въ такое отчаянiе, что я иногда думалъ о самоубийствѣ; но я отвергалъ это желанiе, какъ слабость. Я рѣшился бороться съ судьбою, жить гордо и независимо, наперекоръ ей. При моемъ богатствѣ легко было войти въ кругъ лучшаго общества; но я также, по старой привычкѣ, любилъ сблизкаться съ простолюдинами, и у меня были друзья во всѣхъ клас-

сахъ парижскаго населенія. Я находилъ свое наслажденіе въ томъ, чтобъ держать въ рукахъ нити тысячи интригъ, управлять судьбою людей, невѣдомо для нихъ, все знать и всѣмъ властвовать.

— И вы до-сихъ-поръ продолжаете эту страшную для васъ игру? съ ужасомъ спросилъ Бейль.

— Да; но будьте покойны : я васъ не введу въ опасность. Этотъ домъ останется всегда чистъ, какъ душа дитяти, вѣрннанаго вашему надзору.

— Не за себя, а за васъ я боюсь, сказалъ Бейль.

— Я знаю, что когда-нибудь это кончится дурно, но привычка сильна. Сначала мнѣ казалось, что я могу такъ же легко оставить эту жизнь, какъ легко мѣнялъ блузу на фракъ. Съ этимъ намѣреніемъ я оставилъ Парижъ и уѣхалъ въ Германію; но, я скоро увидѣлъ, что не могу отказаться отъ своей роли — невидимаго властелина надъ участью многихъ. Вы мнѣ повѣрите, если я скажу, что никогда не извлекалъ ни малѣйшей выгоды для себя изъ этого положенія. У меня независимое ни отъ кого богатство, источникъ котораго вы знаете. Однакожъ, возвратился къ моимъ приключеніямъ. Однажды, когда я былъ проездомъ въ Вецларѣ, я услышалъ исторію, которая возмутила меня. Говорили, что мать продала свою дочь. Я рѣшился избавить эту несчастную. Въ такихъ случаяхъ я не ищу предлога для своихъ визитовъ. Я прямо вошелъ въ указанную мнѣ квартиру и засталъ бѣдную дѣвушку одну; старухи не было дома. Боже мой! эта дѣвушка была моя сестра! Но мнѣ слишкомъ-тяжелы воспоминанія объ этомъ ужасномъ дѣлѣ; скажу вамъ коротко, что сестра моя была возвращена лордомъ Кемблемъ матери, но матушка скоро умерла отъ нужды. Тогда малютка попалась въ руки гнусной женщины, которая выростила ее, чтобъ пользоваться ея красотой, присвоивъ себѣ имя матери. Нѣтъ надобности говорить, была ли наказана эта женщина. Я долженъ былъ скрыть отъ свѣта на нѣсколько мѣсяцевъ несчастную сестру. Ребенокъ, который порученъ вамъ, сынъ ея. О! для меня было бы легче найти сестру въ могилѣ, нежели въ рукахъ этой женщины. Но я любилъ мою Люси, и она была достойна этой безграничной привязанности. Ея кротость, ея умъ, ея красота заслуживаютъ величайшей любви. Черезъ годъ я повезъ ее въ Сицилію, и оттуда началъ процессъ противъ стараго лорда Кембля. Мнѣ удалось доказать законность брака матушки; моей сестрѣ было возвращено имя нашего отца. Я хлопоталъ только для нея, не упоминая о своихъ правахъ: я думалъ, что мое прошедшее можетъ когда-нибудь обнаружиться, и потому рѣшился не называть себя передъ свѣтомъ ея братомъ, чтобъ

не связывать ея судьбы съ моею невѣрною участью. Половину своего состоянія отдалъ я ей. Она вышла замужъ и живетъ здѣсь. Теперь вы все знаете. Простите жь , мой другъ. Я слишкомъ взволнованъ, мнѣ нужно отдохнуть. О, какъ легко на душѣ, когда имѣешь человѣка, которому можно повѣрять свои заботы, свои опасенія!»

V.

Въ семействѣ Эриксоновъ.

Докторъ Эдуардъ Эриксенъ, старшій братъ Артура, уныло смотрѣлъ на своихъ маленькихъ дѣтей, игравшихъ съ третьимъ, двухлѣтнимъ малюткою. Онъ думалъ о непріятной сценѣ, которую вчера имѣлъ съ женою. Возвращаясь домой съ визитовъ, Эдуардъ былъ пораженъ сильнымъ горѣлымъ запахомъ, наполнявшимъ комнаты; онъ бросился въ дѣтскую, и нашелъ тамъ няньку своихъ дѣтей, по обыкновенію, занятою сплетнями съ горничною его жены; дѣтей не было.

— Чтò такое случилось у васъ? Отчего такой дымъ въ комнатахъ?

— Я не знаю, недовольнымъ тономъ отвѣчала нянька.

— Гдѣ дѣти?

— Играютъ, должно-быть, на кухнѣ.

Онъ велѣлъ привести дѣтей, и испугался, увидѣвъ, что у его сына опалены волосы. На разспросы отца, малютка отвѣчалъ, что онъ игралъ у печи и платье на немъ вспыхнуло, такъ-что ребенокъ едва не сгорѣлъ. Эдуардъ пошелъ въ комнату жены; она спокойно сидѣла въ креслахъ, зѣвая и пересматривая модныя картинки.

— Ты не знаешь, чтò дѣлается съ дѣтьми? сказалъ мужъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ничего особеннаго.

— Они едва не сгорѣли.

— Нянька мнѣ сказывала. Но ты вѣчно преувеличиваешь всякіе пустяки.

Эдуардъ началъ упрекать жену за безпечность о дѣтяхъ. Съ нею сдѣлалась истерика.—Нынче, воротившись домой послѣ визитовъ, Эдуардъ ужь не засталъ жены дома — «Она уѣхала къ своей матушкѣ», отвѣчала ему горничная. Эдуардъ предположилъ, что это слѣдствіе вчерашней сцены и думалъ о своихъ непріятностяхъ.

— Эдуардъ, ты поступилъ чрезвычайно-неосторожно, сказалъ Артуръ, входя въ комнату брата: — ты знаешь легковѣріе твоей жены,

сварливый характеръ тенци — возможно ли подавать имъ такіе выводы къ подозрѣніямъ?

— Что такое? спросилъ, встрепенувшись, Эдуардъ.

— Откуда взялъ ты этого ребенка, который играетъ съ твоими дѣтьми?

— Ахъ, Боже мой! самая простая исторія: нѣсколько дней назадъ, меня позвали къ одной больной; я нашелъ дѣвушку, въ послѣднемъ періодѣ чахотки; помочь было невозможно, но я продолжалъ посѣщать ее, чтобъ не лишать ее надежды. Я показался ей добрымъ человѣкомъ, и бѣдняжка рѣшилась наконецъ высказать мнѣ свое горе: у ней было дитя, и она мучилась мыслью, что оно останется безпріютнымъ послѣ ея смерти. Мнѣ стало жаль; я обѣщалъ не оставить малютку. Вчера эта дѣвушка умерла, и я велѣлъ принести ей сиротку къ себѣ. Надобно пристроить бѣднаго ребенка. Его принесли сюда нынче поутру.

— И не сказалъ объ этомъ женѣ?

— Вчера она не хотѣла видѣть меня, послѣ своего истерического припадка. Нынче утрошъ, когда мнѣ надобно было отправляться на свои визиты, она еще спала.

— Но знаешь ли ты, что ты надѣлалъ?

— Что жъ такое?

— Твоя теща говоритъ, что ты былъ знакомъ съ этою дѣвушкой, что этотъ ребенокъ — твое дитя; что ты самымъ ужаснымъ образомъ оскорбилъ жену, взявъ къ себѣ въ домъ этого ребенка; что твоя жена не можетъ послѣ этого оставаться въ моемъ домѣ и должна просить развода.

— Боже мой! какая нелѣпость! сказалъ изумленный докторъ: — подумай самъ, такой ли я человѣкъ, чтобъ можно было выдумывать обо мнѣ подобныя пошлости?

— Но ихъ однако выдумали. Быть-можетъ, теща и жена твоя черезъ нѣсколько времени образумятся, но, во всякомъ случаѣ, послѣ глупой сплетни, ты не долженъ оставлять этого ребенка въ своемъ домѣ.

— Но что жъ мнѣ дѣлать?

— Знаешь ли, сказалъ Артуръ, подумавъ: — отдадимъ его на воспитаніе въ одно честное и доброе семейство, которое могу я указать тебѣ.

— Кто жъ эти люди? спросилъ Эдуардъ.

— Ихъ фамилія Штайгеръ. Отецъ, старикъ, добрейшее существо въ мірѣ; дочь... ты самъ увидишь ее. Эдуардъ, я давно хотѣлъ познакомить тебя съ ними, потому-что я люблю эту дѣвушку.

И Артуръ, увлеченный своими чувствами, началъ разсказывать брату о своихъ отношеніяхъ къ Кларѣ и описывать ее въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

— Но подумалъ ли ты, Артуръ, что матушка всѣми силами будетъ противиться твоему намѣренію? Какъ будутъ оскорблены всѣ наши родственники! какія сплетни поднимутся между знакомыми!

— Но я рѣшился; это необходимо для моего счастья. Я далъ ужъ слово.

— Во всякомъ случаѣ, на меня ты можешь разсчитывать, Артуръ: я твой вѣрный союзникъ.

— Побѣдемъ же къ Штайгерамъ, просить ихъ, чтобъ они взяли этого ребенка.

— Хорошо; но прежде зайдемъ къ сестрѣ Маріаннѣ: я не могу оставить дѣтей съ этою безопасною нянькою; надобно поручить ихъ Маріаннѣ.

Маріанна плакала, когда вошли братья.

— У насъ съ тобою почти одинаковое горе, сказала она Эдуарду.

— Чтò такое, милая сестра?

— Мнѣ совѣстно говорить вамъ: вы подумаете, что я разъужаю о поступкахъ моего мужа неблагородными средствами; но я узнала это совершенно противъ воли. Сейчасъ мнѣ доложили, что меня хочетъ видѣть какая-то незнакомая женщина; я вышла къ ней, ничего не предчувствуя. И прежде, чѣмъ я успѣла сообразить, чтò она говоритъ мнѣ, и прогнать ее, она ужъ толковала мнѣ, что Альфонсъ волочится за танцовщицею, которая живетъ у своей тѣтки, какой-то г-жи Бекеръ. Я прогнала гадкую доносчицу, которая, вѣроятно, надеялась награды за свое шпіонство; но... теперь я соображаю многое, и вижу, что ея слова справедливы. А онъ еще всегда толкуетъ мнѣ о приличіяхъ; онъ еще ревнуетъ меня, которая никогда не подавала ему никакого повода къ подозрѣнію...

Артуръ вспоминалъ, что на лѣстницѣ попалась ему вдова Вундель, которую онъ видѣлъ нѣсколько разъ, проходя къ Штайгерамъ.

— Не мучь себя прежде времени, сказалъ Эдуардъ: — ты сама знаешь, можно ли полагаться на слова женщины, которая ссорить жену съ мужемъ, чтобъ получить нѣсколько талеровъ. Позволь намъ узнать хорошенько, справедливы ли твои подозрѣнія, тогда увидимъ, чтò намъ дѣлать.

И, попросивъ сестру посмотреть за дѣтьми, Эдуардъ отправился вмѣстѣ съ Артуромъ къ Штайгерамъ.

VI.

Ричардъ.

Въ гардеробныхъ кордебалета нѣтъ торопливой дѣятельности, свидѣтелями которой мы были въ тотъ спектакль, когда началось наше знакомство съ Кларою Штайгеръ: фигурантки одѣваются очень-медленно, да и немного ихъ собралось нынче въ театр. Это потому, что нынѣ дается опера, а не балетъ, и фигурантки участвуютъ только въ двухъ-трехъ сценахъ, именно, такъ-какъ опера фантастическаго содержания, то въ первомъ актѣ являются на сценѣ сильфиды, а въ пятomъ, въ послѣдней сценѣ, фея Амороза, покровительница любящихъ сердцець, слетаетъ съ облаковъ, чтобъ соединить тощаго тенора съ престарѣлою примадонною.

— Правда ли, Тереза, что ты выходишь замужъ? спросила одна изъ танцовщицъ у роскошной сильфиды, поправлявшей передъ зеркаломъ свои крылья.

— Да, это правда; я ужъ подала просьбу объ отставкѣ, гордо отвѣчала Тереза и пошла въ тотъ уголокъ комнаты, гдѣ одѣвались Клара и Мари. Мари была печальнѣе, нежели когда-нибудь, и Клара напрасно старалась утѣшить ее.

— Да скажи, по-крайней-мѣрѣ, о чемъ ты плачешь? говорила Клара.

— Нѣтъ, съ тобою напрасно говорить объ этомъ, ты не поможешь.

— Такъ посоветуйся съ Терезою, вотъ она идетъ къ намъ: она дѣвушка умная и энергическая.—Мари наклонила голову въ знакъ согласія, но продолжала плакать.

— Что за слезы? сказала, подходя къ нимъ, Тереза: — ужъ не случилось ли съ тобою какой-нибудь бѣды, Мари? Да оно, впрочемъ, и не было бѣ удивительно.

— Тереза, я погибла! рыдая, говорила Мари.

— Э, полно воображать все въ такомъ ужасномъ видѣ! Да перестань же плакать! нехорошо, если замѣтятъ другія. Если и случилась бѣда, незачѣмъ разглашать ее. Да говори же, что съ тобою?

— Тѣтка все мучила меня, все твердила о томъ господинѣ. Я не хотѣла ее слушать. Я говорила ей, что на мнѣ хочетъ жениться Ричардъ; она отвѣчала что все это глупости, что я могу жить роскошно, имѣть экипажъ, богатые платья... Вчера вечеромъ она ушла изъ дому; я осталась въ квартирѣ одна. Вдругъ вошелъ въ комнату онъ. Я испугалась. Онъ все говорилъ, что очень меня любитъ. Я

плакала и просила его уйти, пожалѣть меня, оставить свои намѣренія, потому—что у меня есть женихъ, котораго я люблю. Но онъ дѣлался все болѣе дерзокъ, наконецъ взялъ за руку и хотѣлъ насильно поцаловать.

— Что жь, ты вырвалась, звала на помощь?

— Я не смѣла кричать, потому—что боялась этимъ самымъ повредить себѣ. Но въ ту самую минуту вошелъ за мною лакей. Это спасло меня. Но... все—таки, какъ не плакать мнѣ: что подумалъ обо мнѣ нашъ старикъ—лакей? Онъ всегда хвалилъ меня и Клару за то, что мы такъ скромно держимъ себя; а тутъ онъ пожалъ плечами, и теперь не хочетъ говорить со мною. Что подумаетъ Ричардъ, если до него дойдутъ такіе слухи? Вѣдь онъ можетъ повѣрить.

— Не безпокойся, Маря; когда насъ будутъ развозить по домамъ послѣ спектакля, я останусь въ каретѣ послѣдняя, и объясню старику, какъ было дѣло. Если онъ подумалъ о тебѣ что—нибудь дурное, онъ увидитъ, что ошибался. Не бойся, только держи себя осторожно; я искуснымъ образомъ устрою, что Ричардъ поспѣшитъ свадьбою, и тогда ты будешь безопасна и счастлива.

— А тебя также надобно поздравить, Тереза? Ты выходишь замужъ? сказала Клара.

— Не знаю, стоитъ ли того дѣло, чтобъ поздравлять, гордо отвѣчала Тереза.

— Скажи что—нибудь о твоёмъ женихѣ.

— Я привезу его къ вамъ, тогда увидите сами. Я не совѣтовала Бергеру жениться на мнѣ, потому—что, говорила я, онъ можетъ раскаяться; но онъ возобновляетъ свое предложеніе въ третій разъ. Мнѣ ужъ надобно слушаться чужихъ приказаній здѣсь, въ театрѣ, и я наконецъ согласилась осчастливить его и принять его подъ свою команду: надобно же и мнѣ въ свою очередь распоряжаться другими.

Раздался знакомый звонокъ, и танцовщицы побѣжали на сцену.

Спектакль шелъ своимъ порядкомъ. Вотъ наконецъ и пятый актъ. Пора приниматься за машину для полета феи Аморозы. Этою машиною, по обыкновенію, долженъ былъ управлять Ричардъ Гаммеръ. Лакей, развозившій танцовщицъ, былъ подлѣ него, въ качествѣ помощника; но заботливый и сильный Ричардъ дѣлалъ все одинъ. Старикъ—лакей сидѣлъ, сложа руки. Вотъ и послѣдняя сцена. Четыре здоровые работника тануть черезъ сцену машину и медленно несутся передъ зрителями облака, а на облакахъ фея Амороза, покровительница любящихъ сердець. Когда она будетъ прямо надъ головами влюбленной четы, Ричардъ начнетъ потихоньку отпускать веревку, которую держать въ

рукъ, и феш плавно спустится, чтобъ возложить миртовые вѣшки на счастливицевъ. Ниже феш летать хоры подвластныхъ ей духовъ.

— Тяжеловато держать, а спускать будетъ еще труднѣе, сказалъ Ричардъ: — за-то, впрочемъ, и видъ хорошъ; правду сказать, загляднѣе.

— Ну, для меня тутъ нѣтъ никакого загляднѣя, отвѣчалъ старый лакей. — Привоза да отвоза ихъ, поневолѣ узнаешь, какъ живетъ въ нихъ почти каждая. Не люблю я этихъ волшебницъ. Это вамъ хорошо на нихъ глядѣть издали. Легкомысленныя, дѣвушки занимаются глупостями.

— Ну, ты преувеличиваешь, сказалъ Ричардъ: — много найдется и такихъ, которыя держатъ себя строго.

— Не слишкомъ-то много.

— Какъ же? Ну, возьмемъ въ примѣръ хоть Клару и Мари: про нихъ ничего не скажешь, кромѣ хорошаго...

— Ричардъ! держи крѣпче веревку! — раздался голосъ его отца, главнаго машиниста при театрѣ: — верхняя машина идетъ въ ходъ! Держи крѣпче!

— Не бойся, не сорвется изъ руки! закричалъ ему сынъ.

— Клара, такъ; а Мари я не похваляю, отвѣчалъ лакей, продолжая разговоръ.

— Какъ такъ? спросилъ изумленный Ричардъ: — вѣдь ты самъ всегда ее хвалилъ.

— До вчерашняго дня хвалилъ; вчера я засталъ ее въ-распlochъ: сидѣла она одна съ какимъ-то господиномъ — ну, разумѣется, одѣтъ онъ очень-хорошо, видно, что человекъ богатый — сидитъ, цалуется у ней руку и таянется поцаловать въ губы.

У Ричарда потемнѣло въ глазахъ.

Страшный трескъ, ужасный вопль пробудили его изъ забывчивости: сцена была покрыта обломками машины, и подъ этими обломками недвижимо лежалъ трупъ дѣвушки, которая за минуту блистала красотою и цвѣтущею свѣжестью молодости.

— Мари! бѣдная Мари! вскричалъ старый лакей, бросаясь на сцену.

— Ты убилъ ее! съ негодованiемъ говорила черезъ минуту Тереза Ричарду: — я сейчасъ говорила съ лакеемъ, знаю, что онъ тебѣ рассказывалъ.

— Нѣтъ, слабымъ голосомъ отвѣчалъ онъ: — я самъ себя не помнилъ, я не знаю, какъ выскользнула веревка у меня изъ рукъ.

— Доктора! доктора! кричали между тѣмъ. — Театральнаго доктора не было на тотъ разъ въ театрѣ; но Эдуардъ Эриксенъ былъ уже

на сценѣ. «Она еще дышетъ!» сказалъ онъ : «только едва-ли есть какая-нибудь надежда».

— Она еще жива? спрашивалъ Ричардъ лакея.

— А ты видно любилъ ее?

— Жива ли она?

— Теперь-то пока жива, да все-равно, умереть; впрочемъ, оно и лучше.

VII.

Передъ маскарадомъ.

Въ знакомой намъ комнатѣ Лисьей Норы, гдѣ былъ судимъ измѣнившій своимъ товарищамъ лакей, сидѣлъ молодой человѣкъ, котораго мы видѣли тамъ первый разъ. Передъ нимъ стоялъ Францъ Карнеръ, которому онъ доставилъ мѣсто при молодомъ графѣ Форбахѣ.

— Рѣдко ты являешься съ докладами, Карнеръ... или, пожалуй, буду называть тебя прежнимъ именемъ, Йозефъ, говорилъ молодой человѣкъ.

— Вы знаете, мнѣ тяжело дѣлать это; но я принялъ ваши условія и не сталъ бы васъ обманывать. Все, что стоить вашего вниманія, я докладываю вамъ; но рѣдко я замѣчаю что-нибудь важное. Теперь я принесъ вамъ письмо, которое поручилъ мнѣ графъ отнести къ фрей-лннѣ фон-Сальмъ.

— Распечатай же его; печать Форбаха у меня есть, мы опять запечатаемъ, и ты отнесешь его.

— Не заставляйте меня дѣлать этого; тяжело мнѣ и то, что я принесъ его вамъ.

— Я не желаю зла Форбаху—ты это знаешь; напротивъ, я люблю его, сказалъ, улыбаясь, молодой человѣкъ. Ты дѣлаешь услугу мнѣ, не вредя ему. Пожалуй, я самъ распечатаю письмо. И, пробѣжавъ письмо глазами, онъ остановился на послѣднихъ словахъ : «Позволь мнѣ, Евгенія, просить тебя о томъ, чтобъ въ слѣдующій маскарадъ ты надѣла домино съ бѣлыми лентами. Это важно для меня, по особенному обстоятельству, о которомъ расскажу тебѣ, когда ты исполнишь мою просьбу».—Письмо совершенно не важно, Йозефъ: я ужъ зналъ все это прежде. Возьми его.

— У меня къ вамъ просьба, сказалъ Йозефъ: — вы всегда были ко мнѣ такъ милостивы... Жена моя здѣсь. Она была совершенно виновата...

— Это значитъ, ты хочешь опять освободиться отъ моей власти? Пожалуй, Йозефъ, я освобождаю тебя отъ всякихъ условій. Мы не

будемъ больше видѣться съ тобою ; но помни, я всегда готовъ помогать тебѣ, если понадобится.

— Не-уже-ли вы не позволите мнѣ иногда видѣть васъ ? съ выраженіемъ искренней привязанности сказалъ Йозефъ.

— Не знаю; быть можетъ, мнѣ когда-нибудь понадобятся твои услуги, мой честный Йозефъ ; но только въ дѣлѣ, котораго ты не долженъ будешь стыдиться. Прощай же.

Йозефъ ушелъ, благодаря своего покровителя.

Черезъ два или три часа, герцогъ Альфредъ сидѣлъ у барона Бранда.

— У меня къ вамъ важная просьба, баронъ, говорилъ онъ : вчера вечеромъ я, Форбахъ и Штейнфельдъ сидѣли у майора Сальма. Онъ показывалъ Штейнфельду свои ружья и тому подобное; мы говорили съ Форбахомъ...

— И вы предложили ему пари, подсказалъ Брандъ.

— Значитъ, онъ ужъ говорилъ вамъ ?

— Я ни вчера, ни сегодня не видѣлся ни съ кѣмъ изъ бывшихъ у фон-Сальма.

— Какъ же вы узнали о нашемъ пари ?

— Это моя тайна; но я знаю, что вы герцогъ, сказали, что если вы захотите, то m-lle фон-Сальмъ будетъ на маскарадѣ въ домино съ лентами цвѣтовъ вашего герба. Форбахъ сказалъ, что этого она не сдѣлаетъ.

— Да откуда жъ вы это узнали? Если такъ, вы знаете и просьбу, съ которой пріѣхалъ я къ вамъ ?

— Угадываю : вы хотите, чтобъ я помогъ вамъ сдержать слово, потому-что, хотя Форбахъ не принялъ пари, но вамъ хочется доказать, что вы имѣете вліяніе на m-lle фон-Сальмъ.

— Да; но я самъ вижу, что это невозможно, сказалъ герцогъ. — А мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы поспорить ее съ Форбахомъ.

— Да, это очень-трудно: она конечно понимаетъ, что, надѣвъ ленты цвѣтовъ вашего герба, она безвозвратно компрометируетъ себя, сама объявляетъ себя... короткою вашею пріятельницею, чтобъ выразиться скромно.

— Но какъ бы хотѣлось мнѣ этого ! Я тогда торжествовалъ бы надъ этимъ ненавистнымъ Форбахомъ.

— Но если я окажу вамъ эту важную услугу, что тогда, герцогъ? Могу ли я также рассчитывать на безусловную помощь съ вашей стороны въ моихъ дѣлахъ ?

— О, конечно! Даю вамъ слово.

— Въ такомъ случаѣ и я даю вамъ слово, что ваше желаніе будетъ исполнено.

— Ужели? вскричалъ обрадованный герцогъ:—вы заставите ее сдѣлать это? подумали ли вы, какъ это трудно? Вѣдь она любитъ Форбахъ...

— Я не даю необдуманныхъ обѣщаній. М-Ше фон-Сальмъ будетъ на маскарадѣ въ домино съ лентами цвѣтовъ вашего герба. Но тогда и я потребую отъ васъ услуги, скоро или нескоро, какъ случится, но потребую...

— И будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ. До свиданья, баронъ.

— Я не удерживаю васъ, потому-что ѣду къ вашему сопернику, Форбаху, сказалъ, улыбаясь, Брандъ.

Когда баронъ Брандъ вошелъ къ Форбаху, у него сидѣли обыкновенные его гости и, въ томъ числѣ, Штейнфельдъ. Они рассматривали рисунки, принесенные Артуромъ, и хохотали. При входѣ Бранда, хозяинъ и Артуръ переглянулись; но онъ, повидимому, не замѣчая этого, хладнокровно спросилъ, чему всѣ такъ смѣются.

— Вы были свидѣтелемъ, баронъ, съ какимъ нелѣпымъ чванствомъ держалъ себя Данквартъ, когда былъ у г. Эриксона; посмотрите же, достаточно ли отмстилъ ему оскорбленный художникъ этими рисунками, сказалъ хозяинъ, передавая ему альбомъ изъ шести листовъ.

На первомъ была нарисована голова орангутанга, на послѣднемъ чрезвычайно-сходный портретъ Данкварта; промежуточные рисунки служили связью между этими двумя физиономіями, представляя постепенный переходъ обезьяны въ Данкварта.

— Восхитительно! сказалъ Брандъ. — Я дорого далъ бы за этотъ альбомъ.

— Если вы обѣщаете не показывать его никому, кромѣ близкихъ пріятелей, и то подъ секретомъ, я подарю вамъ его, отвѣчалъ Артуръ.

— Принимаю подарокъ, и благодарю васъ; но не принимаю вашихъ условій.

— Скажи, Штейнфельдъ, спросилъ хозяинъ: — какъ тебѣ понравилось нынѣшнее общество? Кончилъ ты свои визиты?

— Почти; остается сдѣлать не болѣе трехъ или четырехъ, между-прочимъ, генералу Вольмару. Правда ли, что его жена очень-хорошенькая?

— Красавица, сказалъ Форбахъ: — и Вольмаръ ревнивъ, какъ Отелло.

— Непремѣнно постараюсь познакомиться, сказалъ Штейнфельдъ.

— Я держусь своего замѣчанія, что она очень-пехома на васъ, баронъ, продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Бранду: — между вашими фамилиями непременно было родство.

— Миѣ было бы это очень-лестно, холодно отвѣчалъ Брандъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ разѣхались; но Форбахъ удержалъ Эриксена.

— Намъ нужно внимательно наблюдать за Брандомъ, сказалъ онъ живописцу: — мои подозрѣнія усмиваются. На дняхъ одинъ изъ секретарей директора полиціи говорилъ миѣ, что невозможно сомнѣваться въ существованіи организованной и опасной шайки, главнымъ убѣжищемъ которой служитъ Лисья Нора. Онъ думаетъ, что надобно истребить это гнѣздо, купивъ его на счетъ города и разрушивъ до основанія; другихъ средствъ нѣтъ, потому-что всѣ объеки не приводятъ ни къ чему. Кстати, помните ли вы случай, когда вы были такъ добры, что отнесли мое письмо къ одной старухѣ, живущей въ той части города, именно, Бекеръ? Вы помните, что письмо было запечатано печатью Бранда? Теперь я начинаю думать, не къ нему ли относилась нѣкоторыя загадочныя выраженія въ письмѣ, которое получилъ я отъ этой старухи. Она писала, что поручаетъ себя воровству моего «могущественнаго друга» и такъ далѣе.

— Такъ печать была барона Бранда? сказалъ Эриксенъ: — о, теперь все объясняется: старуха, взглянувъ на нее, сказала, что не пощадитъ никакихъ усилій для исполненія «этого приказанія» и прибавила, что эта печать важнѣе всѣхъ денегъ, которыя вы общаете ей — да, невозможно сомнѣваться, что Брандъ находится въ какихъ-то странныхъ отношеніяхъ къ подозрительнымъ людямъ. Но если наши подозрѣнія окажутся совершенно-справедливыми, что намъ дѣлать тогда? Уже-ли предать на позоръ человѣка, который, какъ-бы то ни было, былъ нашимъ пріятелемъ?

— Нѣтъ, я не рѣшился бы на это. Миѣ кажется, мы могли бы ограничиться тѣмъ, чтобъ заставить его удалиться отсюда.

— Скажите, кстати, чѣмъ кончилась интрига, которую вы начали тогда?

— Старуха написала миѣ, чтобъ я прислалъ свою карету къ театру; но я не воспользовался этимъ согласіемъ, потому-что ужъ полюбилъ дѣвушку, которую скоро назову своею невѣстою. Таинств-образомъ интрига моя съ Кларою остановилась на «предисловіи».

— Вы говорите: «съ Кларою», говорите, что посылали карету къ театру? спросилъ Артуръ, стараясь скрыть свое волненіе: — скажите же фамилію этой дѣвушки.

— Клара Штайгеръ ; вы знаете ее?

— Да, я видѣлъ ее нѣсколько разъ, отвѣчалъ Артуръ, дѣлая страшное усміе надъ собою, чтобъ казаться равнодушнымъ, и поспѣшилъ проститься.

VIII.

Свиданіе.

Мучительно провелъ эту ночь Эриксенъ. Онъ не могъ не вѣрить словамъ Форбаха; но ему слишкомъ-тяжело было отказаться отъ своей любви; и на другой день, все еще усиливаясь вѣрить, что Клара не могла измѣнить ему, онъ пошелъ къ старухѣ Бекеръ, чтобъ разспросить ее подробнѣе. «Быть-можетъ, Форбахъ ошибся; быть-можетъ, онъ слишкомъ-легко придалъ определенное значеніе словамъ этой старухи, которая говорила ему объ успѣхѣ дѣла только для того, чтобъ выманить у него денегъ», думалъ онъ.

Когда онъ отворилъ дверь квартиры, занимаемой Бекеръ, его поразилъ запахъ ладана. Старуха была печальна, одѣта въ траурное платье. Молча поклонилась она Эриксену и поспѣшила запереть дверь въ сосѣдную комнату.

— Вы не узнаете меня? сказалъ Артуръ.

— Ахъ, вы, если не ошибаюсь, приносили мнѣ письмо отъ графа Форбаха.

— Ну да; и теперь я у васъ опять по тому же самому дѣлу. Скажите мнѣ правду, давно вы знали Клару Штайгеръ?

— Да, она бывала иногда здѣсь; я видѣла ее довольно-часто и прежде этого случая. Она была пріятельница съ моею бѣдной племянницею, которая теперь лежитъ мертвая, бѣдняжка!

— Съ вашею племянницею, а не съ вами?

— Нѣтъ.

— Вы говорили тогда, что исполнить порученіе Форбаха очень-трудно, и между-тѣмъ исполнили его?

— Не хочу хвалиться передъ вами; я не знала, какъ приступить къ этому дѣлу. Клара держала себя очень-строго; но одна изъ моихъ знакомыхъ, вдова Вундель, взялась это устроить. Она живетъ съ Кларою на одной лѣстницѣ, и ей, по сосѣдству, было гораздо-легче уговаривать Клару.

— Да, теперь понимаю; бѣдная дѣвушка каждую минуту была опутываема ея сѣтями...

— Тс! кто-то идетъ, сказала Бекеръ.

Дверь отворилась и вошла Клара Штайгеръ.

— Очень-радъ видѣть васъ здѣсь, «рейлейнъ Штайгеръ», сказалъ Артуръ съ горькою усмѣшкою.

Смущенная этимъ тономъ, Клара робко поклонилась ему и, не отвѣчая ничего, прошла въ другую комнату, гдѣ лежало тѣло Мари.

— Она пришла въ послѣдній разъ навѣстить мою бѣдную племянницу, сказала Бекеръ. — Ахъ, какъ поразила меня смерть ея!

— Да, это большое несчастіе, сказалъ Артуръ.

— Вы знали мою племянницу?

— Я видѣлъ ее на сценѣ. Если позволите, я пойду взглянуть на эту бѣдняжку.

— Вы извините меня, если я не провожу васъ туда: мнѣ слишкомъ-убійственно видѣть ее мертвою, сказала Бекеръ, закрывая лицо платкомъ.

Дѣвушка лежала въ гробу, будто спала. Ея губы, ея щеки сохраняли еще свою свѣжесть. На головѣ былъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Клара стояла на колѣняхъ и молилась.

Увидѣвъ Артура, она вздрогнула и встала съ колѣнъ.

— Какъ несчастна была бѣдная Мари! сказала она:—она любила, и не могла отдать своей руки любимому человѣку; тетка мучила ее... наконецъ, онъ подумалъ, что она измѣнила ему... и вотъ, она теперь лежитъ въ гробѣ. Говорятъ, что онъ убилъ ее...

— О, онъ несчастнѣй ея! Я это чувствую по себѣ! Вы понимаете, о чемъ я говорю, Клара. Да, Клара, я знаю, что ты обманула меня, ты не любила меня, ты растерзала мою душу. Прости же навсегда. Я буду молиться, чтобъ ты умерла. Лучше тебѣ умереть, нежели оставаться въ живыхъ послѣ того, что ты сдѣлала!

Онъ стремительно ушелъ изъ комнаты.

— Боже мой! что онъ говорить? шептала бѣдная Клара: — онъ убилъ меня! и она упала лицомъ на грудь своей умершей подруги.

IX.

MADEMOISELLE ТЕРЕЗА.

Въ два часа, по обыкновенію, все семейство Эриксеновъ собралось въ залъ къ завтраку. Но вотъ прошло ужъ полчаса, а никто еще и не дотрогивался до своей чашки кофе — такъ важенъ и прискорбенъ былъ разговоръ, начатый хозяйкою дома, которая съ тяжелымъ чувствомъ постукивала по столу своими костлявыми пальцами. Отецъ Ар-

тура сидѣлъ съ унылымъ и недоумѣвающимъ лицомъ. Старшій братъ Артура, Эдуардъ, и Маріанна, его сестра, глядѣли столь же угрюмо. Только Альфонсъ, зять г-жи Эриксенъ, мужъ Маріанны, съ важнымъ и рѣшительнымъ видомъ прохаживался по комнатѣ, самодовольно заложивъ руки на спину.

— Да, говорилъ онъ: — бракоразводныя дѣла всегда бросаютъ на фамилію невыгодный свѣтъ; потому-то я и совѣтовалъ бы употребить всѣ средства для избѣжанія скандала. Надобно объяснить твоей женѣ, Эдуардъ, что она подвергаетъ и себя сплетнямъ, прося развода.

— Наше имя всегда было чисто отъ малѣйшаго упрека въ-отношеніи нравственныхъ приличій, прибавила г-жа Эриксенъ, обращаясь къ сыну: — не-уже-ли твоя жена не согласится оставить свое намѣреніе? Ты подвергаешь наше семейство злымъ сплетнямъ, Эдуардъ.

— Нѣкоторые члены моего семейства также должны были бы держать себя строже и приличнѣе, продолжалъ зять, назидательно взглянувъ на жену, которой при всякомъ случаѣ читалъ нравоученія: — условія приличій должны быть соблюдаемы, даже и въ танцахъ; на-примѣръ, не должно танцовать двѣ кадрили съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ, какъ это было недавно. — Почти то же долженъ я повторить и объ Артурѣ: вы, матушка, хотѣли, чтобъ я началъ разговоръ о его поступкахъ; иначе, разумѣется, я не сталъ бы касаться столь неприятнаго предмета.

— О, я покажу ему, какъ долженъ вести себя мой сынъ! — проговорилъ отецъ, находившійся подъ вліяніемъ грозныхъ правилъ, проповѣдуемыхъ его женою и зятемъ: — жениться на какой-то танцоркѣ! Да скажите же мнѣ, какъ ея фамилія?

— Фи, мой другъ! ты рѣшительно не понимаешь приличій, величественно проговорила мать: — не-уже-ли я позволю произносить въ своемъ присутствіи имя подобной дѣвушки! Артуръ не сынъ мнѣ, если обезчеститъ себя поступкомъ, о которомъ вы говорите. Но я не допущу этого. И она диктаторски посмотрѣла на мужа.

Разговоръ былъ прерванъ Артуромъ. Занятый какими-то тяжелыми мыслями, онъ не замѣтилъ страннаго взгляда, который бросила на него мать, и, опустившись на диванъ подлѣ нея, молча, но съ жаромъ поцаловалъ ея руку.

— Что съ тобою, мой другъ? кротко спросила г-жа Эриксенъ, смягченная и встревоженная выраженіемъ страданія, написаннымъ на лицѣ сына, и слезами, которыя упали на ея руку.

— Ничего, громко отвѣчалъ Артуръ: — я убѣдился въ томъ, что вы, матушка, совершенно-правы, когда говорите, что надобно уважать

мѣнѣя и приличія свѣта; что нельзя безнаказанно вступать въ отношенія съ людьми, неравными намъ по положенію въ обществѣ.

Мать окинула всѣхъ торжествующимъ взглядомъ; другіе съ удивленіемъ переглянулись между собою: никто не надѣялся, что Артуръ такъ легко откажется отъ привязанности, которую осуждала мать его. Чему было приписать такую неожиданную уступчивость? Мать готовилась уже приступить къ объясненіямъ и похваламъ, но лакей доложилъ, что какая-то дама желаетъ видѣть г-жу Эриксенъ, и черезъ минуту вошла женщина высокаго роста, со вкусомъ одѣтая. Слегка поклонившись всѣмъ, она подошла къ дивану, гдѣ сидѣла хозяйка дома, вѣжливо представшая при появленіи незнакомки, которую приняла за знатную даму, по ея наряду и манерамъ, исполненнымъ достоинства. — «Mademoiselle Тереза!» съ удивленіемъ сказалъ про-себя Артуръ, узнавъ подругу Клары: «съ какой цѣлью она здѣсь?»

Между-тѣмъ г-жа Эриксенъ любезно попросила гостью садиться, сама придвинула ей кресла. О, еслибъ гордая г-жа Эриксенъ знала, кого принимаетъ она съ такимъ уваженіемъ! — и Тереза непринужденно сѣла, и на вопросъ хозяйки: съ кѣмъ имѣетъ она удовольствіе говорить, отвѣчала голосомъ, въ которомъ равно слышалась и гордость, и гнѣвъ, и насмѣшка:

— Мое имя едва-ли вамъ извѣстно. Я Тереза Зельбингъ, танцовщица при здѣшнемъ Королевскомъ Театрѣ.

Невозможно передать дѣйствія, произведеннаго этими словами на чопорную г-жу Эриксенъ: лицо хозяйки вытянулось на цѣлый футъ; она, въ смущеніи и негодованіи, кашлянула и протерла себѣ глаза, какъ-бы желая удостовѣриться, не во снѣ ли привидѣлось ей, что танцовщица осмѣлилась такъ безцеремонно явиться въ ея домъ и такъ важно усясться на ея диванѣ. Но что жъ было дѣлать бѣдной г-жѣ Эриксенъ? Попросить наглую посѣлительницу оставить ее въ покоѣ? Но она, какъ по всему замѣтно, не оставитъ грубость безъ отвѣта: а г-жа Эриксенъ болѣе всего на свѣтѣ боялась скандала. И, вѣроятно, у ней есть важныя причины, если она съ такою наглостью входитъ въ богатый, всѣми уважаемый домъ... И г-жа Эриксенъ, смиривъ свое негодованіе, сказала съ приличной важностью: — «По какому же случаю вижу я васъ у себя, mademoiselle? Ваше имя я дѣйствительно слышу въ первый разъ.»

— Очень можетъ быть, съ усмѣшкою отвѣчала Тереза: — но назадъ тому нѣсколько лѣтъ, ваша дочь его слышала, и вотъ по какому обстоятельству. У меня есть сестра; она не болѣе, какъ швея, но никто не можетъ сказать о ней что-нибудь дурное. Она искала себѣ ра-

боты, и работа была въ вашемъ домѣ, именно у васъ, прибавила она, обращаюсь къ Марианнѣ. Вы, быть-можетъ, еще помните этотъ случай?

Марианна утвердительно наклонила голову.

— Слѣдовательно вы помните и то, что вашъ супругъ — если не ошибаюсь, этотъ господинъ въ очкахъ — ве приказалъ вамъ имѣть сношеній съ моею сестрою, потому-что она сестра танцовщицы. Онъ выразился, что у этой швеи есть сестра, которая наводитъ своимъ званіемъ подозрѣніе и на ея честность. Я не забыла словъ, столь выгодно-свидѣтельствующихъ о строгости его морали.

— Но я не понимаю, къ чему жь ведетъ все это? сурово зашѣтила г-жа Эриксенъ.

— Это ведетъ къ тому, что въ послѣднее время понятія вашего зятя о неприличіи сношеній съ танцовщицами значительно измѣнились. Прежде онъ считалъ даже сестру тацовщицы существомъ недостойнымъ его снисхожденія, а недавно онъ сдѣлался такъ добръ, что хотѣлъ почитать своею дружбою танцовщицу. Къ-сожалѣнію, его доброе намѣреніе привело къ несчастному результату.

Г-жа Эриксенъ вопросительно и строго посмотрѣла на зятя; онъ, совершенно растерявшись, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, но старался презрительно улыбаться.

— Продолжайте, mademoiselle! торжественно сказала она.

— Позвольте мнѣ удалиться отъ пріятныхъ для васъ бесѣдъ новой вашей знакомки, мамѣ, сказалъ Альфонсъ, дѣлая усиліе, чтобъ выйти изъ своего невыгоднаго положенія.

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь, лицемеръ! вскричала жена его, вскочивъ съ кресла: — нѣтъ, ты выслушаешь отъ чужихъ то, чего тебѣ не рѣшалась говорить жена! И въ эту минуту нельзя было узнать Марианну, всегда кроткую и боязливую: она грозно смотрѣла на мужа; щеки ея пылали, глаза ея горѣли: — да, г-жа Зельбингъ говорить правду... Я знаю все! и она зарыдала.

— Она умерла, продолжала Тереза: — вашъ сынъ, докторъ Эриксенъ, былъ свидѣтелемъ несчастія. Женихъ этой бѣдной дѣвушки узналъ о преслѣдованіяхъ вашего зятя, и въ минуту ревности или отчаянія, сдѣлался причиною ея смерти. Умирая, она рассказала мнѣ все, и вотъ я пришла уличить вашего зятя, г-жа Эриксенъ, уличить этого строгаго моралиста: онъ истинный убійца моей несчастной подруги. — И Тереза пересказала ненавистныя подробности, которыя мы уже знаемъ.

— Теперь я сказала все, чтò хотѣла сказать, заключила она, окончивъ свою печальную новѣсть, и могу проститься съ вами.

Она встала и, слегка поклонившись всѣмъ, пошла къ дверямъ.

— Вы исполнили свою обязанность съ достоинствомъ, сказала г-жа Эриксенъ: — благодарю васъ.

И она проводила танцовщицу до передней, какъ знатную даму.

— Пойдемъ ко мнѣ, Маріанна, мы должны переговорить съ тобою, сказала она, возвращаясь въ залу.

Она взяла за руку рыдавшую дочь и твердою поступью ушла съ нею въ свою комнату. Мужъ Маріанны сидѣлъ неподвижно, мрачный и молчаливый. Легко представить себѣ, что не веселы были и остальные мужчины.

Х.

Баронъ Вольмаръ.

Президентъ полиціи, который нѣкогда былъ другомъ генерала Вольмара, но въ послѣднее время разошелся съ нимъ, былъ приятно удивленъ, получивъ отъ стараго генерала чрезвычайно-любезную записку. Вольмаръ просилъ «своего старинаго друга, захватить къ нему по очень важному дѣлу», извиняясь нездоровьемъ въ томъ, что не можегъ быть у него самъ. Президентъ поспѣшилъ исполнить желаніе Вольмара, какъ человѣка, имѣвшаго вѣсь при дворѣ.

Старый генералъ встрѣтилъ его съ лицомъ разстроенымъ и изнуреннымъ, какъ бы послѣ ночи, проведенной безъ сна, въ мучительныхъ мысляхъ.

— Cher ami, сказалъ онъ, горячо пожимая руку президента: — вы мой старый другъ, я хочу сдѣлать вамъ нѣкоторыя confidences. Благодарю васъ за то, что вы исполнили мою просьбу.

— Я оставилъ для васъ всѣ свои дѣла, сказалъ болтливый президентъ, стараясь придать болѣе цѣны своему предупредительному визиту: — а у меня теперь особенно много дѣла. На-дняхъ случилось здѣсь происшествіе, очень-загадочное и подтверждающее мои опасенія. Есть нѣкто книгопродавецъ Блафферъ. У него жила въ служанкахъ— вы понимаете — молодая дѣвушка. Онъ ревновалъ ее; потому рѣшился продать лавку и домъ и удалиться куда-нибудь въ деревню, гдѣ не беспокоили бъ его молодые франты. Но, вообразите, въ тотъ самый вечеръ, какъ онъ получилъ деньги, они были украдены изъ его шкапулки. Онъ остался нищимъ; но важность не въ томъ; представьте, одинъ изъ злодѣевъ, раненый Блафферомъ, уронилъ записку, въ которой мы прочли: «Позволяется. Для вѣрнѣйшаго успѣха, дѣло должно быть совершенно слѣдующимъ образомъ» и слѣдуетъ формальная инструк-

ція. Поймите наше положеніе, вѣдь эта записка подтверждаетъ мои подозрѣнія о существованіи организованной шайки злодѣевъ...

— Позвольте же мнѣ прибавить къ вашимъ дѣламъ еще одно, превралъ Вольмаръ, нетерпѣливо-слушавшій рассказъ словоохотливаго президента: — я въ страшномъ безпокойствѣ. Помните, вы говорили мнѣ, по дружбѣ, что я въ такихъ лѣтахъ напрасно беру молодую жену. Вы говорили правду.

Президентъ сдѣлалъ глубокомысленную мину, какъ бы говоря: «о! я всегда правъ», но почелъ нужнымъ возразить:

— Генералъ, могу васъ увѣрить, что ваше безпокойство едва-ли основательно: ваша супруга держитъ себя безукоризненно—я могу это сказать. До нашего слуха тотчасъ доходитъ каждая интрига — понимаете? намъ необходимо знать все, для разныхъ соображеній.

— *Au nom de Dieu, je vous prie!* я говорю: не настоящее, а прошедшее мучитъ меня. Въ ея прежней жизни, казалось мнѣ, есть какія-то загадочныя стороны. Я слѣдилъ за нею. *Je l'épiais.* Недавно она вошла въ магазинъ, вышла въ заднюю дверь — а карета ждала ее у вараднаго подъѣзда — взяла фіакръ, пріѣхала въ одинъ домъ на отдаленной улицѣ, и тамъ цаловала ребенка съ нѣжностью матери. *Voilà l'affaire.* Чтò это значитъ? Я началъ слѣдить за нею съ удвоеннымъ вниманіемъ. Но ребенокъ исчезъ изъ этого дома неизвѣстно куда.

— Еслибъ вы обратились ко мнѣ, мы не выпустили бъ его изъ виду, съ достоинствомъ сказалъ президентъ.

— Я открылъ его слѣды и передаю вамъ адресъ новаго пріюта. Моя жена ѣздитъ видѣться съ этимъ мальчикомъ. Въ домѣ бываетъ иногда какой-то молодой человекъ — понимаете? но въ одно время съ нимъ она была только разъ. Это ужасно! Къ мальчику приставленъ нынѣ гувернеръ, нѣкто Бейль...

— Бейль! Въ дѣлѣ о грабежѣ, произведенномъ у Блаффера, также замѣшано имя какого-то Бейля, который служилъ у книгопродавца конторщикомъ. Книгопродавецъ подозрѣваетъ, что онъ подвелъ злодѣевъ, по злобѣ. Это совпаденіе придадо вашему открытію двойной интересъ.

— Вы понимаете? я васъ прошу произвестъ въ домѣ внезапный обыскъ, сказалъ Вольмаръ: — и постараться произвестъ его въ такое время, чтобъ захватить тамъ таинственныхъ покровителей мальчика.

— Но подумали ль вы о скандалѣ, любезный Вольмаръ? Не лучше ли выбрать время, когда малютка будетъ одинъ съ этимъ Бейлемъ?

— *Au nom de Dieu!* нѣтъ, вы должны найти тамъ и ее! Да, я этого хочу, *et je m'en charge, président,* сказалъ Вольмаръ задыхавшимся отъ гнѣва голосомъ. — Потому сдѣлайте приготовленія для обы-

ска, но ждите отъ меня записки, чтобъ приступить къ нему — записка, вѣроятно, будетъ прислана вамъ скоро, и тогда, я васъ прошу поступить по всей строгости полицейскихъ постановленій съ людьми, которыхъ вы найдете. Point de ménagements, je vous prie!

XI.

Услуга герцогу Альфреду.

Всѣ дамы, дѣвицы, молодые и даже старые люди, принадлежавшіе къ высшему обществу, были въ страшныхъ хлопотахъ по случаю придворнаго маскарада. Уже нѣсколько дней всѣ швели въ городѣ просиживали далеко за полночь, приготавливая великолѣпные и замысловатые костюмы. Насталъ наконецъ и торжественный вечеръ, къ которому готовились такъ долго.

Въ комнатѣ фрейлейнъ Евгениі фон-Сальмъ, среди картомокъ съ цвѣтами, лентами и всевозможными уборами, сидѣли двѣ дѣвушки — горничная и Нанетта, аристократка, бывшая покровительница ея въ «Лиссей Норъ»; она теперь была швеею въ модномъ магазинѣ и весело распѣвала, въ то же время прилежно работая иглою.

— Не пой такъ громко, Нанетта, сказала горничная: — фрейлейнъ можетъ воротиться. Она не любитъ шума.

— Что ты меня пугаешь? развѣ я не знаю, что твоя фрейлейнъ просидитъ у майора Сальма до самаго маскарада? Вѣдь молодой графъ Форбахъ будетъ тамъ. Я часто работаю у жены фон-Сальма и знаю всѣ ваши дѣла. Скажи, скоро ли свадьба?

— Я не слышала объ этомъ, отвѣчала горничная.

— Скрытничашь? Такъ я сама тебѣ скажу, что свадьба будетъ черезъ мѣсяць. Но, мнѣ кажется, стучатся въ дверь. Отопри, Генриэтта.

Генриэтта отворила дверь и съ крикомъ отступила на нѣсколько шаговъ: мужчина въ плащѣ, ступившій черезъ порогъ, былъ тотъ самый человекъ, съ которымъ говорила она въ «Лиссей Норъ».

— Мнѣ надобно поговорить съ тобою, сказалъ онъ горничной, подходя къ столу: — попроси твою полругу запереть дверь и отойди въ сторону, чтобъ не мѣшать намъ.

Нанетта исполнила его приказанія. Робость овладѣла и этою смѣлою дѣвушкою, потому-что незнакомецъ имѣлъ повелительный видъ; недопускавшій противорѣчія.

— Ты очень-дурно исполняешь обязанности, которыя возложены

мною на тебя, сказалъ онъ горничной: — но помни, что ты нигдѣ не избѣжишь моей власти. Впрочемъ, прибавилъ онъ болѣе-мягкимъ тономъ: — я пришелъ не затѣмъ, чтобъ упрекать тебя. Я понимаю твои чувства: ты хочешь быть вѣрна своей доброй госпожѣ. Я даже избавлю тебя отъ прежнихъ моихъ условій, тяжелыхъ для тебя, если ты исполнишь порученіе, которое я тебѣ дамъ теперь. Это лежитъ костюмъ твоей госпожи?—онъ отдѣланъ бѣлыми лентами. Ты должна спороть ихъ и замѣнить вотъ этими (онъ подалъ дрожащей дѣвущкѣ коробочку лентъ), но это должно быть сдѣлано такъ, чтобъ твоя госпожа не замѣтила перемѣну въ своемъ костюмѣ. Понимаешь ли, мнѣ нужно, чтобъ твоя госпожа явилась на маскарадъ въ костюмѣ съ тѣми лентами, которые отдалъ я тебѣ.

— Но какъ же это сдѣлать? Она замѣтитъ, уныло сказала дѣвущка.

— Нѣтъ, ты сдѣлаешь изъ моихъ лентъ только одинъ бантъ на капюшонѣ ея домино, и завернешь всѣ банты въ тонкую бумагу, чтобъ они не испортились—вѣдь это дѣлается—не правда ли? и снимешь бумагу только тогда, когда домино будетъ надѣто—понимаешь? Помни же, что я приказываю тебѣ непремѣнно сдѣлать это, иначе ты погибла. Исполнивъ мою волю, напротивъ, ты будешь награждена и освобождена отъ всякихъ обязанностей относительно меня — помни это. По возвращеніи твоей госпожи изъ маскарада, ты можешь рассказать ей все, и я даю тебѣ слово: она проститъ тебя. Помни жъ, что ты погибла, если ослушаешься моего послѣдняго приказанія.

И съ этими словами онъ ушелъ, не дожидаясь отвѣта смущенной дѣвущки.

XII.

Опасность.

Незнакомецъ — но мы уже знаемъ, что этотъ таинственный человекъ былъ баронъ Брандъ—пошелъ въ «Лисью Нору». Дверью, которую зналъ только онъ одинъ, прошелъ онъ въ комнату, гдѣ происходила сцена съ лакеемъ и горничною. Тамъ уже дождался его хозяинъ гостиницы.

— Что новаго, Шарферъ? спросилъ онъ.

— Йозефъ хочетъ видѣть васъ по какому-то важному дѣлу. Онъ давно здѣсь. Увѣрены ли вы въ немъ? Его видѣли нѣсколько разъ подлѣ дома президента полиціи.

— Онъ не измѣнитъ, я увѣренъ въ немъ. Позовите его сюда, отвѣчалъ Брандъ. — Не думалъ я видѣть тебя здѣть такъ скоро, Йозефъ,

сказалъ онъ вошедшему лакею графа Форбаха : — вѣдь мы разставались съ тобою на-долго.

— Я уже нѣсколько дней прихожу сюда , чтобъ видѣть васъ ; но васъ не было.

— Значить, у тебя важное дѣло до меня?

— Очень-важное. Въ пятницу у моего господина былъ его пріятель , живописецъ Эриксенъ. Они говорили о загадочномъ человѣкѣ, который принять въ лучшемъ обществѣ, но поступки котораго подозрительны.

— О комъ же это? спросилъ Брандъ, не показывая и тѣни безпокойства, которое овладѣло имъ при этихъ словахъ.

— О баронѣ Брандѣ... сказалъ Йозефъ, запинаясь, и вдругъ упалъ къ ногамъ своего собесѣдника : — простите меня! я узнаю васъ , не смотря на вашъ парикъ и бороду! вамъ грозитъ опасность!

— Барону Бранду грозитъ опасность, а не мнѣ; не смѣшивай насъ, отвѣчалъ его собесѣдникъ такъ спокойно , что Йозефъ едва не усомнился въ своей догадкѣ : — собственно говоря, я мало забочусь о баронѣ Брандѣ. Однако, продолжай.

— Они говорили , что вы часто бываете въ домѣ , гдѣ воспитывается какой-то мальчикъ...

— Я бываю въ этомъ домѣ? О какомъ домѣ ты говоришь?

— Простите, пусть не вы, пусть баронъ Брандъ будетъ человѣкъ, за котораго я боюсь. Они говорили, что въ этомъ домѣ будетъ произведенъ полиціею обыскъ и что онъ назначенъ именно сегодня. Теперь я узналъ, что обыскъ произведенъ.

— Какъ? вскричалъ Брандъ, не въ силахъ будучи удержать своего волненія : — произведенъ обыскъ?

— Да, произведенъ обыскъ, и полиція нашла въ этомъ домѣ ребенка, молодаго человѣка, который былъ у него гувернёромъ и знатную даму, супругу генерала Вольмара.

— Боже! нашли мою сестру? Сестра моя погибла, говоришь ты? съ отчаяньемъ вскричалъ Брандъ, схвативъ руку Йозефа. И глаза его помутнились, взглядъ его былъ похожъ на страшный взглядъ помѣшаннаго. Но черезъ минуту онъ опомнился отъ ужаса, и сказалъ, тяжело переводя духъ:—что жъ ты скажешь мнѣ еще? Что далѣе, что было далѣе?

— Майоръ Сальмъ былъ сейчасъ у моего господина, и они говорили объ этомъ неожиданномъ случаѣ. Они осуждали директора полиціи за такой скандалъ, хотя, они говорили, это сдѣлано по просьбѣ ея мужа. Я ходилъ къ этому дому. Онъ окруженъ полиціею. Мнѣ кажется, что и

Лисья Нора скоро будетъ окружена полицейскими. Я замѣтилъ нѣсколько подозрительныхъ фигуръ, когда проходилъ сюда.

— Иди же отсюда, Йозефъ. Ты мнѣ теперь не поможешь, только погубишь себя, если тебя поймають со мною. Благодарю тебя.

Хозяинъ гостинницы вбѣжалъ съ испуганнымъ лицомъ :

— Полиція окружила нашъ домъ, сказалъ онъ:—вы погибли. Входъ, который былъ извѣстенъ только вамъ, замѣченъ полиціею.

Близость опасности возвратила Бранду всю твердость духа.

— Посмотримъ еще, съумѣють ли они захватить меня, сказалъ онъ голосомъ, почти совершенно-спокойнымъ. — Мнѣ нельзя теперь уйдти моимъ обыкновеннымъ тайнымъ ходомъ: попытаюсь уйдти по парадной лѣстницѣ. Мы дадимъ буфетницѣ сигналъ повернуть кранъ и погасить газовые рожки. Потомъ въ темнотѣ вы побѣжите внизъ по лѣстницѣ, натолкнетесь на людей, которые стоятъ у входа, а я буду идти слѣдомъ за вами, и, почему знать? быть-можетъ, мы проведемъ этихъ хитрецовъ. Смѣлѣе же, и все кончится счастливо.

Онъ дернулъ шнурокъ, висѣвшій у камина, и черезъ минуту погасли всѣ газовые рожки въ домѣ. Хозяинъ гостинницы поспѣшно пошелъ къ главному входу, стуча и браясь на неисправность газовой компашіи, которая не смотритъ за исправностью газопроводныхъ трубъ. За нимъ шелъ Брандъ, ступая такъ легко и осторожно, что самое чуткое ухо не разслышало бы шаговъ его. Внизу лѣстницы, лишь-только хотѣлъ хозяинъ гостинницы переступить порогъ крыльца, двое сильныхъ людей схватили его. Онъ повалился съ страшнымъ крикомъ, какъ-бы отъ испуга, и увлекъ ихъ за собою; въ тотъ же мигъ съ необычайною легкостью перепрыгнувъ черезъ нихъ Брандъ, и быстро пробѣжавъ черезъ улицу, оглянулся. Люди, стоявшіе у дверей, еще не успѣли освободиться отъ хозяина гостинницы, боровшагося съ ними и напрасно старались подняться на ноги, но четверо другихъ, стоявшихъ въ резервѣ, бѣжали, чтобъ схватить его: они были только въ двадцати шагахъ. «Четверо — защищаться невозможно!» и онъ бросился бѣжать. Онъ, какъ вихрь, летѣлъ по пустымъ улицамъ предмѣстья, но не отставали отъ него преслѣдователи. Онъ чувствовалъ, что силы начинаютъ измѣнять ему; и близки уже были, наполненные прохожими, яркоосвѣщенные улицы богатой части города, гдѣ погибель была неизбѣжна... но зоркость глазъ спасла его: онъ замѣтилъ непритворенную калитку, которая вела въ садъ: дѣломъ одной секунды было для него броситься въ нее, притворить ее за собою и задвинуть засовомъ. Бѣглець очутился въ саду, принадлежавшемъ къ дому директора полиціи.

Онъ вздохнулъ свободнѣе: теперь, быть-можетъ, онъ и спасется,

Онъ сталъ прислушиваться къ тому, что будутъ дѣлать его преслѣдователи. Они остановились, добѣжавъ до мѣста, гдѣ онъ исчезъ, и въ недоумѣніи осматривали каждый шагъ стѣны, пока нашли калитку.

— Здѣсь онъ пропалъ, сказалъ одинъ: — видно, что здѣсь.

— Нечего дѣлать, ускользнулъ отъ нашихъ рукъ, прибавилъ другой.

— Нѣтъ, надобно объяскать садъ; двое пройдемъ кругомъ, въ ворота, а двое останутся здѣсь сторожить его, сказалъ третій: — если не найдемъ, не будемъ и сказывать директору полиціи, чтобы не нажить себѣ выговора за оплошность; а если найдемъ, онъ дастъ хорошую награду.

Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ. Двое остались у калитки, двое другіе пошли вокругъ квартала, чтобы пройти во дворъ черезъ ворота, бывшія на другой улицѣ.

Итакъ опасность не миновалась, напротивъ, она была неизбежна, нежели когда-нибудь. Уйти черезъ единственные ворота незамѣченнымъ было невозможно: у воротъ была гауптвахта, и посторонній человѣкъ, выходя со двора, на который не входилъ, неминуемо былъ бы задержанъ, а въ это время подошли бы преслѣдователи его — и тогда все будетъ открыто. Что же дѣлать?

Брандъ подумалъ съ минуту и рѣшился на отчаянно-смѣлый поступокъ. Онъ пошелъ прямо къ дому, чтобы пробѣжать быстро черезъ комнаты, и уйти изъ дому съ передняго крыльца, кинжаломъ заставивъ молчать швейцара, если встрѣтитъ его у подъѣзда.

Но, проходя черезъ дворъ, онъ услышалъ, что кучера въ сараѣ, запрягая лошадей, разговариваютъ о томъ, скоро ли начнется и скоро ли кончится маскарадъ — «теперь я навѣрное спасенъ!» сказалъ онъ про-себя, вдругъ вспомнивъ о праздникѣ, назначенномъ въ тотъ вечеръ; опасность совершенно изгнала-было у него память объ этомъ. Онъ твердою поступью вошелъ на крыльцо, поправилъ передъ зеркаломъ свой туалетъ, и, хорошо зная расположеніе дома, пошелъ задними комнатами въ залу. Въ корридорѣ попалась ему горничная, которая вскрикнула отъ страха, при видѣ незнакомаго и странно-одѣтаго человѣка: на Брандѣ былъ костюмъ калабрійца, какъ и всегда, когда онъ являлся въ Лисью Нору.

— Молчи, Луиза, я хочу сдѣлать сюрпризъ твоей госпожѣ, сказалъ онъ, вкладывая луидоръ въ руку горничной.

— Ахъ, г. Брандъ! это вы! а васъ и узнать нельзя—такъ хорошо вы замаскировались! отвѣчала она довольнымъ голосомъ.

Дочь президента полиціи, Августа, стояла передъ зеркаломъ, уже

совершенно-готовая ѣхать въ маскарадъ ; она также вскрикнула , увидѣвъ въ зеркалѣ странную фигуру , приближающуюся къ ней.

— И вы не узнаете меня , Августа? сказалъ онъ , цалуя ея руку : — уже-ли даже мой голосъ позабытъ вами?

— Баронъ ! это вы ! удивительно , превосходно ! Очень-рада васъ видѣть ! Но я узнала бы васъ , еслибъ вы и не заговорили со мною вашимъ обыкновеннымъ голосомъ . Правда , вы умѣли придать совершенно-новый видъ чертамъ вашего лица ; оно смугло , оно совершенно-измѣнилось , но я узнала бы васъ !

— Милая Августа!.. вскричалъ Брандъ , осыпая поцалуями ея руку.

Въ этомъ чувствительномъ положеніи застала ихъ президентша ; она , по обычаю опытныхъ матерей , не преминула кашлянуть , предупреждая о своемъ появленіи , но Брандъ не хотѣлъ слышать этого сигнала.

— Матап , кокетливо проговорила дочь : — баронъ Брандъ замаскировался разбойникомъ , и сталъ такой страшный , такой дерзкій , что я прошу вашей защиты.

— Простите меня , если я испугалъ васъ ; я хотѣлъ сдѣлать сюр-призъ , сказалъ баронъ , почтительно кланяясь президентшѣ.

— Не правда ли , матап , очень-мило со стороны барона , что онъ захотѣлъ показать намъ свой костюмъ ? Мы вмѣстѣ съ нимъ будемъ интриговать . Какъ это весело !

— У меня къ вамъ важная просьба , сказалъ баронъ , обращаясь къ президентшѣ : — но я боюсь...

— Говорите , говорите , я очень-рада , если могу услужить вамъ .

— Позвольте мнѣ проводить васъ въ маскарадъ .

— Но чтѣ скажутъ въ свѣтѣ , баронъ , когда узнаютъ , что вы ѣхали вмѣстѣ съ нами , когда увидятъ , что мы входимъ въ залу вмѣстѣ съ вами ?

— Если вы и mademoiselle Августа будете такъ милостивы ко мнѣ , то скажутъ , что васъ провожалъ женихъ вашей прелестной дочери , которую я давно люблю , сказалъ Брандъ страстнымъ голосомъ .

— Вы пугаете меня , стыдливо вскричала Августа , потупляя глаза , въ которыхъ , однакожъ , сіяла радость .

— Я рада , баронъ , назвать васъ своимъ зятемъ , если Августа согласна , сказала мать , давно-ожидавшая этой развязки .

— Mesdames , пора ѣхать : девять часовъ , сказалъ президентъ , входя въ комнату , и остолбенѣлъ , увидѣвъ замаскированного мужчину . Но президентша въ короткихъ словахъ изложила дѣло своему покорному мужу , и черезъ минуту баронъ Брандъ подъ-руку съ своею невѣстой про-

шелъ мимо часовыхъ, стоявшихъ у подъѣзда, и торжественно сѣлъ въ карету президента полиціи.

Проѣхавъ ворота и грозную гауптвахту, Брандъ вздохнулъ свободно. «Что жь оставалось дѣлать?» думалъ онъ: «средство къ избавленію неочень-пріятно, но другаго не было. Хорошо еще, что все устроилось такъ скоро и счастливо».

ХІІІ.

МАСКАРАДЪ.

Когда Брандъ вошелъ съ своею невѣстою въ огромную залу, маскарадъ уже открылся полонезомъ. Безконечною змѣею тянулись пагі, и несмотря на все свое желаніе поскорѣ скрыться, Брандъ былъ принужденъ войти въ рядъ ихъ, ведя подъ-руку Августу. Онъ выступалъ гордо, поднимая голову и самодовольно улыбаясь, какъ-бы совершенно-счастливый и беззаботный человекъ. Проницательнымъ взглядомъ окидывалъ онъ толпу, отыскивая людей, судьбою которыхъ былъ заинтересованъ. Вотъ стоитъ Евгенія фон-Сальмъ; на ея капюшонѣ огромный бантъ изъ голубыхъ и зеленыхъ лентъ; эти цвѣта на гербѣ герцога Альфреда, какъ всѣмъ извѣстно, и многіе съ двусмысленною улыбкою поглядываютъ на дѣвушку; она еще не понимаетъ причины этихъ насмѣшливыхъ взглядовъ, но она блѣдна и разстроена, потому-что герцогъ Альфредъ увивается около нея, нашептываетъ ей комплименты, а молодой Форбахъ, унылый и раздраженный, стоитъ далеко, и глаза его сверкаютъ негодованіемъ. Вотъ кончился и безконечный полонезъ. Брандъ подводитъ свою даму къ нареченной тещѣ и ищетъ удобнаго случая, чтобъ ускользнуть отъ нихъ, но подходитъ герцогъ и раскланивается съ его дамами.

— Вы не узнаете меня, герцогъ? говоритъ Брандъ.

— Уже-ли это вы, баронъ? говоритъ герцогъ и горячо пожимаетъ ему руку: — я чрезвычайно-благодаренъ вамъ. Не понимаю, какъ вы могли исполнить мою просьбу, но вы вѣрный и сильный другъ. Вашъ кавалеръ очень-опасный человекъ, съ улыбкою прибавляетъ онъ, обращаясь къ президентшѣ: — бойтесь его! Я сейчасъ видѣлъ доказательство его страшнаго могущества! Бойтесь его!

— Есть отношенія, изгоняющія всякую мысль о недовѣрчивости, любезно отвѣчаетъ президентша, и дочь ея скромно потупляетъ глаза.

— Итакъ, можно поздравить васъ, фрейлейнъ Августа? говоритъ герцогъ. Президентша значительно наклоняетъ голову. — Счастливецъ

баронъ! восклицаетъ герцогъ, и прибавляетъ, снова обращаясь къ президенту: — а я ишу вашего супруга, мнѣ очень-нужно его видѣть. Кстати, я имѣю сообщить вамъ интересную новость, баронъ. Вы извините меня, mesdames, что я похищаю у васъ на нѣсколько минутъ вашего кавалера.

— Такъ вы женитесь? спросилъ герцогъ Бранда, сдѣлавъ съ нимъ нѣсколько шаговъ по залѣ.

— Глупая женщина! отвѣчалъ онъ, пожмая плечами.

— И прекрасно дѣлаете, что не хотите жениться, сказалъ герцогъ: — Вольмаръ, о которомъ всѣ теперь толкуютъ, служить достаточнымъ предостереженіемъ. Однакожь, какъ хотите, Вольмаръ поступилъ очень-неделикатно, устроивъ такъ, что арестовали жену его. Вѣдь если въ ея жизни были прежде загадочныя обстоятельства, то, вышедши замужъ, она держала себя безукоризненно: съ этимъ нельзя спорить—правда ли? Она заслуживала пощады. Всѣ встаютъ противъ безчеловѣчнаго старика,

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ Брандъ голосомъ, въ которомъ слышалась непритворная радость.

— Да, при дворѣ всѣ осуждаютъ его, всѣ принимаютъ ея сторону. А дѣло ужасно интересно. Скажите, какъ вы объясняете этотъ странный случай? Ужели ребенокъ дѣйствительно сынъ баронессы Вольмаръ? Мнѣ хотѣлось бы знать все въ-точности. И вы можете исполнить это желаніе, вѣдь вы знаете все на свѣтѣ.

— Пока я знаю объ этомъ дѣлѣ столько же, какъ и всякій изъ насъ, не болѣе. Но если вы хотите дать мнѣ случай видѣть ребенка и его гувернёра, я надѣюсь доставить вамъ самыя вѣрныя извѣстія. Признаюсь, это дѣло очень интересуется и меня, прибавилъ Брандъ, слегка зѣвая, съ выраженіемъ обыкновенной своей апатіи въ лицѣ.

— Пожалуйста, для меня сдѣлайте это. Я вытребую отъ президента полиціи записку, чтобъ васъ впустили въ домъ безпрепятственно, сказалъ герцогъ: — онъ не рѣшится отказать мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я возвращаюсь съ запискою. Вы окажете мнѣ эту услугу?

— Охотно; но не забудьте же, герцогъ, это будетъ вторая услуга въ одинъ и тотъ же день.

— О, я безконечно ужъ обязанъ вамъ за первую вашу услугу! Вы можете рассчитывать на меня, какъ на самого себя. Посмотрите, какъ пораженъ этотъ ненавистный Форбахъ! Онъ идетъ сюда. Да, вы помогли мнѣ отмстить! До свиданья же. Я иду искать президента.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стояли Форбахъ и Штейнфельдъ. Они, оче-

видно, хотѣли подойти къ Бранду, на котораго смотрѣли съ негодованіемъ, но еще не рѣшались, затрудняясь, какъ начать разговоръ. Онъ самъ твердою поступью подошелъ къ нимъ и съ обыкновенною любезностью сказалъ :

— Господа, вы, кажется, хотите поговорить со мною? Очень-радъ, у меня также есть нѣкоторыя дѣла, касающіяся васъ. Но здѣсь едва ли удобно говорить о серьезныхъ вещахъ; не лучше ли намъ удалиться въ этотъ кабинетъ—тамъ можно будетъ намъ переговорить свободно.

Они вошли въ сосѣднюю комнату, которая была совершенно-пуста. «Садитесь, Форбахъ, садитесь и вы Штейнфельдъ, потому-что наше объясненіе будетъ довольно-продолжительно, спокойно прибавилъ онъ, плотно затворяя двери.—А я, по своей привычкѣ, стану прислонившись къ камяну. Вотъ и мы расположились очень-удобно.

— Будемъ же говорить серьезно, сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ и вдругъ оставляя свой обыкновенный кокетливый тонъ : — недолго осталось мнѣ жить на свѣтѣ; я знаю, что часы мои сочтены... Надобно мнѣ узнать, что будетъ безъ меня. Штейнфельдъ, вы видѣлись съ баронессою Вольмаръ; вы осуждаете ее? Вы молчите, но я вижу по вашему лицу, что я могу быть спокоенъ. Какое мнѣ дѣло до баронессы Вольмаръ? Хотите ли выслушать исторію моей жизни? Тогда и вы, Форбахъ, быть-можетъ, снисходительнѣе станете судить обо мнѣ...

И онъ началъ рассказывать мнѣ свою жизнь, эту грустную и странную жизнь... Они слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Теперь вы знаете все, сказалъ онъ въ заключеніе: — вы знаете, какая тѣсная связь соединяетъ меня съ баронессою Вольмаръ. Скажите же, Штейнфельдъ, могу ли я умереть спокойно? Мужъ отвергнетъ ее, разведется съ нею—найдетъ ли она тогда въ васъ защитника; признаете ли вы вашего сына?

— Будьте увѣрены, сказалъ Штейнфельдъ: — я болѣе не осуждаю васъ, а ее всегда любилъ я болѣе всего въ мірѣ.

— Что касается вашихъ сомнѣній, Форбахъ, сказалъ Брандъ, пожимая руку Штейнфельда: — вы, конечно, скоро увидите ихъ неосновательность: фрейлейнъ Евгенія фон-Сальмъ сброситъ ненавистныя вамъ и ей ленты, какъ только замѣтитъ ихъ, и, вѣроятно, ужъ она сдѣлала это. Я огорчилъ васъ не надолго, и вы, вѣроятно, извините меня, вѣдь счастливыцы добры.

— Однакожъ, господа, прибавилъ онъ: — мы слишкомъ-долго засидѣлись въ этомъ пустынномъ уголкѣ, пора намъ подумать о своихъ обязанностяхъ относительно общества, и начать танцовать.

Онъ поклонился своимъ собесѣдникамъ и пошелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Бранда отыскалъ герцога Альфреда, съ запискою отъ президента полиціи. Испуганный общимъ негодованіемъ, президентъ легко уступилъ совѣту герцога объявить, что баронесса Вольмаръ была арестована по недоразумѣнію, и приказать освободить ее.

— Штейнфельдъ, я ѣду въ домъ, гдѣ находится баронесса Вольмаръ; не хотите ли ѣхать вмѣстѣ съ мною? сказала Брандъ, прочитавъ записку, содержаніемъ которой остался доволенъ.

Штейнфельдъ съ восторгомъ выразилъ согласіе.

XIV.

Невѣста и женихъ.

Когда Блафферъ продалъ свою лавку, Штайгеръ остался безъ работы, и слѣдствія этого скоро обнаружились въ домашнемъ быту его семейства. Робкій и лишенный практическаго такта, старикъ не могъ скоро завести сношеній съ другими магазинами, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, совершенно упалъ духомъ. Не то было бъ, еслибъ Артуръ Эриксенъ продолжалъ бывать у Штайгеровъ; но послѣ свиданія при гробѣ Маріи, Клара уже ни разу не видала его. Нужда и лишенія всякаго рода снова водворились въ квартирѣ Штайгера, и вдвое тяжеле было переносить ихъ послѣ нѣкотораго благосостоянія, на короткое время испытаннаго бѣдняками.

Грустно сидѣлъ старикъ, съ состраданіемъ смотря на Клару, старавшуюся развеселить дѣтей, плакавшихъ о томъ, что имъ не даютъ кофе, какъ вдругъ вошли въ комнату Тереза Зельбингъ и съ нею худощавый мужчина лѣтъ сорока, по наружности очень-смирный и скромный; онъ робко переминалъ въ рукахъ шляпу, пока Тереза здоровалась съ Кларой и ея отцемъ.

— Да, гдѣ я не рекомендовала еще вамъ Бергера! сказала танцовщица по окончаніи обыкновенныхъ разспросовъ: — такъ поздравьте же его: онъ мой женихъ. Не конфузья, Бергеръ, мы у своихъ короткыхъ знакомыхъ. Надобно тебѣ сказать, Клара, что мы съ нимъ дѣлаемъ визиты.

— Скоро будетъ ваша свадьба? спросилъ Штайгеръ.

— Не знаю, какъ вздумаетъ Тереза, проговорилъ женихъ.

— Разумѣется, надобно поскорѣе кончить эту скучную исторію, рѣшительнымъ тономъ сказала невѣста. — Кстати, имъ нужно поговорить съ тобою, Клара.

Она отвела свою подругу въ сторону и спросила шопотомъ : — ну, а каково идутъ твои дѣла?

— Ты слышала ужь, что между нами все кончено, грустно отвѣчала Клара: — онъ въ жестокихъ выраженіяхъ сказалъ, что обманулся во мнѣ, что разстается со мною навсегда...

— Да по какому же поводу? Ты и теперь ничего не знаешь объ этомъ?

— Не знаю.

— Однакожь, какіе нибудь поводы къ подозрѣнію были? кто-нибудь волочился за тобою?

— Я не давала никому права говорить обо мнѣ дурно.

— Сцена, о которой ты говоришь, происходила у старухи Бекеръ, сказала Тереза, подумавъ съ минуту: — зачѣмъ онъ былъ у ней?

— Я не знаю, прежнимъ грустнымъ голосомъ отвѣчала Клара.

— Эта Бекеръ для меня подозрительна. Она ничего особеннаго не говорила съ тобою? Быть-можетъ, она приходила къ тебѣ съ какими нибудь предложеніями?

— Нѣтъ, она была только у нашей сосѣдки, г-жи Вундель, но къ намъ не заходила.

— Вотъ что! она была у вашей сосѣдки! Дѣло начинается проясняться: Вундель что-нибудь насплетничала на тебя ей, а она твоему Артуру. Надобно допросить вашу сосѣдку. Я знаю, какова эта птица! Бергеръ, продолжала она громко: — приготовь два талера: мы съ тобою должны отправиться къ бѣдной вдовѣ, живущей по этой лѣстницѣ.

Послушный женихъ началъ церемонно раскланиваться.

Почтенная вдова Вундель дружески угощала столь же почтенную вдову Бекеръ. Кофейникъ съ шоколадомъ, сытный завтракъ и, главное, бутылка съ ромомъ, уже выпитая до половины, расположили старушекъ къ пріятному взгляду на жизнь, когда вошелъ Бергеръ, бывший членомъ благотворительнаго общества, и, въ этомъ качествѣ, нѣсколько разъ посѣщавшій г-жу Вундель. Хозяйка и гостя были равно испуганы тѣмъ, что онъ засталъ ихъ въ подобной обстановкѣ; однакожь, съ низкими поклонами бросились подавать стулья ему и его спутницѣ.

Пользуясь ихъ страхомъ, Тереза не трудно было, при помощи своего жениха, заставить старухъ рассказать всю исторію, въ которой было замѣшано имя Клары и которая подала Эриксену поводъ подозрѣвать свою невѣсту. Съ облегченнымъ сердцемъ вышла Тереза отъ вдовы Вундель: теперь она надѣялась найти случай представить молодому человѣку дѣло въ истинномъ его видѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы возвратиться къ бѣдной Клара, чтобъ нѣсколько

успокоить ее, сказала она жениху:—но лучше будетъ поскорѣе переговорить съ Эриксономъ. Мы поѣдемъ къ нему и ты перескажешь ему все, что слышалъ. Надѣюсь, ты съумѣешь это сдѣлать?

Но едва проѣхали женихъ и невѣста нѣсколько шаговъ, какъ Тереза замѣтила Артура Эриксона: молодой человѣкъ увѣрялъ себя, что презираетъ и ненавидитъ измѣнницу, однакожь очень часто бродилъ близь дома, гдѣ жила она. Тереза велѣла кучеру остановиться и по-дозвала Артура.

— Г. Эриксенъ! очень-рада васъ видѣть. Рекомендую вамъ Бергера: это мой женихъ, и мы съ нимъ дѣлаемъ визиты. Но у меня есть до васъ дѣло, болѣе-важное; и если вы имѣете свободную минуту, то я прошу васъ сѣсть въ карету: мы переговоримъ съ вами.

Артуръ и Бергеръ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Терезу; карета была двумѣстная.

— Вы думаете, что вамъ негдѣ помѣститься? Это легко устроить. Бергеръ, ты будешь такъ добръ, что посидишь пять минутъ на козлахъ.

Бергеръ сдѣлалъ недовольную мину.

— Другъ мой, я прошу тебя объ этомъ, ласково, но рѣшительно сказала Тереза:—скажи тихонько кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ назадъ къ дому Клары, прибавила она шопотомъ.

Бергеръ отправился на козлы, и Артуръ съ улыбкою сѣлъ на его мѣсто.

— Вы жестоко и совершенно-напрасно обидѣли Клару, прямо начала Тереза:—скажите сами, правдоподобно ли, чтобъ она могла быть виновата передъ вами?

— Не говорите о ней... грустно сказалъ Артуръ.

— Я знаю случай, возбудившій ваши подозрѣнія, твердо продолжала она:—вы обманулись. Дѣло вотъ въ чемъ. И она рассказала ему все, что слышала отъ Вундель и Бекеръ. — Если не вѣрите мнѣ, можете сами разспросить этихъ гадкихъ старухъ.

— Я вѣрю вамъ, это должно быть такъ!—съ жаромъ воскликнулъ Артуръ.—Да, Клара не можетъ быть измѣнницею! Какъ я былъ глупъ, что оскорблялъ ее!

— Вы можете заглядить свою ошибку. Карета подъѣзжаетъ, какъ видите, къ дому Клары.

Артуръ выпрыгнувъ изъ кареты и бросился вверхъ по лѣстницѣ.

— Теперь ты можешь, Бергеръ, сѣсть на свое прежнее мѣсто, сказала Тереза:—и поѣдемъ продолжать наши визиты. Благодарю тебя, милый: ты своей разсудительностью и послушаніемъ помогъ мнѣ сдѣлать доброе дѣло.

XV.

Герцогъ Альфредъ платить услугою за услугу.

На другой день, вечеромъ, у крыльца барона Бранда стояла почтовая карета. Лошади нетерпѣливо грызли удила; почтальионъ успевалъ ихъ увѣреніями, что ждать уже недолго.

Въ залѣ подлѣ Бранда стояла сестра его, баронесса Вольмаръ, съ своимъ сыномъ.

— Итакъ, все готово къ отъѣзду, говорилъ Брандъ: — ты отпра-
вишься въ деревню, которую я купилъ для тебя. Дѣло о разводѣ скоро
кончится, и на-дняхъ, ты будешь свободна.

— Но, Генри, зачѣмъ же ты расстаешься со мною? Штейнфельдъ
знаетъ наши отношенія... Я боюсь за тебя, Генри: у тебя страшныя
мысли.

— Скоро ты все узнаешь, Люси. Теперь я могу сказать тебѣ одно:
прости!—Пора, пора тебѣ ѣхать. Времени не должно терять безъ пользы.

— Но мы скоро увидимся съ тобою, Генри?

— Если мнѣ удастся благополучно кончить свои дѣла, то очень-
скоро, мой другъ, отвѣчалъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ.
Но, прости, моя милая Люси! Будь счастлива! и, нѣжно обнявъ сестру
и ея сына, онъ позвонилъ.—Подайте мантилью баронессѣ! сказалъ онъ
вошедшему камердинеру.

Еще разъ поцаловалъ онъ сестру, еще разъ обнявъ ребенка и по-
велъ ее съ лѣстницы. И когда захлопнулась дверца экипажа, онъ за-
крылъ глаза руками и быстро отвернулся: ему слишкомъ-тяжело было
разставаться съ сестрою, которую одну онъ любилъ на свѣтѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ Штейнфельдъ.

— Вы очень-хорошо сдѣлали, Штейнфельдъ, послушавшись моего
совѣта: ваше присутствіе еще нѣсколькими минутами претавило бы
сцену свиданья, а она была мучительна для меня. Притомъ же, вре-
мя не терпитъ, теперь мнѣ дорога каждая секунда: вы знаете, приго-
товляясь къ дуэли, надобно привести въ порядокъ дѣла.

— Къ дуэли? Что это значить? Съ кѣмъ у васъ дуэль?

— Это секретъ; но вамъ я могу открыть его. Вы помните пор-
треты Данкварта, рисованные Эриксономъ? Я имѣлъ неосторожность
слишкомъ-многимъ показывать ихъ — и вотъ слухи о моей шалости дошли
до Данкварта. Очень-глупо имѣть дуэль съ такимъ противникомъ, но
я не могъ отказаться отъ вызова.

— Баронъ, вы сами некали дуэли, сказалъ Штейнфельдъ, при-
стально смотря на него.

— Думайте, какъ хотите; но я прошу васъ на всѣ вопросы объ этомъ дѣлѣ отвѣчать то, что вы слышали отъ меня. Быть-можетъ, даже очень-вѣроятно, что дуэль кончится для меня несчастливо. Такъ должно-быть.

— Это ужасно, Брандъ!

— Не должно жалѣть о томъ, что неизбежно. Но, поговорите о дѣлѣ, которое гораздо-важнѣе. Я надѣюсь, что моя сестра будетъ счастлива. Я не ошибаюсь — такъ ли?

Штейнфельдъ пожалъ ему руку.

— До свиданья же, Штейнфельдъ. Будьте счастливы.

Когда Штейнфельдъ ушелъ, Брандъ позвалъ Бейля.

Вы пересмотрѣли мои бумаги, любезный г. Бейль? Не правда ли, онъ въ порядкѣ? И если я уѣду на нѣсколько времени, поручивъ вамъ мои денежныя дѣла, они не прійдутъ въ разстройство?

— Вы уѣзжаете? съ удивленіемъ спросилъ Бейль.

— Да, на нѣсколько дней. Кстати, вы были у герцога Альфреда? Что онъ сказалъ вамъ?

— Онъ сказалъ, что съ удовольствіемъ исполнить ваше желаніе и прійдетъ въ назначенное время.

— Прекрасно. Будемъ же ожидать его, и займемся дѣлами. Сестра моя уѣхала. Она говорила, что вы останетесь гувернёромъ ея сына. Вы согласны?

— О, безъ всякаго сомнѣнія! Ребенокъ полюбилъ меня, да и я сильно привязался къ нему.

Разговоръ былъ прерванъ камердинеромъ, вбѣжавшимъ съ испуганнымъ лицомъ:

— Нашъ домъ окруженъ какими-то подозрительными людьми, съ безпокойствомъ сказалъ онъ. — Миѣ показалось, что это переодѣтые полицейскіе служители.

— Вотъ что! спокойно проговорилъ Брандъ:—впрочемъ, ужь время: три четверти девятаго.

— Боже мой! вскричалъ Бейль:—вамъ грозитъ страшная опасность, а вы принимаете извѣстіе о ней такъ холодно!

— Опасности пока еще нѣтъ; опасность прійдетъ въ девять часовъ, съ улыбкою отвѣчалъ Брандъ: — эта опасность — президентъ полиціи, который лично хочетъ арестовать меня.

— И вы говорите объ этомъ такъ равнодушно!

— Вы забываете, что не всегда удается сдѣлать то, что хочешь сдѣлать. Такъ, вѣроятно, случится и съ президентомъ, сказалъ Брандъ, вынимая изъ ящика пару сигаръ, зажигая одну и пода-

вая другую своему собесѣднику.—Отъ—нѣчего—дѣлать, будете курить. Надобно вамъ сказать, любезный г. Бейль, что я давно приготавлился къ подобной развязкѣ; она пришла скорѣе и неизбѣжнѣе, нежели я думалъ. Но если я не могу избѣжать вообще разсчета съ жизнью, то принялъ мѣры, чтобъ разсчитаться наиболѣе—удобнымъ образомъ, избѣжавъ всякихъ сплетень, которыхъ, признаюсь, не люблю. А! вотъ и карета герцога Альфреда. Очень—пріятно, что онъ такъ пунктуально исполняетъ просьбы друзей.

— Что за диво! кричалъ герцогъ, съ шумомъ входя въ комнату:— у вашего подвѣзда, любезный баронъ, бродятъ полицейскіе. Чтò это значить?

— *Coeur de rose!* какъ это непріятно! Я этого ждалъ. Вы должны помочь мнѣ, герцогъ.

— Очень—радъ. Да скажите же, зачѣмъ собралось это стадо воровъ у вашего дома?

— Скажите, герцогъ, вы не слышали ничего особеннаго о моихъ отношеніяхъ къ Данкварту?

— Какъ смѣшно, что я не сообразилъ самой простой вещи! У васъ дуэль изъ—за карикатуръ, которыя вы всѣмъ показывали, и полиція хочетъ помѣшкать этому дѣлу — такъ ли?

— Вы угадали, герцогъ. Но я прошу васъ помочь мнѣ ускользнуть отъ этихъ заботливыхъ попеченій о моей безопасности. Вы понимаете, хотя Данквартъ и смѣшной противникъ, но во всякомъ случаѣ дуэль—дѣло чести, и я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ не могъ явиться завтра поутру въ назначенное мѣсто.

— Готовъ помочь. Скажите только, чтò я долженъ дѣлать.

— Я вамъ скажу, когда прійдетъ минута.

— Его превосходительство, г. президентъ полиціи! доложилъ камердинеръ.

— Вы, герцогъ, выразите неудовольствіе, что полиція вмѣшивается въ подобныя дѣла, и тотчасъ же удалитесь изъ моего дома, говоря, что не имѣете охоты сидѣть подъ стражею, шепнулъ Брандъ.

Директоръ полиціи былъ взволнованъ и разстроенъ необходимостью арестовать челоуѣка, который наканунѣ былъ объявленъ женихомъ его дочери. Но хозяинъ Лисей Норы, арестованный въ предъидущую ночь, показалъ, послѣ нѣсколькихъ допросовъ, что челоуѣкъ, называющій себя барономъ Брандомъ, находился въ сношеніяхъ съ нимъ, и директоръ полиціи, съ отчаяніемъ, принужденъ былъ арестовать своего нареченнаго зятя. Онъ твердо рѣшился исполнить свой долгъ, тѣмъ болѣе, что его сердце кипѣло негодованіемъ на дерзкаго обманщика.

Входя въ комнату, онъ готовился коротко и грозно сказать: «арестую васъ именемъ закона!» Но каково было его замѣшательство, когда онъ увидѣлъ герцога Альфреда, этого могущественнаго вельможу, разговаривающаго съ Брандомъ, и когда самъ Брандъ, котораго онъ полагалъ найти пораженнымъ, спокойно и любезно встрѣтилъ своего нареченнаго тестя и, сказавъ, что очень-радъ видѣть его, попросилъ его садиться, предлагая ему сигару! Не успѣлъ еще опомниться президентъ полиціи, какъ герцогъ уже позвонилъ и сказалъ вошедшему лакею:

— Прикажи подавать мою карету. Баронъ, вы извините меня, что я ухожу такъ скоро; но согласитесь, неприятно сидѣть подъ стражею. Мнѣ кажется, что вы ужъ слишкомъ-ревностны въ исполненіи вашихъ обязанностей, г. президентъ. Еслибъ со мною случилась такая же исторія, какъ съ барономъ, вы и меня посадили бы подъ арестъ? Очень-мило, очень-мило! Возможно ли дѣйствовать такъ не деликатно, и по какому ничтожному поводу! До свиданья, баронъ. Завтра мы съ вами увидимся.

— Надѣюсь, отвѣчалъ Брандъ: — если г. президентъ освободитъ меня отъ ареста, убѣдившись, что поступилъ опрометчиво.

И онъ пошелъ провожать герцога.

Президентъ стоялъ посреди комнаты, совершенно-растерявшись: не дальше, какъ вчера, онъ подвергся сильнымъ неприятностямъ, арестовавъ баронессу Вольмаръ. Уже-ли теперь, вмѣсто награды за ревность, его опять ждутъ выговоры? Но здѣсь дѣло совершенно другаго рода: здѣсь дѣло очень-серьезное. Но какъ же герцогъ сказалъ, что онъ поднялъ шумъ изъ-за пустяковъ? Уже-ли встрѣтилось какое-нибудь недоразумѣніе? Или арестанты оклеветали Бранда? Но вѣдь секретарь полиціи сказалъ также, что давно имѣетъ подозрѣнія противъ этого человѣка, и боялся говорить только потому, что видѣлъ его въ дружбѣ съ своимъ начальникомъ. Какъ понять все это? Вѣдь герцогъ говорилъ, что и съ нимъ можетъ случиться то же, что съ Брандомъ... Чтѣ значать эти слова? Въ нихъ есть какой-то странный смыслъ...

Между-тѣмъ Брандъ проводилъ герцога до самаго крыльца. Герцогъ велъ его за руку и что-то говорилъ ему на-ухо. Полицейскіе почтительно разступились передъ вельможею, дверца кареты отворилась, камердинеръ Бранда шепнулъ что-то кучеру, отворилъ дверцу, и прежде, нежели полицейскіе успѣли шевельнуть рукою или сдѣлать шагъ, карета уже неслась во весь галопъ. Брандъ исчезъ, а герцогъ стоялъ на ступеняхъ крыльца одинъ, хохоча во все горло.

— Чтѣ вы надѣлали, герцогъ! съ ужасомъ вскричалъ президентъ, выбѣгая на лѣстницу.

— Чтѣ такое? Идите, однако, въ комнату, здѣсь холодновато; на-

дѣюсь, ничего особеннаго. Завтра поутру Данквартъ получитъ царашину, или просто струситъ—и только. Согласитесь, вовсе не ваше дѣло было мѣшать дуэли барона съ Данквартомъ.

— Дуэля! Я не знаю ни о какой дуэли, я говорю о Брандѣ. Знаете ли вы, кого вы выпустили изъ нашихъ рукъ? Преступника, начальника шайки злодѣевъ!

— Чтò, чтò такое? Это новости! Вамъ вездѣ чудятся преступники, любезный г. президентъ.

— Нѣтъ, не чудится мнѣ! Я долго сомнѣвался, но теперь убѣдился...

И бѣдный президентъ, чуть не со слезами на глазахъ, рассказалъ герцогу все, чтò узнала полиція въ послѣднее время.

— Зачѣмъ же вы не предупредили меня, что дѣло идетъ не о дуэли?

— Да развѣ вы дали мнѣ выговорить хоть одно слово? тоскливо отвѣчалъ президентъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ герцогъ серьезнымъ тономъ: — вы попались въ просакъ, и я не думаю, чтобъ для васъ было выгодно распускать слухи о промахѣ, который не свидѣтельствуетъ о вашей предусмотрительности или распорядительности. Знаете, что? Не лучше ли вамъ молчать? Въ такомъ случаѣ, я готовъ принять вашу сторону. Если же вы вздумаете разглашать глупости о человѣкѣ, который былъ моимъ пріятелемъ, это не можетъ доставить мнѣ особеннаго удовольствія. Да и вашей дочери неслишкомъ-выгодны будутъ подобныя слухи. Совѣтую вамъ подумать объ этомъ и впредь быть распорядителемъ.

— Да, я самъ виноватъ, вздохнувъ, сказалъ президентъ. — Приходится молчать, если вамъ то угодно, герцогъ. Но вы оцѣните мою скромность и преданность вашимъ интересамъ...

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія, готовъ служить вамъ, чѣмъ могу, гордо отвѣчалъ герцогъ.

XVI.

Разсказъ Йозефа.

На другой день у военнаго министра, графа Форбаха, былъ назначенъ обѣдъ, по случаю обрученія сына его съ фрейлиною фон-Сальмъ. Родственникъ невѣсты, майоръ, сидѣлъ поутру у жениха, толкуя о приготовленияхъ къ свадьбѣ.

Въ комнату вошелъ Йозефъ, лакей молодого Форбаха, и остановился; какъ-бы желая заговорить.

— Ты хочешь, кажется, что-то сказать, Йозефъ, ласково спросилъ Форбахъ: — да, тебѣ нужно оправдаться. Куда пропалъ ты вчерашній вечеръ?

— Простите меня, ваше сіятельство. Я провожалъ барона Бранда, моего прежняго господина и благодѣтеля, дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ слуга.

— Знаю, знаю. Что жъ такое съ нимъ? У него была дуэль? Чѣмъ она кончилась?

— Онъ велѣлъ мнѣ вчера въ девять часовъ вечера быть съ коляскою у заставы. Въ половинѣ десятаго онъ пріѣхалъ въ экипажѣ герцога Альберта на то мѣсто, гдѣ я ждалъ его; онъ пересѣлъ въ мой экипажъ, и мы поскакали въ Кёнигсгофенъ.

— Въ Кёнигсгофенъ? Ну, да, это самое удобное мѣсто для дуэли, проговорилъ Форбахъ.

— Тамъ ночевали мы; баронъ всталъ на разсвѣтѣ, велѣлъ мнѣ взять ящикъ съ пистолетами, и мы пошли въ рощу. Мы прошли нѣсколько сотъ шаговъ. Онъ взялъ у меня ящикъ и велѣлъ мнѣ ждать его на томъ мѣстѣ, а самъ пошелъ дальше, сказавъ, что онъ будетъ стрѣляться съ г. Данквартомъ, который долженъ привести съ собою секундантовъ и доктора. Съ четверть часа все было тихо въ лѣсу. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ другой. Я бросился въ ту сторону. Мой господинъ лежалъ мертвый. Пуля прошла ему въ самое сердце...

— Куда жъ исчезли противникъ и секунданты? спросилъ Форбахъ.

— Я не знаю.

— Это странно! Въ-самомъ ли дѣлѣ правда, что онъ убитъ на дуэли? Какъ ты думаешь, Йозефъ?

— Чтò бы я ни думалъ, ваше сіятельство, я буду говорить всѣмъ и каждому, что онъ убитъ на дуэли. Значить, онъ хотѣлъ, чтобъ такъ говорили, если сказалъ, что идетъ стрѣляться съ г. Данквартомъ.

— Да, это была воля умирающаго, и мы должны уважить ее, сказалъ, задумавшись, Форбахъ.

— Тѣмъ болѣе, что дуэль совершенно-правдоподобна, прибавилъ майоръ. — Данквартъ человекъ смѣшной, но самолюбивый. Онъ былъ сильно раздраженъ карикатурами, которыя Брандъ въ послѣдніе дни показывалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, и могъ вызвать его на дуэль.

— Я привезъ тѣло въ городъ, продолжалъ Йозефъ: — оно лежитъ въ его домѣ.

Вѣсть о смерти Бранда быстро разнеслась по городу, и никто не сомнѣвался, что онъ убитъ на дуэли. Данквартъ сначала говорилъ, что это неправда, что несправедливо обвиняютъ его въ смерти молодого человека; но скоро онъ понялъ, какъ можетъ возвысить его подобное обвиненіе, и пересталъ оправдываться. Такимъ образомъ онъ про-

слылъ человѣкомъ храбрымъ, и съ той поры никто не смѣлъ уже подсмѣиваться надъ его странностями.

И въ домѣ Эриксоновъ скоро праздновалось обрученіе. Гордость и тонкое чувство приличій г-жи Эриксенъ были сокрушены непріятностями между зятемъ ея и дочерью, между сыномъ и невесткою. Поссорившіеся супруги примирились, но г-жа Эриксенъ не могла безъ ужаса вспомнить о томъ, какими скандалами угрожали репутаціи ея семейства эти ссоры. И она стала думать, что вѣрнѣйшее средство сохранить семейную тишину— не мелочное соблюденіе приличій, а взаимная любовь мужа и жены. Когда Артуръ, подозрѣвая Клару, сказалъ ей, что пересталъ думать о танцовщицѣ, она была смягчена этою неожиданною уступкою, которую приписывала сыновнему повиновенію, не зная истинной причины ея. Видя потомъ Артура постоянно—печальнымъ и блѣднымъ, она стала жалѣть о немъ. Братъ Артура, отдавшій своего пріемыша на воспитаніе Штайгерамъ, и убѣдившійся въ томъ, что это семейство честное и почтенное, неутомимо дѣйствовалъ у матери въ пользу своего брата. Сестра Артура присоединила къ этому свои просьбы, и когда Артуръ, убѣдившись въ неосновательности своихъ сомнѣній, началъ просить у матери согласія на бракъ, суровость ея правилъ поколебалась, но не болѣе, какъ поколебалась; рѣшительный ударъ былъ нанесенъ только тѣмъ, что молодой Форбахъ, присоединивъ свои совѣты къ просьбамъ дѣтей, рѣшительно сказалъ, что не находитъ ни малѣйшаго нарушенія свѣтскихъ приличій въ женитьбѣ Артура на фрейлейнъ Штайгеръ, привелъ въ подтвержденіе нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ преданій аристократическаго общества и наконецъ прибавилъ, что онъ и жена его за честь и удовольствіе себѣ поставятъ быть въ знакомствѣ съ Артуромъ и его женою, если эта жена будетъ Клара. Противъ этой блестящей перспективы—войти въ близкое знакомство съ аристократіею, г-жа Эриксенъ не могла устоять, выразила свое полнѣйшее согласіе и благословила Артура и Клару.

Обѣ свадьбы были въ одинъ день, и молодые супруги отправились путешествовать—свѣтскій обычай, исполненіе котораго со стороны Артура очень польстило самолюбію г-жи Эриксенъ. Форбахъ съ женою поѣхали въ Парижъ, Артуръ и Клара—въ Италію, куда уже давно порывался молодой художникъ.

Вскорѣ послѣ того было окончено дѣло о разводѣ, начатое баронессою Вольмаръ и черезъ мѣсяцъ она стала г-жею Штейнфельдъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

РОМАНЪ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА.

Часть вторая.

I.

Немного погодя, въ избу, одинъ за другимъ, вошли три человека. Грачиха неправильно назвала ихъ слѣпыми : изъ трехъ одинъ только оказался въ-самомъ-дѣлѣ слѣпымъ, а именно тотъ, который былъ веселѣ другихъ, говорилъ и смѣялся козлинымъ голосомъ.

Странное противорѣчіе представляли ухмыляющіяся, можно сказать, прыгающія отъ веселости черты его съ бѣловатыми, неподвижно-мертвыми зрачками. Но такимъ полнымъ довольствомъ сіяло толстое, красное лицо его, такъ забавно вздергивался маленькій, какъ пуговица, носъ, такъ насмѣшливо передвигались губы, едва-закрытыя рѣдкими волосами, что невольно исчезало неприятное впечатлѣніе, производимое зрачками.

Въ самой фигурѣ его, неуклюжей, коротенькой, напоминавшей медвѣжонка, даже въ его приемахъ было что-то скоморошное, комическое. Онъ возбуждалъ смѣхъ, несмотря на его лѣта и на безчисленныя прорѣхи и заплаты, которыя покрывали его съ головы до ногъ, такъ-что съ которой бы стороны ни смотрѣть, всюду представлялся какой-то пѣгій человекъ.

Другой его товарищъ казался постарше : это былъ человекъ около пятидесяти-пяти лѣтъ, исполинскаго роста, атлетическаго сложенія, съ чернымъ лицомъ, какъ у цыгана, мрачно-нахмуреннымъ и грубымъ ; совершенно-открытое темя, исполосанное глубокими морщинами и покрытое загаромъ, несмотря на только-

что начинавшуюся весну и длинный промежуток зимы, дѣлалось еще смуглѣе въ сосѣдствѣ съ сѣрвато-желтыми клочками волосъ, которые закрывали ему уши; его короткія мускулистыя руки, пальцы съ пучками волосъ между суставами и могучая шея показывали страшную силу; не только не чувствовалъ онъ тяжести полновѣсной сумы, висѣвшей у него за спиною, но ничего, казалось, не значило бы ему взвалить на плечи любой мельничный валъ. Говорилъ онъ отрывисто, и голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки.

Третій товарищъ былъ тщедушный, низенькій старичокъ, согбенный годами; ему безошибочно можно было дать восемьдесятъ лѣтъ; на сморщенномъ лицѣ его всѣ черты, какъ-будто прищуривались; оно сохраняло самое жалкое, униженное, полазчивое выраженіе. Глаза его видѣли еще ясно; но, вѣроятно, повинуюсь жалкой роли своей, старикъ закрылъ ихъ, какъ-только вошелъ въ избу и увидѣлъ, при свѣтѣ лучины, посторонняго человѣка.

Весельчакъ, между-тѣмъ, суетливо выступалъ впередъ, держась одной рукой за конецъ палки, которая находилась въ рукахъ худенькаго, блѣднаго мальчика лѣтъ восьми, обутого въ такіе лапти, что они пришлись бы впору великану; другою рукою весельчакъ водилъ по воздуху; ладонь его случайно встрѣтила лицо старичка, и онъ закричалъ во все горло:

— Ослѣпъ! ослѣпъ! Братцы-кормильцы, ослѣпъ! Слышь, Верстанъ (это было прозвище великана), смотри-тка: старикъ-то нашъ ослѣпъ! а вѣдь сейчасъ еще видѣлъ; недавно ослѣпъ и ничего ужъ не видитъ, сердечный!...

— Молчи; чужой... шепнулъ Верстанъ.

— Свой, шепнула въ свою очередь Грачіха, шедшая, чтобы запереть дверь.

— Чтò жъ ты намъ, *масья* (мать), ничего не сказала? крикнулъ весельчакъ: — э-эхъ! купилъ, значитъ, корову, привелъ домой, сталъ-было доить, а тутъ ужъ былъ быкъ! добавилъ онъ, уперевъ руки въ бока и ставъ козыремъ.

— Мальчикъ его? спросилъ Верстанъ, указывая старухѣ на Стѣпку.

— Мой! отозвался Филиппъ, къ которому, послѣ перваго бѣлаго взгляда, возвратилась увѣренность.

Весельчакъ остановился, внимательно прислушался къ голосу незнакомца. Услышь онъ его хоть десять лѣтъ назадъ, онъ и тогда не ошибся бы; но голосъ былъ ему незнакомъ; принявъ Фи-

липпа за своего брата слѣпца (предположеніе, которое вызвано было присутствіемъ мальчика), онъ повернулся къ нему и спросилъ:

— Откуда, небоже?

— Прохожій...

— Вотъ это ладно, похвалить можно, произнесъ слѣпой тономъ недоувѣрчивымъ и насмѣшливымъ: — отколѣва ни шелъ, насъ не миновалъ, къ кумъ въ гости зашелъ — это ладно!...

Но, вѣроятно, не довольствуясь неопредѣленнымъ отвѣтомъ Филиппа и побуждаемый подозрительнымъ любопытствомъ, свойственнымъ слѣпымъ, весельчакъ обратился къ жожаку своему и сказалъ ему на своемъ нарѣчьи, чтобъ онъ подвелъ его къ чужому мальчику; поровнявшись со Стѣпкой, слѣпой неожиданно опустилъ ему на голову свободную руку свою и такъ быстро ощупалъ ему лицо, что тотъ не успѣлъ отвернуться.

— Э-э! курносый какой!... да и зубы-то заячьи — вдовать, должно-быть, паренёкъ-то... Мотри, Мишка, близко не подходи: укусить!... произнесъ слѣпой.— Эвна... э! ахъ ты! поди какой, драться еще вздумалъ!... подхватилъ онъ, почувствовавъ на рукѣ кулакъ Стѣпки: — ну, давай, давай, когда такъ... только, чуръ, мотри, подножки не ставь... давай, берись; кто кого...

— Полно тебѣ, бѣшенный... какъ-те звать-то?...

— Фуфѣевъ, касатка... Фуфѣевъ!... Зовутъ Евдокимъ, величаютъ Фуфѣевъ...

— Полно, когда такъ; чего развозился? продолжала Грачіха, появляясь въ маленькой дверцѣ между печью и перегородкой.

Тамъ, за перегородкой, успѣли ужъ расположиться мрачный Верстанъ, старикъ, Филиппъ, и слышались разспросы: откуда? куда? разспросы, на которые Филиппъ отвѣчалъ самымъ сбивчивымъ образомъ.

— Мишка, сказалъ слѣпой, пробираясь ощупью по палкѣ къ своему жожаку, получившему отъ Стѣпки на свой пай нѣсколько ударовъ, предназначавшихся слѣпому: — Мишка, прибавилъ онъ, сбрасывая на землю суму: — садись-ка, поужинай... Вишь у насъ съ тобой сколько корожъ-то!... живой человекъ — проглотить!... да и товарища угости. Выбирайте что ни на-есть самую сладенькую изъ всѣхъ—гуляемъ, значить!... А жостко покажется, хозяйка молочка дастъ для праздничка... Гдѣ нищій не бывалъ, тамъ слышь, по двѣ милостыни дзютъ — такъ-ли, *масья?* а?...

— Полно, полно балясничать-то! ворчала Грачіха: — спать ложись; не время съ вами возиться.

Оставивъ жожака своего, который съѣлъ, пригорюнясь, на лавку въ первой половинѣ избы, съѣдой оцупью направился къ хозяйкѣ. Войдя за перегородку, онъ оцупалъ ладонью каждаго изъ присутствующихъ, расположился подлѣ Филиппа и, приподнявъ руку, провелъ, какъ-бы нечаянно, ладонью по лицу его.

— Дальше, братъ; я этого не люблю, проговорилъ тотъ грубо, отталкивая руку.

— Экой ты, какой!... какъ же такъ?... Вѣдь вотъ товарищи тебя видятъ... а мнѣ такъ ужь стало-быть и нельзя... и мнѣ хочется!... Даромъ у меня глаза-то глядятъ, какъ собаки ѣдятъ, и ничего не вижу!... *Перебухи-то у меня въ пучки сбѣжали...* (глаза у меня въ пальцы ушли), тамъ и остались, удержалъ на силу... Ты этимъ не обижайся... какъ-те звать-то?...

— Евдокимомъ, наобумъ отвѣчалъ Филиппъ.

— Э! ну вотъ еще и тѣзка!... Эка знатная у тебя компанія собралась, *мась!* Ты не чаяла, небось, дорогихъ гостей... оно и все такъ-то: около проруби и все слетаются бѣлые голуби!... подхватилъ Фуфаевъ: — чѣмъ-то насъ только угощать станешь?... Не блюзгливый народъ! давай хошь *крѣса* (мяса), и то съѣдимъ... мы люди заѣзжіе, у тебя добро-то завозное — жалѣть, стало, нечего.

— Хлѣбъ вишь, коли голоденъ...

— Да что хлѣбъ! *Сушакъ* (хлѣбъ) у насъ и свой есть! въ своихъ амбарахъ много, вишь! сказалъ онъ, похлопывая по сумѣ старика, который жадно ухватился за нея обѣими руками: — чего испугался, дядя Мизгирь? ужь полно, нѣтъ ли у тебя тутъ денегъ въ сумѣ-то? подхватилъ Фуфаевъ.

Онъ остановился, поднялъ брови, выразительно кивнулъ головою на старика и продолжалъ:

— Ты, тѣтка, можетъ, еще не знаешь... и ты, Евдокимъ, не знаешь... Вѣдь дядя-то этотъ у насъ богачъ! Не смотрите, онъ такимъ общипаннымъ кажетъ: онъ это такъ, для виду... у него денегъ-то и—и! только накопилъ, самъ счетъ забылъ... Намъ бы самимъ невдогадъ, подхватилъ Фуфаевъ, видимо забавляясь проклятіями, которыя посылалъ ему старикъ: — сами не вѣдали, гдѣ у него деньги-то спрятаны, да намерни проговорился... во снѣ выдалъ: все про какую-то кубышку бормочеть... мы давай приставать; что жъ? дознались, вѣдь, сказалъ: у него, слышь, кубышка съ деньгами-то въ Журавлинской Роцѣ зарыта... Не сойди мнѣ съ этого мѣста, коли не такъ!

— И не сойдешь когда такъ! не сойдешь, окаанный! злобно проговорилъ Мизгирь: — ну чего присталъ? чего привязался?... Оставь! добавилъ онъ огрызаясь, какъ старый, беззубый волкъ, настигнутый собаками.

— Диковинное дѣло: кому онъ только деньги-то копить? продолжалъ еще усерднѣе приставать Фуфѣевъ, для котораго не было лучшаго увеселенія, какъ дразнить старика: — самъ вѣдь въ гробъ глядитъ, а юсы (деньги) копить. Умрешь, ничего вѣдь съ собой не возьмешь... И не умираетъ-то онъ, братцы, потому больше, боится: дорого возьмутъ за похороны... Скупые всѣ въ одна; они что *маркуши* (овцы): спроси овцу, кому шерсть рости́тъ—ра́зи для себя? другимъ же достанется... Скажи лучше, дядя Мизгирь, право скажи, въ кое мѣсто кубышку зарыть?... Ой скажи!

— Экой шутъ какой! смѣясь замѣтилъ Филиппъ: — и все-то онъ у васъ такой веселый?

— О чемъ скучать-то? что глазъ-то нѣту? эвна! да ты мнѣ назадъ ихъ отдай—не возьму, право не возьму! зачѣмъ они мнѣ? Глаза человѣку непріатели.

— Ну нѣтъ, братъ, съ глазами-то все повеселѣе! сказалъ Филиппъ, посмѣиваясь.

— Тебѣ тоже статья такъ; ты, можетъ, богачъ, вотъ какъ нашъ дядя Мизгирь, все одно; живешь, можетъ, въ каменныхъ палатахъ, ходишь по садамъ съ свѣтами всякими... есть и жена красавица, есть, стало, на что и смотрѣть... А у меня какъ нѣтъ этого ничего, смотрѣть нѣ на что, такъ и глазъ ненадыть... безъ нихъ лучше. Вотъ хотъ бы теперь: всѣ вы для меня въ сапогахъ, всѣ въ пестрыхъ рубахахъ... Баба какая подвернется, та и красавица... всѣ въ обновкахъ на глаза мои, словно кажинный день праздникъ...

— Ну а самъ-то о себѣ ничего не тужишь? Всѣ въ обновкахъ, а у самого заплаты однѣ, сказалъ Филиппъ.

— Что жъ, что заплаты? Бѣдный—что горбатый: что на спину попало, то и носить; намъ это ничего... была бы мошна, чтобъ краюха вошла, былъ бы животъ, чтобъ въ него перешло!

— Что жъ вы?... Говорили, за дѣломъ пришли; коли за дѣломъ, сказывайте, а не то спать ложись... проворчала Грачѣха.

— Стой, тѣтка, стой! твоя рѣчь впереди! перебилъ Фуфѣевъ:— вотъ ты говоришь: спать пора; твоя рѣчь разумная... только слышь: у насъ теперь дѣло пойдетъ, о чемъ, примѣрно, говорили...

таятъ надо, примѣрно, сперва-наперва винца выпить, умъ подкѣпить, словеса подобрать такія, примѣрно, къ дѣлу пригодныя... какъ хошь, а безъ винца, ужъ этого нельзя никакимъ манеромъ.

— Нѣтъ, не уймешь его! что жерновъ мелеть безъ усталы!... Вишь его неугомонный какой... проговорили Филиппъ и Верстанъ, первый съ усмѣшкой, второй съ досадою.

— Дай сказать... Чего взаправду лѣзешь?... дѣло есть! забасилъ Верстанъ.

— Ну, говори! произнесъ Фуфѣевъ, наклоня голову, чтобы слушать.

— Вотъ... началъ Верстанъ.

— Ну что: вотъ!... Вотъ, да и нѣтъ ничего! перебилъ Фуфѣевъ. Тебя, братъ, не дожидаться... дай я расскажу. Слышь, тѣтка: былъ у него, у Верстана мальчикъ — жокакъ по нашему; былъ да сплылъ; пришелъ срожъ, отецъ назадъ взялъ... Сталъ онъ теперь одинъ; скучаетъ, сирота какъ есть; такъ вотъ спросить пришелъ, не знаешь ли гдѣ бы, примѣрно, жокава достать...

— Я бы и денегъ не пожалѣлъ, сказалъ Верстанъ: есть теперь рублевъ съ десятокъ, всѣ бы отдалъ, кабы потрафилось найдти малаго...

— Да на что тебѣ? спросилъ Филиппъ: — глаза худо видятъ что ли?...

— Экой ты братецъ! воскликнулъ Фуфѣевъ: видятъ-то онъ лучше быть нельзя! брось полушку въ траву — его будетъ, ужъ это безпремѣнно!... А все безъ жокава все, нельзя никакъ. Ну кто будетъ его по деревнямъ-то водить?... вѣдь ужъ такая напасть на него: покажись только околица — сейчасъ ослѣпнетъ! Ей-Богу такъ!... Вотъ дядя Мизгирь, такъ тотъ еще за версту отъ околицы ничего ужъ не видитъ; сердечный, совсѣмъ слѣпой сдѣлается.

— Эка ягода, право ягода! такъ и шипитъ ягода проклятая! злобно проворчалъ старикъ.

— Теперь вотъ что, продолжалъ Фуфѣевъ: — пришли мы въ деревню — ладно; какъ нѣтъ у Верстана малаго, волей-неволей съ нами идти должонъ, потому слѣпъ, сердечный, самъ идти не можетъ, спотыкается... Вотъ стали мы у двора — ладно; поемъ Лазаря... знамо наше дѣло такое: горломъ хлѣбъ достаемъ... Ладно; всякъ примѣрно и судить: видятъ, трое: «на-те, мѣлъ, вамъ, косатики, ломтикъ, а больше не просите, нѣтути»; ну и дѣлаешь ломоть-то на-трое... А какъ малый-то есть у Верстана

идеть онъ съ нимъ по одной сторонѣ деревни, а да Мизгирь по другой — такъ больше наберешь...

Тутъ Верстанъ толкнулъ локтемъ разскащика, давая ему знать, вѣроятно, чтобъ онъ неслишкомъ давалъ волю языку при постороннемъ.

— Ты всѣхъ, тѣтка, по округѣ-то знаешь, сказалъ онъ: — нѣтъ ли малаго напримѣтъ? Право, десять рублей есть, не пожалю, всё отдамъ.

Грачѣха отвѣчала, что никого не знаетъ.

— Я знаю! воскликнулъ вдругъ Филиппъ, ожидавшій съ явнымъ нетерпѣніемъ отвѣта старухи.

— Говори, когда такъ! сказалъ Верстанъ.

— Вѣрны ли деньги?

— Вотъ онъ. Малаго въ руки — и деньги въ руки...

— Слушай, коли такъ, произнесъ Филиппъ, оживляясь вдругъ до послѣдняго суставчика: — вечеръ проходилъ я... тутъ недалеко есть такая деревня, Марьинское проывается, началъ онъ, переглянувшись предварительно съ Грачѣхой и обративъ потомъ быстрые, сверкающіе глаза къ Верстану: — остановился объдать у мужичка... не помню какъ его звать (мы не здѣшніе, проходимцы, въ Москву идемъ, знать нѣ для чего). Такъ вотъ, видѣлъ я у него парнишку, во всемъ тебѣ съ-руки, какой надобенъ... У отца ихъ никакъ цѣлая дюжина... Кабы переговорить съ нимъ, отдалъ бы... потому бѣдность шибко взяла, вѣтъ нѣчего, да и долгишками спутался, сказывалъ. Ужъ это вѣрно, что отпустить... а наречокъ такой... тебѣ въ самый разъ... годковъ десятокъ; отпустить, говорю — были бы деньги.

— Мы въ этомъ не постоимъ, сказалъ Верстанъ: — вотъ и за того, что былъ у меня, десять рублей въ годъ отцу давалъ. Гдѣ эта деревня-то? въ кое сторону?

Филиппъ, лицо котораго все болѣе-и-болѣе оживлялось, разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ дорогу въ Марьинское; онъ сообщилъ, какъ съискать домъ, гдѣ находился мальчикъ.

— Дѣло немудрое, заключилъ онъ: — седьмая изба съ краю... войдете въ околицу: съ лѣвой стороны. Только вотъ что, братъ, какъ станешь, примѣрно, разговоръ вести, не говори, смотри, обо мнѣ, что, дескать, я посылаю; отъ себя, примѣрно, дѣло веди, какъ словно прежде не зналъ ничего, пришло къ случаю.

— Зачѣмъ говорить!

— То-то; вѣрно говорю, никакого толку не будетъ, подтвер-

диль Филиппъ, перекидываясь новымъ взглядомъ съ Грачѣхой, которая во все это время посматривала на него съ любопытствомъ, но какъ-бы несовсѣмъ-хорошо понимая, къ чему клонится разговоръ.

— Ну, *масть!* воскликнулъ Фуфѣевъ, поворачивая смѣющееся лицо къ хозяйкѣ: — одно дѣло справили, теперъ другое... Слышь: дай винца! Вотъ и Верстанъ скажетъ...

— Что жь! можно... произнесъ Верстанъ.

— И я бы ужь, такъ и быть, выпилъ, сказалъ расходившійся Филиппъ.

— Много у васъ прислужниковъ-то въ кабакъ ходить! Ничаво, и такъ уснете, возразила Грачѣха съ меньшею, однакожъ, суровостью, чѣмъ когда отказала въ той же просьбѣ Филиппу.

— Зачѣмъ въ кабакъ? Э, полно! Поищи-ка, тѣтка; авось у тебя найдется...

Присутствующимъ очень-хорошо было извѣстно, что въ подвалѣ знахарки находился запасъ штофовъ, которые доставались ей за трудъ, то-есть даромъ, и она радовалась всегда случаю сбывать провизию за деньги; эта продажа достававшихся ей запасовъ составляла одну изъ главныхъ отраслей ея доходовъ. Нельзя было, однакожъ, высказать прямо свою готовность: необходимо было прежде поломаться; основываясь на этомъ, она повернулась къ нимъ спиною и принялась бормотать что-то сквозь зубы.

— Ну, полно же, тѣтка, полно! пошевеливайся!.. на чистыя вѣдь деньги беремъ... али не вѣришь? смотри...

Фуфѣевъ торопливо вынулъ изъ-за пазухи небольшой кошелѣкъ изъ холстины, болтавшійся на веревкѣ; развязавъ его зубами, онъ высыпалъ на ладонь мѣдные гроши, въ числѣ которыхъ сверкнули серебряныя мелкія монеты, и принялся считать ихъ съ невообразимою быстротою и ловкостью.

— Давай складчину, ребята... по гривеннику съ брата!.. Давай, Верстанъ!..

Верстанъ вынулъ изъ-за пазухи такой же точно мѣшечекъ и отсчиталъ нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ.

Ощупавъ ихъ и убѣдившись, что счетъ вѣренъ, Фуфѣевъ обратился къ старику, который сначала дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ, потомъ началъ жалобно увѣрять, что у него всего два гроша, и наконецъ рѣшительно объявилъ, что пить не станетъ.

Филиппъ, между-тѣмъ, привсталъ съ мѣста, отвелъ старуху въ уголъ и началъ съ нею шептаться.

— Лучше не проси; не дамъ безъ денегъ. Коли они угодятъ — пей... я безъ денегъ не дамъ, сказала она.

— Я жь тебѣ говорю, вѣдь это все одно, возразилъ Филиппъ, понижая голосъ: — ужь эти деньги-то брату попадутъ за мальчика, ужь это мои — все одно; къ тому, примѣрно, все дѣло подвелъ; отдамъ, значить. Завтра же вечеромъ схожу... всѣ отдастъ до копейки... не въ первой мнѣ, сама вѣдаешь... ну...

Тутъ голосъ его совсѣмъ понизился. Надо полагать. Онъ нашель, однакожь, способъ окончательно убѣдить старуху; черты ея смягчились, и она утвердительно кивнула головою. Тѣмъ не менѣе она украдкою погрозила ему кулакомъ и снова замотала головою, когда Филиппъ, вернувшись къ столу, выразительно мигнулъ ей на деньги, лежавшія въ ладони слѣпаго.

Пересчитавъ деньги, старуха зажгла лучину и вышла въ сѣни.

Во время всѣхъ этихъ объясненій, никто не обратилъ вниманія на шумъ, раздававшійся въ передней половинѣ избы, гдѣ сидѣли мальчики. Голоса ихъ, прерванные вдругъ жалобнымъ воплемъ, заставили присутствовавшихъ приподнять голову.

— Эй вы, молодцы! али кто кого обидѣлъ? крикнулъ Фуфѣевъ.

Жалобный вопль, превратившійся въ рыданіе, остановилъ его.

— Ну ихъ совсѣмъ! сказалъ Филиппъ.

— Пускай обзакончатся! подхватилъ Верстанъ съ глупымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, погоди, никакъ мой Мишутка хлюпаетъ, вымолвилъ Фуфѣевъ, прислушиваясь: — точно онъ!.. Мишка, подь сюда... подь, глупый, не бойся.

Съ этими словами, въ маленькой двери, между печью и перегородкой, показался худенькій мальчикъ, обутый въ исполинскіе лапти; блѣдное, изнуренное лицо его, казавшееся еще худощавѣе. Блѣднѣе между длинными прядями черныхъ, давно-нестриженныхъ волосъ, искажалось теперь отъ усилій сдержатъ рыданія; но усилія были напрасны: длинныя рѣсницы, окружавшія его темные глаза, пропускали потоки слезъ; прижимая изо всей мѣчи маленькій, костлявый кулакъ къ узенькой, впалой груди своей, онъ все-таки силился подавить наружные признаки горя; но горе было видно слишкомъ-сильно, и рыданія, прерываемыя кашлемъ, вырывались одно за другимъ.

— Вишь нюни-то распустилъ! сказалъ Филиппъ съ суровымъ презрѣньемъ.

— Эка зюзя! примолвилъ Верстанъ: — такой-то ужь мокрый: обо всемъ реветъ! Былъ бы ты у меня, я бы тебя проучилъ...

— Вотъ что, Верстанъ, перебилъ Фуфѣевъ: — добудешь малаго, вотъ про котораго онъ тебѣ сказывалъ, того и учи; а объ моемъ не сумлѣвайся. Мишка, подь ко мнѣ... о чемъ? спросилъ онъ, ощупывая ладонью лицо ребенка.

— Я... я... началъ всхлипывая мальчикъ: — я... я его не трогалъ...

— Стало, онъ?

— Онъ все меня бьетъ... продолжалъ мальчикъ, заливаясь слезами: — я его не трогалъ ничѣмъ... онъ давно дерется... Я все ничего не сказывалъ... да больно ужь дерется...

— Что жь это ты, братъ, не уймешь его? Я уйму, когда такъ! проговорилъ Фуфѣевъ, и на лицѣ его въ первый разъ исчезла улыбка. Филиппъ только разсмѣялся.

— Эхъ ужь эти курносые! погоди! подвернешься ко мнѣ въ сильныя руки, я те отжучу!.. сказалъ Фуфѣевъ, обращая рѣчь къ Стѣпкѣ, скрывавшемуся за перегородкой; и, погладивъ по головѣ Мишку, прибавилъ весело: — полно, Мишутка, прійдетъ и его чередъ: онъ тебя побилъ, и его побьютъ; наскочить!.. Надо, братъ, привыкать: малъ бывалъ, корки ѣдалъ; выростешь—кашу ѣсть станешь, да еще масляную.

Рѣчь его была прервана появленіемъ старухи, которая несла штофъ.

— Ай да тѣтка! молодца! Ей-Богу женюсь на тебѣ! правослово, жснюсь! закричалъ окончательно-повеселѣвшій Фуфѣевъ: — давай я разолью! присовокупилъ онъ, быстро протягивая руки и завладѣвая штофомъ: — ты, Верстанъ, у тебя руки невѣрны, какъ-разъ солгутъ, особливо коли себѣ наливать станешь... Тебя, братъ, мы не знаемъ; каковъ твой обычай, не вѣдаемъ, подхватилъ онъ, повертываясь къ Филиппу: — ты, можетъ-статься, другимъ только подливаешь — себя обижаешь... и это неладно... Мизгирь свидѣтель невѣрный: полушкой подкупить можно... Тѣтка невѣсть чью руку держать... Я разолью!.. У васъ глаза и мѣра на глазъ, у меня мѣрка настоящая, вѣрная — вотъ! заключилъ онъ, подымая кверху указательный палецъ.

Взявъ стаканъ изъ рукъ старухи, онъ опустилъ въ него палецъ и, наливъ вино по самый край, подалъ его Верстану.

Такимъ же порядкомъ налилъ онъ и Филиппу.

— Братцы! сказалъ онъ, принимая стаканъ отъ Филиппа: —

у васъ глаза глядятъ какъ собаки вдятъ; поглядите-ка на старика: что какъ онъ, примѣрно, съ виду-то... хочеть винца? Ну, такъ ужь и быть! нальемъ ему!.. На, Мизгирь, бери!.. заключилъ Фуфеевъ, подавая ему стаканъ.

Старикъ прикоснулся уже-было пальцами къ стакану, но Фуфеевъ этого только видно и ждалъ: онъ ловко отнялъ руку, отпилъ вина, приподнялъ стаканъ надъ головою и прокричалъ неистово-восторженнымъ голосомъ :

— Эхъ, запили заплатки, загуляли лоскутки! Веселись, значить, нищая братія!..

Послѣ этого онъ залпомъ допилъ вино, стукнулъ стаканомъ по столу, повернулся лицомъ къ старику и, принявъ молодецкую позу, залился во все горло...

II.

Тѣсныя обстоятельства.

Облачный, багровый закатъ, въ которомъ наканунѣ съло солнце, оправдалъ, какъ-нельзя-лучше, предсказаніе мѣрьинскихъ стариковъ : въ ночь поднялся вѣтеръ, и къ утру небо обложилось изъ края въ край зловѣщими облаками, которыя постепенно сгущивались и сгущались, приближаясь къ горизонту; дальняя линія горизонта казалась берегомъ бушующаго моря. Заря едва замѣтно пробивалась блѣдно-лиловыми полосами.

Обманутый поздною темнотою утра, старый торгашъ поднялся на ноги позже, чѣмъ думалъ. Онъ разбудилъ Тимофея, и оба, оставивъ въ ригѣ спавшаго мальчика, направились къ избѣ. На дворѣ они встрѣтили Катерину и ея дочь, съ коромыслами на плечахъ и вѣдьками; подлѣ прыгали три мальчугана съ дудкою въ одной рукѣ, съ коркою въ другой; тутъ же красовался Волчокъ, который дружелюбно моталъ своимъ кренделемъ и время отъ времени подхватывалъ на-лету брошенный ему обломокъ хлѣба.

— Ну, прощай, хозяйюшка! сказалъ старикъ, подходя ближе: — можетъ-статься, ужь не увидимся; сейчасъ запрягать стану. Спасибо за хлѣбъ, за соль...

— И-и, полно, родимый, словно ни вѣсть чѣмъ угощали! Я, чай, и легъ-то голодный... одного хлѣбушка повѣл!

— Значить, слышь, пуще благодарить надо... Въ такой тѣснотѣ живете и не пожалѣли; ужь это значитъ добрая ваша ду-

ша! ласково возразилъ старикъ, нахлобучивая шапку, макушка которой тотчасъ же съехала на сторону и приняла направлѣнiе совершенно-противоположное тому, куда наклонилась голова: — ну и я, того... не безстыжій какой, подхватилъ онъ: — пришелъ, примѣрно, повѣлъ, взявъ шапку и прочь пошелъ! такъ не приходится... особливо вашу тѣсноту видючи, какъ вы, примѣрно, во всемъ нуждаетесь...

— Это ты о чемъ, родимый?..

— Надо, примѣрно, чтобъ вамъ сошлось что-нибудь за хлопоты; а то какъ же? У васъ у самихъ ничего нѣтъ!..

— Чтò ты! Христось съ тобою, дѣдушка! Намъ этого, чтò ты говоришь, не надо... мы сами денегъ не давали, такъ, значитъ, и съ тебя брать не станемъ; ты объ этомъ не поминай...

— Знамо... что жь?.. этого ненадо, машинально проговорилъ Тимошей.

— Какъ же такъ, матушка?

— А такъ же, вѣстимо, какъ у добрыхъ у людей водится: охотой пустили тебя, да съ тебя же потомъ деньги брать — чтò ты!

— Всякому свое добро дорого.

— Коли такъ считаться, мы у тебя въ долгу, дѣдушка!

— Какимъ манеромъ?

— Какъ есть въ долгу, подтвердилъ Тимошей, подымая брови.

— Какъ же такъ? спросилъ старикъ, обращаясь на этотъ разъ къ Лапшѣ.

Но Лапша сильно, казалось, затруднился отвѣтомъ; онъ опустилъ брови и вопросительно поглядѣлъ на жену.

— Одинъ платокъ, чтò вотъ ей далъ, стòить втрое противъ того, чтò съѣлъ ты у насъ хлѣба-то! сказала Катерина, указывая на дочь: — да и другихъ моихъ ребятишекъ обдѣлилъ, всякаго чѣмъ-нибудь порадовалъ...

— Ну, какъ знаешь, хозяйшка! вымолвилъ старикъ. — А, слышь, примолвилъ онъ послѣ молчанiя: — я, слышь, съ начатiя-то, какъ вечеръ пришелъ къ вамъ, шибко въ тебѣ обознался, тѣтка... ей-Богу, право!.. Теперича вижу только какой ты есть, примѣрно, человекъ... Дай тебѣ Господь всякаго благополучiя — и тебѣ и дѣткамъ твоимъ!..

— Спасибо, кормилецъ; пошли и тебѣ Господь! Опять будешь въ нашихъ мѣстахъ, опять заѣзжай: мы завсегда тебѣ рады... Ну, прости, дѣдушка; намъ пора!..

Сказавъ это, Катерина подняла на плечо коромысло съ тряпьемъ, виствшимъ на обоихъ концахъ, дочь ея взяла вальки, и объ пошли къ воротамъ, напутствуемая привѣтствіями дѣдушки Василья.

Старикъ, не откладывая минуты, началъ готовиться въ путь. Тимошей, покашливая и побрякивая, принялся подсоблять ему. Почти въ то же время въ заднихъ воротахъ показался старшій мальчикъ, оставленный въ ригѣ.

— А, ласковый! воскликнулъ старикъ, между-тѣмъ, какъ Волчокъ, окончательно уже развернувъ свой крендель, производилъ неистовые прыжки вокругъ мальчика: — ну, ласковый, ступай и ты подсоблять!

Вызовъ старика, очевидно, польстилъ ребенку, и, обрадованный случаю показать свою силу, онъ такъ дѣятельно принялся за дѣло, что оказался даже полезнѣе отца.

— Ты, дѣдушка, лошадку-то напоилъ? спросилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Нѣтъ еще, косатикъ; у васъ колодезь-то недалеко отъ дому: напою, какъ выѣду. Что это у тебя, Тимошей, паренѣкъ-то знатный какой! примолвилъ старикъ, добродушно посмѣиваясь и поглядывая на мальчика, суетившагося подлѣ лошади: — вишь бравый какой! намъ безъ него что бы тутъ дѣлать? какъ есть провозились бы до обѣда... молодець! право молодець!

Мальчикъ тряхнулъ волосами и съ самой озабоченной, серьезной миной побѣждалъ отворять ворота.

— Ну, а вы-то, молодцы, чего зѣваете? заговорилъ старикъ, поворачиваясь къ остальнымъ тремъ мальчуганамъ, смотрѣвшимъ во всѣ глаза на эти приготовления: — садись на возъ! надо и вамъ подсоблять; безъ васъ дѣло не сладится! Садись, говорю, садись, полно зѣвать! заключилъ онъ, подсаживая кого на облучокъ, кого попросту сажая на кожу.

Тутъ между братьями началось-было маленькое несогласіе: каждый хотѣлъ завладѣть вожжами и править лошадыю; старикъ поспѣшилъ примирить ихъ: плотно обмотавъ возжи вокругъ облучка, онъ отдалъ концы двумъ мальчикамъ, а третьему поручилъ кнутъ; всѣ остались очень-довольны.

— Дѣдушка, дай мнѣ, дай я проведу! закричалъ старшій мальчикъ, видя, что старикъ бралъ лошадь подъ узцы:—дай, дѣдушка.

— Возьми, ласковый, возьми. Смотри только, въ воротахъ не зацѣпи...

— Нѣтъ, дѣдушка, не бойся, не зацѣплю! подхватилъ мальчикъ, отгоняя рукою Волчка, который подпрыгивалъ къ самому лицу его: — ужь я, дѣдушка, знаю, проведу, небось: мнѣ не первинку!..

Онъ подобралъ уздечку въ лѣвую руку, принялъ озабоченный видъ и, размахивая правою рукою, повелъ лошадь, преслѣдуемый лаемъ Волчка и возгласами братьевъ, которые разразились крикомъ и затрубили въ дудки, какъ-только возъ показался на улицѣ.

При этомъ Тимоѳеи, шедшій подлѣ, торопливо принялся дергать и тыкать пальцемъ ребятишекъ.

— Полно вамъ... цыцъ! д...дряни этакія... Ну что кричите-то?.. перестань!.. заговорилъ онъ, понижая голосъ и бросая въ то же время робкіе, боязливые взгляды во всѣ стороны улицы, гдѣ только находился народъ.

Но Тимоѳеи напрасно опасался. Хотя точно народа на улицѣ было довольно, но никто о немъ не думалъ; всеобщая забота состояла въ томъ, чтобъ скорѣе припречь лошадь въ соху и борону и отправиться въ поле. Тучи, замѣтно сгущавшіяся и затемнявшія небо, сырость, приносимая порывами вѣтра, ласточки, летавшія такъ низко, что задѣвали почти землю — все предвѣщало скорый дождикъ. Пѣхота недавно началась, и каждый спѣшилъ, слѣдовательно, кончить работу до ненастья; и безъ дождя поля не успѣли еще просохнуть; земля еще *мазалась*, какъ говорится. Приближеніе дождя побуждало къ дѣятельности почти всѣхъ безъ исключенія: мальчишки заранѣе засучивали штанишки выше колѣнъ и прыгали по травѣ, въ-ожиданіи удовольствія прыгать въ лужахъ; бабы раскидывали холсты, предназначавшіеся для бѣленья; предусмотрительныя хозяйки спѣшили запасаться водою, которая могла замутиться послѣ дождя; другія шли съ тряпьемъ и коромыслами къ пруду, сверкавшему вправо отъ деревни, между послѣдними избами и угломъ стараго барскаго сада; звонкая стукотня вальковъ возвѣщала, что бабы, въ числѣ которыхъ находились Катерина и ея дочь, усердствовали не разгибая спины.

Появленіе Тимоѳея, сопровождавшееся скрипомъ воза, лаемъ Волчка, возгласами ребятишекъ и пискотнею дудокъ, едва удостоилось нѣсколькихъ взглядовъ. Но Тимоѳею довольно уже было того, что онъ вынужденъ былъ показаться на улицѣ; мысль, что вчера всѣ узнали о существованіи Филиппа, что Филиппъ послалъ ему поклонъ, что всѣ имѣвшіе причины жаловаться на бра-

та, снова припомнили теперь нанесенное имъ когда-то зло, и снова начать приставать къ нему и вымещать на немъ свое неудовольствіе — мысль эта, непокидавшая бѣднаго Лапшу со вчерашняго вечера, приводила его въ крайнее замѣшательство. Во все время, какъ старикъ поилъ у колодца лошадь, онъ не посмѣлъ поднять головы, не посмѣлъ кашлянуть; самыя брови его оставались недвижны; какъ видно, онъ не старался даже ободрять себя. Когда старшій его мальчикъ снова взялъ лошадь подъ уздцы и повернулъ на дорогу возъ съ ребитишками, Тимошей поспѣшилъ стать между торгашомъ и возомъ; но сколько онъ ни корчился, сколько ни уничтожался, голова его все-таки приходилась выше воза и выше головы торгаша. До-сихъ-поръ все шло, однакожь, благополучно: никто не окликнулъ его; каждый, встрѣчаясь съ торгашомъ, который приподнималъ шапку, отвѣчалъ тѣмъ же и молча принимался за работу. Тѣмъ не менѣе, глаза Тимоея щурились и лицо его принимало разслабленное, жалкое выраженіе каждый разъ, когда лаялъ Волчокъ, или когда который-нибудь изъ ребятъ сидѣвшихъ на возу, дулъ въ дудку, или же когда старшій сынъ, въ припадкѣ усердія и дѣтской гордости, кричалъ уличнымъ ребятамъ, чтобъ они давали дорогу. Одинъ только обычай, требующій, чтобъ хозяинъ провожалъ своего гостя до околицы, или по-крайней-мѣрѣ до середины улицы, могъ вынудить Лапшу подвергнуть себя такой пыткѣ.

Дядя Василій, между-тѣмъ, разсвѣнно глядѣлъ направо и налево, похваливалъ строеніе, лошадей, встрѣчавшихся по дорогѣ, и не переставалъ подымать тѣжеловѣсную свою шапку.

— Тимошей! а Тимошей! глянь-кась, братъ, сказзлъ онъ, толкая локтемъ сосѣда: — посмотри кто это?.. не управитель ли вашъ ѣдетъ? присовокупилъ онъ, кивая головою на всадника въ дубленомъ полушубкѣ, который неожиданно повернулъ изъ-за угла крайней избы и показался у околицы.

Тимошей бросилъ робкій взглядъ въ ту сторону и тотчасъ же опустилъ голову.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, двигая бровями и пожимая губами при каждомъ словѣ: — это изъ дворовыхъ... вечеръ въ городъ посылали... на почту; стало отъѣдова...

Всадникъ припустилъ рысью и проѣхалъ мимо; но почти въ ту же минуту подлѣ старика и Лапши послышался стукъ копытъ, и въ ухахъ того и другаго прозвучалъ знакомый голосъ:

— Здорово, дядя!... Лапша, куда ты?... ай гостя провожать вышелъ?... А я... я въ поле... Нѣдыть попахаться до докличка...

То былъ рябой мужичокъ, отличавшійся накануне безпокойнымъ любопытствомъ и суетою; онъ сидѣлъ верхомъ на лошади и такъ немилосердо болталъ босыми ногами, что каждый разъ, какъ пятка его прикасалась къ ребрамъ клячи, слышался глухой звукъ, и кляча фыркала и вздергивала голову; позади, дребезжа, подпрыгивая и подымая клубъ пыли, тащилась соха, обращенная сошникомъ кверху.

Старикъ поздоровался.

— Слышь, эй, Лапша! а вѣдь Филиппъ—то живъ! воскликнулъ неожиданно рябой мужичокъ.

Тимоей страшно замигалъ глазами и покосился на стороны, желая узнать, не было-ли кого-нибудь поблизости, кто бы могъ слышать неумѣстное восклицаніе; но онъ успокоился, увидѣвъ, что они приближались уже къ околицѣ.

— То-то, я чай, подивился ты, какъ узналъ о немъ! началъ снова рябой мужикъ:—мы всѣ думали, его давно ужъ и въ живыхъ нѣту... одинъ вѣдь только Пантелѣй кузнецъ... Эй, дядя! дядя! подхватилъ онъ вдругъ, принимаясь неистово болтать ногами и махать руками:—эй, пррр... мотри, за околицу зацѣпишь... Эй, Петрушка, держи лѣвѣй... ворочай налѣво лошадь-то... держай ее лѣвѣй... такъ!

Онъ осадилъ назадъ и далъ имъ проѣхать околицу, послѣ чего выровнялся съ возомъ, который остановился.

— Ты, дядя, куда?

— Въ Чѣрнево; сказывали, есть такая деревня отъ васъ недалеко.

— Тебѣ, стало, надо прямо ѣхать въ гору. Тамъ перекрестокъ, часовню увидишь... ступай все прямо, а тамъ забирай все влѣво... а мнѣ сюда! довершилъ онъ, кивая головою направо: — прощай, дядя!

— Прощай, братъ!... сказалъ старикъ, провожая глазами рябаго мужика, который пустилъ рысью, разставивъ ноги какъ птичьи крылья. — Пу, братъ, Тимоей, пора и намъ проститься! заключилъ дядя Василій, обратившись къ Лапшѣ, стоявшему съ опущенною головою и руками.

— Прости, косатикъ... вымолвилъ Тимоей со вздохомъ.

— Ты, я вижу, все объ томъ же... О чемъ вечеръ сокрушался, объ томъ и нонче! сказалъ старикъ:—полно, братъ, не

хорошо! Ну, право же, не годится такъ-то... плюнь-ка ты, право, на пустяя ихнія словеса... этимъ нечего обижаться, а особливо, коли вины твоей нѣтъ никакой! Главная причина себя призирать надо да трудиться — вотъ что! А тамъ Богъ милостивъ! Обтерпись, говорю... право, обтерпись!

— Нѣтъ, ужь силушки моей нѣтути, дядя. Терпѣли, терпѣли и конца этому не видимъ, возразилъ Тимошей, уныло поглядывая на деревню.

— Ему говори, а онъ все свое! произнесъ старикъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. — Эхъ, Тимошей, Тимошей! не видалъ, значитъ, ты настоящаго-то горя. Въ такой ли тяготѣ люди живутъ, да вѣдь терпятъ же! Значитъ, баловство одно, право-такъ. По душѣ говорю; потому, вижу какой ты ешь человекъ, примѣрно, добрый и все такое... Ты бы хошь на жену на свою поглядѣлъ: что ты, что она — все единственно, горе-то у васъ одно, а все держится бодрѣ тебя, ей-Богу бодрѣ, а еще баба! Человеку лана, примѣрно, сила такая — да; надо собою владѣть, а не то, чтобы такъ, отъ всякой бездѣлицы опускаться... Ну, что хорошаго?.. По душѣ говорю, потому, какъ я, примѣрно, человекъ старый, преклонный, видалъ много на-вѣку. Такъ не слѣдъ; право, не годится!.. Ну, прощай, братъ; авось Господь приведетъ, свидимся, поправишься ты во всѣхъ дѣлахъ своихъ... а мнѣ пора... Слѣзай, ребятѣнки! Надуть до дождя поспѣть въ Чернево... вишь какъ заволокло!

И точно, небо часъ-отъ-часу все сильнѣе нахмуривалось; утро давно уже началось, но окрестность и самая деревня окутывались какимъ-то полусумрачнымъ, синеватымъ свѣтомъ, напоминавшимъ осеннія сумерки. Не будь вѣтра, который разгонялъ облака, дождь, вѣроятно, давно бы полилъ ливня.

— Ну, прощай, ласковый! сказалъ старикъ, обращаясь къ старшему мальчику, который особенно полюбился ему. Онъ обращался къ нему съ тою ласкою и привѣтливостью, съ какими обращался къ его матери, особенно послѣ того, какъ съ нею ознакомили. — Прощай, паренѣкъ! Опять прїѣду, опять привезу гостинецъ... ну и Костюшкѣ привезу... и всѣмъ! заключилъ старикъ, вторично наклоняясь къ старшему, чтобы погладить его по головѣ, и давая этимъ движеніемъ шапкѣ своей случай съѣхать на самый затылокъ.

Распрощавшись вторично съ Тимошеемъ, старикъ взмогилъ на облучокъ, тронулъ возжами и началъ подниматься въ гору.

Время-отъ-времени онъ оборачивался къ околицѣ, и всякій разъ движеніе это сопровождалось возгласами мальчиговъ, которые слѣдили за нимъ глазами. Чтò жь касается до Лапши, онъ сохранялъ то же самое положеніе, съ какимъ выслушивалъ наставленія старика; свѣсивъ руки, опустивъ голову, онъ не трогался съ мѣста и смотрѣлъ въ землю съ выраженіемъ чловѣка, котораго ни за что ни прò что обидѣли.

И въ-самомъ дѣлѣ, не грѣхъ ли было дядѣ Василью намекать ему о трудѣ, о необходимости подкрѣплять себя духомъ? не грѣшно ли было совѣтовать взяться за дѣло и пренебречь пустыми толками, тогда какъ Лапша ждалъ только заступничества и оправданія въ настоящемъ своемъ положеніи?.. Но, съ другой стороны, какъ могъ знать дядя Василій, что лучшими радостями Лапши было то, когда о немъ громко жалѣли или начинали съ нимъ заодно вздыхать и охать?.. Оправдать разстройство его безпутнымъ поведеніемъ брата, мірскими гоненіями, людскою злобой и несправедливостью—значило навѣрное ослѣпить Лапшу на нѣсколько дней; онъ ходилъ тогда съ высоко-приподнятыми бровями, выказывалъ даже меньше покорности и смиренія въ обращеніи съ женою и всѣхъ винилъ и бранилъ, выставяя собственную правоту свою. Онъ очевидно обманулся въ старикѣ.

Мысли его устремлялись также къ предстоящему возвращенію на улицу. Съ нѣкоторыхъ поръ, щурившіеся глаза его чаще обращались къ деревнѣ и переходили отъ одной группы мужиковъ къ другой; изба Тимоѣея приходилась почти посрединѣ правой стороны улицы; не было никакой возможности обогнуть задами: вправо отъ околицы шли огороды, примыкавшіе къ ограду; слѣва шла полевая дорога, куда выходили гумны крайнихъ къ околицѣ избъ; за ними тянулся скотный дворъ, службы, а потомъ садъ, непосредственно-примыкавшій къ пруду.

— Бѣтя, пойдёмъ! дѣдушка уѣхалъ; вонъ ужъ и не видать совсѣмъ, сказалъ Петя, когда, наконецъ, макушка шапки на головѣ дяди Василья болтулась еще разъ надъ горизонтомъ и скрылась.

Тимоѣей повернулся къ деревнѣ и, боязливо поглядывая впередъ, направился къ околицѣ, куда успѣли уже вбѣжать ребяташки. Отецъ крикнулъ-было, чтобъ они шли за нимъ, но, какъ нарочно, въ эту самую минуту пучеглазый Костюшка приставилъ дудку къ губамъ; братья мгновенно послѣдовали его при-

мѣру, и всѣ трое огласили улицу звонкою трелью. Вторичное появленіе Лапши совершилось такимъ образомъ еще торжественнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Онъ началъ браниться и звать ребятъ, но сдѣлалъ еще хуже: услышавъ его голосъ, ребяташки побѣжали къ нему на встрѣчу и задудили еще звонче.

— Прочь пошли, окаянные! крикнулъ онъ, отгоняя ихъ, кромѣ Петруши, впрочемъ, который смиренно шелъ подлѣ: — прочь пошли!.. Вотъ я васъ! домой, пострѣлы! заключилъ онъ, бросая вокругъ себя растерянные взгляды.

На этотъ разъ было точно чего опасаться: пронзительные звуки дудокъ заставили приподнять голову плѣшиваго старика, изъѣденнаго оспой и покрытаго веснушками; до того времени, онъ смиренно стоялъ спиною къ улицѣ и чинилъ бѣрону. Пробираясь къ избѣ, Лапша издали еще съ особенною неловкостью косилъ на него глазами.

— Лапша, подѣ-ка, братъ, куда! прохрипѣлъ старикъ, прикладывая ладонь ко лбу.

Смущеніе Тимоѣея смѣнилось истиннымъ страхомъ, когда, поднявъ глаза, увидѣлъ онъ кузнеца Пантелѣя, который приближался въ ихъ сторону.

Въ минуты, подобныя той, какую испытывалъ Лапша, когда нѣтъ ужъ возможности пуститься въ бѣгство, люди, смотря по характеру своему, поступаютъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: они или стряхиваютъ съ себя робость и идутъ смѣло, на проломъ, или принимаютъ видъ крайней озабоченности, или же, наконецъ, стараются придать своей физиономіи, по возможности, жалкій видъ съ цѣлью возбудить состраданіе противника и смягчить его сердце.

Тимоѣей прибѣгнувъ къ послѣднему способу и, вѣроятно, самому неудачному: рябое лицо плѣшиваго старика хотя и не было злобно, но изобразило скорѣе досаду, чѣмъ умиленіе.

— Тимоѣей, что жъ ты? Вѣдь ужъ святая прошла: долго ли намъ ждать-то? а? сказалъ онъ, пристально устремляя зрачки на Лапшу, который топтался, какъ гусь, и робко поглядывалъ то на собесѣдника, то на приближавшагося къ нему кузнеца:—да ты полно, братъ, кашлять-то; только заминаешь... говори, когда деньги отдашь?

— Не справились... обожди, Карпъ Иванычъ, проговорилъ Тимоѣей, раскисляясь.

— Какъ же не справились? Вѣдь ты клялся, божился, говорилъ на святой отдашь...

— Не справились, Карпъ Иванычъ! могъ только произнести Лапша.

— Такъ что жъ это ты, безстыжая твоя голова, долго ль станешь такъ-то водить? промолвилъ старикъ:—такъ развѣ дѣлають? а?.. Была надобность—пришелъ, говорилъ, черезъ недѣлю отдамъ, а теперь каждый разъ только и слышишь: не справился!.. Вотъ, братецъ ты мой, Пантелѣй, вотъ суди ты люди-то какіе! подхватилъ онъ, обращаясь къ подошедшему кузнецу: два года назадъ, денегъ забралъ, а теперь отпѣкивается...

— Я рѣзи отпѣкиваюсь? сказалъ Тимоѣей, забывшій, повидимому, совершенно о своемъ мальчикѣ, который внимательно, между-тѣмъ, прислушивался къ каждому слову и переносилъ любопытные, живые глаза отъ Карпа къ отцу, отъ отца къ кузнецу.

— Все одно, не отдаешь, на то же выходить!

— Они и все такъ-то! перебилъ кузнецъ, сурово нахмуривая брови:—какъ братъ его мошенничалъ, такъ и этотъ все единственно... такой ужъ родъ ихній! къ тому же, видно, и щенка своего приучаетъ...

— Анъ нѣтъ, не щенокъ! возразилъ мальчикъ, наклоняя на бокъ голову.

Лапша хотѣлъ что-то сказать, но Пантелѣй не далъ ему произнести слова:

— Что съ нимъ разговаривать, дядя Карпъ! сказалъ онъ, презрительно кивая головою:— вотъ теперича я съ барскаго двора: сказывали, господа ѣдутъ; обожди пока пріѣдутъ, сходи да, пожалуйся... одинъ конецъ, а то что съ нимъ разговаривать!..

Вѣсть о пріѣздѣ господъ нѣсколько отвлекла старика отъ Тимоѣея и онъ спросилъ:

— Вѣрно ли ѣдутъ?

— Точно; сейчасъ Алексѣй съ почты вернулся; письмо, сказываютъ, прислали... А то разговаривать еще сталъ! подхватилъ кузнецъ, взглядывая съ ненавистнымъ презрѣніемъ на Лапшу:— стѣить ли онъ, чтобъ съ нимъ еще разговаривать-то? Расскажи обо всемъ господамъ: они сократятъ ихъ. Да у него, Карпъ Иванычъ, ты не вѣрь ему, у него и деньги есть! продолжалъ Пантелѣй:—онъ нищенкой только прикидывается, глаза отводитъ... Они за-одно вѣдь съ братомъ воровали... и теперь промежь себя знаютъ...

— Пантелѣй! Богу ты отвѣчать станешь! воскликнулъ Лапша:— али я тебѣ какое зло сдѣлалъ? али супротивное слово сказалъ? Братъ лошадей увелъ у тебя — точно, опять я этому не причиненъ...

— Толкуй, рассказывай сивой кобылѣ, она развѣ повѣритъ? съ грубымъ смѣхомъ возразилъ кузнецъ: — вишь какимъ смирячкомъ прикидывается—поди ты!.. Знамо, вы за-одно съ братомъ дѣйствуете, злобно подхватилъ онъ.. Вечоръ еще поклонъ послалъ—такъ какъ же, коли не за-одно?.. Пойдите, дайте приѣхать господамъ: обо всемъ имъ скажутъ, обо всѣхъ дѣлахъ вашихъ; все на виду окажется, васъ разберутъ тогда, кто къ чему принадлежитъ... Може-статься, и того еще потащутъ, кто поклонъ-то возилъ; далеко не уѣдетъ... изъ вашей же, можетъ, шайки, такой же мошенникъ этотъ старикъ-отъ!..

— Анъ нѣтъ, не мошенникъ! не мошенникъ! подхватилъ мальчикъ, выставя впередъ кудрявую свою голову.

— Ты что, щенокъ?

— Анъ нѣтъ, не щенокъ! Сами ребята твои щенки... а дядя Василій не мошенникъ! сказалъ мальчикъ.

— Молчи! пришибу!

— Не смѣешь! сказалъ мальчикъ съ такимъ смѣлымъ видомъ, какого отецъ во всю жизнь свою не посмѣлъ выказать.

Пантелѣй сдѣлалъ шагъ впередъ; мальчикъ прижался плечомъ къ отцу, но принялъ оборонительную позу; личико его разгорѣлось, брови выгнулись, глаза сверкали; въ эту минуту мягкія черты лица его, дѣлавшія его нѣсколько похожимъ на Тимоѳея, какъ-бы исчезли и смѣнились одушевленными, энергическими чертами матери. Пантелѣя, конечно, не остановили бы ни смѣлость мальчика, ни робкое заступничество Лапши, еслибъ не удержалъ его заблаговременно Карпъ Ивановичъ. Во все время предъидущаго разговора Карпъ гладилъ свою лысину и о чемъ-то раздумывалъ.

— Полно, Пантелѣй, не замай! сказалъ онъ, приближаясь къ Лапшѣ: — такъ какъ же, Тимоѳея? а? надо рѣшить чѣмъ-нибудь... Есть деньги—отдай лучше до грѣха; право, отдай. Нѣтъ—я господамъ стану жаловаться. Коли до завтра не принесешь шесть съ гривной—сколько взялъ, ей-Богу, не сойдти съ этого мѣста, къ господамъ пойду. Это последнее мое слово; стало, и и дѣлу всему конецъ! заключилъ Карпъ, поворачиваясь къ Пантелѣю, глядѣвшему торжествующими глазами на сокрушеннаго Лапшу.

Тимоѳей, котораго давно уже тащилъ мальчикъ, медленно повернулся къ нимъ спиною и, тяжело покашливая, пополелся къ избѣ своей.

Но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ снова услышалъ свое имя :

— Лапша !

Голосъ выходилъ на этотъ разъ изъ-подъ воротъ, расположенныхъ на одной линіи съ воротами Тимоѳея.

— Лапша ! повторилъ голосъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ воротъ выставилась долговязая фигура желтоголоваго Морей, принимавшаго вчера участіе въ бесѣдѣ съ горгашомъ.

— Что жъ ты мнѣ крупу-то когда отдашь ? началъ Морей довольно-снисходительно, и вдругъ, совершенно-нежданно, какъ-будто съ этою мыслью о крупѣ ему попали въ грудь раскаленные уголья, онъ замахалъ длинными руками, затопалъ ногами и разразился крупной бранью. Тимоѳей стоялъ понуря голову и слушалъ; жалкое, болѣзненное лицо его сохраняло выраженье, какъ-будто къ нему въ ухо нечаянно залетѣлъ комаръ и онъ внимательно прислушивался къ его жужжанью.

— Да, взялъ, такъ отдавай ! А то что жъ хорошаго : взялъ — не отдаешь ? Ничего хорошаго нѣтъ. Мы сами крупой-то скучаемъ, самимъ надобно, подхватилъ Морей, переходя также неожиданно на снисходительный тонъ.

— Пойдемъ, батя, пойдемъ ! сказалъ мальчикъ, цѣпляясь за рукавъ отца и притягивая его къ дому.

— Пойдемъ ? Нѣтъ, стой, погоди ! скажи прежде, когда крупу отдашь ? Стой ! когда крупу ? воскликнулъ Морей и снова, какъ помѣшанный, замахалъ кулаками, затопалъ ногами и такъ сильно затрясъ головой, что желтые его волосы совершенно закрыли ему лицо.

Этимъ бы, безъ сомнѣнья, не кончилось объясненіе, еслибъ Морей не былъ вдругъ развлеченъ суматохою, поднявшеюся на противоположномъ концѣ улицы. Причиной суматохи былъ, казалось, староста, который говорилъ о чемъ-то съ одушевленіемъ. Гнѣвъ Морей какъ рукой сняло; онъ выпрямился, откинулъ волосы, устремилъ глаза въ ту сторону, гдѣ былъ староста, и забылъ повидимому о должникѣ.

Тимоѳей воспользовался случаемъ и торопливо заковылялъ къ дому.

Почти противъ воротъ своихъ онъ встрѣтился со старостой.

— Ступай, шевелись, метлу бери — на барскій дворъ... бабъ гони со скребками... ребятъ посылай... дорожки въ оаду прочищать... дворъ мести! произнесъ староста, спѣшно бросая слова направо и налево: — гони, посылай скорѣй... Господа послѣзавтра ѣдутъ. Скорѣй всѣ на красный дворъ — живо! пошевеливайся!

Но скорость и быстрота движеній не даны были, какъ уже извѣстно, въ удѣлѣ Ланшѣ. Пока доплелся онъ до воротъ, староста успѣлъ уже достигнуть конца деревни, бросая поврежнему направо и налево: «метлу бери... гони ребятъ... бабъ высылай... скреби... на красный дворъ... господа ѣдутъ...»

Спустя, однакожь, минутъ десять, на улицѣ снова показался Тимошей, и появленіе его совершилось чуть-ли еще не торжественнѣе, чѣмъ въ первые два раза: впереди скакалъ пучеглазый Костюшка съ дудкою въ зубахъ; за нимъ бѣжали два маленькіе брата; за ними бодро выступали Катерина, ея дочь и Петя со скребками на плечахъ.

Позади всѣхъ, припадая съ ноги на ногу и покашливая, тащился Ланша, влача за собою тоненькую, жиденькую метлу, на которой, казалось, меньше еще было прутьевъ, чѣмъ волосъ на пльшавой головѣ Карпа Ивановича.

III.

Барскій домъ. Управитель. Пѣснь Лазаря.

Старинный барскій садъ не примыкалъ къ деревнѣ, какъ это казалось издали; между нимъ и послѣдними избами лѣвой стороны находилось порядочное пространство, но его скрадывала перспектива. Мѣсто было такъ велико, что даже вмѣщало въ себя многочисленныя постройки. Сначала тянулся валъ, обсаженный крестъ-на-крестъ вѣтлами; потомъ шло длинное зданіе скотнаго двора, которое можно было принять за худо-оштукатуренную и еще хуже выбѣленную стѣну, еслибъ не попадались мѣстами узенькія полукруглыя окна, съ выбитыми, впрочемъ, стеклами. Потомъ должно было пройти мимо небольшого участка земли, отданнаго дворовымъ людямъ. Тутъ, на пространствѣ десяти сажень, возникла маленькая, но чудовищно-безобразная колонія, состоящая изъ кривыхъ, слѣпыхъ и косыхъ клѣтушекъ, сдѣланныхъ изъ тѣса, драни, плетня, рогожи, которыя лѣзли другъ на дружку, цѣплялись крыльями и углами... Въ общей сложности, все это представлялось фантастическимъ лабиринтомъ, въ которомъ ноги вязли

въ грязи, голова стучалась о выступающіе углы или путалась въ развѣшенномъ на шестахъ тряпѣ; дыханіе стѣснялось отъ духоты, носъ чихалъ, а слухъ наполнялся квактаньемъ куриць, бляньемъ овецъ и тѣлокъ. Клытушки прерывались кирпичнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась контора и гдѣ жилъ управитель; здѣсь уже начиналась ограда изъ каменныхъ столбовъ; приближаясь къ саду, она превращалась постепенно въ частоколь, потомъ въ плетень, который огибалъ всю часть сада, виднѣвшуюся изъ деревни.

Попастъ на барскій, или красный дворъ, какъ преимущественно называли его крестьяне, можно было не иначе, какъ черезъ большія ворота, расположенныя посрединѣ ограды, между флигелемъ и садомъ. Два каменные столба съ карнизами и выступами, частью обвалившимися, обозначали въѣздъ; на верхушкѣ одного изъ нихъ виднѣлся еще остовъ исполинскаго желѣзнаго фонаря; макушка другаго украшалась только желѣзнымъ шпилемъ и пучками бѣлесоватой травы, изъ которой дѣлаютъ метѣлки для чищенья платья. Зданія, окружающія дворъ, носили также признаки запустѣнія; нѣкоторыя были каменные и даже съ колоннами; но крыши были большею-частью соломенные.

Это послѣднее обстоятельство всегда сильно сокрушало управителя, добродушнѣйшаго и добрѣйшаго старика. Въ письмахъ своихъ къ барину онъ всякій разъ упоминалъ о необходимости употребить сумму на ремонтъ, но всякій разъ получалъ только изъявленіе благодарности за усердіе, и вслѣдъ затѣмъ требованіе о наивозможно-скорѣйшей высылкѣ денегъ. Ремонтъ откладывался съ году на годъ.

Самая тѣнистая часть сада занимала, вмѣстѣ съ барскимъ домомъ, всю правую сторону двора. Домъ поражалъ своею огромностью; онъ былъ деревянный, въ три этажа, съ длинными флигелями по бокамъ, соединявшимися съ главнымъ корпусомъ крытыми галереями, которыя подпирались колоннами. Внутренній видъ комнатъ невольно заставлялъ думать, какъ, откуда, какимъ способомъ дѣды и прадѣды хорошихъ семей доставали столько денегъ, и какъ все, что ни строили они, превосходить размѣрами, прочностью и даже изяществомъ все, что теперь строится въ томъ же родѣ... Марьинскій домъ построенъ былъ дѣдомъ настоящаго владѣльца, и построенъ съ тѣмъ только, чтобъ проживать въ немъ два-три лѣтніе мѣсяца; а между-тѣмъ вы бы нашли тутъ массивную дубовую лѣстницу съ вычурными точеными балясами, которая одна могла стоить инаго современнаго помѣщичьяго до-

ма ; нашли бы дорогіе обои , съ изображеніемъ міеологическихъ богинь , гирляндъ и храмовъ , огромныя изразцовыя печи , покрытыя голубыми разводами и украшенныя колонками , галереями , впадинами и переходами . Комнаты оставались почти тѣми же , какими были въ то время , когда ихъ отдѣляли : вдоль стѣнъ возвышались полноувѣсные золоченые стулья съ овальными спинками , обтянутыми штофомъ ; въ углахъ стояли брюхастые комоды , выложенные бронзой , костью или цвѣтнымъ деревомъ ; рѣзное дерево почти всюду замѣняло дешевую лѣпную работу ; въ гостиной , устроенной въ родѣ ротонды , окруженной низкими диванами и украшенной высокимъ каминомъ , до-сихъ-поръ еще висѣла люстра съ плоскими гранеными стеклышками , съ большимъ хрустальнымъ шаромъ внизу и голубымъ фарфоровымъ столбикомъ посерединѣ . Зала , оштукатуренная подъ розовый мраморъ , съ голубыми колоннами и хороми , проходила черезъ весь домъ и занимала его середину ; одна дверь отворялась на парадную лѣстницу , другая въ садъ . Съ этой стороны , шли вправо и влѣво маленькія комнаты ; тутъ находились : диванная , образная , боскетная . Густая зелень липъ и акацій , заслонившая теперь окна сверху до низу , сообщала всей этой половинѣ мрачный полусвѣтъ ; иконы , которыми увѣшаны были стѣны образной , едва-едва выступали изъ мрака ; кой-гдѣ развѣ , случайно-продравшись между листьями , тонкій лучъ свѣта задѣвалъ ризу или дробился въ серебряныхъ жолобкахъ богато-чеканеннаго оклада . Сквозь маленькія четырехугольныя стекла дубоваго шкапа съ трудомъ можно было различать остатки богатаго сервиза , чашки съ медальйонами , блюда , исполинскіе кубки богемскаго стекла съ вензелями и крышками . Кое-гдѣ на стѣнахъ попадались картины , писанныя красками и пастелью ; послѣднія имѣли большею частью овальную форму , но всѣ безъ исключенія изображали прадѣдовъ въ бородахъ и безъ бородъ , въ панцыряхъ и шитыхъ кафтанахъ , или бабушекъ въ шубейкахъ и бисерныхъ газетовыхъ кокошникахъ , въ фижмахъ , или опутанныхъ кисеею , съ полумѣсяцемъ надъ головою и колчаномъ за плечами .

Всѣмъ этимъ предметамъ , покрытымъ пылью и паутиной , стоявшимъ , висѣвшимъ и лежавшимъ лѣтъ семьдесятъ безъ употребленія , суждено было наконецъ увидѣть свѣтъ Божій . Это случилось въ то самое утро , когда Лапша , провожая за околицу дѣдушку Василья , встрѣтилъ посланнаго изъ города .

Въ настоящую минуту окна и двери во всемъ домѣ были на-

стежь отворены. По всѣмъ комнатамъ бродили бабы съ тряпьемъ и ушатами; дворовыя женщины и мужчины бѣгали въ запуски съ мочалками и длинными, круглыми щетками, весьма-похожими на головы, у которыхъ волосы стали вдругъ дыбомъ. Въ верхнихъ этажахъ слышались говоръ и топотъ; на внутреннихъ лѣстницахъ раздавались торопливые шаги, потрясавшіе ступени. Къ этому примѣшивался шумъ нѣсколькихъ десятковъ метель 'и скребокъ, скоблившихъ давно-заросшія садовыя дорожки. На дворѣ происходила такая же точно суета, если еще не больше.

Съ лицевой стороны дома, почти въ каждомъ окнѣ нижняго этажа, сидя или стоя на подоконникѣ, торчала баба, вооруженная чашкой и мочалкой; человекъ въ жилетѣ, надѣтомъ сверхъ ситцевой рубашки, стоялъ на высокой лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, и, мокая длинную кисть въ ведро, висѣвшее на веревкѣ, снѣшво замазывалъ тѣ части, гдѣ проглядывалъ кирпичъ; на противоположномъ концѣ два мужика страшно стучали молоткомъ, приколачивая ставень.

По всѣмъ направленіямъ краснаго двора бродили разсыпнымъ строемъ бабы, мужики и ребята съ граблями, лопатами и метлами; телега, наполненная соромъ и щепками, показывала, что они не уступали въ дѣятельности лицамъ, наполнившимъ садъ и внутренность дома. Словомъ, какъ дворъ, такъ и *хоромы* представляли самую оживленную картину; все двигалось и суетилось; работа кипѣла даже на самыхъ границахъ двора: чинили плетни, подмазывали фундаментъ, красили ограду. Последняя работа подвигалась, надо сказать, несравненно-медленнѣе другихъ: сверхъ-того, что ею занимался одинъ только человекъ, но и этотъ человекъ работалъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Наружность маляра, одѣтаго въ истасканный халатъ и такіе же башмаки, сохраняла во все время самый нахмуренный, несообщительный видъ; онъ не столько дѣйствовалъ кистью, сколько ворчалъ, и не столько красилъ, сколько сердито тыкалъ кистью въ мѣста, требующія поправки. Это особенно случалось всякій разъ, какъ близости раздавался голосъ управителя, или самъ онъ показывался на дворѣ. Тыканье маляра принимало тогда освяртывый характеръ, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: «на же тебѣ! на, на, тогда такъ!»

Нельзя сказать, однако, чтобъ наружность управителя могла внушать враждебное чувство или даже опасеніе. Это былъ маленький, сухопарый старичокъ хлопотливаго, озабоченнаго ви-

да, съ маленькимъ, краснымъ лицомъ, выразившимъ самую безвредную суетливость. Волосы его, обстриженные подъ грёбенку, были бѣлы, какъ снѣгъ; голову держалъ онъ нѣсколько на-бокъ и носилъ серёжку въ лѣвомъ ухѣ. Несмотря на глухую деревенскую жизнь, располагающую къ распущенности, никто никогда не видалъ его иначе, какъ въ синемъ чистомъ сюртукѣ, такомъ же жилетѣ и галстухѣ, который онъ преимущественно носилъ всегда бѣлаго цвѣта. Никто не слыхалъ также, чтобъ Герасимъ Аванасьевичъ (такъ звали его), употреблялъ худыя слова или вообще велъ себя непристойно. Сейчасъ видно было, что онъ принадлежалъ къ числу слугъ истинно-барскаго дома и былъ даже однимъ изъ самыхъ приближенныхъ. Испытывая на себѣ постоянно-учливое, ласковое обращенье (истинные господа всегда учтивы и ласковы съ людьми), такого рода слуги сами невольно дѣлаются учтивыми и приличными. Герасимъ Аванасьевичъ переживалъ ужъ второе поколѣнiе въ семействѣ господъ своихъ.

Онъ представлялъ совершеннѣйшій типъ тѣхъ вѣрныхъ, преданныхъ слугъ, которые подѣ-старость дѣлаются какъ-бы членами барскаго семейства, добровольно превращаются въ нянекъ, страшно балуютъ дѣтей и пользуются, по всей справедливости, неограниченнымъ довѣрiемъ. Если Герасимъ Аванасьевичъ не остался въ домѣ, это произошло единственно потому, что старый баринъ, отецъ нынѣшняго, уговорилъ его уѣхать на родину попокоить старыя свои кости.

Управленiе Мѣрыньскимъ не было сопряжено съ большими хлопотами. Мѣрыньское было на оброкѣ; слѣдовательно, дѣла управителя ограничивались собиранiемъ оброка и отправкою денегъ въ Петербургъ; съ хлѣбопашественнымъ хозяйствомъ онъ бы и не справился. Въ полевыхъ работахъ Герасимъ Аванасьевичъ ни до чего *не доходилъ*, какъ выражались сами крестьяне. Вся работа его сосредочивалась на домѣ; старанiя его устремлялись къ тому только, чтобъ домъ сохранялъ по возможности барскiй видъ: «по-крайней-мѣрѣ, если спросить проѣзжiй, чей домъ, чтобъ безъ стыда можно было сказать; пускай думаетъ: вотъ, дескать, какъ настоящiе-то господа живутъ!» Легко представить себѣ, въ какое смущенiе приводили старика развалившiяся колонны и соломенные крыши; но хлопоты его о поправкѣ всего этого оставались, какъ ужъ сказано, бесполезными. Нечего, конечно, и говорить, что старикъ не помышлялъ даже о какихъ-

нибудь доходахъ для себя собственно; онъ не проживалъ даже получаемого жалованья—нѣкуда было. Единственными расходами его были: свѣчка въ церковь да сѣмя на чижей и всякихъ птицъ, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Нельзя же старому холостяку, да еще деревенскому жителю, существовать безъ какой-нибудь привязанности! Вы непременно нашли бы въ его комнату во всякое время года до десяти клѣтокъ.

Въ настоящую минуту все, однакожь, было забыто—и птицы, и клѣтки. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Герасимъ Аванасьевичъ находился въ Мѣринскомъ—этому скоро девять лѣтъ—никто изъ помѣщиковъ ни разу туда не являлся. Теперь вдругъ разомъ всѣ собрались: и баринъ, и барышня, и дѣти. Изъ письма полученнаго утромъ, значилось, что всѣ ѣхали въ деревню провести весну, лѣто и даже часть осени.

Въ это утро Герасимъ Аванасьевичъ сдѣлалъ конечно болѣе десяти верстъ, бѣгая по одному только двору. Сѣдая голова его появлялась почти въ одно время во всѣхъ окнахъ огромнаго дома, и голосъ его, ободрявшій рабочихъ, неумолкаемо раздавался въ саду, въ комнатахъ и во всѣхъ концахъ двора. До прїезда оставалось еще два дня, но старикъ торопился, боясь дождя, который грозилъ съ минуты на минуту оборваться съ неба. Появляясь на порогъ дома, управитель всякій разъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на сизыя облака, и всякій разъ, дѣлая видъ будто не замѣчаетъ крупныхъ капель, которыя падали ему на носъ, съ удвоенною суетливостью обращался къ работникамъ:

— Ну-ка, братцы, не зѣвай, не зѣвай! половину ужъ дѣла сдѣлали — молодцы!... Софронъ, вонъ тамъ щепку забылъ, подбери поди—нехорошо. Дружнѣй, ребята, дружнѣй! надо убраться до дождя; время и безъ того мало: дождикъ пойдетъ — не успѣемъ.

— И безъ того ужъ давно кашлетъ, Герасимъ Аванасьичъ, замѣтилъ, ослабляясь, молодой пзрень.

— Гдѣ?... развѣ идетъ? Это такъ! подхватывалъ управитель, торопливо снимая пальцомъ каплю съ кончика носа:—а что за бѣда, если и идетъ? пускай его! Не сахарные, не растаемъ. Ну-ка-сь, братцы, полно, полно! Надо такъ сдѣлать, чтобъ заслужить отъ господъ благодарность. Видите, какую они намъ честь дѣлаютъ, что къ намъ ѣдутъ! Мало ли у нихъ вотчинъ-то, а небось въ Мѣринское собрались: это значить васъ любятъ! Ну, живо! живо!

И Герасимъ Аванасьевичъ, чтобъ не получить замѣчанія о дождѣ, который не на шутку начиналъ падать, поспѣшно удалился въ другую сторону; шелъ къ скотному двору, обходилъ службы, появлялся въ домъ или направлялся къ старому маляру, который тотчасъ же принималъ мрачный видъ и начиналъ тыкать своимъ помазкомъ въ рѣшетку.

Наконецъ дождь такъ усилился, что самъ Герасимъ Аванасьевичъ убѣдился въ невозможности продолжать работу.

— Ну, братцы, дѣлать нечего; такъ, знать, Богу угодно! сказалъ онъ, снова появляясь на серединѣ двора. — Вотъ что, ребята, погодите-ка на минуту: бабы пускай идутъ по домамъ, а вы постойте; надо намъ кой-о-чемъ переговорить. Эй, сходи кто-нибудь за тѣми, которые въ саду работаютъ, зови сюда, скорѣе! заключилъ старикъ, принимаясь почесывать переносицу и расхаживая съ озабоченнымъ видомъ мимо собравшихся въ кучку мужиковъ.

Немного погода, изъ саду показалась другая толпа также съ граблями и скребками; всѣ обступили полукругомъ управителя.

— Вотъ, братцы, началъ онъ, весело оглядывая присутствовавшихъ: — господа дѣлаютъ намъ великую честь, къ намъ ѣдутъ. Смотрите же, братцы, держать себя какъ можно въ аккуратъ: ни пьянства, чтобъ этого не было, ни шума, ни шалостей никакихъ: господа этого не любятъ, оборони помилуй! Вотъ еще о чемъ я вамъ хотѣлъ сказать: вотъ вы теперь молчите, а пріѣдутъ господа, ползете къ нимъ со всякимъ вздоромъ—ужь это безпремѣнно... это нехорошо, и господамъ будетъ не въ удовольствіе. Такъ вотъ что, братцы: если у кого есть теперь просьбы какія, недостатки или жалобы, лучше теперь говорите, потому, главная причина, ненадо этимъ господъ беспокоить... Если въ чемъ самъ не смогу помочь, не въ моей будетъ власти, скажите только, все-равно, я господамъ передамъ. Вы меня знаете: значить, вѣру можете дать; ужь я этого никакъ не сдѣлаю, чтобъ, примѣрно, прійдетъ кто изъ васъ да скажетъ: то-то и то-то, а я пошелъ бы, примѣрно, къ господамъ, да сказалъ другое... это ужь на что хуже! Главная причина, ненадо самимъ вамъ ходить, ненадо господъ беспокоить — вотъ что!

— Знамо негодится, на что жь ходить? Мы сами знаемъ! послышалось съ разныхъ концовъ толпы.

— Ну то-то же! объ томъ и я говорю, братцы, что нехорошо, подхватилъ Герасимъ Аванасьевичъ, поглаживая ладонью мокрую

голову (дождикъ усиливался съ каждой минутой): — такъ если у кого надобность есть, говорите теперь, добавлялъ онъ отступая шагъ и закидывая руки за спину.

Съ самаго начала этой рѣчи нѣсколько мужиковъ протискались впередъ; въ числѣ ихъ особенно бросался въ глаза долговязый, желтоголовый Морей. Съ послѣдними словами управителя, онъ неожиданно замахалъ руками и заговорилъ скороговоркою:

— Вели крупу отдать, Герасимъ Аванасьичъ! Тимоѳея Лапша взялъ — не отдаетъ! Я и то господамъ хотѣлъ жаловаться. Спроси у любого — сами нуждаемся; вели отдать.

— Да ты толкомъ говори, не разберешь никакъ. Какая крупа?...

— Лапша, то-есть такъ прозывается, Лапша взялъ... самимъ надобно, подхватилъ-было Морей снова одушевляясь, но Герасимъ Аванасьевичъ не дослушалъ его и обратился къ лысому Карпу Ивановичу, который, въ свою очередь, выступилъ впередъ.

— Тебѣ что?...

— Да вотъ тоже насчетъ денегъ, Герасимъ Аванасьичъ: взялъ — не отдаетъ! говорить: «нѣтути!» о святой еще взялъ...

— Кто?

— Все тотъ же Лапша.

— Братъ того, который бѣжалъ, тотъ самый! Они всѣ въ однова, весь ихній родъ такой! вмѣшался вдругъ кузнецъ Пантелѣй.

— Эхъ! вѣдь вотъ вы какіе! сами дадите зря, безъ толку, потомъ жалуетесь! произнесъ управитель, не обративъ вниманія на замѣчаніе кузнеца. — Эй, Лапша! поди-ка, братъ, сюда! при-молвилъ онъ, отыскивая его глазами.

Изъ толпы послышался удушливый кашель и вслѣдъ затѣмъ выставилась чахлая фигура Тимоѳея; подъ дождемъ она казалась еще плачевнѣе; съ каждымъ шагомъ Лапша подгибалъ колѣни и съ безпокойнымъ ожиданіемъ оглядывался назадъ; но такъ-какъ жены его нигдѣ не было и не было даже надежды, чтобъ она явилась на выручку, потому-что давно ушла домой съ бабами, смущеніе видимо одолевало его все болѣе-и-болѣе; длинныя, костлявыя руки его такъ сильно дрожали, что онъ два раза выронилъ метлу прежде, чѣмъ подошелъ къ управителю.

Увидя должника, Морей мгновенно пришелъ въ неописанное раздраженіе и снова-было замахалъ руками, но Герасимъ Аванасьевичъ остановилъ его.

— Какъ же это ты такъ, Тимошей? снисходительно сказалъ старикъ:—дожилъ до того, что всѣ на тебя жалуются? У этого крупу взялъ — не отдаешь, у этого деньги...

Лапша прищурился и усиленно приподнялъ правую бровь.

— Власть ваша... пробормоталъ онъ.

— Какая тутъ моя власть? Моя власть вотъ какая: коли взялъ, отдать надо—вотъ чтò! а не то, чтобъ доводить до такихъ неприятностей. Бралъ ты у нихъ крупу и деньги?

— Бралъ, произнесъ Лапша, роняя метлу въ третій разъ.

— Ну, такъ чтобъ завтра же было отдано—слышь? Чтобъ господа и не слышали объ этомъ дѣлѣ — слышь?

— Рады бы... не осилимъ, Герасимъ Аванасьичъ! взять не откуда! сказалъ Лапша, совсѣмъ растерявшись.

— Ну, какъ знаешь, а чтобъ долгъ отданъ былъ до приѣзда господъ! вымолвилъ съ нѣкоторою досадою старикъ. — Отчего же другіе ведутъ дѣла свои исправно, какъ слѣдуетъ? Отчего же ты одинъ разорился? Оттого, что на печкѣ любишь обжигаться — вотъ чтò! Плохой ты мужикъ, какъ погляжу я. Эхъ! хуже тебя нѣтъ во всей вотчинѣ — срамъ, просто срамъ — да!... лъвь, да! Въ тебѣ все такое-этакое (Герасимъ Аванасьевичъ подогнулъ колѣни и скорчилъ жалкую физиономію) — да, такое этакое... Ничего нѣтъ такого этакого! (Онъ выпрямился молодцомъ и закинулъ назадъ голову.) Дрянной ты мужичокъ — вотъ чтò! А долги чтобъ были отданы до господъ—это безпремѣнно!... Ну, братцы, дождикъ—то видно зарядилъ не на шутку, подхватилъ управитель, обратившись къ мужикамъ, обступившимъ его съ просьбами: — если кому чтò нужно, приходите завтра утромъ въ контору; теперь сами видите: такъ и льетъ. Ступайте домой! А вы куда, голубушки? вы куда собрались? крикнулъ онъ поспѣшно, направляясь къ бабамъ, которыя повалили изъ дому, какъ-только увидѣли, что мужики пошли къ воротамъ.

— Мы думали, ты насъ отпустилъ по домамъ, бойко сказала востроглазая бабенка, та самая, чтò такъ много хлопотала объ устройствѣ хоровада.

— Это ты съ чего взяла, голубушка? возразилъ Герасимъ Аванасьевичъ:—мужики пошли потому, что дождь; а вамъ развѣ въ домѣ дождь—то мѣшаетъ? Ступай-ка, ступай назадъ!

— Что жъ это такое, бабы? Мужиковъ отпустили, насъ нѣтъ: чѣмъ мы хуже?... Знамо, дождя нѣтъ, а все одно: работа, чай, та же!... запальчиво крикнула бабенка, размахивая руками.

— Ступай, ступай безъ разговоровъ, когда велеть! закричалъ, въ свою очередь, Герасимъ Аванасьевичъ, спѣша къ подъѣзду.— Экая эта скверная бабѣнка! Я вотъ тебя до завтра заставлю полы мыть, когда такъ. Всегда первая затѣйщица! Эка заноза, право! И для господъ—то, и то потрудить себя не хочетъ!

Сказавъ это, старикъ приподнялъ воротникъ синяго сюртука и поспѣшилъ войти за бабами въ домъ. Дождь полилъ какъ изъ ведра.

Первымъ дѣломъ Лапши, когда онъ вернулся въ избу, было, конечно, рассказать женѣ обо всемъ случившемся. Катерина ничего еще не знала о новыхъ жалобахъ и рѣшеніи управителя.

Безпечность Лапши, который наполнилъ избу охами и стонами, началъ жаловаться на ломъ въ поясницѣ и кончилъ тѣмъ, что завалился на печку — окончательно раздражила ее. Никогда не случалось, чтобъ она жаловалась на мужа при постороннихъ; ее удерживало, вѣроятно, самолюбіе, чувство, которое такъ же сильно у жонъ крестьянскихъ, какъ и у всякихъ другихъ, и заставляетъ ихъ иногда, наперекоръ внутреннему убѣжденію, вступаться и горячо стоять за мужей, вовсе этого нестоющихъ. Но теперь ничто ее не стѣсняло: въ избѣ, кромѣ дѣтей и сумасшедшей Дуни, никого не было; она принялась осыпать его упреками:

— Всякій добрый человѣкъ то же скажетъ! говорила она, дѣлая очевидныя усилія, чтобъ не дать волю вскипѣвшей досадѣ: — чѣмъ охать да жаловаться безъ толку, шель бы лучше да дѣло дѣлалъ! Кто просилъ денегъ у Карпа Иваныча? кто ходилъ за крупкою?... Развѣ мы тебя посылали? Самъ хотѣлъ; самъ просилъ! Лѣнь было у нихъ работы просить! Вотъ теперь хоть—бы у Карпа братъ пролежалъ всю пахоту: что жъ ты не сходилъ къ нему, не нанялся?... Вѣрно не сталъ бы онъ тогда на тебя жаловаться! Всякій человѣкъ, въ комъ совѣсть есть, заботу о себѣ имѣетъ, о своей семьѣ; видали ль мы черезъ тебя пользу какую? Вотъ навяжется этакой, прости Господи! весь вѣкъ съ нимъ бейся да мучься! Точно сердце мое чуяло, когда неволей шла за тебя, точно сердце чуяло, какая моя жизнь будетъ... Двадцать лѣтъ колочусь какъ окаянная какая—нибудь, а за чтѣ? Отъ одного брата твоего вся высохла... Шель бы ужъ лучше, когда такъ, оставилъ бы меня одну съ ребятами... Наказалъ меня Господь, наказалъ за тяжкія мои прегрѣшенія!..

На все это Тимошей не отвѣчалъ ни слова; онъ недвижно лежалъ на печкѣ и только жалобами на усиливающуюся боль въ поясницѣ давалъ иногда знать о своемъ присутствіи.

Ребятишки также были очень-смирны, зная по опыту, какъ опасно шутить съ матерью, когда она въ-сердцахъ. Они тихонько играли у двери и исчезали въ сѣни всякій разъ, какъ требовалось рѣшить споръ или начать ссору. Маша, старшая дочь, молча подсобляла матери въ работѣ и казалась скорѣе задумчивою, чѣмъ веселою; даже безумная Дуня какъ-будто понимала всеобщее разстройство: она просидѣла въ углу и, закрывъ голову платкомъ, уткнувъ подбородокъ въ колѣни, ни разу не подала голоса.

Къ вечеру только, когда Маша зажгла лучину, а Катерина собрала ужинъ, изба немножко оживилась. Но и это произошло скорѣе случайно и притомъ благодаря совершенно-посторонней причинѣ.

Ужинъ приближался уже къ концу (что, мимоходомъ сказать, было очень-близко къ его началу), когда со стороны околицы неожиданно раздался пронзительный лай собаки. Въ одно мгновение ока лай подхваченъ былъ всѣми собаками Марьинскаго. Несмотря на шумъ дождя и глухое завыванье вѣтра, который усилился къ вечеру, слышалось, какъ вся эта разношерстная стая стремительно бросилась къ околицѣ. Улица, погруженная до того времени въ тишину невозмутимую, наполнилась вдругъ изъ конца въ конецъ неистовымъ, освирипѣлымъ визгомъ и воемъ. Казалось, собаки разрывали кого-то на части.

— Чего онъ такъ?... ужь не волка ли почуяли?... сказалъ, покашливая, Лапша.

При такомъ неожиданномъ предположеніи, сдѣланномъ Лапшею съ тѣмъ лишь, чтобъ сказать что-нибудь (онъ не разъ ужь покушался вызвать жену на разговоръ), одинъ изъ маленькихъ сыновей его и за нимъ пучеглазый Костюшка быстро ухватились за появу матери, которая готовилась поставить на столъ чашку съ квасомъ; третій мальчикъ, самый младшій, сидѣвшій поодаль отъ братьевъ, выпустилъ изъ рукъ ложку, зажмурилъ глаза, раскрылъ ротъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и вдругъ залился воплемъ.

— Полно, Вася! не плачь! бѣтя такъ только пострашаль... это не волкъ... волки ходятъ только зимою, сказалъ Петя, старшій сынъ, придвигаясь къ маленькому брату, чтобъ взять его на руки.

— Умникъ, батюшка, умникъ! Какіе тутъ волки! Слышь, что Петя-то говорить... Ну, пусти же, пусти! заговорила Катерина, стараясь высвободить свою юбку, но вмѣстѣ съ тѣмъ боясь пошевелить руками, изъ опасенія опрокинуть чашку на столъ: — пусти, говорю, оставь! никакого нѣтъ волка... Маша, отыми ты

ихъ отъ меня... того и смотри, тюрю вею расплескаешь... Приидеть же вѣдь этакое въ голову! заключила она, не взглянувъ даже на мужа.

— Должно-быть, воръ... на мельницу пробирается... произнесъ Лапша, думая этимъ поправить свою ошибку.

Но и это предположеніе оказалось невѣрнымъ.

Посреди визга и лая собакъ, послышалась вдругъ глухая, заунывная пѣсня, которую тянули нѣсколько голосовъ.

— Это нищенки! побирušики! воскликнулъ Петя, смѣясь и оглядывая братьевъ своихъ, которые тотчасъ же умолкли.

Угрюмый, мѣрный напѣвъ дѣлался слышнѣе и слышнѣе; вскорѣ можно даже было различать отрывистыя слова пѣсни. Нищѣ приближались; вмѣстѣ съ ними приближалась и собачья стая. Иногда хоръ какъ-будто ослабѣвалъ и обрывался. Разъяренный визгъ собакъ показывалъ, что пѣвцы принуждены были переносить вниманіе отъ голоса къ собственнымъ ногамъ, которыя слѣдовало защищать отъ нападений; немного погодя, однакожь, басистый голосъ запѣвалъ, гудѣвшій, какъ исполняскій шмель, подхватывалъ съ новою силой:

Жилъ-себѣ сла-а-вень богатъ человекъ,
Пилъ, ѣлъ сладко, кормилъ хорошо.

Къ нему тотчасъ же приставали три другіе голоса, въ числѣ которыхъ особенно заливался одинъ, дребезжащій, какъ у козла, и пѣсня шла своимъ чередомъ:

Лежитъ Лазарь, ле-ежитъ весь изра-а-нещъ,
Съ убожествомъ, съ немочью...

Обойдя такимъ образомъ большую половину деревни, нищѣ остановились передъ избою Лапши; но тутъ, волей-неволей, они должны были замолкнуть.

Волчокъ, сидѣвшій до-тѣхъ-поръ на заваленкѣ, ждавшій, вѣроятно, своей очереди и изрѣдка только присоединявшій свой голосъ къ голосамъ товарищей, которые преслѣдовали нищихъ, ринулся вдругъ со всѣхъ ногъ и, еслибъ который-нибудь изъ нищихъ зазѣвался, онъ, безъ-сомнѣнія, цапнулся бы ему въ икру.

— Эка злущая эта собачонка! проговорилъ Лапша, между-тѣмъ, какъ за окномъ слышалась брань и яростное хрипѣнье Волчка, который цапнулся зубами за палки, подставляемыя нищими.

Секунду спустя, въ окнѣ раздался стукъ, и жалобный, слезливый голосъ прокричалъ:

— Отцы-милостивцы, подайте милостинку во имя Христова!...

— Вотъ нашли у кого просить! самимъ ѣсть нечего! съ горечью произнесла Катерина. Она собрала, однакожь, со стола нѣсколько корокъ и подошла къ окну.

Заслышавъ чужой голосъ, Дуня, продолжавшая сидѣть въ углу, сорвала платокъ, который покрывалъ ея голову, и насторожила слухъ; но едва-только Катерина подняла окно и безумная увидѣла постороннее, незнакомое лицо, она быстро поднялась съ мѣста и спряталась за печку.

— Не взыщите, косатики; больше нѣтути! сказала Катерина, подавая корки нищему, который жадно за нихъ ухватился: — сами нуждаемся... Богъ подастъ!...

— Наши плачутъ, стало и ваши не радуются! замѣтилъ козлячій голосъ.

Катерина готовилась уже захлопнуть окно, какъ вдругъ передъ нею выставилось широкое, багровое лицо Верстанъ.

— Чего тебѣ еще?... Вѣдь дали!... Ступай, братъ, въ другое мѣсто; больше у насъ нѣтъ ничего, сказала Катерина.

— Пусти, косатка, переночевать; вымокли всѣ! забасилъ Верстанъ, оглядывая быстрыми глазами внутренность избы.

— Гдѣ тутъ съ вами возиться! самимъ тѣсно!

— Пусти, родная, присталь Верстанъ:—мы, пожалуй, не даромъ; по коеечкѣ съ человѣка положимъ; насъ четверо; пусти только... хлѣбъ свой... деньги хошь сейчасъ отдадимъ, коли не вѣришь...

— Пусти, тѣтенька, подхватилъ козлячій голосъ:—четыре человѣка, стало два гроша — куча хороша!

Тимосей дернулъ жену за рукавъ и отвелъ ее въ сторону.

— Вотъ вѣдь ты какая! шепнулъ онъ тономъ упрека и какъ-бы поддразнивая ее:—сама ругаешься, говоришь: такой я сякой, а сама что дѣлаешь?... Все черезъ тебя выходитъ... Четыре копейки даютъ—не пуцаешь... Завтра бы деньги-то Карпу отдалъ... А все я во всемъ виноватъ... То-то же вотъ и есть! добавилъ онъ съ выраженіемъ, которое ясно показывало, что онъ вѣрилъ въ дѣльность словъ своихъ.

Катерина только плюнула и пошла убирать со стола.

Но Ланша не обратилъ на это вниманія. Чтобъ окончательно доказать жемъ несправедливость ея обвиненій и показать себя передъ нею дѣловымъ, заботливымъ хозяиномъ, онъ направился къ окну и началъ даже торговаться съ нищими; но такъ-какъ

ему не уступали, и въ-сущности его не столько занимала прибыль, сколько появленіе новыхъ лицъ, бесѣда съ ними и сладкая перспектива высказать имъ несправедливыя гоненія судьбы и людей, онъ тотчасъ же согласился на все.

— Ну да полно вамъ тутъ, о чемъ говорить! словами воздуха не наполнишь! Коли пущать, такъ пущай!... Дождикъ идетъ!... нетерпѣливо крикнулъ козлячій голосъ, и лицо Фуфаева, вымоченное дождемъ, показалось за плечами Верстана.

— Отгони-ка поди собаку-то... такъ и рветъ, прожлятая! скажь Верстанъ.

— Сейчасъ; ступайте къ воротамъ! возразилъ Лапша, захлопывая окно.

— Вотъ вѣдь всегда такъ: во всемъ я помѣха, подхватилъ онъ, останавливаясь передъ женою и высоко приподымая брови: — и такой я, и сякой... а что, кабы не я теперь?...

— Ну, хорошо, хорошо! съ досадою перебила Катерина, поворачиваясь къ нему спиной.

— Да, теперъ хорошо; то-то же вотъ и есть! произнесъ Лапша съ выраженіемъ полного сознанія собственной правоты своей.

Но въ эту самую минуту въ воротахъ раздался страшный стукъ, и Лапша торопливо заковылялъ къ двери.

Минуты три спустя, въ сѣняхъ послышались голоса, шумъ шаговъ, и нищіе, предводительствуемые хозяиномъ, вошли въ избу.

V.

Сдѣлка.

Съ появленіемъ нищихъ, которые посреди окружавшаго ихъ сумрака принимали видъ какихъ-то пугалъ, мальчуганы Катерины побросались съ лавокъ и побѣжали къ матери.

Только Петя и старшая сестра его, Маша, остались на мѣстахъ своихъ; они оглядывали гостей любопытными глазами.

— Здорово, хозяйка! пробасилъ Верстанъ, отряхая мокрую свою шапку.

Вмѣсто отвѣта, Катерина принялась съ сердцемъ кричать на дѣтей, жавшихся у ея понявы.

Фуфаевъ, между-тѣмъ, велѣлъ своему мальчику вести его къ хозяйкѣ. Положивъ руку на плечо ребенка, онъ пошелъ впередъ, оставляя на полу слѣды воды, которой пропитаны были его лохмотья.

— Чего лѣзешь? крикнула Катерина, бросая ухватъ въ уголъ

печки: — чего надо? подхватила она еще нетерпѣливѣе и сдѣлала движеніе, чтобъ оттолкнуть мальчика; но жалкій, изнеможенный видъ Мишки (вожакъ Фуфаева), обезоружилъ ее.

— Здравствуй, хозяйюшка! трещалъ между-тѣмъ Фуфаевъ, моргая бѣлыми глазами: — здравствуй со хозяиномъ своимъ, малыыми цецереватками, со всѣмъ домомъ на многія лѣта! Дай Богъ коровкамъ твоимъ кажинный день доиться, овцамъ кажинный день стричься, одеждѣ не изнашиваться, стѣнамъ не...

— Ладно; ступай только назадъ, въ сѣни: тамъ и отряхивайся! перебила Катерина, сердито оглядывая слѣпаго.

— Это ты насчетъ воды, косатка, что водой полъ вымочилъ? подхватилъ Фуфаевъ: — ты на это не сердчай: вода, слышь, благополучіе — право такъ! Вотъ я тебѣ скажу...

— Оставь; хозяйкѣ не до насъ; полно врать-то! проворчалъ Верстанъ, дергая его за рукавъ: — враль, враль, да и къ ужину оставилъ...

— А то какъ же безъ ужина-то? неожиданно воскликнулъ Фуфаевъ. Онъ отстранилъ рукою Мишку, который служилъ предметомъ особеннаго любопытства для Пети; потомъ ухватился ладонями за колѣни и принялся отвѣшивать хозяйкѣ низкіе поклоны.

— Хозяйюшка, матушка, голубушка! взмилуйся, косатка, дай поужинать! Многого не просимъ: что хошь давай — не бросимъ! присовокупилъ онъ вдругъ шутовскимъ тономъ, который рѣдко покидалъ его: — намъ хоть щи, больше не ищи! Не о себѣ хлопочу, матушка: мнѣ что? А вотъ съ нами сидитъ богачъ одинъ, капиталы свои имѣеть... знамо, богачи уже всѣ набалованные, безъ ужина никогда не ложится... Дядя Мизгирь, гдѣ ты?...

— Чего тебѣ, бѣшеный? чего надо?... злобно проворчалъ старикъ сквозь беззубыя свои десны.

— О немъ, примѣрно хлопочу, подхватилъ Фуфаевъ: — сама суди, косатушка, какъ ему безъ ужина-то быть — а?... Никакимъ манеромъ нельзя!... Ослбоди горшки изъ невѣли — затѣмъ приѣли... Знамо, косатка, живой человекъ живое и думаетъ!... Эхъ, щами-то какъ знатно папахиваетъ! насмѣшливо заключилъ онъ громко, обнюхивая воздухъ.

Но Катерина обманула ожиданія слѣпаго: шутовскія выходки Фуфаева, вмѣсто того, чтобъ смягчить ее, казалось, еще больше ее раздражали.

— Ступай, ступай! Нѣчего здѣсь баласничать: не за тѣмъ шли

совсѣмъ, сурово сказала она: — вѣдь они ночевать просились, такъ что жь ты сюда, въ избу-то ввелъ? примолвила она, обратившись къ мужу, который, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ввелъ нищихъ въ избу, сохранялъ видъ, какъ-будто самъ не зналъ, что дѣлать съ гостями: — намъ и безъ чужихъ тѣсно! Денегъ вашихъ, что сулили, ненадобно, только освободите избу... Ступай съ ними въ ригу, тамъ и ночуйте... Дай ему, батюшка, палку-то, веди его! заключила она, повертываясь къ жожаку слѣпаго, между-тѣмъ, какъ Лапша подмигивалъ Верстану то однимъ глазомъ, то другимъ, давая знать, что жена не въ духъ, и не лучше ли въ-самомъ-дѣлъ уйти въ ригу: вѣдь все-равно — отъ нея теперь ничего не добьешься!

Верстанъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ. Нетрудно было смекнуть, что приступить теперь къ дѣлу, которое привело его къ Ланшѣ, значило бы испортить его навѣрное; онъ рѣшился отложить до утра. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ на своемъ нарѣчьи, подѣйствовали на Фуѣдева лучше всякихъ убѣждений: слѣпой тотчасъ же замолкъ и велѣлъ Мишкѣ вести его къ двери; за нимъ послѣдовали Верстанъ, Мизгирь и Лапша. Последний отсталъ-было отъ нихъ съ очевиднымъ намѣреніемъ сказать что-то женѣ, но яростный лай Волчка, раздавшійся въ сѣняхъ, и крики нищихъ, заставили его поспѣшно возвратиться къ гостямъ.

Дурное расположеніе духа не оставляло Катерины во весь остатокъ вечера. Вернувшись въ избу, Лапша слова отъ нея не добился; онъ и самъ, впрочемъ, неохотно пускался въ объясненія и какъ-будто хотѣлъ показать женѣ, что сердится не на нее; но такъ-какъ неудовольствіе его выражалось подниманьемъ бровей и кашлемъ, то она мало обращала на него вниманія, молча уложила дѣтей, помолилась передъ образами и пошла спать вмѣстѣ съ дочерью въ клѣть, которая отдѣлялась отъ избы сѣнами и выходила на дворъ.

Происшествія этого дня были такого рода, что, думая о нихъ, Катерина долго не могла сомкнуть глазъ. Этому, надо также сказать, не мало способствовалъ Волчокъ. Съ той самой минуты, какъ нищіе ушли въ ригу, онъ не переставалъ волноваться; ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ — то выбѣгалъ къ заднимъ воротамъ, то снова возвращался на обычное свое мѣсто, свертывался кресломъ подъ телегой и снова, безъ всякой причины, летѣлъ на задній дворъ, наполняя стихнувшую оврестность мелкимъ, дребез-

жащимъ лаемъ. Онъ не утомился во всю ночь. На зарѣ лай его разбудилъ Катерину.

Первою мыслью ея, когда она раскрыла глаза, были нищія. Нейстовый вой собаки, которая металась, какъ бѣшеная, подлѣ рига, далъ ей понять, что гости проснулись и, вѣрно, готовятся отправиться въ путь. Катерина поспѣшила предупредить ихъ; она боялась за рубашки, вывѣшенныя наканунѣ на плетень, мимо котораго должны были проходить гости. «Кто ихъ знаетъ, какіе они! Пройдетъ, хватъ, сунуль въ мышокъ — а тамъ ищи поди!» подумала она, торопливо выходя на задній дворъ.

Она тотчасъ же успокоилась, однакожь, увидя бѣлье на своемъ мѣстѣ; сомнѣнія ея окончательно разсѣялись, когда, подойдя ближе къ ригу, услышѣла тамъ голосъ мужа.

— Я бы ништо! говорилъ Лапша своимъ вялымъ, лѣнивымъ, груднымъ голосомъ: — вотъ только съ ней, съ женой-то развѣ не сговоришь никакъ: коли упрется — ну, ничего и не сдѣлаешь!... А я бы ништо; у насъ вѣдь ихъ пятеро, совсѣмъ одолами!... Какъ одинъ-то уйдетъ, все меньше тѣсноты будетъ... Съ ней вотъ только, боюсь, не сговоришь никакъ... Ничего этого въ толкъ не возьметъ... Шутка ихъ поить, растить да кормить! довершилъ Тимошей такимъ озабоченнымъ голосомъ, какъ-будто на немъ одномъ лежали всѣ эти обязанности.

Катерина торопливо перешла на траву, чтобъ не такъ были слышны шаги ея; она приблизилась къ ригу и притаилась за воротами подлѣ плетня.

— Съ чего жъ ей такъ-то артачиться? подхватилъ Верстаиъ: — мы парнишку-то не съѣдимъ, цѣль будетъ! Походить съ нами, опять къ вамъ вернется...

Катерина вошла въ ригу.

— О чемъ это вы тутъ? спросила она, стараясь скрыть свое негодованіе.

— Вотъ... все о Петрушкѣ старикъ толкуеть, сказалъ, переминаясь, Лапша.

— Ну такъ что жъ? сказала она, стискивая губы, начинавшія дрожать отъ сдавленной досады.

— Полюбился добрѣ нашему товарищу твой паренѣкъ! воскликнулъ Фуфѣевъ: — самъ я не видалъ, хорошъ, сказываютъ... весь въ тебя, косатка...

— Да, мальчикъ знатный! проговорилъ Верстаиъ, одобрительно кивая головою.

— Тебѣ-то что жь? Хорошъ! Стало, намъ лучше; при насъ и останется, быстро возразила Катерина.

— Такъ-то, такъ; да что тебѣ въ немъ? Покудова малъ еще, ни въ дѣло, ни въ работу, только хлѣбъ ѣсть! началъ нищій. — Слышь, косатка, отпусти-ка ты его съ нами. Право-ну!... всего на годъ на одинъ... Вишь, вѣдь другіе же отпускаютъ! прибавилъ онъ, указывая на блѣднаго, изнуреннаго Мишку, который стоялъ, какъ живой укоръ родителямъ, которые отдали его нищимъ: — годъ походить съ нами, не понравится—опять къ себѣ возьмешь... Наша жизнь, сама видишь, тяготы большой не имѣетъ... Отдашь на фабрику — хуже измажется...

— Жизнь веселая, тѣтка! перебилъ Фуфаевъ: — слышь, Лазаря пѣть выучимъ! беззаботное житье: вѣтромъ покачивается, дождемъ помачивается, тепломъ попаривается, какъ въ банѣ, право-слово!

— Не даромъ прошу, косатка, подхватилъ Верстанъ, сказавъ на своемъ нарѣчій нѣсколько словъ Фуфаеву, который тотчасъ же замолкъ: — знамо, не даромъ: сколько вотъ товарищъ за своего жока далъ, столько, примѣрно, и я дамъ. По-крайности вамъ хошь польза черезъ него будетъ; одно—деньги возьмете; другое—хлѣба ѣсть не станетъ...

— Слушай же, что скажу тебѣ, воскликнула Катерина, изгибая брови и подходя къ нищему съ стиснутыми кулаками: — коли ты затѣмъ пришелъ—вонъ ступай отселева, вонъ! чтобы духомъ твоимъ здѣсь не пахло, нѣхристь ты этакой!... Проваливай! за-ключила она, выпрямляясь и нетерпѣливо указывая на ворота.

— Да ты послушай прежде, что онъ скажетъ-то... вотъ ты всегда такъ! началъ плачевно Лапша: — выслушай прежде... тринадцать рублей сулить...

— А хошь бы тысячу, по мнѣ все одно! А ты и обрадовался! подхватила она, обратившись къ мужу съ негодующимъ, блестящимъ взглядомъ: — тринадцать-то рублей дороже, стало, роднаго дѣтища?... Долги, говоришь, заплатить надо, хлѣба нѣту?... Коли такая ужъ бѣдность одолѣла, что жь ты самъ не идешь наниматься? а? Ступай съ ними, иди!... Я пока не жалуясь: ребята мои не въ тяготу мнѣ, не скучаю ими! Мнѣ этого, что онъ говорить, ничего этого ненадо! Плюю я на его деньги! Пока сила есть во мнѣ, пока руками владаю, будетъ у насъ и хлѣбъ и одѣжа, какая ни-на-есть—все будетъ!... Да я за срамъ-то за одинъ, что ты говоришь мнѣ объ этакомъ дѣлѣ, не возьму съ тебя

денегъ! Ахъ ты нѣхристь, что выдумалъ! а?... Словно, право, сердце мое вѣчоръ чуяло: недобрые люди пришли... Вонъ же, когда такъ! вонъ, окаянныя! чтобъ ноги вашей поганой здѣсь не было!...

— О чемъ шумишь-то?... проговорилъ-было Верстанъ; но Катерина разразилась такимъ негодованіемъ, что онъ счелъ уже лишнимъ продолжать переговоры.

Онъ снова сказалъ нѣсколько словъ на своемъ нарѣчїи; товарищи его перекинули мѣшки за спину и приготовились оставить ригу. Но каждый разъ, однакожь, когда Катерина обращалась къ мужу, Верстанъ пользовался случаемъ и подавалъ ему нѣсколько знаковъ; онъ кивалъ Лапшѣ головою за ригу.

— Съ чего это ты такъ, матушка... Господь съ тобою? Кажись, ничѣмъ тебя не обидѣли... сказалъ онъ, выходя изъ воротъ, между-тѣмъ, какъ товарищи его, повинувшись его знаку, направились къ лугу, куда выходили сараи. — Я такъ, примѣрно, сказалъ о мальчикѣ, къ слову пришлось... Никто тебя не понуждаетъ... Знамо, твое дѣтище; не отдаешь — силой никто не возьметъ...

— Ступай, ступай! одно слово: ступай! крикнула Катерина, нетерпѣливо махнувъ рукою.

Въ ту самую минуту, какъ она обернулась назадъ, Верстанъ подаль Лапшѣ новый знакъ и указалъ ему на лугъ; тотъ кивнулъ головою и медленно поплелся за женою.

Ступивъ на тропинку, ведущую къ заднимъ воротамъ, Катерина раза два взглянула на лугъ и покосилась на мужа; но всякій разъ Лапша принимался кашлять; лицо его дѣлалось такимъ плаксивымъ и жалкимъ, что у нея всякій разъ расходилось сердце, и остатокъ гнѣва, готовый пасть на его голову, ослабѣвалъ самъ-собою.

Кашель продолжалъ душить Лапшу до той минуты, пока жена не исчезла за воротами; онъ весь тогда какъ-будто даже оживился. Постоявъ минутъ пять подлѣ воротъ и время-отъ-времени посматривая въ щели, онъ вдругъ приподнялъ брови и пустился отхватывать задами по направленію къ лугу. У самаго послѣдняго сарая, которымъ оканчивалась деревня, онъ встрѣтился съ нищими; они стояли подпершись палками и, какъ видно, ждали его, потому-что лица ихъ были обращены въ его сторону.

— Ну ужь, братъ, баба у тебя! вотъ такъ ужь баба! сказалъ, посмѣиваясь, Фуфадѣвъ, который узналъ Лапшу по его шагу: — на-

стоящимъ въшикомъ выпарила! А я еще жениться собирался, невѣсту прискивалъ; нѣтъ, спасибо; закажу другу-недругу! ..

— Я вѣдь вамъ сказывалъ, началъ Лапша : — ничего съ ней не сдѣлаешь...

— А ты и поддался ей! грубо перебилъ Верстанъ : — ужь не говорилъ бы лучше, не срамился!... Слышь, добрый человѣкъ, полно ты ее слушать-то; отдай парня; отдай, говорю; ты отецъ—стало, и сынъ твой; дочь у матери, сынъ у отца подь началомъ—ужь это по закону такъ водится... Что ты ее слушаешь! знаю, баба пустоголовая, съ вѣтру врѣтъ, сама своей пользы не вѣдаетъ. И то сказать : съѣдимъ мы, чтò ли, парня-то?... цѣлъ останется... Главная причина, деньги возьмешь, долги отдашь... Потакай ей, она пуще тебя запутаешь; ужь мы видимъ, какая баба : заноза!... Може-статься, и пропалъ-то все черезъ нее. Видано ль дѣло, чтобы баба такое распоряженье имѣла?... Плюнь ты на нее, не слушай! Спасибо скажешь, добрый человѣкъ попался, къ добру наставилъ... Деньги возьмешь, долги отдашь... Самъ, вѣдь, сказывалъ : нѣтъ тебѣ покою ни днемъ, ни ночью.

Въ короткій промежутокъ свиданія съ нищими сегодня утромъ и наканунѣ Лапша дѣйствительно успѣлъ уже передать имъ почти всѣ свои горести. Онъ, какъ уже сказано, никогда не пропускать случая жаловаться на горькую судьбу свою; минуты эти были для него лучшими во всей его жалкой жизни; онъ какъ-будто оправдывалъ тогда самъ передъ собою свои слабости и, полный чувства собственной правоты, начиналъ тотчасъ же бодриться. Обвиняя Катерину, будто она во зло употребляла свою власть, Верстанъ сильно польстилъ ему; Лапша не подтверждалъ обвиненій, не бранилъ жены, но за-то, каждый разъ, какъ заходила рѣчь о ней, опускалъ брови, пожималъ плечами, подгибалъ колѣни и очень-охотно принималъ видъ жертвы.

Но все, чтò ни говорилъ Тимоѳею о горькомъ своемъ положеніи, уже было извѣстно нищимъ, особенно Верстану. Ясно видно было, что Филиппъ распоясался наканунѣ за попойкой и, передавъ имъ кой-какія подробности о братѣ, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вѣрнѣе на него дѣйствовать. Старый нищій, надо отдать ему справедливость, ловко пользовался урокомъ: онъ то возбуждалъ въ немъ бодрость, говорилъ ему, что онъ, глава семьи, можетъ распоряжаться сыномъ какъ хочетъ, совѣтовалъ забрать жену въ руки; то начиналъ пугать его, принимался выщипывать долги его, напоминалъ ему о пріѣздѣ господъ, сожалѣлъ о немъ,

говорилъ, что господа, наскучившись жалобами на него, вѣрно сошлютъ его на поселеніе. Тринадцать рублей, конечно, деньги небольшія, но онъ составляли почти половину долга; отдавъ ихъ, Лапша, безъ-сомнѣнія, спасалъ себя отъ половины жалобъ— судьба его тогда значительно облегчалась... Такъ говорилъ Верстанъ. Не было сомнѣнія, что старый нищій хлопоталъ такъ много совсѣмъ не потому, что мальчикъ полюбился ему или пришелся по вкусу: онъ о немъ мало даже думалъ; ему было все-равно этотъ ли, третій, десятый; въ нахмуренныхъ, плутоватыхъ глазахъ его очевидно проглядывало какое-то намѣреніе. Мальчикъ самъ-по-себѣ; но онъ смекнулъ, видно, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и убѣждалъ такъ сильно Тимоѣея, имѣя, вѣроятно, въ мысляхъ воспользоваться его простотою.

Въ началъ разговора Фуфѣевъ часто ввертывалъ прибаутки, которыя для всякаго другаго, кромѣ Лапши, служили бы предостереженіемъ; но подь-конецъ, движимый чувствомъ товарищества и, вѣроятноже, опасенія (несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Верстанъ владелъ страшною силой; величина кулаковъ его была соразмѣрна его исполинскому росту), Фуфѣевъ перешелъ на сторону нищаго и сталъ ему поддакивать. Подъ вліяніемъ того же чувства, къ нему раза два присоединился и дядя Мизгирь.

— Ну, такъ какъ же, добрый человекъ, по рукамъ, стало-быть? сказалъ Верстанъ, когда убѣдился, что дѣло почти сдѣлано.

— По-мнѣ хошь сейчасъ... возразилъ Тимоѣей, молодцовато потряхивая головой и приподымая брови чуть не до корня волосъ.

— Ладно. Стало, и разговаривать нѣчего...

— Такъ-то, такъ... началъ Лапша и вдругъ снова сплюснулся, какъ пузырь, въ которомъ прокололи дырку.

— Чтò жь еще?...

— Сумнѣваюсь... насчетъ, примѣрно... какъ я его теперь выведу, мальчишку-то... Увидить она, ни за чтò не дастъ... ничего съ ней не сдѣлаешь... Кабы вечеромъ...

— Знамо, не теперь! знамо, вечеромъ, какъ стемнѣеть... къ ночи дѣло будетъ...

— Ночь matka—все гладко! подсказалъ Фуфѣевъ, сдѣлавъ выразительный жестъ.

Онъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ товарища касательно Лапши; онъ понялъ только, что Верстанъ назначилъ ночь съ тою цѣлью, чтобъ приведенному мальчику труднѣе было найти до-

рогу, въ случаѣ, еслибъ онъ захотѣлъ вернуться назадъ, чтò, по всѣмъ вѣроятностямъ, и случится.

— Теперь, продолжалъ нищій: — теперь ступай прямо къ вашему управителю; возьми видъ мальчику, примѣрно, отпускъ такой... Скажи, отдаешь, молъ, на жительство, либо въ работу какую... онъ дастъ. Скажи только, къ примѣру такъ: деньги дають за парня, долги хочу уплатить... Онъ и то, сказывалъ ты, стращаль тебя... Отказу, стало, не будетъ... Возьмешь видъ (намъ безъ этого опасливо: мало ли какого народу на дорогъ попадается!), дома мотри ни гу—гу!.. А вечеръ придетъ, смеркнется, возьми его, скажи: «въ поле иду...» Мы тебя станемъ дожидаться. Знаешь лѣсъ... какъ, чай, не знать? ну, вонъ, чтò мимо то старая черневская дорога проходить? Туда и ступай; тамъ и ждать будемъ... Аукни только — тутъ и есть! сейчасъ откликнемся ..

— Вотъ такъ ужъ расписалъ! Ай-да Верстанъ! Словно языкъ-то масломъ смазали! затѣтилъ Фуфѣевъ.

Верстанъ, для большей вѣрности, снова привелъ на память Лапшѣ долги его, постращаль его прїѣздомъ господъ, выставилъ ему на видъ ссылку на поселенье, коснулся съ насмѣшкою Катерины и такъ ловко сѣумѣлъ возвысить Лапшу въ собственномъ его мнѣнїи, что тотъ, подъ-конецъ, снова началъ молодецествовать. Послѣ этого, нищій заставилъ его побожиться, что не обманетъ, и ударился съ нимъ по рукамъ.

— Ну, Мишка, радуйся, товарища нашли! провозгласилъ Фуфѣевъ, направляя бѣлые зрачки свои къ жожаку, который стоялъ во все это время подпершись палкой и робко поглядывалъ на говорившихъ: — веселись, Мишка, пляши! наша, значитъ, взяла! подхватилъ Фуфѣевъ и принялся выдѣлывать какія-то колѣнца, но Верстанъ толкнулъ его, сказавъ, что время отправляться.

Всѣ трое простились съ Лапшою, повторили ему, что стануть ждать его въ лѣсу послѣ заката, и поплелись къ дорогѣ, которая вилась по лугу и пропадала за рощей.

Вскорѣ и сами они пропали изъ виду.

Какъ ни былъ бодръ Лапша, онъ не пошелъ, однакожь, домой по улицѣ. Ему нѣчего было теперь бояться встрѣчи съ Мореемъ и дядей Карпомъ: онъ не сегодня, такъ завтра могъ отдать одному крупу, другому — деньги; но Лапша очень-основательно рассудилъ, что встрѣча съ ними будетъ заключать въ себѣ нѣчто даже прїятное, когда въ рукахъ его будутъ вѣрныя средства за-

жать имъ ротъ; возможность зажать имъ ротъ, восторжествовать надъ ними въ ту минуту, какъ они набросятся на него съ новыми угрозами, представлялась воображенію Тимоѳея блистательной побѣдой, торжествомъ надъ Морѣемъ и Карпомъ.

Настроившись подѣ такой ладъ, онъ твердою поступью выступалъ по задамъ Мѣрынского. Въ болѣзненныхъ, вялыхъ чертахъ его проглядывало что-то настойчивое, упрямое, что даже легко было принять за твердую рѣшимость; но у людей слабыхъ упрямство часто съ успѣхомъ замѣняетъ твердость духа; вооруженные имъ, они дѣлають иногда чудеса, достойныя энергическихъ характеровъ.

Какъ бы ни сильна была степень упрямства Лапши, трудно предположить, чтобъ оно не разлетѣлось въ дребезги отъ соприкосновенія истинно-твердаго, энергическаго духа Катерины. Встрѣться теперь жена—рѣшительность его вѣрно бы поколебалась; но Катерина не встрѣтилась. Узнавъ, что она ушла на прудъ, Тимоѳея сдѣлался еще молодцоватѣе, еще выше приподнялъ брови.

Опасаясь толковъ, пересудовъ и подозрѣній, которые могли возникнуть въ случаѣ, еслибъ увидѣли его, входящаго въ контору, онъ разсудилъ, что лучше будетъ попасть туда, обогнувъ барскій садъ и гумно. Такъ онъ и сдѣлалъ: онъ вошелъ въ контору не прежде, какъ внимательно осмотрѣвшись на всѣ стороны.

Ницкій угадалъ вѣрно: Герасимъ Аѳанасичъ не сдѣлалъ ни малѣйшихъ затрудненій касательно отпуска мальчика. Онъ не освѣдомился даже, куда отдаютъ его, полагая, что отецъ, вѣрно, съискалъ ему хорошее мѣсто: стараго управителя уже радовало, что деньги, вырученныя за Петю, избавятъ господъ отъ жалобъ, которыми грозили Морей и Карпъ. Впрочемъ, Герасиму Аѳанасевичу въ настоящую минуту было не до разбирательства: онъ готовился ѣхать въ городъ для разныхъ хозяйственныхъ закупокъ, и потому находился въ страшной суетѣ.

Пять минутъ спустя послѣ появленія Лапши въ контору, онъ вышелъ оттуда, снабженный запиской, въ которой значилось, что «такого-то уѣзда, такой то вотчины отпускается мальчикъ Петръ Тимоѳеевъ на заработки, срокомъ на годъ отъ нижеписаннаго числа...» Внизу была конторская печать и подпись управителя.

Но осторожность, соблюдавшаяся Лапшою при выходѣ изъ конторы, оказалась лишнею: едва подошелъ онъ къ лабиринту клѣ-

тушекъ, гдѣ помѣщались дворовые, какъ его окликнули по имени; онъ успѣлъ только засунуть отпускъ за пазуху. Обернувшись въ ту сторону, откуда раздался голосъ, онъ почти насунулся на молодого, бѣлокураго парня; который тотчасъ же полѣзъ съ нимъ цадоваться. Сукоцный жилетъ съ синими, стеклянными пуговицами, синій кафтанъ, сапоги и волосы, зачесанные въ скобку, обличали въ немъ мастераго; но въ лицѣ его не было видно ни бойкости, ни самоувѣренности, свойственной этому классу народа: круглая, какъ бы немножко-припухшія черты его, полны были кроткаго, добродушнаго выраженья. На толстыхъ губахъ его сіяла такая полная, такая добрая улыбка, что, взглянувъ разъ на лицо парня, никакъ нельзя было вообразить его безъ этой улыбки; она бросалась въ глаза прежде носа, глазъ, и рѣшительно поглощала остальные черты.

— Здравствуй, дядя Тимошей, здравствуй! радостно заговорилъ онъ, снова принимаясь чмокать Лапшу:—а я, признаться, ждалъ тебя... я вѣдь видѣлъ, какъ ты въ контору-то шелъ... Дай, думаю, погожу.

— Здравствуй, Ваня, произнесъ тотъ, плачевно прищуриваясь.— Слышь, не сказывай только объ этомъ... не говори, примѣрно, что видѣлъ меня въ конторѣ; особливо нашимъ не сказывай, сдѣлай милость такую!.. Ходилъ, просилъ управителя, насчетъ, то-есть, нельзя ли долгишки обождать... боюсь народъ болтать начнетъ... не говори, косатикъ!

— Зачѣмъ говорить! сказано: не надо — ну, и нѣчего, стало-быть...

— То-то, братецъ! А то народъ-то нашъ очень ужъ сталъ завистливъ... и то поѣдомъ съѣли. Такъ обвиняли! такъ-то ужъ нуждаемся... и—и—и!..

— Слышалъ, слышалъ! сказалъ Ваня, тоскливо качая головой, но не покидая, однакожъ, своей улыбки.— Я какъ-только пришелъ, дядя Тимошей, сейчасъ о васъ спросилъ: какъ, примѣрно, живете, всѣ ли живы-здоровы...

— Ты что жъ это изъ города-то, съ оброкомъ, чѣ ли? разсвѣяно освѣдомился Лапша.

— Да; одна статья — оброкъ; другая статья — хочу просить, чтобы здѣсь оставили: больно по деревнѣ соскучился... Хоша и нѣтъ никого сродственникововъ, а все на своихъ поглядѣть хотѣлъ. Ужъ кажется, какъ хорошо было жить! Хозяинъ добрый, работой не отягощаетъ; мы вѣдь больше по обойной части—дѣло неболь-

ной тягости и жалованье также хорошее получаемъ, а все сюда такъ тебя и тлеть. Можетъ-статься, господа прївдуть; попробуешь—здѣсь оставить, здѣсь поживу...

— Ну, ну, прощай, Ваня; мнѣ недосугъ... есть дѣло одно... Смотри же не сказывай... особливо коли нашихъ увидишь. Къ намъ потомъ заходи, добавилъ принужденно Лапша.

— Какъ же! ужъ это безпремѣнно! радостно вообразилъ Иванъ, причемъ улыбка его засіяла еще пуще прежняго.

Во весь остатокъ этого утра Тимошей тщательно избѣгалъ встрѣчи съ женою. Когда время обѣда соединило ихъ вмѣстѣ, усадило за одинъ узенькій столъ другъ противъ дружки, Тимошей и тогда старался не смотреть на жену; онъ не переставалъ кашлять, всячески норовилъ показать, что ему сильно нездоровится. Безпокойный, встревоженный видъ его точно легко было принять за нездоровье. Катерину все это мало трогало; она также, казалось, избѣгала взглядовъ его и разговоровъ. Но сколько мрачны и молчаливы были отецъ съ матерью, столько веселы и говорливы были дѣти; особенно отличалась на этотъ разъ Маша, старшая дочь Катерины. Всегда спокойная и тихая, она теперь на себя была непохожа: съ той самой минуты, какъ отецъ, возвращаясь домой, сказалъ ей о приходѣ Ивана въ Марьинское, она вдругъ повеселѣла. Откуда что взялось у нея: она неутомимо смѣялась съ маленькими братьями, ходила по всему дому, дѣлательно пособляла матери въ хозяйственныхъ хлопотахъ, причесала и повязала платкомъ голову безумной Дуни, которая въ эти два дня совсѣмъ почти не была дома; даже теперь, во время обѣда, Маша говорила и смѣялась больше другихъ; но отецъ и мать, занятые каждый своими мыслями, не замѣтили этой внезапной перемены.

Тимошей поднялся съ лавки прежде всѣхъ; онъ выпелъ въ огородъ, прошелся раза два-три взадъ и впередъ по тропинкѣ, вошелъ потомъ въ ригу и легъ на солому. Но ему что-то не спалось: сколько ни воротался онъ съ боку на бокъ, сколько ни лежалъ съ закрытыми глазами—сонъ не являлся. Онъ снова вернулся въ избу и влѣзъ на печку; но и тамъ было ему какъ-то неловко; то же самое повторилось и на полатяхъ и на лавкѣ; словомъ, куда ни переходилъ онъ, куда ни укладывался—нигдѣ не лежалось. Соскучившись, видно, переключившись съ мѣста на мѣсто, взялъ онъ шапку и вышелъ на дворъ; но ему не стояло точно такъ же, видно, какъ и не лежалось; со двора перешелъ онъ

въ огородъ, изъ огорода снова перешелъ на дворъ; подойдетъ къ лугу, поглядитъ, поглядитъ, потрясетъ головою и снова идетъ къ дому.

Въ одну изъ этихъ прогулокъ онъ встрѣтился съ Петей.

— Куда ты, бѣтя? спросилъ мальчикъ, взглянувъ на шапку отца.

При этомъ вопросѣ, Лапша поперхнулся и кашель одолевъ его до-того, что онъ долго потомъ держался обѣими руками за грудь.

— Хотѣлъ вотъ пройти въ лѣсъ... сказалъ онъ, боязливо поглядывая на стороны: — я чай теперь послѣ дождя-то грибовъ куда много...

— Возьми меня съ собою! весело крикнулъ мальчикъ, какъ-бы зная впередъ, что отказа не будетъ.

— Ладно .. пойдѣмъ... возразилъ Лапша, сопровождая каждое слово тяжелымъ побрякиваньемъ и безпокойными взглядами. — Въ избѣ есть кто-нибудь? примолвилъ онъ.

— Нѣтъ, ушли всѣ. Мама и Маша пошли къ пруду; братья на улицѣ съ ребятами.

— Пойдѣмъ-ка въ избу, сказалъ отецъ, оглядывая мальчика щурившимися глазами: — я чай, одѣться надо... шапку возьми... лапти надѣнь...

— Э! мнѣ ничего!.. вѣдь теперь лѣто; я и такъ пойду... Тепло! крикнулъ мальчикъ, засучивая свои штанишки.

Но Лапша, въ которомъ все болѣе-и-болѣе замѣтно было смущеніе, сказалъ, что они пойдутъ далеко, что ночь можетъ захватить ихъ на дорогѣ, что рѣсы велики, такія теперъ рѣсы, хуже дождя вымочить!

Они вошли въ избу.

Тимоеей сталъ пособлять ребѣнку надѣвать лапти.

— Э-э! крикнулъ онъ неожиданно, опустилъ вдругъ руки и тоскливо замоталъ головою.

— Чтò ты, бѣтя?

— Такъ... что-то все нездоровится... что-то... произнесъ Лапша, но снова какъ-будто ободрился и сказалъ: — пойдѣмъ, бери шапку.

— То-то мамка-то подивится, какъ мы ей грибовъ-то принесемъ! воскликнулъ Петръ, радостно выходя на крылечко: — вòтъ какой ворохъ ей навалимъ грибовъ-то! подхватилъ онъ, подымая худенькую руку на аршинъ отъ земли: — слышь, не взять ли кувова?

— Нѣтъ... мы такъ... лучше въ шапку, либо за пазуху...

— Ну, ладно! и мальчикъ запрыгалъ впередъ по тропинкѣ, сопровождаемый отцомъ, который спѣшилъ миновать огородъ и съ каждымъ шагомъ оглядывался назадъ.

— Мы, Петя, лучше нашимъ оврагомъ пойдемъ къ лѣсу-то... Тутъ, знамо, ближе.

— Ну, что жь! пойдемъ!.. Я, батя, съ тобой до смерти люблю ходить! воскликнулъ Петя, лицо котораго сіяло радостью и красно-рѣчиво подтверждало слова его. — Ну, чтѣ съ ребятами-то пойдешь? кричать только, балуются, дерутся... Да и далеко-то въ лѣсъ не ходятъ: все говорятъ: «волкъ! волкъ!» Я чай только страшатъ—а?..

— Знамо, страшатъ, разсѣянно проговорилъ отецъ. — Ты, Петя, если увидишь кого... по дорогѣ идти, ты, мотри, скажи... прибавилъ онъ, ускоряя шаги.

Съ этой минуты, веселые, ласковые глаза мальчика начали съ лѣтской заботливостью устремляться во всѣ части широкаго луга, который развѣтывался все шире и шире, по мѣрѣ того, какъ оба они удалялись отъ деревни; но никого не замѣтилъ мальчикъ.

— А чтѣ, батя, гдѣ-то теперь нашъ дѣдушка Василій? Я чай далеко теперь?.. неожиданно спросилъ Петя, когда оба очутились на днѣ глубокаго оврага.

— Кто его знаетъ?.. Надо быть далеко...

— То-то добрый старичокъ какой! ужъ такой-то добрый! такой добрый!.. простодушно сказаъ ребенокъ:—вишь какой образкъ подарилъ! ни у кого нѣтъ такова... Вечоръ мамка обшила его холстинкой, на шнурокъ привѣсила «вѣкъ, говорить, носи! память, говорить, отъ добраго человѣка!» Я и то буду носить... самодовольно довершилъ онъ, запрятывая образкъ за пазуху.

Долго шли они оврагомъ и еще дольше шли полями. Съ каждымъ шагомъ впередъ, Лапша дѣлался безпокойнѣе и молчаливѣе; ребенокъ, напротивъ, не переставалъ скакать и болталъ безъ умолку.

— Гдѣ жь, батя, лѣсъ-то? спрашивалъ онъ время отъ времени.

— Не видать еще; скоро будетъ видно...

Они перешли старую черневскую дорогу; мѣстность пошла скатомъ, и передъ ними открылся лѣсъ.

Косые лучи солнца, которое клонилось къ горизонту, обливали золотымъ блескомъ безкрайныя поля, слившіяся во всѣ стороны;

одинъ только лѣсъ, изгибавшійся острыми углами и глубокими впадинами, предстарялся темнымъ, мрачнымъ пятномъ посреди сіявшей окрестности.

Тимоеей и маленькій сынъ его не замедлили достигнуть опушки и вскорѣ совершенно скрылись изъ виду.

VI,

Открытие. — Пѣдиски.

Свѣтлая майская ночь смѣнила уже сумерки; небо устано было звѣздами, и окрестность постепенно освѣщалась серебристымъ блескомъ мѣсяца, который всплывалъ надъ темнымъ горизонтомъ, когда Лапша снова очутился на лугу.

Первый человекъ, который увидѣлъ его, была та самая востроглавая, торотѣрливая бабенка, слышавшая въ Мѣршинскомъ первой запѣвалкой и хороводницей. Она выбѣжала на лугъ выкликать тѣлку, которая нигдѣ не отыскивалась, и прямѣкомъ налетѣла на Тимоея.

— Охъ! пронзительно вскрикнула она, откидываясь въ сторону; но испугъ ея прошелъ мгновенно, какъ-только всмотрѣлась она въ черты мужика.

— Фу, какъ ты меня испугалъ! Я думала и Богъ знаетъ кто! заговорила она, поглядывая на Тимоея, котораго мѣсяцъ цѣлкомъ освѣщалъ съ головы до ногъ: — батюшки! да ты никакъ хмѣлень? И то хмѣлень!.. Гдѣ это тебя угораздило? примолвила она со смѣхомъ.

Тимоеей действительно качался изъ стороны въ сторону; онъ бессмысленно водилъ шальными глазами; волосы его торчали въ беспорядкѣ; рубашка и ноги были выпачканы грязью; онъ держался обѣими руками за грудь, изъ которой вырывалось глухое хрипѣнье.

— Гдѣ жъ ты это былъ-то? а?.. подхватила она:—словно лѣшій какой выпачкался, право!.. Чтѣ ты? примолвила она, пристальнѣе вглядываясь въ Тимоея, который вдругъ страшно засталъ: — чтѣ съ тобой дѣлается? ась?..

— Расшибся... охъ!.. въ вертепъ упалъ, расшибся... добрѣ... слабымъ, сдавленнымъ голосомъ произнесъ Лапша, продолжая водить глазами и покачиваться съ ноги на ногу. Онъ очевидно былъ хмѣлень.

Востроглазая бабѣнка, надо полагать, совершенно удовольствовалась этимъ объясненіемъ. Она оглянула его еще разъ и пустилась по дугу, покрикивая пискливымъ голосомъ: «пусень! пусень...»

Лапша простоялъ минуты двѣ на одномъ мѣстѣ, страшно распяливая глаза и какъ-бы желая припомнить, гдѣ онъ. Наконецъ, сознание будто возвратилось къ нему; онъ продолжалъ путь; но не столько, казалось, управляла имъ мысль, сколько тяжесть туловища, головы и рукъ, которые сами собою наклонялись къ землѣ и влекли его впередъ. Онъ машинально добрелъ до своей риги; ворота были заперты; онъ пытался нѣсколько разъ открыть ихъ, но не осилилъ и повалился у входа лицомъ къ землѣ.

А между-тѣмъ въ домъ у него еще бодрствовали; спали только маленькія дѣти. Катерина и Маша стояли подъ уличными воротами; онъ очевидно ждали чего-то.

— Диковинное дѣло, право! не идетъ, да и полно! сказала Катерина, въ сотый разъ выглядывая на улицу.

— Должно быть, съ ребятишками' убѣгъ куда-нибудь... Далекое, можетъ, зашли, замѣтила Маша.

— Куда имъ зайти? Ночь давно... Давно бы' прійти пора. Этого никогда не бывало, чтобъ малые ребятѣнки по ночамъ шлѣлись! нетерпѣливо возразила мать.

Услыша дѣтскіе голоса недалекое отъ околицы, она вышла изъ-подъ воротъ и, сопровождаемая дочерью, пошла по улицѣ.

— Петруша! крикнула она: — Петя!

— Я здѣсь! отозвался голосъ.

Катерина ускорила шагъ.

— Петя, ты? спросила она, приближаясь къ группѣ мальчишекъ.

Это точно былъ Петя, но только не ея сынъ, а бѣлокурый, кѣрноносый мальчуганъ.

— Ума не приложу! сказала она, обнаруживая на этотъ разъ очевидное безпокойство.

Она медленно возвратилась къ избѣ своей и сѣла на заваленку.

Дѣтскіе голоса стали умолкать; на улицѣ становилось все тише и тише; кое-гдѣ слышался говоръ мужиковъ и бабъ, которые сидѣли подлѣ воротъ своихъ. Мѣсяцъ поднялся уже выше крышъ, и дальняя часть улицы, которая находилась до-сихъ-поръ въ тѣни, начала озаряться голубоватымъ свѣтомъ. Но Петя все еще не являлся.

— Вотъ такъ-то : сидишь-сидишь, ждешь-ждешь, и нивѣсть, право, что въ голову приходитъ! проговорила Катерина съ грустнымъ оттѣнкомъ въ голосъ. — Ужь не пошелъ ли онъ на мельницу?... въ воду не упалъ ли?... Да нѣтъ, пришли бы, сказали... Главная причина потому больше беретъ сумнѣнье : больно мальчикъ-то смиренъ ; нѣтъ этого у него, чтобъ онъ баловать сталъ, либо сунулся зря куда ни попало...

— Слышь, матушка, да вотъ онъ гдѣ! радостно воскликнула Маша : — не пошелъ ли онъ съ ребятами въ ночную, лошадей стеречь?... Пойдемъ, спросимъ-ка, пока не ушли еще...

Онъ встали и проворно пошли къ околицѣ. Не дойдя еще до конца улицы, онъ встрѣтили двухъ мальчиковъ, которыхъ звала бабушка, сидѣвшая у избы.

— Ребята, не видали вы, не пошелъ мой Петрушка съ ребятами въ ночную?

— Нѣтъ.

— Кто же въ ночную-то поѣхалъ?

— Двое : Костюшка Дороѣвевъ, да Васька Кузнецовъ, только одни и поѣхали...

— Чай, дядя Степанъ съ ними, съ живостью подхватилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Знамо, съ ними; да вѣдь она про ребятъ спрашиваетъ. .

— Ахъ ты Господи, Творецъ небесный! да гдѣ жъ онъ? произнесла Катерина взволнованнымъ голосомъ.

— Ты это о чемъ, косатка? спросила, подходя къ ней, старуха, сидѣвшая на заваленкѣ и призывавшая мальчиковъ.

— Да вотъ, тѣтушка, парнишка пропалъ у меня, начала Катерина, оглядываясь вокругъ и прислушиваясь къ каждому крику, срывавшемуся время-отъ-времени съ отдаленныхъ полей: — боюсь, не прилучилось бы чего, нивѣсть куда дѣлся...

— И-и, косатка, чему случиться! Вѣдь онъ съ отцомъ ушелъ, спокойно возразила старуха.

— Какъ, съ отцомъ? Когда?

— Да нѣтъ, вечеромъ... Тѣтка Арина въ роцу ходила; идетъ оттуда, а они идутъ... Прошли, говорить, лугомъ-то, да въ оврагъ и схоронились...

— Вишь, матушка, а ты сумнѣвалась! сказала Маша : — я говорила : ничего!

— Да развѣ отецъ-то не привелъ его? спросила старуха.

— Онъ самъ не приходилъ, самого дома нѣтъ, сказала Маша.

— Чтò ты, косатка? онъ давно дома; его давно видѣли! возразила старуха. — Эй, невѣстка, а невѣстка! крикнула она, обернувшись къ избѣ.

— Ась? отозвался дребезжащій голосъ, по которому присутствующія узнали востроглазую запѣвалку.

— Ты, никакъ, говорила, Тимоѳея, катерина мужа встрѣла?... спросила старуха.

— А чтò?

— Да вотъ, говорятъ, дома его нѣтути... Съ нимъ парнишкато его былъ?...

— Нѣтъ, одинъ шелъ... да добрѣ очень ужъ хмѣлень, бормочеть невѣсть чтò... не разберешь ничего... расшибся, говоритъ, въ вертепъ упалъ... Какой, я чай! должно-быть, по дорогамъ валялся... Нѣтъ, парнишки съ нимъ не было...

Съ послѣдними словами Катерина, волненіе которой возрастало съ каждой секундой, повернулась къ дому и пошла быстрѣе прежняго. Маша, слѣдовавшая за нею, нѣсколько разъ забѣгала впередъ и съ удивленіемъ поглядывала на мать: дыханіе Катерины было такъ тяжело и порывисто, что слышалось въ десяти шагахъ. Она не могла дать себѣ отчета въ томъ, чтò чувствовала; ей хотѣлось только, болѣе чѣмъ когда-нибудь, увидѣть своего Петю. Вопреки ободрительнымъ мыслямъ, которыми старалась она подкрѣплять себя, смутное, но тягостное предчувствіе чего-то нелюбого тѣснило ея сердце и волновало кровь. Шагъ ея постепенно ускорялся, и наконецъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ избы, она бросилась бѣжать. Минута — и она была въ избѣ; еще минуты довольно было ей, чтобъ убѣдиться, что мужа тамъ не было. Она выбѣжала на дворъ и безъ оглядки пустилась къ ригѣ.

Тимоѳея лежалъ у воротъ въ томъ же положеніи, какъ мы его оставили. Надо думать, въ первую минуту своего паденія въ вертепъ, онъ не почувствовалъ, какъ сильно расшибся; этому способствовалъ отчасти, можетъ-быть, и хмѣль; и наконецъ, въ первую минуту ушиба часто не такъ страдаешь, какъ послѣ. Боль въ груди его, вѣроятно, только теперь начинала сказываться; онъ стоналъ, какъ умирающій.

Подбѣжавъ къ нему, Катерина оглянулась вокругъ; этотъ взглядъ убѣдилъ ее, что Петруши здѣсь не было. При этомъ, она совершенно какъ-будто растерялась, бѣшено бросилась на мужа и съ

силою, которая дается въ минуты отчаянья, подняла его какъ тряпку.

— Гдѣ Петя?... крикнула она, прислоняя его къ воротамъ:— гдѣ Петя?... повторила она, вѣпляясь ему въ рубашку, которая заходила изъ стороны въ сторону вмѣстѣ съ Лапшою:— гдѣ?... Говори, говори!...

— Матушка... простоналъ Тимоѳей, подгибая колѣни.

— Гдѣ сынъ? гдѣ Петя?... снова закричала она, бѣшено встряхивая его.

Маша бросилась—было къ матери, думая удержать ее, но та оттолкнула ее и снова приступила къ мужу, требуя отъ него отвѣта.

— Не знаю... ничего не...

— Врешь, разбойникъ! тебя видѣли съ нимъ!... Говори... говори! задушѣ!.. кричала Катерина въ какомъ-то бѣшеномъ изступленьи.

Рыданія заглушили вдругъ голосъ Тимоѳея, и онъ произнесъ едва-внятно:

— Они денегъ... денегъ посулили...

— Кто? вымолвила Катерина, у которой пробѣжалъ холодъ въ волосахъ.

— Нищѣ...

— Гдѣ жъ Петя?... пробормотала она, опуская руки, которые какъ-будто вдругъ отнялись у нея.

— Они увели... силой отняли...

Страшный, раздирающій душу вопль вырвался изъ груди Катерины; она схватила себя за волосы и вдругъ бросилась бѣжать, какъ сумасшедшая, къ улицѣ, не переставая кричать на всю деревню:

— Батюшки! парнишку украли! Спасите, родные! помогите! Парнишку увели... силой отняли!... спасите! увели!... Крики эти, раздавшіеся еще звонче посреди ночнаго затишья, мгновенно всполошили бабъ и мужиковъ, остававшихся на заваленкахъ; на улицѣ послышались голоса и торопливый шумъ шаговъ.

Выбѣжавъ на улицу, Катерина вторично вырвалась изъ рукъ дочери, которая старалась удержать ее, и прямо кинулась въ контору. Ея вопли и крики переполошили точно также маленькое народонаселеніе, наполнявшее клѣтушки дворовыхъ; въ одинъ мигъ всѣ показались въ дверяхъ; минуту спустя, густая толпа, которую увеличивали прибѣгавшіе съ улицы, обступила плачущую навзрыдъ Машу. Одинъ изъ первыхъ, который подбѣжалъ

къ ней, былъ Иванъ обойщикъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же бросился въ контору.

Онъ засталъ тамъ двухъ писарей и еще старика, которые всячески старались втолковать Катеринѣ, что Герасимъ Аванасьевичъ въ городъ и пріѣдетъ не ранѣе завтрашняго утра; но она продолжала рыдать и биться; она говорила, что надо послать въ погоню за нищими, послать сейчасъ же: иначе разбойники уведутъ мальчика на край свѣта; наконецъ, съ помощью Ивана, который болѣе другихъ хлопоталъ около нея, Катерину кое-какъ уговорили и вывели на свѣжій воздухъ.

Она казалась теперь совершенно уже обезсилѣвшею. Въ одинъ этотъ часъ истратила она, повидимому, всю энергію и силу, которыя поддерживали ее цѣлую жизнь. Еслибъ не Иванъ и Маша, она врядъ ли даже могла бы держаться на ногахъ; голова ея, съ разбросанными въ беспорядкѣ волосами, безжизненно свѣшивалась на бокъ; рыданія разрывали грудь, и потоки слезъ струились по щекамъ ея.

Такъ привели они ее къ избѣ. Во все это время толпа, прибывавшая какъ изъ клѣтушекъ дворовыхъ, такъ и съ улицы, сопровождала ихъ; отовсюду слышались слова удивленья и соболѣзнованія.

У порога избы, гдѣ все напоминало сына, горе окончательно какъ-бы сломило Катерину, отняло у нея послѣднія силы. Это было такъ неожиданно, что Иванъ и Маша не успѣли подхватить ее; она упала на землю и голосомъ, полнымъ страшнаго отчаянья, стала призывать Петю. Иванъ, Маша и нѣсколько бабъ снова принялись уговаривать ее — все было напрасно: она колотилась головою о землю и кричала, чтобъ ей отдали Петю. Иванъ щепнулъ тогда нѣсколько словъ Машѣ и пустился стремглавъ къ ригѣ.

Немного погодя онъ вернулся назадъ, протискался сквозь толпу и привалъ лицомъ къ лицу Катерины.

— Тѣтушка, заговорилъ онъ, силясь приподнять ее: — юлю! встань, очнись! Чѣмъ время-то терять попусту, пойдемъ-ка лучше искать его... Я знаю гдѣ его оставили... Богъ милостивъ, найдемъ! Встань, говорю... право, найдемъ!... слезами ничего не возьмешь... Пойдемъ лучше, пока время...

Она медленно приподняла голову и также медленно начала въ него всматриваться, какъ-бы нехорошо еще понимая слова его.

Иванъ повторилъ ей свою просьбу; Маша между-тѣмъ, приводила въ порядокъ ея волосы и также старалась уговорить ее.

Въ толпѣ всѣ разомъ говорили и махали руками; общій смыслъ всего этого былъ тотъ, что точно времени терять нечего, что если пойти теперь, то можно еще легко напасть на слѣдъ нищихъ.

Мало-по-малу Катерина очнулась.

— Господи! сказала она, оглядываясь вокругъ и осыняя себя крестнымъ знаменіемъ: — Господи, что это такое?... Господи! Творецъ милосердый! подхватила она, становясь на колѣни, подымая глаза къ ясному, усыянному звѣздами небу, и съ горячностью начиная снова креститься: — Господи! спаси его, дѣтище мое ненаглядное! Сотвори, Отецъ небесный, милость мнѣ грѣшной! Не дай, Господи, пропасть ему у злыхъ людей!... Отыми, Господи, силы мои, отыми хлѣбъ мой, дай только взглянуть на него, моего дитятку!...

Говоря все это, она горько плакала, но ужь плакала какъ-то тихо, какъ-бы боясь оскорбить излишнимъ горемъ и недоувѣрчивостью Всевышняго, котораго молила о возвращеніи сына.

— Ну, пойдѣмъ же, тетушка Катерина! сказалъ Иванъ, утирая глаза, что дѣлали и многіе другіе, находившіеся поблизости: — время терять нечего — пойдѣмъ!

Катерина перекрестилась еще разъ, покрылась овчинкой, которую принесла Маша, и сказавъ: «Господи благослови!», быстрыми шагами пошла по улицѣ, преслѣдуемая шумной толпою. Приближаясь къ околицѣ, она пошла такъ скоро, что за нею могли поспѣвать только Иванъ да Маша, единственные лица изъ всей многочисленной толпы, которыхъ оживляло въ этомъ случаѣ истинное, сердечное участіе.

Народъ, провожавшій ихъ, началъ мало-по-малу отставать. Каждый, прощаясь съ ними, считалъ, однакожъ, непремѣнною своею обязанностью высказать имъ свое мнѣніе и снабдить ихъ совѣтомъ. Они давно уже миновали лугъ и, слѣдовательно, ничего не могли слышать, кромѣ звука собственныхъ шаговъ; но совѣты, толки, пересуды и предположенія все еще раздавались на улицѣ; наконецъ, всѣ стали расходиться по домамъ; немного спустя, на улицѣ воцарилась такая же тишина, какъ и въ поляхъ, которыя серебрилъ мѣсяцъ, свѣтившій теперь прямо надъ деревней.

Но стоило, впрочемъ, пройти къ огороду Тимоея, чтобъ убѣдиться, что въ Мѣрьянскомъ не все еще успокоилось. Ненужно

даже было тонкаго слуха, чтобъ услышать съ этого мѣста ѡхи и глухіе, затаенные вопли. Они выходили изъ риги; ворота, на этотъ разъ были настежь отворены; лунный свѣтъ, проходя сквозь многочисленныя щели кровли, позволялъ различать тощую фигуру Лапши, лежащую въ дальнемъ углу. Лицо его было уткнуто въ солому, руки раскинуты врозь; иногда онъ подымалъ одну изъ нихъ, сжималъ кулакъ и начиналъ колотить себя въ голову; иногда только глухіе стоны выказывали его отчаянье. Время-отъ-времени онъ замолкалъ вовсе и какъ-бы погружался въ горькую думу.

Въ одну изъ этихъ минутъ, когда станозилось опять такъ тихо, что раздавалось даже ржанье жеребенка съ дальнихъ полей, съ наружной стороны риги, въ густыхъ кустахъ травы послышался какъ-будто шорохъ. Немного погодя, выставилось что-то черное; тѣнь головы неожиданно мелькнула на плетнѣ и скрылась въ ригѣ. Нѣсколько времени ничего не было ни видно, ни слышно; наконецъ, мало-по-малу подлѣ Тимоѡея явственно обозначился чело-вѣкъ въ мохнатой шапкѣ.

Секунды три стоялъ онъ какъ-бы въ нерѣшительности, осматривался, прислушивался и вдругъ пригнулся къ Лапшѣ и началъ толкать его, нашептывая ему что-то скороговоркою.

При первыхъ звукахъ этого голоса Лапша дрогнувъ, приподнялъ голову и прижался спиною къ плетню.

— Филиппъ... братъ?... пробормоталъ онъ, цѣпенѣя отъ страха.

— Я! Никого здѣсь нѣтъ? прошепталъ Филиппъ, озираясь на стороны.

— Бога ты не боишься! говорилъ: — не прійдешь никогда... денегъ взялъ... началъ Лапша жалобнымъ, дрожащимъ голосомъ, между-тѣмъ, какъ братъ обшаривалъ углы риги и прислушивался въ воротахъ: — погубилъ ты насъ совсѣмъ... мало тебѣ этого!... Чего еще хочешь?

— Тсс... молчи! грубо возразилъ Филиппъ, возвращаясь къ брату.

Онъ наклонился къ лицу его, ухватилъ его за плечи и произнесъ отрывисто:

— Давай деньги!

— Нѣтъ у меня ничего.

— А вотъ поговори у меня! прошептэлъ сквозь зубы Филиппъ: — давай деньги, тринадцать рублѣвъ, чтѣ нищіе дали...

При словѣ «нищіе», которое напомнило Лапшѣ все, чтѣ произошло въ этотъ вечеръ, онъ горько заплакалъ.

— Молчи! припибу! сказалъ Филиппъ, быстро озираясь назадъ: — говорятъ, деньги давай!

— Да нѣтъ же у меня ничего! началъ Лапша, всхлипывая: — они меня обманули... напоили... охмѣляль... они парнишку увели... только полтинникъ дали, да три копейки.

— Давай! произнесъ Филиппъ.

— И тѣхъ нѣту, продолжалъ Лапша: — и тѣ обронилъ, какъ въ вертепъ свалился... На, ищи пожалуй... Я дома еще не былъ.

Одной секунды достаточно было разбойнику, чтобъ обшарить брата и удостовѣриться въ справедливости словъ его.

Онъ разразился въ страшныхъ проклятіяхъ и угрозахъ.

— Ладно же! шепнулъ онъ: — я все узнаю; коли обманулъ, я ти припомню... Только, значить, я жилъ — помни это!...

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! отсохни у меня руки, коли не такъ... началъ-было Лапша.

— Ладно, перебилъ Филиппъ: — обо всемъ развѣдаю: коли не такъ, такого *краснаго пѣтуха* (*) пуцу, долго будешь помнить! заключилъ онъ, бросаясь къ воротамъ. Тѣнь его стопа мелькнула мимо плетня, трава зашуршукала, и снова стало все такъ же тихо, какъ было прежде.

Катерина и молодые ея спутники не теряли между-тѣмъ времени. Къ нимъ присоединился теперь, впрочемъ, еще четвертый товарищъ — Волчокъ. Онъ догналъ ихъ на первой полуверстѣ — обстоятельство, которое несказанно обрадовало Ивана. Отъ самаго Мѣрынского Иванъ не умолкалъ ни на минуту, стараясь всячески успокоить тѣтку Катерину; и хотя широкая улыбка сіяла теперь на губахъ его точно такъ же, какъ и всегда, но ясно уже видно было по его глазамъ, пожиманью плечъ и переминанью, что онъ исчерпалъ до дна весь свой запасъ утѣшеній и приходилъ въ сильное затрудненіе. Волчокъ явился какъ-будто затѣмъ, чтобъ его выручить.

— Вотъ вѣдь, тетушка, а я только-что о немъ думалъ! сказалъ Иванъ, указывая на собаку, которая прыгала и лизала руку Катерины: — въ этакоемъ дѣлѣ собака лучше всякаго товарища. Разъ, мнѣ сказывали, мужикъ на базаръ поѣхалъ, и захвати его мятель: бился-бился, сердечный, никакъ изъ оврага не вылезеть;

(*) *Пустить краснаго пѣтуха*, на языкѣ разбойниковъ, значить поджечь.

къ оврагъ пошаль; совсѣмъ ужь заметать стало... Что жь ты думаешь? собака спасла! право, собака! Оставила это она его въ оврагъ-то; туда-сюда рыскать, на деревню и напала; лаесть, говорить, зоветь, не то, чтобъ кусаетъ, а только, знаешь, тащить, примѣрно, къ околицѣ. Смекнули дѣло: съли на лошадей, поѣхали... Что жь ты думаешь? Вѣдь привела! право, привела!

Но Катерину мало, повидимому, утѣшалъ разсказъ Ивана, точно такъ же, какъ все, что ни придумывалъ онъ для облегченія ея горя. Всѣ чувства ея души, даже слухъ и зрѣніе, принадлежали, казалось, одной мысли, которая давила и уничтожала всѣ остальные. Выступая все тѣмъ же твердымъ, торопливымъ шагомъ, она не отрывала безпокойныхъ глазъ отъ туманной, нивмедной дали, которая казалась еще глубже при серебристомъ мерцаніи луннаго свѣта.

Иванъ не разъ пытался примѣнить къ дѣлу Волчка; онъ пускался бѣжать впередъ по дорогѣ, указывалъ ему пальцемъ на землю, говорилъ: «Ищи, тю-тю-тю, ищи!» но все это безъ малѣйшей пользы—потому ли, что слѣдовъ не было, потому ли, что природа обидѣла Волчка, отнявъ у него чутье, потому ли, наконецъ, что Волчокъ былъ голоденъ, но только онъ предпочиталъ рыскать по полямъ и откапывать мышей, чѣмъ обнюхивать дорогу. Вѣрнѣе всего, что слѣдовъ не было. Еслибъ Иванъ имѣлъ время долѣе поговорить съ Лапшою, онъ узналъ бы, что слѣдовъ и быть не могло. Лапша и Петруша шли совсѣмъ не по этой дорогѣ: они пробирались къ лѣсу краткимъ путемъ, шли цѣлками, полями.

Это обстоятельство было причиною, что наши спутники стали приближаться къ цѣли своего путешествія уже къ исходу ночи. Заря занималась на востокъ, когда они увидѣли лѣсъ.

Думала ли Катерина, проходя мимо этого лѣса столько разъ въ своей жизни, думала ли она, что видъ его пробудитъ въ ея душѣ столько скорби и терзаній? Нужно было все усердіе Ивана, вся любовь Маши, чтобъ удержать ее отъ порывовъ страшнаго отчаянья. Она побѣжала такъ скоро, что спутники ея, хотя и были вдвое ея моложе, едва поспѣвали за нею.

Достигнувъ опушки, она вдругъ остановилась; ее точно пугало обширное пространство лѣса: она боялась крикнуть и не получить отвѣта. Иванъ и Маша обмѣнялись взглядами, которые говорили, чтобъ не оставлять ея одной. Не выпуская ея изъ виду,

всѣ трое вошли въ чашу, которая тотчасъ же огласилась криками и ауканьемъ.

Но все безмолвствовало.

Только лѣсъ уныло гудѣлъ, какъ-бы негодуя на раннихъ посетителей, которые пришли тревожить его отъ сладкаго усыпленья.

Они подвигались все дальше и дальше. Вскорѣ не стало дерева, которое не слышало бы нѣсколько разъ повтореннаго имени Петруши. Катерина заглядывала во всѣ кусты, забиралась въ самыя глухія, непроходимыя чащи. Иванъ и Маша подсобляли ей усердно; даже Волчокъ помогалъ имъ. Разъ даже онъ чуть-было не возвратилъ имъ надежды, которая начинала уже оставлять ихъ. Онъ вдругъ залаялъ, завилялъ хвостомъ и поскакалъ впередъ, обнюхивая траву; у Катерины замерло сердце; она бросилась по слѣдамъ Волчка, не переставая креститься. Проскакавъ шаговъ тридцать, собака остановилась, подняла голову, долго обнюхивая воздухъ, и возвратилась къ Машѣ: она, очевидно, потеряла слѣдъ; сколько потомъ ни бились подлѣ этого мѣста, сколько ни подстрекали ее искать, собака лизала только руки и махала хвостомъ.

— Матушка, полно! Христось съ тобою! Вѣдь этимъ не можешь, хуже только ослабнешь, лучше искать давай, сказала Маша, наклоняясь къ матери, которая, рыдая, бросилась на траву.

— Подумай только, тетушка Катерина, подхватилъ Иванъ съ неизмѣнной своей улыбкой, хотя ему, конечно, было не до смѣху: — подумай, вѣдь такъ сколько у насъ время-то проходить! Чѣмъ раньше за дѣло возьмешься, тѣмъ вѣрнѣе... Далеко уйти не могли... найдемъ еще, можетъ-статься... Богъ милостивъ!...

Одна только эта мысль способна была снова подкрѣпить ея силы. Она перекрестилась, и они пошли далѣе.

Лѣсъ давнымъ-давно ожилъ; давно изъ конца въ конецъ раздавались птичьи хоры; мѣстами, въ самой глубинѣ его, истрѣчались лужайки, которыхъ ярко уже обливало солнце... Они все еще ходили взадъ и впередъ не переставая кричать и аукать.

Все было напрасно!

Тогда Маша посоветовала обойти окрестныя деревни, и особенно тѣ, которыя выходили на черневскую старую дорогу. Хотя дорога заброшена, но все еще по ней проходило довольно народу и можно было, спрашивая встрѣчныхъ, до-

биться толку. Иванъ подтвердилъ эту мысль, и всѣ трое вышли изъ лѣсу.

Было ужь около полудня, когда они очутились на черневской дорогѣ.

Они не пропустили ни одного человѣка безъ того, чтобъ не разспросить его о нищихъ—никто не встрѣчалъ ихъ. Въ Черневѣ, результатъ ихъ разспросовъ былъ почти тотъ же: проходилъ какой-то старикъ съ сумою, стучался подь окнами, но только онъ былъ безъ мальчика. Такъ переходили они изъ одной деревни въ другую, останавливаясь для того лишь, чтобъ развѣдать что-нибудь о мальчикѣ, но не получали даже намека, который могъ бы служить имъ путеводной ниткой.

Едва передвигая ноги, измученные, усталые и, болѣе того, сокрушенные горемъ, пришли они къ ночи въ большое село, находившееся верстахъ въ десяти отъ Мѣрьинскаго. На-силу могли убѣдить Катерину, что было бы теперь напрасно продолжать поиски: ночь была темная; густой наволокъ покрывалъ небо; едва можно было отличать дорогу отъ полей.

Весь слѣдующій день былъ проведенъ точно такъ же, какъ и первый: Петя все-таки не отыскивался; онъ точно въ воду канулъ!

Слезы, отчаянье такъ истомили бѣдную Катерину, что она не могла ужь идти далѣе. Они вторично остановились ночевать въ одной деревнѣ, лежавшей въ совершенно-противоположной сторонѣ той, въ которой ночевали наканунѣ.

Переговоривъ съ Машей, Иванъ рѣшился нанять телегу, чтобъ дѣхнать до Мѣрьинскаго. Чтобъ удостовѣрить мужика, который взялся вести ихъ, что ему заплатятъ, Иванъ снялъ съ себя сапоги и кафтаны и вручилъ ихъ въ видѣ зѣдатна. Изъ ему-щало одно только: они боялись сопротивленія Катерины, которая, вѣрно, потребуетъ продолженія поисковъ. Они ясно ужь видѣли, что поиски напрасны; но думали, что Катерина разсудитъ иначе. Все обошлось, однакожь, гораздо-спокойнѣе, чѣмъ они ожидали. Къ утру, Катерина впала въ какое-то безчувствіе, по-крайней-мѣрѣ ко всему, что совершалось вокругъ нея. Она, не замѣтила, казалось, какъ усадили ее въ телегу.

Во всю дорогу она не сказала слова и только тихо вздрагивала и крестилась.

Разъ только овладѣлъ ею страшный припадокъ отчаянья. Это случилось въ полуверстѣ отъ Мѣрьинскаго.

Подъезжая къ маленькой березовой рощицѣ, за поворотомъ которой открывалась деревня, ѣхавшіе въ тележкѣ услышали голосъ безумной Дуни. Она лежала, видно, гдѣ-нибудь у опушки, и, по обыкновенію своему, причитала о пропавшемъ сынѣ, какъ о покойникѣ.

Катерина, которая, повидимому, совсѣмъ уже лишилась твердости духа, принялась ей вторить и начала биться, такъ-что Иванъ и Маша едва могли удержать ее въ тележкѣ.

Въездъ въ Мѣршинское окончательно испортилъ дѣло.

Было послѣобѣденное время, именно то самое время, когда на улицѣ бываетъ довольно-много народу.

Какъ-только увидѣли Ивана и Машу, ихъ тотчасъ же обступили. Одинъ вопросъ былъ на всѣхъ языкахъ :

— Нашли ли Петрушку?...

Напрасно Иванъ и Маша подавали имъ знаки, напрасно указывали на Катерину, метавшуюся въ безпамятствѣ, всѣ лѣзли и спрашивали о мальчикѣ.

Такая же толпа, какъ два дня назадъ, обступила теперь избу Лапши, когда остановилась передъ нею телега и начали высаживать Катерину.

Двадцать рукъ протянулось, чтобъ подсобить Ивану и Машѣ внести бѣдную бабу въ клѣтушку.

Наконецъ, помощью соединенныхъ усилий, изъ которыхъ больше половины были бесполезны и даже мѣшали дѣлу, потому-что такъ много народа натискалось въ сѣни, что трудно было двигаться, Катерину внесли въ клѣть и уложили на постель.

Въ самую эту минуту на улицѣ кто-то крикнулъ :

— Господа ѣдутъ!

Крикъ этотъ подхватили тотчасъ же тридцать голосовъ.

— Господа ѣдутъ! ѣдутъ! ѣдутъ! заговорили всѣ разомъ, и толпа повалила со всѣхъ ногъ изъ сѣней на улицу.

Въ клѣти остались только Иванъ, Марья и Катерина, которая ничего не слышала, ничего не чувствовала, ничего не понимала и, ломая руки, рыдала какъ безумная...

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

ОСНОВЬЯНЕНКО.

Матеріалы для исторіи украинской литературы.

Статья вторая и послѣдняя.

V.

Домашняя жизнь. — Анна Григорьевна уже старушка. — Высшій тонъ въ сочиненіяхъ. — Встрѣча съ Гребенкой. — Другія знакомства.

Въ 1840 году нашъ авторъ былъ избранъ въ председатели Харьковской Палаты Уголовнаго Суда. Это была его *послѣдняя должность*; на третьемъ году исправленія ея онъ умеръ.

Жизнь его въ это время текла тихо, въ семейномъ счастьи, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала Анна Григорьевна, и въ литературныхъ, почти непрерывныхъ трудахъ. Названный нами выше внучатый братъ покойнаго Н. Ю. Квитка, въ это время обыкновенно пріѣзжалъ къ нему читать, и читалъ въ постороннихъ домахъ его лучшія сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Больше всего тогда читалась и донынѣ уважается поклонниками Основьяненка его повѣсть «Маруся». Недавно еще мы застали двухъ старичковъ, мужа и жену прошлаго времени, въ слезахъ надъ любимую повѣстью покойнаго Квитки. Шестидесятилѣтній старикъ, болтливый и оживленный въ кругу знакомыхъ, которые стекались къ нему въ Основу (тогда еще постоянное мѣсто жительства его, что видно изъ подписей во всѣхъ его письмахъ того времени), былъ попрежнему наблюдателемъ и изумлялъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе рассказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ, впрочемъ, на свѣтъ очень зорко, и съ большою прадедовскою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью,

съ которой связано было какое-то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо его, прибавляють, оживлялось среди разсказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная только коренымъ старосвѣтскимъ молороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разказы, извѣстные до сихъ—поръ въ городѣ, подъ именемъ *квиткискихъ*, занимали каждый уголь, гдѣ только появлялся Основьяненко.

Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ письма къ намъ племянника Основьяненка, Валерьяна Андреевича Квитки, котораго, за дорогія свѣдѣнія этого письма, вѣроятно поблагодаритъ каждый читатель (63).

«Дядя мой женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ, около 1820 года, на одной изъ классныхъ дамъ, присланныхъ и рекомендованныхъ въ Харьковскій Институтъ Императрицею Марією Феодоровною, на *А. Г. Вульфъ*. Онъ былъ тогда дѣятельнымъ членомъ Совѣта Института, и сблизился съ будущею своею женою, хотя, при нѣкоторой сентиментальности, онъ былъ вообще очень робокъ съ женщинами. Здѣсь нашель онъ совершенно однородный съ нимъ характеръ и легко остановилъ свой выборъ; послѣ нѣ котораго сопротивленія со стороны родителей, онъ женился. Болѣе симпатической подружки онъ не могъ найти. Жена его была умная, образованная, но не красивая женщина, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, совершенная пуританка, характера твердаго и малосообщительнаго. Вся жизнь ея подъ старость заключалась въ стѣнахъ домика *Оскосы*, гдѣ она, поутру, отправивъ мужа на службу, всегда чопорно и даже прихотливо одѣвалась, и въ уединеніи ожидала его возвращенія къ обѣду. За обѣдомъ изъ гостей у нихъ никого не бывало. Основьяненко любилъ покушать, особенно національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, блиновъ, варениковъ; но вообще обѣдъ его былъ скромный, какъ и вся его жизнь, непохожая на такъ—называемую жизнь зажиточныхъ украинскихъ помѣщиковъ. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ и довольствовался самою необходимою прислугой. Послѣ обѣда онъ обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали лучшіе часы въ его жизни. Онъ писалъ, нетревожимый никѣмъ (64), и только подъ ве-

(63) Мы провели большую часть минувшаго лѣта въ окрестностяхъ Основы и въ ней самой, причемъ В. А. Квитка, ея нынѣшній обладатель, снабдилъ насъ окончательными свѣдѣніями для предлагаемой біографіи его дяди.

(64) По словамъ видѣвшихъ его въ это время, въ кабинетѣ нашего автора обыкновенно было разомъ нѣсколько чернильницъ, въ видѣ чашекъ, глобусовъ, съ сидящими на нихъ Юпитерами и Аполлонами, и т. д. Это была его роскошь, чтобъ, гдѣ присѣсть, тамъ и писать.

черъ приходилъ прочитывать женѣ или свои свѣжія произведенія, или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женою онъ совѣтовался, слѣпо довѣрялся ея мнѣніямъ; а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ о *мышемъ свѣтъ, французскомъ языкѣ и образованности*, то онъ рѣшительно подчинялся ея приговорамъ. Кромѣ рѣдкихъ посѣщеній родныхъ, къ нему заѣзжали гости, большею-частью проѣзжіе, знакомые съ нимъ по печати⁽⁶⁵⁾. Ихъ, какъ и равно молодыхъ людей изъ унверситета, которые ухаживали за его извѣстностью, онъ принималъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ и видимо избѣгалъ всякаго общества, ему не по-сердцу. Чтеніе замѣняло ему живыхъ людей. Трудный на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу, онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, замѣчательнымъ лицомъ, отъ котораго онъ постоянно заимствовалъ матеріалы для своихъ разсказовъ. Лысый Лукьянъ, какъ его вообще у насъ звали, пользовался, въ качествѣ стараго и преданнаго слугителя, какіе нынче весьма-рѣдко встрѣчаются въ Малоросіи, правами свободнаго обращенія съ господами и, какъ говорятъ, имѣлъ свой «*franc-parler*» привѣтствовалъ всегда, не иначе, какъ пофранцузски: *Бонжуръ, мосье; команъ ву порте ву; се тре бенъ; же ву при де лодеви!* и проч. Откуда онъ почерпнулъ эти лингвистическія познанія — я не припомню; они предшествовали моей юности; вѣроятно, отъ какого-нибудь француза, жившаго или пріѣзжавшаго на Основу. Принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ семейныхъ и даже служебныхъ, онъ говорилъ свое мнѣніе и судилъ благоразумно о вещахъ и людяхъ, подавалъ совѣты съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и вообще былъ смысленный, тонкій, веселый и честный мужикъ. Въ деревнѣ онъ имѣлъ голосъ и уважаемъ былъ всѣми. Когда я утвердилъ свое житье въ деревнѣ, тому назадъ семь лѣтъ, онъ былъ еще крѣпокъ и здоровъ, ничѣмъ не занимался, то-есть, жилъ на отдыхѣ, а при всякихъ случаяхъ поздравительныхъ являлся съ своимъ таинственнымъ и вмѣстѣ сметливымъ видомъ; начиналъ рѣчь французскимъ діалектомъ, а потомъ начиналъ на ухо нашептывать (вѣроятно отъ глухоты подъ старость) свои мысли, замѣчанія и воспоминанія прошедшаго. Въ послѣднее время, по его желанію, онъ былъ опредѣленъ къ церкви и караулилъ кружку, на углу церковной ограды, на большой дорогѣ, гдѣ толкается всегда множество проходящихъ, а также немало пьяницъ; это было его развлеченіемъ. Зимой и лѣтомъ, не смотря ни на какія непогоды, онъ просиживалъ съ открытой, лысой головой, не боясь вrostуды. Въ прошедшемъ, 1853 году, весной онъ умеръ внезапно, хотя еще не былъ старъ. Настоящихъ его годовъ не знаю.»

(65) Изъ числа ихъ онъ однажды принялъ, какъ увидимъ ниже, *Гребенку*. Столичные актёры, Щепкинъ, Григорьевъ и другіе, также не миновали его дома.

Въ другомъ письмѣ В. А. Квитка пишетъ намъ :

«Юность и свѣжесть характера моего дяди, что онъ сохранилъ до старости, дѣлали его свособнымъ приноровливаться также и къ дѣтскому обществу. Онъ любилъ страстно дѣтей, любилъ имъ рассказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ склонность къ молитвѣ, знаніе церковныхъ книгъ, словомъ, духовная ученость, вслѣдствіе чего онъ любилъ бывать въ обществѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ стихиры и псалмы, и руководилъ хоромъ. Дѣтей у него никогда не было. Это набрасывало грустный отгѣнокъ на тихую супружескую чету, на этихъ кроткихъ и уединенныхъ «Филемона и Бавкиду». Анна Григорьевна скончалась черезъ десять лѣтъ послѣ смерти мужа, въ 1852 г. 31-го января. Въ эти послѣдніе годы она такъ была вѣрна памяти милого покойника, что свѣтъ для нея буквально не существовалъ; она будто со дня на день ожидала минуты встрѣчи съ покойникомъ. Не могу умолчать объ одной чертѣ рѣдкаго самоотверженія моего дяди, котораго смиреніе, кротость, привязанность ко всему родному, скромность, доходившая до боязливости, и стойкость въ мысляхъ составляли явленіе рѣдкое. Состояніе моего дѣда, отца его, хотя довольно-значительное, не было достаточно для поддержанія требованій по мѣсту, занимаемому моимъ отцомъ (мѣсто губернскаго предводителя дворянства, впродолженіе девяти курсовъ), если бы оно раздѣлилось между двумя братьями, поровну. Дядя мой, безъ принужденія и малѣйшаго колебанія, отказался отъ своей части, и уже во всю жизнь только довольствовался небольшимъ, въ сравненіи съ имѣніемъ моего отца, капиталомъ въ 40,000 руб. ассиг. Эта жертва, съ одной стороны, удовлетворяла его семейное честолюбіе, а съ другой, его любовь и преданность къ брату. Старшій братъ былъ верховнымъ существомъ въ его глазахъ. Замѣчательно, что онъ во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ молодости, кажется, его возили въ Москву; но это было такъ рано, что не оставило въ немъ никакихъ слѣдовъ⁽⁶⁶⁾. Болѣе всего любилъ онъ Основу. Это одно изъ первыхъ поселеній въ этой части слобожанщины; на земляхъ, принадлежавшихъ когда-то Основѣ, лежитъ теперь цѣлый южный кварталъ города. Три рѣки города, соединившись здѣсь, протекаютъ возлѣ и отдѣляютъ усадьбу Основы отъ городского, оконечнаго поселенія. Усадьбу же составляетъ сосновая роща, рѣдкая въ этомъ краю, и замѣчательный ботаническій садъ, съ оранжереями, которыхъ слава поддерживается донинѣ. Домъ въ Основѣ ознаменованъ посвѣщеніемъ покойнаго государя императора *Александра I-го*, и слу-

(66) Въ этомъ небольшая неточность: онъ былъ еще въ Кіевѣ; и въ Москвѣ онъ былъ не въ слишкомъ ранней молодости, а какъ мы видѣли, въ 1814—1815 году, то-есть почти тридцати-пяти лѣтъ.

жилъ поприщемъ многихъ и многихъ торжествъ и увеселеній, памятныхъ дворянамъ нѣсколькихъ поколѣній. Основа, кромѣ того, единственное въ окрестностяхъ Харькова мѣсто для гулянья, гдѣ въ знойное лѣто можно дышать свѣжимъ воздухомъ. Съ весны многіе переѣзжаютъ сюда пзъ города и поселяются въ свободныхъ домикахъ и избахъ крестьянъ, гдѣ переживаютъ и грязную, хотя превосходную, украинскую осень...»

Около этого времени Основьяненко прибрѣлъ знакомство Е. Гребенки. Родственникъ его, Н. Ю. Квитка, намъ рассказывалъ сцену первой встрѣчи Основьяненка съ Гребенкой. Гребенка давно собирался навѣстить ветерана харьковской литературы и переписывался съ нимъ. Прѣздомъ черезъ Украину, онъ завернулъ на Основу, и съ извозчикомъ проговорилъ объ Основьяненкѣ всю дорогу. Его радовала эта извѣстность. Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка спросилъ у старика, читавшаго книгу: «А чи дома панъ Основьяненко?» и вслѣдъ за тѣмъ вскрикнулъ, взглядывшись въ него: «Здоровъ, батьку Грицьку?» Основьяненко (это былъ онъ) медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывающимся отъ радости голосомъ: «А чи не Гребиночка?» Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у гостепріимнаго своего «учителя» по литературѣ, прогостилъ у него нѣсколько дней и былъ потомъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ по литературнымъ дѣламъ Основьяненка въ Петербургѣ, и поддерживалъ съ нимъ потомъ долго переписку. Кромѣ Гребенки, Основьяненко былъ знакомъ почти со всеми украинскими литераторами. П. П. Гулакъ—Артемовскій, И. И. Срезневскій, А. Л. Метлинскій и вся молодежь, которая въ послѣднее время издавала въ Харьковѣ литературные сборники до Корсуна включительно — всѣ они окружали Основьяненко, бывали въ его домѣ и, уѣзжая изъ Харькова, вели съ нимъ переписку⁽⁶⁷⁾. Представляемъ здѣсь письмо къ намъ одного изъ тогдашнихъ знакомыхъ Квитки, г. Аонасьева, писавшаго

(67) Почтеннѣйшій П. П. Гулакъ—Артемовскій, сообщившій намъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о Квиткѣ, особенно былъ близокъ, въ 1817 году, литературнымъ его начинаніямъ. Два будущіе писателя бесѣдовали очень часто и переписывались стихами. Въ рукописяхъ г. Артемовскаго есть неизданное посланіе къ Квиткѣ, подъ именемъ «Добрість», на которое послѣдній ему отвѣчалъ также стихами. Переложитель Горация или, какъ онъ самъ выражается, *Гараськи*, написалъ двѣ знаменитыя пьесы въ подражаніе римскому поэту (XIV ода «*Neu fugaces*» и XXXIV ода «*Cornus deorum vultor*») именно по своимъ отношеніямъ къ Квиткѣ, къ его грѣхамъ юности и зрѣлому раскаянію...

нѣкогда подъ именемъ *Чужбинскаго*. Это письмо, въ которомъ разсказывается событіе, въ нѣкоторомъ родѣ сложнее съ тѣмъ, которое намъ сообщили о Гребенкѣ, для читателей дополнитъ нашъ очеркъ нѣсколькими живыми чертами. Г. Аванасьевъ, до того времени знакомый съ Квиткою только по перепискѣ, воспользовавшись первою возможностью, отправился къ нему начать личное знакомство.

«Я постучался. Человѣкъ вышелъ.

«— Дома Григорій Федорычъ?

«— Дома. А кто вы?

«— Скажи, что пріѣхалъ старый знакомый.

«— Пожалуйте.

«Сбрасываю шинель, вхожу. Меня приняли въ кабинетъ. Не успѣлъ я войти въ комнату, какъ старикъ приподнялся съ кресель и сказалъ мнѣ:

«— Се Чужбинскій? — обнялъ меня дружески и мы разговорились, какъ люди, которые Богъ-знаетъ сколько времени знакомы. Говорили и писали мы другъ къ другу всегда помалорусски; развѣ уже бывали посторонніе, непонимавшіе этого нарѣчія. Мы сошлись съ старикомъ скоро и тѣсно. Вырвавъ свободную минуту, я спѣшу, бывало, въ Харьковъ, ѣду на Основу и остаюсь ночевать у старика, а утромъ отправляюсь съ нимъ въ городъ. Анна Григорьевна всегда присутствовала при нашихъ бесѣдахъ. Я былъ потомъ въ Москвѣ и написалъ для «Москвитинина» разборъ его повѣстей. Я говорилъ, что малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя пишетъ онъ порусски. Это, какъ узналъ я, огорчало старика. Хотя, по возвращеніи изъ Москвы, я бывалъ у него снова, но замѣчалъ уже нѣкоторую холодность въ нашихъ изъясненіяхъ; самыя письма его были уже безъ теплоты, нѣкогда ихъ согрѣвавшей, а пріязнь наша постепенно остывала, хотя я, съ моей стороны, нисколько не перемѣнялся. Въ остальное время пребыванія моего вблизи Харькова, я посѣщалъ старика, выйдя изъ военной службы въ отставку; я съ нимъ иногда переписывался; но, повторяю, неосторожно-высказанное мною мнѣніе въ «Москвитининѣ» охладило привязанность ко мнѣ Основьяненка. Хоть онъ всегда откровенно разсказывалъ мнѣ о своихъ литературныхъ дѣлахъ, о предпринимаемыхъ сочиненіяхъ, однако, несмотря на молодость, я понималъ, что статья моя невыгодно подѣйствовала на его самолюбіе. Разстались мы попріятельски, то-есть, съ обоюдной просьбой хранить другъ друга въ памяти. Такъ грустно кончилась наша пріязнь, начавшаяся подъ вліяніемъ искренняго, дружескаго расположенія. Впрочемъ, онъ никогда не намекнулъ мнѣ о моемъ отзывѣ; его я слышалъ уже послѣ, стороною.»

VI.

Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. И. Дала. — Чтеніе Канти при Дворѣ, въ Венеціи. — Продажа кожи съ неубитого медвѣдя. — Огорченія. — Хлопоты о жевѣ.

Вслѣдъ за «Современникомъ» и «Отечественными Записками», нашъ авторъ, черезъ тогдашняго цензора, П. А. Корсакова, которому присылалъ свои рукописи и который скоро сдѣлался однимъ изъ издателей «Маяка», былъ приглашенъ въ число сотрудниковъ этого журнала, гдѣ напечаталъ степное преданіе «Перекатиполе». Въ это же время въ «Репертуарѣ» напечатана его комедія «Пріѣзжій», разобранныя нами выше. Редакторъ Репертуара, Ф. А. Кони, вступившій въ переписку съ Основьяненкомъ, пригласилъ его участвовать въ «Литературной Газетѣ», которую онъ тоже издавалъ, и Основьяненко напечаталъ здѣсь нѣсколько рассказовъ и очерковъ. Редакторъ «Москвитянина», бывшій въ перепискѣ съ нашимъ авторомъ еще во времена «Телескопа», обратился теперь къ нему съ просьбою быть сотрудникомъ его собственнаго журнала, гдѣ Основьяненко напечаталъ тутъ же повѣсть «Ясновидящая». Кромѣ-того, издатели альманаховъ наперерывъ просили у него «малороссійскихъ рассказовъ»; и Основьяненко дарилъ каждый тогда выходившій сборникъ. «Утренняя Заря» г. Владиславлева, «Новогодникъ» «Ластовка» Гребенки; «Наши» альманахъ, изданный книгопродавцемъ Исаковымъ; «Русская бесѣда» альманахъ Смирдина; «Молодикъ» г. Бецкаго; «Утренняя Звѣзда», изданная въ Харьковѣ; «Южно-русскій сборникъ» г. Метлинскаго; «Кіевлянинъ» г. Максимовича, и «Сказка за сказкой» г. Кукольника—всѣ эти сборники украшались статьями Основьяненка. Последнее его сотрудничество въ жизни было сотрудничество въ журналѣ для дѣтей «Звѣздочка» г-жи Ишимовой, и послѣдняя статья его, напечатанная при жизни, была статья въ этомъ журналѣ, посвященная воспитанницамъ дорогаго ему Харьковскаго Института.

Анна Григорьевна принимала дѣятельное участіе въ судьбахъ всѣхъ этихъ трудовъ нашего автора. Вообще Основьяненко работалъ трудно. Почеркъ его, хотя очень-четкій, изобличаетъ природу усидчивую, тяжелую. Въ письмѣ, отъ 26-го апрѣля 1839 года, къ П. А. Плетневу, онъ говоритъ:

«Я началъ переводить одну изъ повѣстей моихъ... Она еще не выходила изъ-подъ домашняго крова, никѣмъ не читана и въ отрывки не изор-

вана. Признаюсь вамъ, иногда бываетъ мнѣ къ этой работѣ тяжело выразить мысль свою, авторскую, или описаніе дѣйствія; я подбираю слово къ слову, такъ и сякъ переимчиваю; все мнѣ кажется несоотвѣтствующимъ разсказу дѣйствующихъ лицъ избраннаго мною рода, характерамъ ихъ, мѣстности и языку... Сякъ такъ излагаю и иду далѣе!»

Въ названной нами выше статьѣ о своихъ сочиненіяхъ, Основьяненко говорить (Москвитининъ, 1849 года, № 20-й, стр. 333-я):

«Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благоприличіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего же составлять всякъ видимое и извѣстное! Вотъ, въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, ему, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои «Маруся», «Оксаны», «Наумы», «Мироны» и «Сотниковны!»

Вслѣдъ за этимъ Основьяненко затѣялъ большой романъ «Пустолобовъ», который потомъ, въ 1841 году, вышелъ подъ именемъ «Похожденій Столякова». Этотъ романъ, вообще невинный, дѣтски-утрированный и еще болѣе отсталый по своей сатирѣ, не на шутку его беспокоилъ. Онъ боялся его печатать и нѣсколько разъ просилъ издателей остановить его изданіе. Въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 28-го апрѣля 1839 года, которое въ своемъ мѣстѣ мы приводимъ вполнѣ, онъ говоритъ :

«Я не боюсь шмелей! Я и уши заткну; я и уѣду, чтобъ не слышать; но близъ насъ находящіяся блохи, клопы и прочія насѣкомыя, тѣ кусаютъ или болѣе беспокоятъ, до того, что мѣста не найдешь!»

Мы думаемъ, что читателямъ интересны будутъ при этомъ слѣдующія строки изъ письма къ намъ В. И. Даля, отъ 31-го мая 1854 года, изъ Нижняго Новгорода. Въ письмѣ его читатели найдутъ лучшей приговоръ нашему автору одного изъ достойнѣйшихъ его собратій. Вотъ эти строки.

«Съ *Кеиткой* я познакомился около 1836 года. Онъ посвятилъ или написалъ мнѣ одну изъ сказокъ своихъ, какъ вамъ извѣстно. Это было первымъ поводомъ; затѣмъ онъ же прислалъ мнѣ тетрадку съ тремя сказочками. Онѣ были имъ написаны наскоро, не отдѣльны и не для печати. Я думаю, что *Кеитка* одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разскащиковъ на родномъ нарѣчій своемъ. Многословная болтовня его на природномъ языкѣ

къ всегда простодушна и умна, на русскомъ же нерѣдко пошловата. Какъ быть! Доколѣ писатели во французскихъ крысьихъ перчаткахъ и въ раздушенныхъ завиткахъ, чопорно охорашиваясь, будутъ старательно изъясняться подборомъ французскихъ словъ и оборотовъ, придавая имъ только по наружности русскій видъ, доголѣ русское слово не будетъ облагорожено. По мнѣ, уже пусть бы лучше пропахивало сырѣемъ да квасомъ, лишь бы въ носъ пошибало!»

Въ то время, какъ Основьяненко чувствовалъ свое одиночество въ литературѣ, Анна Григорьевна старалась утѣшить его и излечить его раны. Въ сентябрѣ 1839 года, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, она защищала повѣсть «Галочку», которую редакторъ «Современника» называлъ существомъ нѣсколько-идеальнымъ. Она писала:

«Почему вы находите, что Галочка существо неземное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобъ въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я васъ могу увѣрить, что Галочка существовала и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые рассказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступилась за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его»⁽⁶⁸⁾.

Въ письмѣ, отъ 18 мая 1840 года, къ П. А. Плетневу Анна Григорьевна точно такъ же защищаетъ *Панну Сотниковну*, стараясь оправдать ея возвышенный, полный самоотверженія и любви женскій характеръ. Въ 1840 году явилась у Основьяненка мысль ѣхать въ Петербургъ, но уже въ февралѣ 28 числа онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

«Не правда ли, моя мысль сбыточнѣе, нежели ваша, чтобъ пріѣхать въ Петербургъ? Средствъ и возможностей никакихъ. Племянницы опредѣлены въ Харьковской Институтъ. Итакъ ни по чему не выходитъ намъ ѣхать въ Петербургъ.»

Вскорѣ г. Фишеръ объявилъ въ Петербургъ, что приступаетъ въ своей типографіи къ изданію *Полнаго собранія сочиненій Основьяненка*. Письма этого времени нашего автора къ разнымъ знакомымъ полны хлопотъ по этому изданію. Изданіе становилось и, кромѣ не-

⁽⁶⁸⁾ Увы! почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи, и рассказать его все-таки сантиментально и вяло...

приятностей, самых чувствительныхъ, ничего не принесло огорченному старику, который, вдали отъ Петербурга, не могъ съ успѣхомъ стоять за свое дѣло. Въ письмѣ своемъ, отъ 23 марта 1840 года, къ Н. И. Шредеру, списанномъ для насъ Г. Н. Геннадіи и Н. С. Тихомировымъ изъ собранія писемъ С. Д. Полторацкаго, онъ говоритъ :

«Простите авторскому самолюбію, заботливому о своихъ писаніяхъ! *Дворянскіе Выборы* сорвались у меня съ языка; въ брудьонѣ схвачено было и почти противъ воли въ такомъ видѣ и напечатано, до того безобразно, неприбрано, что я отрекся и отрекаюсь отъ нихъ. Малороссійскія повѣсти пишу въ переводѣ въ «Современникѣ». Первая *Маруся* была читана ихъ И. Высочеству, В. К. Маріѣ и Ольгѣ Николаевнамъ. Государыня императрица изволила присутствовать при чтеніи и удостоила его особеннаго вниманія. Государь цесаревичъ, читая присланное ему въ Венецію, изволилъ читать съ наслажденіемъ. Такъ писали ко мнѣ (69)... Всѣ повѣсти—разныхъ родовъ и большею частію малороссійскія, съ сохраненіемъ всѣхъ оборотовъ и манеръ въ изъясненіи! Кромѣ стариковской слабости, съ примѣсю свойственнаго авторамъ тщеславія, моя цѣль еще и та, что, когда Елизавета Дмитриевна все это прочтетъ, она будетъ имѣть понятіе обо мнѣ... Старый же другъ, прочтавъ, разсѣется и скажетъ: «Вотъ, отшельникъ! А четки? а Куряжскій Монастырь?» чего-то я не прошелъ и не испыталъ!.. Въ гремящемъ повсюду альманахѣ «Утренняя Заря» есть моя повѣсть... Мои герои и героини все въ квіткахъ и запискахъ, все здѣшнихъ мѣсть».

Въ письмѣ, отъ 26 октября, онъ замѣчаетъ, съ наивною радостью, объ успѣхѣ *Халаявскаго* въ «Отечественныхъ Запискахъ» :

«Родственница наша, госпожа Башуцкая, бывъ лѣтомъ у насъ, рассказывала объ энтузіазмѣ, съ какимъ хватали «Халаявскаго» при появленіи его въ журналѣ, и желали видѣть скорѣе окончаніе. Мы не ведемъ разсѣянной, шумной жизни; кругъ знакомства нашего весьма—ограниченъ; хотя и близь города, но живемъ въ деревнѣ, подеревенки, соблюдая все приличіе при явкѣ въ свѣтъ, чуждаясь оба всякаго вѣтреннаго шума и суеты. Новая должность потребуетъ жизни въ городѣ и ближайшихъ отношеній къ домамъ или семействамъ начальствующихъ; для этого нужно необходимое приличіе. У насъ нѣтъ экипажа... Покорнѣйшая наша просьба, когда начнется выручка уже въ нашу пользу, изъ изданія г. Фишера, то денегъ не высылать къ намъ, а собирать ихъ у васъ. Когда соберется ихъ столько, что можно что-нибудь предпринять, тогда

(69) Объ этомъ писалъ къ Осмоьяненкѣ его защитникъ и литературный покровитель, П. А. Плетневъ, со словъ Жуковскаго.

будемъ беспокоить васъ о покупке кареты. Деньги намъ ни на что болѣе не нужны, какъ на снабженіе себя необходимымъ. При собственности, по мѣсту, буду получать 4000 р. асс. жалованья, слѣдовательно городская, неблестящая, а свойственная намъ жизнь обезпечена».

Передъ новымъ, 1841 годомъ, Основьяненко задумалъ сдѣлать Аннѣ Григорьевнѣ сюрпризъ: купить ей шубу на деньги, которыя выручатся въ Петербургѣ за сочиненія. Это задумано такъ оригинально и имѣло такой трогательный и грустный конецъ, что мы, въ своемъ мѣстѣ, приводимъ цѣликомъ подлинныя письма объ этомъ самого Квитки. Задуманный сюрпризъ остался неисполненнымъ. Затѣянное изданіе г. Фишера не принесло автору желаемой пользы. И въ письмѣ 1841 года, отъ 8 января, Основьяненко, съ горечью труня надъ своею несбывшеюся мечтою, извиняется въ своей просьбѣ и говоритъ, что онъ былъ похожъ на охотника, продающаго кожу, не убивши медвѣдя...

Приводимъ здѣсь любопытное письмо къ намъ Н. И. Ка—рова (за которое приносимъ ему искреннюю благодарность) о жизни Основьяненка въ это время. Вотъ оно :

«Съ Г. Э. Квиткою я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 г. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, однимъ глазомъ (другой, въ лѣта юности, онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ принимавшій посѣтителей, въ гостиной въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ и писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домкѣ, съ каменною оградой, на необозримомъ и почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переехалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго; мебель очень—простая; тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросѣ, или въ алтарѣ, такъ—что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень—религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное Богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ отгѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя у себя другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался послѣ, что у него «зачитывали». Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно, съ юношескимъ пыломъ, слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно неперевод—

ной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой гѣни шарлатанства, не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до «анекдотовъ», никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самыхъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Несмотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень-добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикою, причѣмъ отличалась особымъ сочувствіемъ къ династіи Бурбоновъ. Говорю это потому, что ее восторженно можно было застать за чтеніемъ легитимистскаго журнала: «La mode», хотя, мимоходомъ замѣтить, вовсе не была «femme à la mode!» Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературною славой и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти!»

Огорченія скоплялись въ душѣ старика. Окружающіе мало или вовсе не сочувствовали ему; критика шутила надъ нимъ и не знала, какъ вдалекѣ отзывались въ сердцѣ «провинціала-разскащика» ея насмѣшки. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и не могъ. Въ письмѣ, отъ 5 августа 1839 года, онъ писалъ :

«Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ, старанія достигать цѣли своей! А любопытно было бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, последнее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, рассказалъ бы, что на душѣ, наслушался бы васъ, да и назадъ ѣхать! Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду!»

Небольшое вознагражденіе, которое получалъ Основьяненко за участіе въ журналахъ, состояло въ присылкѣ для Анны Григорьевны газетъ и лучшихъ журналовъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Онъ бѣльшаго не желалъ и не домогался, лишь бы она имѣла на его труды что почитать и чѣмъ поразвлечься. Но и это не обходилось безъ своей доли непріятностей. Два журнала стали систематически его преслѣдовать. Чтобъ представить образецъ этихъ мимо-шуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ «Библіотеки для Чтенія» за 1841 годъ, январь, отрывокъ изъ «Литературной Лѣтописи» :

«Есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за

плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслособицею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно отсюда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернской лѣдъ, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валящіяся на земь, въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка; и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества, на лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ: все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи; но и не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе.» (Слѣдуетъ выписка изъ «Халавскаго»; далѣе эта же статья говоритъ о самомъ авторѣ:.) «Это долженъ быть ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора шутокъ, за недостаткомъ слушателей, вичущій, посредствомъ печати, читателей для своихъ отсталыхъ остротъ! Я назвалъ его писателемъ, и тутъ же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло оттого, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненка, иные уже говорятъ просто *Основьяненка*, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... На меня эти пошлости наводятъ скуку и уныніе!»

Съ грустью встрѣчалъ такіе отзывы Основьяненко.

Онъ отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все, посланное въ журналы и сборники, и огорченію его не было предѣловъ. Съ большимъ трудомъ друзья успѣвали утѣшить его, вслѣдъ за каждою подобною статьею.

А между-тѣмъ, какъ критика шутила и подсмѣивалась, Основьяненко не переставалъ работать. Вслѣдъ за брошюркою *Листы до любезныхъ земляковъ* (гдѣ, въ предисловіи и четырехъ листахъ посланій къ поселянамъ, онъ разбираетъ хорошія и дурныя стороны ихъ жизни), поддержанный одобреніемъ мѣстнаго начальства, онъ задумалъ продолженіе *Листовъ* въ болѣе обширномъ видѣ. Въ началѣ 1842 года, по словамъ К. М. Семеновскаго, онъ написалъ на малороссійскомъ языкѣ *Краткую священную исторію*, которую тогда же передалъ преосвященному Иннокентію. Рукопись по смерти автора осталась неизданныю... Последнею завѣтною мыслью его, также неисполненною, было

составленіе для престопа родія *Краткаго свода уголовныхъ законовъ*, съ цѣлю выяснитъ поселянину послѣдствія преступленій и предупредитъ горькія ошибки невѣжества.

Огорченія отъ окружающаго и отъ выходовъ критики ложились тяжело-и-тяжелѣе на душу Основьяненка. Онъ заболѣлъ. Отъ 3-го февраля 1841 года, онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

«Удушаемый своею хандрою или ниохондріей, что все одно и то же, въ первыхъ письмахъ къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, я излагалъ свои возраженія на убѣжденія, какія вы можете сказать мнѣ, опровергая мое упрямство въ прекращеніи дальнѣйшаго изданія. Теперь буду отвѣчать на то, что вы уже сказали мнѣ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ: *любите и дѣлайте добро для него самого!* Богъ видитъ мое сердце, какъ я люблю его самъ по себѣ и видя втораго меня, руководящаго меня къ тому; и чѣмъ бы я не пожертвовалъ, о чемъ бы пожалѣлъ, еслибы могъ дѣлать другимъ добро! Но если, чтобы доставить другимъ удовольствіе и даже пользу, долженъ я подвергаться безпрестанному уязвленію, тогда утѣшитъ ли меня сдѣланное для другихъ добро? Утѣшитъ, безъ сомнѣнія, когда я одинокъ! Но когда съ моею жизнію соединена жизнь другаго, невиннаго ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ, при возрѣніи на мои страданія, страдающаго отъ одного участія, болѣе, нежели я терплю существенно, въ моемъ спокойствіи полагающаго все благо, живущаго только жизнію моею — тогда позволительно ли накликать на себя хотя часть бѣдствія? А ихъ ежечасно переносу тѣмъ! Слабость, непростительное малодушіе, подходящее къ ребячеству: ну, просто, глупость! Но что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ побѣдить себя? Чѣмъ утолить боль душевную, раждающуюся отъ безпрестанно-грызущей меня мысли: я огорчилъ всѣхъ, выводя дѣянія людскія; я ожесточилъ ихъ противъ себя! Я не буду видѣть отъ нихъ ни сожалѣнья, ни участія въ скорби моей!»

Въ письмѣ, отъ 4-го марта 1841 года, онъ пишетъ:

«Бѣдная моя Анна Григорьевна, истощивъ всѣ увѣщанія, всѣ убѣжденія, видя меня глубоко-страдающаго и не находя никакихъ средствъ успокоить и вразумить меня, рѣшилась согласиться со мною... Мои страданія усиливались отъ воображенія... Наконецъ положеніе мое стало невыносимо! Анна Григорьевна открыла все брату моему, здѣсь же, на Основѣ, живущему. Тотъ испугался моего состоянія и потребовалъ, чтобы я прибѣгнулъ къ леченію. Я самъ видѣлъ слабость, глупость свою; но волненіе было во мнѣ произвольное; ничто не могло меня образумить, и даже самъ я сознавался, что душа моя въ необыкновенномъ состояніи. Докторъ нашелъ положеніе мое очень-серьезнымъ и находилъ необходимымъ кинуть мнѣ кровь, но остановился на сильныхъ лекарствахъ... Однимъ словомъ, въ то время, еслибъ имѣлъ возможность, я бѣжалъ бы на

край свѣта, чтобъ даже не слышать о людяхъ! Самое напоминаніе объ *Основьяненкѣ* потрясало меня!»

И всѣ эти страданія испытывалъ нашъ авторъ въ то время, какъ произведенія его читались на-расхвѣтъ. Въ его бумагахъ находится письмо его издателя, г. Фишера, отъ 10-го февраля 1841 года, изъ Петербурга, гдѣ послѣдній говоритъ, что его «Халаявскаго» по 1-е февраля, то-есть въ два мѣсяца «куплено изъ конторы 500 экземпляровъ на чистыя деньги».

Въ письмѣ отъ 15-го марта 1841 г. Основьяненко замѣчаетъ:

«Одно только въ письмѣ вашемъ не больно было, но насмѣшило насъ, что вы отсылаете меня къ постороннимъ лицамъ. Кому повѣрялъ бы я? Около меня ежеминутно была Анна Григорьевна, увѣрявшая меня настоятельно, что я не такъ дѣйствую—вы не одобрите меня. Это самое утверждалъ и братъ мой, принимавшій въ положеніи моемъ искреннее участіе... Я слушалъ ихъ. В. А. Жуковскій такъ давно видѣлъ меня, такъ мало знаетъ меня, что, я думаю, съ трудомъ припомнить обо мнѣ; и тогда, что ему за нужда поддерживать меня? Гг. Погодинъ и Максимовичъ знакомы по письмамъ; но имъ не открыты душа моя, чувства! Нѣтъ, почтеннѣйшій другъ, ни къ кому и никогда не отнесусь я за руководствомъ.»

Скоро Основьяненко принужденъ былъ изъ тихой Основы переѣхать въ городъ. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го октября, онъ пишетъ:

«Представленіе меня къ должности пошло отсюда, вмѣстѣ съ другими предсѣдателями, на утвержденіе; но, какъ оно разсматривается во многихъ инстанціяхъ, проходитъ чрезъ Сенатъ, то медленность необходима. Мы платимъ за приготовленную квартиру, и живемъ у себя; топимъ здѣсь, топимъ и тамъ, въ ожиданіи, что нужно будетъ переѣхать немедленно!»

Одинъ случай особенно рисуетъ честность и доброту души нашего автора. Онъ былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ г. Сумцовымъ, жителемъ Харькова, и задолжалъ ему нѣсколько тысячъ. Займодавецъ умеръ, вексель былъ какъ-то порванъ. Но въ одно утро является къ нему на село Москалёвку, гдѣ онъ тогда жилъ, сынъ г. Сумцова, бѣдный студентъ, и объявляетъ, что ему нѣчего ѣсть, а что, помнится, г. Квитка былъ долженъ его отцу около 3000 руб. асс. Основьяненко усадилъ молодого человѣка, разговорился съ нимъ, порылся въ своей памяти и объявилъ, что точно онъ долженъ его отцу и готовъ ему уплатить... Это намъ передалъ самъ г. Сумцовъ.

VII.

Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Новый 1842 годъ начался для нашего автора еще печальнѣе 1841 года. Вотъ что онъ писалъ отъ 7-го февраля 1842 года, къ П. А. Шлетневу:

«Насчетъ здоровья вашего я былъ успокоенъ коротенькимъ письмомъ вашимъ черезъ г. Вильсона, писаннымъ въ самый новый годъ, въ тѣ часы вами писаннымъ, *когда я здѣсь близокъ былъ къ смерти*. Болѣзнь схватила меня въ первые часы новаго года, и теперь еще я не подкрѣпился».

1843 годъ былъ послѣднимъ въ жизни нашего автора. Переписка его стала менѣе-говорлива и прилежна. Усталость отражалась въ каждомъ его словѣ, въ каждой мысли.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 1-го февраля, 1841 г.) Основьяненко говорятъ:

«Вы не знаете провинціаловъ, мнѣній, сужденій ихъ и удобства настраивать ихъ къ общему понятію! Я говорю объ особенной массѣ; но она, масса, и кричитъ больше понимающихъ дѣло! Съ моею раздражительностью, съ моею склонностью къ мрачнымъ мыслямъ, не имѣя возможности укрыться отъ людей (да и гдѣ отъ нихъ укроешься? они вездѣ одинаковы!) предчувствую, что они соблютъ меня съ ногъ, если не сдѣлаютъ болѣе. «Малодушіе!» вы скажите; очень согласенъ и признаю въ себѣ этотъ порокъ; но не знаю, кто бы пошелъ черезъ опасный ледъ, не взявъ предосторожностей? Съ Анною Григорьевною увѣрю, что я былъ равнодушень, какъ и теперь, къ журнальнымъ замѣчаніямъ. Но вы не знаете провинціаловъ. Для нихъ печатный листокъ — неопровержимая истина; напечатано!» (70).

Въ письмѣ, отъ 13-го. іюня, 1843, онъ говоритъ:

«Г. Григорьевъ (71), гостившій, по занятіямъ своимъ, у насъ въ Харьковѣ, общалъ лично доставить мое письмо къ вамъ, почтеннѣйшій другъ»

(70) Въ этомъ письмѣ, прося остановить печатаніе «Столбикова» за котораго особенно боялся онъ толковъ бляжнихъ, онъ замѣтилъ, что: *не печатая его, ему прибавятъ десять лѣтъ жизни противъ обыкновеннаго*. Онъ не жилъ и трехъ лѣтъ послѣ этого.

(71) П. И. Григорьевъ, извѣстный артистъ петербургскаго русскаго театра.

вашъ, Петръ Александровичъ, и объяснить вамъ о нашемъ положеніи, въ нѣкоторой части ему извѣстномъ ⁽⁷²⁾. Здоровье мое все попрежнему, и подѣ-часъ, урывками пишу, что случится. Духомъ страдаю очень, но силюсь, чтобъ силы души и тѣла сохранить. Не вижу конца своимъ не-пріятностямъ... Будьте здоровы. Не оставляйте насъ въ своей памяти и вѣрьте искренней любви и уваженію преданнѣйшаго—*Григорія Квитки*».

Мы достали письмо г. Григорьева къ нашему автору, въ отвѣтъ на его порученія, отъ 19-го іюля, того же года. Вотъ оно :

«У г. П — ва сидѣлъ я съ часъ и, разумѣется, высказалъ прямо все, что вы и я думаемъ о ***. И вотъ слова его превосходительства:

«— Ахъ, Боже мой! какъ я и самъ страдаю отъ плутней этого негодяя. Надо же быть моему несчастью, что я свелъ Гр. Федоровича съ нимъ именно въ ту эпоху, когда считалъ его честнѣйшимъ человѣкомъ! А теперь мнѣ и жалко и досадно, но... какъ быть! Я рѣши-тельно не могу тутъ ничего сдѣлать; я даже бранился съ нимъ, по-вѣрьте мнѣ, однако, ничто не подѣйствовало. Это какой-то хладно-кровный и смѣлый плутъ, который умѣетъ дать отвѣтъ всякому! и т. д.

«Г. Краевскій получилъ ваше письмо и благодаритъ меня; разспраши-валъ о Харьковѣ, о харьковскомъ театрѣ; потомъ сказалъ, что писалъ вамъ въ письмѣ, какъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ думаетъ о «Молодикѣ» Бецкаго. Только прошу васъ не показывать этого письма молодому че-ловѣку: оно можетъ разочаровать и отбить охоту дѣйствовать въ пользу дѣтскаго пріюта. Теперь вопросъ: чтъ дѣлается съ моими «Вояжерами»? Мой бенефисъ въ началѣ сентября. Ради Бога высылайте; въ это время я буду строчить куплеты; а иначе боюсь, чтобъ не опоздать. Только умоляю о главномъ : больше хохотий ! больше курьезныхъ положеній! Это вѣрнѣйшая порука за успѣхъ».

Последняя, напечатанная при жизни, статья Основьяненка была: *О святой мученицѣ Александрѣ Царицѣ въ «Звѣздочкѣ» 1843 г.* (за іюль), съ подписью: *Посвящается воспитанницамъ Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, 21-го апрѣля 1843 г.* *Первая въ жизни*, напечатанная нашимъ авторомъ статья, также была посвящена любимому Институту...

(72) Здѣсь далѣе описывается одинъ домашній случай, особенно-огорчившій больнаго, и безъ того, старика. Упомянутый случай оконча-тельно разстроилъ здоровье нашего автора.

По смерти Основьяненка явилось въ печати еще нѣсколько его произведеній. Мы исчисляемъ ихъ въ прилагаемомъ къ статьѣ нашей перечнѣ его сочиненій.

21-го августа, въ «Прибавленіи» къ 33-му № «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», появилась статья И. И. Срезневскаго, подъ именемъ: *О кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, съ подписью: «10-го августа, 1843 года». Вотъ отрывки изъ этой статьи :

«8-го августа, въ пять часовъ пополудни, скончался въ Харьковѣ предсѣдатель Палаты Уголовнаго Суда, надворный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Анны 2-й степени и св. Владимира 4-й степени, Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Потеря—которую глубоко почувствуетъ всякій, кто зналъ покойника, его искреннюю любовь къ отечеству, его примѣрную ревность къ служенію, его правдивый, благородный характеръ и образъ мыслей, его заслуги краю! (73).

«Вчера вечеромъ былъ выносъ тѣла покойнаго Г. Ѳ. Квитки въ церковь Благовѣщенія. Кто видѣлъ этотъ выносъ, не могъ не замѣтить, что весь городъ глубоко чувствовалъ, кого онъ терялъ, что онъ весь чтялъ покойника, какъ одного изъ своихъ лучшихъ согражданъ, одного изъ избраннѣйшихъ людей края! Всѣ сословія, отъ самаго высшаго до самаго простаго, тысячами стеклись поклониться праху своего любимца. Площадь отъ дома, гдѣ жилъ покойникъ, до вратъ храма, была полна народомъ, и слезы были видны на глазахъ многихъ... Предсѣдателя и члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ несли гробъ; чиновники всѣхъ вѣдомствъ провожали его. Сегодня, въ присутствіи генерал-губернатора, князя Н. А. Долгорукова, гражданскаго губернатора, С. Н. Муханова и чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, совершена была литургія преосвященнымъ Иннокентіемъ. Несравненный пастыръ нашъ, прежде отпѣванія покойнаго, произнесъ слово, краснорѣчиво поучавшее слушателей и напоминавшее о жизни покойнаго. Въ половинѣ второго

(73) По словамъ О. Р. Быковскаго, Основьяненко умеръ въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ, противъ церкви Благовѣщенія и нынѣшней Гимназіи, въ исходѣ 4-го часа пополудни. Когда раздался на колоссальной колокольнѣ Харьковскаго Собора (14-ю аршинами выше Ивана Великаго) печальный благовѣстъ большого колокола, г. Быковский стоялъ за спинкою кресель другаго знаменитаго мужа Украины, *Козьмы Никитича Кузина*, скорѣ также умершаго, слово котораго въ край намѣтъ соблюдалось болѣе всякихъ форменныхъ обязательствъ. По словамъ же г. Сумцова, Квитка умеръ не на базарѣ, но въ домѣ Котларова нынѣ нѣжинскаго грека Сканды.

пополудни, началось погребальное шествіе, по Екатеринославской Улицѣ, на Холодногорское Кладбище. Вся эта широкая и длинная улица была полна народа. На печальную процесію сошлись не только горожане со всѣхъ концовъ города, но и поселяне изъ ближайшихъ селеній!»

Воспаленіе, сведшее въ могилу нашего автора, продолжалось одиннадцать дней. Онъ спокойно приготовился къ смерти и тихо скончался на рукахъ жены, вѣкоторыхъ изъ родныхъ и близкихъ, какъ, напримеръ, Н. Ю. Квитки и П. П. Гулака-Артемовскаго.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ и десяти дней. Черезъ девять лѣтъ послѣ него, 31-го января 1852 г., умерла Анна Григорьевна. Какъ мы сказали прежде, дѣтей у покойныхъ супруговъ не было.

Мы посѣтили могилу супруговъ нынѣшнимъ лѣтомъ, на Холодногорскомъ Кладбищѣ, съ вышины котораго открывается у ногъ весь Харьковъ, какъ на картинѣ, съ его свѣтленькими новенькими домами, улицами и извилистыми рѣчками. Могила находится почти на краю горы, надъ обрывомъ. Памятникъ надъ нею — бѣлый мраморный, съ чугунною оградой и надписью:

*Здѣсь покоится прахъ
Григорія Федоровича
Квитки.*

(Основьяненко).

Родился 18 ноября, 1778.

Скончался 8 августа 1843.

И другая надпись на немъ же:

*Анна Григорьевна Квитка,
урожденная Вульфъ.*

Родилась 1800 года, мая 17-го дня.

Скончалась 13-го января 1852 года.

Грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ, при разработкѣ бумагъ покойнаго, дипломъ Копенгагенскаго Общества Антикваріевъ, присланный ему въ Харьковъ изъ Копенгагена, отъ 27-го августа 1845 года, значить—ровно черезъ два года послѣ его смерти...

Вотъ этотъ дипломъ. Подъ красивою виньеткою, изображающею древности Сѣвера и ихъ собирателей, въ античномъ вкусѣ, за подписью знаменитаго Магнусена и секретаря Общества, неменѣе знаменитаго Раена, съ печатью, украшенною рунами, слѣдуетъ самый дипломъ: «Le Conseil d'Administration de la Société Royale des Antiquaires du Nord,

sur la proposition du Comité pour l'ancienne histoire de Russie, a, dans sa Séance de ce jour, nommé *Associé de la Section Russe*, Son Excellence, *monsieur Grégoire Kvitka*, conseiller d'état actuel, à *Khar-kov*, qu'elle estime doué de la volonté et de la faculté de contribuer à atteindre le but que se propose la Section, et tous les droits en Associé lui seront réservés conformément au Règlement de la Section».

VIII.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ОСНОВЬЯНЕНКА.

По плану нашего труда, мы должны теперь представить читателю отрывки из литературной корреспонденціи Квитки. Мы думаемъ, что, за отсутствіемъ мемуаровъ и автобіографій нашихъ литераторовъ, это единственное средство пополнить, въ бібліографическомъ опытѣ о какомъ-нибудь писателѣ, пробѣлъ его литературныхъ откровеній и признаній. Не можемъ не принести здѣсь искреннѣйшей благодарности тѣмъ, кто ихъ намъ доставилъ изъ разныхъ рукъ, и въ особенности П. А. Плетневу, снабдившему насъ болѣе, чѣмъ пятьдесятью письмами къ нему Квитки. Въ письмахъ друзей Квитки видна вся добрая и искренняя любовь ихъ къ доброму украинскому разсказчику; въ письмахъ же Квитки цѣлкомъ вылился этотъ робкій, застѣнчивый, скрытный, подь-часъ лукавый и подь-часъ отсталый писатель.

Изъ находящихся у насъ въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ писемъ отъ Основьяненка къ разнымъ литераторамъ и отъ нихъ къ Основьяненку, прилагаемъ здѣсь интереснѣйшіе, цѣлкомъ и въ отрывкахъ, на сколько дозволяютъ намъ литературныя приличія.

Письма Основьяненка къ П. А. Плетневу.

I.

7-го января 1839. Основа.

«Принося искреннѣйшую благодарность вашему превосходительству за удостоеніе моей «Маруси» помѣщеніемъ въ журналъ, издаваемомъ вами, въ переводъ моею же, и за всѣ ваши ободрившіе меня отзывы, я рѣшился васъ безпокоить предложеніемъ: не угодно ли будетъ вамъ имѣть и еще изъ моихъ малороссійскихъ повѣстей, переложенныхъ на русскій? Въ такомъ случаѣ, получивъ отъ васъ извѣщеніе, я вышлю къ вамъ: «Конотопскую Вѣдму» и «Кладъ». Одобрить ее къ помѣ-

ценію въ журналѣ вашемъ или отринуть—совершенно зависѣтъ будетъ отъ васъ; я узнаю тогда цѣну имъ.

«Поручивъ Василю Андреевичу Жуковскому, въ бытность его въ Харьковѣ, «Марусю», вами помѣщенную, я вручилъ еще «*Мертвецкій великъ-день*» и «*Добре роби — добре буде*», также переложенныя по русски. Если они не заслуживаютъ чести быть извѣстными, то я равнодушенъ; но если вы ихъ не изволите видѣть еще и если можно ихъ отыскать, то предаю также въ волю вашу. «*Солдатскій портретъ*», помѣщенный въ Современникѣ же, прекрасно переданъ уважаемымъ мною В. И. Далемъ; но, съ позволенія его, есть выраженія, не такъ изъясняющія мысль и измѣняющія понятіе о дѣйствіи. Все это отъ неувѣстности мѣстности и обычаевъ.

Козырь-Дивка переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Корсаковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо надать.

«Всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ и возможности, готовъ служить вамъ, преисполненный благодарности за лестное вниманіе и за полезные труды ваши, въ чемъ да подкрѣпитъ васъ Богъ!»

II.

8-го февраля 1839 года.

«Не умѣю выразить той благодарности, какую преисполненъ за одушевившее меня, наставительное письмо ваше. Изъ него я удостоверился, что я *мало* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣтить холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго переливаю въ порожнее. Я думалъ, что или меня не понимаютъ, или въ самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочникомъ? Къ чему идти за толпою, въ коей всѣ глушатъ одинъ другаго. Мнѣ было досадно, что всѣ летаютъ подъ небесами, изобрѣтаютъ страсти, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, надѣво, и не писать того, что попадется на глаза? Живя въ Украинѣ, приучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена «Маруса» и другія, потому что списаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюсь вамъ, описывая «Марусю», «Галочку» и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ

нарѣчіе, слышу отъ васъ и, подобно вамъ, знающихъ дѣло, что оно хорошо; не я его произвелъ, а списалъ только. Слѣдовательно, все, что вы скавали обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что и есть, то по счастливой находкѣ или улучченію въ мѣту, по счастію.

«Слѣдуя одобренію вашему, пишу и буду писать. Буду и переводить, что сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналъ вашъ, помѣщайте; нѣтъ — безъ всякаго снисхожденія отриньте; личныя отношенія и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найдя судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благо-расположенность вашу, прилагаю «Ковтопскую Вѣдму», негъную по содержанію своему; но все это основано на *разказъ старожилловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдмъ при засухѣ, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи. Вслѣдъ за этимъ будетъ: «*Вотъ тебѣ и кладъ*»; въ маѣ вышла. Потомъ слѣдовала бы «Козырь дѣвка», но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что дать. Кто ее напечаталъ, на какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полсловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *Щирая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Не явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю».

III.

15-го марта 1839 года.

«По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчій. Я его просилъ написать что серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе неспособенъ. Зная его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло дагѣ, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и видя, что землякамъ это нравится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь-пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей».

«Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшникъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскарадомъ; выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по своему, и брошено, хотя правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполне (ну, право), красоту малоросскихъ оборотовъ. Такой переводъ «Маруся» и проч. дошелъ къ вамъ отъ Василя Андреевича? Вотъ, начавъ отъ потона, дошелъ я до настоящей цѣли отвѣта. Вы теперь видите, что я не произвольно, нечаянно, неумышленно попалъ въ писакки, и хотя, точно, обстоятельства мои требовали поддержки и я забегнулся пріобрѣсть что-либо, но все ускользало изъ рукъ, и ничто, до сихъ норъ, не ободрило.

«Все, посланное въ Петербургъ, тамъ и оставалось; или напечатываютъ, а мнѣ нѣтолько книжки, и спасибо не скажутъ, или затеряется тамъ, или замолчатъ; и я уже отложилъ всѣ заботы, чтобы получить что-либо, и не хлопочу, а все продолжаю писать, то отъ нечего дѣлать, то, чтобъ изложить мысль, какая намъ, съ женою, придется; хоть посмѣемся или погрустимъ вмѣстѣ—и то наше; потомъ и пустимъ печатать, кому отдамъ или такъ пойдетъ по рукамъ и затеряется. Также точно вы видите, что я не могу, по нынѣшнему, писать очищеннымъ слогомъ, подобранными выраженіями, и всегда буду сбиваться на свой тонъ, малороссійскій. Слѣдовательно, не беруся исполнить, по совѣту вашему, внушенному добрымъ вашимъ ко мнѣ расположеніемъ. При всемъ усиліи, при всемъ стараніи, буду взлѣзать на ходули и, отъ неумѣнія управлять, зашатаюсь и упаду. Зачѣмъ же приниматься за то, что выше силъ? Притомъ, почтеннѣйшій Петръ Александровичъ, потрудитесь вникнуть въ видимую разницу нашихъ — ну именно, языковъ русскаго и малороссійскаго, что на одномъ будетъ сильно, звучно, гладко, то, на другомъ, не произведетъ никакого дѣйствія, холодно, сухо. Въ примѣръ «Маруся»; происшествіе трогательно, положеніе лицъ привлекаетъ участіе, а рассказъ, ни то, ни сѣ; я говорю о русској; какъ напротивъ малороссійская беретъ рассказомъ, игрою словъ; оборотами, краткостью выраженій, имѣющихъ силу! Малороссійская «Маруся» не смертію интересуетъ, но жизнью своею. «Ни, мамо!» — «а тожъ—алѣ!» — у мѣста сказанное, въ русское этого не одѣнешъ. Примѣръ вамъ: *Праздникъ мертвецовъ*. Это легенда, мѣстный рассказъ, ежегодное напоминаніе въ семьѣ на заговѣны о «Терѣшкѣ,

попавшемся къ мертвецамъ съ вареникомъ!» Разсказанное по нашему, какъ всѣ передають это преданіе, нравилось; перечитывали, затвержи-вали. Перешло въ русское и вышло ни то, ни сѣ; поводъ журналисту трунить, чего я и ожидалъ, при прочтеніи ее въ вашемъ журналѣ».

IV.

26-го апрѣля 1859 года.

«Что же мнѣ дѣлать, если я себя не понимаю! (Это будетъ объясненіемъ на вторую часть послѣдняго письма вашего). Вотъ мое чисто-сердечное сознаніе. Никогда не думалъ я писать что-либо. Читанное не нравилось; и если встрѣчалось что-либо сходствовавшее съ моимъ разумніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не дѣлѣли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени. Я устроивалъ институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями; привелъ дѣло къ концу... и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ. Бросилъ всѣ мои труды и тутъ-то посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденъ приняться писать. По обстоятельствамъ, я написалъ первую, комедію... охъ!... «Дворянскіе выборы!» Родъ людей, которыхъ вы такъ вѣрно изобразили, принялись меня катать съ бока на бокъ. Всѣ эти господа начали пересчитывать сколько мною написано «ибо, поелику, дабы» — а слона-то и не примѣтили; цѣль, намѣреніе остались вовсе безъ разсмотрѣнія, и было ли то все въ шестъ, никто не сказалъ, выключая г. Ушакова, въ Телеграфѣ. Это меня огорчило, охладило. Защищая какъ-то достоинство языка малороссійскаго, я вызвался заставить разсказомъ своимъ плакать — не повѣрили; я написалъ «Марусю»; и когда убѣждали меня напечатать, то я, боясь опять цеховыхъ скалозубовъ, написалъ для нихъ «Солдатскій портретъ», чтобъ оградить себя отъ насмѣшекъ ихъ и чтобъ они поняли, что сапожнику не можно разумѣть портнаго дѣла. Для составленія части, писалъ простонародное преданіе, изъ рода въ родъ передаваемое: «Мертвецкій Великъ-день». Писавъ «Марусю», я узналъ себя, что могу такъ писать; но порусски, послѣ уроковъ за «Дворянскіе выборы», я боялся приниматься. И что жъ? Когда вышла первая часть повѣстей, отовсюду были отзывы, что они

плакали, какъ «Марусю» погребали, и я готовъ былъ плакать о нихъ. Были и такіе, что благодарили меня, что я доставилъ лакеямъ ихъ чтеніе, понимаемое ими; натурально, что я смѣялся надъ такими. Немногіе замѣтили, какъ Маруся съ Василюшъ пересыпалась песочкомъ, когда говорила съ ними о чувствахъ своихъ, и сказали, что мнѣ не нужно другой эпиграфы: «Онъ написалъ Марусю». Для нихъ, а болѣе для Анны Григорьевны, я продолжалъ писать и составилось двѣ части повѣстей. Здѣшніе, хваля мое писаніе, принимались переводить на русскій, но все было неудачно; я не перевелъ, а переписалъ слово-въ-слово, безъ малѣйшей перестановки словъ или пересказа другимъ образомъ. Въ ту пору проѣзжалъ В. А. Жуковскій. Наговорилъ много лестнаго и желалъ читать ихъ въ переводѣ. Какой былъ у меня подъ-рукою, я такой и вручилъ ему. Просили меня написать для театра оперу; я собралъ главныхъ здѣшнихъ характеровъ нѣсколько, наполнилъ пѣснями, обрядами, и пошло дѣло въ-ладъ. Изъ этого вы видите, что я таки нахожу себя способнымъ писать, и хотя знаю, что немногіе видятъ, что и для чего я пишу, но для понимающихъ пишу. И еслибъ не извѣстныя выходы самозванцовъ-цѣвнителей, то я писалъ бы и порусски, какъ бы смогъ; но не желая дать поводу трунить надъ собою, не смѣлъ бы за русское взяться, еслибъ не вы; и еще принялся писать на особый ладъ, о чемъ изъясню ниже. При первой встрѣтившейся идеи, я тотчасъ пишу и тогда у меня все въ сторону, пока не окончу. Не черню никогда ничего, а прежде всего въ мысляхъ сложу планъ, характеры лицъ, ходъ дѣйствій одного за другимъ; разговоры же и прочее приходятъ во время писанія. В. А. Жуковскій, говоря со мною о «Дворянскихъ выборахъ», совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ и съ тою цѣлью. Когда же я изъяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ. Тутъ я удѣвился за прежнюю мою мысль: добродѣтельныхъ людей, честныхъ чиновниковъ и вообще исполняющихъ свое дѣло, къ чему описывать? Въ порядкѣ идущія времена года, постепенное ихъ измѣненіе, польза, ими приносимая, какъ бы ни было все это описано, не займетъ насъ, потому-что мы сами все видимъ. Но ураганы, вырывки изъ порядка и всѣ необыкновенности: это должно описывать. Давно уже я приступилъ къ описанію жизни «Пустолобова», имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ. Онъ простачокъ, неполучившій образованія, чудно мыслить, будто понимаетъ дѣло, но превратно отъ общихъ разумѣній. Въ малолѣтствѣ остался сиротою. Его имѣніе разоряютъ судьи, опекуны; его развращаютъ,

поручаютъ въ пансіонъ мадамъ Филу; пансіонъ и потомъ дальнѣйшія его походы, участіе въ выборахъ и много-много... Сѣй сказки написалъ я первую часть и послалъ въ Москву. Тамъ на меня сильно напали; но когда Василій Андреевичъ ободривъ меня, что они говорятъ пустяки, то я принялся писать и нагородилъ (при всемъ желаніи усмирить себя) шесть частей. Но при первой мысли я тотчасъ сообразилъ, что, по выходѣ этой книги, всѣ опекуны, судья, содержатели пансіоновъ, предводители и всѣ описанныя мною, по именованиямъ лица, всѣ возстанутъ на меня. Здѣсь пречудный народъ! Вышла «Козыр-дѣвка» и судья сердится на меня, что онъ никогда бубликовъ не принимаетъ отъ просителей; за «Выборы» и теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ. Въ «Новогодникѣ» вышла статья «Скупецъ» и всѣ додумываются, кого я это описалъ? Чтò же будетъ, когда выйдетъ сатира на всѣ злоупотребленія, дѣлаемые людьми во всѣхъ званіяхъ? Я до-того испугался, что повторяю мои убѣжденія къ П. А. Корсакову, чтобъ отложилъ печатаніе вовсе. Вы видите и знаете, какъ я изъясняюсь и пишу; такъ изложена, безъ дальнѣйшаго старанія, вся повѣсть. Какое богатое поле ругателямъ-журналистамъ!

«Насмѣшки во всеуслышаніе, домашніе упрёки (если не болѣе) — это будетъ моею наградою! А мнѣ бы хотѣлось умереть покойно, чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо. Самоувѣренность не въ состояніи разогнать всѣхъ мрачныхъ мыслей.

«За размѣтаніе моихъ писаній не пѣняйте на меня. Все это вотъ какъ произошло. Графъ Бенкендорфъ отнесся ко мнѣ, прося статьи въ Альманахъ В. А. Владиславлева, на 1840 годъ, издававшійся съ благотворительною цѣлью. Я выслалъ. Вотъ отдѣльная статья. Другая отрывалась отъ цѣлаго, это отрывокъ отъ Пустолобова, который П. А. Корсаковъ разсудилъ помѣстить для свидѣнія, что будетъ цѣлое. Какое отрывокъ? Не знаю, не читалъ, за неимѣніемъ здѣсь и даже у меня альманаха. При приступѣ къ ***, безъ моего вѣдома, вписали меня въ сотрудники и потомъ уже спросили, чтѣмъ я могу содѣйствовать? Чтò дѣлать, у меня было въ мысли описать малороссійскую жизнь, и воспитаніе, и обряды, и проч. и проч. старинное, чего уже теперь и слѣдовъ нѣтъ. Я имъ объявлялъ, что будетъ «Халаявскій». Они ухватились обѣими руками, просили выслать и предложили о вознагражденіи, чтò мнѣ получить? Я просилъ всѣхъ журналовъ русскихъ и для Анны Григорьевны *Revue étrangère*. Они поспѣшили меня удовлетворить. Я выслалъ имъ начало «Халаявскаго». И самъ не знаю, помѣстятъ ли еще его и вѣсти ли онъ будетъ въ журналѣ; но дѣло сдѣлано. «Козыр-дѣвка» по

обстоятельствамъ, въ-отношеніи посвященія , нужно было издать въ-время; но все осталось втунѣ, и я не знаю, кому и благодарить за изданіе! Явится на-дняхъ «Ганнуса» порусски; это спекуляція не моя, а книгопродавца здѣшняго, на что я и рукою махнулъ. Вотъ всѣ мои бродячіе, исключая театральныхъ : «Шельменка» и «Сватанья». Двѣ части повѣстей сами по себѣ. Вотъ и полный мой отчетъ, изъ него видно, что мало раскидано, и то по необходимости.»

V.

28-го апрѣля 1839 г.

— «О «Пустолобовѣ» рѣчь. Знаете ли, кромѣ огорченія отъ неприятности вамъ, чрезъ банкротство П***, я обрадовался тому, что «Пустолобовѣ» не будетъ печататься. И если возможно меня болѣе, нежели успокоить и одолжить—отложите печатаніе его вовсе. Я не боюсь шмелей; я и уши заткну, я и уйду, чтобъ не слышать; но близъ насъ находящіяся блохи, клопы и прочая гадость, тѣ кусаютъ, или болѣе, беспокоятъ до того, что мѣста не найдешь! Журналистовъ не боюсь: они извѣрились, и каждый имѣетъ своихъ вѣрующихся въ него. Но здѣшніе, домашніе, ежечасно встрѣчающіеся, опекуны, дворяне, судьи, предводители, полицейскіе, совѣтники, казначей, содержатели пансіоновъ и всѣ поименованные характеры, коихъ лица, носящія званія сін, примутъ на себя, и я отъ нихъ нигдѣ покоя не найду. Если вы коротко знаете разнокалиберный кругъ губернской и толки по деревнямъ и въ уѣздныхъ сборищахъ, то вы согласитесь, что мои опасенія справедливы. Я писалъ, что, еще не читавъ и не видѣвъ статьи въ альманахѣ, а только изъ Сѣверной Пчелы узнавъ, что помещенъ «Скупецъ», всѣ спрашиваютъ меня : «На кого я штилъ? не на того ли, не на другаго ли?» Сообразивъ все это и повѣривъ моему опасенію, полагаю, что и вы согласитесь отложить и не вооружить... чтобъ не ввели въ такой храмъ славы, что и все бросишь! Тутъ же не безъ того, въ журналахъ встрѣчаются замѣчанія, насмѣшки, порицанія, колкости—все это моимъ уместующимъ здѣшнимъ подаетъ оружіе къ отмщенію, и я, вмѣсто удовольствія, увижу послѣдніе дни мои отравленными; въ каждомъ встрѣчающемся просто чловѣкѣ, буду встрѣчать врага себѣ и преслѣдователя. Гдѣ же искомое во всю жизнь спокойствіе?... Много нѣтъ представить вамъ справедливыхъ опасеній отъ дѣйствій благородно мыслящихъ; но остальное все постигнете и согласитесь со мною, что надобно отложить. Если же, по какимъ-либо обстоятельствамъ, уже отмѣнить печатанія невозможно, что дѣло пошло гораздо впередъ и

сопряжено съ убыткомъ кому-либо значительнымъ; въ такомъ случаѣ, я просилъ бы и прошу убѣдительно, сколько можно, отвратить отъ меня гласно составленіе этой книги. Нельзя-ли въ заглавіи сказать: «издано, или составлено «Х. Б. Ч. К. М.» и тому подобными буквами, какъ лучше придумаете; или просто: «издано обществомъ» или что угодно — что угодно, только бы не мое, или Основьяненка, имя было! Уже и альманачная статья покажетъ на меня; но *отбрешуся*, если въ полномъ изданіи закрыто будетъ! Еще бы я просилъ, разумѣется, когда уже невозможно приостановить печатанія, чтобъ, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Самичъ*, а какъ-нибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барыни, которая уничала и безпутьно вела себя, сказано: что она *не имѣла волосъ и носила парикъ*; выключите эту приквѣту. По справкѣ оказалось, что у одной барыни, вовсе не такой, какъ моя, не имѣется волосъ на головѣ и она носить парикъ; она меня съѣстъ, хотя, чортъ ее знаетъ, есть ли у нее волосъ! И вообще все это похождение съ этою барынею, такъ какъ-то сухо и незанимательно. Или бы и выкинуть его вовсе, или обработать и украсить чѣмъ интереснѣе. А что касается до губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда! Куда ни оборотись, всѣ будутъ ворчать. Вмѣсто *губернскаго прокурора* о экипажѣ, нельзя ли переимѣнить, стражчій верхняго земскаго суда; совѣтника, къ которому явился Пустолобовъ для полученія мѣста, нельзя ли переимѣнить на секретаря намѣстническаго правленія, и проч. и проч., всего и не припомню. А полиція что скажетъ? А мелкое дворянство? Ужасъ, ужасъ и ужасъ! Однимъ-словомъ, доставите мнѣ больше, нежели одолженіе и успокоеніе, когда отклоните и возвратите мнѣ рукопись. Изъ нея можно будетъ выпустать отрывки для альманаховъ и въ журналы; но все это по выбору и обдѣланное. А все изданіе пусть бы шло послѣ смерти моей, чтобы я покойно дожилъ вѣкъ въ кругу своемъ. Благодаразумію вашему и лестной дружбѣ вашей, такъ слѣпо доказанной, поручаю этотъ процессъ. Я изложилъ, хотя вкратцѣ, но намекнулъ на все, на всѣ опасенія отъ послѣдствій. Рѣшите дѣло, и я не буду апеллировать. Съ нетерпѣніемъ жду вашего заключенія, чѣмъ не отлагайте успокоить меня. Еще прибавлю: меньше бы я беспокоился, еслибъ какое-нибудь послѣдовало одобреніе слыше; тогда, видѣвъ вниманіе, можетъ-быть, прикусилъ бы языки; но кто же можетъ навѣрное знать? Еслибъ былъ здѣсь В. А. Жуковский, онъ задалъ мнѣ эту тѣму. Что бы онъ сказалъ? Взлся ли бы

поддержать тамъ, гдѣ надобно? Итакъ, съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія; не замедлите къ успокоенію моему».

VI.

13-го мая 1839 г.

«Въ «Отечественныхъ Запискахъ» явится скоро «Панъ Халаявскій». Это начало и отдано еще до поступленія моего въ покровительство ваше. Онъ началъ по препорученію Василя Андреевича, переданнаго мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника графа Панина, чтобъ описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго. Я понялъ, что это высшаго сословія, и сдѣлалъ начало. Чтò вы о немъ скажете? Если онъ заслужитъ ваше одобреніе, то его можно расподѣлить, въ томъ же тонѣ, отъ двухъ и до четырехъ частей. Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процессы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч. На чтò и буду ожидать рѣшенія вашего. И такъ понаберется частей восемь или и болѣе, кромѣ «Пустолобова», которому рѣшенія ожидаю отъ васъ.

«Ко всему этому я приступаю единственно по требованію вашему. Теперь же скажу съ всегдашней моею откровенностію о главнѣйшемъ предметѣ. Я получаю отъ брата опредѣленную пенсію; рассчитанной мною, отъ числа до числа, отъ срока до срока, стааетъ; но лишняго не бываетъ и ни откуда не приходитъ, слѣдовательно приступить къ печатанію я не имѣю никакой возможности. Занять для того денегъ, не смѣя и думать о вѣрномъ приобрѣтеніи, неприлично; а потому и должно отложить всякое попеченіе. Не полагаю возможнымъ, чтобъ нашелся совѣстный книгопродавецъ (гдѣ они?) взять изданіе на себя. Обѣщанныя выгоды едва-ли онъ исполнитъ, едва-ли устоятъ въ словѣ. И со мною были подобные примѣры. Итакъ, это обстоятельство положить преграду всему, чтò вы, по доброму расположенію и участію, точно дружескому, хотѣли сдѣлать для меня. Это одно стѣсненіе заставляеть меня отказаться отъ предложенія вашего и потому еще, что, по вашему предусмотрѣнію, первоначальная подписка въ наше время невозможна».

VII.

21-го іюня 1839.

«Со всею откровенностію отвѣчаю на послѣднее письмо ваше отъ 5-го іюня. Упражненія въ дѣлахъ, незатѣливость, ограниченность въ

жизни обратили на меня вниманіе дворянства. Я былъ постоянно избираемъ въ почетныя должности, когда нѣкоторыя изъ первѣйшихъ особъ не были удостоиваемы къ тому. Весьма-натурально, что это произвело зависть и желаніе повредить мнѣ; клеветали на меня, разсѣвали обо мнѣ разныя нелѣпости—ничто не помогало; я былъ избранъ въ Предсѣдатели Палаты. Здѣшніе завистники употребили все, чтобъ помѣшати мнѣ, и успѣли. Утвержденъ былъ не я, а младшій мой кандидатъ. Тутъ-то усилили слухи, что Г*** не благоволятъ ко мнѣ, а Б*** употребитъ все, чтобъ меня не допустить служить нигдѣ. Но дворянство, вопреки молвъ, не имѣя прямаго на счетъ мой запрещенія, избрало меня въ подобную первой почетную должность совѣтнаго судьи. Въ семь званій я имѣлъ счастье быть, вѣстѣ съ прочими членами, представленъ въ Харьковѣ Государю Императору и удостоенъ, изъ-за другихъ, всемогущѣйшимъ вопросомъ. Графъ видѣлъ меня и я не замѣтилъ отъ него нерасположенія, какъ бы должно ожидать къ человѣку, замѣченному въ чемъ бы то ни было. Больше: чрезъ него шла представленія о наградахъ тогда же, и я не исключенъ имъ и представленъ и получилъ награду. На зло завистникамъ и клеветникамъ здѣшнимъ, избрали меня вторично въ совѣтныя судьи. Шумѣли, спорили, препятствовали явно, но меня все избрали. Если выйдетъ «Пустолобовъ», не будутъ ли они, имѣя средства, перетолковывать каждое въ немъ слово, а особливо въ главахъ о ходѣ выборовъ? Тутъ найдутъ и намеки и указанія на того, на другаго; и чего они не сплетутъ! А между-тѣмъ, въ слѣдующемъ году, наступаютъ выборы, и мнѣ бы желалось еще послужить, пока есть здоровье и силы. Давши всему превратный толкъ, могутъ сдѣлать свои внушенія. Вотъ причины, для коихъ не желалъ бы я, чтобъ «Пустолобовъ», при жизни моей являлся въ свѣтъ, чтобъ не нанесъ имъ неприяностей отъ собратій, увлеченныхъ мѣтвіями и толками нерасположенныхъ людей! Конечно, одобреніе Г***, хотя бы словомъ, много бы меня ободрило и приостановило бы дальнѣйшіе здѣшніе толки; но этого ожидать не смѣю. Итакъ, извольте видѣть, что ни явнаго врага, ни тайно дѣйствующаго ко вреду моему, не имѣю между важными и сильными; а беспокоятъ домашнія шавки или, лучше, клопы, тараканы, блохи и прочая домашняя гадость. А потому выпускъ «Пустолобова» въ свѣтъ или сокрытіе его подъ-спудъ совершенно зависитъ отъ васъ и въ этомъ отношеніи я заранѣе соглашаюсь съ намѣреніемъ и дѣйствіемъ вашимъ.

«Если вы нашли «Пустолобова», долженствующаго значить болѣе чего-либо, то прилично ли будетъ посвятить его Василю Андреевичу Жуковскому? Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ

его, вѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и препоручилъ мнѣ написать подобное. Если вы одобрите мое пламенное желаніе и не найдете обстоятельствъ, препятствующихъ тому, то извольте располагать такъ же неограниченно, какъ и во всемъ, къ моей восторженной благодарности».

VIII.

5-го августа 1839. Основа.

«О «Халаявскомъ». Гг. основатели «Отечественныхъ Записокъ», объявляя о сотрудникахъ, включили меня и потомъ отнесли, предлагая вознагражденіе. Я послалъ имъ «Халаявскаго» первую половину, располагая изъ него сдѣлать что-нибудь цѣлое съ подробностями. Въ вознагражденіе требовалъ журналовъ, коихъ вышло на цѣну 265 руб. кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Они немедленно начали высылать все, и просили «Халаявскаго» продолжать, хотя бы на восемь книжекъ, и что первая тетрадь будетъ помѣщена во второй книжкѣ.

«Головатый», какъ любимецъ Анны Григорьевны, принять ею въ свое покровительство и она предположила отъ него воспользоваться. Начавши дѣло съ «Отечественными Записками», мы хотѣли имъ послать записку, что намъ нужно будетъ ту цѣну, какую вы назначите; но если вы находите другую и удобнѣйшую дорогу къ удовлетворенію желаній нашихъ, то я зависить совершенно отъ воли вашей. Мы вамъ ввѣрили и вамъ все предоставляемъ. Причемъ нужно объяснить. Вамъ извѣстно уже, что мы живемъ на пенсіи, достаточной для жизни, но въ дальнѣйшемъ неудовлетворительной. Въ осьмнадцать лѣтъ нашей супружеской жизни я не могъ ничего доставить Аннѣ Григорьевнѣ. Теперь, когда, благодѣтельнымъ вашимъ участіемъ, открывается способъ и возможность пріобрѣсти что-нибудь для удовлетворенія приличій и необходимостей, и когда здѣсь, даже и за деньги, невозможно хорошее имѣть, то я и убѣдилъ и настоятельно упросилъ ее сдѣлать записку, сходно съ моимъ желаніемъ, что бѣ нужно имѣть? Она составила, съ означеніемъ цѣнъ въ нѣкоторыхъ вещахъ. Главнѣйшее затрудненіе, кто позаботится пріискать и купить все, не только по цѣнѣ, но и по достоинству? Е. П. Гребенка со всѣмъ радушіемъ вызывается исполнять все, даже до модныхъ магазиновъ.

«О посвященіи ***. По должности, онъ меня нашелъ и, превознося, просилъ о присылкѣ «Пустолобова» и другихъ. Все прочее у него затеряно и не возвратилось. Богъ съ нимъ! Переписка наша самая

дружеская; несмотря ни на что, я былъ все одинъ и хотѣлъ показать ему прямое, искреннее расположеніе, подписалъ ему статью; но какъ его не извѣщалъ, то и должно посвященіе исключить. О посвященіяхъ я думаю одинаково съ вами...

«О «Слободскихъ Полкахъ» просила меня редакція «Отечественныхъ Записокъ». Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье-либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе.

«Полученіе денегъ ни на что болѣе не нужно, какъ на приобрѣтеніе вещей, подобно какъ въ запискѣ. Слѣдовало тѣ же деньги отправлять обратно за вещами; и для того, лучше, не высылая денегъ (еслибы когда оставались) удерживать ихъ до будущихъ надобностей.

«Хорошо Гоголю! На немъ почли существенно монаршія индустри; онъ и не боится никого: всякій знаетъ о покровительствѣ. Но здѣсь, у насъ, правдою не возьмешь. О прочемъ всею лучше молчать, какъ на выходку Полеваго противъ «Праздника Мертвецовъ» показываютъ, рассказываютъ немногіе, но все же шипятъ. А попался имъ что такое, къ чему могутъ придраться, тутъ имъ наслажденіе!

«Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ и старанія достигать цѣли своей; а любопытно было бы взглянуть на нихъ ближе, слышать сужденія, толки и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, последнее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, рассказалъ бы, что на душѣ, послушался бы васъ, да хоть и назадъ ѣхать. Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду».

IX.

23-го сентября 1859. Основа.

«Г. Полевой, воскуривая мнѣ ошіямы въ журналѣ, наконецъ отнесся чрезъ знакомаго съ тѣмъ же, и въ заключеніе просилъ статей въ «Сынъ Отечества». Я ему отказалъ; ни о статьяхъ, ни «о дѣлаемой мнѣ чести» ни слова; на томъ и кончилось! Одинъ словомъ, вездѣ иду и исполняю по наставленіямъ вашимъ. «Ганнуса» издана здѣшнимъ книгопродавцемъ, безъ моего участія и дальнѣйшаго надзора. Анна Григорьевна не полюбила ее сначала и теперь ворчитъ на меня за выпускъ ея. По-иному, пусть идетъ въ-рядъ за прочими; есть и плоше

ей. Еще одна готова : « Украинскіе Дипломаты ». Вычистивъ и просмотрѣвъ внимательнѣе, доставлю къ вамъ.

« Заключаю мое письмо усугубленіемъ благодарности за исхищеніе меня изъ когтей литературныхъ братій. Чтò они дѣлали со мной? Теперь вижу ихъ ясно , смѣюсь надъ всѣми ихъ выходками и покоенъ ».

X.

27-го сентября 1839 г.

« Сегодня передано мнѣ отъ г. Смирдина приглашеніе участвовать въ « Сынъ Отечества » и просили сказать объ условіяхъ , на которыя они заранѣе согласны. Я поблагодарилъ и, также на словахъ, сказалъ, что я не занимаюсь ех officio, чему давши слово посвятить себя, и пишу, когда вздумается. Ну ихъ совсѣмъ! »

XIII.

31-го января 1840.

« Мы , то-есть я и Анна Григорьевна , хотимъ попытаться дѣлать « Провинціальныя замѣтки на журналы » и передавать на рассмотрѣніе вамъ ; но, за неполученіемъ еще журналовъ, не имѣемъ ничего къ нашему занятію. Хочется, совершенно въ вашемъ духѣ, говорить, безъ язвительности, колкости, а всего менѣе, отверженной благоразуміемъ насмѣшки и браней ; хотѣлось бы показать, что и въ провинціи есть люди, могущіе судить своимъ умомъ и неслѣдующіе за мнѣніями крикуновъ, учителей-самозванцевъ.

« Изъ повѣсти « Украинскіе дипломаты » я написалъ комедію и отъ здѣшняго театра получилъ тысячу рублей. Кромѣ-того, пьеса очень нравится и ее давали нѣсколько разъ, по требованію, и еще будутъ давать; почему думаю, что и въ повѣсти она принята будетъ ».

XIV.

9-го марта 1840.

« При семъ является « Панъ Халявскій », въ двухъ частяхъ, въ полное распоряженіе ваше, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ. Чтò вы о немъ скажете и какимъ его найдете—мнѣ очень-интересно. Я же долженъ вамъ объяснить, что (оставляя въ сторонѣ первую часть, которая была напечатана въ двухъ частяхъ, въ « Отечественныхъ Запискахъ ») вся вторая часть писана изъ доходившихъ до

Т. СІІІ. — Отд. II. 9

меня рассказывъ чудновѣ. Первое влюбленіе и за землѣ, грѣшныи, было! Надгробная рѣчь ходитъ по рукамъ, какъ подлинное сочиненіе одного, здѣсь извѣстнаго философа. Насильное занятіе въ службу «панъчѣй» и уходъ ихъ оттуда, хотя бы и безъ чина — это все здѣшніи событія, еще воспоминаемыя стариками. Поездка въ Петербургъ, угощеніе, и именно въ Тулѣ, пребываніе въ столицѣ, понятіе о городѣ, театрѣ и всѣ продѣлки, тамъ сдѣланныя — все это съ жаромъ рассказываетъ здѣшній чудакъ, какъ все съ нимъ случившееся. Раздѣлъ съ братьями такъ бываетъ обыкновенно; я самъ разбиралъ библиотеку, гдѣ все третьи и шестые томы были, и владѣлецъ ихъ, какъ неопровергаемый фактъ, представлялъ мнѣ, что иначе нельзя было получить: «Я де былъ третій братъ!» Разломаніе лѣстницъ случилось точно, и все былое. Заключение «О папашѣ и мамашѣ» — это отъ забытка деда. О произведеніи всего этого судите по вашему усмотрѣнію.

«Съ «Халаявскимъ» посылается и «Панна Сѣтниковна», любимица Анны Григорьевны. Ничего не скажу вамъ о ней; а скажите вы, когда прочтете. За нее было у меня большое преніе съ нашими умѣлыми судить. Братъ мой, старшій меня и наблюдающій за честію наци, читавши, плакалъ и самъ подписалъ, что это истинное происшествіе, какъ оно и есть. Удостоите ее мѣста въ вашемъ «Современникѣ», въ какой книжкѣ заблагоразсудите; если же найдете чтѣ требующее намѣненія, по несообразности, по неестественности, возвратите и скажите, чтѣ и какъ передѣлать.

«Всю доходную часть отъ литературныхъ занятій моихъ, еще съ начала, я предоставилъ въ полное распоряженіе Анны Григорьевны, и присемъ убѣдительнѣйше прошу сказать со всею откровенностію, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не озобочиваютъ ли васъ наши препорученія и не отнимаютъ ли времени, такъ нужнаго для васъ?»

XV.

18-го мая 1840.

«Вы, я думаю, видѣли въ «Пантеонѣ» мою комедію (74)? Она точно написана давно, была у меня брошена, попала, вовсе безъ дѣла, въ Петербургъ и, не спрося моего желанія, помѣщена въ «Пантеонѣ». Я недоволенъ ею, а нѣкоторыя, хотя и ничтожныя выходы противъ нѣкоторыхъ, мнѣ не нравятся. Не люблю ихъ затрещивать!

(74) «Пріѣзжіи изъ Столицы».

Итакъ, если и вы недовольны моею комедіею, то знайте, что она поступила туда противъ воли и безъ ведѣнія моего, и я узналъ о ней только съ выходомъ книжки. Въ чемъ и долженъ оправдаться предъ вами».

XVI.

5-го августа 1840 г. Основа.

«Изъ всѣхъ гг. журналистовъ, честиѣ всѣхъ поступила со мною редакція «Пантеона». Извинясь въ самовольномъ распоряженіи моею комедіею, поспѣшила доставить все, по расчету, и съ большою заботливостію выслала все, что нужно было для Анны Григорьевны, а всего то нечелюй, *рублей на сто съ небольшимъ*. Это меня заставило участвовать въ ихъ изданіи и послать имъ мои комедіи, никуда, кромѣ ихъ, немогущія идти; да сверхъ-того, послалъ имъ кое-какія статьи мелкія.

«Прискорбно имъ было читать въ журналахъ, что будто у меня есть чрезъ комедію ⁽⁷⁵⁾ какое-то соперничество съ Гоголемъ. Вотъ уже никогда не думалъ! и еслибъ это предвидѣлъ, *вѣрно никогда бы не выслалъ къ нимъ своей комедіи*. Тѣ же комедіи, кои послалъ въ «Пантеонъ», совсѣмъ другаго рода: одна изъ «Украинскихъ Дипломатовъ», другая также ни отъ кого не заимствована. Соперничать съ кѣмъ-нибудь никогда не помышлялъ, и еслибъ узналъ, что кѣмъ написанное— въ родѣ подобнаго моему, то скорѣе всего приостановился бы и бросилъ свое».

XVII.

14-го декабря 1840. Основа.

«Пользуясь отсутствіемъ моей Анны Григорьевны, украдкою отъ нея, пишу къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ, и все-таки съ безпокойною для васъ и убѣдительною моею просьбою, вынужденный настоятельнымъ требованіемъ вашимъ относиться обо всемъ прямо къ вамъ.

«Анна Григорьевна имениница 3-го февраля... Долго я выѣдывалъ у нея, что бы ей приготовить по вкусу ея, и наконецъ замѣтилъ, что ей хотѣлось бы имѣть шубу понаряднѣе и пристойнѣе, шубу, какія нынѣ носятъ, съ крышею и воротникомъ, хотя бы въ тысячу рублей,

(75) Любопытно, что некоторымъ казалось, будто Островскій въ этомъ случаѣ заимствовалъ у Гоголя планъ «Ревизора».

на средній ростъ. Цвѣта крыши не умѣю вамъ выразить ; но какой употребительный въ лучшемъ тонѣ.

«Она у меня одна въ мѣрѣ; ей желалъ бы доставлять все, что бы она ни пожелала, и потому дружбою нашею умоляю васъ не петитоваться моимъ препорученіемъ и не отказать—все прилично, и уложивъ все прочно, отправить чрезъ комиссію транспортовъ, чтобъ чрезъ почту неотяготительно было огромностью поклажи. Не умѣю вамъ выразить, какое доставите мнѣ удовольствіе, сдѣлавъ ей нечаянность по ея вкусу и желанію, все это предполагаю, въ надеждѣ удачнаго сбыта книжекъ, умоляю васъ не подвергать себя собственно какимъ-либо издержкамъ...

«Оканчиваю повтореніемъ убѣдительнѣйшей просьбы не тяготиться моимъ послѣднимъ симъ препорученіемъ и не прежде исполнить по немъ, какъ когда способы за уплатою кареты будутъ позволять! Малѣйшее отягощеніе васъ въ этомъ случаѣ и всякая издержка ваша для насъ будетъ очень-прискорбна и Аннѣ Григорьевнѣ, вмѣсто утѣшенія, принесетъ огорченіе...

«Въ случаѣ невозможности нынѣ исполнить, можно отложить и до будущей зимы; главнѣйшее лишь бы вы не были ничѣмъ отягощены отъ насъ, чего мы въ правѣ требовать даже по дружбѣ нашей».

XVIII.

13-го сентября, 1841 года.

«Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ*. Гаркуша именно былъ, существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его, слышавшихъ сужденія его и отъ нѣкоторыхъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его; городничиха, со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши, изложена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ, она купила имѣніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харцызца*. Все объясняю для того, чтобъ не подумалъ кто, что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ*, то это не винить его. Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его, не входя въ намѣренія, какъ теперешніе *критики* не смотрятъ на цѣль сочиненія, а наблюдаютъ, у мѣста ли поставлены *запятая, ъ, ы*, изящество бумаги и прочіе важные предметы...

«Какова латынь въ статьѣ? Но и это все, то-есть, страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью, и это все истинно: молодой чело-

вѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслялъ; не правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, еслибъ все, сказанное мнѣ, привели бы перомъ своимъ въ стройность и дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйствительно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодаго человѣка — вся сен-тенція, и потому нужно бы, чтобъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана.»

XIX.

Письмо къ Жуковскому отъ 3-го декабря 1841 года.

«Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти и поставилъ лицо, страдающее отъ различныхъ угнетеній, не безъ разсудка вовсе, но по корыстолюбивымъ видамъ гонимаго до того, что его лишили даже воспитанія, на которое онъ, по роду и состоянію своему, имѣлъ полное право. За отнятіемъ сего блага, онъ страдалъ отъ того вездѣ и отъ всѣхъ цѣлую жизнь свою. Притомъ же, я полагаю, что если онъ будетъ умнѣе, то не съ той уже точки будетъ смотрѣть на вещи и на все, встрѣчающееся ему, и перескажетъ уже не такъ, какъ прилично съ понятіями, одному ему свойственными.»

ПИСЬМА ДРУГИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ КЪ ОСНОВЬЯНИКЪ.

I.

Письмо Михаила Николаевича Заюскина, отъ 1836 г. ноября 10-го (Москва).

«Я прочелъ съ удовольствіемъ комедію *Пріѣзжіи изъ столицы*, которую вамъ угодно было, при вашемъ письмѣ, доставить ко мнѣ; въ ней есть сцены истинно-комическія, и еслибъ я получилъ ее прежде, чѣмъ *Ревизоръ* былъ данъ на здѣшней сценѣ, то она была бы непременно принята; но, такъ какъ главная идея этой пьесы совершенно одна и та же, какъ и въ *Ревизорѣ* г. Гоголя, то я почти увѣренъ впередъ, что эта пьеса не можетъ имѣть успѣха. Публика всегда чрезвычайна строга къ *подражаніямъ*, а увѣрить ее едва ли будетъ можно, что эта комедія написана прежде комедіи г. Гоголя; впрочемъ, еслибъ это было и возможно, то и въ этомъ случаѣ ей покажется скучнымъ смотрѣть пьесу, которая во многомъ имѣетъ большое сходство съ пьесою, столько уже разъ игранною на петербургской и московской сценѣ.

«Примите, милостивый государь, искреннее уверение въ совершенномъ моемъ уваженіи къ автору комедіи «Дворянскіе выборы», которая, вѣроятно, имѣла бы величайшій успѣхъ, еслибъ могла быть дана въ здѣшней оцѣнѣ».

II.

*Письмо Владиміра Ивановича Дала-Луцкаго, отъ 1840 года.
(Число не означено).*

«Золото, чистое, ненаглядное золото получалъ я отъ васъ въ подарокъ. Сколько у меня ни есть знакомыхъ, добрыхъ людей, въ вашихъ и другихъ мѣстахъ, сколько я ни старался вызвонить отъ нихъ что-нибудь, никогда и ни отъ кого не получалъ подобнаго подарка, никто не понималъ нужды моей такъ, какъ вы. Удивляюсь одному только: какъ можно выпускать изъ рукъ такіе дорогіе запасы! Я говорю отъ души, никому бы не далъ этого, ниже первому и лучшему пріятелю своему, а скупился бы этимъ, какъ кладомъ неоцѣненнымъ и берегъ бы собственнo для себя. Этого и за деньги достать нельзя, а у меня бы подаркомъ никто не выпросилъ. Просить о продолженіи не смѣю; а надеяться могу, ибо вы сами говорите: «вотъ вамъ, на первый случай»; следовательно будетъ, или по-крайней-мѣрѣ, могло бы быть другое? ⁽⁷⁶⁾».

«Если я не успѣю приступить въ самомъ скоромъ времени къ отдѣлкѣ вашего жемчуга, то можете во всякомъ случаѣ быть увѣрены, что я не пророю ни одного словечка изъ тетрадки вашей, а все пойдетъ современемъ въ строку. Занятія этого рода меня утѣшаютъ и забавляютъ, радуютъ и питаютъ. Тотъ, кто нынѣ занимается изыскою словесности нашего народа, того помянуть — коли не современники, такъ потомки. Пусть это будетъ мечта, сказка; да и не за быльями же намъ гоняться...

«Сдѣлайте одолженіе, благодарите сердечно почтеннаго издателя *Пословицъ* за присылку книжки своей; благодарите его вдвое за благую мысль—приступить къ этому собранію, и подстрекайте, «не шиломъ, такъ мыломъ» продолжать, собирать и издавать все то, что ходитъ въ свиткѣ да въ кожухѣ. Отчего у насъ нѣтъ доселѣ достойной изысканной словесности; развѣ мы не тѣ же люди что Нѣмцы, да Голландцы? Или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печетъ? Совсѣмъ не то;

(76) Любопытно бы видѣть въ печати посылку, которую получилъ изыскатель В. И. Даль отъ Осиновьяненьки, его *Славки*.

имъ повали не въ свои колѣн; вы сочили какой-то книжшій, надутый языкъ, вышевъ пезаморекы, русскими словами, и удивляемся, что насъ не читають и не понимаютъ! Да, не понимаютъ, и не могутъ понимать, такъ точно, какъ кахтинскіе китайцы говорятъ по-англійски такимъ говоромъ, котораго никто на свѣтѣ не могъ бы признать за англійскій языкъ; и англичане понимаютъ ихъ только по привыку, по привычкѣ. Кто изъ русскихъ обжился съ словесностью нашею, тотъ читаетъ, кой-что понимаетъ; кто придется читать, надѣясь только на здравый умъ и на русскій языкъ, на коренной, простой русскій языкъ, тотъ будетъ стоять и слушать, какъ англичанинъ китайца. И лучшія произведенія знаменитѣйшихъ нашихъ писателей хвораютъ этою болѣзнію; все, что они пишутъ, нерусское по духу, нерусское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него какъ на прекрасный *переводъ* съ иностраннаго; а скажите, что это родное и вамъ природный русскій скажетъ: неправда. Но я залепортовался, и отмололъ съ плеча три страницы, писать на четвертую: «милостивый государь, вашъ—и проч.», да и печатать. Но я еще вспоминалъ: полно, разобрали ль вы моего «Цѣгушка»? Я такъ могу похвалиться, что у меня рѣдко кто, какъ полѣзеть рыться въ бумагахъ, разбереть то, что не для него написано; разобрались и хохлацкія вставочки?

«И у меня бѣда похожа на вашу. Я, что ни посылаю въ Питеръ, все, какъ чорту на голову: не добиться ни складу, ни ладу, ни толку, ни отвѣту. Трудно печатать, коли не жить въ типографіи... Еще разъ благодарю за «Клинику — Злодѣя», за «Краденный Зубъ» и за «Вѣдну», съ конни имѣю честь пребывать и проч.»

Письма Е. П. Грѣбенки къ Осмовьянннкъ.

III.

На малороссійскомъ языкѣ, отъ 14-го сентября 1858 года. С.-Петербургъ.

«Давно, дуже давно я васъ знаю, добродію; не одинъ разъ я одво-дывъ душу, балакаючи зъ вами, не разъ плакавъ видъ щираго сердца, слушаючи вашихъ казокъ, або реготявсь, якъ той казавъ, до не змогу—отъ що! А вы ёго и не знаете! Що недавно отце я вамъ казавъ, та и не я одинъ, а вси наши — превелике спасибі за *Козырь-дику*; зъ биса десь була гарна дивчина! Я читавъ ваше такежъ рукописне, у цензури; прочитавъ, та ажъ облязавсь! Та и подумавъ: Господы мій милостивый! якъ то народъ пише гарно по нашому, и чомъ отъ у тій

журналы ничего такого не берут? А дали згадавъ, що и у мене ё зо дви, чи зо три приказокъ, та ё знаемый чоловикъ Котляревскій, та ще може зо два такнхъ, що пишуть хрестіянською мовою, тай кажу собі: а нехай я поклонюсь добрымъ людямъ, та сберу невеличкій «Сборнычокъ», нехай собі ходыть по билому свитови, хай потиша православныхъ! Эге, такъ? Такъ я до васъ зъ прошеніемъ: будьте ласкави, пане Грїцьку, пришлите якій небудь казень — люблящому и почитающому васъ землякови *Е. Гребинци*. — P. S. Не можете ли достать чего малороссійскаго у Гулака-Артемовскаго?»

IV.

Помалороссійски и порусски, отъ 12-го октября 1838 г.

«А мабуть то мало и я зрадовавсь, якъ получивъ видъ васъ одвнѣ, мій коханий паночку! Бо бачите, я хоть и мавъ васъ за доброго чоловика, та все-таки не знавъ вашои натуры, думавъ и такъ и сякъ, и тее и сее. Жду и не джудусь «Оксаны!» И отбою нема одъ нашихъ хлопцивъ; а ихъ таки тутъ ё зъ московскій десятокъ!) Якъ я имъ сказавъ, то телько й речи: «а що, прїехала?» Я й гримну на нихъ: «Та кажу, що ни! адвѣжитця видъ мене!» то вони й пидуть сердешни, носы повисивши, мовъ тів лелеки, далеби що правда!—На ваше предложеніе объ изданіи «Литературныхъ Прибавленій» на малороссійскомъ языкѣ я говорилъ съ журналистами, и согласилъ Кр.^{***} издать четыре «Прибавленія» въ годъ при новомъ журналѣ, съ 1839 г., «Отечественныя Записки». Всѣ литераторы, которые имѣють въ себѣ довольно гордости и не могутъ подчиниться деспотизму Сен—^{***}го, будутъ въ немъ участвовать: всѣ порядочные люди. Редакція поручила мнѣ пригласить васъ участвовать и на русскомъ языкѣ!—До зобачевья же, мій коханий пане; нехай видъ васъ одмахують крыльцями Божи янголы усаку напасть; нехай ваша доля насыпа ваши коморы боршномъ и кишени золотомъ; нехай ваша жинка и диточки ⁽⁷⁷⁾ цвѣтуть, якъ макивочки: сѣго широко бажа васъ дуже кохающій *Е. Гребинка*. (Приписка на боку листа): Не здивуйтесь, що погано попысано! Така моя вдача: не вивчили добри люде краще писати.»

V.

Отъ 18-го ноября 1838 года, помалороссійски и по руски.

«Добре, добре, паночку! Хибажъ я коли видъ дла цуравсь? Я й самъ свыту знявъ бы, та робывъ бы, абы було що! Изданіе «Прибав-

(77) Основьяненка былъ бездѣтень...

лелій» должно быть подъ моимъ смотрѣніемъ, бо я трохи тягну чоловічеську мову... Мы мусимо зробить чотыри книжки: першу у марти, другу у конці мая, або у іюні, третю къ Семену, або къ Воздвиженю, а четверти у Пилипкву, геть туды къ Риздву, після Савы, або Зачатія. А що тутъ е у мене одинъ землякъ Ш***о, що то за завзятый писать вирши, то нехай ёму сей та той! Якъ що напише, тильки цмокии, та вдарь руками объ полы! Винъ минн давъ гарныхъ стихивъ на Сбирникъ. А отти бандуристы, що вы прислали минн, щось не тее! Ноты, коля хочете прислать, то краще зъ басомъ, бо бась у музыцв, якъ чоловікъ у семьи, не дуже то выпивуе, але дае усѣму порядокъ, вишь голова... Уже, якъ хочете, а я вамъ признаюсь, павочку, що люблю вашу жинку, зроду не бачивъ, а чуючи, що вона дуже стало-быть мудрая. Краевскій чрезвычайно радъ видѣть вашего Халавскаго... Въ 1 № будетъ Марлинскаго: «Заински зачумленнаго офицера» — обявденіе! Изъ письма вашего вижу, что вы знаете Аванасьева; гдѣ онъ пропадаетъ? дайте ему мой адресъ и попросите написать ко мнѣ. Бувайте здоровы, зъ жиночкою!»

IX.

КРИТІКЪ СОЧИНЕНІЙ ОСНОВЬЯНЕНКА (78).

(Съ 1816 по 1849 годъ).

Въ заключеніе статьи нашей о Квиткѣ, и въ облегченіе будущаго издателя *Полнаго собранія его сочиненій*, приводимъ хронологическій списокъ этихъ сочиненій, составленный нами съ большимъ трудомъ, потому-что почти никто изъ русскихъ авторовъ такъ не разбрасывалъ своихъ произведеній, какъ Квитка. Исчисляемъ ихъ по годамъ.

1816 годъ (79). 1) *Статьи объ Институтъ и Благотворительномъ Обществѣ въ Харьковѣ*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, мѣсяцы январь, апрѣль и май, на стр. 94 — 101, 238 — 247,

(78) Если сочиненіе подписано прямо именемъ Квитки или псевдонимомъ Основьяненко, принадлежность его нашему автору не пуждается въ объясненіяхъ; когда же оно подписано другими, не столь извѣстными псевдонимами, или осталось безъ подписи, указываемъ эти псевдонимы или соображенія, на которыхъ приписываемъ статью Г. Θ. Квиткѣ, если эти основанія не приведены ужъ въ нашей статьѣ.

(79) Въ «Сынъ Отечества» 1815 г., ч. XXIII, № 30, стр. 145 помещена безъ подписи статья: *Харьковское Общество благотворенія*.

358 — 371, 108 — 115 и 291. 2) *Письма Овалала Повинужина*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, на стр. 130 — 253 и 263, первыхъ мѣсяцевъ. Надписи: «февраля 8-го, 1816 года. Село... очень извѣстно, и потому не скажу» въ другомъ: *Съ будущей кружевной фабрики*, въ третьемъ: *Фабрика еще не построена*. Безъ подписи. 3) *Стихотворенія*. Въ «Харьковской Дождежкѣ» за 1816 годъ. Въ январь, на стр. 50 — 61, напечатано стихотвореніе: *Воззваніе къ жемчужкамъ*, на стр. 112 — 114-й стихотвореніе: *Не хочу*; въ мартъ, стихотвореніе: *Милъ*, а далѣе, на стр. 118-й: *Двойныя акростики*; на имена «Марія», «Лиза», «Паша», «Софья» и «Надя».

1817 годъ. 4) *Письмо: Къ милѣйшимъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, № 1, часть V, стр. 128—130. 5) *Еще письмо къ издателямъ; Овалала Повинужина*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, часть VIII, стр. 121. Въ заглавіи стоитъ, очевидно вымышленная, замѣтка: *Эпифанскій уездъ*.

1818 годъ. 6) *Харьковскія записки. Письма къ издателямъ*. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1818 годъ, часть XI, стр. 105 — 107, и въ XII части, стр. 105 — 109.

1820 годъ. 7) *Письма къ Лужницкому Старцу*. Въ «Вѣстникѣ Европы» издаваемомъ Каченовскимъ. Москва. 1820 года за мартъ, № 5, стр. 5 — 11, май, № 10, стр. 150 — 155 и июнь, № 11, стр. 223—229. Подписи: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколнсть, имѣющій хожденіе по тѣлѣбнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ. Марта 4-го дня, 1820 года. Сыромляники*; въ другомъ: 1—19; въ третьемъ: *А. Шестериковъ. Городъ Т.*

1821 годъ. 8) *Письма къ Лужницкому Старцу*. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1821 годъ, № 5, стр. 66 — 70, 112 — 119, съ подписью: *Юноша Благое города; также, за ноябрь, № 21 съ подписью: N. N.*

1822 годъ. 9) *Письма къ Лужницкому Старцу*. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, № 4 февраль, стр. 301 — 314, съ подписью: *Овалала Повинужинъ; № 7 апрель, стр. 232 — 233, съ подписью: Овалала Повинужинъ. Апрель, 7-го дня, 1822 г. Овалалеска; № 9 и 10 май, стр. 141 — 145, съ подписью: Овалала Повинужинъ; № 11 и 12. стр. 302 — 310, съ подписью: N. N.* 10) *Малороссійскіе анекдоты*. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, ноябрь, стр. 61—63, числомъ пять, и въ томъ же номерѣ еще два, на стр. 157 — 162. Всѣ анекдоты: *безъ подписи* (разказаны сѣбью русскаго языка съ малороссійскимъ).

1829 годъ. 11) *Дворянскіе выборы—комедія*, въ трехъ дѣйствіяхъ. Москва, 1829 года. in 16°. Безъ имени автора.

1850 годъ. 12) *Дворянскіе выборы. Часть вторая или: Выборы исправника, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Москва*

По мнѣнію г. Тихонравова, указавшаго намъ эту статью, она принадлежитъ также Кевткѣ. Если кто-нибудь другой изъ тогдашнихъ харьковцевъ не былъ корреспондентомъ «Сынъ Отечества» такъ Осволянченко началъ печатать съ 1815 года.

(вышла отдельною книгою, въ другомъ, нежели первая часть, форматѣ in 8^о)⁽⁹⁰⁾.

1831 годъ. 13) *Исторія моего авторства*. Въ «Украинскомъ альманахѣ» 1831 года. Харьковъ. Стр. 28 — 52 подпись: *Украинскій пустынный*. 14) *Шельменко, волостной писарь*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; Москва; in 8^о. Безъ имени автора (смысь малороссійскаго съ русскимъ языкомъ).

1832 годъ. 15) *Харьковская Гангуся*. Повѣсть, въ русскомъ переводѣ, г. Погодина, въ «Телескопѣ», за 1832 годъ, часть VII, стр. 192—363 и 482 (имени автора неупомянуто, ни въ прииѣчаніи редактора, ни самимъ переводчикомъ). Въ малороссійскомъ подлинникѣ, значительна пополнившая, эта повѣсть издана отдѣльно, подъ названіемъ: *Гангуся. Разказъ Грицька — Основьяненка*. Харьковъ. 1839 года; въ 16^о. Подпись: *Любови Яковлевнѣ Кашиной посланъ Основьяненко*.

1833 годъ. 16) *Суплика до пана издателя*. Съ подписью: «Лыпая, у пятое число, 1833 року». *Грицько Основьяненко*. Въ Альманахѣ: «Утренняя Звезда» собраніе статей въ стихахъ и въ прозѣ. Харьковъ. 1833 г. 3 — 7 стр. 17) *Украинское утро*. Отрывокъ. Тамъ же, и съ полною подписью (на стр. 9 — 43). Въ этомъ же альманахѣ впервые напечатана извѣстная повѣсть Основьяненка: 18) *Солдатскій портретъ*. Побрехѣнка. Стр. 44 — 48.

1834 годъ. 19) *Малороссійскія повѣсти*, разсказываемыя Грицькомъ Основьяненкомъ. Москва. 1834 и 1837 года. *Два части*, въ 16-ю долю листа (на малороссійскомъ языкѣ). Второе изданіе въ Харьковѣ, 1841 года, съ пятью картинками, гравированными на стали. Содержаніе: 1-я часть, 1) *Солдатскій портретъ* (стр. 6 — 60) на заглавномъ листѣ прибавлено: «Латинска побрехѣнка, но нашему разсказана»; 2) *Маруся* (стр. 63—313); 3) *Мертвецкій великъ день* (стр. 317—380); 2-я часть (изданная уже въ 1837 году, хотя процезированная въ 1834 г.); 4) *Дылай добро, добро и тебѣ будетъ*, стр. 5 — 106; 5) *Кокотонская вѣдьма*, стр. 110 — 347 и 6) *Вотъ-тебѣ и кладъ!* стр. 351—441. Всѣ эти повѣсти переведены на русскій языкъ. *Солдатскій портретъ* въ переводѣ Дала, напечатанъ въ «Современникѣ» 1837 года, 7-й томъ, стр. 108 — 138, и въ этомъ же переводѣ переизданъ въ альманахѣ г. Кукольника «Сказка за сказкой» 1842 года, т. 3, стр. 1—32, съ припиской: «Съ малороссійскаго разсказа». Въ малороссійскомъ же подлинникѣ впервые напечатана эта повѣсть въ альманахѣ «Утренняя Звезда» 1833 года. *Маруся* въ переводѣ В. Н. С., напечатана въ «Современникѣ» (1836 года, XI часть). *Мертвецкій великъ-день* въ русскомъ переводѣ

⁽⁹⁰⁾ Въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1846 г. № 9, въ статьѣ Н. И. Срезневскаго: *Очерки книгопечатанія въ Болгаріи* на стр. 23-й говорится: «Вотъ наконецъ и еще одна книга: *Дворянскіе выборы*, Комедія-водевиль въ одно-дѣйствіе. Переводена отъ русскій ать языкъ. Кишино. 1843 (63 и V стр. in 8)». Имени автора не означено, и мы не знаемъ, принадлежитъ ли эта пьеса Квиткѣ.

напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIII часть). *Дьялай добро, и тебѣ добро будетъ*, порусски напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIV часть). *Конотопская вѣдьма* поруски напечатана, въ «Современникѣ» 1839 года (XV часть). *Вотъ тебѣ и кладъ!* порусски напечатана въ «Литературной Газетѣ» 1839 года.

1836 годъ. 20) *Сватанье на Гончаровкѣ*. Малороссійская опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, на малороссійскомъ языкѣ. Съ надписью: *Сочиненіе Основьяненка*. Харьковъ. 156 стр. въ 8-ю долю, 1836 года. Второе изданіе, также въ Харьковѣ, въ 1840 году. 21) *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Іосафа Горленко, епископа Блгородскаго. Кіевъ*. 61 стр. in 8° 1836 года, безъ имени автора. *Примѣчаніе*. У Н. Ю. Квитки мы видѣли подлинникъ этой статьи, писанный рукою Основьяненка, съ помарками. При жизни его рѣдко кто зналъ объ этой брошюрѣ. Въ подлинникѣ о пей прибавлено: «Взято изъ собственноручныхъ записокъ Іосафа Горленка и другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, съ приложеніемъ извѣщенія о жизни святаго Аваанасія, патріарха Константинопольскаго, коего мощи почиваютъ въ Лубенскомъ Мгарскомъ Монастырѣ». Рукопись въ большомъ форматѣ, на синей бумагѣ, въ 24 листа. При словѣ о «Лубенскомъ Монастырѣ», авторъ сдѣлалъ оговорку: «Сколько было мнѣ возможно узнать *въ бытность мою въ ономъ монастырѣ*».

1838 годъ. 22) *Козырь дѣвка*. Повѣсть (помалороссійски) Санкт-петербургъ. 1838 года, въ 16-ю долю. Порусски напечатана въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII. 23) *Краткое историческое свѣдѣніе о Харьковской Губерніи. Основаніе Слободскихъ полковъ*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1838 г., № 1. 24) *О Харьковѣ и уездныхъ городахъ Харьковской Губерніи*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1838 годъ, № 3 (стр. 29 — 33); № 4 (35 — 39); № 5 (43 — 49); № 6 (стр. 51 — 55); № 7 (стр. 65—69); № 8 (стр. 73—75); № 11 (стр. 101—104); № 13 (стр. 113—119); № 18 (стр. 166—169), № 20 (стр. 183—187); № 22 (стр. 199—201); № 23 (стр. 207 — 209); № 24 (стр. 215 — 219); № 25 (стр. 225—227); № 26 (стр. 233 — 235).

1839 годъ. 25) *Листы до любезныхъ земляковъ* («Введеніе» в «четыре листа»). Харьковъ. 1839 года, въ 8-ю долю листа. *Помалороссійски*. 26) *Вотъ любовь*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1839 года, № XVI. Въ «Современникѣ» же 1840 года, № XVII (стр. 104—111, 3-я нумерація) напечатанъ, въ новой передѣлкѣ, *конецъ этой повѣсти*, какъ замѣчаетъ редакторъ: «Въ избѣжаніе повторенія конца прежней повѣсти *Маруся*, схожей съ судьбою героини: *Вотъ любовь*, поэтической Галочки. Въ ссылкѣ, этотъ передѣланный конецъ относится авторомъ къ 105-й страницѣ, подлѣ 7-й строки, въ текстѣ повѣсти, напечатанной въ № XVI «Современника» за 1839 годъ. 27) *Торговецъ шерстью*. Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1839 года № 51 стр. 328 — 330. Подпись (буквы наоборотъ) *К. Г. 28) Головатый* (матеріалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года, въ 6-мъ томѣ. 29) *Панъ Халлскій*. Романъ, въ двухъ частяхъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ»

1839 года, въ 4-мъ томѣ, первая часть: стр. 5 — 73, вторая часть: стр. 144 — 206. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатанъ только *первый томъ* (часть 1-я и 2-я) романа, дѣтство и юность героя. Оба тома вышли отдельною книгою въ Петербургѣ, въ 1840 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Сочиненія Основьяненка; Пань Халаяскій*. Санктпетербургъ. 1840. При книгѣ два рисунка, на камнѣ: «Проводы дѣтей въ городъ» и «Обученіе пѣвию у дьячка, посредствомъ дражня за ушв.» 30) *Скупецъ*. Эпизодъ изъ книги: *Жизнь и похождение Петра Степановича Пустолобова, помѣщика въ трехъ помѣстностяхъ*. Въ «Новогодникѣ» — собраніи сочиненій въ стихахъ и прозѣ современныхъ русскихъ писателей, изд. Н. Кукольникъ, 1839 года; стр. 22—42.

1840 годъ. 31) *О слободскихъ полкахъ*. Историческое изысканіе. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII, съ подписью: Г. О. 32) *О новой книгѣ* (листы до любезныхъ земляковъ). Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1840 года № 1. 33) *Украинскіе дипломаты*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVIII. 34) *Шельменко-денщикъ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Харьковъ въ 16-ю д. л. (Смѣсь русскаго съ малороссійскимъ языкомъ). Комедія эта передѣлана изъ повѣсти: *Украинскіе дипломаты*. 35) *Панна Сотникова*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XIX, стр. 1 — 67, 2-я нумерація. 36) *Ложныя понятія*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года № XIX, стр. 68 — 163, 2-я нумерація. Обѣ повѣсти: *Панна Сотникова* и *Ложныя понятія*, развиваютъ рѣшительно одинъ и тотъ же сюжетъ, только въ двухъ различныхъ развязкахъ, и напечатаны въ одномъ номерѣ журнала. 37) *Званые гости*. Политическій фельетонъ о журналахъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, подпись: Т. А.—въ. *Марта 27-го дня. 1840 года. Хуторъ песчаный*. Общимъ оглавленіемъ «Современника» (до послѣдней его редакціи), эта статья и псевдонимъ приписаны Основьяненку. 38) *Городъ Харьковъ*. Описательный рассказъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, безъ подписи. По словамъ П. А. Плетнева, этотъ рассказъ принадлежитъ Основьяненку. 39) *Ярмарка*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX. 40) *Перекатиполо*. Рассказъ. Въ «Маякѣ» 1840 года. Перепечатанъ въ альманахѣ «Молодикъ» 1843 года, II части, 41) *О написаніи малороссійскаго языка*. Статья: Г. Основьяненка. Въ «Маякѣ» за 1840 годъ; часть 4, стр. 4 — 6, въ смѣсв. 42) *Божія дѣти*. Повѣсть. Въ альманахѣ «Утренняя Заря» за 1840 годъ. 43) *Пріѣзжіи изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ*. Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Грипкѣ Основьяненка. Въ «Пантеонѣ», за 1840 годъ, № 3, на заглавной страницѣ надпись: *писано въ 1827 году*.

1841 годъ. 44) *Жизнь и походы Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ помѣстностяхъ*. Рукопись XVII вѣка. Три части.—Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 114 — 166, помѣщены отрывки изъ этого романа; именно: главы X, XI, XXI, XXII и XXIII. Писанъ ранѣе «Халаяскаго», какъ видно изъ корреспонденціи автора. 45) *Межуары Естафія Мякушкина*. Политическій фельетонъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 1—34,

въ отдѣлѣ критики. 46) *Фенюшка*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII. 47) *Герой очаковскихъ временъ*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXIII. 48) *Украинцы*. Очеркъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII, стр. 75 — 85, безъ подписи. По словамъ П. А. Плетнева, этотъ очеркъ принадлежитъ Основьяненку. 49) *Добрый панъ*. Разказъ. Въ альманахѣ «Кіевлянинъ» за 1841 годъ (книга вторая). *Примѣчаніе*. Въ этой книгѣ, между прочимъ, напечатана статья издателя М. М. «О правописаніи малороссійскаго языка». *Письмо къ Основьяненку* (стр. 153 — 180). 50) *Парамоово сніданья*. Очеркъ. Въ альманахѣ Гребенки, «Дастовка» 1841 года, стр. 251 — 278 (помалороссійски). 51) *На пущанья якъ завязано*. Въ альманахѣ «Дастовка» за 1841 годъ (помалороссійски). 52) *Сердѣшна Оксана* ⁽⁸¹⁾. Повѣсть, помалороссійски. Въ «Дастовкѣ» 1841 года. Переведена, порусски, въ «Москвитянинѣ» 1842 года. 53) *Маргарита Прокофьевна*. Повѣсть. Въ «Москвитянинѣ» 1841 года часть V. 54) *Знакомые незнакомцы*. Разказъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 1 и 3, за 2-е и 7-е января. 55) *Ботфорты*. Разказъ штаб-лекаря, Шахова Памлушкина. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 53 и 54. 56) *Театръ въ Харьковѣ*. Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1841 года, № 32 (стр. 287 — 295), № 33 (стр. 300 — 303) и № 34 (стр. 310 — 314). 57) *Исторія театра въ Харьковѣ*. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 114 и 115 (перепечатка предъидущей статьи). 58) *Знахарь*. Разказъ. Въ альманахѣ: «Наши списанные съ природы русскими». Изданіе Я. А. Исакова. Санктпетербургъ 1841 года, стр. 124 — 154. Съ тринадцатью политическими. 59) *Разказъ*. Небольшой анекдотъ, въ альманахѣ: «Русская бесѣда». Часть 2-я Санктпетербургъ, 1841 года.

1842 года. 60) *Друзья*. Разказъ. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, № 4. 61) *Волжеры*. Фантазія. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, №№ 26 — 27 и 28. 62) *Быль*. Разказъ, на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Маякѣ» 1842 года, томъ III, книга V, въ Сѣвси, въ два столбца, одинъ на малороссійскомъ языкѣ, а другой въ рускомъ переводѣ. 63) *Преданія о Гаркушѣ*. Историческій очеркъ, въ сценахъ. Въ «Современникѣ» 1842 года.

1843 года. 64) *Двадцатый годъ съ прощаницы*. Повѣсть. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 года; томъ XXVII. 65) *Основаніе Харькова. Старинное преданіе*. Въ «Молодикѣ», альманахѣ М. Беклаго, на 1843 годъ; часть 1-я. При этомъ выпускѣ «Молодика» приложенъ *портретъ Основьяненка*, работы С. М. Башилова, единственный, какой былъ до наданнаго нами. 66) *Умилъ дѣтки*. Разказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года, за мартъ. 67) *О святой мученицѣ Александрѣ царичѣ*. Разказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года.

(81) Переведена въ Парижѣ, въ 1854 году, подъ названіемъ: «Oksana ou l'orgueil villageois et ses Ravages, ou l'histoire grave et veridique de 35 kopecks, ancienne chronique de l'Ukraine—par Kwitka, traduit par M. Charlotte Moreau de la Meltière, 1854, Paris», in 12°.

Черезъ писать, по напечатаніи этого разсказа, Основяненко скончался. Некоторые труды его изданы по смерти, а некоторые остаются донынѣ въ рукописи. Исчислимъ ихъ, на сколько позволяютъ намъ собранныя свидѣнія.

Въ томъ же году: 68) *Выбрѣзачь*. Анекдотъ помалороссійски. Въ «Молодикѣ» на 1843 годъ, часть II, стр. 104 — 108. Подпись: *Основяненко*. 69) *Народныя воспоминанія, когда и для чего поставлены пушки близъ дома Дворянскаго Собранія въ Харьковѣ*. Въ «Литературной Газетѣ» 1843 года; № 36, стр. 656 — 658, подпись: *Г. О. Квитка — Г. Основяненко*. 70) *Отвѣтъ Г. Тихорскому на его статью въ сентябрьской книжкѣ «Маяка», за 1842 г., въ критикѣ на сборникъ П. Корсуна «Снѣгъ»*; Въ «Маякѣ» за 1853 г.; томъ X, стр. 34 — 37. По случаю этому, на 37 стр. тамъ же, помѣщена статья Н. Тихорскаго: *До папа Основяненка*.

1844 годъ. 71) *Татарскіе нѣбны, выдержки изъ памяти*. (Любопытныя записки старожила о Харьковской старинѣ). Въ «Сказкѣ за сказкой» альманахѣ Н. В. Кукольника. Томъ IV. 1844 года. Стр. 67—162.

1845 годъ. 72) *Волжскіе*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ: *Г. Основяненко*. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1845 годъ, въ 75-мъ томѣ; стр. 9 — 104.

1846 годъ. 73) *Безсрочный*. Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г. январь. Въ III Отдѣлѣ (*Правоописатель*): Грицька Основяненка.

1848 годъ. 74) *Мертвецъ-шалунъ*, шутка въ двухъ дѣйствіяхъ; въ № 12 стр. 1 — 34. «Репертуара» 1848 г., подпись: *Грицько Основяненко*. 75) *Щира любовь, або милый дорожи счастье*. Драма, помалороссійски. Въ альманахѣ г. Амвросія Метлавскаго «Южно-русскій сборникъ» за 1848 годъ; стр. 1 — 88, 5-й нумераціи. Надпись: *Грицька Основяненка. Григорія Квитки. Выложена изъ бувальщины*. Эта драма взята изъ повѣсти того же содержанія, напечатанной въ «Современникѣ» 1840 года, подъ именемъ: *Вотъ любовь!*—А. Н. Островскій перевелъ драму *Щира любовь* для русской сцены, и она дана, три года назадъ, въ Москвѣ, въ одинъ изъ бенефисовъ; но, несмотря на имя двухъ авторовъ, не имѣла успѣха, за отсутствіемъ актѣровъ, которые бы знали языкъ Малороссіи.

1849 годъ. 76) *Г. О. Квитка о своихъ сочиненіяхъ*. Статья въ «Москвитинѣ» за 1849 годъ, № 20, книга 11-я, стр. 327 — 334. Въ примѣчаніи сказано: *изъ оставшихся бумагъ; доставлена И. Ю. Бецкимъ*.

Въ письмахъ къ издателю «Пантеона» О. А. Кони, и въ другихъ, Основяненко упоминаетъ еще о комедіи: *Ясновидящая*, которая была послана въ Петербургъ, но не была напечатана. Основяненко упоминаетъ въ тѣхъ же письмахъ еще о разныхъ неизданныхъ его вѣщахъ; о комедіи: *Турецкая шаль*, о статьѣ: *Волчанскъ*, объ оперѣ: *Купало на Иваня* и др.—К. М. Семеновскій называетъ также неизданное сочиненіе Основяненка: *Краткая свѣдѣнная исторія, на малороссійскомъ языкѣ, для простолюди-*

новъ. Въ 1847 году, поставлена на сцену комедія Основьяненка: *Бой-осинка*. Эта пьеса также не напечатана. Въ рукописяхъ покойнаго, которыя переданы намъ, находятся нѣсколько упомянутыхъ уже нами неизданныхъ стихотвореній его и *Маршъ*, съ музыкою для фортепьяно, его сочиненія. Другія посмертныя рукописи нашего автора, переданныя женою покойнаго другому лицу, бывшему однимъ изъ близкихъ къ Основьяненку, заключаютъ еще нѣсколько стихотвореній, неперебѣленный списокъ повѣстей: *Очки* и *Губернскія сцены*, и планъ *Комедіи* на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Молодикѣ» (въ статьѣ объ украинской литературѣ), упоминается еще о разсказѣ Основьяненка: *Готоропть*. В. И. Даль упоминаетъ въ письмѣ къ намъ его сказки, присланныя ему въ рукописи и неизданныя: *Климка-злодѣй*, *Украденный зубъ* и *Впѣдьма*. П. А. Корсаковъ упоминаетъ еще о статьяхъ: *Волчанскіе* и *Бесѣды о спасеніи души*; также объ оперѣ: *Купало на Ивана*.

Наконецъ, сюда же относятся всѣ собственноручныя письма Основьяненка къ литераторамъ и друзьямъ, впервые публикуемыя въ нашемъ трудѣ въ отрывкахъ...

Мы собрали о Квиткѣ все, что было доступно. Представить подробный разборъ его сочиненій мы отлагаемъ до другаго случая. Квитка въ украинской литературѣ составляетъ явленіе рѣдкое и исключительное. Въ Малороссіи онъ пользуется донинѣ громкою и заслуженною извѣстностью. Въ остальной же Россіи его едва замѣтили въ лучшую пору его дѣятельности; а теперь онъ въ ней почти позабытъ, вмѣстѣ съ Гребенкою, его вѣрнымъ послѣдователемъ. Мы думаемъ, что, оставя въ сторонѣ слогъ и вѣрность мѣстныхъ красокъ и характеровъ, это произошло все-таки оттого, что Основьяненко, не представивъ никакого болѣе-живаго, внутренняго начала, явился для критиковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ писателемъ стараго времени.

ГРИГОРІЙ ДАНИЛЕВСКІЙ.

ВОСПОМИНАНІЕ О БРЮЛЛОВѢ.

Бывъ ученикомъ Карла Павловича Брюллова и находясь при немъ безотлучно почти со дня прибытія его въ Петербургъ, я скоро понялъ завидное свое положеніе и ежедневно записывалъ въ свой журналъ все, что видѣлъ и слышалъ у него, желая сохранить для себя подробности его жизни, не отдѣляя, разумѣется, и того, что касалось и меня самогъ; а потому въ запискахъ моихъ о великомъ художникѣ невольно встрѣчаются случаи и по моимъ къ нему отношеніямъ. Въ то время писалъ я только изъ желанія сохранить для себя подробности жизни своего наставника, не думая, что скоро долженъ буду подѣлиться свѣдѣніями о немъ со всѣми, какъ знавшими его по одной только его славѣ, такъ и съ тѣми, кто цѣнилъ высокій этотъ талантъ и скорбитъ о ранней потерѣ его навсегда. Богу угодно было отнять у насъ Брюллова слишкомъ-неожиданно! Мы не успѣли наглядѣться на него, налюбоваться волшебствомъ его кисти, какъ вотъ ужъ передаемъ другъ другу воспоминанія о немъ... И о комъ же? о Брюлловѣ, котораго природа создала, казалось, на столѣтъ. Кто, зная его лично, не удивлялся его крѣпкому сложенію? Небольшой ростъ его заключалъ въ себѣ атлетическія формы; эта широкая и высокая грудь, эти мощныя плечи и при нихъ маленькія оконечности прекрасной формы—не говорю ужъ о его прекрасной головѣ съ изящно-развитыми частями—невольно обращали на себя вниманіе всякаго... Взгляните на его чело: не узнаете ли въ немъ формъ величаваго чела Юпитера Олимпійскаго? Его глаза съ сильно-развитыми зрачками, съ дугообразными надъ ними вѣками, склоненными къ наружному углу; подбородокъ и задняя часть головы въ профиль, самое даже расположеніе кудрявыхъ волосъ, напоминаютъ голову Аполлона Бельведерскаго. А какая красота рта! Эти превосходно-нарисованныя губы, которыя, когда онъ говорилъ, рисовались изящными линиями. Я не зналъ мужскаго лица прекраснѣе его; для меня онъ былъ красавецъ; но красота его была мужественная, съ выраженіемъ ума, проницательности, гениальности.

Года за два до возвращенія Брюллова въ отечество, началъ я свое художническое поприще, подъ руководствомъ почтеннаго наставника академика Венеціанова: я сталъ посѣщать классы Академіи. Но вскорѣ занятія мои были прерваны стѣсненными обстоятельствами. Я долженъ былъ оставить Петербургъ и уѣхать на родину, въ Малороссію, гдѣ, подъ кровомъ родительскимъ, нашелъ по-крайней-мѣрѣ необходимое обезпеченіе. Тамъ по-возможности занимался я писаніемъ съ натуры; писалъ все, что ни попадалось подъ-руку, всегда помня правило моего наставника: «пиши какъ видишь, не мудри» и припоминая видѣнное въ Эрмитажѣ. Дѣло шло медленно; я терялся въ трудностяхъ искусства и не зналъ чѣмъ помочь горю; мнѣ казалось, что у меня или краски были дурны, или кисти недовольно-ловки. Не изучивъ рисунка, я писалъ наглядно, увлекаясь колеромъ предметовъ, мало обращая вниманія на ихъ форму и очертаніе: оттого и не могъ видѣть погрѣшностей въ рисункѣ, и усилія выпутаться изъ бѣды были напрасны. Положеніе мое было плачевно: я хотѣлъ учиться и не могъ или, лучше сказать, не умѣлъ; обратиться за совѣтомъ было не къ кому, а самъ помочь себѣ былъ не въ-состояніи. Испытанная нужда въ Петербургѣ страшила меня возвратиться туда, но и оставаться на родинѣ было бесплодно; я началъ упадать духомъ; но вскорѣ судьба послала мнѣ утѣшеніе: мнѣ попала въ руки книжонка сочиненія Тикка: «Размышленіе о художникахъ и художествѣ». Тамъ прочелъ я, что всѣ великіе художники были отличные рисовальщики; изъ прочитаннаго я увидѣлъ, что безъ рисованья карандашомъ нельзя сдѣлаться хорошимъ живописцемъ. Оставивъ на-время краски, я принялся рисовать карандашомъ и вскорѣ объяснилось въ чемъ состояла трудность при писаніи красками. Помирися я тогда съ моими красками и кистями и осторожно началъ писать съ натуры; написалъ нѣсколько портретовъ и, поощряемый слабымъ успѣхомъ, рѣшился собрать небольшую сумму денегъ, достаточную на годовое прожитіе въ столицѣ, гдѣ, при слабомъ знаніи дѣла, я не могъ приобрѣсти себѣ и на необходимые матеріалы.

Въ этотъ періодъ моей жизни восходило на горизонтѣ искусства новое свѣтило: гений Брюллова достигъ полнаго своего развитія, и молва о картинѣ его *Послѣдній день Помпеи* гремѣла въ Италію; скоро и вся Европа принесла дань удивленія великому произведенію. Если въ чужихъ краяхъ встрѣчали и принимали Брюллова съ торжествомъ, то могли ли мы оставаться равнодушными, когда вѣсть о славѣ его достигла въ наше и его отечество? Когда картина «Послѣдній день Помпеи» прибыла въ Петербургъ, Академія выразила свой восторгъ и

уваженіе къ автору ея перусски: давъ былъ обѣдъ въ честь творца «Последняго дня Помпеи» и, при звукахъ музыки, шли передъ картиною за здравіе Брюллова, который въ то время приближался къ предѣламъ отечества. Сколько искреннихъ желаній несло въ ветеръ! какъ всѣ жаждали скорѣе увидѣть и обнять знаменитаго гостя-соотечественника! Журналы и газеты наши заговорили о картинѣ громко и съ живѣйшимъ участіемъ...

Такимъ образомъ скоро во всѣхъ концахъ Россіи узнали о прибытіи картины въ Петербургъ и ознакомились, хотя заочно, съ гениальнымъ произведеніемъ; прочелъ и я статью объ этой картинѣ — и сердце мое смалось отъ неиспытаннаго дотоле чувства. Изъ произведеній Брюллова зналъ я до того времени лишь два: «Итальянское утро» и «Итальянскій полдень»; удивлялся ихъ прелести, не понимая художественнаго достоинства, и былъ спокоенъ въ своемъ невѣжествѣ, какъ и многіе другіе, видѣвшіе эти прекрасныя картины; въ этотъ же разъ всеобщій восторгъ взволновалъ и мою грудь: не видавъ еще картины, я началъ воображать ее себѣ до-того, что разгоряченное мое воображеніе пошлито представляло мнѣ землетрясенія, пожары и наводненія со всѣми ужасами этихъ явленій. Провало мое спокойствіе! Мнѣ и безъ того не было весело, а теперь и совсѣмъ стало грустно; къ тому же образъ Брюллова, описанный въ объясненіи картины, вертѣлся у меня передъ глазами и въ такомъ прекрасномъ видѣ, что я влюбился въ него; онъ сдѣлался моимъ идеаломъ всего прекраснаго, всего великаго, и я не иначе воображала его себѣ, какъ въ видѣ Аполлона Бельведерскаго. Грустно подходилъ я тогда къ своей работѣ, видя ея ничтожество, и чѣмъ болѣе убѣждался въ этомъ, тѣмъ сильнѣе загоралось во мнѣ желаніе учиться и возрастала рѣшимость ѣхать въ Петербургъ. «Тамъ (говорилъ я самому-себѣ) у подножія картины буду я ожидать прибытія творца ея; онъ будетъ моимъ учителемъ; его геній озаритъ трудный путь моей жизни». Судьбѣ угодно было скоро извлечь меня изъ этого состоянія. Къ мамѣ въ деревню пріѣхалъ одинъ господинъ изъ Петербурга и, между прочими новостями, рассказалъ, что видѣлъ картину Брюллова, что даже былъ приглашенъ на обѣдъ, данный въ Академіи въ честь Брюллова. Со слезами на глазахъ говорилъ онъ о картинѣ, о всеобщемъ восторгѣ и заключалъ свой рассказъ тѣмъ, что это не картина, а просто живые люди, которые бѣгутъ, кричатъ и какъ бы умоляютъ зрителей спасти ихъ отъ постигшаго ихъ бѣдствія. Я не проронилъ ни одного слова изъ его разсказа; сердце мое то останавливалось, то билось сильнѣе, и воображеніе дорисовывало то, что передавалъ пріѣзжій; еще не кончилъ онъ своего разсказа, какъ я уже

рѣшилъ, что, по окончаніи начатыхъ работъ, тотчасъ уѣду въ Петербургъ. «Какъ (говорилъ я самому себѣ), картина уже въ Петербургѣ, а я сижу здѣсь и бесполезно трачу время!..» Не прошло недѣля, и я простился съ родителями, принялъ ихъ благословеніе и помчался въ Петербургъ; пріѣхалъ и явился къ начальникамъ въ Академію. Одинъ изъ нихъ, весьма-почтенный человекъ, любящій художниковъ и неравнодушный къ успѣхамъ ихъ, послѣ перваго привѣтствія, спросилъ меня: видѣлъ ли я картину Брюллова. «Нѣтъ, еще». — «Какъ же это? Возможно ли такое равнодушіе? Первымъ дѣломъ вашимъ было идти взглянуть на «Помпею». — «Знаю», отвѣчалъ я: — «но, извините, вамъ, можетъ-быть, покажется это страннымъ, а не могу еще видѣть ее: у меня есть дѣла; когда я окончу ихъ, тогда съ спокойнымъ духомъ пойду посмотрю на это чудо». Послѣ этого разговора я почти каждый день бывалъ въ Академіи, или шелъ мимо, не смѣя зайти взглянуть на картину: какой-то страхъ удерживалъ меня; такъ проишли три недѣли. Наконецъ я рѣшился; пошелъ нетвердыми шагами, и когда подходилъ къ той залѣ, гдѣ была картина, чувствовалъ, что колѣни мои дрожали и въ груди трепетало; я отворилъ дверь, заглянулъ — въ залѣ не было никого; я вошелъ и, увидѣвъ издали картину, смѣшался совершенно; подошелъ ближе ища глазами портрета Брюллова. Ахъ, какъ онъ прекрасенъ! Среди всеобщаго разрушенія, онъ одинъ стоялъ тамъ спокоенъ, устремивъ величавый взоръ свой на виновника гибели! Съ минуту, не болѣе, оставался я передъ картиною; чувства мои были взволнованы, и боясь чтобъ кто-нибудь, заставъ меня здѣсь, взглядомъ или насмѣшливой улыбкой не оскорбилъ чувства, волновавшаго мою грудь — бѣгомъ пустился вонъ изъ залы.

Спустя нѣсколько дней, именно 11-го іюня, въ Академіи данъ былъ обѣдъ въ честь Брюллова, пріѣхавшаго изъ Італіи.

Члены Академіи и почетные гости собрались въ круглую залу. Когда, въ-сопровожденіи президента, вошелъ туда Брюлловъ, конференц-секретарь привѣтствовалъ его краткою рѣчью, въ которой объяснилъ цѣль этого собранія и представилъ Брюллова Обществу. Старшіе изъ членовъ подходили къ Брюллову, съ привѣтствіемъ обнимали его и пожимали ему руки. Я видѣлъ это случайно, вошедъ ошибочно изъ парадныхъ дверей въ залу, въ которой, полагалъ, собрались ученики; но, увидя себя не на своемъ мѣстѣ, я сталъ за колонною; а когда вошелъ Брюлловъ и собравшіеся здѣсь всѣ обратились къ нему, тогда я тихонько убрался изъ залы и вошелъ въ античную галерею, гдѣ собраны были воспитанники, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе знаменитаго гостя. Приложивъ палецъ къ губамъ, я сказалъ имъ: «пришелъ!», и это магиче-

ское слово, какъ электрическая искра, передалось по рядамъ; прямая линия фронта, о которой такъ тщательно заботился инспекторъ, заволновалась, сотни головъ выдались впередъ и глаза всѣхъ устремились на дверь, которую я оставилъ неплотно-притворенною. Не прошло пяти минутъ, какъ дверь раскрылась широко; вошелъ Брюлловъ, оркестръ, составленный изъ воспитанниковъ, грянулъ, а пансіонеръ Кудяновъ пропѣлъ куплеты, сочиненные воспитанникомъ Норовымъ. Я не сводилъ глазъ съ виновника торжества, съ жадностью ловилъ малѣйшее его движеніе. Онъ стоялъ неподвижно, наклонивъ немного свою прекрасную голову; въ глазахъ у него блистала тихій восторгъ, а торжественная улыбка придавала его лицу невыразимую пріятность. Пѣніе куплетовъ кончилось и громкое «ура! да здравствуетъ Брюлловъ!» сопровождало его до залы, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ; восторгъ юношей воодушевилъ всѣхъ; важное безмолвіе почетныхъ гостей и членовъ Академіи, украшенныхъ звѣздами, уступило мѣсто всеобщему восторгу; никто не оставался празднымъ зрителемъ; громкое «ура» и звуки военной музыки, игравшей торжественный маршъ, потрясали стѣны зданія, бывшаго колыбелью таланта Брюллова. Сѣли за столъ; музыка не умолкала; пили тосты за здравіе Государя Императора и Августѣйшей Фамиліи, потомъ за здравіе К. П. Брюллова и вслѣдъ за этимъ тосты за президента и членовъ Академіи. Брюлловъ предложилъ тостъ за своихъ наставниковъ: Иванова, Шебуева и Егорова. За столомъ Василій Ивановичъ Григоровичъ прочиталъ Высочайше утвержденное предложеніе членовъ Академіи сдѣлать подписку въ пользу вдовъ и сиротъ художниковъ; всѣ приняли это съ восторгомъ и новый тостъ за здравіе учредителей былъ принятъ единодушно. Тотчасъ же послѣ стола начали подписку, и въ нѣсколько минутъ бѣлыя страницы книги были испещрены именами жертвователей; Брюлловъ также подписался. Не успѣлъ онъ положить пера, какъ присутствовавшіе схватили его на руки, подняли высоко и съ громкимъ «ура» понесли къ «Помпеѣ». Поставивъ на ноги, передавали его другъ другу въ объятія; шумъ, звуки музыки и громкое «ура», все это слилось въ одинъ говоръ и придавало празднику еще болѣе торжественности; неоставало только вѣнка; но и эта счастливая мысль блеснула въ умѣ профессора Иванова, наставника Брюллова: онъ сплелъ вѣнокъ изъ миртъ, лавровъ и цвѣтовъ, украшавшихъ столъ, и, къ неожиданной радости всѣхъ, возложилъ его на голову Брюллова. Эта умѣстная шутка имѣетъ прекрасное значеніе: прикосновеніемъ живаго вѣнка предсказанъ художнику вѣнокъ безсмертія. Но Брюлловъ снялъ съ своей головы вѣнокъ, надѣлъ его на голову Иванова, сказавъ: «вотъ кому онъ слѣдуетъ!».

День торжества Брюллова былъ счастливѣйшимъ днемъ и моей жизни. Вотъ какъ это было. Послеъ обѣда, когда шпрюющие оставались еще видѣть, изобрѣтая разные сюрпризы виновнику торжества; когда шумъ, смѣхъ и радостные клики достигали до насъ, учениковъ, толпившихся у дверей, чтобъ видѣть Брюллова, одинъ изъ членовъ, въ члелѣ разказовъ, сообщилъ Брюллову про одного ученика Академіи, который, воротясь изъ Малороссіи въ Петербургъ, долго не рѣшался пойти взглянуть на его картину (по вышеупомянутымъ причинамъ). На вопросъ его, здѣсь ли этотъ ученикъ? сказали, что, вѣрно, здѣсь; онъ пожелалъ его видѣть, и вотъ нѣсколько голосовъ громко произнесли мою фамилію. «Позвать Мокрицаго!» Толпа учениковъ раздалась и я вошелъ... но какъ вошелъ! у меня ноги подкосились; Брюлловъ шелъ мнѣ на встрѣчу... Когда я приблизился къ нему, то и послѣдняя бодрость меня оставила. Брюлловъ подавъ мнѣ руку, я коснулся ее — и слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Настроенный уже всемъ происшедшимъ здѣсь, могъ ли я равнодушно вынести близкое присутствіе этого человека и стать лицомъ къ лицу передъ тѣмъ, при одномъ имени котораго меня обдавало жаромъ? Я былъ изволнованъ до глубины души и, не дожидаясь, что будетъ далѣе, повернулся и пошелъ на свое мѣсто; но не успѣвъ я сдѣлать трехъ шаговъ, какъ почувствовалъ на себѣ чьи-то объятія; оглянулся — то былъ Брюлловъ: великій мастеръ, тронутый слезами восторга юноши, самъ заплакавъ, обнималъ, цаловалъ меня. Насъ окружила толпа растроганныхъ гостей, которые, обнимая меня со слезами, передавали другъ другу. «Карлъ Павлычъ, вотъ тебѣ ученикъ! вотъ тебѣ ученикъ!» раздалась со всѣхъ сторонъ. Сладко звучали эти слова и прожигали душу мою, расколекая ее къ труднымъ подвигамъ на новомъ поприщѣ. Великія педать шампанскаго; налили два бокала и мы чокнулись съ будущимъ моимъ профессоромъ. Глубокоотронутый и обрадованный, я вышелъ изъ залы съ загорѣвшимся лучомъ счастья въ сердцѣ; слова: «вотъ тебѣ ученикъ!» невтерались въ душѣ моей, когда я проходилъ среди товарищей, раздавая имъ фрукты, которыми одарили меня въ залѣ. Отсюда пошелъ я къ товаришу своему, Плахову, разказавъ ему обо всемъ; онъ отъ души порадовался моему счастью и, растроганный, обнялъ меня и поздравилъ.

Съ этого дня начался новый періодъ моей жизни. Спустя нѣсколько дней, Брюлловъ перешелъ въ приготовленную для него квартиру въ Академіи; скоро мастерская его наполнилась мольбертами, холстами и онъ началъ работать. Въ два-три мѣсяца въ его мастерской явились портреты: г-жи Семеновой, г. Н. Кукольника, доктора Орлова, пре-

лестная головка дѣвнцы Бутягиной, портретъ Шепелева — это были первыя его работы, изъ которыхъ, однакожь, окончены только два портрета: гг. Кукольника и Шепелева.

Въ декабрѣ того же года онъ приступилъ къ сочиненію картины *Взятіе Божіей Матери на небо*, назначенной для Казанскаго Собора въ Санктпетербургѣ. Всѣ эти произведенія создавались въ моихъ глазахъ; я былъ при немъ неотлучно, когда онъ работалъ — этого онъ хотѣлъ самъ, говоря, что для механизма необходима большая наглядность, и что въ этомъ дѣлѣ лучшая наука для ученика слѣдить за кистью своего учителя. Спустя два-три дня послѣ перехода въ новую квартиру, приступилъ онъ къ занятіямъ со мною; разспрашивая меня о прежнихъ моихъ работахъ, онъ велѣлъ мнѣ показать ему что-нибудь; нелегко я рѣшился на это, но дѣлать было нечего: собравъ свои лучшіе классные рисунки и живописные труды, въ томъ числѣ и портретъ одной дамы, за который былъ удостоенъ второй серебряной медали, принесъ къ нему свою мизерію. Онъ пересматривалъ все молча и весьма-внимательно; я смотрѣлъ на него, желая хоть на лицѣ его прочесть мнѣніе о нихъ; но онъ скоро прервалъ мою наблюдательность, сказавъ: «вы были весьма-прилежны; но постарайтесь забыть все, что вы знаете!» Сколь ни неожиданенъ былъ этотъ приговоръ, но я, видя и самъ, что во всемъ этомъ хламѣ было мало проку, спросилъ его, какъ же это сдѣлать. «Научите меня забыть все, что я знаю». — «Очень-просто» отвѣчалъ онъ: «оставьте краски и подружитесь съ карандашомъ. Вы рисуете въ Натурномъ Классѣ?» — «Точно такъ» отвѣчалъ я. — «А я васъ перевожу въ Гипсовый» сказалъ онъ, смѣясь: «рисуйте въ Античной Галерей и показывайте чаще мнѣ свои рисунки...»

Дѣлая выписки изъ своего журнала, я опускаю многое, потому-что оно касалось исключительно меня самого, и оттого, не соблюдая порядка, помѣщаю отрывками нѣкоторыя мѣста, опредѣляющія характеръ Брюллова, выписываю ихъ почти буквально, надѣясь чрезъ то сохранить свѣжесть и истину разсказа, хотя еще неопытнаго тогда наблюдателя, но тѣмъ не менѣе думаю, что для біографіи К. П. Брюллова онъ не бесполезенъ, потому-что передается человѣкомъ, который жилъ съ Брюлловымъ четыре года. Такъ, напримѣръ, однажды въ десять часовъ вечера пришелъ я къ Брюллову и, не заставъ его дома, хотѣлъ идти къ себѣ наверхъ, но слуга сказалъ, что «Карла Павлычъ велѣли ихъ дожидаться». Я исполнилъ приказаніе и вошелъ въ мастерскую, взялъ свѣчу и началъ разсматривать одну работу за другой, наконецъ приблизилъ къ портрету баронессы Шервальдъ и не могъ

довольно надивиться необычайному сходству и прелести манеры, съ какою былъ писанъ этотъ портретъ — какъ вошелъ Брюлловъ». «Ну такъ, вотъ онъ гдѣ уткнулся носомъ! Полно глаза портить, пойдѣмъ наверхъ, я хочу спать». Легши въ постель, онъ закурилъ сигару и, рассказывая о томъ, гдѣ былъ, упомянулъ объ одной дѣвицѣ, достойной быть его невѣстой; не сказалъ мнѣ однако, кто она, и былъ очень-задумчивъ. Видя, что я ему болѣе ненуженъ, я хотѣлъ идти домой, но онъ удержалъ меня и просилъ что-нибудь рассказать. «Нѣчего вамъ рассказывать, у васъ теперь, кажется, своя сказка затѣвается про царя дѣвицу — *felicissima Notte!* «Онъ лѣниво подавъ мнѣ руку и сказавъ «амен»; я взявъ отъ него лампу и ушелъ. На другой день поутру я, пришедъ къ нему, засталъ его еще въ постели. «Вотъ какъ вы поживаете! вотъ что значитъ провести вечеръ въ гостяхъ!» сказавъ я ему. «А вамъ какое дѣло?» — «Мнѣ до всего дѣло, что касается вашего здоровья и покоя; я читаю по вашимъ глазамъ, что вы беспокойны». — «Да, отвѣчалъ онъ со вздохомъ: «я думаю теперь о ней. Рѣшено, я хочу жениться!» — «Боже, благослови!» сказавъ я. — «Но тогда прошу прекратить ваши посѣщенія». — «Я буду являться только по вашему приказанію». — «Его не будетъ», отвѣчалъ онъ съ кощическою важностью. Послѣ этого весьма-краснорѣчиво заговорилъ онъ о своей женитьбѣ, живописно излагая планъ своей будущей жизни; говорилъ объ искусствѣ, о своихъ занятіяхъ и закончилъ свою рѣчь, словами: «всѣ мои труды и пріобрѣтенія посвящаю *ей*». Этотъ рассказъ былъ задолго до его женитьбы. Мечта о тогдашней невѣстѣ прошла; являлись другія мечты, смѣнная одна, другую. Онъ работалъ весело, беззаботно.

Строгъ онъ былъ очень и нетерпѣливъ. Однажды задавъ онъ мнѣ сдѣлать рисунокъ съ своей картины у себя въ мастерской, самъ же ушелъ въ спальню. Въ тишинѣ, съ спокойнымъ духомъ рисовалъ я; между-тѣмъ ошибки то ползкомъ, то бочкомъ врывались незамѣтно въ пространство, обведенное контуромъ, прятаясь отъ моего неопытнаго взгляда, или смѣло выходили на средину. Я этого и не замѣчалъ; наконецъ, предшествуемый облакомъ дыма отъ сигары, вошелъ Брюлловъ. «Здравствуйте, милостивый государь. Ну что у васъ?... Ухъ какія гадости! батюшки! Послушайте, я попробую съѣчь васъ! Дайте карандашъ; это вотъ куда идетъ; развѣ вы не видите, что это повисло? здѣсь нужно облегчить... а это что? съ оригиналовъ вамъ рисовать, а не съ натуры. Экъ напоролъ, чортъ возьми! да съ вами и самъ разучишься рисовать. Замучать право! Нѣтъ, я не способенъ учить, не могу, это меня бѣситъ!» Такимъ речитати-

вомъ сопровождалъ онъ каждую черту свою, и рисунокъ мой становился лучше—и лучше. Напрасно говорилъ онъ, что не въ-состояніи учить; правда, для его нетерпѣливаго характера имѣть дѣло съ ученикомъ начинающимъ, а слѣдовательно и непонимающимъ его, было пыткой; страдалъ онъ, страдалъ и ученикъ. Но за то, поучившись у него немного и понявъ его требованія, начинаешь черпать свѣдѣнія, какъ изъ его точныхъ замѣчаній при дѣлѣ, такъ и въ мудрыхъ его бесѣдахъ объ искусствѣ, о которомъ любилъ онъ говорить и, увлекаясь, выражался остроумно и краснорѣчиво. Любилъ онъ бесѣдовать съ ученикомъ передъ своею работою, объясняя какъ эстетическую, такъ и техническую стороны живописи. И вѣришь, бывало, свято его словамъ: они были согласны съ его мастерскою кистью, а кисть его или покорялась воображенію или натурѣ, смотря по тому, чего требовали сюжетъ и обстановка. Не объ одномъ искусствѣ любилъ онъ бесѣдовать; его любознательность простиралась и на другіе предметы: онъ любилъ говорить обо всемъ; и, если чего не могъ объяснить научнымъ образомъ, то излагалъ свои взгляды остроумнымъ, ему только свойственнымъ способомъ, обогащая изложеніе свое оригинальными и мѣткими сравненіями. Въ нашей маленькой библіотекѣ на столѣ нагромождено было все: и исторія древняго и новѣйшаго времени, и путешествія, и романы, и естественная исторія и физика; даже электрическая машина стояла въ мастерской. Часто, во время отдыха, заставлялъ онъ меня вертѣть ее, и, извлекая искры изъ кондуктора, говорилъ: «вотъ смотрите, это блики на предметахъ; и, право, когда я наношу ихъ свѣтлою краской, мнѣ кажется, они трещать и сверкаютъ, потому—что, они—то и оживляютъ отдѣланное, но безъ нихъ еще вялое и безжизненное мѣсто».

Однажды, лежа уже въ постели, послѣ продолжительнаго молчанія, въ которое, полагая я, онъ обдумываетъ оставленный трудъ или какую-нибудь новую идею, онъ вдругъ заговорилъ о ботаникѣ и просилъ меня рассказать ему начальное раздѣленіе науки и опредѣлить классы въ царствѣ растений. Не могъ онъ придумать для себя лучшаго соннаго порошка, какъ мое изложеніе, и достигъ своей цѣли: не успѣлъ я дойти до семейства грибовъ, какъ надъ нимъ уже леталъ Морфей, осыпая маками кудрявую его голову. Задавая мнѣ новые вопросы, онъ постепенно стихалъ, наконецъ сомкнулъ глаза, подаль мнѣ руку и пожелалъ спокойной ночи. Тутъ я взялъ отъ него лампу и сказалъ ему: «теперь оставайтесь въ потьмахъ и сочиняйте вашъ *Сонъ бабушки и внучки*».

Въ концѣ ноября 1837 года чистое полотно 8 аршинъ вышины и 4 ширины, съ контуромъ, легко-набросаннымъ мѣломъ, долго стояло въ

мастерской художника ; на этомъ полотнѣ должно было создаться то дивное произведеніе , которое украшаетъ теперь Петропавловскую Лютеранскую Церковь въ Петербургѣ. По вечерамъ онъ чертилъ карандашомъ эскизы, рисовалъ головы, лица въ лицахъ выраженія для предположенныхъ фигуръ ; голова умирающаго на крестѣ Спасителя была первая, которую онъ начерталъ, придавъ ей непостижимую силу выраженія, изображающую послѣдній вздохъ Искушителя, изрекшаго на крестѣ послѣднія слова своей благодати; это выраженіе удержано и въ картинѣ. Лицъ Богоматери тоже отличался силою выраженія грусти. Окончивъ вечернее свое занятіе, онъ сказалъ : «Ну, завтра я начну писать; велите прійти натурщику въ десять часовъ и приготовьте палитру пожиртѣ». Вставъ рано поутру, онъ утѣлся противъ полотна, и послѣ долгаго молчанія сказалъ : «Какъ весело начинать большую картину ! Вы не испытали еще этого, не знаете, какъ при этомъ расширяется грудь отъ задержаннаго дыханія». Пришелъ натурщикъ. «Ну, Тарасъ, начнемъ благословася». Натурщикъ сталъ на свое мѣсто, а художникъ, поправивъ его, взялъ въ руки палитру и началъ писать. Осторожно, но твердою рукою повелъ онъ кисть по холсту и съ каждымъ взмахомъ кисти оживалъ у него подъ рукою безжизненный холстъ; очертивъ части лица, онъ сѣло наносилъ широкія тѣни и общіе планы лица; едва прошло четверть часа, какъ голова начала ясно отдѣляться отъ холста, принимая лѣтику и выраженіе божественной красоты и страданія. Торжественная тишина въ мастерской сопровождала трудъ его и довершала мое очарованіе ; я поглядывалъ на натурщика и дивился, откуда бралъ художникъ изображаемую красоту формъ и выраженія, ибо, сравнивая съ живописью, я видѣлъ только въкоторое сходство пятенъ свѣта и тѣней. Молча и важно сидѣлъ Брюлловъ на подмосткахъ, повременамъ сдвигая брови или отводя голову назадъ. Трудъ подвигался быстро; вотъ уже и волосы набросаны и вѣнецъ обвилъ Божественную главу и острые шипы тернія вонзаются въ святое чело, но текущая кровь не обезобразила лица : художникъ пропустилъ ее тонкою струею въ темную тѣнь по лѣвому виску и сказалъ при этомъ : «Рубенсъ увлекся тѣлеснымъ страданіемъ и негрѣшилъ противъ вѣщнаго : въ его «Снятій со креста» все прекрасно, кромя головы Спасителя». Не прошло двухъ часовъ, какъ голова Спасителя на четырехаршинной фигурѣ была почти окончена ; и такъ-какъ онъ весь образъ написалъ а la grimo, то она такую и осталась до конца картины. Да и можно ли что добавить къ ней ? Кто видѣлъ это дивное произведеніе, тотъ согласится со мною. Въ это утро гений-Брюлловъ проявлялъ необыкновенную силу своего творчества, глубокаго познанія

искусства и могущества въ механизмѣ. Въ моихъ глазахъ совершилось чудо искусства, потому-что къ тремъ часамъ пополудни написалъ онъ голову и торсъ этой колоссальной фигуры, и написалъ такъ, что едва-ли существуетъ въ искусствѣ торсъ болѣе исполненный красотъ, благородства формъ и прелести механизма. Притомъ сила рельефа этого торса такъ велика, что онъ ни мало не потерялъ ни отъ сдѣланнаго послѣ фона, ни отъ силы другихъ фигуръ, которымъ также сообщено много свѣта. Когда онъ окончилъ трудъ свой и, отдавая мнѣ палитру, сходясь съ подмостокъ, я замѣтилъ на лицѣ его большую усталость: блѣдность покрывала это прекрасное лицо, а глаза горѣли горячечнымъ блескомъ. Онъ сѣлъ въ кресла противъ картины и, вздохнувъ, сказалъ: «Какъ я завидую тѣмъ великимъ живописцамъ, которые трудились постоянно, какъ-будто-бы никогда не оставляло ихъ вдохновеніе, что видно изъ такого количества превосходныхъ твореній, украшающихъ всѣ галереи Европы; я не могу такъ работать: для меня скученъ процессъ писанія красками». Любуясь новымъ его произведеніемъ, я хотѣлъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ восторгомъ и предложилъ ему попросить въ мастерскую гг. Григоровича и Егорова. Онъ позволялъ, и я побѣждалъ позвать ихъ посмотреть на новое чудо искусства. Когда разсказалъ я Егорову, что у насъ дѣлается, и что уже пол-фигуры написано — «Какъ?» вскричалъ онъ: «да вѣдь я вчера еще былъ у него: полотно стояло чистое?» — «Точно такъ» отвѣчалъ я: но сегодня въ десять часовъ Карлъ Павлычъ началъ работать... «Экой онъ чародѣй!» — «И просилъ прійти взглянуть.» — «Спасибо, сейчасъ. Ахъ, Боже мой! этакій талантъ: полфигуры въ одно утро! Этакій мастеръ! Ну, братъ Мокрицкій! счастливъ ты, что имѣешь такого учителя; иной дорого бы далъ, чтобы посмотреть, хотя въ щелку, какъ онъ пишетъ; а ты при немъ всегда — счастливъ ты, братъ, счастливъ!» Собрался старичокъ и мы пошли по корридору и всю дорогу онъ повторялъ: «Ахъ, Боже мой! полфигуры въ одно утро написалъ! Ну, вотъ увидимъ! Спасибо ему, что вспомнилъ старика!» Вошелъ Егоровъ въ мастерскую и остановился молча передъ картиною. Брюлловъ подошелъ къ нему и легонько взялъ его за руку. «Здравствуй, Карлъ Павлычъ; что это ты сдѣлалъ? И это сегодня? Боже ты мой! какая голова! а торсъ какъ нарисованъ! какъ выгѣпленъ! такъ и слышишь, какъ изъ груди вылетаетъ послѣдній вздохъ... Боже мой! какъ это хорошо!» сказалъ Егоровъ и обнялъ его. Потомъ, оглядываясь кругомъ, онъ увидѣлъ рядъ другихъ работъ: «А здѣсь-то, здѣсь, чего здѣсь нѣтъ! Хочешь Тиціана? — вотъ тебѣ Тиціанъ! Хочешь Вавдика — вотъ тебѣ Вавдикъ! И Корреджіо, и Рубенсъ, и Рембрандъ —

всѣ они въ тебѣ сидятъ; а вонъ этотъ ни дать, ни взять Веласкесъ, ты кистью Бога хвалишь, Карлъ Павлычъ! право, Бога хвалишь. Славно, братецъ, славно!» Старикъ былъ въ восторгѣ, и его похвалы хоть и были оригинальны, но сказаны отъ души. Егоровъ понималъ и высоко цѣнилъ талантъ Брюллова.

Вечеромъ того же дня приступилъ Брюлловъ опять къ черченію головъ для другихъ фигуръ. Головы Іоанна и Магдалины вышли поразительны своею изящною красотой и глубокою печалью; головы Іосифа Аримафейскаго и Маріи Клеоповой создались легко и удачно тѣмъ болѣе, что для этой послѣдней имѣлъ онъ въ виду превосходный оригиналъ. Быстро и дивно-хорошо создавалась эта картина. Многіе приходили удивляться новой славѣ художника. Помню, какъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ долго и внимательно смотрѣлъ на нее и, пораженный удивленіемъ, изъявилъ особенную благодарность художнику; помню, какъ Василій Андреевичъ Жуковскій по цѣлымъ часамъ сидѣлъ передъ картиною, то наслаждаясь безмолвно ея красотами, то обращаясь къ художнику съ похвалою. Вглядываясь въ общій составъ картины, онъ обратилъ вниманіе на небо, которое художникъ представилъ съ разорванными тучами и замѣтилъ, что въ формѣ большой темной тучи видѣть онъ человѣка, летящаго отъ стороны свѣта съ распростертыми руками. «Это духъ тьмы улетаетъ, предвидя свое пораженіе». И точно, облако, можетъ-быть, и случайно, но вышло похожимъ на тѣнь гиганта. Не умолчу также объ одной, до слезъ тронувшей меня сценѣ. Одинъ почтенный любитель и, къ чести его скажу, изъ знатнаго рода, посѣтилъ Брюллова, заставъ его за работой. Долго стоялъ посѣтитель пораженный передъ картиною; и когда художникъ сошелъ съ подмостокъ и подалъ ему руку, привѣтствуя его, онъ поцаловалъ ее и сказалъ: «эту руку я поцалую прежде, нежели пожму!» Онъ высоко уважалъ Брюллова и приобрѣлъ у него много прекрасныхъ произведеній.

Картина Распятія не была еще окончена, а у Брюллова созрѣвала уже новая идея и создавалась другая картина. Однажды вечеромъ, послѣ десяти часовъ, прислалъ онъ за мной. Пришедши, я засталъ его за работой—онъ рисовалъ эскизъ Вознесенія Божіей Матери—и спросилъ зачѣмъ такъ поздно. «Я позвалъ васъ, чтобъ вы посмотрѣли и сказали, хорошо ли это будетъ?» — «Помилуйте Карлъ Павлычъ, что могу я сказать? Прекрасно, удивительно, чудесно!»—«Да замѣтите же что-нибудь». — «Не могу, рано еще; позвольте мнѣ только смотрѣть и удивляться!» Да и что бъ я могъ замѣтить въ произведеніи, имъ самимъ такъ тщательно обдуманномъ и превосходно-нарисованномъ? Я смотрѣлъ и удивлялся прелести и легкости композиціи. А какъ это

было нарисовано! Какая черта! Онъ продолжалъ рисовать, притирая кое-гдѣ пальцомъ и ища эффекта; я стоялъ возлѣ и наблюдалъ какимъ волшебствомъ свѣтотѣни облакался этотъ рисунокъ; онъ и самъ былъ весьма-доволенъ своимъ произведеніемъ и съ самодовольствіемъ сказалъ: «Ну, батюшка, сегодня я работалъ, какъ никогда, послѣ Рима; да и въ Римѣ рѣдко работалъ я съ такимъ усиліемъ. Шабашъ! Берите лампу! Пойдемъ дочитывать «Джуліо Мости». Я нарочно не читалъ далѣе, чтобъ не одному наслаждаться. До двухъ часовъ читали мы, и онъ, слушая, часто думалъ совсѣмъ о другомъ, заставляя меня повторять раза по два прочитанное. Глядя сонными глазами въ книжку и едва поворачивая языкъ, я убаюкивалъ его; ему хотѣлось и слушать и спать; онъ то дремалъ, то просыпался; и когда замѣчалъ, что и я дремлю, то вскрикивалъ, бранилъ меня: «читайте хорошенько!» — «Не могу, глаза слипаются и языка не поворочу». — «Вздорь!» А черезъ минуту онъ самъ засыпалъ. Однакожь, кое-какъ удалось намъ окончить Джуліо въ цѣпи и повѣнчать Веррину съ Кіарой. Пробыло два часа, и мы разошлись.

Въ обхожденіи съ учениками Брюлловъ былъ простъ и не важничалъ, былъ доступенъ каждому; любилъ шутить и понималъ шутку; ученики любили его и боялись. Я, находясь при немъ постоянно, пользовался особеннымъ его расположеніемъ; несмотря на это, при дѣлѣ обращался онъ со мною круто и строго, но мгновенныя вспышки его проходили скоро, и онъ опять былъ со мною какъ товарищъ. Одно ласковое слово возвращало опять прежнее согласіе; умѣлъ онъ и порадовать меня неожиданностью. Такъ однажды, поутру, сидѣлъ я въ своей комнаткѣ, находившейся въ сосѣдствѣ съ картиной «Послѣдній День Помпей» и чертилъ анатомію, думая по временамъ о Брюлловѣ. Мнѣ казалось, что онъ зайдетъ сегодня ко мнѣ; такъ и сбылось: услыша стукъ въ двери, я побѣжалъ отворить, и точно то былъ мой профессоръ. Сердце мое забилося отъ радости; я не зналъ гдѣ посадить, чѣмъ угостить его, и все, что могъ предложить ему, былъ стаканъ воды. Онъ выпилъ и сказалъ: «каковъ гость, таково и угощенье»; потомъ, взглянувъ на мое занятіе, сказалъ: «Хоть и было бы за что побранить, но, уважая гостепрѣимство хозяина — прощаю. Пойдемъ къ картинѣ». «Послѣдній день Помпей» называлась у насъ просто картина... Долго смотрѣлъ онъ на нее и сказалъ: «право въ ней много хорошаго; не написать мнѣ другой «Помпей!» — «Богъ милостивъ! возразилъ я: — къ чему отчаяваться?» — «Нѣтъ, меня здѣсь много сердятъ; а чудные моменты пережилъ я, писавши эту картину! И какъ теперь вижу стоящаго передъ нею маститаго старца Комучини. Спустя нѣсколько

дней послѣ того, какъ весь Римъ стекался смотрѣть мою картину, пришелъ онъ ко мнѣ въ мастерскую Via St. Claudio, и, постоявъ нѣсколько минутъ передъ картиной обнялъ меня и сказалъ: abbracciate Collosse! Помню (продолжалъ онъ) еще одинъ весьма-забавный анекдотъ», и рассказалъ при этомъ какъ однажды, на пути изъ Рима въ Неаполь, у заставы въ Кануѣ былъ онъ въ весьма-затруднительномъ положеніи: нужно было предъавить паспортъ; онъ началъ шарить по карманамъ—но оказалось, что паспортъ потерявъ. Караульный офицеръ спросилъ его фамилію. «Брюлловъ? тотъ, который написалъ картину «Послѣдній день Помпея?» — «Тотъ самый» отвѣчалъ онъ. Офицеръ приложилъ руку къ шляпѣ и сказалъ: «Извольте вѣхать, отвѣтственность беру на себя». Тогда вѣхавшіе съ нимъ изъ Рима пассажиры, узнавъ, кто былъ ихъ спутникомъ, начали, какъ-бы снова знакомиться съ нимъ, изъявляя ему свое уваженіе, предлагали свои услуги въ Неаполь и надѣлали похвалами и толками о картинѣ. Жалѣлъ онъ, что съ открытіемъ его имени исчезла въ нихъ непринужденность и простота въ обращеніи съ нимъ, какая была прежде, пока они не знали кто онъ.

Разсмотрѣвъ всѣ копіи, находящіяся въ залѣ, онъ съ особенною похвалою отозвался о копіи Волкова съ Гвидо-Рени «Михаила Архангела», подходилъ къ работавшимъ тамъ ученикамъ и, дѣлая имъ замѣчанія, давалъ полезные совѣты; потомъ зашелъ ко мнѣ, взялъ шубу и ушелъ, сказавъ «до свиданья». Я занялся своимъ дѣломъ; между-тѣмъ пришелъ мой товарищъ; скоро привесли намъ обѣдъ, и мы расположились опоражнивать судки нашего дешеваго обѣда. Раздался стукъ у дверей. Кто бы это былъ? Я вскоцилъ, подошелъ къ двери и—что же? Карлъ Павловичъ изволилъ пожаловать къ намъ обѣдать; но, увидѣвъ пустые судки, пожалѣлъ, что опоздалъ, а пришелъ, говорилъ онъ, съ намѣреніемъ оставить насъ безъ обѣда. «Милости просимъ пожаловать завтра откушать съ нами». — «Хорошо, буду непременно! Мнѣ хочется оставить Мокрицкаго безъ сладенькаго; онъ же такой лакомка». На другой день часа въ четыре явился къ намъ дорогой гость прямо изъ Эрмитажа, и едва переступилъ порогъ, какъ закричалъ: «Давайте, ради Бога, вѣсть поскорѣе: я страшно голоденъ!» Засуетились мы, уладили все на какомъ-то треногомъ столѣ, балансировавшемъ во всѣ стороны; сѣли и принялись за работу. Любо было смотрѣть, съ какимъ апетитомъ нашъ маэстро трудился надъ горячими щами, побрякивая и похвалявая. Нѣчего сказать, мадамъ Фавнсова какъ нарочно отличилась въ тотъ день и прислала намъ три мѣрныхъ порціи куманъ, одно вкуснѣе другаго; были и сладкіе пирожки. Онъ положилъ къ себѣ на тарелку всѣ три и взглянулъ на меня; но, не замѣтивъ отчаянія

на моемъ лицѣ, рѣдаль намъ по пирожку и сказалъ: «не хочу обижать Мокрицкаго, не то онъ расплачется». Но какъ же онъ жалѣлъ, что поступилъ съ нами такъ великодушно, когда я вынулъ изъ шкапчика такую же порцію пирожковъ! «Догадался, малороссъ! Хитѣрь, право хитѣрь!» сказалъ онъ, дѣлая честь и этимъ пирожкамъ. За обѣдомъ роевали мы бутылочку пивца (маэстро любилъ пиво). Весело мы пировали. Брюлловъ былъ чрезвычайно любезенъ и много прекраснаго говорилъ намъ; говорилъ о силѣ воображенія, о восторгѣ художника и о творческой силѣ гевія; потомъ переходилъ къ анекдотамъ, къ звукоподражанію, и мастерски представлялъ намъ «Фейерверкъ, грозу; особенно живо и понятно представлялъ онъ зарницу послѣ сильной грозы, когда на горизонтѣ раздвигается небо и полоса свѣта задрожитъ между тучами; представлялъ спящего на солнцѣ щенка... Послѣ обѣда гость нашъ прилежъ отдохнуть; я покрылъ его своею шинелью и далъ ему уснуть часочка полтора. Отдохнувъ, пошелъ онъ домой, велѣвъ мнѣ часамъ къ девяти прійти къ нему. Въ этотъ вечеръ онъ началъ рисовать акварелью *Турецкое кладбище*.

Сколько онъ былъ не прихотливъ и не разборчивъ въ пищѣ, столько же любилъ иногда и хорошо покушать. Были у него пріатели, которые, замѣтивъ въ немъ эту слабость, неоднократно пользовались ею, мало заботясь о томъ, что такіа пирушки отнимали у него драгоценное время и разстроивали его здоровье. Нерѣдко, давъ слово одному, шелъ онъ обѣдать къ другому, если зналъ, что тамъ угостятъ его на-славу. Такъ, въ одно воскресенье, просилъ его къ себѣ отобѣдать почтенный старичекъ, академикъ Венеціановъ; онъ далъ слово. Въ двѣнадцать часовъ я пришелъ за нимъ и засталъ его еще въ постели. «Карлъ Павлычъ, вы забыли, что мы сегодня обѣдаемъ у Венеціанова?» — «Нѣтъ?... но я ожидалъ васъ.—«Я готовъ; а вы?»—«Долго ли нѣтъ!» И, встувъ на ноги, началъ маршировать по кровати, а потомъ, сдѣлавъ антраша, прыгнулъ на полъ. — «Какъ я радъ» сказалъ онъ, «что мы идемъ къ Венеціанову: тамъ будетъ много барышень, и я надѣюсь встѣмъ имъ вскружить головы.—«Матвѣй!» закричалъ онъ громко: «одѣваться!» Въ десять минутъ былъ онъ готовъ, закурилъ сигару и сошелъ внизъ въ мастерскую; тамъ нашелъ онъ В. И. Григоровича и Г. П. Кукольника. На вопросъ послѣдняго, гдѣ онъ сегодня обѣдаетъ, Брюлловъ отвѣчалъ: «У Венеціанова. Я далъ слово. Добрый старичокъ, я его очень уважаю, и послѣ многихъ обѣщаній сегодня, наконецъ, обѣдаю у него». Г. Кукольникъ, желая увести его къ себѣ, началъ ему рассказывать про тѣ чудеса кухни, какія ожидаютъ ихъ у него, К., дома: крѣпкій супъ съ грибами, ростбифъ и макароны alla parofè-

тава. Долго онъ противился искушенію, но пьесы: «Водовозъ» и «Швейцарская Хижина», обѣщавшія ему столько наслажденія послѣ вкуснаго обѣда, соблазнили его рѣшительно и онъ измѣнилъ данному слову. Послалъ меня одного къ Венеціанову и велѣлъ извиняться и тѣмъ, и другимъ, а всего лучше, говорилъ онъ «если я вовсе умолчу о немъ». Пошелъ я одинъ. Разумѣется, хозяинъ и гости пожалѣли, что не было со мною Брюллова и, сѣвъ за столъ, не переставали говорить о немъ, а онъ, между-тѣмъ, пировалъ, угощаясь макаронами, и послѣ обѣда уѣхалъ въ театръ. Поздно воротился онъ домой и, легши въ постель, долго не могъ уснуть; наконецъ велѣлъ подать себѣ сигару, закурилъ и разгулялся, какъ ребенокъ, началъ шутить, пѣть арии изъ слышанныхъ имъ оперъ, наконецъ мало-по-малу сѣхалъ на любимый свой разговоръ о женитьбѣ, которая съ нѣкотораго времени сильно овладѣла его мыслями. Здѣсь онъ признался мнѣ, что ему нравится одна дѣвица и что онъ думаетъ жениться на ней; но, пугая свое воображеніе невыгодными сторонами супружества, колесался: то онъ недовольно-богатъ, въ немъ нѣтъ ничего, что бы могло побѣдить сердце любимой женщины; то она недовольно-способна понимать его и цѣнить вполне ту любовь, которую онъ готовитъ ей; то самъ онъ слишкомъ-малъ ростомъ и жена будетъ смѣяться надъ нимъ: «выростетъ же иной съ фонарнымъ столбъ, а я точно аршинъ во фракѣ. Ну, что бы стоило природѣ хоть на четверть прибавить мнѣ росту! Пигмей я этакій, мнѣ ли жениться!» Наконецъ пугали его узы супружества. Потомъ опять возставалъ онъ противъ холостой жизни и превосходными красками живописалъ счастье семейной жизни, признавая ее за единственную цѣль жизни и состояніе, въ которомъ человекъ можетъ достигнуть высшаго земнаго счастья, имѣя притомъ обширнѣйшее поле дѣйствій для ума и сердца. Однимъ словомъ, за что онъ ни возьмется, видно было, что дѣло мастера боится: какую идею ни подай, онъ разовьетъ ее и распишетъ мастерски. Въ этотъ вечеръ пришла ему на умъ прекрасная мысль: устроить вечернія занятія для своихъ учениковъ у себя на квартирѣ, чтобы въ бесѣдахъ съ нимъ о предметахъ, необходимыхъ для художника, мы могли развивать свои головы и, выбирая сюжеты изъ классическихъ авторовъ, чертили эскизы каждый по своему понятію. Писатели, которыхъ онъ рекомендовалъ читать художнику — Гомеръ, Овидій, Данте, Гиббонъ; также совѣтовалъ ознакомиться съ физиологіею. «Вотъ» говоритъ онъ, «книги, научающія художника познавать внутренняго человека и вообще человека въ связи съ цѣлымъ міромъ и Творцомъ его; вотъ книги, безъ которыхъ художникъ не отдѣлится отъ посредственности». На другой день началъ онъ портретъ г. П. Кукольника; несмотря на сильную

простуду, онъ писалъ такъ неутомимо и съ такимъ успѣхомъ, что можно было повѣрить словамъ его, что въ Римѣ работалъ онъ тогда только, когда былъ боленъ. Сильный кашель раздиралъ ему грудь, слезы катились изъ глазъ отъ насморка, но онъ продолжалъ работать; и когда я совѣтовалъ ему не изнурять себя и перестать работать, онъ отвѣчалъ: *Нѣтъ, батюшка, теперь я работаю по страсти и хотя бы надѣли на меня саванъ, я не перестану работать.* Прошло два часа и онъ написалъ превосходный портретъ, въ которомъ, не говоря ужъ о сходствѣ, рисунокъ, лѣпка, правда тоновъ и рельефъ доведены до такого совершенства, что право, кажется, живой человекъ стоитъ передъ вами; а какая свѣжесть и ловкость въ техническомъ исполненіи! Жирно-положенныя краски, сливаясь одна въ другую, образуютъ собою а la prima то, что у другихъ художниковъ съ трудомъ достигается шпировками, посредствомъ прозрачныхъ красокъ. Портретъ этотъ кончалъ онъ, не проходя вторымъ разомъ головы; все въ ней осталось съ первою свѣжестью и ловкостью кисти художника-виртуоза. Рука въ портретѣ также написана превосходно.

Позабавилъ онъ насъ однажды своимъ знаніемъ канцелярскаго дѣла. Получилъ онъ отъ президента Оленина бумагу, въ которой требовалось доставить немедленно свѣдѣніе о *цѣнѣ*, какую *назначаетъ* онъ за одну изъ заказанныхъ ему работъ и о времени, къ которому надѣется окончить эту работу. Прочли мы эту бумагу и вотъ онъ велитъ мнѣ написать отвѣтъ по формѣ, на бланкѣ, за №; послалъ меня къ конференц-секретарю за бланкомъ да велѣлъ узнать, притомъ, какая форма нужна для такого рапорта. Смѣялся Григоровичъ невинности нашей, что мы затѣвали писать президенту рапортъ на бланкѣ да еще за номеромъ; онъ написалъ только форму рапорта; подалъ я форму Брюллову, прочелъ онъ ее и не понравилась она ему. «Я напишу по-своему» сказалъ онъ. «Оставьте пока: мы напишемъ имъ бумагу по-своему». Когда я представлялъ ему, что нельзя же отступить отъ формы. «вздоръ; умный и ясный отвѣтъ не воротятъ назадъ». Долго ждалъ президентъ этого умнаго отвѣта, пока, наконецъ, прислалъ ему готовую бумагу, которую оставалось только подписать и вставить цѣну за работу.

Не всегда, но весьма-часто, платилъ онъ вниманіемъ за вниманіе. Часу въ первомъ ночи на 12 декабря 1837 года прислалъ онъ за мною слугу съ приказаніемъ тотчасъ явиться. Неохотно шелъ я потому, что ужъ хотѣлъ лечь спать, но дѣлать было нечего. На вопросъ мой, здоровъ ли Карлъ Павловичъ: — «здоровъ» отвѣчалъ слуга: «сейчасъ изволилъ воротиться изъ театра». — «Пойдемъ». Я засталъ его ужъ въ постели. Довольный моимъ послушаніемъ, онъ предложилъ мнѣ мѣсто на кровати. «Знаете ли вы, что въ эту минуту на-
Т. СШ. — Отд. II. 11

«стукаетъ день моего рожденія? Я позвалъ васъ, чтобъ вмѣстѣ встрѣ-
«тить 38-й годъ моей жизни. Вы вѣрно и не думали объ этомъ?»
Я обнялъ его и поздравилъ отъ души; онъ обнялъ меня и также по-
цаловалъ. Въ эту минуту сердце мое забилося сильно: я вспомнилъ
тотъ счастливый моментъ, когда, въ первую нашу встрѣчу, онъ при-
жалъ меня къ своей груди. Велѣлъ онъ подать вина и мы налили по
стакану, чокнулись и встрѣтили новый годъ славы. Я былъ первый,
поздравившій его со днемъ рожденія и самымъ невиннымъ образомъ
выигралъ въ закладъ дюжину карандашей у товарища Демидова, ко-
торый часу въ седьмомъ пришелъ поздравить его, и узнавъ, что Брюл-
ловъ еще спитъ, былъ весьма-доволенъ, не найдя меня въ мастерской
и полагая, что я проспалъ, или забылъ поздравить Брюллова. Въ день
его рожденія данъ былъ пикникъ у Яненки, и тамъ онъ пировалъ до
семи часовъ утра; въ первомъ часу пополудни онъ всталъ и принялся ра-
ботать, но недолго порисовалъ, жаловался на вялость и тяжесть въ головѣ.
Когда я принялся дѣлать ему выговоръ за то, что онъ не бережетъ
своего здоровья, онъ сказалъ: «Ну вотъ ужъ разворчался! Нужно же
хотя изрѣдка *эбалтывать себя*. Впрочемъ, прошу васъ не пускайте
меня къ Яненкѣ и къ К.: они вѣчно соблазняютъ меня и я всегда
прихожу отъ нихъ нездоровый».

Я упомянулъ выше, что дѣлалъ ему выговоры: это точно правда.
Я любилъ его всею душою и видѣлъ, что онъ, по слабости своего ха-
рактера, дѣлаетъ иногда большія несообразности, вредящія его здоровью
и отнимающія у него драгоценное время. Войдя къ нему въ довѣрен-
ность, я приобрѣлъ себѣ право напоминать ему о важности его поло-
женія и о вредѣ его здоровью отъ частаго уклоненія отъ порядка въ
жизни. Иногда онъ возражалъ мнѣ, стараясь оправдаться, нерѣдко
даже принимая тонъ старшаго, пытался оборвать меня рѣзкимъ и су-
химъ отвѣтомъ; но никогда не удавалось ему освободиться отъ влiянiя,
которое имѣли мои искреннiя слова въ пользу его. Однажды онъ
вспылилъ и сказалъ мнѣ: «какъ вы смѣете говорить это мнѣ, ва-
шему профессору? Вы забываетесь». — «О! если такъ» отвѣчалъ я: — «то
оставимъ нашъ разговоръ и займемся дѣломъ; я стану работать и тог-
да я вашъ покорный ученикъ. Простите меня Карлъ Павлычъ, я
общаю вамъ никогда болѣе не выходить изъ роли ученика; я не хочу
раздражать васъ ничѣмъ». Съ этими словами я отошелъ отъ него
молча и принялся за дѣло... а онъ стоялъ у окна; не прошло пяти
минуть, какъ онъ первый прервалъ молчанiе. «Ну вотъ ужъ и надул-
ся! Вѣдь вы знаете, что я горячка. Не сердись же на меня». Мнѣ
ли сердиться было на него? Я обожалъ его при всемъ томъ, что ви-
дѣлъ большiе его недостатки. Не онъ ли самъ часто говорилъ мнѣ

прекрасныя итины, озаряя свѣтомъ юный умъ мой? Его уму было доступно все; онъ понималъ все своимъ живымъ умомъ, во всемъ участвовалъ пламеннымъ сердцемъ, и часто, въ бесѣдахъ съ нимъ, я удивлялся какъ могъ соединять онъ слабость характера съ такимъ твердымъ, всеобъемлющимъ умомъ и утонченнѣйшимъ чувствомъ! Но это было такъ; это былъ космосъ, въ которомъ враждебныя начала были перемѣшаны и то извергались вулканомъ страстей, то являлись сладостнымъ блескомъ. Онъ весь былъ страсть; онъ ничего не дѣлалъ спокойно, какъ дѣлаютъ обыкновенные люди. Когда кипѣли въ немъ страсти, взрывъ ихъ былъ ужасенъ, и кто стоялъ ближе, тому и доставалось больше. Когда онъ работалъ, то работалъ съ такимъ увлеченіемъ, что часто изнемогалъ отъ умственного напряженія; не разъ, проработавъ три-четыре часа съ натуры, онъ бросалъ палитру, срывалъ съ себя галстухъ и ложился на диванъ; голова его горѣла и нервная дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Взгляните же потомъ надъ чѣмъ онъ трудился — и васъ проймаетъ такая же дрожь отъ поразительнаго совершенства въ исполненіи; вы не оторветесь тогда отъ произведенія его волшебной кисти, передъ вами не портретъ, а живое лицо; это не краски, а тѣло; глаза смотрятъ на васъ; уста готовы заговорить и весь человѣкъ, какъ-бы торжествуетъ свое возрожденіе. Вы тогда поймете отчего у художника разгорѣлась голова, и сознаетесь, что родить живую голову на мертвомъ полотнѣ нелегко. Тѣ, надъ чѣмъ природа такъ долго трудилась въ таинственной своей лабораторіи, онъ изобразилъ вамъ простыми безжизненными красками, и въ нѣсколько минутъ влилъ, такъ-сказать, душу насчетъ собственной жизни.

Виновать! я увлекся воспоминаніемъ. Впрочемъ, можно ли и говорить о Брюлловѣ безъ увлеченія? Время пребыванія моего у Брюллова было счастливѣйшимъ въ моей жизни: я отдался искусству по страсти и въ такомъ возрастѣ, когда могъ уже понять свое завидное положеніе, когда, руководимый гениемъ, я смѣло шелъ впередъ къ предположенной цѣли съ вѣрою, съ надеждою; когда каждый новый день встрѣчалъ я съ восторгомъ, потому-что онъ готовилъ для меня или новый успѣхъ отъ трудовъ, или новое наслажденіе видѣть и слышать обожаемаго моего учителя и быть свидѣтелемъ новаго произведенія; когда я каждый день входилъ въ его мастерскую, какъ въ святилище, и ожидалъ учителя съ трепетомъ сердца... Если онъ привѣтствовалъ меня улыбкою, то я весело принимался за дѣло; если же тяжелая дума и нездоровье бороzdили его прекрасное чело, это и на меня наводило грусть. Я жилъ при немъ, какъ плющъ на могучемъ дубѣ; мой умъ созрѣвалъ и питался отъ него познаніями; за те буря и грозы, продолжавшія его, отзывался и на мнѣ. Впродолженіе четырехъ лѣтъ онъ

одно произведеніе, ни одна черта сдѣланная имъ, ни одна его идея не утаилась отъ меня; къ тому же онъ и самъ былъ со мною откровененъ. Идей, какъ облака на синемъ небѣ, всегда ходили въ душѣ его, и онъ то высказывалъ ихъ словами, то чертилъ ихъ на бумагѣ; всѣ чувства принимали въ душѣ его живые образы; все, что восхищало или потрясало его душу, кристаллизовалось въ ней, принимая изящныя формы; самые даже звуки музыки желалъ онъ выразить своею кистью. Однажды зашелъ я къ нему часу въ седьмомъ утра и нашелъ его въ постели съ бумажкою и карандашомъ въ рукахъ. «Что вы дѣлаете, Карлъ Павлычъ?» спросилъ я. — «Черчу портретъ пѣвицы Воробьевой — смотрите» сказалъ онъ. Смотрю я на чертёжъ и вижу какую-то музу, или что-то подобное, съ арфою въ рукѣ. «Вчера» продолжалъ онъ: — «былъ я въ гостяхъ; тамъ было много дамъ и прехорошенькихъ; всѣ онѣ строили мнѣ куры; это забавляло меня, но не долго: я былъ какъ-то не въ духѣ. Много было чужихъ, незнакомыхъ мнѣ лицъ, а въ такихъ обществахъ, вы знаете, имѣ всегда бываетъ скучно; на меня смотреть, какъ на заморскаго звѣря. Но вотъ неожиданно въ гостиную вошла Воробьева. Въ этотъ вечеръ лицо ея сіяло какимъ-то вдохновеніемъ. Попросили ее спѣть, и она была такъ любезна и такъ въ голосѣ, что почти весь вечеръ не отходила отъ фортепьяно. Глянка ей окомпанировалъ и она пѣла дивно. Слушая ее, я былъ въ восторгѣ; но когда она пропѣла арію Ромео изъ «Монтекки и Капулетти», я не могъ удержаться отъ слезъ и далъ себѣ слово написать съ нея портретъ. Вотъ какъ я напишу: я представлю Дрияду, играющую на семиструнной арфѣ; звуки, издаваемые ею, изображу я въ видѣ лучей, выходящихъ изъ арфы; въ каждомъ лучѣ представлю отдѣльную картину чувствъ и страстей порождаемыхъ, или уничтожаемыхъ волшебными звуками»...

Все въ природѣ было доступно его кисти; съ одинакимъ совершенствомъ изображалъ онъ человѣка, лошадей, собакъ и другихъ животныхъ, деревья и цвѣты, и все съ такимъ совершенствомъ, какъ будто онъ исключительно однимъ только этимъ и занимался; онъ не отдѣлялъ ихъ отъ человѣка, но точно такъ же, какъ они въ самой природѣ поставлены ниже человѣка, такъ и въ картинѣ у него подчинились они его преимуществу въ—отношеніи технического исполненія. Не было рода живописи, въ которомъ онъ не проявилъ бы могучей силы своего таланта: въ историческомъ, онъ сталъ на-ряду съ первоклассными живописцами, чему доказательствомъ его «Помпея», «Распятіе», «Взятіе Божіей Матери на небо», «Христосъ во гробѣ» и «Куполъ» въ Исакіевскомъ Соборѣ; въ портретахъ не уступалъ онъ ни Таціану, ни Вандику, ни Веласкесу; въ баталическомъ — онъ представилъ «Осаду Пскова» и

композицію «Гензерихъ грабить Римъ»; въ *пейзажнѣ*: пейзажъ помѣщалъ онъ, какъ аксессуаръ въ своихъ картинахъ, съ такимъ знаніемъ рисунка деревьевъ и всѣхъ земныхъ предметовъ, какіе мы только находимъ у него на картинѣ «Авраамъ и три Ангела», въ картинѣ «Нарцисъ»; въ портретѣ дѣтей графа Витгенштейна, въ «Бакчисарайскомъ Фонтанѣ» и, наконецъ, въ картинѣ «Возвращеніе итальянокъ съ Монте-Каво съ праздника Madonna della Tuffo»; въ этой картинѣ пейзажъ играетъ почти главную роль. Есть у него и много другихъ пейзажей, превосходно-нарисованныхъ акварелью и au bistre, какъ-то: виды Греціи, находящіяся въ альбомахъ гг. Давыдова и Демидова. Въ *изображеніи животныхъ*: кто не помнитъ лошадей и собакъ въ портретѣ Демидова, въ портретѣ генерала Перовскаго, въ картинѣ, изображающей прогулку въ Петергофскомъ Саду Ея Величества Государыни Императрицы и Великой Княгини Маріи Николаевны; раненаго коня подъ Шуйскимъ въ осадѣ Пскова; рѣзвой собачки, бѣгущей внизъ по лѣстницѣ, въ портретѣ дѣвицы Чекаревыхъ; его дивнаго ослика въ акварельномъ портретѣ графини Ферзенъ, гдѣ она представлена въ албанскомъ костюмѣ, съ вѣнкомъ васильковъ на головѣ, въ прелестномъ, исполненномъ живши и граціи рисункѣ. Что же касается до рода, такъ-называемаго, *de genre*, то кто превзошелъ его въ этомъ родѣ? довольно указать на немногія, извѣстныя намъ его картины.

Кромѣ дара въ помянутыхъ родахъ, Брюлловъ также былъ большой мастеръ рисовать карикатуры — тѣ ѣдкія карикатуры, которыя насоллили многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ самому; признаюсь, я всегда смѣялся имъ отъ души. Сколько помню, академикъ Будкинъ и я долго были предметами его карикатурныхъ остротъ; потомъ попалъ онъ на своего ученика Корицкаго и натѣшился надъ нимъ въ волю, не пропустилъ ни одного обстоятельства изъ его жизни. Исчерпавъ всю смѣшную сторону челоуѣка и сохранивъ поразительное сходство въ его лицѣ, фигурѣ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ, онъ представлялъ предметъ карикатуры такимъ неизящнымъ, что часто, бывало, не вѣришь своему собственному портрету и думаешь, съ примѣсю нѣкотораго огорченія, неуже-ли я въ-самомъ-дѣлѣ таковъ? Но потомъ, отбросивъ ложный стыдъ, согласишься съ художникомъ, и начинаешь смѣяться надъ самимъ-собою.

25-е января 1837. — Сегодня въ нашей мастерской было много посѣтителей—это у насъ не рѣдкость; но между прочими, были Пушкинъ и Жуковскій. Сошлись они: вмѣстѣ и Карлъ Павловичъ угощали ихъ своею портфелью и альбомами. Весело было смотрѣть, какъ они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками; но когда онъ показалъ имъ недавно-оконченный рисунокъ: «Съездъ на балъ

къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ», то восторгъ ихъ выразился крикомъ и смѣхомъ. Да и можно ли глядѣть безъ смѣха на этотъ прелестный, забавный рисунокъ? Смирскій полиціймейстеръ, спящій посреди улицы на коврѣ и подушкѣ, такая комическая фигура, что на нее нельзя глядѣть равнодушно. Позади него, за подушкой, въ тѣни, видны двое полицейскихъ стражей: одинъ сидитъ на корточкахъ, другой лежитъ, упершись локтями въ подбородокъ и болтая босыми ногами, обнаженными выше колѣнъ; эти ноги, какъ двѣ кочерги, принадлежащія тощей фигурѣ стража, еще болѣе выдвигаютъ полноту и округлость формъ спящаго полиціймейстера, который, будучи изображенъ въ ракурсѣ, кажется отъ того еще толще и шире. Пушкинъ не могъ разстаться съ этимъ рисункомъ, хохоталъ до слезъ и просилъ Брюллова подарить ему это сокровище; но рисунокъ принадлежалъ ужъ книгницѣ Салтыковой и Карлъ Павловичъ, увѣряя его, что не можетъ отдать, обѣщалъ нарисовать ему другой. Пушкинъ былъ безутѣшенъ; онъ, съ рисункомъ въ рукахъ, сталъ передъ Брюлловымъ на колѣни и началъ умолять его: «Отдай, голубчикъ! Въдъ другаго ты не нарисуешь для меня; отдай мнѣ этотъ». Не отдалъ Брюлловъ рисунка, а обѣщалъ нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену, не думалъ, что Брюлловъ откажетъ Пушкину. Такіе люди, казалось мнѣ, не становятся даромъ на колѣни передъ равными себѣ. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина...

Вечеромъ, возвратясь отъ К..., Брюлловъ чувствовалъ себя нехорошо. Я встрѣтилъ его въ корридорѣ и проводилъ въ квартиру. Онъ легъ въ постель. Видя, что ему точно нездоровится, я хотѣлъ остаться у него, но онъ велѣлъ мнѣ погасить лампу и идти спать. Рано поутру пошелъ я къ нему и узналъ отъ слуги, что Брюлловъ ужъ давно проснулся, но несовсѣмъ-здоровъ. Я пошелъ наверхъ. «Что съ вами, Карлъ Павлычъ?» — «Нехорошо мнѣ, я нездоровъ. Поѣзжайте къ доктору». Съ этого дня болѣзнь его постепенно усиливалась; онъ былъ такъ плохъ, какъ никогда еще.

31-го января. — Благодаря искусству и усердію доктора Пеликана, теперь онъ внѣ опасности. Сегодня третій день, какъ чувствуетъ себя гораздо-лучше. Я навѣщаю его только по утрамъ и вечерамъ, и то на самое короткое время; онъ не хочетъ, чтобъ я тратилъ для него время, и вотъ я весь день сижу въ античной галереѣ, рисую съ антиковъ; но какое мое рисованье? все думалъ о немъ. Ужъ лучше бы онъ позволилъ мнѣ остаться подлѣ него; не лежитъ же онъ одинъ безъ дѣла, читаетъ что-нибудь, а это строго запретилъ ему докторъ и не разъ ужъ бранилъ его, заставая съ книгой въ рукахъ. Такимъ-образомъ сколько глазами по антикамъ, я не разъ думалъ: ужъ не огор-

челъ ли я его чѣмъ-нибудь, что онъ гонитъ меня отъ себя? Такъ нѣтъ, вотъ сегодня вечеромъ онъ встрѣтилъ меня весьма-привѣтливо, велѣлъ подать чаю, потомъ игралъ со мною въ экартè; соскучась игрою, велѣлъ мнѣ читать стихи Пушкина и восхищался каждой строкой, каждой мыслью и жалѣлъ душевно о ранней кончинѣ великаго поэта. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отдалъ ему рисунка, о которомъ тотъ такъ просилъ его, вспоминалъ о томъ, какъ Пушкинъ восхищался его картиной «Распятіе» и эскизомъ «Гензерихъ грабить Римъ». При этомъ онъ обнаружилъ грусть свою по Италіи; жалѣлъ, что петербургскій климатъ не благоприятствуетъ его здоровью и съ горькимъ чувствомъ сказалъ: «Нѣтъ, здѣсь я ничего не напишу: я охладѣлъ, я застылъ въ этомъ климатѣ; здѣсь не въ силахъ я написать этой картины!» Онъ былъ весьма-зѣбкой природы, и зимой, выходя на воздухъ, безпрестанно простужался. Въ комнатѣ любилъ такую теплоту, что рѣдко кто выносилъ подобную. Между-тѣмъ въ Римѣ девять мѣсяцевъ можно работать при раскрытыхъ окнахъ.

Оправившись отъ болѣзни, онъ написалъ прекрасный портретъ доктора Пеликана, который въ коллекціи произведеній, находившихся ужъ въ мастерской, занималъ едва-ли не первое мѣсто по совершенному сходству и выраженію характера; въ этомъ портретѣ можно было читать умъ, доброту и наблюдательность почтеннаго и извѣстнаго своею ученостью доктора. Нелегко было занять первое мѣсто въ ряду такихъ портретовъ, каковы доктора Орлова, г. П. Кукольника, скульптора Витали, генерал-адъютанта Перовскаго, графини Солтыковой, баронессы Миллеръ-Закомельской и дочери австрійскаго посланника графа Фикельмонъ: каждый изъ нихъ носилъ на себѣ признаки гениальной кисти. Въ одномъ составъ картины, въ другомъ—расположеніе пятенъ и блескъ красокъ, сила освѣщенія, рельефъ; наконецъ, въ каждомъ индивидуальный характеръ былъ выдержанъ до такой степени, что не знаешь которому изъ нихъ отдать преимущество: не успеешь влюбиться однимъ, какъ другой своею силою привлекаетъ къ себѣ; вездѣ жизнь, вездѣ прелесть и то неподражаемое мастерство и легкость въ исполненіи, какія изъ современныхъ художниковъ едва-ли не одному Брюллову принадлежали. Въ его произведеніяхъ всегда скрытъ былъ трудъ, между-тѣмъ, какъ при окончательномъ исполненіи, трудился онъ весьма-много и, зная требованія искусства, не спѣшилъ оканчивать. У него ни въ одномъ произведеніи не видно было шарлатанства многихъ, пользующихся незаслуженною извѣстностью. Онъ писалъ портретъ какъ этюдъ; каждое произведеніе начиналъ и трудился надъ нимъ съ любовью къ искусству, и если не всегда доводилъ онъ до окончанія работу, то этому были многія причины и главная, мо-

жетъ—быть, какъ и самъ онъ говоритъ, состояла въ томъ, что его утомлялъ процессъ живописи. При его пыломъ темпераментѣ и плодovitомъ воображеніи, это весьма—естественно. Въ акварели онъ былъ терпѣливѣе: процессъ акварели легче, подручнѣе; потому онъ и любилъ этотъ родъ. Болѣе ста рисунковъ украшаютъ альбомы любителей изящнаго. Всѣмъ извѣстно, какъ высоко цѣнятся эти перлы его фантазіи и гениальной кисти.

27-е февраля. — Сегодня зашелъ я къ Брюллову на минуту, а пробылъ у него часа три; засталъ его за работой: онъ оканчивалъ портретъ г-жи Демидовой, урожденной баронесы Шернвальдъ. Сперва занялся онъ головой; интересно и чрезвычайно—поучительно было видѣть, какъ приступалъ онъ къ дѣлу. Пройдя легко столовымъ ножомъ по портрету, онъ согналъ съ него нѣкоторыя неровности красокъ, потомъ, промасливъ слегка, началъ полукорпусно и кое—гдѣ лесировкой проходить голову; съ каждымъ мгновеніемъ голова теряла матеріальность красокъ и какъ—бы облекалась тѣломъ; голубые глаза загорѣлись блескомъ, на щекахъ заигралъ румянецъ и малиновый ротъ принялъ какую—то бархатность — что весьма—трудно въ механизмѣ живописи; роскошный бюстъ, также облекаясь въ красоту прозрачныхъ полутоновъ, казалось, началъ колыхаться подъ волшебною кистью вдыхавшей въ него жизнь. При этомъ трудѣ работалъ онъ смѣло, но осторожно; когда же началъ проходить костюмъ, то, право, духъ захватывало отъ удивленія къ этой смѣлости и самоувѣренности, съ которою распорядился гениальный художникъ: на плечи набросилъ онъ соболій палатинъ; притеревъ битюмомъ съ баканомъ, началъ мягкой, полунстертою кистью наносить серебристыя массы этого пушистаго мѣха, а другою, съ темной краскою, кое—гдѣ въ глубокихъ складкахъ, сталъ какъ—бы вдавливать его; мѣхъ мялся и нѣжные волоски то ложились гладко, то на изломахъ складокъ торчали по направленію перегиба. Видаль я, какъ и другіе пишутъ мѣхъ, но сколько жѣ и труда положено на какой—нибудь воротникъ шубы, доведенной наконецъ дотого, что шуба лучше лица того, у кого она на плечахъ. Нѣтъ, это не живопись! У Брюллова аксессуаръ, какъ бы ни былъ натураленъ, никогда не пересялитъ главнаго. Въ его портретахъ прекрасныя мѣха, атласъ, бархатъ и самыя металлическія вещи, при всей своей прелести и блескѣ, всегда уступаютъ первенство головамъ и рукамъ, можно сказать на столько, на сколько они ниже чевѣческаго лица въ самой натурѣ.

10-е марта. Вечеромъ часу въ девятомъ, пошелъ я къ Брюллову съ класснымъ рисункомъ съ натуры. Онъ просмотрѣлъ его внимательно, указалъ на недостатки и сдѣлалъ замѣчанія; потомъ взялъ карандашъ, нарисовалъ кисточку, выправилъ слѣдки, просмотрѣлъ вним-

нительно контуръ и, указывая на красоту линий, сказалъ: «Видите ли, какъ нужно смотрѣть на натуру; какъ бы ни былъ волнистъ контуръ, рисуйте его такъ, чтобъ едва-замѣтно было уклоненіе отъ общей его линіи. Здѣсь нѣтъ ни усиленнаго движенія, ни напряженія; фигура стоитъ спокойно. На что жъ у васъ эти бугры? Смотрите почаще на антики: въ нихъ всегда выдержано спокойствіе, гармонія общей линіи, оттого они и прекрасны, оттого они важны и величественны; а изломайте ихъ спокойныя линіи — ну, и будетъ баррокъ, и надоѣдятъ они скоро; такъ и въ краскахъ: не подчините яркихъ колеровъ общему тону — и будутъ они хлестать по глазамъ какъ пестрые доскутки на дверяхъ у красильщика. Колеръ въ картинѣ силенъ не отъ яркости своей, а отъ согласія и подчиненія общему тону. Понимаете? То-то же, помните; а то вамъ дай краски въ руки — вы и обрадовались, и станете красить ярче игрушекъ». Говоря это, онъ продолжалъ — выправлять рисунокъ, и мой тощій или, какъ онъ называлъ его, чахоточный рисунокъ принималъ пріятныя формы и стройный видъ въ цѣломъ. «Ну, вотъ вамъ и Тарасъ! Довольно, шашъ; надоѣло мнѣ ваше пачканье; велите подавать чай». Напившись чаю, стали мы читать «Увидну» Жуковского. Брюлловъ раскладывалъ гран-пасьянсъ; это онъ дѣлалъ часто по вечерамъ; а что въ томъ хорошаго — право не знаю; впрочемъ, на мой вопросъ насчетъ этого занятія, онъ мнѣ отвѣчалъ, что любитъ гран-пасьянсъ какъ игру, которая не мѣшаетъ думать о другомъ.

12-го марта. — Послѣ класса прислалъ за мною Брюлловъ и велѣлъ достать ему глины. Пошелъ я за глиной къ барону Клодту. На что понадобилась ему глина? Онъ выѣщилъ изъ нея каккъ, насажалъ въ него турокъ и рисовалъ съ нихъ въ картину, назначенную для Его Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника. Рисунокъ изображалъ кладбище турецкое въ Константинополѣ; группы турокъ гуляютъ по кладбищу на Босфорѣ; здѣсь же къ берегу причаливаетъ и каккъ съ женщинами. Это пособіе гениальный художникъ нашелъ нужнымъ для соблюденія ббльшей вѣрности въ ракурсѣ какка и отношенія сидящихъ фигуръ. Уставивъ все въ надлежащемъ видѣ, онъ началъ рисовать какки (перевозчика); бритая голова съ феской на затылкѣ, съ торчащими, нѣсколько-отвислыми ушами чрезвычайно характерна; откинувъ голову немного назадъ, какки съ усиленіемъ дѣйствуетъ веслами; расширенныя ноздри и полураскрытый ротъ, поднятая дыханіемъ грудь и напряженныя мускулы его жилистыхъ рукъ выражаютъ то усиленіе, съ которымъ онъ, взмахнувъ разъ еще веслами, причалить каккъ къ берегу. Начертивъ еще двѣ женскія фигуры, онъ велѣлъ нести лампу наверхъ, легъ въ постель и завелъ рѣчь о женитьбѣ; но усталость одолѣла его. Замѣтивъ, что онъ дремлетъ, я взялъ лампу со стола и хотѣлъ уйти; однакожъ онъ открылъ

глаза и, увидѣвъ меня съ лампой въ рукѣ, закричалъ: «Куда, извѣстникъ? Я думалъ, что вы расскажете мнѣ что-нибудь о Малороссіи!»— «Извольте» отвѣчалъ я:—«но у насъ, въ Малороссіи, говорятъ: когда казакъ не спитъ, то пьетъ, поетъ или танцуетъ, а когда легъ казакъ, то спитъ, а не болтаетъ».—«Ужасно остро!» пробормоталъ онъ едва-внятно. Затѣмъ мы разстались.

31-го марта. — Послѣ вечерняго класса пошелъ я къ Брюллову и засталъ тамъ Венеціанова и Федора Брюллова; скоро пришелъ А. А. Краевскій и прочелъ намъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, найденныя въ рукописи послѣ его смерти: «Отцы пустынноики и жены непорочны», «Русалку», нѣсколько сценъ изъ «Каменнаго Гостя» и «Галуба». Когда Краевскій рассказалъ Брюллову о послѣднихъ часахъ жизни Пушкина и о томъ, что хотятъ издать полное собраніе его сочиненій, Брюлловъ выразилъ желаніе нарисовать къ нимъ фронтисписъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить Пушкина съ лирой въ рукахъ, на скалѣ Кавказскихъ Горъ, посреди величественной кавказской природы—намереніе, какъ извѣстно, оставшееся безъ исполненія. Въ двѣнадцать часовъ разошлись наши гости; тогда я показалъ Брюллову свой классный рисунокъ. Онъ объяснялъ мнѣ нѣкоторыя затрудненія въ рисункѣ, бранилъ за излишнюю отчетливость отдѣлки въ мелочахъ, прежде нежели соблюдены общія формы; чертилъ мнѣ отдѣльныя части и, толкуя о нихъ, обнаружилъ глубокое познаніе строенія тѣла человѣческаго и механизма его движеній. Этотъ вечеръ онъ былъ въ весьма-хорошемъ расположеніи духа и, между прочими любезностями, далъ мнѣ честное слово завтра вечеромъ нарисовать съ меня портретъ. Обрадованный этимъ общаніемъ, я расцаловалъ его, и боясь, чтобъ онъ какъ-нибудь не охладилъ моего восторга, схватилъ фуражку и ушелъ спать.

1-е апрѣля. — Не-уже-ли 1-е апрѣля такое роковое число, въ которое лопаются всѣ наши надежды и ожиданія? Не даромъ же въ этотъ день люди стараются обманывать другъ друга. Обманулся и я въ своемъ пріятномъ ожиданіи, да сверхъ того и досталось мнѣ на орѣхи. Рано поутру послалъ меня Карлъ Павловичъ къ Жуковскому пригласить его пріѣхать завтра на сеансъ. Я перепуталъ его порученіе и вмѣсто завтра пригласилъ его на сегодня къ тремъ часамъ. Досталось же мнѣ отъ моего маэстро! Выслушавъ мой докладъ, онъ поднялъ такую бурю, что я думалъ, онъ проглотитъ меня; но у него гнѣвъ былъ какъ гроза на небѣ: пройдетъ и снова ясно; на шумитъ, накричитъ, улыбнется—и все забыто. Видя, что гнѣвъ его проходитъ, я подошелъ къ оружію, висѣвшему надъ диваномъ, снялъ турецкую винтовку, подаренную Брюллову г. Перовскимъ и сказалъ: «Должно-быть, славно бьетъ это ущецо!»—«А вотъ я сейчасъ попробую» и тутъ же зарядилъ его,

заколотилъ въ него пулю, велѣлъ запретъ дверь и выстрѣлилъ. Вотъ истинно младенческая душа: захотѣлъ потѣшиться, зарядилъ пулей винтовку и пафъ въ двери—веселъ и доволенъ, что выстрѣлилъ. Послѣ вечерняго класса пришелъ я къ нему въ надеждѣ, что вотъ сегодня получу портретъ отъ руки моего великаго наставника; не тутъ-то было: слуга отперъ дверь, и сказалъ мнѣ, что его дома нѣтъ. «Не лжешь ли ты, любезный?»—«Никакъ нѣтъ; ивольте взойдти и посмотрѣть сами. Карлъ Павлычъ ушли съ какимъ-то господиномъ...» Вотъ тебѣ и портретъ! не даромъ сегодня 1-е апрѣля.

2-го апрѣля. — Сегодня въ мастерской нашей прибавилось еще одно прекрасное произведеніе: портретъ В. А. Жуковскаго — и какъ онъ похожъ! Поразительное сходство съ необыкновенною силою рельефа. Сеансъ продолжался не болѣе двухъ часовъ и голова кажется почти оконченною; въ прокладкѣ видно, что онъ хотѣлъ окончить ее *a la prima*.

3-го апрѣля. — Поутру въ восемь часовъ пришелъ я къ Брюллову; засталъ тамъ Айвазовскаго и Моллера. Брюлловъ сидѣлъ передъ портретомъ княгини Солтыковой и чертилъ опахало изъ павлиньихъ перьевъ. «Мокрицкій!» сказалъ онъ: «достаньте мнѣ сусального серебра и, если можно, сейчасъ же». Я занялся; мнѣ не хотѣлось идти въ Гостиный Дворъ. «Нельзя ли подождать обѣда?» Онъ замолчалъ и нахмурилъ брови; я отошелъ и занялся своимъ дѣломъ. Потомъ мнѣ стало жалко, что я почти отказалъ ему въ этой услугѣ; жаль было и терять свѣтлое время. Недолго думая, однако, потихоньку ушелъ я изъ мастерской и почти бѣгомъ сходилъ въ Гостиный Дворъ, купилъ книжку серебра и принесъ ее Брюллову. Довольный моею догадкой, онъ очень благодарилъ меня. Сдѣлавъ ему пріятное, я и самъ былъ спокоенъ, занялся своей копіей и не подозревалъ, что гроза собирается надъ моею головой. Когда ушли Моллеръ и Айвазовскій, Брюлловъ велѣлъ мнѣ начертить перспективу въ портретъ Салтыковой. Принялся я чертить. Онъ, видя, что я неловко обращаюсь съ линейкой и кистью, сердился, выходилъ изъ себя, наконецъ такъ вспылалъ, что бросилъ на полъ свою палитру и кисти и принялся чертить самъ. Жаль мнѣ было, что такая бездѣлица такъ сильно его разсердила и совершенно напрасно, потому-что, изловчившись, я чертилъ смѣлѣе и начертилъ все какъ слѣдовало. Онъ же, видя, съ какимъ спокойствіемъ принялъ я его вспышку и выговоръ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ и извинялся, что безъ причины такъ накричалъ на меня. На чтѣ жъ понадобилось ему сусальное серебро? Онъ употребилъ его весьма-искусно въ павлиньи перья, именно въ зеленыхъ кружкахъ. Наложивъ серебро, онъ прикрылъ его слегка прозрачною краской и такимъ образомъ достигъ того металлическаго блеска, какой видѣнъ въ этихъ прелестныхъ перьяхъ, гдѣ отливъ

такъ неуловимъ для кисти безъ маленькой хитрости, которую употребилъ онъ весьма-удачно.

4-е апрѣля. — Сегодня былъ я калифомъ, если не на часъ, то хоть на минуту. Пошелъ я къ Брюллову и, узнавъ отъ слуги, что въ мастерской много гостей, прошелъ другимъ ходомъ въ кабинетъ. Брюлловъ одѣвался и, поболтавъ со мною о томъ, о сѣбѣ, послалъ меня въ мастерскую побыть съ гостями. Я смѣло отворилъ дверь и вошелъ. Многие изъ нихъ, незнавшіе лично Брюллова, приняли меня за него и начали раскланываться, а одна дама подошла еще нарочно поближе и сдѣлала мнѣ пренизкій реверансъ, на который я отвѣчалъ весьма-неловкимъ поклономъ. Я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и увидѣвъ одну знакомую даму, подошелъ къ ней; она назвала меня по имени, спросила о здоровьѣ Брюллова; недоумѣніе начало объясняться. Минуту спустя, вошелъ самъ маэстро и дѣло уладилось само-собою. Какъ теперь вижу его передъ собою въ черномъ бархатномъ сюртучкѣ, съ прелестновьющими кудрями.

Брюлловъ требовалъ отъ учениковъ, чтобъ они сколько можно болѣе изучали антики. «Этимъ только путемъ» говорилъ онъ:—«можно достигнуть до пониманія красотъ въ натурѣ и исправленія недостатка красоты форизъ, безпрестанно-встрѣчаемаго при изученіи нагого тѣла. Торсъ Геркулеса Бельведерскаго, Лаокоонъ, Германикъ и Боецъ были у него главными статуями для ученика; Ангиноя, Аполлона, Венеру и другія съ формами болѣе-округленными и менѣе замѣтными уклоненіями линій, совѣтовалъ изучать позже, оттого, что въ нихъ болѣе скрыта анатомія. Однажды, передъ вечернимъ классомъ, несъ я къ Брюллову рисунокъ торса Геркулеса Бельведерскаго и встрѣтилъ его въ корридорѣ. «Это чтó у васъ?»—«Торсъ Бельведерскій» отвѣчалъ я, поворачивая вправо по корридору... «Не туда! мы пойдемъ другою дорогою», сказалъ онъ и повелъ меня въ удивенное мѣсто въ сторонѣ отъ длиннаго корридора; тутъ остановился онъ у окна подлѣ ведущей вверхъ лѣсенки. «Вотъ здѣсь» сказалъ онъ: — «работалъ я украдкою, уходя отъ шума, когда таскалъ гипсовыя руки и слѣпки, и повторялъ наизусть то, чтó чертилъ въ античной галереѣ. Лаокоонъ и Торсъ Бельведерскій были моими любимѣйшими предметами. Покажите вашъ торсъ... Не дурно; но вотъ эта линія лопатки не понята: сухо; натужьте ее мягче и повыщите болѣе красоты. Этотъ Геркулесъ уже на Олимпѣ и пожалованъ Юпитеромъ въ боги; формы тѣла его, кромѣ силы, облечены уже въ божественную красоту, которую древніе греки съ неподражаемымъ искусствомъ придавали изображеніямъ боговъ и героевъ, принятыхъ въ сонмъ боговъ».

Бывали періоды, когда Брюлловъ совсѣмъ не работалъ, или работалъ

весьма-мало; тогда онъ по утрамъ много читалъ, а послѣ обѣда спалъ иногда и весьма-долго и, смѣясь, говорилъ, что это къ росту. Однажды, послѣ шестичасоваго занятія въ галереѣ и послѣ вѣчерняго класса, часу въ восьмомъ зашелъ я къ нему; мнѣ сказали, что онъ спитъ; я отправился къ себѣ на верхъ и, напившись чаю, собирался раньше лечь спать. Часу въ одиннадцатомъ прислалъ за мною Брюлловъ; дѣлать было нечего, я одѣлся, пошелъ и засталъ его за гран-пасьянсомъ. Онъ велѣлъ подать чаю и просилъ почитать ему что-нибудь о громовыхъ отводахъ. Прочитавъ листа три, я началъ ошибаться, перескакивать черезъ строчки. «Что за галиматья вы читаете?» — «Не могу, Карлъ Павлычъ, рѣшительно не могу читать; отпустите меня спать; сегодня я много рисовалъ, усталъ до крайности». — «Пустяки! знаю я вашу усталость; читайте, или рассказывайте что-нибудь, а спать я васъ не пушу. Молодой человѣкъ! въ ваши лѣта ложиться спать въ первомъ часу стыдно, а еще художникъ!» Я жаловался на головную боль. «Тѣмъ лучше» замѣтилъ онъ: «жаръ въ головѣ, сильное раздраженіе, это прекрасно. Возьмите карандашъ, сочиняйте картину — увидите, откуда ни возьмется творчество!» — «Хорошо вамъ сочинять теперь картину, уснувъ отъ трехъ до одиннадцати часовъ, а я весь день простоялъ на ногахъ въ галереѣ». Не могъ я сладить съ нимъ, взялъ фуражку и простился; онъ погнался за мной, хотѣлъ удержать, но я успѣлъ добѣжать до лѣстницы и стрѣлой пустился внизъ, а онъ, оставшись одинъ, не переставалъ ворчать, посылая мнѣ различныя желанія на сонъ грядущій. На другой день всталъ я свѣжъ и бодръ и пошелъ въ античную галерею, думая о томъ, какъ я вчера храбро сражался за цѣлебный сонъ, хотя и убѣждалъ потомъ съ поля сраженія. Послѣ дневныхъ классовъ и вѣчерняго, собрался я идти погулять на чистомъ воздухѣ — не тутъ-то было: Брюлловъ прислалъ за мной. «Ну» подумалъ я: «будетъ мнѣ опять гонка», пошелъ къ нему и засталъ его за книгой. Положивъ въ сторону книгу, онъ принялся разсматривать меня съ головы до ногъ. «Да какими франтомъ одѣтъ онъ сегодня и побрился! вѣрно хочетъ заинтересовать меня, чтобъ я нарисовалъ сегодня портретъ. Пополнѣть сперва надобно; лицо слишкомъ-планисто. Хорошо, хорошо, нарисую, только не сегодня; а теперь идите спать; мнѣ хотѣлось только видѣть васъ и узнать о вашемъ здоровьи. Приходите завтра поутру пораньше».

На другой день поутру въ шесть часовъ пошелъ я къ Брюллову. Онъ стоялъ у окна и стерегъ Неву, дожидаясь минуты, какъ она тронется. Подали намъ чаю; мы закурили сигары и не упустили изъ виду ничего, что происходило на улицѣ. Утро было прелестное; весеннее солнышко весело и ярко освѣтило набережную; человѣчки зашевелились. Наблюдая внимательно проходящихъ, мы, по ихъ походкѣ и фи-

зіюномів приблизительно угадували занимавшія ихъ мысли. Брюлловъ дѣлалъ остроумныя замѣчанія и часто смѣялся какъ дитя; его занимало все; даже бѣгавшія тутъ собаки; въ-самомъ-дѣлѣ, двѣ изъ нихъ были крайне-забавны: онѣ шли почти рядомъ, медленно и поглядывали другъ на дружку, смотрѣли заботливо по сторонамъ, останавливались, присѣдали на минуту почесывая за ухомъ, и опять шли далѣе. «Я увѣренъ» сказалъ Брюлловъ: «что эти собаки обдумываютъ планъ «уражировки на наступающій день. Что жъ это не трогается Нева? не-ужели мы весь день будемъ лежать, на окнѣ и дожидаться, пока ея свѣтлость поздоровается съ солнцемъ, котораго она такъ давно не видала. Пора за дѣло приниматься». И точно, не дождался мы перемѣны декораціи, лежавшей между гравитными стѣнами: Нева тронулась въ два часа пополудни, а около 7-ми часовъ комендантъ, при громѣ пушекъ съ крѣпости, открылъ плаваніе по Невѣ.

Повара Брюлловъ не держалъ; да и какой поваръ сладить съ кухнею господина, у котораго нѣтъ положеннаго часа для обѣда? Онъ бралъ кушанье то въ трактирѣ, то у кухмистера, а иной день и вовсе не обѣдалъ; тогда колбаса съ печенкою, Lebnvurst, съ укусомъ и съ перцомъ, пеклеванный хлѣбъ и полбутылка пива замѣняли ему обѣдъ. Кушая съ большимъ аппетитомъ такую скромную трапезу, онъ всегда удивлялся людямъ, которые въ роскоши стола полагаютъ все свое благополучіе. Хотя по временамъ и самъ любилъ онъ хорошо покушать, но эта статья особенно никогда не занимала его. Сколько разъ отказывался онъ отъ роскошныхъ обѣдовъ, предпочитая имъ скудный свой столъ или мой дешевый обѣдъ отъ г-жи Фаянсовой, состоявшій изъ трехъ блюдъ за 20-ть копеекъ серебромъ!

Былъ какой-то большой праздникъ. Я располагалъ весь день занятъ дома, но вышло совсѣмъ иначе. Брюлловъ прислалъ за мной Айвазовскаго съ приказаніемъ тотчасъ явиться къ нему. Я колебался идти или нѣтъ, и просилъ товарища сказать Брюллову, что меня дома нѣтъ. Айвазовскій уговаривалъ меня идти, потому-что есть весьма-пужное дѣло; плохо вѣря словамъ его, я однакожъ пошелъ. И что жъ? Безцѣнный мой маэстро встрѣтилъ меня съ удивительнымъ реверансомъ, расшаркался передо мной и велѣлъ остаться у него, чтобъ праздновать съ нимъ торжественный день. Можно ли было противиться такому приказанію? Я остался. Профессору угодно было, чтобъ мы приготовили для него завтракъ; мы послали слугу за различными сладобѣемъ и принялись стряпать на кухнѣ; Айвазовскій жарилъ сосиски, а я готовилъ картофельный салатъ съ разными приправами. Когда все было готово, мы понесли свои произведенія наверхъ, гдѣ встрѣтилъ насъ хозяинъ съ восклицаніями, приличными очень-голодному человѣку. Съ гор-

достью и самодовольствіемъ Карема и Вателя, поставили мы на столъ блюда, а хозяинъ, потирая руки, наслаждался благоуханнымъ паромъ пригавшихъ на сковородѣ сосисекъ. Усѣлись мы за столъ и принялись не-треблять завтракъ, запивая то пивомъ, то виномъ. Брюлловъ предло-жилъ тостъ за здравіе именинника, потомъ выпили мы за здоровье чест-ной нашей компаніи. Разговоръ закипѣлъ : спорили, шумѣли, смѣялись; Брюлловъ рассказывалъ намъ видѣнную имъ вчера въ театрѣ драму «Книжъ» и чрезвычайно-вѣрно копировалъ Каратыгина. Веселости кон-ца не было. Начавъ съ себя, онъ представлялъ и насъ въ карикату-рѣ, и еслибъ не прибытіе одного весьма-важнаго гостя, мы проси-дѣли бы съ нимъ до ночи, но господинъ тотъ пригласилъ его съ собою въ театръ, и мы разстались.

Съ утра ужъ былъ я въ мастерской. Брюлловъ продолжалъ пор-третъ Демидовой, урожденной баронессы Шервальдъ; большая картина «Распятіе» ждала вдохновенія; повременамъ обращался онъ къ ней, смотрѣлъ на нее пристально и опять подходилъ къ портрету, оживав-шему болѣе-и-болѣе отъ каждаго прикосновенія его кисти. Въ этотъ день, какъ и въ продолженіе всей недѣли, когда онъ началъ писать «Рас-пятіе», столько видѣлъ я и слышалъ отъ него касательно искусства, что потребовалось бы много времени, чтобъ все это привести въ по-рядокъ, не только пересказать. Высокія истины о тайнахъ искусства цѣлыми массами входили въ мой умъ, еще слабый и неготовый при-нять и постигнуть все, что съ такою легкостью лилось изъ души ге-нія. Мало писалъ онъ сегодня : докучливые посѣтители мѣшали ему; это сердило его чрезвычайно; онъ бранилъ насъ и весь свѣтъ и наконецъ ве-лѣлъ запереть студию на ключъ. Заперли, но не надолго : вошелъ слуга до-ложить, что пришелъ профессоръ Зауервейдъ; впустили. За нимъ пришелъ Жуковский. Приятно было видѣть, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ стоялъ онъ передъ картиною и, сильно-тронутый выраженіемъ лица Спасителя, обнималъ художника, поздравлялъ его съ счастливымъ вы-полненіемъ идеи. И подлинно, чего недоставало къ созданію этой вели-кой картины, которая, по сюжету и выполненію, станетъ на ряду съ вер-выми произведеніями безсмертныхъ живописцевъ! Спустя полчаса по пріѣздѣ Жуковского, мнѣ дали знать, что пришелъ Алексѣй Ва-сильевичъ Кольцовъ. Я сказалъ объ этомъ Брюллову и просилъ позво-ленія представить ему степнаго пѣвца, стихи котораго любилъ онъ слу-шать. Онъ сталъ-было извиняться, что не можетъ теперь принять, потому-что ожидаетъ Великую Княгиню, но Жуковский молвилъ слово въ пользу Кольцова и я ввелъ въ студию дорогаго гостя. Василій Ан-дреевичъ отрекомендовалъ Кольцова Брюллову и, обратясь къ картинѣ сказалъ : «Вотъ тебѣ сюжетъ, Алексѣй Васильичъ; выскажи ты его

прекрасными стихами»; но поэтъ, пораженный гениальнымъ твореніемъ, казалось, не слышалъ словъ: онъ смотрѣлъ на картину—и слѣзы восторга дрожали у него на глазахъ; его восхищало также свиданіе съ великимъ художникомъ, котораго жаждалъ онъ видѣть. Благодаря художника за счастье, которымъ онъ обязанъ свиданію съ нимъ, Кольцовъ, вручилъ ему экземпляръ своихъ стихотвореній; въ книжонкѣ было вложено одно рукописное сочиненіе. Жуковскій раскрылъ—и что жъ? Это было новое его сочиненіе *Великое слово*, въ которомъ распятый Христосъ выражалъ собою предвѣчное слово: «Да будетъ!» — «Какъ кстати!» сказали мы въ одно слово. Жуковскій прочелъ вслухъ; сочиненіе написано прекрасно; Брюлловъ былъ тронутъ и, обнимая поэта, благодарилъ его за дружеское вниманіе. Какимъ же образомъ Кольцовъ, не выдавъ картины, могъ выразить ее стихами? Очень—просто: дня за три до того, былъ я у Кольцова и говорилъ о Брюлловѣ, описалъ ему картину; онъ просилъ доставить ему свиданіе съ Брюлловымъ, которое и устроилось такъ, какъ я описалъ.

Вчера пришелъ я въ студию рисовать изображеніе одной фигуры съ картины Брюллова. Онъ былъ наверху, въ спальнѣ; я пошелъ къ нему. «Зачѣмъ такъ важничать? скорчилъ серьезную мину, это вамъ не къ лицу. Гдѣ вы таскались вчера вечеромъ? Возьмите сигару и пойдемъ внизъ». Сказавъ это, онъ побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ и на порогѣ мастерской встрѣтилъ Моллера. Брюлловъ занялся съ нимъ разговоромъ, а я пошелъ рисовать. Вошелъ Брюлловъ въ мастерскую. «Что жъ вы не курите? Это всегда такъ: когда его просишь, вѣчно отказывается. Когда—нибудь я позову васъ обѣдать и, предполагая отказъ, не дамъ вамъ ничего ѣсть». Потомъ подошелъ къ рисунку: «Это что за ладонь? точно въ теплой перчаткѣ... Дайте карандашъ: вотъ какъ идутъ пальцы, чувствуйте красоту линіи, вѣдь немногаго не доставало, а теперь совсѣмъ другая рука; въ каждомъ пальцѣ ищите выраженія движенія, отвѣчающаго положенію руки; замѣьте, что рука заодно съ лицомъ дѣйствуетъ при каждомъ внутреннемъ движеніи человѣка; испугъ ли это, удивленіе ли, грусть ли, радость ли — руки, если онѣ свободны, всегда дѣйствуютъ согласно съ лицомъ; наблюдайте и изучайте это согласіе, чтобъ лицо не выражало одного, а рука другаго. Чувствуйте каждое движеніе сами, будьте актѣромъ: страдайте, радуйтесь, задумывайтесь, и на самомъ себѣ вы поймете лучше, чѣмъ подмѣтите у другихъ. Душа художника, какъ зеркало, должна отражать въ себѣ всю природу; образованный вкусъ его выберетъ изъ нея прекрасное, а талантъ передастъ въ картинѣ. Но прежде всего овладѣйте механизмомъ и ознакомьтесь, какъ можно болѣе съ рисункомъ, чтобъ свободно, не затрудняясь, передавать задуманное и про-

«чувствованное. Несвободное изложеніе задуманнаго предмета охлаждаетъ воображеніе и отнимаетъ свѣжесть мысли; а безъ нихъ и картина бываетъ вяла и натянута.» Вотъ что было сказано по поводу плохо-нарисованной руки! Поправляя рисунокъ или ошибки въ живописи, онъ никогда не ограничивался сухимъ отрывистымъ замѣчаніемъ: коротко или длинно, сѣро или красно — это нетрудно указать: каждый зрѣчій человекъ можетъ такъ замѣтить; нѣтъ, Брюлловъ пояснялъ каждую бездѣлицу и всегда свѣтомъ своего гения вводилъ ученика въ область искусства. Въ это утро былъ у насъ въ мастерской извѣстный скрипачъ Липинскій.

Сегодня поутру посылалъ онъ меня къ барону Брамбеусу за электрической машиной. Брюлловъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ. Когда мы внесли ее въ мастерскую и поставили, онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу и болѣе получаса тѣшился этимъ «колдовствомъ». Вечеромъ, послѣ натурнаго класса, читалъ онъ вслухъ крестовые походы, а я подлѣ него конопатилъ свою натуру (терминъ, понятный художникамъ). Отдыхая отъ чтенія, онъ подходилъ ко мнѣ и похвалилъ: «Видите ли, какъ много помогло вамъ рисованье съ антиковъ? Теперь и формы болѣе-понятны и тѣла больше; а то прежнія ваши натуры похожи были на гипсовые статуи, которыя шалуны-ученики оскобляли ножомъ и запятали чѣмъ ни попало спереди и сзади, такъ-что не поймешь, бывало, гдѣ впадина, гдѣ выпуклость, гдѣ свѣтъ, гдѣ тѣнь. Не оставьте антиковъ, чертите постоянно: они принесутъ вамъ непремѣнно пользу. Вотъ и теперь въ вашей натурѣ видна угловатость контура и нѣкоторая жесткость въ формахъ. Займитесь съ завтрашняго дня съ Apollino: онъ поможетъ вамъ въ этомъ горѣ.»

Сегодня Брюлловъ хотѣлъ оканчивать «Спасителя», но натурщикъ опоздалъ. Отпустивъ его, онъ рѣшилъ остальное время провести безъ дѣла, къ чему приглашалъ и меня; но я, располагая идти рисовать съ Apollino, просилъ отпустить меня. «Не пушу; останьтесь здѣсь конопатить свою натуру.» Я отвѣчалъ ему, что останусь подлѣ однимъ только условіемъ, если позволить онъ писать съ себя портретъ (чего мнѣ давно хотѣлось). Долго онъ отказывался, наконецъ согласился на эту пытку. Въ одну минуту холстъ и краски были принесены, и я, благословясь, началъ писать портретъ своего великаго учителя. Первый сеансъ былъ довольно-удаченъ; онъ сидѣлъ хорошо, былъ веселъ, рассказывалъ много забавныхъ случаевъ, повременамъ посматривалъ на мою работу и терпѣливо ожидалъ что изъ нея выйдетъ; но скоро помѣшали намъ; одинъ скучный посѣтитель прервалъ наше занятіе и, въ добавокъ, желая прислужиться, огорчилъ художника рассказомъ про негѣныя сплетни. За это Брюлловъ скоръ и наказалъ его: извинясь,

онъ вышелъ ; прошло болѣе получаса, онъ не являлся въ мастерскую; гость, прерванный на половинѣ разказа, сперва дожидался его терпѣливо, потомъ началъ зѣвать, насвистывать какую-то арію, наконецъ просилъ меня пойдти посмотрѣть, гдѣ Карлъ Павловичъ. Я пошелъ наверхъ и нашелъ его въ спальнѣ на кушеткѣ съ сигарой. «Ну что, ушелъ?» — «Нѣтъ еще». — «Такъ скажите, что я уснулъ». Вернувшись въ мастерскую, я исполнилъ приказаніе и съ восторгомъ видѣлъ, какъ было не по вкусу гостю мое донесеніе; молча взялъ онъ шляпу, сухо поклонился мнѣ и вышелъ.

Сегодня рано поутру прислалъ за мной Брюлловъ. Вошедъ въ мастерскую, я засталъ его подлѣ стола, на которомъ лежала огромная карта Европы. «Что жъ вы такъ долго нѣжитесь?» сказалъ онъ:—пора работать; я васъ давно жду. Будемъ продолжать портретъ. Берите палитру». Я приготовился и попросилъ его сѣсть. «Погодите, чтобы не обиться: я хочу избрать пріятнѣйшій путь для вояжа въ Италію», и принялся путешествовать по лацкартѣ, безпрестанно перемѣняя маршрутъ своего вояжа: то ѣдетъ онъ сухимъ путемъ, то моремъ въ Любекъ и оттуда въ Лондонъ; то хочетъ посѣтить Антверпенъ и отуда Германію, а тамъ ужъ по Рейну до Базеля... Подъѣзжая къ Италиі, жалѣеть, что избралъ не тотъ путь и опять поворачиваетъ назадъ, или вправо или влѣво, чтобы попасть еще въ такое-то мѣсто. Пока онъ странствовалъ такимъ образомъ по картѣ, я стоялъ безъ дѣла; время уходило... Наконецъ сѣли мы писать. Забавно было видѣть, какъ шла наша работа; я писалъ совершенно по его диктовкѣ; а чтобы вѣрнѣе диктовать и наблюдать за сходствомъ, онъ поставилъ передъ собою зеркало. Вставалъ смотрѣть, что я дѣлаю, бранилъ, поправлялъ пальцемъ, потомъ садился и читалъ вслухъ; спрашивалъ, что я теперь пишу, взглядывалъ иногда молча — а это ужъ половина похвалы. Тогда я продолжалъ не робѣя; молчаніе становилось чаще-и-чаще; онъ даже похвалилъ два раза, что придало мнѣ еще болѣе смѣлости; портретецъ шелъ-себѣ впередъ, и съ такимъ помощникомъ могъ быть едва-ли не лучше всего, что я доселѣ написалъ: онъ сталъ похожъ, нарисованъ былъ исправно и характеръ найденъ. Глядя на трудъ свой, я радовался, что буду имѣть портретъ Брюллова и удивлялся его терпѣнію. Послѣ трехчасоваго сеанса, онъ отпустилъ меня гулять, а самъ пошелъ въ спальню и легъ отдохнуть.

Часу въ девятомъ пришелъ я въ мастерскую, чтобы продолжать портретъ. Брюлловъ разсматривалъ тетради съ чертежами и подаль ихъ мнѣ. Это были снимки съ чертежей Рафаэля и Гвидо Рени. Съ удовольствіемъ разсматривалъ я эти чертежи, набросанные рукою великихъ мастеровъ, можетъ-быть, въ самыя счастливыя минуты ихъ

жизни. Легкость, съ которою они сдѣланы, была плодомъ глубочайшаго знанія. Эти драгоцѣнные очерки—слабое, но вѣрное изображеніе мыслей художника въ беспорядочныхъ, повидимому, линияхъ—показываютъ плодовитость творческаго воображенія, способнаго выразить одну и ту же мысль въ различныхъ видахъ. Составъ картинъ ясенъ, движеніе фигуръ, расположеніе драпировокъ, выраженіе головъ удовлетворительны, а въ нѣкоторыхъ даже совершенны; слѣдки кисточки, въ двухъ—трехъ чертахъ формой своей соответствуютъ ансамблю фигуры и вполне отвѣчаютъ движенію тѣла и выраженію лица.

Просмотрѣвъ чертежи, мы сѣли писать портретъ. Устроивъ пюпитръ для книги, Брюлловъ усѣлся и началъ читать; я писалъ волосы; впрочемъ, не долго продолжался этотъ сеансъ: соскучась сидѣть, онъ прилегъ на кушеткѣ и уснулъ, а я, чтобъ не потревожить его сна, ушелъ въ античную галерею, приказавъ слугѣ отказывать всѣмъ. Часа черезъ два воротился я въ мастерскую; онъ проснулся и, взявъ свою книгу, отправился въ спальню, съ намѣреніемъ уснуть тамъ съ большимъ комфортомъ; но прежде, чѣмъ легъ, велѣлъ подать завтракъ. Кушая съ аппетитомъ, онъ становился бодрѣе и развязнѣе, до-того, что веселость его, усиливаясь постепенно, перешла въ шаловливость; онъ представлялъ меня въ карикатурѣ, корчилъ другихъ, и такъ похоже, что мы хохотали, какъ дѣти. Забылъ я упомянуть, что въ первый сеансъ, когда я обложилъ голову, онъ взглянулъ и, смѣясь, сказалъ: «не-уже-ли я таковъ? Право, ни дать ни взять директоръ труппы вольтижѣровъ, напомаженный франтъ съ бородкой, съ хлыстикомъ въ рукѣ и въ грязныхъ перчаткахъ корчить молодца». Не переставая дурачиться, онъ вскочилъ на кровать, сбросилъ халатъ и, взявъ у меня изъ рукъ муштабель, началъ ходить, какъ-будто по канату, балансируя палочкой. Глядя на его смѣшныя тѣлодвиженія, я сказалъ: «Чего же лучше? вотъ вамъ и балаганъ, и качели, и плясуны на канатѣ, и директоръ вольтижѣровъ». Тогда онъ, вспомнивъ сравненіе себя съ вольтежѣромъ, захохоталъ и еще пуще прежняго сталъ выкидывать штуки... Раздался внизу звонокъ; онъ вскочилъ съ постели, сдѣлалъ пируэтъ и сталъ въ пресмѣшную позу. «Бѣгите, узнайте кто тамъ!» Побѣжавъ внизъ, я засталъ въ мастерской В. А. Жуковскаго и положилъ Брюллову. Неохотно одѣлся онъ въ халатъ и пошелъ внизъ, а меня послалъ за натурщикомъ. Явился Тарасъ, и художникъ серьезно принялся за дѣло. Жуковскій просилъ не стѣсняться его присутствіемъ, приловчился съ сигарой на софѣ противъ картины и общалъ сидѣть смирно, не говорить ни слова; но это молчаніе было непродолжительно; видно, трудно восхищаться молча. Жуковскій первый нарушилъ молчаніе; слово за слово, и оба они разговорились порядкомъ. Капег-

ла Сикстина, Микель-Анджелло, Рафаэль были предметами их разговора; было что послушать мнѣ, стоявшему тутъ же и слушавшему съ напряженнымъ вниманіемъ. Брюлловъ разсказалъ, что онъ въ Римѣ сдѣлалъ въ альбомъ великаго герцога тосканскаго акварельный рисунокъ, изображающій Рафаэля, входящаго въ капеллу Сикстину, когда на стѣнахъ были еще только очерки гениальныхъ твореній Микель-Анджелло. Вскорѣ потомъ уѣхалъ Жуковскій, а я пошелъ въ античную галерею.

На другой день поутру продолжалъ я писать портретъ; работа двигалась впередъ, но очень-медленно: сначала писалъ я довольно-свѣло, но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось труднѣе — первая неудача, и я смѣшался, сталъ въ-тупикъ; тутъ Брюлловъ замѣтилъ мое замѣшательство, но промолчалъ, давъ мнѣ еще нѣсколько минутъ времени оправиться; наконецъ, соскучась безплоднымъ пребываніемъ «на натурѣ», онъ взялъ кисть и волшебнымъ прикосновеніемъ придавъ портрету и сходство и жизнь; потомъ, сядя на свое мѣсто, велѣлъ мнѣ повѣрить сдѣланное имъ и продолжать. Напрасно искалъ я что поправить: все было на мѣстѣ. Не сталъ бы я и продолжать, да онъ велѣлъ прервать размышленіе и писать проворнѣе; къ счастью моему, пріѣздъ графа Ферзена, княжны Голицыной и графини Строгановой заставилъ насъ оставить сеансъ.

Сегодня утромъ былъ я съ Брюлловымъ въ Эрмитажъ и съ большою пользою провелъ тамъ нѣсколько часовъ. Замѣчанія и объясненія его раскрыли для меня еще болѣе достоинствъ въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ. По краткости времени мы не могли обозрѣть всего, и просмотрѣли только Аннибала Карачи, Гвидо Рени, Рубенса, Вандика, Веласкеса, Мурильо, Рюйдаля, Поль Поттера, Пуссена, Клода Лорена и Вандеръ Неэра. Я и прежде видѣлъ ихъ по нѣскольку разъ и прежде удивлялся имъ, но долженъ признаться, что удивлялся безсознательно; теперь же впервые ясно увидѣлъ въ нихъ высокія ихъ достоинства. Не скучая моими вопросами, Брюлловъ все пояснялъ мнѣ. Переполненный наслажденіемъ, дотолѣ неиспытаннымъ, я дѣлалъ и свои заключенія, изиѣряя высокія достоинства великихъ мастеровъ талантомъ Брюллова и удивлялся необъятности его гениа. У всѣхъ у нихъ встрѣчалъ я что-нибудь изъ достоинствъ моего наставника; мнѣ казалось, что онъ походилъ на каждаго изъ нихъ; не даромъ всегда въ его произведеніяхъ узнавалъ я то Вандика, то Тиціана, то Гвидо, то Рубенса; теперь же, стоя передъ ихъ произведеніями, я узнавалъ въ нихъ Брюллова. Въ такихъ размышленіяхъ пришелъ я къ заключенію, что каждый изъ нихъ, отходя въ вѣчность, завѣщалъ ему ту искру своего гениа, которая освещала путь

его жизни, и тѣ сокровища, которыя стяжалъ онъ въ области искусства. Необъятность таланта Брюллова и то, что онъ во всѣхъ родахъ живописи дѣлалъ чудеса, невольно привели меня къ такому умозаключенію.

Пришедши домой, мы опять возобновили разговоръ объ Эрмитажѣ. Какъ живописцевъ—техниковъ ставилъ онъ выше всѣхъ, Веласкеса, Гвидо, Корреджіо, Рубенса и Вандика. У Веласкеса видѣлъ онъ необыкновенную лѣпку, правду колорита, мягкость тѣла, характеръ и выраженіе; ему отдавалъ онъ преимущество въ мастерствѣ владѣть кистью, такъ—что она въ одно и то же время выражала форму, колеръ, рельефъ и перспективу плана, ею наносимаго; «чрезъ это» говорилъ онъ, «сокращается у него время производства дѣла и сохраняется та свѣжесть и сочность живописи, которыя неминуемо исчезаютъ при медленномъ, робкомъ, копотливомъ производствѣ». У Гвидо Рени поражала его красота линій, изящество общаго значенія сюжета; пріятность выраженія, лаконизмъ въ композиціи, простота красокъ и близкій къ правдѣ колоритъ; однимъ словомъ, онъ называетъ его умницей, тѣмъ болѣе, что и писать былъ онъ мастеръ. «Корреджіо (говорилъ Брюлловъ) чувствовалъ божественную гармонію въ колоритѣ и такую грацію движеній и экспрессій и тонкость линій рисунка, что произведенія его кажутся писанными рукою ангела. Рубенсъ—молодецъ, который не ищетъ нравиться и не силится обмануть зрителя правдоподобіемъ, а просто щеголяетъ оттого, что богатъ; рядится пышно и красиво оттого, что это ему къ лицу; богатъ, роскошенъ и любезенъ, что не всѣмъ удастся. Невсегда строгъ къ истинѣ оттого, что врихотливъ и своенравенъ, потому—что богатъ, а богатство и мудрость, какъ извѣстно, рѣдко сочетаются. Въ его картинахъ роскошный пиръ для очей, и у богатаго на пирахъ ѣшь, пей, да ума не пропей; пой, танцуй, гуляй, а пришедши домой, коли самъ не богатъ, у себя пировъ не затѣвай, а то или умъ пропьешь, или съ сумой по міру пойдешь, и пиръ твой похожъ будетъ на тризну, гдѣ обыкновенно уста плачутъ, а желудокъ улыбается. Слѣдовательно (говорилъ онъ) у Рубенса пируй, а съ нимъ не тягайся и ему не подражай. Вандикъ попиrowалъ у Рубенса—и довольно; отбросивъ излишество роскоши, онъ ограничилъ свои расходы и жилъ умно и честно для удовольствія и для пользы другихъ. Такую жизнь советую и вамъ, товарищи, взять за образецъ. Вандикъ рисовалъ отлично, руководился натурою во всемъ; колоритъ у него вѣренъ, весьма—близокъ къ натурѣ, а потому и разнообразенъ; краски простыя; живопись его не разцвѣчена пестрыми, негѣшными пятнами; положеніе фигуръ естественно, освѣщеніе незагнѣтливое, наконецъ круглота, ловкость письма и много силы—молодецъ,

спасибо ему, доброму человѣку!» Послѣ этого говорилъ онъ о живописи вообще и объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ этомъ искусствѣ. На вопросъ мой: удовлетворяетъ ли его вполнѣ хоть одно живописное произведеніе, собственно въ-отношеніи исполненія? помолчавъ немного, онъ отвѣчалъ: «нѣтъ; еще ничего не было написано». При этихъ словахъ замѣтилъ я особенное выраженіе на его прекрасномъ лицѣ. Казалось, будто онъ, сознавая въ себѣ силу написать такъ, какъ еще никто не писалъ, внутренно обвинялъ себя въ продолжительномъ отдыхѣ на лаврахъ. Да, судя по успѣхамъ какіе дѣлаетъ онъ въ каждомъ произведеніи, при его умѣ и необъятномъ талантѣ, могъ бы онъ стать недосыгаемо-высоко. Угадавъ его чувствованія, я осмѣлился сказать, что отъ него мы ожидаемъ и въ-правѣ требовать много. «Только не здѣсь (прервалъ онъ меня): я не писалъ еще; въ Италіи начну я работать какъ должно. Вы не повѣрите, какъ трудно сдѣлать хорошую вещь; это-то и отбиваетъ у меня охоту работать».—«Вѣрю, очень вѣрю», сказалъ я:—«трудно кораблю бороться съ волнами въ открытомъ морѣ, зато, послѣ благополучнаго плаванія, встрѣчаютъ его пушечною пальбой, радостными криками и торжественно вводятъ въ портъ, гдѣ онъ, защищенный отъ бурь, покоится надъ бездною до новаго плаванія.

На третій день праздника былъ у Брюллова Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Еще наканунѣ присылалъ онъ просить позволенія посѣтить мастерскую художника. Съ особеннымъ удовольствіемъ ожидалъ Брюловъ знаменитаго гостя, и хотя чувствовалъ себя несовсѣмъ-здоровымъ, но для принятія такого посѣтителя преодолѣлъ себя. Кавказскій герой не заставилъ долго дожидаться. Я былъ свидѣтелемъ этого свиданія. Заклучивъ другъ друга въ объятія, Брюловъ и Ермоловъ представили прекрасную группу Аполлона и Марса. Ермоловъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ привѣтствовалъ Брюллова, говоря, что считаетъ за особенное счастье знакомство съ гевіемъ, славою котораго гордится отечество. Разсматривая со вниманіемъ произведенія художника, онъ выражалъ восторгъ свой въ чрезвычайно-вѣрномъ опредѣленіи ихъ достоинствъ. Передъ «Распятіемъ» сидѣлъ онъ съ четверть часа и, не могши вполнѣ насладиться дивнымъ произведеніемъ въ одинъ разъ, прощаясь, просилъ у Брюллова позволенія пріѣхать когда-нибудь во время его работы, общая сидѣть смирно, не перевода духу. Не мало удивлялись мы уму его и краснорѣчію также, какъ его любезности и вѣрности взгляда на предметы. Притомъ же величественная фигура и характерныя черты лица, еще свѣжаго, хотя и подъ сѣдинами, невольно внушали уваженіе къ его особѣ.

Вчера поутру послѣ девяти часовъ пошелъ я въ мастерскую Брюллова продолжать копію съ портрета Жуковскаго, самъ же Брюловъ

писалъ одежду Магдалины въ большой картинѣ. Въ три часа пополудни пріѣхалъ Жуковскій. Брюлловъ занялся его портретомъ. Портретъ Жуковского будетъ однимъ изъ лучшихъ его портретовъ, какъ по сходству такъ и по выраженію характера цѣлаго. Вы видите дороднаго мужчину, покойно-сидящаго въ креслахъ; голова его, склоненная нѣсколько къ правому плечу, наклонена впередъ; руки сложены одна на другую выше колѣнъ такъ, что лѣвая, покрывая правую, оставляетъ пальцы ея свободными; въ правой рукѣ держитъ онъ перчатки. Лицо спокойно, взоръ, хотя устремленный на зрителя, кажется занятъ внутреннимъ созерцаніемъ; на челѣ дума не тяжкая, но отрадная, успокоительная; онъ, кажется, обдумывая свой подвигъ, покоится послѣ понесенныхъ трудовъ. Въ этой почтенной головѣ съ обнаженнымъ челомъ созрѣвали прекрасныя творенія. Свѣжесть лица и пріятныя черты показываютъ, что жизнь его проходила безъ разрушительныхъ бурь; а если страсти и волновали нѣжное его сердце, то теплая вѣра и голосъ разума скоро умирляли ихъ. Прекрасныя идеалы и изящныя искусства питали душу его, всегда расположенную къ добру; художникъ все это выразилъ въ портретѣ. Взгляните на эти уста: они бесѣдуютъ съ вами, подаютъ вамъ мудрый совѣтъ или произносятъ утѣшеніе; но вотъ изрекли они два-три стиха къ портрету:

Воспоминаніе и я — одно и то же:
Я образъ, я мечта,
Чѣмъ старѣ становлюсь, тѣмъ я
Кажусь моложе.

Взгляните на эти прекрасныя руки, эти бѣлыя, нѣжныя руки, и не удивляйтесь ихъ нѣжности: орудіемъ ихъ было легкое перо, за которое онъ брался, оставляя лиру...

Здѣсь оканчиваю мои слабыя очерки жизни великаго художника, выбранные изъ дневника, который велъ я, находясь при немъ четыре года. Надѣюсь, они сколько-нибудь характеризуютъ личность его и знакомятъ съ заслугами его по искусству. Память о немъ долго будетъ жить въ нашемъ отечествѣ и въ Римѣ, гдѣ онъ началъ славу свою и гдѣ кончилъ земное свое поприще, трудясь почти до послѣдней минуты жизни.

Послѣ меня было при немъ нѣсколько весьма-даровитыхъ учениковъ, обязанныхъ ему своимъ художественнымъ образованіемъ. Двое учениковъ сопровождали его на островъ Мадеру и находились при немъ болѣе года. Мы можемъ справедливо требовать, чтобъ они ознакомили насъ съ его путешествіемъ и съ пребываніемъ на Мадерѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и тамъ, несмотря на свое болѣзненное состояніе, много трудился.

Изъ произведеній Карла Павловича Брюллова извѣстны мнѣ слѣдующія:

Портреты: г. П. Кукольника, г. Н. Кукольника, доктора Орлова, доктора Канцлера, доктора Пеликана, князя А. Н. Голицына, княгини Солтыковой, графа В. А. Перовскаго, баронессы Шеривальдъ, баронессы Меллеръ-Закомельской, г. Семенова, графа Мусина-Пушкина, г. Самойлова, г. Шепелева, О. И. Прявизинова, И. А. Крылова, г. Кузнецова, доктора Яниша, дѣвицы Беклешовой, г. Яненки, В. А. Жуковскаго, дочери австрійскаго посланника графа Фикельмонъ, графа Л. А. Перовскаго, собственный, портретъ Брюллова, украшающій галерею, графини Шуваловой, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Николаевны, графа Вильгорскаго, Его Императорскаго Высочества Герцога Лейтенбергскаго, княгини Багратіонъ, дѣвицъ Чекмаревыхъ, дѣтей графа Витгенштейна, графини Витгенштейнъ, Каноника, г. Чихачева, гречанки Фифины въ Смирнѣ, капитана 4-го ранга Корнилова, капитанъ-лейтенанта Свирскаго.

Картины: Бакчисарайскій Фонтанъ, Турчанка, Ангелъ Молитвы. Хоръ монахищъ, Образъ Царицы Александры, Пресвятая Троица, Распятіе, Взятіе Божіей Матери на небо, Христось во гробѣ, Инеса де-Кастро, Діана и Эндиміонъ, Вирсавія, Осада Пскова, Послѣдній день Помпеи.

Работы акварельныя: Гулянье въ Константинополѣ, Базаръ въ Константинополѣ, Турецкое кладбище въ Скутари, Сонъ Бабушки и внучки, Вода черезъ край льется; Одалиска, лежащая на диванѣ въ розовомъ свѣту; красавица-Гречанка кормящая сахаромъ лошадь своего возлюбленнаго; Прерванный сонъ матери плачемъ дятятъ; Кардиналъ Ришельё, танцующій передъ Анной австрійской; Семейство Корреджіо, Семейство Каретьера, Итальянское семейство, гдѣ дитя въ корзинкѣ кормитъ виноградомъ ослика; Портретъ графини Ферзенъ на ослѣ; Рыцарь выѣзжающій изъ воротъ и посылающій прощальный поцалуй своей красавицѣ; Поцалуй черезъ рѣшетку сада (рыцарь за рѣшеткой), Рыцарь, цалующій ножку возлюбленной, стоя по сю сторону рѣшетки; Прощанье арапа Петра Великаго съ графиней въ Парижѣ; Раненый грекъ, падающій съ коня; Первый поцалуй; Рыцарь лежащій на берегу моря.

Объ остальныхъ же произведеніяхъ, написанныхъ на островѣ Мадерѣ и въ Италіи, мнѣ неизвѣстно.

Академикъ АПОЛЛОНЪ МОКРИЦКІЙ.

ПРОПИСИ. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга IV. Москва. 1854.

Статья вторая.

Оставляя въ сторонѣ другіе промахи и недомолвки автора, переходимъ къ слѣдующему отдѣлу его сочиненія, носящему заглавіе: «Объ основныхъ различіяхъ квинтской и анеропоморфической религіи въ Римѣ». Тонъ автора, до-сихъ-поръ довольно-нерѣшительный, выражающійся словами «кажется» и «по всему вѣроятію», принимаетъ здѣсь характеръ рѣзкій и настойчивый, несмотря на то, что выводы, которые мы находимъ въ этомъ отдѣлѣ разбираемаго сочиненія, исходя изъ ложнаго основанія, попрежнему отличаются невѣрностью и отсутствіемъ критики.

Мы не будемъ подробно слѣдить за каждымъ выводомъ автора, за злоупотребленіемъ цитатъ, которымъ онъ такъ часто придаетъ совершенно-произвольный смыслъ—однимъ словомъ, за неправильностью его изложенія, ибо, иначе, вслѣдствіе множества такихъ нерѣдко-намѣренныхъ недосмотровъ въ разбираемомъ сочиненіи, рецензія наша разрослась бы въ цѣлую книгу. Остановимся только на главныхъ положеніяхъ автора. Основаніемъ патриційской или квинтской религіи является у него (стр. 8) Нума Помпилій, а средоточіемъ этого культа—регія и храмъ Весты.

Но какимъ образомъ попалъ сюда Нума Помпилій? Въ римскихъ преданіяхъ онъ, подобно Сервію Туллію и Тарквинію Приску, не только не является намъ патриціемъ, но, напротивъ, человѣкомъ самаго темнаго происхожденія. Доказательства тому мы можемъ замѣтить, не выходя изъ той же несчастной рѣчи Канулея. Канулей, негодую на патриціевъ за то, что они не хотятъ допустить плебеевъ къ консульскому

званію, напоминаетъ, между-прочимъ, народу, что консулы явились въ Римъ непосредственными преемниками царской власти. Если (говоритъ Канулей) римляне, при выборѣ своихъ царей, не руководствовались исключительно знатностью рода, но преимущественно обращали вниманіе на доблести и душевныя качества претендентовъ на римскій престолъ, то по какому праву патриціи исключаютъ притязанія плебея получить консульское званіе на томъ только основаніи, что онъ плебей? «Неуже-ли (продолжаетъ онъ, IV, 3 § 40) до васъ не дошелъ слухъ о томъ, что Нума Помпилій, небывшій не только патриціемъ, но и гражданиномъ римскимъ, былъ приглашенъ изъ земли сабинской и царствовалъ въ Римѣ по желанію народа и по волѣ сенаторовъ?»

Но, можетъ-быть, намъ замѣтять, что знатность, какъ мы видѣли, не всегда составляла, по теоріи г. Крюкова, отличительный характеръ римскихъ патриціевъ, и что Нума Помпилій могъ войти въ ихъ сословіе по тому же праву, по которому вступили въ него кліенты Аппія Клавдія. Потому мы не остановимся на первомъ изъ насъ возраженіи и постараемся отыскать другія. Нума Помпилій, какого бы онъ ни былъ происхожденія, не только, по нашему мнѣнію, не можетъ быть основателемъ квинтской или символической религіи патриціевъ, но скорее самъ чисто-символическая личность, воплоти-отвергаемая исторіею. Въ римскихъ преданіяхъ ему предоставлено такое же символическое значеніе, какое въ греческой сагѣ — Дедалу, Смилиду, Гомеру и другимъ подобнымъ именамъ. Преданіе вообще любитъ соединять въ подобныхъ личностяхъ совокупность какихъ-нибудь однородныхъ явленій. Въ римскихъ преданіяхъ Нума Помпилій противопоставляется воинственному Ромулу (точно такъ же, какъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, Анкъ Марцій — Туллу Гостилію), ибо не только воинская, но и гражданская доблесть имѣетъ въ народныхъ легендахъ своихъ представителей. Въ многочисленныхъ, впрочемъ, давно уже всѣмъ извѣстныхъ свидѣтельствахъ древности, собранныхъ нашимъ авторомъ, Нума является намъ установителемъ первоначальнаго римскаго культа. На это значеніе Нумы достаточно указываетъ самое его имя (*Numās*), которое, очевидно, состоитъ въ этимологической связи съ существеннымъ *νόμος* — законъ, уставъ и съ глаголомъ *νέμω*, между различными значеніями котораго значеніе учреждаю одно изъ главнѣйшихъ. Такимъ образомъ самое имя Нумы заставляеть насъ смотрѣть на него, какъ на основателя римскаго устава (*νόμος*), преимущественно религіознаго, какъ на учредителя различныхъ религіозныхъ церемоній и обрядовъ. Всѣ эти благодѣтельныя для юнаго государства учрежденія Нумы преданіе старалось представить дѣломъ вышечеловѣческимъ. Отсюда сказка о связи его съ нимфой Эгеріею, ибо религія не была бы религіею, еслибъ начало ея представлялось дѣломъ человѣческой, а не божественной мудрости. Изъ этого же стремленія придать блескъ и величіе учрежденіямъ Нумы родилось преданіе, по которому онъ приводится въ связь съ Пифагоромъ и яв-

ляется намъ древнѣе-философомъ, преданіе, которому не вѣрилъ уже Титъ Ливій.

Изъ всѣхъ подобныхъ свидѣтельствъ и преданій давно уже составилось мнѣніе, имѣвшее довольно защитниковъ какъ въ древности, такъ и въ новое время, мнѣніе, по которому религія, созданная Нумою, отличалась простотою вѣрованій и вмѣстѣ съ тѣмъ символическимъ характеромъ. Въ этомъ мнѣніи нѣтъ ничего страннаго, ибо вообще начальный періодъ существованія каждаго языческаго культа, представителемъ и олицетвореніемъ котораго является намъ въ римскихъ преданіяхъ Нума, характеризуется несложностью, а потому и простотою религіозныхъ вѣрованій и въ то же время тѣсною связью челоуѣка съ природою. Пораженный величіемъ созданнаго, первобытный челоуѣкъ забывалъ о Создателѣ и во всякой силѣ природы видѣлось ему божество то грозное и карающее, то благодѣтельное и покровительствующее. Потому мнѣніе о символическомъ значеніи религіи Нумы, которое, какъ мы замѣтили, давно уже не новость, имѣетъ свое основаніе, но никому, однако, не приходило на мысль считать эту религію исключительно патриціскою, потому что объ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ намѣковъ у древнихъ писателей.

Римское преданіе, въ числѣ прочихъ религіозныхъ учрежденій Нумы, приписываетъ этому царю также введеніе служенія Вестѣ, хотя, по другимъ древнимъ сказаніямъ, которыя приводитъ Діонисій (*Antiqu. Rom.* II, 65) и о которыхъ умалчиваетъ нашъ авторъ, основателемъ этого культа въ Римѣ считался Ромулъ. Которое изъ этихъ показаній вѣрнѣе — мы не беремса рѣшить, да и другимъ не совѣтуемъ принять на себя этотъ трудъ.

Смыслъ и значеніе служенія Вестѣ были много разъ подвергаемы изслѣдованію и всѣ давно уже пришли къ заключенію, которому слѣдуетъ нашъ авторъ, а именно, что это служеніе попреимуществу имѣло характеръ символическій. Потому напрасно г. Крюковъ подтверждаетъ эту аксіому безчисленными цитатами, которыя только пестрятъ статью его и не прибавляютъ ничего новаго къ свидѣніямъ нашимъ объ этомъ предметѣ. Но не въ этомъ дѣло. Мы не видимъ, какое отношеніе Веста имѣетъ къ квинтскому культу Нумы, и гдѣ доказательства того, что плебеи наравнѣ съ патриціями не поклонялись этой богинѣ? Еслибъ авторъ доказалъ, что служеніе Вестѣ съ его символическимъ характеромъ возникло первоначально между римскими патриціями, то его мнѣніе отличалось бы и новостью и прямо говорило бы въ пользу его теоріи; но доказать этого невозможно. Служеніе Вестѣ, общее и патриціямъ и плебеямъ, возникло не въ Римѣ и вездѣ отличалось символическимъ характеромъ. Римлянинъ соединялъ съ именемъ Весты (*Ἐστία*, или *Ἔστια*, съ волическою дигаммою, откуда латинское *Vesta*) ту же идею, которую усвоили этому божеству греки и, задолго до нихъ, наро-

ды Азии⁽²¹⁾. Съ древнѣйшаго времени мы находимъ этотъ культъ распространеннымъ подъ разными именами въ отдаленныхъ странахъ Востока и въ государствахъ Запада, напримѣръ, у древнихъ персовъ, на островѣ Критѣ и на континентѣ Греціи, откуда онъ проникъ наконецъ и къ римлянамъ, религія которыхъ вообще представляла собою гостепріимную смѣсь всѣхъ возможныхъ вѣрованій.

Мы не будемъ спорить съ авторомъ, который утверждаетъ, что въ храмѣ Весты не было идола богини, но не основали бы этого показанія, какъ дѣлаетъ это г. Крюковъ, на однихъ только словахъ Овидія (Fast. VI, ст. 285), и тѣмъ менѣе назвали бы его показаніе положительнымъ свидѣтельствомъ. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ Овидію, какъ авторитету въ подобныхъ вопросахъ, а теперь ограничимся только указаніемъ на то, какъ этотъ положительный свидѣтель иногда противорѣчитъ себѣ. Въ III-й книгѣ тѣхъ же самыхъ «Fast» (ст. 45) онъ говоритъ о «Vestae simulacra», то-есть объ идолахъ Весты, который, по преданію, «закрывъ глаза дѣвственными своими руками» въ то время, какъ весталка Рея Сильвія на глазахъ богини разрѣшилась отъ бремени близнецами — Ремомъ и Ромуломъ». Здѣсь бы можно было съ большимъ основаніемъ привести показаніе добросовѣстнаго Павзанія (Corinth. II, 35 § 2), который дѣйствительно не нашелъ въ храмѣ Гестіи (или Весты) идола богини, а видѣлъ тамъ только жертвенникъ съ неугасимымъ пламенемъ⁽²²⁾.

Огонь Весты, замѣнявшій ея изображеніе и безпрестанно-поддерживаемый весталками, «почитался кверитами не ради полезности своей, но какъ божественная сила природы, равно какъ и вода». Вслѣдъ за этими словами слѣдуютъ у автора доказательства касательно того, въ какомъ почетѣ были у кверитовъ (отчего же не у плебеевъ?) эти священные стихіи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ доказательствъ: «нельзя было тушить лампы» или «никому, даже врагу, нельзя было запретить взять огня изъ лампы», или «нельзя было взять огня съ алтаря боговъ для обыкновеннаго употребленія» и тому подобные доводы (стр. 12), которые нашъ авторъ подкрѣпляетъ въ этомъ мѣстѣ авторитетомъ Плуларха и Плавта. Вообще авторъ съ благодарностью принимаетъ всякое свидѣтельство древности, нерѣдко не обращаетъ никакого вниманія на то, идетъ ли оно къ дѣлу или нѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ видѣть, что въ древнихъ писателяхъ разсѣяно множество замѣтокъ не-

(21) См. Fr. Creuzer: Symbolik etc.. Leipzig, 1841. III th., стр. 293.

(22) Впрочемъ, въ храма Весты Павзаній не разъ встрѣчалъ изображенія этой богини. До нашего времени дошло нѣсколько такихъ идоловъ, которые, впрочемъ, вообще трудно отличить отъ изображеній весталокъ. См. O. Müller Handbuch d. Arch., стр. 565.

лѣшихъ до крайности и неизбѣжныхъ никакого значенія. Тутъ же авторъ почему-то счелъ нужнымъ перечислить всѣ слова, находящіяся, по его мнѣнiю, въ этимологической связи съ существительнымъ *flamma*. Здѣсь онъ прежде всего указываетъ намъ на слово *flammeum* (а не *flammeus*, какъ онъ пишетъ), которое означало свадебный нарядъ римской невѣсты, состоявшій изъ покрывала ярко-желтаго цвѣта⁽²³⁾. Мы тоже думаемъ, что *flammeum* происходитъ отъ *flamma*, но не можемъ, однако, не спросить, съ какою цѣлью указываетъ намъ авторъ на это слово? Какое отношенiе имѣетъ этотъ костюмъ къ предполагаемой авторомъ символической религiи патрициевъ? Еслибъ въ приведенныхъ имъ древнихъ свидѣтельствахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о *flammeum*, этотъ нарядъ исключительно присвоивался только дѣвушкамъ изъ патрицiйскихъ фамилiй, то мы бы, по-крайней-мѣрѣ, поняли, почему авторъ счелъ необходимымъ выписать эти цитаты; но въ нихъ объ этомъ не говорится ни слова. Г. Крюковъ продолжаетъ: «даже имя *flamines* заставляетъ видѣть въ нихъ жертвоприносителей пламени, которые раздували огонь на алтаряхъ боговъ». Слѣдовало бы ожидать, что и слово *flamen* авторъ произведетъ отъ *flamma*, но въ примѣчанiи къ этому мѣсту (примѣч. 132) онъ лаконически прибавляетъ: «отъ *flare* какъ *flamma*». Здѣсь опять большой недосмотръ и опять самая странная этимология, ибо ни *flamen* въ значенiи фламьина, ни *flamma* ничего не имѣютъ общаго съ глаголомъ *flare*⁽²⁴⁾.

Переходя къ ближайшему рассмотрѣнiю характеристики символическаго культа Нумы, представленной г. Крюковымъ, мы считаемъ нужнымъ еще разъ возвратиться къ мнѣнiю его о томъ, что этотъ культъ былъ безобразный. «Божества Нумы (говоритъ нашъ авторъ, стр. II) были совершенно-неспособны принять опредѣленную человѣческую форму. Въ этомъ случаѣ они имѣли много общаго съ божествами пеласгическими. Ни тѣ, ни другiя не считались божественными личностями, какъ боги греческiе (гелленскiе), но были вообще силы міра и могли, слѣдовательно, являться только подъ неопредѣленною формою символа».

⁽²³⁾ О нарядѣ римской невѣсты см. въ разбираемомъ томѣ «Пропис.», стр. 242.

⁽²⁴⁾ *Flamma* очевидно имѣетъ одинаковый корень съ греческимъ словомъ *φλέμμα*, въ золическомъ діалектѣ *φλέμμα*, и съ глаголомъ *φλέω* — воспламеняю, откуда и *φλόξ* — пламя, *Flamme* и т. д. Точно также не находятся ни въ какой связи съ глаголомъ *flare* и слово *flamen*, въ значенiи жреца. Древнiе грамматикки очень-неправильно производятъ его отъ *pileus*, *filium* и т. д. Есть другое слово *flamen* (тоже, что *status* дуновение), которое не состоитъ ни въ какой этимологической связи съ предъидущимъ словомъ *flamen* и дѣйствительно происходитъ отъ глагола *flare*.

Мы уже видѣли выше, почему неласгическія божества не имѣли первоначально человѣческой формы, и чѣмъ должно объяснять отсутствіе идоловъ у римлянъ въ начальный періодъ существованія ихъ религіи. Антропоморфическія изображенія боговъ не составляли въ это время существенной принадлежности римскихъ храмовъ не потому, что самый культъ былъ безобразный и символическій, а потому, что фабрикація идоловъ въ эту отдаленную пору, за совершеннымъ еще отсутствіемъ техники въ Римѣ, представляла большія трудности. Объясняя такимъ образомъ отсутствіе идоловъ въ Римѣ, мы несколько не впадаемъ въ противорѣчіе съ древними свидѣтельствами, въ которыхъ говорится о томъ, что уже въ самую раннюю эпоху его существованія изображенія боговъ были иногда завозимы въ Лаціумъ изъ другихъ странъ. Сюда, напримеръ, принадлежатъ совершенно-несогласныя съ теоріею нашего автора сказанія о палладіумѣ, которыя онъ потому отвергаетъ, но безъ всякаго достаточнаго основанія. «Эти свидѣтельства (говоритъ онъ, стр. 15) подтверждаютъ существованіе его (то-есть, палладіума) только во время болѣе-позднее, когда появились сами свидѣтельства». Но по этимъ свидѣтельствамъ, однако, палладіумъ появился въ Италіи одновременно съ троянцами, слѣдовательно, въ эпоху очень-отдаленную, а не при началѣ римской исторіографіи. Не принимая подобныхъ свидѣтельствъ въ буквальный ихъ значеніи, мы можемъ, однако, видѣть въ нихъ историческую основу и доказательство тому, что, по общему убѣжденію древнихъ историковъ, римская религія при самомъ своемъ началѣ не исключала идоловъ. Къ такимъ свидѣтельствамъ принадлежитъ также сказаніе о томъ, что Эней привезъ съ собою изъ Трои въ Лавиніумъ деревянныя или каменныя изображенія пенатовъ. Правда, что Тимей, въ противность свидѣтельству Варрона, утверждаетъ, что въ лавинскомъ храмѣ не было никакихъ другихъ святынь, кромѣ священнаго сосуда и частью желѣзныхъ, частью мѣдныхъ тростей; но кто изъ этихъ писателей правъ и кто виновать—рѣшить въ наше время очень-трудно. Нашъ авторъ принимаетъ, однако, сторону Тимея, но на какомъ основаніи? «Стоитъ только припомнить (говоритъ онъ стр. 26), что въ Лавиніумѣ только жрецы могли видѣть пенатовъ; прочимъ они были недоступны». Слѣдовательно, жрецы могли видѣть лавинскихъ пенатовъ, а если могли видѣть, то эти пенаты существовали въ лавинскомъ храмѣ. Несмотря на это, авторъ продолжаетъ: «Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Варронъ и другіе, кто только ни говорилъ о статуяхъ внеевыхъ пенатовъ, имѣли дурные источники подъ-руками и приписывали пенатамъ человѣческую форму только потому, что они вообще не могли себѣ представить боговъ подъ другимъ видомъ». На это мы можемъ замѣтить, что если Варронъ не могъ видѣть лавинскихъ пенатовъ (потому-что они были недоступны), то, по той же самой причинѣ, не могъ видѣть ихъ и Тимей, а потому и его слова не могутъ быть приняты за несомнѣнное свидѣтельство. Дальнѣйшія доказательства ав-

тора касательно того, что пенаты не имѣли анеропоморфической формы не удачѣе тѣхъ, которыя мы только-что привели. Оставляя ихъ въ сторонѣ, обратимся къ другимъ частямъ сочиненія г. Крюкова, въ которыхъ онъ старается доказать безобразность квинтскаго культа.

Къ числу боговъ, относящихся къ религіи, созданной Нумою, или, вѣрнѣе, нашимъ авторомъ, онъ причисляетъ также *Indigetes*. Здѣсь опять выступаетъ на сцену этимологія, которая и въ настоящемъ случаѣ не отличается особенною правильностью. Для того, чтобъ видѣть въ *Indigetes* боговъ, недопускаящихъ анеропоморфизма, г. Крюковъ въ производствѣ ихъ имени слѣдуетъ этимологіи Феста⁽²⁵⁾, который, говоря, что это такіе боги «quorum nomina vulgari non licet», очевидно производитъ слово *Indiges*, отъ глагола *dico* и отрицательной частицы *in*. По смыслу этого производства выходитъ, что *Indigetes*—боги непроницаемые. «Впрочемъ, это объясненіе (говоритъ г. Крюковъ стр. 9), не достаточно-основательно, потому-что «*Indigetes* Нумы являются не только не произносимыми, но и неизяснимыми богами; понятно теперь, отчего такіа божества были совершенно неспособны принять опредѣленную человѣческую форму». Но еслибъ мы и согласились въ этомъ случаѣ со всѣми доводами автора, то что жъ выигрываетъ его теорія оттого, что *Indigetes* были богами неизяснимыми?

(²⁵) Г. Крюковъ принимаетъ эту этимологію на томъ основаніи, что *Indigetes* «назывались отечественными богами (*dii patrii*) и были, стало-быть, богами собственно римскими (*dii Romani*), а настоящія имена такъ-называемыхъ римскихъ боговъ были неизвѣстны». Замѣтимъ, что это тождество *Indigetes* и *dii patrii*, дѣйствительно-принимаемое многими и, между прочими, Сервіемъ, находится въ противорѣчій съ нѣкоторыми древними свидѣтельствами. Наприм. тотъ же самый Сервій въ одномъ мѣстѣ (ad G. I, 498) различаетъ *dii patrii* отъ *Indigetes* и подъ первыми разумѣетъ тѣхъ боговъ «qui singulis praesunt civitatibus», а подъ вторыми тѣхъ «qui sunt dii ex hominibus facti, quasi in diis agentes». Несмотря на это противорѣчіе, мы готовы послѣдовать мнѣнію автора, но въ такомъ случаѣ этимологія слова *indiges* открывается сама-собою. Дѣйствительно, между всѣми производственными этого слова, предложенными, какъ въ-древности, такъ и въ наше время, самымъ логическимъ кажется намъ—отъ *indu* (или *endo*, старинной формы вмѣсто *in*, наприм. въ словахъ: *endoperator* = *imperator*, *endoitium* = *inidium* и т. д.) и *ago* (въ смыслѣ *habito*). По этой этимологіи выходитъ, что *Indigetes* то же, что *dii patrii* (*Ἄγροι ἰγώροισι*). Вторая часть слова *indiges* также могла произойти отъ *agere*, какъ слово *teges* отъ *legere*. Такимъ-образомъ самое значеніе слова *indiges* и аналогія его съ другими подобнымъ же образомъ составившимися словами—все это много говоритъ въ пользу принимаемаго нами производства этого слова. Очевидно *indiges* есть другая форма слова *indigena*—туземець.

Какъ-будто анеропоморфическая форма языческихъ боговъ не была дѣломъ фантазій художниковъ, которая, какъ извѣстно, нисколько не стѣсняется неизъяснимымъ.

Рядомъ съ Вестою является намъ въ теоріи автора (стр. 15) никогда небывалое въ римской мѣологіи божество *Dium* ⁽²⁶⁾. Не удивительно потому, что *Dium* «не имѣлъ ни храмовъ, ни даже особенныхъ праздничныхъ дней». Жрецомъ этого божества безъ храмовъ и праздничныхъ дней былъ, по убѣжденію автора, *flamen Dialis*. Правда, этотъ *flamen Dialis* является вездѣ въ римскихъ свидѣтельствахъ жрецомъ Юпитера (на чтѣ указываетъ самая этимологія слова *dialis*), а отнюдь не бога *Dium*; но это нисколько не останавливаетъ автора. Такое значеніе фламмы (говоритъ онъ) произошло, вѣроятно, уже «послѣ слѣтія квинтскихъ сакръ съ религіею этрусковъ», а первоначально этотъ жрецъ не имѣлъ никакого отношенія къ Юпитеру, потому-что Юпитерь, по мнѣнію г. Крюкова, былъ главнымъ божествомъ плебейской, или этрусской религіи, точно такъ, какъ *Dium*—религіи патриційской, или квинтской. И тутъ же (примѣч. 150), въ подтвержденіе словъ своихъ, авторъ не задумывается привести цитату изъ Тита Ливія (I, 20), которая совершенно противорѣчитъ его мнѣнію, потому-что тутъ говорится, что *Нума* сдѣлалъ *фламмы* постояннымъ жрецомъ *Юпитера* («*Numa*» *flaminem Jovi assiduum sacerdotem creavit*). Не обращая никакого вниманія на слова Ливія, авторъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ доказывать, что поклоненіе Юпитеру не могло имѣть мѣста въ квинтской религіи Нумы (стр. 13): «стоитъ только припомнить отношеніе Юпитера къ Нумѣ въ извѣстной *сказкѣ* о заклинаніи Юпитера, и невольно согласимся, что *Нума* никогда не былъ его слугою. *Нума*, любимецъ боговъ своихъ, принужденъ былъ стащить Юпитера на землю съ помощью чуждаго этрусскаго демона (*Пика*), и притомъ еще силою. Богъ явился ему въ гнѣвѣ и не на его квинтской землѣ, но на плебейской горѣ, *Авентинѣ*; онъ жаждетъ крови и требуетъ, для примиренія, человѣческихъ жертвъ. Хитрый царь квинтовъ обманываетъ его ложнымъ толкованіемъ собственныхъ его словъ, и обманутый богъ, довольный мудростью царя, учитъ его примирять

⁽²⁶⁾ Слово *dium* означало въ старинномъ латинскомъ языкѣ: *coelum*, *aer* и *universus mundus*, какъ объясняетъ Фестъ. Отсюда въ позднѣйшемъ языкѣ осталось выраженіе *sub dio* = подъ открытымъ небомъ. Павелъ Діаконъ въ эсцерптахъ своихъ изъ Феста (изд. О. Мюллера, стр. 74) говоритъ: «*dium*, quod sub coelo est extra tectum, ab Jove dicebatur, et *Dialis flamen*, et *Dius heroum aliquis ab Jove genus ducens*». Прилагательныя *dius* и *divus*, безъ-сомнѣнія, произошли отъ родительнаго надежа $\Delta\iota\delta\varsigma$ = *Jovis*, а слова *divinus* и *dialis*, очевидно, видоизмѣненія формы *dius* или *divus*.

молнію. Примирять молнію было древнимъ искусствомъ этрусковъ; сводить ее на землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Юпитера, считалось таинственной частью этрусской гаруспіины». Не говоря уже о томъ, что здѣсь Юпитерь, по словамъ самого же автора, учитъ основателя квинтскаго, или патриційскаго культа этрусской, слѣдовательно, плебейской мудрости, согласимся, по-крайней-мѣрѣ, въ томъ, что нецеремонное обращеніе Нумы съ Юпитеромъ достаточно показываетъ, что они находились между собою въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Авторъ, однако, думаетъ иначе и вслѣдъ за приведенными словами продолжаетъ: «Итакъ трудно будетъ отвергнуть мнѣніе, что *Jupiter Elicius*, низведенный этрусскимъ демономъ на землю, и притомъ на плебейской горѣ, былъ богомъ, вовсе неблизкимъ квинтскому царю Нумѣ.

Постараемся изложить дальнѣйшіе выводы автора и наши возраженія какъ-можно-кратче. Главную роль въ теоріи г. Крюкова играетъ сабинское слово *quiris* или *curis*, которое первоначально означало копье и потомъ совершенно исчезло изъ латинскаго языка въ этомъ значеніи. Это копье, по мнѣнію автора, было главнымъ символомъ религіи патриціевъ и замѣняло въ ней идола боговъ. Отсюда и сами патриціи, по словамъ автора, получили имя квинтовъ, которое, такимъ-образомъ, означаетъ (стр. 48) ничто иное, какъ *символопоклонниковъ* ⁽²⁷⁾ (по-край-

⁽²⁷⁾ Здѣсь мы считаемъ излишнимъ еще разъ возвратиться къ слову *Quirites*, которое авторъ оставилъ безъ дальнѣйшаго объясненія, несмотря на то, что ему придано такое большое значеніе въ его теоріи. Единственное число этого слова, то-есть *Quiris* мы находимъ только въ древней формулѣ *funus indictivum*, то-есть въ словахъ, которыми глашатаи объявляли похороны значительныхъ римскихъ гражданъ. Вотъ эти слова, которыя приводитъ Фестъ въ своемъ лексиконѣ (изд. О. Мюллера, стр. 254): «*ollus (ille) Quiris leto datus.*» Кромѣ-того, форма эта встрѣчается у поэтовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ это слово исключительно означаетъ римскаго гражданина, а въ значеніи копья оно, какъ мы уже замѣтили, нигдѣ не встрѣчается въ дошедшихъ до насъ памятникахъ римской литературы. Что же касается множественной формы *Quirites*, то она очень-часто встрѣчается у римскихъ писателей и отдѣльно въ известной формулѣ: *Populus Romanus Quirites* (или *P. R. Quiritium* и также *P. R. Quiritesque*). Никому ни въ-древности, ни въ новѣйшее время не приходило на мысль относить это названіе квинтовъ исключительно къ сословію патриціевъ. Фестъ (*ibid.*), Сервій (*ad Aen. VII, 710*) и Ливій (*I, 13*) утверждаютъ, что это имя усвоено было всеми римлянами по соединеніи ихъ съ сабинами. По мнѣнію Нибура, въ формулѣ *P. R. Quirites* выражается двойственное населеніе первоначальнаго Рима, а потому, говоритъ онъ, когда различіе между латинами и сабинами исчезло, названіе квинтовъ перешло на плебеевъ, а *populus Romanus* — на патриціевъ. Что касается до происхожденія слова *Quirites*, то Нибуръ очень-произвольно полагалъ, что оно произошло отъ сабинскаго города

ней-мѣръ, ковьепоклонниковъ), а Куріи, по его толкованію (стр. 23), были часовнями копей и священными мѣстами символическаго культа.

На томъ же основаніи, къ числу божествъ символической религіи Нумы авторъ нашъ относитъ всѣхъ римскихъ боговъ, которые, въ числѣ прочихъ своихъ эпитетовъ, имѣли также прозвища Quirinus, Quiris и Curis, напримѣръ, Mars Quirinus, Janus Quirinus, Juno Curis и пр. Мы готовы согласиться съ авторомъ въ томъ, что какъ названіе квиритовъ, такъ и эти эпитеты происходятъ отъ древняго слова *quiris*, или *curis*, и что всѣ боги, носившіе такія прозвища, были первоначально божества-копья, но здѣсь опять представляется намъ неизбѣжный вопросъ: гдѣ же доказательства того, что эти божества-копья исключительно принадлежали религіи патриціевъ? Самъ авторъ приводитъ мѣсто изъ Юстина, въ которомъ говорится, что древніе римляне поклонялись всѣмъ богамъ въ образѣ копья. Это свидѣтельство, послѣ того, что мы сказали выше о характерѣ древнѣйшей римской религіи, объясняется очень-просто. Юстинъ, очевидно, разумѣетъ то время, когда римляне, за отсутствіемъ техники, поклонялись своимъ богамъ подъ видомъ нехудожественныхъ символическихъ знаковъ, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимало копье.

Но тутъ для автора является новое затрудненіе: какимъ образомъ копье могло служить символомъ въ религіи миролюбиваго Нумы? Г. Крюковъ не затрудняется, по обыкновенію, въ устраненіи такого видимаго противорѣчія. «Это копье (говоритъ онъ, стр. 20) не было копьемъ воинственнымъ, но просто мирною тростью, потому и боги, которые получили свои прозвища отъ *quiris*, то-есть Марсъ, Янусъ и другіе, не были богами воинственными и существенно, по мнѣнію автора, отличались своимъ характеромъ отъ Марса, Януса и другихъ боговъ, принадлежавшихъ къ антропоморфической, этрусской, или палеобейской религіи.

Эти доводы автора находятся въ тѣсной связи съ другими основными положеніемъ его теоріи, по которому квириетская религія Нумы

Quirium (хотя о такомъ городѣ нигдѣ не упоминается), который будто, при основаніи Рима на Палатинскомъ Холмѣ, лежалъ на томъ *Agonialis*, или *Quirinulis*. См. Röm. Gesch. I ч., 123 стр. Изъ всѣхъ извѣстныхъ производствъ слова *Quirites* (отъ *Cures*, *Cære*, *curia* и пр.) самое правильное, очевидно, отъ *quiris* = *hasta*, копье. По смыслу этого производства выходятъ, что подъ квиритами нужно разумѣть отнюдь не ковьепоклонниковъ (и тѣмъ менѣе символопоклонниковъ), а ковьеносную, то-есть воинственную дружину гражданъ (какъ-бы *societas hominum hastatorum*, или *armatorum*) — названіе, которое очень-идетъ къ древнимъ римлянамъ.

отличалась отъ плебейской кроткимъ и миролюбивымъ характеромъ (стр. 29). Въ древнихъ преданіяхъ вѣкъ Нумы дѣйствительно представляется золотымъ вѣкомъ Римскаго Государства, временемъ всеобщаго мира и господства добродѣтели. Потому очень нетрудно набрать множество цитатъ, говорящихъ на эту тѣму; но, съ другой стороны, нѣтъ также недостатка въ показаніяхъ, изъ которыхъ видно, что религія Нумы не вовсе была лишена воинственнаго характера. Самъ авторъ приводитъ эти показанія (примѣч. 241, 242 и 248), но усилія его устранивъ прямой и ясный смыслъ ихъ и въ этомъ случаѣ отлнчаются какимъ-то страннымъ и вовсе не критическимъ произволомъ. Такъ, наприимѣръ: изъ словъ Геллія (N. A. IV, 6) и Сервія (ad Aen. VII, 603) ясно видно, что въ регіи, средоточіи религіи Нумы, находился *sacrarium Martis*, а въ немъ — *hastae Martiae* и анциліи, посвященные тому же богу. Римляне, какъ видно изъ словъ Сервія, придавали этимъ атрибутамъ воинственный характеръ, потому-что (говоритъ Сервій), по объявленіи войны непріятелямъ, былъ обычай потрясать этими анциліями (*moris fuerat indicto bello in Martis sacrario ancilia commovere*)... Способъ, избранный авторомъ для обезсиленія подобныхъ свидѣтельствъ, находящихся въ видимомъ противорѣчій съ его теоріею очень-оригиналенъ. «Въ сакраріумѣ Марса въ регіи (говоритъ онъ, стр. 20), гдѣ были анциліи, находились также *hastae Martiae*. Эти копы носили, правда, имя Марса, но это происходило, вѣроятно, оттого, что имъ придавали, равно какъ и Марсу, *ложнымъ образомъ* воинское значеніе. Точно такъ же *можно* приписывали Марсу всеобщее символическое святилище, которое названо было *не менѣе можно* *sacrarium Martis*. Марсу принадлежало, безъ-сомнѣнія, одно копы, прочія же копы принадлежали другимъ божествамъ».

Въ другомъ мѣстѣ (ad Aen. VIII, 3) къ прежнему своему свидѣтельству Сервій прибавляетъ слѣдующее: «Тотъ, на комъ лежала забота о войнѣ, войдя въ святилище Марса, потрясалъ сначала анциліями, а потомъ кошемъ самаго *идола* (*hastam simulacri ipsius*) и говорилъ при этомъ: «Марсъ, бодрствуй!» Изъ этихъ словъ видно, между прочимъ, что въ регіи Нумы былъ идолъ Марса; а такъ-какъ это совершенно противорѣчитъ теоріи автора о безобразномъ квинритскомъ культѣ, то онъ утверждаетъ (стр. 21), что «изображеніе Марса, поставленное позже въ регіи (отчего же позже?), копы, котораго имѣло, по всѣму вѣроятію, воинское назначеніе, было посвящено Марсу Градиву и не находилось ни въ какой связи съ Марсомъ Квинриномъ».

Всѣ подобныя доказательства нашего автора, равно какъ и тѣ, которыми онъ старается подтвердить принадлежность мирной религіи Нумы всѣхъ римскихъ боговъ, имѣвшихъ прозвища Quirinus, Curis и т. д., очевидно, не заслуживаютъ подробнаго и серьезнаго разбора. Не говоря

уже о томъ, что на все это нѣтъ никакихъ намековъ у древнихъ писателей (за исключеніемъ незначительной замѣтки Сервія о различіи между Mars Quirinus и M. Gradivus), припомнимъ здѣсь только, что въ римскихъ преданіяхъ имя Квирина носитъ также воинственный Ромуль. Подъ этимъ именемъ, которое было придано Ромулу послѣ его апофеозы, римляне, какъ извѣстно, обоготворили мифологическаго основателя своего государства. Ни сколько не стѣсняясь этимъ фактомъ, авторъ говоритъ (стр. 21) безъ всякаго достаточнаго повода, что «обоготворенный Ромуль сталъ этимъ Квириномъ только черезъ позднѣйшее смѣшеніе».

Изъ этого же представленія о кроткомъ характерѣ религіи Нумы возникло уже въ-древности мнѣніе о томъ, что въ его время, то-есть въ древнѣйшій періодъ существованія римскаго культа, жертвы изъ растительной природы были у римлянъ въ исключительномъ употребленіи. Основываясь на подобныхъ свидѣтельствахъ, г. Крюковъ объявляетъ (стр. 29), что означенныя жертвы служили однимъ изъ главныхъ отличій квирической религіи, недопускавшей жертвъ кровавыхъ, которыя, по словамъ его, составляли отличительный характеръ плебейскаго, или этрускаго культа. Съ этою цѣлью авторъ нашъ прилежно собралъ цитаты, изъ которыхъ дѣйствительно видно, что жито и соль занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ древнѣйшихъ жертвоприношеніяхъ римлянъ; но все это очень-просто объясняется изъ началъ стариннаго земледѣльческаго быта. Напрасно, впрочемъ, авторъ придаетъ особенную цѣну приведеннымъ имъ свидѣтельствамъ, потому-что, съ другой стороны можно набрать изъ древнихъ писателей столько же показаній о томъ, что кровавыя жертвы ни въ какую пору не были вовсе исключены изъ римскихъ жертвоприношеній. Самъ г. Крюковъ приводитъ нѣкоторыя изъ этихъ показаній (въ примѣчаніи 337), но устраняетъ ихъ авторитетъ, по своему обыкновенію, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. «Правда (говоритъ онъ на стр. 30-й) позже (отчего же позже?) упоминается о животныхъ, приносимыхъ въ жертву въ куріяхъ; но это не были жертвы первоначальныя, а введены, вѣроятно, въ квирискія сакры послѣ совершеннаго слятія обоихъ культовъ». Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этихъ ничѣмъ недоказанныхъ словъ автора, приведемъ, въ опроверженіе ихъ, только одно показаніе древности, о которомъ онъ умалчиваетъ. Между-тѣмъ г. Крюковъ, принимающій Нуму за историческую личность, долженъ былъ бы придать этому показанію особенную цѣну. Мы разумѣемъ здѣсь законъ *Нумы о кровавыхъ жертвахъ*, который приводитъ Фестъ въ своемъ лексиконѣ подъ словомъ «*opima spolia*» (у Отфр. Мюллера, стр. 189). Въ этомъ законѣ Нума опредѣляетъ три вида «*opima spolia*» (богатой добычи) и для каждаго изъ нихъ учреждаетъ особыя кровавыя жертвы (въ первомъ случаѣ *boves caedito*, во второмъ—*solitaurilia*, а въ третьемъ—*agnit marem caedito*). Это показаніе Феста вмѣстѣ съ тѣмъ слу-

жить прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, который, вслѣдъ за нашимъ авторомъ, предлагаетъ г. Безсоновъ (на стр. 161): «хотѣлось бы узнать отъ него (отъ Овидія), почему же римляне не приносили древнимъ божествамъ кровавыхъ жертвъ, подобно другимъ народамъ?» Этотъ вопросъ, впрочемъ, совершенно-лишний, потому-что у Овидія (напримѣръ: Fast. IV, 652) можно найти прямыя указанія на кровавыя жертвы Нуны.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ заняться повѣркою множества другихъ недомолвокъ и ошибочныхъ положеній, которые на каждомъ шагу встрѣчаются въ I-й главѣ разбираемаго нами сочиненія. Мы не можемъ, однако, не обратить вниманія на совершенно-ошибочный взглядъ г. Крюкова на *rex sacrificulus*, потому-что, какъ извѣстно (см. «Библиографическій Словарь», ч. I, стр. 441), этотъ жреческій санъ въ особенности навелъ его на мысль о религиозномъ различіи патриціевъ и плебеевъ, и нашъ авторъ собирался посвятить изслѣдованію этого предмета особенную главу, которая должна была служить дополненіемъ къ первымъ двумъ изданнымъ отдѣламъ его сочиненія. По мнѣнію г. Крюкова (стр. 17), царь-жертвоприноситель (*rex sacrificulus*) былъ прямымъ наследникомъ царей не квирическихъ, а жреческія должности квирическихъ царей были переданы (по уничтоженіи царской власти) понтифексамъ и фламинамъ. Само-собою разумѣется, что такое мнѣніе нисколько не оправдывается древними свидѣтельствами, а доводы самого автора и въ этомъ случаѣ совершенно-неудовлетворительны. Чтò, напримѣръ, доказываютъ подобныя слова? «Уже одно то обстоятельство, что Тарквиній Гордый, ненавистный патриціямъ (извѣстно, что онъ столько же былъ ненавистенъ и плебеямъ), былъ *rex sacrificulus*, и что *regia regis sacrificuli* находилась въ домѣ его, доказываетъ намъ, что *rex sacrificulus* былъ жреческимъ наследникомъ царей неквирическихъ». Авторъ при этомъ совершенно забываетъ, что достоинство царя-жертвоприносителя возникло въ Римѣ въ началѣ періода республики, и что, слѣдовательно, ни Тарквиній Гордый, ни кто-либо другой изъ римскихъ царей не могъ называться *rex sacrificulus*. Обстоятельства, послужившія поводомъ къ установленію въ Римѣ этого жреческаго сана, объясняются очень-просто. Дѣло въ томъ, что римскіе цари, составлявшіе средоточіе высшей власти (гражданской, военной и духовной) были, между-прочимъ, и верховными жрецами въ своемъ государствѣ. Извѣстно, что гіератическія формы государства вездѣ отличаются стойкостью и нелегко подчиняются переворотамъ, дающимъ государству иной видъ. Реформа, испытанная Римомъ въ означенную эпоху существованія его, также коснулась только гражданского его устройства и отнюдь не духовнаго. Потому, даже по изгнаніи царей, которые, какъ мы уже замѣтили, между-прочимъ, облечены были высшею жреческою властью, власть эта должна была остаться въ рукахъ царя, и для отпраздненія разныхъ религиозныхъ церемоній возникъ въ это время новый санъ ца-

ря-жертвоприносителя (*rex sacrorum* или *sacerificulus*). Въ-сущности это было пустое имя, потому-что *rex s.* не получалъ никакого гражданскаго значенія; и хотя занималъ, повидимому, первое мѣсто въ ряду римскихъ жрецовъ, но даже и въ духовномъ управленіи былъ подчиненъ великому понтифексу (*pontifex maximus*).

Переходимъ ко второй и послѣдней главѣ сочиненія г. Крюкова, которая имѣетъ заглавіемъ: «Отношеніе квинтискаго и аверопоморфическаго культа къ патриціямъ и плебеймъ». Здѣсь авторъ подвергаетъ ближайшему разсмотрѣнію плебейскій культъ и старается убѣдить читателей своихъ въ томъ, что первоначальныя различія римской религіи совершенно совпадали съ племеннымъ различіемъ древнѣйшихъ обитателей Рима. Парадоксы и доказательства автора въ этой части статьи его до крайности произвольны и напрасно онъ надѣялся, при посредствѣ ихъ, «возвысить свои предположенія до яснаго сознанія». Логическая несостоятельность этихъ парадоксовъ до-того бросается въ глаза даже неопытному читателю, что мы считаемъ совершенно-излишнимъ останавливаться на подробномъ ихъ разсмотрѣніи.

Для того, чтобъ уяснить это парадоксальное тождество религіознаго различія римскаго народа съ племеннымъ его различіемъ, авторъ въ началѣ второй главы старается доказать, что плебей въ древнемъ Римѣ были попреимуществу этрусками и, въ противоположность символопоклонникамъ-квинтамъ, держались этрусской вѣры. Все этрусское является у г. Крюкова исключительно плебейскимъ и всѣ этрусскіе элементы римской жизни были первоначально, по его убѣжденію, рѣшительно-чуждыми патриціямъ. Еслибъ г. Крюкову удалось критически оправдать это оригинальное мнѣніе, то онъ бы дѣйствительно сдѣлалъ большое открытіе въ наукѣ римскихъ древностей. Доказать этого, однако, невозможно, и всѣ свидѣтельства, которыя во множествѣ приводятъ авторъ, безъ всякой, впрочемъ, критической ихъ оцѣнки, подтверждаютъ только давнишнее и общепринятое мнѣніе о томъ, что Этрурія оказала въ свое время рѣшительное вліяніе на цѣлый народъ римскій, а отнюдь не на какую-нибудь отдѣльную часть его. Дѣйствительно умственное вліяніе Этрурії на Римское Государство въ первый періодъ его существованія несомнѣнно. Оно представляетъ собою историческую аксіому и показаніе Ливія (IX, 36 гл.) о томъ, что этрусское образованіе имѣло въ эту пору въ Римѣ такое же значеніе, какое впоследствии греческое, подтверждается всѣми другими свидѣтельствами древности. Нѣтъ сомнѣнія, что римляне заняли весьма-много изъ религіозныхъ и политическихъ учреждений этрусковъ и, сознавая ихъ умственное превосходство надъ собою, нерѣдко отдавали имъ дѣтей своихъ на воспитаніе. У древнихъ писателей (напримѣръ, у Ливія IX, 36 и V, 27) не разъ упоминается объ этрусскихъ школахъ, въ которыхъ молодые римляне, преимущественно изъ знатныхъ

«апатидій», получали свое образованіе. Другаго образованія въ разсматриваемое нами время не могло и быть въ Италіи (разумѣется, за исключеніемъ южной части ея, или великой Греціи), потому-что всѣ племена, населявшія страну эту, находились еще въ первобытномъ состояніи и далеко уступали этрускамъ, къ которымъ уже успѣла проникнуть въ эту пору греческая цивилизація. Это образованіе, которое Этрурія передавала Риму, преимущественно было направлено къ изученію религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ этрусскихъ и несомнѣнно, что патриціи пользовались имъ наравнѣ съ плебеями. На это мы имѣемъ доказательства во всякомъ случаѣ не менѣе сильныя, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ, въ подтвержденіе своей теоріи, нашъ авторъ. Ограничимся здѣсь указаніемъ на свидѣтельство Валерія Максима, которое мы находимъ въ самомъ началѣ его сборника (I, 1, § 1). Изъ словъ Валерія Максима, въ исторической вѣрности которыхъ, послѣ всего сказаннаго, мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться, видно, что въ отдаленную пору существованія Рима десять молодыхъ людей изъ самыхъ знатныхъ римскихъ семействъ (*principum filii*) постоянно, по опредѣленію Сената, отдавались въ науку къ этрускамъ для изученія ихъ религіи⁽²³⁾. Прибавимъ, что подъ «*principum filii*» необходимо разумѣть въ приведенныхъ словахъ Валерія Максима дѣтей римскихъ патриціевъ потому-что въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не образовалась еще въ Римѣ, въ противоположность родовой патриціейской аристократіи, аристократія плебейская, бюрократическая, извѣстная подъ именемъ *nobilitas imaginum*.

Неудивительно послѣ этого, что нашему автору не удалось доказать, что этруская цивилизація (а вмѣстѣ съ нею и религія) коснулась однихъ только плебеевъ и нисколько не подѣйствовала на патриціевъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ могъ бы уволить своихъ читателей отъ доказательствъ въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ на 38 и 39-й стр. его сочиненія. Вотъ эссенція тѣхъ доводовъ, которыми г. Крюковъ хочетъ убѣдить насъ въ тождествѣ этрускаго элемента съ плебейскимъ: Ремесла и торговля (говоритъ онъ) были въ Римѣ этрускаго происхожденія; ремеслами и торговлею занимались въ Римѣ плебеи, а не патриціи: стало-быть, плебеи и этруски одно и то же, а патриціи не этруски. Никого не удивитъ, надѣемся, что римскіе патриціи, подобно англійскимъ лордамъ и французскимъ маркизамъ, никогда не были ремесленниками, но вѣдь ими не были также и плебеи. Вообще авторъ нѣсколько разъ смѣшиваетъ въ своемъ сочиненіи плебеевъ съ кліента-

(23) Вотъ слова Валерія М.: *Tantum autem studium antiquis non solum servandae, sed etiam amplificandae religionis fuit, ut, florentissima tum et opulentissima civitate, decem principum filii secto singulari Etruriae populis, percipiendae sacrorum disciplinae gratia, traderentur.*

ми и не уяснилъ себя, какъ видно, характера этихъ двухъ классовъ римскаго народа. Теперь уже всѣми признано, что ремеслами занимались въ Римѣ преимущественно кліенты, находившіеся въ такой тѣсной связи съ патриціями. Въ число этихъ ремесленниковъ, конечно, часто вступали обѣдѣвшіе граждане изъ плебеевъ, но этотъ классъ народа, по справедливому замѣчанію Нибура, преимущественно состоялъ изъ поземельныхъ владѣтелей и земледѣльцевъ (*Landwirthen und Feldarbeitern*).

Къ числу парадоксальныхъ странностей, которыя мы встрѣчаемъ въ разбираемомъ отдѣлѣ сочиненія г. Крюкова, принадлежитъ и мнѣніе его о томъ, что первоначальные римскіе всадники (*equites*) также были плебеи⁽²⁹⁾. Трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ авторъ могъ дойти до этого убѣжденія. Всѣ древнія свидѣтельства согласны въ томъ, что всадники выбирались изъ курій; самъ г. Крюковъ признаетъ, въ первой главѣ своего сочиненія, римскія куріи чисто-патриційскимъ учрежденіемъ и даже утверждаетъ (на стр. 23), что эти куріи «были общими часовнями копій и священными мѣстами символическаго (то-есть патриційскаго) культа». Какимъ же образомъ согласить съ этимъ мнѣніемъ автора слѣдующія слова его (стр. 28): «въ новѣйшее время утверждаютъ, правда, всѣ вообще, слѣдуя Нибуру, что всадники находились въ близкихъ отношеніяхъ съ патриційскими куріями, и что этотъ институтъ былъ чисто-патриційскій; но *celereres* (другое названіе *equites*) уже потому не могли имѣть ничего общаго съ куріями, что у нихъ была, какъ говорятъ, вѣрныя свидѣтельства, свои особенныя сакры, совершенно-отличныя отъ курій; былъ даже особенный жрецъ». Мы не постигаемъ, съ какою цѣлью авторъ замѣшалъ тутъ имя Нибура, который въ этомъ случаѣ произноситъ не свою собственную догадку, а повторяетъ мнѣніе общепринятое какъ въ-древности, такъ и въ новой наукѣ. Гдѣ доказательство, что у всадниковъ были свои особенныя сакры, отличныя отъ курій, былъ даже особенный жрецъ? Въ 450 примѣчаніи, на которое ссылается авторъ вслѣдъ за выписаннымъ мѣстомъ, говорится только, что начальникомъ конницы былъ *tribunus celerum*. Это не новость; но гдѣ же указанія на то, что *tribunus celerum* былъ въ то же время жрецомъ всадниковъ? «Мы, правда, не знаемъ (прибавляетъ авторъ, стр. 38), въ чемъ состояла его жрецеская должность». Очень-естественно, что мы этого не знаемъ, потому-что *tribunus celerum* никогда не былъ жрецомъ. Но положимъ, что всадники имѣли свои сакры и своего жреца—что жъ изъ этого слѣдуетъ? Каждая курія имѣла также своего жреца и свои сакры; даже

(29) Желаящимъ ближе ознакомиться съ исторіею римскихъ всадниковъ, указываемъ на монографію Маркварта (*Marquardt*): «*Historiae equitum romanorum, libri IV. Berol. 1840.*»

каждый родъ (*gens*) имѣлъ свои *privata*. Точно также каждый городской и подгородный участокъ (*vicus* и *pagus*), вслѣдствіе организаціи, которую далъ Римскому Государству Сервій Туллій, имѣлъ свои сакры (*comptitalia* и *pagalia*) и т. д. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что въ Римѣ было столько религій, сколько было курій, городскихъ и подгородныхъ участковъ и т. д. ?

Приведенному доказательству плебейскаго характера сословія римскихъ всадниковъ предшествуютъ въ статьѣ г. Крюкова другія, въ томъ же родѣ. Такъ на стр. 36 авторъ основываетъ тождество римскихъ всадниковъ съ плебеями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ этрусками, на томъ, что эти *equites* назывались также *celereres*. Римскіе грамматикіи оставили намъ, по своему обыкновенію, нѣсколько производствъ этого послѣдняго названія, которыя собралъ Сервій въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ «Энеидѣ» (XI, 603). Отъ Сервія мы узнаемъ, что нѣкоторые въ древности производили это слово отъ существительнаго *celeritas* (и принимали, слѣдовательно, *celer* за прилагательное въ настоящемъ его значеніи : скорый, быстрый), а другіе приводили его въ этимологическую связь съ греческимъ словомъ *κέλης* (конь, лошадь). Нашъ авторъ умалчиваетъ объ этихъ двухъ производствахъ и останавливается на третьемъ, по которому *celereres* получили это имя отъ предводителя своего Целера (*Celer*), который въ римскихъ преданіяхъ является убійцею Рема⁽³⁰⁾. Затѣмъ авторъ отыскалъ у одного ничтожнаго византійскаго версификатора и грамматика (*Johannes Tzetzes*), жившаго въ XII вѣкѣ нашей эры, показаніе о томъ, что этотъ сказочный Целеръ былъ этрускъ; а такъ-какъ этрускъ и плебей у нашего автора одно и то же, то этого показанія для него достаточно, чтобы построить на немъ новую свою теорію о тождествѣ всадниковъ и плебеевъ. Впрочемъ, у автора есть и другія доказательства вѣрности этой теоріи. Преданіе (говоритъ онъ, *ibid*) приписываетъ этому Целеру «надзоръ за работами при построеніи Рима; а такъ-какъ способъ построенія былъ этрусскій, то нельзя не принять, что первый *tribunus celerum* былъ этрускъ, и *celereres*, которыми онъ начальствовалъ, пришли въ Римъ, ежели не всѣ, то большей-части, изъ Этруріи». Кромѣ-того, вышнія отличія (*insignia*) всадниковъ (говоритъ авторъ, *ibid.*), были этрусскаго происхожденія и при этомъ забываетъ, что такого же происхожденія были вышнія отличія (*sella curulis, scortum, diadema* и пр.) римскихъ царей не только меквиртскихъ, но и квиртскихъ. Однимъ изъ весьма-сильныхъ доказательствъ служить для автора въ настоящемъ случаѣ и то обстоятель-

⁽³⁰⁾ Основываясь на случайномъ сходствѣ имени *Celer* съ *Celes* (*Vibenna*), который въ римской сагѣ является современникомъ Ромула и предводителемъ этрусковъ, авторъ объявляетъ (*ibid*), безъ всякаго, впрочемъ, достаточнаго повода, что *Celer* и *Celes* одно и то же лицо.

ство, что, по словам Сервія, «въ древнія времена въ Римѣ было чрезвычайно-мало лошадей», и что «кони (которыхъ авторъ также относитъ къ числу *инсигній* всадниковъ) вывозимы были вообще въ Римъ изъ Этруріи». Если кони были изъ Этруріи, то, по мнѣнію автора, нѣтъ ничего удивительнаго, если оттуда же были и всадники. Мы не видимъ, какое отношеніе этрусскіе кони имѣютъ къ римскимъ всадникамъ и полагаемъ, что не было никакой нужды смѣшивать людей съ лошадьми. Заключимъ этимъ замѣчаніемъ разсмотрѣніе оригинальнаго трактата о римскихъ всадникахъ, который мы встрѣчаемъ въ разбираемомъ сочиненіи, и перейдемъ къ другимъ его отдѣламъ.

Уже въ концѣ первой главы статьи своей (стр. 30) г. Крюковъ объявляетъ, что, въ противоположность регіи, этого, по его словамъ, пантеона квинтскихъ боговъ-копій, средоточіемъ плебейской анеропоморфической религіи служилъ Капитолій. Доводы, представленные авторомъ въ подкрѣпленіе этого парадокса, едва-ли и въ настоящемъ случаѣ найдутъ сочувствіе въ ученomъ мѣрѣ. «Есть извѣстія (говоритъ онъ на стр. 41), что постройка его (Капитолія) совершена была при помощи плебеевъ и вспомошествованіемъ союзниковъ». Это открытіе, вѣроятно, не удивитъ никого изъ читателей, потому-что никто изъ нихъ, безъ-сомнѣнія, не предполагаетъ, что между римскими патриціями можно было найти каменщиковъ и плотниковъ. Само-собою разумѣется, что римскіе патриціи не участвовали въ сооруженіи Капитолія по той же причинѣ, по которой древніе русскіе бояре не принимали участія при постройкѣ московскаго Кремля. Въ числѣ доказательствъ, что Капитолій былъ средоточіемъ плебейскаго культа, авторъ приводитъ (*ibid*) и слѣдующее: «Во время галльскаго нашествія патриційскіе жрецы предпочли лучше зарыть свои святилища въ землю или перенести въ чуждый городъ, нежели отдать ихъ подъ защиту Капитолія, ненавистнаго богамъ ихъ». Изъ древнихъ свидѣтельствъ и, между-прочимъ, изъ словъ Тита Ливія и Валерія Мاکсима, на которыя при этомъ ссылается г. Крюковъ, мы знаемъ, что во время галльскаго катастрофы, римляне отвезли нѣкоторые священные предметы въ городъ Цере (Cære). Авторъ при этомъ забываетъ, что Цере былъ городъ этрусскій, слѣдовательно, по его же собственной теоріи, столь же ненавистный патриційскимъ жрецамъ и квинтскимъ богамъ, какъ и Капитолій.

Оставляемъ въ сторонѣ перечень боговъ, которые, по убѣжденію г. Крюкова, принадлежали къ этрусско-анеропоморфическому культу, и

(31) Въ томъ же смыслѣ выражается авторъ и на стр. 36: «Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ сабинскій элементъ былъ, такъ-сказать, главною закваскою латинской субстанціи патриційскаго племени, точно такъ же элементъ этрусскій былъ еще болѣе-сильною закваскою въ латинскихъ плебейхъ».

укажемъ только на заключительный выводъ (стр. 46), которымъ нашъ авторъ завершаетъ свое ученіе о томъ, что все этрусское было въ древнемъ Римѣ плебейскимъ, а все латинское и сабинское — квирицкимъ⁽³¹⁾. О первомъ изъ этихъ пунктовъ мы уже говорили; касательно же втораго, авторъ сообщаетъ намъ, что «самымъ важнымъ доказательствомъ латинскаго происхожденія квирицскаго культа служить тождество религиозныхъ обрядовъ сосѣднихъ латинскихъ племенъ съ религіею римскихъ квиритовъ». Затѣмъ авторъ доказываетъ, при помощи множества цитатъ, что религія жителей Альбы, Лавиніума, Тибуря, Тускула, Пренесты и другихъ латинскихъ городовъ, была та же самая, которую исповѣдывали жители Рима. Нѣтъ особенной необходимости прибавлять, что изъ всѣхъ свидѣтельствъ, приводимыхъ авторомъ, видно, что это тождество вѣрованій жителей Лаціума съ вѣрованіями древнихъ римлянъ касалось всѣхъ сословій, а не исключительно одного какого-либо класса римскаго народонаселенія. Но г. Крюковъ упорно настаиваетъ на томъ, что жители Лаціума были единовѣрцами однихъ только патриціевъ. Считаемо совершенно-излишнимъ серьезно опровергать такое ничѣмъ неоправдываемое мнѣніе и только спросимъ, что выигрываетъ отъ этого теорія автора и въ чемъ состоитъ заключительное ея слово? Не-уже-ли въ томъ, что всѣ латинскіе города были населены патриціями, и что каждый житель такого города, кто бы онъ ни былъ, какъ единовѣрецъ патриціевъ, имѣлъ право на вступленіе въ ихъ сословіе? Вотъ оригинальный результатъ, къ которому привело г. Крюкова его изслѣдованіе.

Отвергая дуализмъ, предполагаемый г. Крюковымъ въ древнѣйшемъ римскомъ культѣ, мы нисколько, однако, не намѣрены доказывать, что въ Римѣ при самомъ его началѣ существовала одна государственная религія; напротивъ, очень-естественно, что здѣсь, какъ въ центрѣ Италіи, къ которому тяготѣли всѣ племена, населявшія эту страну, издревле должно было происходить броженіе религиозныхъ вѣрованій. (Отсюда мы объясняемъ также происхожденіе римскихъ *sacra privata*, или *gentilicia*). Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ все римское народонаселеніе распалось по своимъ вѣрованіямъ на два отдѣла: патриційскій и плебейскій. Это религиозное броженіе было общимъ какъ для патриціевъ, такъ и для плебеевъ, потому-что оба эти сословія составились изъ разнородныхъ частей и представляли собою, какъ принимаетъ и самъ авторъ, *colluvies gentium*, то-есть пеструю смѣсь изъ многихъ фамилій. Даже впоследствии, когда изъ этихъ частныхъ вѣрованій и другихъ элементовъ выработалась государственная религія, никогда она не имѣла въ Римѣ общаго и для всѣхъ въ равной степени нравственно-обязательнаго значенія. Не находя твердой опоры въ самой религіи, которая непрерывно видоизмѣнялась фантазіею поэтовъ и художниковъ и тѣмъ смысломъ, который старался придать ей философы и люди правительственные, имѣвшіе въ виду государственныя цѣли,

римляне, какъ и всѣ язычники, ни въ какую пору не могли отличиться особенною стойкостью своихъ религіозныхъ убѣжденій и вѣрованій. Уже этой одной причины достаточно, чтобы понять, что знаменитая борьба патриціевъ съ плебеями не могла имѣть религіозной основы. Если плебеи, между-прочимъ, домогались такъ настойчиво мѣста въ римской іерархіи, то это потому, во-первыхъ, что они стремились къ совершенно-равнымъ правамъ съ патриціями, а во-вторыхъ—и это, безъ сомнѣнія, главное—потому-что въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, жреческій санъ былъ соединенъ съ политическимъ значеніемъ. Однимъ словомъ: характеръ борьбы плебеевъ съ патриціями такъ ясно и рѣзко выдается въ римской исторіи, что всякое стараніе придать этому явленію какое бы то ни было значеніе помимо политическаго, необходимо должно привести къ парадоксамъ совершенно-произвольнымъ и ничѣмъ-неоправдываемымъ.

Другая причина, по которой изслѣдованіе нашего автора совершенно не удалось и не удовлетворяетъ требованіямъ критики, заключается въ томъ, что онъ коснулся въ своемъ трудѣ вопросовъ изъ того періода римской исторіи, который до-сихъ-поръ представляетъ еще неразрѣшенную и, можетъ-быть, никогда-неразрѣшимую загадку для историка. Известно, что древніе писатели не прослѣдили систематически ни одной стороны своей жизни. Они оставили намъ только множество разстѣланныхъ замѣтокъ о различныхъ сторонахъ римскаго быта, и эти замѣтки, чѣмъ далѣе проникаютъ въ глубь исторіи, тѣмъ становятся запутаннѣе и отрывочнѣе. Дѣло критики: отдѣлать истину отъ сказки въ этомъ множествѣ древнихъ извѣстій и преданій и умѣть соединить все это въ стройное и гармоническое цѣлое. Трудность такой работы значительно увеличивается постоянно-разнорѣчивыми показаніями древнихъ авторовъ объ одномъ и томъ же предметѣ, такъ-что, на основаніи этихъ свидѣтельствъ, можно доказывать что угодно. Главная причина этого разногласія въ свидѣтельствахъ древнихъ писателей заключается, конечно, въ различіи времени, въ которое они жили, въ личномъ ихъ характерѣ, то-есть въ различіи ихъ убѣжденій и взглядовъ на вещи и, наконецъ, въ большей или меньшей степени ихъ образованности и добросовѣстности. Многие изъ этихъ писателей очень-простоудшно и легковѣрно повторяютъ древнія сказочныя преданія—плодъ народной фантазіи, или, что еще хуже, пускаются въ ложный прагматизмъ, стараются міръ сказокъ превратить въ исторію и построить на этомъ шаткомъ фундаментѣ никогда-небывалую древность.

Потому необходимо прежде всего знать цѣну каждому древнему писателю и опредѣлить степень достовѣрности его показаній. Этимъ, необходимымъ для успѣха работы условіемъ, совершенно-пренебрегъ г-нъ Крюковъ. Самое нпчтожное и явно-нелѣпое показаніе какого-нибудь византийскаго версификатора имѣетъ для него такую же цѣну, какъ и, напримеръ, свидѣтельство Варрона или другаго писателя съ неопредѣ-

нымъ авторитетомъ. Дятого, чтобъ, при изслѣдованіи начального періода римской исторіи, изъ хаотической массы древнихъ свидѣтельствъ добыть какой-нибудь положительный результатъ, если не требуется непременно голова Нибура, то по-крайней-мѣрѣ необходимъ тотъ критическій тактъ, котораго и слѣдовъ мы не нашли въ разбираемомъ изслѣдованіи. Во всякомъ случаѣ, послѣ всего сказаннаго, мы имѣемъ нѣкоторое право не соглашаться съ однимъ изъ сотрудниковъ «Пропилей» въ томъ, что покойный Крюковъ выказалъ какую-то особенную проницательность ума въ сочиненіи своемъ, подробный разборъ котораго представленъ нами выше (32).

Мы увѣрены, что нашъ отзывъ о статьѣ г. Крюкова никому не покажется пристрастнымъ; тѣмъ неменѣе мы считаемъ нелишнимъ подкрѣпить этотъ отзывъ словами одного знаменитаго ученаго, котораго мнѣніе въ настоящемъ случаѣ, безъ-сомнѣнія, должно имѣть большой авторитетъ. Мы говоримъ о Беккерѣ, который, въ одномъ изъ примѣчаній къ извѣстному своему сочиненію о римскихъ древностяхъ, упоминаетъ и о статьѣ г. Крюкова и, указавъ на ея парадоксальность, прибавляетъ, что авторъ, конечно, откажется и самъ отъ своихъ взглядовъ (33). Мы, съ своей стороны, увѣрены, что нашъ ученый не только отказался бы отъ своихъ взглядовъ, но и отъ желанія писать не порусски. Отъ этого труда, которыхъ ждала отъ него наша литература, безъ-сомнѣнія, много бы выиграли. Имѣя дѣло съ русскими читателями, г. Крюковъ, конечно, постарался бы придать другую форму своимъ сочиненіямъ и коснулся бы вопросовъ уже вполне-разработанныхъ и уясненныхъ въ наукѣ, которые тѣмъ не менѣе составляютъ у насъ совершенную новостъ.

Отрицая въ г. Крюковѣ призваніе реформатора въ наукѣ, тотъ критическій умъ, который необходимъ при изысканіяхъ, дающихъ ей другой видъ, мы тѣмъ не отрицаемъ въ немъ, однако, учености и да-

(32) Мы имѣемъ при этомъ въ виду слѣдующія слова г. Безсонова (стр. 85): «Наконецъ — и это замѣтилъ проницательный умъ Крюкова — самая борьба патрициевъ и плебеевъ имѣла въ скрытомъ, глубочайшемъ основаніи своемъ, почти незамѣтномъ для взгляда, различіе и ту борьбу религиозныхъ убѣжденій, которую древле принесли съ собою въ Римъ выходцы Итали».

(33) См. Handbuch der röm. Alterthümer et. von W. A. Becker, II Th., стр. 139, примѣч. 314. Подобный отзывъ о трудѣ г. Крюкова слышалъ отъ самого Беккера пишущій эти строки, бывший около этого времени его слушателемъ (въ Лейпцигскомъ Университетѣ). Г. Крюковъ познакомился съ Беккеромъ во время второй поѣздки своей за границу, въ 1842, и воспользовался пребываніемъ своимъ въ Лейпцигѣ для изданія своей брошюры.

же таланта. Невѣрность взгляда на какой-нибудь предметъ не есть еще признакъ отсутствія таланта въ писателѣ. Человѣкъ бездарный не имѣетъ никакого взгляда, или усвоиваетъ себѣ какой бы то ни было взглядъ, попавшійся ему на глаза въ первой прочитанной книгѣ. Въ сборникѣ г. Леонтьева нерѣдко были приводимы и опровергаемы ошибочные парадоксы, родившіеся въ умахъ знаменитѣйшихъ ученыхъ, что, однако, какъ мы увѣрены, не нарушило ни въ комъ почтительнаго сознанія громадной ихъ учености и таланта. Во всякомъ случаѣ, мы вполне признаемъ, что преждевременная смерть Крюкова—печальная утрата для нашей юной науки.

Н. ВЛАГОВЪЩЕНСКІЙ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Народныя русскія сказки, издалъ А. Аванасъевъ. *Выпускъ первый. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1855. Въ 8-ю д. л. XVIII и 131 стр.*

Важное значеніе народныхъ сказокъ, какъ обильнаго матеріала для исторіи словесности, филологіи и этнографіи, давно создано и утверждено даровитѣйшими изъ германскихъ ученыхъ. Они не только постѣ-пили собрать свои народныя сказки и легенды, но еще усвоили нѣмецкой литературѣ въ прекрасныхъ переводахъ почти все, что было издано по этому предмету у другихъ народовъ. *Дѣтскія и домашнія сказки* (Kinder- und Hausmärchen, 1819, 3 Bde.) и *Нѣмецкія сказанія* (Deutsche Sagen, 1816), собранныя и изданныя братьями Гриммами, *Норвежскія народныя сказки*, переведенныя на нѣмецкій языкъ Бреземанномъ (Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Albjörnsen und Jorgen Moe, 1847, 2 Th.), *Пентамеронъ*, переведенный съ итальянскаго (Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile, 1846, 2 Th.) Либрехтомъ, извѣстнымъ переводчикомъ донлоповой «Исторіи вымысла» (History of fiction), наконецъ изданія сказокъ и народныхъ преданій, принадлежащія Мюлленгофу, Бекштейну, Ад. Куну и другимъ нѣмецкимъ ученымъ, могутъ назваться образцовыми.

Мысль о высокомъ значеніи народной поэзіи не разъ была высказана лучшими изъ нашихъ и иностранныхъ писателей. Жуковский, подъ конецъ своей жизни, думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ, находя въ нихъ лучшіе рассказы для дѣтскаго чтенія. Пушкинъ, въ одномъ изъ писемъ къ своему брату, говоритъ о себѣ: «вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего проклятаго воспитанія». Шиллеръ уже на смертномъ одрѣ выразилъ сожалѣніе о томъ, что рѣдко обращался къ этому богатому хранилищу теплыхъ поэтическихъ созданій.

И между-тѣмъ, у насъ до-сихъ-поръ не было ни одного, сколько-нибудь полнаго и удовлетворительнаго изданія собственно-русскихъ народныхъ сказокъ. Изъ всѣхъ печатныхъ сборниковъ сказокъ заслуживали вниманія только «Русскія народныя сказки, собранныя Богданомъ Т. СIII. — Отд. IV.

Броницынымъ» (Спб. 1838), всего *пять* сказокъ, да «Русскія народныя сказки», изданныя г. Сахаровымъ (Спб. 1841), *шесть* сказокъ. Если къ этому прибавимъ еще нѣсколько сказокъ, разбросанныхъ по періодическимъ изданіямъ и одну, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ «Этнографическаго Сборника», издаваемаго Русскимъ Географическимъ Обществомъ (стр. 247), то передъ нами все, что сдѣлано для народной русской сказки. Другіе сборники сказокъ, изданные въ разное время, составлялись людьми, мало-приготовленными къ этому дѣлу, и съ цѣлями вовсе-неархеологическими и нелитературными. Въ сказкахъ видѣли одну забаву, достойную низшаго слоя общества или дѣтскаго возраста, и потому всякій присвоивалъ себѣ полное право передѣлывать ихъ по-своему. Упреки эти могутъ быть отнесены къ изданіямъ сказокъ Попова, Чулкова и многихъ другихъ. Что касается до такъ-называемыхъ *лубочныхъ* сказокъ, издаваемыхъ грамотниками изъ простонародья и украшаемыхъ грубыми картинками ихъ собственнаго издѣлія, то въ нихъ нельзя не замѣтить очевиднаго вліянія тѣхъ печатныхъ сборниковъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили: въ содержаніи ихъ попадаются такіа же искаженія, а въ изложеніи явственны слѣды книжнаго языка; очень-часто въ нихъ попадали повѣсти, не принадлежащія собственно къ области русскаго сказочнаго эпоса, каковы: «Сказка о Бовѣ Королевичѣ», передѣланная изъ стариннаго рыцарскаго романа «*Vioue d'Antona historiato et del suo inamoramento con Drusiana, co molte sue adversitate, et del combattere chel fece con pelisano*» etc. (см. «Совр.» 1854, № 12, ст. Пыпина, стр. 96: тутъ есть и городъ Антонъ, и Полканъ, и Дружевна...); «Исторія о Принцѣ Одолюѣ Лападіскомъ и о Островѣ Вѣчнаго Веселія» — повѣсть, тоже занесенная изчужи; «Повѣсть о благородномъ князѣ Петръ-золотыхъ ключахъ и о благородной Королевѣ Магилевѣ», также заимствованная изъ рыцарскаго романа, переведеннаго на русскій языкъ съ польскаго въ XVII-мъ столѣтіи. «Сказка полная о сильномъ, славномъ и храбромъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ, служившемъ при князѣ Владимірѣ» — собственное сочиненіе Чулкова, наполненное нѣскольконенародными вымыслами, во вкусѣ волшебныхъ романовъ прошлаго столѣтія. Наконецъ, даже *рукописные* сборники сказокъ, принадлежащіе XVII-му и XVIII-му столѣтіямъ, наполнены, болѣею-частью, переводными повѣстями и романами, составляющими обширную сказочную литературу, которая заключаетъ въ себѣ много любопытнаго, какъ популярное чтеніе нашей старины, но болѣею-частью не имѣетъ близкой связи съ произведеніями чисто-народными.

Г. Аванасевъ предпринялъ изданіе сказокъ, записанныхъ прямо со словъ нашихъ народныхъ сказочниковъ. Кромѣ сказокъ, записанныхъ лично имъ самимъ, у него находится подъ-руками богатое собраніе памятниковъ этого рода, доставленное изъ разныхъ мѣстъ имперіи въ зусское Географическое Общество и переданное въ его распоряженіе.

Многія изъ этихъ сказокъ записаны довольно-хорошо, съ удержаніемъ особенностей мѣстнаго выговора; но, главное, онѣ совершенно-чужды всякаго произвольнаго, преднамѣреннаго искаженія.

Въ вышедшемъ нынѣче первомъ выпускѣ помѣщены 24 сказки.

Занимая сказки изъ источника чисто-народнаго и такимъ-образомъ обезпечивая ихъ оригинальность, г. Аванасевъ сличаетъ всякій разъ наши сказки и легенды съ сказками и легендами другихъ народовъ, и такимъ-образомъ даетъ своему изданію ученое значеніе. Чтобы нѣсколько познакомить читателя съ характеромъ текстовъ, заданныхъ въ книгѣ г. Аванасева, и съ объясненіями, какія даетъ онъ сказкамъ, выписываемъ сказку «о Лясъ», записанную самимъ издателемъ въ Бобровскомъ Уѣздѣ Воронежской Губерніи:

«Жилъ-себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой. Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ лисичка свернулася калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она и не ворохнется, лежитъ-себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впередъ. А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза все по рыбакѣ да по рыбакѣ, все по рыбакѣ да по рыбакѣ. Пыль бросала всю рыбу и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!».—Гдѣ?—«Тамъ на возу—и рыба, и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ахъ ты, старый хрѣнь! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!»—Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая, погоревалъ-погоревалъ, да дѣлать-то нѣчего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучу, съла и ѣсть-себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ здравствуй, кумушка! здравствуй, куманѣкъ! Дай мнѣ рыбки!—Налови самъ, да и ѣшь.—Я не уѣю.—Эка, вить я же наловила; ты, куманѣкъ, ступай на рѣку, спусти хвостъ въ прулубъ, рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прулубъ, дѣло-то было зинкою. Ужъ онъ сидѣлъ-сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: волкъ! волкъ! бейте его, бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгаль-прыгаль, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отпачу, кумушка!»

«А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть: забралась въ одну избу, гдѣ бабы цекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжать. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего иско-

лотили! — Эхъ, куманёкъ! говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ; меня больнѣй твоего прибили; я наслу плетусь. И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужь идти? садись на меня, я тебя доведу. Лисичка съѣла ему на спину, онъ ее и повезъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ! битый небитаго везетъ!». — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманёкъ, говорю: битый битаго везетъ». «Такъ, кумушка, такъ!» — «Давай, куманёкъ, построимъ себѣ хатки». — «Давай, кумушка! Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.» Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка» говоритъ волкъ «ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть.» — «Пойдемъ, куманёкъ, еще покоцаемся, кому то кого достанется ѣсть». Вотъ лисичка-сестричка привела его въ яму къ глубокой ямѣ и говоритъ: «прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть». Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!» и сама ушла.

Сказку эту г. Аванасьевъ сопровождаетъ слѣдующими указаниями:

«Сказки о лясѣ, волкѣ, козѣ и другихъ звѣряхъ (Thiermärchen) составляютъ отрывки стариннаго животнаго эпоса. И въ другихъ народныхъ сказкахъ, повѣствующихъ намъ чудесныя похождения и подвиги богатырей, являются дѣйствующими лицами звѣри, которымъ присвоаются: умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя свойства; но тамъ болѣе или менѣе являются они для услугъ челоука, поставляемаго на первомъ планѣ, хотя нерѣдко превосходятъ его догадливостью и смѣлостью. Напротивъ, въ мелкихъ басняхъ, на которыя раздробился животный эпосъ, главный интересъ сосредоточивается на звѣряхъ: въ этихъ басняхъ являются они не только дѣйствующими лицами, но героями, каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ... По народнымъ преданіямъ, сохранившимся донынѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали, какъ люди; поселяне вѣрять, что накануне новаго года домашій скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ и т. д.

«Народныя басни о Лисѣ, въ теперешнемъ ихъ видѣ, представляютъ разрозненныя части одного древняго эпического сказанія, въ которомъ въ забавныхъ сценахъ показывается перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, даже при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабуміемъ, хотя бы эти послѣднія качества восполнялись огромною силою и крѣпостью тѣла. Сказаніе о лисѣ извѣстно почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и есть общее наслѣдіе, доставшееся имъ отъ эпохи доисторической. Переработанное въ средніе вѣка, оно дошло до насъ въ нѣмецкомъ и латинскомъ спискахъ XII вѣка; другіе списки

относятся къ XIII вѣку (на Франкскомъ и нидерландскомъ нарѣчiяхъ) и къ XV (на нижне-саксонскомъ). Во всѣхъ редакціяхъ поэма эта содержитъ въ себѣ много изреченій и подробностей, напоминающихъ наши народныя сказки. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ: «Kinder und Hausmärchen» помѣщено нѣсколько сказокъ о лисѣ (ч. 1, № 32 «Свадьба Лисы», № 73 «Волкъ и Лиса», № 75 «Лиса и Кошка», № 86 «Лиса и Гуси», ч. 2, № 132 «Лиса и Лошадь»). Русская сказка о томъ, какъ небитая лиса ѣхала на битомъ волкѣ, сходна съ нѣмецкою: «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» (Грим. 1. № 74)... Есть еще норвежская сказка о медвѣдѣ и лисѣ, и сербская: «Лисица се осветила вуку» (Српске народne приповiјetke № 50), сходныя съ нашею сказкою о «Лисѣ и Волкѣ».

Извѣстно, какъ мастерски сумѣлъ воспользоваться знаменитый Гёте средневѣковою поэмою о хитростяхъ лисы: см. его «Reineke-Fuchs», переводъ на русскій языкъ г. Достоевскимъ въ «Отечеств. Запискахъ» 1845, № 2—3. У насъ г. Даль старался передать въ литературной формѣ сказанія о похожденияхъ лисы (см. «Повѣсти, сказки и рассказы» казака Луганскаго, Спб. 1846, ч. IV, стр. 237). По свидѣтельству г. Даля, сказка о лисѣ и волкѣ извѣстна въ Украинѣ подъ названіемъ: «Лисичка-сестричка, та волкъ-панебратъ», а въ великорусскихъ губерніяхъ подъ названіемъ: «Лисы Патрикѣвны».

Предѣлы библиографической статьи не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности, хотя онѣ были бы очень-интересны. Выходя изъ того положенія, что въ сказкахъ сохранились до нашего времени отрывки древнѣйшаго эпоса, остатки древнѣйшихъ вѣрованій и понятій, г. Аванасевъ старается разоблачать эти темныя намеки путемъ сравненія и аналогіи. Конечно, не всегда его предположенія имѣютъ неоспоримую вѣроятность: въ сравненіяхъ сказокъ опущены иногда очень-любопытныя факты; но какъ первый опытъ ученаго изслѣдованія о нашемъ сказочномъ эпосѣ, замѣчанія г. Аванасьева получаютъ большое значеніе. Сходство доисторическихъ преданій и повѣрій, говоря намъ о единствѣ происхожденія нынче столько разъединенныхъ народовъ, раскрываетъ передъ нами тѣ первоначальныя впечатлѣнія, которыя производила на человѣка видимая природа. Какъ остатокъ древнѣйшаго эпоса, создававшагося вмѣстѣ съ языкомъ и принимавшаго въ себя вѣрованія и подвиги народа, народныя сказки хранятъ въ себѣ много указаній на доисторическій періодъ народной жизни: въ этомъ состоятъ права ихъ на вниманіе науки. Само-собою, разумѣется, что первымъ трудомъ научнаго изслѣдованія должно быть возможно-полное и вѣрное изложеніе сказочныхъ текстовъ; сказка, наравнѣ съ другими произведеніями народной словесности, подверглась сильному раздробленію и смѣшенію; и прежде всего необходимо возстановить, сколько возможно, первоначальную самобытность и отдѣльность смѣшавшихся впоследствии сказочныхъ мотивовъ. Г. Аванасевъ почти не имѣлъ возможности пред-

принять этой работы, потому-что пользовался готовыми текстами; но мы благодарны ему и за тѣ данныя, какія собраны теперь въ его книгѣ.

Кромѣ этого, собственно-ученаго интереса, народныя сказки представляютъ и высокое поэтическое достоинство: онѣ плѣняютъ насъ своею младенческою наивною, теплою любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго. Безъ всякаго сомнѣнiя, не все въ нихъ удовлетворить наши современныя требованiя и взгляды на природу, жизнь и поэзію; но образованный человѣкъ остановитъ свое вниманіе на поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведенiй, съ тѣми же освѣщающими душу чувствами, съ какими въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ иногда взглянуть на дѣтское веселье.

Наконецъ, въ педагогическомъ отношенiи, умное собраніе сказокъ можетъ принести великую пользу, потому-что онѣ большею-частью нравственны. По-крайней-мѣрѣ, сказка не терпитъ намѣреннаго уклоненiя отъ добра и правды; она требуетъ наказанiя всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Большая часть сказочныхъ интригъ создавалась на нравственномъ началѣ. Это видно изъ того, какъ сказка устроиваетъ судьбу сиротъ, нелюбимыхъ мачихой, судьбу меньшаго изъ трехъ братьевъ, отличающагося незабiемъ, и т. п.

Таково значеніе предмета, на который обратилъ свой добросовѣстный трудъ г. Аванасъевъ, уже извѣстный русскимъ читателямъ своими прежними трудами по исторiи народныхъ повѣрій и словесности. Имя автора ручается за серьезное пониманіе предмета, и публика, конечно, оцѣнитъ заслугу его изданiя, которое является первымъ опытомъ научнаго объясненiя русскихъ народныхъ сказокъ и изложенiя ихъ въ собственно имъ принадлежащей формѣ.

Въ непродолжительномъ времени, въ особой статьѣ мы постараемся разобрать и содержаніе напечатанныхъ сказокъ и тотъ методъ, которому нужно вообще слѣдовать въ собиранiи произведенiй народной словесности.

Сельско-хозяйственная Статистика Смоленской Губернiи.
Составлена Яковымъ Соловьевымъ. Издана издженіемъ Ученого Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Москва, 1855. Въ тип. Александра Семена. Въ 8-ю д. л. 486 и X стр. съ двумя картами.

Г-нъ Соловьевъ былъ начальникомъ Смоленскаго Отряда Уравненiя государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, и, воспользовавшись свѣдѣнiями, собранными этимъ отрядомъ, составилъ статистическую монографію—сочиненіе, которое можно признать образцовымъ въ своемъ родѣ; по-крайней-мѣрѣ мы не имѣемъ другаго подобнаго сочиненiя, въ такой степени удовлетворяющаго своему назначенiю, какъ «Сельско-хозяйственная Статистика Смоленской Губернiи». Богатая разнообразными

данными, очищенными здравою критикою и сгруппированными рукою чловѣка, вполне-понимающаго требованія своей науки, книга эта представляет полную жизни картину тѣхъ условій, которыми опредѣляется хозяйственный бытъ населенія Смоленской Губерніи. Рассказывая въ краткомъ очеркѣ историческія судьбы этого края, описывая физическія свойства страны, опредѣляя количественное отношеніе различныхъ классовъ и сословій населенія, степень нравственнаго развитія, нужды и потребности сельскихъ жителей, состояніе важнѣйшихъ отраслей хозяйства, торговли и промысловъ, авторъ ни на минуту не теряетъ изъ виду главнаго предмета своего изслѣдованія — чловѣка, на все смотритъ онъ съ той точки, съ которой статистическія цифры являются не сухими математическими формулами различныхъ отношеній и величинъ, а краснорѣчивыми выраженіями разумной жизни, голосомъ безпечной нѣги, суроваго труда, тяжелой болѣзни, избытка силъ, нѣмой нужды, болтливаго довольства, тупаго предрасудка и зоркаго ума. Поэтому специальная монографія Смоленской Губерніи имѣетъ интересъ всеобщій, и до-тѣхъ-поръ, пока по этому образцу не составятся у насъ сельско-хозяйственныя статистики другихъ губерній, сочиненіе г-на Соловьева будетъ служить лучшимъ опредѣленіемъ потребностей русскаго чловѣка.

Не рѣшаемся подтверждать нашихъ словъ выписками изъ книги, потому-что всѣ части ея проникнуты одною основною мыслью и, слѣдовательно, каждый отдѣльно-взятый отрывокъ необходимо утратить то значеніе, которое онъ имѣетъ въ полномъ составѣ сочиненія. Приводимъ на-удачу взятую статью только какъ образецъ способа изложенія автора. Вотъ какъ говоритъ г-нъ Соловьевъ о «способахъ займовъ» крестьянъ Смоленской Губерніи (стр. 253):

«Недостаточные крестьяне, которыхъ такъ много въ Смоленской Губерніи, не говоря уже о неурожаяхъ, и въ обыкновенные годы часто нуждаются: или въ хлѣбѣ для обѣмененія яровыхъ полей и для своего продовольствія, или въ деньгахъ на уплату податей. Помѣщичьи крестьяне, когда они нуждаются въ хлѣбѣ, прибѣгаютъ къ своимъ помѣщикамъ. Занявши хлѣбъ, крестьянинъ, безъ особенныхъ понудительныхъ мѣръ, мало заботится объ уплатѣ. Кромѣ этого, вообще всѣ крестьяне, и государственные и помѣщичьи, при недостаткѣ въ хлѣбѣ, обращаются къ богатымъ домохозяевамъ изъ крестьянъ же. Такой способъ займа имъ обходится весьма дорого. Кромѣ высокихъ процентовъ, они обыкновенно обязываются отработать на своихъ заимодавцевъ нѣсколько дней. Къ этимъ же домохозяевамъ крестьяне обращаются и при нуждѣ въ деньгахъ. Условія займовъ тѣ же. Но еще чаще крестьяне дѣлаютъ займы у прасоловъ деньгами, разными предметами и даже хлѣбомъ. Прасолы, развѣзая по деревнямъ для закупки хлѣба, пеньки и другихъ крестьянскихъ произведеній, возятъ съ собой все, что нужно для крестьянина. Если нужны крестьянину деньги, онъ даетъ безъ процентовъ. Нужны соль и табакъ, прасоль доставляетъ ихъ. Упадеть лошадь, онъ добываетъ по-

вую, съ разсрочками въ платежѣ. Само-собой разумѣется, что впоследствии, при урожаѣ хлѣба и пеньки, прасоль не забываетъ себя. Хлѣбъ беретъ онъ у крестьянина мѣрой, насыпая ее съ-верхомъ. Пеньку вѣситъ по своему произволу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣлаютъ сбавки противъ существующихъ цѣвъ. Кроме того, во время его разъѣздовъ, онъ ничего не платитъ за содержание себя и лошади. Знакомые крестьяне, изъ пріязни къ прасолу, кормятъ его и лошадь даромъ. Въ мѣстахъ, пограничныхъ съ Витебской и Могилевской губерніями, всѣ подобныя одолженія дѣлаются Евреямъ; но только они съ большимъ искусствомъ и съ болѣею дерзостью и обманываютъ крестьянъ. вмѣстѣ съ этимъ, Евреи дѣйствуютъ всѣ за одно; такъ-что должнику нельзя показаться съ чѣмъ нибудь продажнымъ на рынкѣ жидовскаго мѣстечка. Совершенно незнакомый ему Еврей сторгуетъ у него то, что онъ привезъ; а когда дѣло дойдетъ до расчета, тогда является займодавецъ, и проданная пшеница или пенька поступаетъ въ уплату долга, съ наче-тами огромныхъ процентовъ.

«Для огражденія крестьянъ отъ такого способа займовъ (продолжаетъ авторъ), заботливые помѣщики принскиваютъ особыя средства. Такими средствами служатъ общественныя запашки и магазны; а также, сей-часъ послѣ новаго урожая, сборъ яроваго хлѣба для обмѣненія полей на другой годъ. Общественныя запашки учреждаются съ цѣлью образованія въ опредѣленномъ законѣ количествѣ запасовъ продовольствія. Затѣмъ, излишекъ поступаетъ въ особые общественныя магазны. Въ иныхъ же имѣніяхъ и тѣ и другіе взносы дѣлаются отсыпнымъ хлѣбомъ съ тягла или съ души. Въ статьѣ о продовольствіи показано было, что запасныя магазны въ помѣщичьихъ селеніяхъ Смоленской Губерніи, по случаю частыхъ неурожаевъ, сдѣлались пустыми; но въ общественныхъ амбарахъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и въ настоящее время хранится болѣе или меньшее количество хлѣба. Изъ подобныхъ магазиновъ дѣлаются ссуды крестьянамъ: или даромъ, или съ умѣренными процентами, напримѣръ, по 4 гарнца съ четверти. При значительномъ накопленіи хлѣба въ общественныхъ амбарахъ, часть его продается, и деньги обращаются для составленія мірскихъ капиталовъ. Но едва-ли подобныя капиталы существуютъ въ Смоленской губерніи; по крайней-мѣрѣ, намъ не удавалось объ этомъ слышать.

«По свидѣтельству Министерства Государственныхъ Имуществъ (говоритъ г. Соловьевъ) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заведены уже *мірскіе капиталы* — для употребленія на разные полезные предметы, а также на богоугодныя и благотворительныя дѣла и вообще въ запасъ на случай непредвидѣнныхъ случаевъ. Между прочимъ, также изъ этихъ капиталовъ, дѣлается: пособіе крестьянамъ, претерпѣвшимъ разореніе, въ видѣ ссуды съ процентами, или безъ процентовъ. Правила объ образованіи мірскихъ капиталовъ предположено распространить на всѣ губерніи. До Смоленской не дошла еще очередь. Напротивъ-того, другое учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ въ этомъ родѣ—*вспомогательныя кассы*, или сельскіе банки открыты и въ Смоленской Губерніи при пяти волостныхъ правленіяхъ, въ уѣздахъ: Сычевскомъ и Гжатскомъ въ 1845 году, въ Дорогобужскомъ въ 1846, въ Вяземскомъ и въ Духовщинскомъ въ

1847. Основными капиталами этихъ кассъ были присланные изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ : на четыре кассы—по 994 р. на каждую; а на пятую, въ Вяземскомъ уѣздѣ, 497 р. Въ теченіе 7 лѣтъ, съ 1845 до 1851 года включительно, воспользовались изъ вспомогательныхъ кассъ 867 лицъ и одно цѣлое сельское общество. Въ теченіе этого періода времени, сумма всѣхъ ссудъ составляла 18,589 р. 22 к.

Изъ нихъ возвращено	13,296	»	61	»
Слѣдовательно, оставалось въ долгахъ	5,292	»	61	»
Къ 1 января 1852 г. состояло на лицо въ кассахъ	180	»	4	»

Итого 5,472 р. 65 к.

Такъ-какъ сумма основныхъ капиталовъ всѣхъ пяти кассъ была 4,473 р., то средства ихъ, отъ полученія процентовъ, возрасли на 1,009 р. 65 к.

«Здѣсь нельзя не упомянуть, что крестьяне Смоленской Губерніи оказываются несправными плательщиками взятыхъ ими изъ вспомогательныхъ кассъ денегъ. Пропускаютъ сроки платежей и несправно вносятъ проценты. При большей исправности, кассы имѣли бы больше средствъ. Хорошимъ успѣхомъ отличается только одна касса, въ Сычевскомъ Уѣздѣ.

«Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать (замѣчаетъ авторъ), что для обрѣженія яровыхъ полей, нуждающіеся государственные крестьяне обыкновенно получаютъ хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ. Въ тотъ же годъ, по уборкѣ хлѣба розданное количество взыскивается. Черезъ это достигаются двѣ цѣли: во первыхъ, крестьяне получаютъ вспомошествованіе, во вторыхъ, старый хлѣбъ мѣняется на новый.»

Недостатки «Сельско-хозяйственной Статистики Смоленской Губерніи» обуславливаются недостаточностью матеріаловъ, при собираніи которыхъ обыкновенно встрѣчается множество трудно-устраняемыхъ препятствій, и бѣдностью нашей статистической литературы, такъ-что г-нъ Соловьевъ не имѣлъ возможности провѣрить свои выводы и заключенія и нѣкоторые вопросы долженъ былъ оставлять неразрѣшенными по неизбѣжно точныхъ данныхъ.

Двѣ карты, приложенныя къ сочиненію, не отличаются подробностью и служатъ только поясненіемъ, нагляднымъ изображеніемъ характера почвы, развитія промышленной дѣятельности и направленія внѣшнихъ и внутреннихъ сбытовъ земледѣльческихъ произведеній Смоленской Губерніи.

Новый способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса. А. Мейера. С. Петербургъ. Въ тип. Я. Юнсона. 1855. Въ 8-ю д. л. 124 стр. и таблица въ листъ.

Новый способъ г. Мейера не можетъ назваться новымъ уже потому, что его употребилъ однажды Архимедъ, какъ говоритъ и самъ авторъ. Отличіе его отъ обыкновенно-употребительнаго способа состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ опредѣляется потеря вѣса при погруженіи

тѣла въ воду, а г. Мейеръ взвѣшиваетъ воду, вытѣсненную тѣломъ, котораго нужно знать относительный вѣсъ. Онъ отдаетъ справедливость обыкновенному способу въ точности, но находить его 1) дорогимъ для обыкновенной жизни, 2) неспособнымъ дать число для всей массы испытываемаго тѣла, если она велика, а только для части его. Мы согласны, что гидростатическіе вѣсы недешевы, потому-что всякіе точные вѣсы недешевы; но въ работахъ ученыхъ, требующихъ большой точности, это не помѣха; способъ же г. Мейера, какъ видно и изъ его книги, для опредѣленія удѣльнаго вѣса небольшихъ массъ довольно-сложенъ и потому поведетъ къ большимъ погрѣшностямъ. Г. Мейеръ совѣтуетъ даже опредѣлять пробу благороднаго металла по своему способу; это не ново, и г. Штаффельдъ (въ Варшавѣ) еще въ 1851 году представилъ на лондонскую выставку снарядъ для опредѣленія пробы по удѣльному вѣсу. Мы видѣли этотъ снарядъ на московской выставкѣ, но, къ сожалѣнію, не могли испытать его точности; онъ показался намъ весьма-остроумнымъ, и полагаемъ, что золотыхъ дѣлъ мастера хорошо сдѣлали бы, еслибъ заискались имъ. Желающіе могутъ прочесть описаніе его въ отчетѣ присяжныхъ по лондонской всемірной выставкѣ 1851 года (Report of the Juries etc. стр. 497). Наконецъ, для опредѣленія удѣльнаго вѣса жидкостей—г. Мейеръ, вѣроятно, самъ согласится — ареометръ гораздо-удобнѣе и даетъ результаты вѣрнѣе, чѣмъ его способъ. Что же до тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло идетъ о несовсѣмъ-точномъ, но достаточномъ для практики опредѣленія удѣльнаго вѣса большихъ массъ, тамъ мы совѣтовали бы воспользоваться предложеніемъ г. Мейера, вообще весьма-остроумнымъ. Книга его представляетъ очень-подробное описаніе способа; авторъ даже счелъ нужнымъ приложить краткое наставленіе о химическомъ разложеніи сплавовъ. Для той же цѣли служить и большая таблица, приложенная къ книгѣ. Въ ней мы думали найти (въ столбцѣ удѣльнаго вѣса) числа, выведенныя по способу г. Мейера; тогда можно было бы лучше судить о его точности.

Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся. Составлены генерал-майоромъ Мих. Осип. Безъ-Корниловичемъ. Санктпетербургъ. 1855. Въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ 8 ю д. л. VIII и 355.

Въ книгѣ г. Безъ-Корниловича собрано, въ видѣ неразработаннаго матеріала, до ста-сорока отдѣльныхъ статей, содержащихъ въ себѣ историческія и статистическія данныя о городахъ, селеніяхъ и мѣстечкахъ Бѣлорусскаго Края. По малозвѣстности этого края, по разнообразію источниковъ, которыми пользовался авторъ, и по многочисленности подробностей, собранныхъ имъ, очевидно, на мѣстѣ, «Историч-

ческія свѣдѣнія» могутъ возбудить любопытство читателя, если онъ будетъ смотрѣть на этотъ сборникъ, какъ на запасъ фактовъ, еще неподвергнутыхъ критической оцѣнкѣ. Въ способѣ изложенія этихъ фактовъ замѣтна искусственность слога, часто—переходящая въ такъ—называемую напыщенность, и чувствителенъ также недостатокъ грамматической правильности языка; но значеніе того и другаго недостатка точнѣе опредѣлится въ слѣдующихъ двухъ отрывкахъ, изъ которыхъ одинъ представленъ, какъ образецъ историческихъ матеріаловъ, а другой — какъ образецъ матеріаловъ статистическихъ:

«Шведскій король Карль XII занялъ Могилевъ въ 1708 году: кавалерію расположилъ на лугу по берегу Дибра(,) а пѣхоту на высотахъ отъ Могилева до Буйницкаго Монастыря и далѣе до (до и далѣе до?) мѣстечки Буйничъ; по срединѣ, между городомъ и монастыремъ(,) на возвышенномъ мѣстѣ стоялъ шатеръ Короля, отъ чего то мѣсто до сихъ поръ называется *Королевскимъ лугомъ*. Безъ волн и вѣдома Короля Шведы разобрали и разграбили Буйницкій монастырь до основанія, (запятой не нужно) и изъ дерева разобранной церкви подѣлали мосты чрезъ болотистыя мѣста; но Богъ не допустилъ наругаться святынь! *Льтописецъ о Могилевѣ(?)* упоминаетъ: что при осмотрѣ лагеря, когда надобно было Королю проѣхать черезъ одинъ изъ такихъ мостовъ, Его лошадь, *при встѣхъ понужденіяхъ(?)*, не хотѣла перейти черезъ двѣ доски(,) лежавшія на мосту. Дивясь упорству лошади, Король приказалъ перевернуть тѣ доски, (занятой не нужно) и увидѣлъ(,) что то были иконы Спасителя и Божіей Матери. Король тогда же повелѣлъ ихъ отнести на мѣсто(,) гдѣ стоялъ монастырь, а двухъ человекъ, оказавшихся зачинщиками грабежа и разоренія монастыря, повѣсиль» (стр. 169).

Описывая бытъ бѣлорусскихъ дворянъ, г. Безъ—Корниловичъ говоритъ, что казенныя недоимки на ихъ имѣніяхъ произошли отъ дороговизны житейскихъ потребностей и несоразмѣрной дешевизны сельскихъ произведеній, и прибавляетъ:

«Эти причины несостоятельности, къ несчастію, не всѣмъ извѣстны. Неакуратность платежа многие *приписываютъ къ тому(,)* будто владѣльцы имѣній живутъ выше своего состоянія. Такое заключеніе могло произойти отъ *ископи врожденнаго между ними хлѣбосольтства(?)*, в радушнаго приѣма(,) дѣлаемаго уважаемому гостю, для принятія котораго хозяинъ ничего не жалѣетъ. Если въ Бѣлоруссіи есть нѣсколько нерасчетливыхъ помѣщиковъ(,) живущихъ выше своего состоянія, то они всѣмъ извѣстны. Радужный же приѣмъ гостя, (занятой не нужно) не можетъ служить мѣриломъ обыкновенной жизни каждаго хозяина (;) между тѣмъ отъ *ласковаго(?)* приѣма родилось заключеніе, прискорбное для многихъ Бѣлорусскихъ помѣщиковъ(,) попечительная заботливость которыхъ о своихъ крестьянахъ не ослабляется въ настоящее время. Почти безошибочно можно сказать, что между Бѣлорусскими помѣщиками $\frac{5}{6}$ недостаточныхъ людей. *Имѣя дѣтей каждаго(!)*, (запятой не нужно) заботится о(бъ) ихъ содержаніи и воспитаніи. *Владѣльцу небольшого имѣнія не роскошь на умъ, и не поѣздка за границу: всѣ его мы-*

сли устремлены на то, чѣмъ бы въ городѣ заплатить за содержаніе сыновей(,) обучающихся въ Гимназіи, (и помѣщенныхъ на квартирѣ у *содержательницы гимназистовъ*) или Гувернанткѣ(,) занимающейся воспитаніемъ его дочерей. У кого сверхъ недвижности нѣтъ запаснаго капитала въ банкѣ, или пансіона за свою прежнюю службу, а (и кто) принужденъ довольствоваться одними скудными доходами(,) получаемыми съ своего небольшого имѣнія, и изъ нихъ еще уплачивать подати, рекрутскія и земскія повинности за крестьянъ, и удовлетворить всѣ свои домашнія потребности, тому право не до роскоши: онъ почитаетъ себя счастливымъ(,) если ему удастся окончить годъ безъ долга. *Безпредельная благодарность повергаетъ его на колѣни въ храмъ, идѣ, (запятой не нужно) въ усердной молитвѣ (онъ) благодаритъ Бога(,) дозволившаго ему и его семьѣ благополучно дожидать до радостнаго дня новаго года, который встрѣчаетъ (онъ?) съ молитвою, прося Небеснаго Творца, дабы и въ наступившемъ году (Онъ?) сохранилъ его семью въ здоровьи, согласіи и благоденствіи»* (стр. 234).

Православная и другія христіанскія церкви въ Турціи. Н. Березина. *Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Штаба Отдѣльн. Корп. Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. 70 стр.*

Н. Березинъ объясняетъ бѣдственное состояніе христіанъ на Востоку недостатками турецкаго управленія вообще, духомъ мухаммеданства и раздорами самихъ христіанъ. Нѣсколько историческихъ фактовъ и буквально-переведенныхъ актовъ константинопольскаго правительства, придавая особенный интересъ разсматриваемой нами брошюрѣ, не избавляютъ, однако, автора отъ упрека въ отрывочности и неполнотѣ изложенія вопроса, который, при его современномъ значеніи, нуждается въ подробномъ и строгомъ изслѣдованіи, основанномъ на полномъ обзорѣ историческихъ и статистическихъ данныхъ.

Памятная Книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1855—1856 годъ. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Григорія Трусова. Въ 8-ю д. л. 118 и 110 стр.

Изъ «Отчета о состояніи Лицея съ 1-го іюля 1853 по 1-е января 1855 года» видно, что по части учебной и воспитательной въ означенный періодъ приняты были слѣдующія мѣры: 1) Придавая особенную важность и значеніе изученію французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, Лицей поставилъ для себя непремѣнною цѣлью, чтобъ воспитанники его «овладѣли умѣньемъ свободно говорить на этихъ языкахъ». Для достиженія этой цѣли, въ каждомъ изъ двухъ младшихъ классовъ учреждены три должности репетиторовъ, которые поочередно дежурятъ, и такимъ образомъ молодымъ людямъ доставлена постоянная практика въ устномъ упражненіи. 2) Для устраненія затрудненій, встрѣчавшихся какъ при приготовленіяхъ къ полугодовымъ испытаніямъ, такъ и въ надлежащемъ слѣдованіи наукъ, учреждены особыя

испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ и зимнихъ праздниковъ. Испытанія эти продолжаются въ-теченіе мѣсяца, и на нихъ воспитанникъ даетъ профессору подробнѣйшій отчетъ изъ всего пройденнаго за истекшее полугодіе. 3) Желая пробудить въ молодыхъ людяхъ усиленную дѣятельность и поддержать неослабное занятіе трудомъ, начальство Лицея признало нужнымъ возвысить свои требованія при удостоеніи окончивающихъ курсъ воспитанниковъ классными чинами. Баллы считаются вообще: за трехлѣтнее ученье въ двухъ старшихъ классахъ, за поведеніе въ-теченіе этого періода и за отвѣты на экзаменъ. Для полученія чина IX класса, нужно имѣть въ сложности по всѣмъ тремъ отдѣламъ 32 балла, или неменѣе десяти по каждому предмету. Право на чинъ X класса предоставляется имѣющимъ 28 балловъ. Чина XII класса удостоиваются воспитанники за 24 балла. 4) Совѣщаніямъ воспитателей о нравственности воспитанниковъ, бывающимъ ежемѣсячно въ присутствіи директора и инспектора, дана болѣе-точная опредѣленность особою инструкціею и надлежащая офиціальность обязанностью вести постоянный журналъ своихъ засѣданій, такъ-что совѣщанія эти нынѣ образуютъ собою настоящій *воспитательный комитетъ*. вмѣстѣ съ этимъ введена новая форма аттестаціонныхъ тетрадей для воспитанниковъ: *вмѣсто особой тетради для каждого лица, составляется тетрадь для цѣлаго курса*. Наконецъ 5) для воспитанниковъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія учреждены воскресныя *пастырскія бесѣды*.

Всѣхъ воспитанниковъ въ Лицеѣ въ-теченіе послѣдняго курса было 120. Изъ нихъ 7 умерло и 8 уволено, по согласію родителей, для поступленія въ военную службу. Изъ 20 учениковъ перваго окончательнаго курса удостоены: чиномъ IX класса 17, X класса 2 и XII—1. Вообще во всѣхъ четырехъ классахъ, по произведеннымъ испытаніямъ и по годичнымъ отмѣткамъ, оказалось: съ отличными успѣхами 4, съ весьма-хорошими 17, съ хорошими 12, довольно-хорошими 38 и посредственными 9.

Кромѣ «Отчета», въ «Памятной Книжкѣ» помѣщены: Рѣчь законоучителя А. Строкина, произнесенная имъ предъ присягою окончившихъ курсъ воспитанниковъ; списокъ служащихъ при Лицеѣ; алфавитный списокъ воспитанниковъ; нѣсколько таблицъ росписанія учебныхъ предметовъ; правила приѣма воспитанниковъ; программа приѣмнаго экзамена, списокъ лицъ, служившихъ при Лицеѣ въ разныхъ должностяхъ съ 1811 года; списки лицъ, окончившихъ полный курсъ наукъ въ Лицеѣ и въ Лицейскомъ Пансіонѣ, и изслѣдованіе воспитанника Петра Сабурова: *Торговые пути древнихъ грековъ*, изслѣдованіе, довольно-богатое фактами, извлеченными изъ многочисленныхъ источниковъ.

Курсъ Технической Химіи, составленный А. Ходневымъ. Часть неорганическая. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамен-

та Выхшеи Торговли. 1855. Въ 8-ю д. л. XVI, 571 стр. и 113 политипажей.

Читатели, безъ-сомнѣнія, знаютъ, что въ прошедшемъ году бывшій профессоръ химіи при Харьковскомъ Университетѣ, А. И. Ходневъ, читалъ, по приглашенію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, публичныя лекціи технической химіи; лекціи эти продолжаютъ и въ этомъ году, и, конечно, всѣ тѣ жители Петербурга, которые интересуются предметомъ, весьма-благодарны за это Обществу. Но публичныя лекціи доступны только жителямъ Петербурга и, въ добавокъ, не все слышанное запоминается: поэтому изданіе курса г. Ходнева, открывая возможность пользоваться сообщаемыми въ немъ свѣдѣніями всѣмъ читающимъ — новая и весьма-полезная услуга какъ нашей литературы, такъ и нашей техники. Авторъ въ предисловіи предвѣряетъ, какъ должно смотрѣть на его книгу: «въ технической химіи (говорить онъ) должно разсмотрѣть только тѣ изъ простыхъ тѣлъ и ихъ соединеній, которыя встрѣчаются въ промышленности; въ нее не должно вводить разсужденій о спорныхъ теоріяхъ и мнѣніяхъ, не должно описывать въ подробности химическихъ производствъ, а только изложить ходъ ихъ въ общихъ чертахъ, обращая главное вниманіе на химическіе процессы, происходящіе при этомъ, и выводя, на основаніи свойствъ тѣлъ, наиблаготвѣйшія условія производства; необходимо показать способы для изслѣдованія сырыхъ матеріаловъ и получаемыхъ производеній: это даетъ возможность судить о достоинствѣ, а слѣдовательно и о цѣнѣ тѣхъ и другихъ; наконецъ (говорить г. Ходневъ) изученіе технической химіи должно дать фабриканту возможность судить о выгодахъ и невыгодахъ дѣла со стороны химической, вести производство сознательно, а не по слѣпой привычкѣ, сокращая его или даже замѣняя старыи способъ лучшимъ».

Съ справедливостью этихъ мнѣній автора нельзя не согласиться, и всякій курсъ технической химіи имѣетъ одну и ту же цѣль. Въ какой степени достигается она, это опредѣляется, съ одной стороны, объемомъ книги, съ другой, умѣньемъ автора выбирать существенное, его критической способностью и проч.

Приватный г. Ходневымъ размѣръ книги очень-невеликъ, какъ это видно и по числу страницъ; слѣдственно, нельзя ожидать въ немъ развитія частностей, которыя такъ важны въ производствахъ. Къ этому нужно еще прибавить, что объемъ химіи въ книгѣ г. Ходнева жмутъ предварительными свѣдѣніями физическими, помѣщенными въ началѣ (стр. 8—88); конечно здѣсь помѣщено только самое необходимое.

Въ самой «Химіи» мы встрѣтили только ту особенность, что соли металловъ расположены по кислотнымъ группамъ, которыя и рассматриваются въ концѣ статьи о металахъ; такой порядокъ гораздо-лучше обыкновеннаго, потому-что при немъ легче замѣтить общій характеръ

солей углекислыхъ, еѣрвокислыхъ и проч.; авторъ и самъ предносы-
ляетъ описанію каждой группы ея характеристику. Нельзя не пожалѣть
только, что авторъ не слѣдовалъ подобному порядку и во всей книгѣ;
примѣромъ въ этомъ могъ бы служить ему Реньйо, который, какъ из-
вѣстно, въ краткомъ курсѣ своемъ разсматриваетъ сначала металло-
иды отдѣльно, а потомъ соединенія ихъ; при этомъ становятся очевид-
ными нѣкоторыя аналогіи, которыя иначе остаются незамѣтными. Г.
Ходневъ удержалъ весьма-старое дѣленіе металлоидовъ на органогены,
нарогены, галогены и гялогены — дѣленіе, которое всѣми оставлено,
Напрасно также авторъ не распространилъ общихъ замѣчаній о соляхъ:
о соляхъ можно бы довольно-много сказать общаго и интереснаго не-
только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніяхъ, какъ,
напримѣръ, отношеніе солей на водѣ, между собою, къ кислотамъ и
солямъ. Г. Ходневъ сказалъ только о составѣ солей, въ концѣ статьи
о металлоидахъ, что, по нашему мнѣнію, не совершенно на мѣстѣ.

По отношенію къ техникѣ, программа вообще выполнена авторомъ.
На испытаніе матеріаловъ онъ обращаетъ вниманіе вездѣ, гдѣ это ну-
жно, и, не затрудняя читателя исчисленіемъ всѣхъ извѣстныхъ спосо-
бовъ, описываетъ наиболѣе-удобные. Вообще мы полагаемъ, что чита-
тель, желающій познакомиться съ технической химіей, конечно, если
обратитъ вниманіе на то, что говоритъ авторъ въ предисловіи и не
станетъ требовать больше обѣщаннаго, останется доволенъ книгою г.
Ходнева. Онъ найдетъ въ ней также нѣсколько отдѣльныхъ статей о
нѣкоторыхъ производствахъ, въ которыхъ химическія свойства играютъ
важную роль, напримѣръ: о сплавахъ, золоченіи и серебреніи, гальвано-
пластикѣ, свѣтописи, приготовленіи стеклянныхъ и глиняныхъ издѣлій,
нѣкоторыхъ красокъ и проч. Но здѣсь, конечно, авторъ еще кратче,
чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о собственно-такъ-называемыхъ
химическихъ производствахъ, какъ, напримѣръ, о приготовленіи кислотъ,
щелочей и проч.

Въ прибавленіи авторъ помѣстилъ нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя
во время печатанія книги; здѣсь сказано и нѣсколько словъ объ аллю-
миніи. Читатели, вѣроятно, желали бы большаго; мы, съ своей сто-
роны, не думаемъ, чтобъ были причины не вѣрить г. Девилю, который
занимается приготовленіемъ алюминія въ заводскомъ размѣрѣ. Еще
позволимъ себѣ сказать, что авторъ напрасно не познакомилъ читате-
лей съ приборомъ Мора...

Эти замѣчанія, впрочемъ, не уменьшаютъ достоинства книги. Мы
могли бы то же указать двѣ-три неточности, и намъ остается только
желать скораго появленія второй части книги г. Ходнева — «Органи-
ческой Химіи».

**Нѣкоторыя Замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ
иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ ги-**

белы наполеоновскихъ полчищъ въ 1812 году. И. П. Липранди. С. Петербургъ 1855. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 216 стр.

Значеніе этихъ «Замѣчаній» опредѣляется исторіею ихъ происхожденія, которую, поэтому, мы и расскажем, хотя сокращенно, но придерживаясь по-возможности выраженій почтеннаго автора.

Сочиненіе Михайловскаго—Данилевскаго объ «отечественной войнѣ», полнѣе всѣхъ ему предшествовавшихъ, включаетъ въ себя нѣкоторыя подробности, обогащено бѣльшимъ числомъ картъ и плановъ, написано увлекательнымъ слогомъ, слѣдовательно (говорить И. П. Липранди), должно почитаться за авторитетъ и имѣть первенство между всѣми другими сочиненіями объ этой войнѣ. Но потомство наше не получить изъ этой книги яснаго и опредѣлительнаго понятія о силѣ своего отечества и о доблестяхъ своихъ предковъ въ той исполненной борьбѣ, когда материкъ запада Европы, при столкновеніи съ могуществомъ нашего отечества разрушился, подобно кораблю, ударившемуся во время бури о гранитную скалу. Въ этой книгѣ встрѣчаются выраженія, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, могутъ дать будущимъ ученымъ обильный источникъ къ заключеніямъ, что отечество наше въ 1812 году находилось на краю гибели, угрожало *покореніемъ, падало и сокрушалось подъ ударами врага*, армию заботились только *спасать отъ истребленія*, и что, наконецъ, спасенію своему Россія обязана одному только *морозу въ союзѣ съ голодомъ*. А между-тѣмъ Михайловскій—Данилевскій, послѣ втораго изданія своего «Описанія Отечественной Войны 1812 года», самъ замѣтилъ, что третье изданіе этого сочиненія будетъ требовать многихъ исправленій и, въ-особенности *согласованія разныхъ мѣстъ*. Часто, рассуждая съ И. П. Липранди о необходимости этого исправленія, военный историкъ наш просилъ его *сдѣлать переборку* знаменитаго «Описанія» именно такъ, какъ сдѣлано было съ нѣкоторыми учебниками и вспомогательными книгами въ издававшемся тогда журналѣ «Маякъ» (конца 1840 и начала 1841 годовъ). И. П. Липранди согласился сдѣлать замѣчанія свои со всею строгостью критики, до самыхъ мелочей — чего въ-особенности желалъ самъ авторъ — ограничивъ, впрочемъ, свое изслѣдованіе въ-отношеніи военныхъ дѣйствій только дѣйствіями 6-го корпуса, въ которомъ онъ, въ 1812 году, исправлялъ должность оберквартирмейстера. Три тетради замѣчаній на первые два тома «Описанія» были доставлены Михайловскому—Данилевскому; авторъ «Замѣчаній», оставившій на-время, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, дальнѣйшую работу, приступилъ уже снова къ своему труду, когда смерть внезапно похитила Михайловскаго—Данилевскаго, и полнѣйшее русское сочиненіе объ отечественной войнѣ осталось въ прежнемъ своемъ видѣ, неисправленнымъ (см. страницы 2—5).

«То, что было уже сдѣлано мною (заключаетъ И. П. Липранди), осталось у меня. Нѣкоторые изъ товарищей моихъ, той эпохи, и другіе, знавшіе эти замѣчанія, давно желали видѣть ихъ въ печати; но въ томъ видѣ, какъ они были приготовлены для покойнаго автора, они не могли появиться въ свѣтъ. Я долженъ былъ смягчить многое, отбросить сужденія и ограничиваться преимущественно сводомъ иноземныхъ писателей, говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Служебныя занятія, досихъ—поръ не позволяли мнѣ привести трудъ мой къ окончанію. Въ настоящее время я (говоритъ авторъ «Замѣчаній»), ограничиваюсь тремя предметами, которые, по желанію самого автора («Описанія Отеч. Войны»), были составлены отдѣльно: I) *не голодъ и не морозъ были причиною гибели Наполеоновыхъ полчищъ*; II) *Русскіе или Французы зажгли Москву?* и III) замѣчаніе на нѣкоторыя выраженія, несоотвѣтствующія предназначенію и достоинству книги» (стр. 5).

Рѣшая вопросы о средствахъ продовольствія наполеоновой арміи въ Россіи, о вліяніи морозовъ на ея разстройство и объ истинномъ виновникѣ московскаго пожара, И. П. Липранди начинаетъ свои изслѣдованія сличеніемъ тѣхъ мѣстъ «Описанія Отечественной Войны», въ которыхъ говорится объ этихъ вопросахъ, и, раскрывая неопредѣлительность, сбивчивость и рѣзкія противорѣчія въ показаніяхъ Михайловскаго—Данилевскаго, обращается къ другимъ отечественнымъ и иностраннымъ источникамъ. На основаніи этихъ многочисленныхъ источниковъ авторъ «Замѣчаній» приводитъ въ извѣстность данныя, необходимыя для рѣшенія избранныхъ имъ вопросовъ. Такимъ—образомъ онъ опредѣляетъ, какіе именно запасы продовольствія нашелъ Наполеонъ въ Москвѣ и на различныхъ пунктахъ его возвратнаго пути, и какъ именно измѣнялась погода въ 1812 году со 2-го октября до того времени, когда Наполеонъ вышелъ изъ предѣловъ Россіи. Въ результатѣ этого изслѣдованія оказывается, что въ отечественную войну непріятель терпѣлъ *дѣйствительный голодъ* на пути къ Москвѣ, въ Москвѣ способы его продовольствія *улучшились*, а при отступленіи они были *обезпечены*; что первые морозы застали Наполеона у Дорогобужа, продолжались десять дней (изъ которыхъ, впрочемъ, только 3—5 дней стояли морозы значительные—8°, 12°, 18°); потомъ, въ—теченіе 15 сутокъ была *оттепель*, и *крѣпкая зима* преслѣдовала враговъ нашихъ уже отъ Молодечни и Сморгонь впродолженіе девяти дней. Итакъ, ни голодъ, ни холодъ не могли истребить четырехсоттысячной арміи Наполеона. Истребилъ ее, по мнѣнію И. П. Липранди и по свидѣтельству многихъ иностранныхъ писателей, недостатокъ дисциплины, недостатокъ организаціи и единства въ управленіи, *деморализація*, зародившаяся въ ней еще до вступленія въ предѣлы нашего отечества, развившаяся въ московскомъ грабежѣ и доведенная до послѣдней степени мужественнымъ сопротивленіемъ русскихъ.

Изслѣдованіе объ истинномъ виновникѣ московскаго пожара составляетъ
Т. СIII. — Огд. IV.

краснорѣчивѣйшую, исполненную критическаго остроумія, часть разсма-
триваемаго нами сочиненія. Выписываемъ ей заключеніе:

«Изъ внимательнаго соображенія всего того, что было по этому пред-
мету печатано, писано и говорено въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ, и
что мы (говоритъ авторъ), современники и участники въ тогдашнихъ со-
бытіяхъ, сами видѣли своими глазами и слышали своими ушами—очевид-
но и неоспоримо, что *Раstopчинъ* имѣлъ намѣреніе, въ случаѣ неудачи
отстоять *Москву* отъ непріятеля, сжечь ее и сдѣлать гробомъ для вра-
говъ; что, для привиденія этого въ исполненіе систематическимъ образомъ,
ему нужно было знать объ оставленіи *Москвы* за два дня впередъ; что
для сего приготовлены были въ разныхъ мѣстахъ необходимыя снаряды,
но что, будучи предупрежденъ о рѣшеніи оставить *Москву* лишь за нѣ-
сколько часовъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ,
которыми, съ помощію принятыхъ имъ мѣръ къ подготовленію черни,
посредствомъ *разбитія бочекъ съ виномъ*, своевременнаго исполненія
сдѣланнаго имъ приказанія слѣдственному приставу, которое дало первый
сигналъ къ поджогамъ; точнаго, усерднаго и самоотверженіемъ выполненна-
го порученія оставленными въ городѣ полицейскими служителями и дру-
гими избранными для сего лицами и, наконецъ, съ помощію патриотическаго
самоотверженія нѣкоторыхъ жителей, *Раstopчинъ*, содѣйствуемый
и распоряженіемъ *Кутузова*, приказавшаго жечь амуницію и снаряды,
увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ безсмертное предначертаніе, и пожаромъ
первопрестольной Русской столицы озарилъ въ будущемъ избавленіе
Россіи и конецъ величію *Наполеона*» (стр. 191).

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего сочиненія Н. П. Липранди указы-
ваетъ на тѣ мѣста «Описанія Отечественной Войны», въ которыхъ, по
его мнѣнію, «допускаются слова и выраженія невѣрныя, преувеличенныя
«или натянутыя, выходящія изъ размѣровъ безпристрастнаго историче-
скаго повѣствованія» (стр. 196). Такъ онъ указываетъ на презритель-
ныя эпитеты политики и дѣйствій Наполеона, его маршаловъ и войска
(личина, кичливые помыслы, смѣшныя угрозы, наглость Наполео-
на, клеветы, наперсники его, его толпы, злодѣи, изверги,
осатанѣлые, отвѣленные грабители и т. п.); на рѣзкія противорѣчія
(наприм. «черепокъ чиненаго ядра ранилъ князя Багратіона въ
правую ногу» и «князь Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу») и
на ошибки въ родѣ того, что «ночь освѣтила новые пожары» и т. д.

Вообще «Нѣкоторыя Замѣчанія» — книга очень-интересная и полез-
ная даже какъ строгая рецензія сочиненія, пользующагося извѣстнымъ
авторитетомъ; но еще больше пользы и удовольствія ожидаемъ мы отъ
общаемаго авторомъ второй части «Замѣчаній», въ которой предста-
вится «разборъ изложенія (въ «Описаніи Отечественной Войны») соб-
ственно военныхъ дѣйствій и общее заключеніе съ историческимъ обо-
зрѣніемъ» (стр. 6).

**Россійскіе Законы о торговль и промышленности. Руко-
водство для торгующихъ сословій. Составлено Александромъ Леон-**

гардонъ. 1855. Въ тип. К. Шульца въ Берлинъ. Въ 8-ю д. л. IV и 230 стр.

Въ этой книжкѣ заключается только *первый отдѣлъ* «Руководства». Содержаніе ея составляютъ извлеченныя изъ «Свода Законовъ» и XVI-ти «Продолженій» его постановленія о правахъ торговли различныхъ сословій, російскихъ подданныхъ и иностранцовъ, а въ «Приложеніи» сокращенно изложены: Уставъ о векселяхъ, Уставъ о торговой несостоятельности и о судопроизводствѣ въ дѣлахъ торговыхъ. Судить о системѣ изложенія и о практическомъ достоинствѣ этого сборника трудно по одной его части; поэтому, ожидая окончанія труда г. Леонгарда, ограничимся теперь указаніемъ на весьма-важное внѣшнее достоинство «Руководства» — на тщательность его изданія.

Крымская экспедиція. Разсказъ очевидца. Брошюра, пишываемая принцу Наполеону. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1855. Въ 12-ю д. л. 71 стр.

Размѣнъ плѣнныхъ на Кавказѣ (.). Современная русская быль. Москва. Въ типографіи М. И. Смирковой. 1855. Въ 12-ю д. л. 31 стр.

Это разсказъ объ извѣстномъ изъ газетъ размѣнѣ семействъ князя Чавчавадзе и Орбеліани, бывшихъ въ плѣну у Шамиля, приправленный всякими грамматическими ошибками и изданный, вѣроятно, *не ради корысти*.

Собраніе новѣйшихъ военныхъ и другихъ пѣсенъ. Москва. Въ типографіи. В. Готье. 1855. Въ 16-ю д. л. 128 стр.

Между этими *новѣйшими* русскими пѣснями вы встрѣтите и «Среди долины ровныя», соч. Мерзлякова, и «Не одна-то во полѣ дороженька» и т. п.

Ложь и Дѣйствительность Восточной Войны. Сочиненіе Виктора Жоли. Переводъ С. Р. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. А. Дмитриева. Въ 8-ю д. л. VI и 172 стр.

Викторъ Жоли, редакторъ бельгійскаго журнала «Санчо», одинъ изъ остроумнѣйшихъ европейскихъ публицистовъ, съ самаго начала нынѣшней войны съ жаромъ доказывалъ лживость началъ, выставленныхъ Англійей и Франціей для объясненія восточнаго вопроса. Онъ говорилъ, что истинная причина кровавой распри заключается не въ ничемъ честолюбіи Россіи, а въ меркантильныхъ расчетахъ Джона Буля и въ династическихъ интересахъ Луи Наполеона. Первый ола-

сается за непрочность своихъ владѣній въ Остидіи, для втораго война «необходимое средство всякаго деспота, который опасается про-
«бужденія подавленнаго общественнаго мнѣнія». Рѣзкія, прекрасно-на-
писанныя газетныя статьи Виктора Жоли, собранныя въ одну книгу,
имѣли большой успѣхъ на Западѣ. Русскій переводчикъ, предлагая те-
перь первую часть этого сборника, оканчивающуюся событіями первыхъ
дней 1855 года, обѣщаетъ вслѣдъ за нею представить и вторую часть.
Вотъ образчикъ перевода:

«Англіи нужно идти *постоянно впередъ*, не останавливаясь, чтобъ на-
ходить новыхъ *потребителей* для ея произведешій. Остановившись, она
неизбѣжно падеть, по причинѣ огромнаго количества своихъ голодныхъ
пролетаріевъ; по причинѣ долга, одни проценты котораго достигаютъ до
800,000,000 франк.; по причинѣ своего духовенства, поглощающаго 237
милліоновъ франк., посреди народонаселенія, обремененнаго трудомъ и
голодомъ, и по причинѣ этой несчастной Ирландіи, которая имѣетъ право
потребовать отъ нея отчета за три вѣка притѣсненій, какихъ не видано у
христіанскихъ народовъ. При этихъ условіяхъ своей политики, постоянно
принужденной искать новой пищи для дѣятельности своихъ работяжковъ,
Англія боится допустить Россію, — которая показала уже своя знамена
въ Хивѣ, Гератѣ и Бухарѣ, — приблизиться къ Индіи, гдѣ сердце Англіи
обнажено и гдѣ одна побѣда подняла бы народонаселеніе отъ Гималаевъ
до Индійскаго океана и отъ Бенгальскаго залива до Оманскаго; это опа-
шеніе заставило Англію въ 1840 г. отодвинуть свою западную границу
до Кабула, гдѣ ее ожидало столько несчастій. Афганістанская война за-
писана кровавыми буквами въ лѣтописяхъ англійской Индіи, и религіоз-
ный фанатизмъ туземнаго населенія, на который лондонскіе купцы смо-
тять съ такимъ прискорбіемъ, показалъ, что когда нибудь Россія мо-
жетъ освободить Индію отъ англійскаго ига, употребивъ для этой цѣли
триста тысячъ Туркестанскихъ, Хивинскихъ и Бухарскихъ ратниковъ.
Это пораженіе, въ которомъ Англія потеряла двадцать тысячъ человекъ,
предводимыхъ храбрымъ Борсомъ, свѣжо еще въ ея памяти, это пора-
женіе, въ которомъ Англія видѣла руку Россіи, заставило англійскую
политику возмутить противъ нея Европу» (стр. 32).

О примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному искусству.
*Сочиненіе П-ца. Сокращенный переводъ съ нѣмецкаго, князя С.
П. Голицына. Карlsruэ. 1855. Въ придворной типографіи В.
Гаспера. Въ 16-ю д. л. стр. VII и 194.*

Изъ знаменитаго въ стратегическомъ отношеніи сочиненія г-на П-ца
русскій переводчикъ исключилъ взгляды, касающіеся взаимныхъ отноше-
ній германскихъ державъ. Новизна предмета, оригинальность и ясность
взгляда автора, правильность и тщательность перевода, составляющія
существенныя достоинства этой книги, получаютъ новое право на все-
общее вниманіе еще потому, что переводчикъ, князь С. П. Голицынъ,
назначаетъ выручку отъ продажи своего труда (по 1 руб. сер.) «въ

пользу храбрыхъ нашихъ воиновъ, раненыхъ при молодецкомъ отстаиваніи Севастополя».

Правила физическаго воспитанія дѣтей отъ рожденія ихъ до вступленія въ возрастъ возмужалости. Составилъ изъ лучшихъ источниковъ докторъ Ф. А. Гюнтеръ. Переводъ съ нѣмецкаго четвертаго изданія, исправленнаго и умноженнаго. Изданіе А. Форбрихера. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1855. Въ 12-ю д. 164 стр..

Организмъ дитяти отъ рожденія до вступленія въ возрастъ возмужалости, то-есть въ теченіе шестнадцати лѣтъ, подвергается великимъ и важнымъ измѣненіямъ. Весь этотъ шестнадцатилѣтній періодъ можетъ раздѣляться на три степени: первая — отъ рожденія до выхода молочныхъ зубовъ (первые 9 или двѣнадцать мѣсяцевъ); вторая — отъ выхода первыхъ зубовъ до выпаденія ихъ (до 6 или 7 лѣтъ); третья — отъ выхода вторыхъ зубовъ до вступленія въ возмужалый возрастъ. Такъ-какъ причины дѣтскихъ болѣзней заключаются въ измѣненіяхъ развивающагося организма, то способы физическаго воспитанія, укрѣпляющіе здоровье, должны быть излагаемы по вышеозначеннымъ степенямъ. Г. Гюнтеръ въ каждой изъ нихъ разсматриваетъ попеченіе о кожѣ, сонѣ и бѣдніи, одежду, пищу, игры, обращеніе съ дѣтьми и пр. Разсмотрѣніе это отличается ясностью, разсудительностью и гуманностью.

Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ, издалъ Петръ Безсоновъ. (Выпускъ второй). Москва. Въ университетской типографіи. 1855. Въ малую 4-ю д. л. XII стр. Предувѣдомленія, 148 стр. текста, 46 стр. «Словуказателя къ пѣснямъ».

Изслѣдованіе новоболгарскаго языка важно для русской исторіи вообще и въ-особенности для русскаго языковѣдѣнія: это прямой потокъ древне-болгарскаго, или, что то же, церковно-славянскаго языка, который имѣлъ такое глубокое вліяніе не только на всю древнѣйшую нашу письменность, но даже и на разговорную нашу рѣчь. Онъ представляетъ предѣлъ, до котораго могла дойти древняя рѣчь путемъ тысячелѣтняго развитія, и въ самомъ искаженіи даетъ средство къ разъясненію многихъ вопросовъ языка древняго.

А между-тѣмъ, до-сихъ-поръ изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій область языка новоболгарскаго наименѣе изслѣдована. Поэтому всякій трудъ, открывающій намъ что-нибудь новое въ древностяхъ или языкѣ болгаръ, заслуживаетъ признательнаго вниманія.

Г. Безсоновъ весьма добросовѣстно воспользовался матеріалами, оказавшимися у него подъ-рукою. Это были сборники болгарскихъ пѣ-

сенъ и пословицъ : Н. Д. Катранова, А. Ф. Вельтманъ и Ю. И. Вевелина, этого горячаго любителя науки (хотя и непринадлежавшаго къ ученому цеху), который имѣлъ такое живительное вліаніе на возрожденіе новоболгарской литературы. Кромѣ этихъ рукописныхъ сборниковъ, г. Безсоновъ перепечаталъ болгарскія пѣсни : изъ собраній В. Стефановича, П. Богоева, изъ «Москвитянина» (1845 г. № 12) и изъ «Украинскаго Вѣстника» за 1853.

Пѣсни южныхъ славянъ раздѣляетъ г. Безсоновъ на молодецкія (*юначке*—отъ слова *юнакъ*—молодецъ) и женскія. «Тамъ (говоритъ онъ въ своемъ Предувѣдомленіи) на первомъ виду дѣла мужчины, дѣла юнака, молодца, богатыря, бунтура; дѣйствуетъ ли женщина, то съ тѣмъ же свойствомъ юначества; здѣсь, напротивъ, выступаетъ тотъ міръ, міръ болѣе внутренній, семейный и бытовой, въ которомъ женщина если не впереди, то равноправна съ мужчиной». Первые соотвѣтствуютъ греческому эпосу, вторыя — *лирикѣ*.

Въ предлагаемомъ выпускѣ издается этотъ послѣдній отдѣлъ, въ которомъ гораздо-болѣе разнообразія, нежели въ пѣсняхъ молодецкихъ, ибѣющихъ у всѣхъ народовъ много общаго и даже одинокаго, если не въ дѣйствующихъ лицахъ и событіяхъ, то по-крайней-мѣрѣ въ способѣ воззрѣнія и выраженія.

Считаемъ обязанностью сообщить читателямъ оригинальную мысль, и притомъ не безосновательную, г. Безсонова о возможности народной славянской драмы, мысль, высказанную имъ въ Предувѣдомленіи (стр. VII—VIII):

«Мы крѣпко держимся того убѣжденія, что главнѣйшія обрядныя пѣсни у Славянъ древнѣе по своему происхожденію не только большей частью женскихъ, но даже молодецкихъ, былины. Подобно пѣсноубнѣннѣмъ ведическимъ и священожертвенной лирѣ у древнихъ Индійцевъ и Грековъ, онѣ составляютъ, по нашему убѣжденію, начало пѣснотворчества славянскаго. Въ нихъ же готовился и заключительный исходъ его: именно, *такъ какъ непремьное условіе ихъ есть дѣйствіе и представленіе, то въ нихъ зачинался тотъ самостоятельный рядъ твореній, который долженъ бы отвѣтить греческой драмѣ*. Разумѣется, для этого должно было развиться шире и полнѣе содержаніе: широта же и полнота содержанія должна бы заимствоваться изъ прожитой дѣйствительности, изъ былины, ее хранившей и воспоминавшей; а основа обрядной пѣсни сообщила бы способъ представленія и хоръ.»

Это мнѣніе въ-особенности заслуживаетъ вниманіе потому, что исторія литературы представляетъ уже подобный фактъ: именно такъ образовалась драма греческая.

Этотъ выпускъ взятъ изъ 22-й книги «Временника Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1855 й годъ.

Первый отдѣлъ, содержащій въ себѣ *пѣсни юнацкія*, напечатанъ въ 21-й книгѣ «Временника».

Руководство Статистики Россіи. Составлено А. Соколовскимъ. С. Петербургъ. 1855. Въ тип. Главнаго Штаба Е. И. В. по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ. Въ 8-ю д. л. 259 стр. и II.

Это одно изъ образцовыхъ «Руководствъ», которыя по различнымъ наукамъ составляются на основаніи извѣстнаго въ педагогическомъ мѣрѣ *Наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній*. Г. А. Соколовскій умеръ, не успѣвъ напечатать свое сочиненіе, и «Руководство Статистики Россіи» издано уже профессоромъ Н. О. Ивановскимъ, который (какъ говоритъ онъ самъ), получивъ рукопись вполнѣ-оконченную, сдѣлалъ въ ней только «нѣкоторыя дополненія и поправки». Книга эта предназначается собственно для втораго курса специальныхъ классовъ Военно-Учебныхъ Заведеній: поэтому теоретическія начала статистики, преподаваемыя въ первомъ курсѣ этихъ классовъ, не вошли въ нее, и въ ней разсматриваются только территория Россіи, ея народонаселеніе, промышленность, народное образованіе, военныя силы и финансы. (Статья о военныхъ силахъ написана А. П. Карцовымъ). Въ методѣ изложенія авторъ слѣдовалъ указаніямъ названнаго нами *Наставленія*. На основаніи его, изъ безчисленнаго множества цифровыхъ данныхъ, наполнившихъ — безъ всякой пользы для умственного развитія учениковъ — прежніе статистическіе учебники, г. Соколовскій удержалъ въ своемъ курсѣ только то, что наименѣе подвержено измѣненію и наиболѣе уясняетъ основныя положенія науки, которая въ преподаваніи молодымъ слушателямъ кадетскихъ корпусовъ должна состоять, по прекрасному опредѣленію *Наставленія*, изъ «ряда немногихъ, неколебимыхъ истинъ, на которыхъ зиждется благо-«состояніе общественное и частное, изложенныхъ въ логической связи и «последовательности, и необходимыхъ каждому образованному русскому, «для разумнаго постиженія своего въ своемъ отечествѣ и для честнаго «содѣйствія правительству, своими частными усиліями, къ умноженію «общихъ силъ государственныхъ» (стр. 129). Руководствуясь тѣмъ же авторитетомъ, авторъ внесъ въ свое сочиненіе важнѣйшіе историческіе факты относительно постепеннаго увеличенія территории и народонаселенія Россіи, развитія различныхъ отраслей промышленности и успѣховъ умственнаго образованія, обращая при этомъ особенное вниманіе на тѣ дѣлы правительства, которыми оно, преимущественно со временъ Петра Великаго, содѣйствовало матеріальному благосостоянію и нравственному усовершенствованію народа.

Точку зрѣнія г. Соколовскаго можно опредѣлить по слѣдующимъ двумъ отрывкамъ, относящимся къ изложенію современнаго состоянія у насъ сельско-хозяйственной промышленности, и избраннымъ нами потому именно, что въ нихъ опровергаются мнѣнія, для устраненія которыхъ высказано де-суть-порѣ еще очень-мало возраженій.

«Въ новѣйшее время (говоритъ авторъ «Руководства Статистики») часто стали появляться жалобы, не только въ частныхъ сочиненіяхъ, но отчасти и въ официальныхъ, на естественныя препятствія земледѣлю въ Россіи. Жалобы эти не безъ основаній, но основанія ихъ частны и временны, а не всеобщы и постоянны. Это требуетъ поясненія.

«Въ Россіи (продолжаетъ г. Соколовскій) еще нѣтъ всеобщей, точной, полной и систематической Статистики, и при вышнемъ состояніи статистическихъ свѣдѣній, ее еще и быть не можетъ. До сихъ поръ собираются только матеріалы. Они заключаются большею частію въ спеціальныхъ, мѣстныхъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ. По такимъ свѣдѣніямъ, весьма неполнымъ, нельзя сдѣлать общаго вѣрнаго заключенія, не подвергнувъ ихъ предварительному анализу, критикѣ, и не сличивъ ихъ между собою. Очень естественно, напр., что земледѣльцы Вологодской и Архангельской губерній будутъ жаловаться, и справедливо, что пшеница у нихъ расти не можетъ, а жители Екатеринбургской губерній, что у нихъ нѣтъ лѣса; но эти недостатки въ частности могутъ превратиться въ выгоды, въ хозяйствѣ Россіи вообще; именно, когда каждая мѣстность займется усовершенствованіемъ того, что ей свойственно, и когда устроятся хорошіе пути для разнѣна взаимныхъ излишковъ произведеній. Въ этомъ и состоитъ одно изъ преимуществъ обширныхъ державъ, что жители ихъ, кромѣ связи политической, могутъ соединиться еще узами хозяйства. Подобнымъ образомъ жалуются на недостатокъ орошенія и естественныхъ водяныхъ путей. Но и эти неудобства встрѣчаются только мѣстами и преимущественно на югѣ; прочія же части орошены достаточно, а на сѣверо-западѣ даже съ излишкомъ. Притомъ, гдѣ есть обширная страна, которая соединяла бы въ себѣ всѣ удобства?» (стр. 113).

Далѣе, объясняя, что внутреннія хозяйственныя силы Россіи стали развиваться только въ новѣйшее время, и что только будущія времена могутъ увидѣть совершенный возрастъ нашего юноши-исполниа, г. Соколовскій дѣлаетъ слѣдующее *примѣчаніе*:

«Нѣкоторые писатели въ своихъ статистическихъ изображеніяхъ сравниваютъ (говоритъ онъ) Россію съ западными государствами Европы. Такое сравненіе въ наукѣ не бесполезно; оно не только облегчаетъ изученіе предмета, но иногда наводитъ на новыя мысли, открываетъ новыя взгляды, которые сами собою могли бы и не родиться. Но употреблять его надо осторожно, потому—что легко впасть въ заблужденіе. Въ положеніи Россіи и западныхъ государствъ есть большая разниа, потому и результатовъ одинаковыхъ ожидать нельзя. Изъ сравненія юноши со старикомъ конечно выйдетъ, что у послѣдняго болѣе опыта и зрѣлости, нежели у перваго; но за то въ немъ гораздо меньше жизни и надежды. Поэтому, сравнивая государства между собою, не надо судить по однимъ результатамъ; но необходимо тщательно изслѣдовать и причины, отъ которыхъ они произошли. Напримѣръ, чтобы Россія могла быть такъ населена, какъ собственная Англія, нужно было бы ей 2,220 мил. жителей, слѣдовательно слишкомъ вдвое болѣе, нежели ихъ есть на всея Земнои Шарѣ; чтобы однѣ европейскія владѣнія Россіи были такъ обработаны, какъ въ Англіи, нужно было бы въ 37 разъ употребить болѣ-

ше капиталовъ, чѣмъ ихъ употребила Англія ; чтобы образованіе въ существующемъ населеніи Россіи имѣло столько средствъ къ распространенію, какъ въ Англіи, нужно въ 5 разъ больше устроить первоначальныхъ учебныхъ заведеній, нежели ихъ есть въ Англіи и проч. Все это создается не вдругъ, а постепенно, вѣками. И ежели съ большими массами управляться гораздо труднѣе и плодовъ надо ожидать долѣе, то въ награду и результаты получаются несравненно большіе» (115 стр.).

Путешествіе Вокругъ Свѣта, издаваемое О. Студитскимъ. Сѣверная Америка. Санктпетербургъ. 1855. Въ тип. Якова Трея. Въ 8-ю д. л. стр. IV и 116 съ 2-мя картинками, гравированными на камень, 5-ю на дерево и 3-мя политипажками.

По обилію и разнообразію фактовъ «Путешествіе Вокругъ Свѣта» составляетъ одно изъ лучшихъ чтеній для дѣтей отъ 10-ти до 13-лѣтняго возраста. Нельзя не поблагодарить г-на Студитскаго за дешевизну изданія: книжка стодѣтъ 50 к.

Фабрикація стеариновыхъ, мургариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, салныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Мальпеера. Москва. Въ тип. Т. Т. Волкова и комп. 1855. Въ 12-ю д. л. 260 стр.

Авторъ изложилъ здѣсь практическое, на новѣйшихъ опытахъ основанное руководство приготовить свѣчи, сообщать имъ блѣзну и яркость свѣта посредствомъ вновь-изобрѣтенныхъ свѣтленъ, очищать сало до возможной степени чистоты и устроить свѣчные заводы по выгоднымъ планамъ. Въ концѣ сочиненія приложены объяснительныя рисунки и таблица для испытанія чистоты сала.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Еще слово о современной журнальной критикѣ. — Разказы г. А. Н. Т. изъ военнаго быта, и разказы, записанные со словъ очевидцевъ, гг. Таторскимъ и Кузнецовымъ и собранные г. Сокольскимъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о современной журнальной критикѣ, въ отвѣтъ на упреки, сдѣланные ей такъ смѣло и несовѣстнъ вѣрно. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили о недостаткахъ журнальной полемики, о томъ фальшивомъ положеніи, въ которое она поставлена, о ея темней сторонѣ вездѣ, гдѣ она касалась житейскихъ интересовъ. Мы говорили также о томъ, что критика нашихъ журналовъ чисто-литературная, то-есть такая, которая умѣла уклониться отъ характера нелитературно-полемическаго, повидямому безцвѣтная въ послѣднее время, продолжала

дѣлать свое дѣло усердно, и, принявъ начала критики исторической, во мѣру силъ выполняла свою обязанность и успѣла принести много пользы. Это одна ея добрая сторона.

Сверхъ-того, эта критика имѣетъ еще достоинства, о которыхъ мы общими словами сказали нѣсколько словъ, но не успѣли этого сдѣлать, увлекшись вопросами критики исторической.

Критика, при недобросовѣстности отношеній къ другимъ журналамъ, во многихъ случаяхъ умѣла сохранить строгую нравственность въ убѣжденіяхъ литературныхъ. Что находила десять лѣтъ назадъ хорошиимъ, того она не назвала дурнымъ потому только, что, вмѣсто пятого десятилѣтія, наступило шестое. Она во все это время осталась вѣрна сама себѣ и поощрала, во мѣру силъ и возможности, все доброе, все благородное. Не сказала она много—будьте довольны тѣмъ, что не сказала меньше. Критика, точно такъ же, какъ и тѣ немногіе литераторы, которые умѣли собою заинтересовать и заставить себя читать, принесла уже пользу тѣмъ, что не покидала строгихъ эстетическихъ требованій и не жертвовала ими въ пользу всякихъ побужденій, которыхъ такъ много у человѣка, живущаго въ обществѣ, а не въ пустынѣ. Она не покинула и своей тягостной обязанности находить добро тамъ, гдѣ его трудно было находить, гдѣ слѣдовало раскапывать цѣлыя груды песка, чтобъ найти крупинку золота. Однимъ словомъ, въ ней много отрицательныхъ достоинствъ, сверхъ положительныхъ. Она заставляла читать, когда ничего не хотѣли читать; она указывала на достоинства разныхъ произведеній, когда не хотѣли видѣть въ нихъ никакихъ достоинствъ; она учила снисходительности ко многимъ произведеніямъ, на которыя непризванные или неопытные судьи не хотѣли даже бросить благосклоннаго взгляда; она, позволяя себѣ часто увлекаться спорами ничтожными, старалась въ то же время поддержать любовь къ чтенію... Много мелкихъ, но тягостныхъ заботъ, неизвѣстныхъ публикѣ, лежало на критикѣ! Никто ихъ не знаетъ, потому-что онѣ не бросаются въ глаза. Кто испытывалъ трудъ сказать въ мѣру похвалу или не вѣдаться въ неумѣренное порицаніе за предполагаемую невыдержанность какого-нибудь произведенія, за неполноту выраженія (извѣстныя фразы, которыя у насъ въ такомъ ходу!), за неоконченность статей, причину которой такъ хорошо умѣетъ объяснять г. Григорьевъ (въ «Москвитиннѣ»), тотъ пойметъ и трудъ критиковъ и ихъ добрую заслугу литературѣ.

Зная всѣ эти достоинства критики, незамѣтная, можетъ-быть, для многихъ, и въ те же время видя, какъ журналы ожесточенно нападаютъ другъ на друга, забывая и достоинство и приличія, мы и рѣшились высказать горькую истину о нашей журнальной полемикѣ. Отъ этой истины мы и теперь не отказываемся; напротивъ, мы готовы опять повторить то же, лишь-только замѣтимъ уклоненіе на прежнюю дорогу, которое необходимо уничтожить и для достоинства литературы, и для достоинства журналовъ. Наша критика, точно такъ же, какъ и

наша литература, постоянно служить идеямъ добра и чести, и за это слѣдуетъ уважать ее, а не унижать въ общественномъ мнѣніи. Пора положить конецъ этимъ нелитературнымъ спорамъ, и мы будемъ очень рады, если нашъ голосъ найдетъ себѣ отголосокъ, если наше доброе желаніе не будетъ перетолковано вкривь. Пора согласиться, что одинъ журналъ не судья въ дѣлѣ другаго, потому что онъ нарушаетъ все правила не только правильного суда, но и возможности литературныхъ споровъ. Должно сознаться, что до-сихъ-норъ міръ не представлялъ ничего похожаго на подобныя судебныя учреждения. Судьею бываетъ только лицо постороннее, но никогда подсудимый, самъ замѣшанный въ дѣло. Подсудимые вездѣ устраняются отъ всякаго произнесенія приговора. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, принято во всѣхъ европейскихъ журналами, которые другъ о другѣ ничего не говорятъ, хотя и враждуютъ между собою, можетъ-быть, больше нашего. Между-тѣмъ у насъ журналъ обозрѣваетъ другой журналъ, а не критику обозрѣваетъ литературныя произведенія, напечатанныя въ журналахъ. Эта система обозрѣній, какъ доступная тысячѣ нелитературныхъ видовъ, будетъ покинута... непременно.

Очевидно, не все напечатанное въ журналѣ достойно того, чтобы о немъ говорить. Сколько балласта представляетъ каждая книжка журнала, балласта, необходимаго только для наполненія тридцати печатныхъ листовъ! Зачѣмъ прибавлять балластъ, печатая рецензіи на этотъ же самый балластъ? Не-уже-ли литературѣ могутъ быть полезны безцѣльныя разсужденія объ эфемерныхъ явленіяхъ, разсужденія безъ всякихъ выводовъ? Не-уже-ли кто-нибудь думаетъ, что каждое произведение вносить что-нибудь поучительное въ литературу? Все переводныя статьи, все компіляціи подвергаются неожиданному суду, Богъ знаетъ чѣмъ вызванному! О статьяхъ говорится потому только, что онѣ напечатаны, и немудрено послѣ этого, что повременамъ начинали уже *обозрѣвать* приютъ и бумагу... Поэтому, когда мы подведемъ итогъ подъ всеми рецензіями, подъ всеми критическими статьями, мы изумимся ихъ количеству. Выйдетъ, что у насъ критическихъ статей больше, нежели литературныхъ произведеній — небывалое явленіе въ европейской литературѣ. А между-тѣмъ объ этихъ критическихъ статьяхъ можно сказать то же, что было сказано о германскихъ философахъ. Если въ Германіи много философовъ и мало философіи, то у насъ много критиковъ и мало критики. Такія обозрѣнія всего напечатаннаго въ журналахъ никогда не могли бы и существовать, еслибъ они не питали и не поддерживали журнальныхъ видовъ, еслибъ они не вслѣдствіи изъ нихъ. Сколько случаевъ обойтись холодно съ авторомъ, съ которымъ нужно такъ обойтись! Сколько случаевъ бросить тѣмъ на другой журналъ! Мы могли бы привести примѣръ теперь же, изъ послѣдняго номера одного журнала, примѣръ такихъ набѣговъ нашей молодежи на чужіе журналы, богатые содержаніемъ и потому чрезвы-

чайно-соблазнительные для журнала бѣднаго содержаніемъ ; но мы этого не будемъ дѣлать , въ той увѣренности , что такимъ явленіямъ недолго уже бросать тѣнь на литературу. Если подобныя безцеремонныя поступки будутъ повторяться , то надѣемся , что публика съумѣетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Мы на нихъ только укажемъ.

Ред.

Современныя военныя событія сдѣлались въ нашей литературѣ источникомъ многихъ разсказовъ , чрезвычайно-живописныхъ ; они же были предлогомъ и къ установленію той новой манеры въ этихъ описаніяхъ , которую выработала наша литература въ послѣднее время. Каждое великое отечественное событіе всегда отзывалось въ нашей словесности и выражалось въ описаніи сраженій , походовъ , въ историческихкихъ запискахъ очевидцевъ. Слѣдовательно , нѣтъ ничего удивительнаго , что и нынѣшняя великая война привела литературу къ тѣмъ же результатамъ. Но въ манерѣ описанія , собственно въ литературномъ отношеніи , мы видимъ разницу между записками современниковъ другихъ войнъ и между нынѣшними писателями , видимъ другіе приемы , другую наблюдательность , другой языкъ , носящіе на себѣ рѣзкую печать нашей эпохи литературы. Вотъ на это-то мы и хотимъ обратить вниманіе.

Долгое время въ нашей литературѣ Марлинскій , а потомъ Лермонтовъ были образцами , которыми старались подражать всѣ , когда дѣло касалось изображенія личностей , взятыхъ изъ военного круга ; долгое время нѣкоторые писатели были образцомъ того , какъ должно вести разговоръ съ простымъ солдатомъ , какъ излагать его бесѣду , какъ выразить его чувства и мысли. Эти чувства , эти мысли одни и тѣ же , какъ у прежнихъ писателей , такъ и у новѣйшихъ : та же любовь къ родинѣ , та же вѣрность долгу , та же непоколебимая готовность на защиту всего роднаго ; словомъ , сущность , содержаніе тѣ же. И такъ-какъ эта сущность , это содержаніе всѣмъ и каждому извѣстны , то мы и считаемъ излишнимъ еще разъ повторять всѣмъ извѣстное. Мы будемъ говорить объ одной только литературной сторонѣ разсказовъ , въ которой замѣтимъ много новаго.

Чтобъ начать сначала , мы должны обратиться къ одному разсказу , напечатанному еще въ 1853 году. Авторъ этого разсказа , безспорно , одинъ изъ первыхъ талантовъ нашей современной литературы. Мы говоримъ о разсказѣ *Набѣгъ* , соч. г. А. Н. Т. Въ разсказѣ было такъ много новаго , и разсказъ былъ такъ простъ и естественъ , что на него даже мало обратили вниманія , какъ на вещь , которая не бросается въ глаза. Въ этомъ разсказѣ было высказано все , что впоследствии тѣмъ же самымъ авторомъ было подробнѣе развито въ другихъ превосходныхъ военныхъ картинахъ , каковы : «Севастополь въ декабрѣ 1854 года» и «Рубка лѣсу». Какъ все неподдѣльное съ теченіемъ времени приобрѣ-

таетъ только больше и больше удивленія , такъ и первый разсказъ г. Л. Н. Т. можетъ быть названъ родоначальникомъ тѣхъ прелестныхъ военныхъ эскизовъ , въ которыхъ простота , естественность , истина вступили въ полныя свои права и совершенно измѣнили прежнюю литературную манеру разсказовъ подобнаго рода. Въ этихъ разсказахъ мы замѣтили примѣненіе всѣхъ тѣхъ же началъ , которыя въ другихъ родахъ нашей литературы , въ новыхъ , напримѣръ , оказали уже столько благотворнаго вліянія. Но не будемъ торопиться дѣлать заключенія и прежде познакомимся съ фактами.

Когда былъ напечатанъ «Набѣгъ» , авторъ ея , г. Л. Н. Т. , сдѣлался уже извѣстенъ своимъ первымъ произведеніемъ : «Дѣтство» . Прошлаго года въ ноябрѣ «Отечественныя Записки» имѣли случай высказать свое мнѣніе объ этомъ удивительномъ произведеніи , и тогда еще замѣтили , что авторъ по преимуществу художникъ въ душѣ ; что онъ умѣетъ выставить лица въ томъ идеальномъ свѣтѣ , который не переходитъ въ утрировку ; что онъ умѣетъ спрятать свою мысль за цѣлый рядъ живыхъ лицъ , въ такой степени , что произведенія его кажутся написанными безъ всякой опредѣленной мысли ; что на его произведеніяхъ мы можемъ учиться великому искусству — той художественности , которая съ одной стороны прикасается міру идеальному , съ другой нечужда наблюдательности ; что въ его произведеніяхъ мы видимъ то прочное творчество , которое , взявъ лица изъ современнаго намъ общества , умѣетъ сдѣлать ихъ личностями общечеловѣческими ; что въ выведенныхъ имъ лицахъ вы можете изучать натуру человѣка вообще , подъ маскою страстей и желаній , принадлежащихъ нашему времени и обществу. Эти великія способности талантливой натуры , обнаруженныя авторомъ въ разсказахъ «Дѣтство» и «Отрочество» , могли бы , казалось , служить причиною болѣе-внимательнаго изслѣдованія разсказа «Набѣгъ» ; однакожъ , пока авторъ не развилъ тѣхъ же самыхъ положеній въ болѣе-полныхъ формахъ , сущность его военныхъ разсказовъ оставалась необъясненною. Оставивъ въ сторонѣ все , что можно было бы сказать по поводу «Дѣтства» и «Отрочества» , мы теперь припомнимъ только первый его разсказъ , «Набѣгъ» , бывший истиннымъ и счастливымъ нововведеніемъ въ описаніи военныхъ сценъ , о которыхъ мы нагѣрены говорить.

Въ этомъ разсказѣ обращаетъ на себя невольное вниманіе капитанъ Хлоповъ. На этомъ капитанѣ Хлоповѣ сосредоточена , повидимому , вся любовь автора ; онъ — герой разсказа , онъ же — и нововведеніе. Однако опредѣлить это лицо было крайне-трудно автору , потому-что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. «У него была одна изъ тѣхъ спокойныхъ русскихъ физиономій , которымъ пріятно и легко прямо смотрѣть въ глаза» . Вотъ все , что можно сказать о капитанѣ Хлоповѣ. Онъ не Максимъ Максимычъ Лермонтова , но нѣсколько съ-родни ему ; точно такъ же , какъ поручикъ Розенкранцъ не Печоринъ и не Мулла-

Нуръ, хотя съ виду и походилъ на Мулла-Нура. Капитанъ Хлоповъ не похожъ на капитана Мирובה въ «Капитанской Дочкѣ», но тоже съ-родни ему. Чтобъ лучше узнать капитана Хлопова, нужно прежде познакомиться съ поручикомъ Розенкранцомъ.

«На немъ (Розенкранцъ) былъ черный бешметъ съ галунами, такіа же поговицы, новыя, плотно обтягивающіе ногу чуйки съ чиразами, желтая черкеска и высокая, заломленная назадъ папаха. На груди и спинѣ его лежали серебряныя галуны, на которыхъ надѣты были патруска и пистолеть за поясомъ; другой пистолеть и кинжалъ, въ серебряной оправѣ, висѣли на поясъ. Сверхъ всего этого, была опоясана шашка въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ съ галунами, и надѣта черезъ плечо винтовка въ черномъ чехлѣ. По его одеждѣ, посадкѣ, манерѣ держаться и вообще по всемъ движеньямъ замѣтно было, что онъ старается быть похожимъ на татарина. Онъ даже говорилъ, что-то на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ татарамъ, которые вѣхали съ нимъ, но, по недоумѣвающимъ, насмѣшливымъ взглядамъ, которые бросали эти послѣдніе другъ на друга, мнѣ показалось, что они не понимаютъ его. Это былъ одинъ изъ удалцевъ-джигитовъ, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрятъ на Кавказъ не иначе, какъ сквозь призму героя нашего времени, Мулла-Нуровъ и т. п. и во всехъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не собственными наклонностями, а примѣромъ этихъ образцовъ.

«Поручикъ всегда ходилъ въ азіатскомъ платьѣ и оружіи, имѣлъ кувалковъ не только во всехъ мирныхъ аулахъ, но и въ горахъ; по самымъ опаснымъ мѣстамъ ѣзжалъ безъ оковъ, ходилъ съ мирными татарами по ночамъ засаживаться на дорогу, подкарауливать и убивать горцевъ, былъ влюбленъ въ татарку и писалъ свои записки. Фамилія его была Розенкранцъ.»

Не таковъ капитанъ Хлоповъ:

«(Въ походѣ) на немъ былъ старый истертый сюртукъ безъ эполетъ, лезгинскіе широкіе штаны, бѣлая папашка, съ опустившимся, пожелтѣвшимъ курпемъ (овчиной) и незавидная азіатская шашка черезъ плечо. Бѣленькій маштачекъ (маленькая лошадка), на которомъ онъ вѣхалъ, шелъ понуря голову, мелкой виходью, и безпрестанно взмахивалъ жиденькимъ хвостомъ. Несмотря на то, что въ фигурѣ добраго капитана было не только мало воинственнаго, но и красиваго, въ ней выражалось такъ много равнодушія ко всему окружающему, что она внушала невольное уваженіе.»

Посмотрите, какъ разсуждаетъ о храбрости добрый капитанъ Хлоповъ! Слушая его, вы подумаете, что поручикъ Розенкранцъ, который связалъ престарѣлаго татарина въ разоренномъ аулѣ, азартнѣйшій изъ рыцарей.

«Вотъ, въ тридцать-второмъ году (говоритъ капитанъ) былъ тоже неслужащій какой-то, изъ испанцевъ, кажется. Два похода съ нами ходилъ, въ сивемъ плащѣ въ какомъ-то, да наконецъ и сложилъ тутъ свою голову. Здѣсь, батюшка, никого не удивилъ.»

«— Что онъ храбрый былъ? спросилъ я его.

«— А Богъ его знаетъ: все, бывало, впереди ъздить; гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

«— Такъ, стало быть, храбрый, сказалъ я.

«— Нѣтъ, это не значить храбрый, что суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ...

«— Что же вы называете храбрымъ?

«— Храбрый, храбрый? повторишь капитанъ съ видомъ человѣка, которому въ первый разъ представляется подобный вопросъ: — *храбръ тотъ, который ведетъ себя какъ слѣдуетъ*, сказалъ онъ, подумавъ немного.»

Но оставимъ частности, въ которыхъ, между-тѣмъ, и выражается вся сила таланта г. Л. Н. Т., и постараемся яснѣе высказать мысль автора. Для этого мы должны привести одну сцену изъ разсказа, хотя и далеко-нелучшую въ художественномъ отношеніи, но несняющую основную мысль:

«Предсказаніе капитана вполне оправдалось: какъ только мы вступили въ узкій перелѣсокъ, про который онъ говорилъ, съ обѣихъ сторонъ стали безиреставно мелькать конные и пѣшіе горцы, и такъ близко, что я очень хорошо видѣлъ, какъ нѣкоторые, согнувшись, съ винтовкой въ рукахъ, перебѣгали отъ одного дерева къ другому.

«Капитанъ снялъ шапку и набожно перекрестился; нѣкоторые старые солдаты сдѣлали то же. Въ лѣсу послышалось гиканье, слова: «йай Гаурь! Урусъ йай!» Сухіе, короткіе винтовочные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ и пули визжали съ обѣихъ сторонъ. Наши молча отвѣчали бѣглымъ огнемъ; въ рядахъ ихъ только изрѣдка слышались замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «вонъ онъ откуда палитъ, ему хорошо изъ-за лѣса, орудію бы вужно...» и т. п.

«Орудія въѣзжали въ цѣпь, и, послѣ нѣсколькихъ залповъ картечью, непріятель, казалось, ослабѣвалъ, но черезъ минуту и съ каждымъ шагомъ, который дѣлали войска, снова усилялъ огонь, крики и гиканье.

«Едва мы отступили сажень на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра. Я видѣлъ, какъ ядромъ убило солдата... Но зачѣмъ разсказывать подробности этой страшной картины, когда я самъ дорого бы далъ, чтобы забыть ее.

«Поручикъ Розенкранцъ самъ стрѣлялъ изъ винтовки, не умолкая ни на минуту, хриплымъ голосомъ кричалъ на солдатъ и во весь духъ скакалъ съ одного конца цѣпи на другой. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, и это очень шло къ его воинственному лицу.

«Хорошенькій прапорщикъ (*) былъ въ восторгѣ: прекрасные черные глаза его блестяли отвагой, ротъ слегка улыбался; онъ безпрестанно подлѣзжалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься *на ура*.

«— Мы ихъ отобьемъ, убѣдительно говорилъ онъ: — право, отобьемъ.»

(*) Характеръ котораго съ необыкновеннымъ искусствомъ описанъ въ разсказѣ двумя-тремя словами.

«— Не нужно, кратко отвѣчалъ капитанъ : — надо отступать.

«Рота капитана занимала опушку лѣса и лежа отстрѣливалась отъ неприятеля. Капитанъ, въ своемъ изношенномъ сюртукѣ и взъерошенной шапочкѣ, опустивъ поводья бѣлому маштачку и подкорчивъ на короткихъ стременахъ ноги, молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. (Солдаты такъ хорошо знали и дѣлали свое дѣло, что нечего было приказывать имъ). Только изрѣдка онъ возвышалъ голосъ, прикрикивая на тѣхъ, которые подымали головы. Въ фигурѣ капитана было очень мало воинственнаго ; но за то въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. «Вотъ кто истинно храбръ» сказалось мнѣ невольно.

«Онъ былъ точно такимъ же, какимъ я всегда видалъ его (*): тѣ же спокойныя движенія, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитрости на его некрасивомъ, но простомъ лицѣ; только побольше чѣмъ обыкновенно свѣтлому взгляду можно было замѣтить въ немъ вниманіе человѣка, спокойно занятаго своимъ дѣломъ. Легко сказать : *такимъ же, какимъ и всегда*; но сколько различныхъ отгвѣковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что онъ и не понимаетъ, зачѣмъ казаться.

«Французъ, который при Ватерлоо сказалъ : «*la garde meurt, mais ne se rend pas*» и другіе, въ особенности французскіе герои, которые говорили достопамятныя изреченія, были храбры и дѣйствительно говорили достопамятныя изрѣченія; но между ихъ храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже шевелилось въ душѣ моего героя, я увѣренъ, онъ не сказалъ бы его: во первыхъ, потому, что, сказавъ великое слово, онъ боялся бы этимъ самымъ испортить великое дѣло, а во вторыхъ, потому, что когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ силы сдѣлать великое дѣло, какое бы то ни было слово ему не нужно. Это, по моему мнѣнію, особенная и высокая черта русской храбрости; и какъ же послѣ этого не болѣть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французскія пошлыя фразы, имѣющія претензію на подражаніе устарѣлому французскому рыцарству?...»

Повторяемъ: мы стараемся уяснить идею, и потому всѣ поэтическія частности, въ которыхъ выражена идея, по-неволѣ, чтобъ не быть многословными, опускаемъ.

Отъ этого перваго разказа г. Л. Н. Т. переходимъ къ другому, напечатанному два года спустя : *Рубка лѣсу*. И мѣсто дѣйствія и самое дѣйствіе обоехъ разказовъ одно и то же. Точно также отрядъ русскій отправился въ горы Кавказа, въ первомъ случаѣ для наказанія непокорныхъ горцевъ и разоренія ихъ аула; во второмъ, для рубки лѣса. Самое описаніе двухъ разказовъ одинаково; но лица другія, хотя опять выражаютъ совершенно одну и ту же мысль. Здѣсь главное, хотя и невидимо дѣйствующее лицо—русскій солдатъ, у котораго

(*) Курсивъ у автора.

довольно-мѣтко схвачено много характеристическихъ чертъ. Въ противоположность, съ простымъ русскимъ солдатомъ поставленъ нѣкто капитанъ Болховъ, какъ въ предъидущемъ разсказѣ разыгрывалъ ту же роль Розенкранцъ. Этотъ капитанъ Болховъ, Богъ-знаетъ по какимъ побужденіямъ, явился на Кавказъ; онъ совсѣмъ ужъ не Мулла-Нуръ съ виду, но въ душѣ у него очень-много печоринскаго, и поэтому онъ имѣетъ вліяніе на кружокъ. Непремѣнно должно предположить, что онъ великій губитель женскихъ сердецъ: онъ все, кажется, извѣдалъ, и потому считаетъ долгомъ вездѣ скучать. Точно такъ же, какъ въ «Набѣгѣ» разоблаченъ былъ Розенкранцъ и выставленъ на видъ капитанъ Хлоповъ, точно такъ вся ходульность и мишурность капитана Болхова была поражена подобной же сценой.

«Оставивъ солдатъ разсуждать о томъ, какъ татары ускакали, когда увидали гранату, и зачѣмъ они тутъ ѣздили, и много ли ихъ еще въ лѣсу есть, я отошелъ съ ротнымъ командиромъ за нѣсколько шаговъ и сѣлъ подъ деревомъ, ожидая разогрѣвавшихся битковъ, которые онъ предложилъ мнѣ. Ротный командиръ Болховъ имѣлъ состояніе и служилъ прежде въ гвардіи. Товарищи любили его: онъ былъ довольно уменъ и имѣлъ достаточно такту. Поговоривъ о погодѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, объ общихъ знакомыхъ офицерахъ, и убѣдившись по вопросамъ и отвѣтамъ, по взгляду на вещи, въ удовлетворительности понятій одинъ другаго, мы невольно перешли къ разговору болѣе короткому. При томъ же на Кавказѣ между встрѣчающимися одного круга людьми, хотя не высказанно, но весьма очевидно проявляется вопросъ: зачѣмъ вы здѣсь? и на этотъ-то мой молчаливый вопросъ, мнѣ казалось, собесѣдникъ мой хотѣлъ отвѣтить.

«— Когда этотъ отрядъ кончится? сказалъ онъ лѣнливо. — Скучно.

«— А мнѣ не скучно, сказалъ я: — вѣдь въ штабѣ еще скучнѣе.

«— О, въ штабѣ въ десять тысячъ разъ хуже, сказалъ онъ со злобью: — нѣтъ, когда все это совсѣмъ кончится?

«— Чтѣ же вы хотите, чтобъ кончилось? спросилъ я.

«— Все, совсѣмъ! Чтѣ же, готовы битки, Николаевъ? прибавилъ онъ.

«— Для чего же вы пошли служить на Кавказъ, сказалъ я: — коли Кавказъ вамъ не нравится?

«— Знаете для чего? отвѣчалъ онъ съ рѣшительной откровенностью: — по преданію. Въ Россіи вѣдь существуетъ престранное преданіе про Кавказъ — будто это какая-то обѣтованная земля для всякаго рода несчастныхъ людей...

«— Да, это почти правда, сказалъ я: — большая часть изъ насъ...

«— Но что лучше всего, перебилъ онъ меня: — что всѣ мы, по преданію ѣдущіе на Кавказъ, ужасно ошибаемся въ своихъ разчетахъ, и рѣшительно я не вижу, почему вслѣдствіе несчастной любви или разстройства дѣлъ — скорѣе ѣхать служить на Кавказъ, чѣмъ въ Казань или Калугу. Вѣдь въ Россіи воображаютъ Кавказъ какъ-то величественно, съ вѣчными дѣвственными льдами, бурными потоками, съ княжалами, бурками, черкешенками — все это страшное что-то, а въ сущности ничего въ этомъ нѣтъ веселаго. — Ежели бы они знали по крайней мѣрѣ, что въ дѣвственныхъ льдахъ мы никогда не бываемъ, да и быть-то въ нихъ

ничего веселаго нѣтъ, и что Кавказъ раздѣляется на губерніи: Ставропольскую, Тифлисскую и т. д., и я бы и вы не пріѣхали, право.

«— Да, сказала я смѣясь: — мы въ Россіи совсѣмъ иначе смотримъ на Кавказъ, чѣмъ здѣсь; это — испытывали ли вы когда-нибудь? — какъ читать стихи на языкѣ, который плохо знаешь: воображаешь себѣ гораздо лучше, чѣмъ есть.

«— Не знаю, право; но ужасно не нравится мнѣ этотъ Кавказъ, перебилъ онъ меня.

«— Нѣтъ, Кавказъ для меня и теперь хорошъ, только иначе...

«— Можетъ быть и хорошъ, продолжалъ онъ съ какою-то раздражительностью: — знаю только то, что я нехорошъ на Кавказѣ.

«— Отчего же такъ? сказала я, чтобъ сказать что-нибудь.

«— Я чувствую себя неспособнымъ къ здѣшней службѣ, я не могу переносить опасность. Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня: — безъ шутокъ.

«Хотя это непрощеное признаніе чрезвычайно удивило меня, я не противорѣчилъ, какъ видимо хотѣлось того моему собесѣднику, но ожидалъ отъ него самого опроверженія своихъ словъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

«— И что смѣшно, продолжалъ онъ: — что здѣсь ужаснѣйшая драма разыгрывается, а самъ ты битки съ лукомъ и увѣряешь, что весело.

«— Вино есть, Николаевъ? прибавилъ онъ, зѣвая.»

Этотъ натянутый разговоръ, худо-скрытый смыслъ котораго очень-ясенъ, былъ перебитъ слѣдующимъ разговоромъ солдатъ:

«— Это онъ, братцы мои! слышался въ это время встревоженный голосъ одного изъ солдатъ, и всѣ глаза обратились на опушку дальняго лѣса. Вдали, увеличиваясь и уносясь по вѣтру, поднималось голубоватое облако дыма. Когда я понялъ, что это былъ противъ насъ выстрѣлъ непріятеля, все, что было на моихъ глазахъ въ эту минуту, все вдругъ приняло какой-то новый, почти величественный характеръ: и козлы ружей, и дымъ костровъ, и голубое небо, и зеленые лафеты, и загорѣлое, усатое лицо Николаева, все это какъ будто говорило мнѣ, что ядро, которое вылетѣло изъ дула и летитъ въ это мгновеніе въ пространство, можетъ быть направлено прямо въ мою грудь.

«— Вы гдѣ брали вино? лѣниво спросилъ я Болхова, между тѣмъ какъ въ глубинѣ души моей одинаково внятно говорили два голоса — одинъ: Господи прими духъ мой съ миромъ, другой: надѣюсь не нагнуться, а улыбаться въ то время, какъ будетъ пролетать ядро; и въ то же мгновеніе надъ головой просвистѣло что-то ужасно непріятно, и въ двухъ шагахъ шлепнулось отъ насъ ядро.

«— Вотъ ежели бы я былъ Наполеонъ, или Фридрихъ, сказала въ это время Болховъ, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мнѣ: — я бы непремѣнно сказалъ какую-нибудь любезность.

«— Да вы и теперь сказали, отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая тревогу, произведенную во мнѣ прошедшей опасностью.

«— Да что жъ, что сказалъ — никто не запишетъ.

«— А я запишу.

«— Да вы ежели и запишете, такъ въ критику, какъ говорить Мищенковъ, прибавилъ онъ улыбаясь.

«— *Тыфу ты проклятый!* сказалъ въ это время сзади насъ Антоновъ, съ досадою плюя въ сторону: — *трошки по ногамъ не задпла.*

«Все мое старанье казаться хладнокровнымъ и всѣ наши хитрыя фразы *показались мнѣ вдругъ невыносимо-глупыми*, послѣ этого простодушнаго восклицанія» (Соврем. № 9, стр. 49, 50 и 51).

Всякій истинный, дышавшій правдой взглядъ на вещи, тѣмъ плодотворенъ въ художественной дѣятельности, что онъ мгновенно превращается во множество лицъ, и всѣ эти лица кажутся живыми, какъ жива истина, ихъ согрѣвающая. Лишь-только заученая маска, однообразная у всѣхъ, спала съ лица героевъ, которыхъ радили черезчуръ ужъ монотонно и неестественно, вдругъ всѣ они показали свои лица характерныя и настоящія, какими они всегда были. Такъ въ томъ же самомъ рассказѣ авторъ представилъ уже намъ много лицъ типическихъ изъ солдатскаго кружка. Хотя всѣхъ ихъ авторъ коснулся только вскользь — какъ это онъ до-сихъ-поръ дѣлалъ во всѣхъ своихъ военныхъ рассказахъ — однакожь лица эти ужъ какъ-будто намъ знакомы.

Здѣсь мы почувствовали вновь вліяніе современной русской повѣсти на военные рассказы г. Л. Н. Т. — Если первую черту этого вліянія можно назвать разоблаченіемъ мишурности и вычурности, которою въ прежнее время были одѣты Розенкранцы и Болховы, и желаніе противопоставить имъ лица простыя, каковы, напримѣръ, капитанъ Хлоповъ, Тросенко и имъ подобные, то вторую черту, заимствованную изъ современной же нашей литературы, мы должны назвать стремленіемъ къ типическимъ лицамъ изъ простонароднаго круга. Въ прежней нашей литературѣ — пробѣгите лучшіе рассказы — типъ русскаго солдата былъ однообразенъ. Не такъ поступаетъ г. Л. Н. Т. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ, какъ человѣкъ мыслящій, у него русскій солдатъ одинъ, и характеристика его одна; гдѣ же онъ представляетъ намъ лица, какъ художникъ, тамъ у каждаго своя личность; это разнообразіе лицъ, даетъ ему средства подмѣчать характеристическія черты и создавать типы. Это, мы полагаемъ, вторая причина успѣха г. Л. Н. Т. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ вообще о русскомъ солдатѣ:

«Духъ русскаго солдата не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоро воспламеняемомъ и остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить унасть духомъ. Для него не нужны эффекты и краснорѣчивыя рѣчи, для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутаго. Въ русскомъ — настоящемъ русскомъ солдатѣ, никогда не замѣтите хвастовства, ухорства, желанія отуманиться, разгорячиться во время опасности; напротивъ, скромность, простота и способность вѣдѣть въ опасности совѣтъ другое, тѣмъ опасностъ, составляютъ отличительныя черты его характера. Я видѣлъ солдата, раненнаго въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго только

о пробитомъ новомъ полушубкѣ; ѣздоваго, выльзающаго изъ-подъ убитой подъ нимъ лошади и растегивающаго подпругу, чтобъ снять съ нея сѣдло.»

Но на этомъ не останавливается наблюдательность автора: ему, какъ художнику школы новѣйшей, нужны типы, и онъ сначала старается представить эти типы въ общихъ чертахъ, какъ программу, не болѣе. Въ этой программѣ видна мысль — а ее только на этотъ разъ мы и слѣдимъ въ произведеніяхъ г. Л. Н. Т. — хотя мысль уловить у такихъ художниковъ, какъ г. Л. Н. Т., труднѣе всего. Рѣдко они обмолвливаются сухою, голою мыслью.

«Въ Россіи есть особенные типы солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и т. д. Чаще другихъ встрѣчающійся типъ солдата, типъ болѣе всего милый, симпатичный и болѣе частью соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями — кротостью, набожностью, терпѣніемъ и преданностью волю Божіей, есть типъ *покорнаго* вообще.

«Есть еще многіе другіе типы.

«Типъ *начальствующихъ* вообще встрѣчается преимущественно въ высшей солдатской сферѣ: ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. д. Типы эти разнообразны: *начальствующие-суровые* — типъ весьма благородный, энергическій, преимущественно военный, не исключаящій высокіхъ поэтическихъ порывовъ.

«Типъ *отчаяннаго* точно такъ же, какъ и типъ начальствующаго, хорошъ въ *отчаянныхъ забавникахъ*, отличительными чертами которыхъ бываютъ непоколебимая веселость, огромныя способности ко всему, богатство натуры и удалъ; и ужасно дуренъ въ *отчаянныхъ развратныхъ*, которые, однако, нужно сказать къ чести русскаго войска, встрѣчаются весьма рѣдко и ежели встрѣчаются, то бываютъ удалены отъ товарищества самимъ обществомъ солдатскимъ. Невѣрие и какое-то удалство въ пороки — главныя черты въ характерѣ этого разряда.»

Далѣе идутъ типы: *покорныхъ-хлопотливыхъ, забавника*, и проч.

Когда г. Л. Н. Т. перешелъ отъ общихъ опредѣленій типовъ къ частнымъ, когда у него явились на сценѣ Максимовъ, Антоновъ, Валенчукъ, рекрутъ — передъ нами обнаружилась и та *мягкая* наблюдательность автора, въ которой такъ чудесно слиты и юморъ, и добродушіе, и веселость, и прямой взглядъ на вещи, тотъ многосторонній талантъ г. Л. Н. Т., которымъ надѣлены очень, очень-немногіе. Опять пошла картина за картиною, одна другой лучше, одна другой поэтичнѣе. Но, къ-сожалѣнію, мы теперь не можемъ вдаваться въ подробности, въ которыхъ такъ же много истинной поэзіи, какъ и въ «Дѣтствѣ» и въ «Отрочествѣ», произведеніяхъ, взятыхъ изъ другаго круга жизни. За одинъ разговоръ солдатъ у огня, ночью, послѣ смерти Валенчука (XIII и XIV главы «Рубки Лѣсу») мы готовы отдать иной

многотомный романъ. Эти пять страничекъ проникнуты такой неподдѣльной поэзіей, что ихъ можно перечитывать по нѣсколько разъ.

Въ другой картинѣ, именно *Севастополь въ декабрь мѣсяць*, г. Л. Н. Т. опять возвращается къ своимъ любимымъ лицамъ, которыхъ въ «Рубкѣ Лѣсу» онъ старался подраздѣлить на типы. Безъ всякихъ разсужденій, повидимому, въ одной простой картинѣ знаменитаго *Четвертаго Бастіона*, сказано вамъ гораздо-болѣе, нежели можно сказать отвлеченными разсужденіями. Вглядитесь въ фязіономію простаго солдата, вслушайтесь въ его отрывистыя фразы, и вы почувствуете, что г. Л. Н. Т. ни гдѣ не измѣняетъ своему вѣрному и простому взгляду на предметъ. Вы почувствуете, что онъ постоянно преслѣдуетъ одну и ту же идею, только какъ художникъ выражаетъ ее въ картинахъ:

«Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею—на площадку, изрытую ямами и обстановленную турами, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и земляными валами. Здѣсь найдете вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверомъ и морскаго офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка—любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что можетъ быть для васъ интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно безъ малѣйшей афектаціи, говоритъ съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще чѣмъ прежде жужжать надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно разсматриваете и слушаете разсказы офицера. Офицеръ этотъ разскажетъ вамъ—но только ежели вы его разспросите—про бомбардированіе 5-го числа, разскажетъ, какъ на его батареѣ только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось только восемь человѣкъ, и какъ на другое утро, 6-го числа, онъ *палмилъ* (*) изъ всѣхъ орудій; разскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуръ батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше, какъ тридцать-сорокъ сажень. Одно-го я боюсь, что подъ вліяніемъ жужжанія пуль, высовываясь изъ амбразуръ, чтобъ посмотрѣть непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменный валъ, который такъ близко отъ васъ и на которомъ всныхиваютъ бѣлые дымы, это-то и есть непріятель—онъ, какъ говорятъ солдаты и матросы.

«При этомъ офицеръ очень хладнокровно скажетъ: «Послать комендора, прислугу къ пушкѣ»—и человѣкъ 14 матросовъ, живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубу, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ подойдутъ къ пушкѣ и зарядятъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго, смуглаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обутыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти глав-

(*) *Моряки* всѣ говорятъ палмилъ, а не стрѣлять.

вия черты, составляющія силу русскаго — простота и твердость; но здѣсь на каждомъ лицѣ кажется, что опасность, злоба и страданія, кромѣ этихъ главныхъ признаковъ войны, проложили еще слѣды сознанія своего достоинства и высокой мысли и чувства.

«Вдругъ ужаснѣйшій, потрясающій не одни ушные органы, но все существо ваше, гулъ поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете встѣмъ тѣломъ; вслѣдъ затѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся по ней матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевленіе и проявленіе чувства, котораго, можетъ быть, вы не ожидали видѣть, это—чувство злобы мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждаго. «Въ самую *абрауру* попали, кажись убило двухъ, вонъ понесли», услышите вы радостныя восклицанія. «А вотъ онъ разсерчаетъ, сейчасъ пустить сюда», скажетъ кто-нибудь; и дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ, часовой, стоящій на брустверѣ, крикнетъ *пу-у-шка!* и вслѣдъ за этимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро, шлепнется въ землю и воронкой взброситъ вокругъ себя брызги грязи и камни. Батарейный командиръ разсердится за это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудіе, непріятель также станетъ отвѣчать намъ и вы испытаете интересныя вещи. Часовой опять закричитъ «пушка», и вы услышите тотъ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги, или закричатъ: «маркела» (мортира) и вы услышите равномерное—довольно пріятное и такое, съ которымъ трудно соединяется мысль о ужасномъ — носвистываніе бомбы, услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся это носвистываніе, потомъ увидите черныя шары, ударъ о землю и разрывъ. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухѣ камни и забрызгаютъ васъ грязью. При этихъ звукахъ вы испытаете странное чувство наслажденія и вмѣстѣ страха. Въ ту минуту, какъ снарядъ, вы знаете, летитъ на васъ, вамъ непремѣнно придетъ въ голову, что снарядъ этотъ убьетъ васъ, но чувство самолюбія поддерживаетъ васъ и никто не замѣчаетъ ножа, который рѣжетъ вамъ сердце; но зато когда снарядъ пролетитъ, не задѣвъ васъ, вы оживаете и какое-то отрадное, невыразимо пріятное чувство, но только на мгновеніе овладѣваетъ вами, такъ что вы находите какую-то особенную прелесть въ опасности, въ этой игрѣ съ жизнью и смертью, вамъ хочется, чтобы еще и еще и поближе упало около васъ ядро или бомба. Но вотъ еще часовой прокричалъ своимъ громкимъ, густымъ голосомъ «маркела!» еще носвистыванье, ударъ и разрывъ бомбы, но вмѣстѣ съ этимъ звукомъ васъ поражаетъ стонъ человѣка; вы подходите къ раненному, который въ крови и грязи вмѣстѣ какой-то странный, нечеловѣчскій видъ. У матроса вырвало часть груди. Въ первыя минуты на забрызганномъ грязью лицѣ его виднѣнъ одинъ испугъ и какое-то притворное, преждевременное выраженіе страданія, свойственное человѣку въ такомъ положеніи; но въ то время какъ ему приносятъ носилки и онъ самъ на здоровый бокъ ложится на нихъ, вы замѣчаете, что выраженіе это измѣняется выраженіемъ восторженности и высокой невысказанной мысли: глаза горятъ ярче, зубы сжимаются, голова съ усиленіемъ поднимается выше; и въ это время, какъ его поднимаютъ, онъ останавливаетъ

воспыхи и дрожащимъ голосомъ съ трудомъ говоритъ товарищамъ: «простите, братцы!» еще хочетъ сказать что-то и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ еще разъ: «простите, братцы!» Въ это время товарищъ матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненный и размахивая руками возвращается къ своему орудію...»

Мы до-сихъ-поръ старались только опредѣлить характеръ писателя, его взглядъ, его направленіе — трудъ очень-скользкій въ-отношеніи къ такому автору, какъ г. Л. Н. Т., который, казалось бы, рисуетъ передъ покорнымъ воображеніемъ читателя только однѣ картины своей чудесной фантазіи. Картины эти такъ хороши, что сначала не задаешь себѣ я вопроса: что кроется въ нихъ симпатичнаго и почему онѣ такъ сильно привлекаютъ къ себѣ? Есть много картинъ строгихъ, правдивыхъ — и холодныхъ. Не таковы картины разбираемаго нами автора, и потому должно было прежде всего отдать отчетъ въ этой симпатіи. Лишь-только опредѣленъ вѣрно взглядъ автора на вещи, лишь-только читатель узнаетъ, чего хочетъ авторъ и куда онъ стремится — вся дѣятельность писателя вдругъ оживаетъ, какъ отъ какого-то магнитическаго прикосновенія. Самый процессъ творчества дѣлается яснымъ. Отъ этого-то мы и говорили о *идеѣ* въ произведеніяхъ г. Л. Н. Т. Теперь намъ уже понятно, что талантъ его, описывающій событія изъ совершенно-иного міра, въ который не пускаются наши лучшіе современные писатели, есть въ то же время талантъ очень-близкій, родственннй имъ и по духу, и по манерѣ. Передъ нимъ открытъ иной міръ, но онъ изъ него старается взять то же, чего ищутъ въ другихъ положеніяхъ наши другіе писатели; то-есть преслѣдованіе всего мишурнаго, ложнаго, неестественнаго находить въ немъ явнаго говнителя, а истина, добро и лучшія свойства простаго человѣка, своего защитника. Какъ ни обширно и ни обще это предѣленіе, но на этотъ разъ, мы не съумѣемъ выразиться лучше.

Г. Л. Н. Т. беретъ свои любимыя лица изъ того же простонароднаго круга, изъ котораго берутъ ихъ и всѣ другіе лучшіе наши писатели. Въ немъ мы видимъ товарища по труду гг. Тургеневу, Писемскому, Григоровичу, Островскому; въ созданныхъ имъ лицахъ видимъ живыхъ братьевъ лучшимъ типическимъ лицамъ упомянутыхъ нами писателей.

Полагаемъ, послѣ этого не нужно распространяться о томъ, что всѣ остатки «Капитановъ Фрегата», Мул-Нуровъ, Марлиискаго и «Героевъ нашего времени», переодѣтые авторомъ въ Розенкранцовъ, Болховыхъ и имъ подобныхъ, низведены съ своихъ ложныхъ пьедесталовъ. Эти лица и подобныя имъ уже довольно-давно, начиная съ 1840 года, въ нашей литературѣ, въ повѣстяхъ и романахъ начали терять по частицамъ свой блескъ. Не будемъ также распространяться и о томъ, о чемъ уже намекали выше, что родоначальниковъ капитана Хлопова и про-

стыхъ русскихъ солдатъ мы видѣли отчасти, хотя въ другой фортѣ, и у Лермонтова въ Максимѣ Максимовичѣ и у Пушкина въ капитанѣ Мироновѣ. Но заслуга г. Л. Н. Т. состоитъ въ томъ, что онъ заставилъ своихъ Розенкранцевъ и Болховыхъ помѣряться силами съ капитаномъ Хлоповымъ и ему подобными, свелъ ихъ лицомъ къ лицу, выбравъ для этого самое удобное, въ буквальной смыслѣ, поле сраженія — и герои нашего времени окончательно и навсегда смутились передъ своими незначимыми соперниками! Если прежняя литература изображала иногда Розенкранцевъ и Болховыхъ съ отрицательной точки зрѣнія, то г. Л. Н. Т. сдѣлалъ послѣдній и важный шагъ: онъ имъ противопоставилъ лица положительные, и этимъ покончилъ дѣло.

Но вотъ эта-то положительная сторона, конечно, и составляла сильный камень преткновения таланту г. Л. Н. Т. Однакожь онъ побѣдилъ трудности большею-частью счастливо. Преимущественно ему удались лица солдатъ и капитанъ Хлоповъ. У другаго таланта, менѣе сильного, нужно было бы опасаться, съ этой стороны, увлеченія идей, излишней идеализаціи. Но г. Л. Н. Т. умѣлъ удержаться въ границахъ, и гдѣ чувствовалъ пустое пространство, гдѣ не находилъ жизни, не старался наполнять это пустое пространство своими собственными мыслями. Онъ, какъ художникъ, позволялъ себѣ скорѣе останавливаться на характерахъ безличныхъ, но пріятныхъ, каковъ, напримѣръ, прапорщикъ Аланинъ въ «Набѣгѣ», нежели надѣлать капитана Хлопова небывалыми чертами. Это намъ доказываетъ, что г. Л. Н. Т. истинный художникъ, у котораго талантъ господствуетъ надъ мыслью, а не мысль надъ талантомъ, у котораго истиннѣе художника господствуетъ надъ творчествомъ ума. Отъ этого у г. Л. Н. Т. въ разсказахъ нѣтъ лица, которое было бы положительно-дурно, рѣзко-непріятно, какъ всѣ характеры, созданные однимъ систематическимъ умомъ, потому-что этотъ умъ беспощаденъ и всегда любитъ крайности. Отъ этого-то, выше мы сказали, что картины, изображаемыя г. Л. Н. Т., дышатъ тою мягкою наблюдательностью, которая даетъ полный просторъ и юмору, и веселости, и добродушію, которая отзывается на многіе звуки, а не на одинъ монотонный мотивъ. Это всегда и легко замѣтить у художниковъ при созданіи второстепенныхъ лицъ въ разсказахъ, гдѣ писатели даютъ просторъ разгуляться своей фантазіи на свободѣ, не удерживая ея главною мыслию разсказа, при описаніи картинъ, такъ-сказать, вставочныхъ. Этихъ второстепенныхъ лицъ у писателей-нехудожниковъ почти никогда не бываетъ, то-есть они такъ безцвѣтны, что ихъ нельзя назвать лицами. Писатель-нехудожникъ слишкомъ-усиленно и какъ-то напряженно держится за мысль, которую развиваетъ, и понятно, что всѣ его усилія сосредоточиваются на одномъ, главномъ дѣйствующемъ лицѣ.

Г. Л. Н. Т. не представилъ намъ еще ни одной *повѣсти* въ настоящемъ смыслѣ слова, то-есть повѣсти съ *любовью*. Не знаешь даль-

нѣйшаго развитія той біографіи, которой двѣ части мы прочли подъ названіемъ «Дѣтства» и «Отрочества», но въ приведенныхъ нами трехъ военныхъ картинахъ характеры обрисовываются другимъ чувствомъ—опасности, какъ пробнымъ камнемъ этихъ характеровъ. Всѣ эти рассказы безъ любви и, однакожъ, читаются съ высокимъ интересомъ. Вотъ фактъ, на который мы считаемъ долгомъ указать. Значить ли это, что рама повѣсти шире, нежели какъ ее обыкновенно понимаютъ—не знаемъ; но можемъ сказать положительно, что г. Л. Н. Т. мѣряетъ своихъ героевъ тою мѣркою, какою слѣдуетъ ихъ мѣрять. Введи авторъ въ эти рассказы любовь — нѣтъ сомнѣнія, капитанъ Хлоповъ и подобныя ему лица проиграли бы поле сраженія въ битвѣ съ Болховыми, Розенкранцами и другими блестящими лицами рассказовъ—потому-что, къ-сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ, оно бываетъ такъ — и идея погибла бы. Дай торжество подобнымъ лицамъ авторъ—и онъ впалъ бы въ неестественный, натянутый тонъ, который происходитъ оттого, что писатель чувствуетъ, какъ подъ нимъ шатается міръ дѣйствительности. Тогда-то обыкновенно авторъ старается всѣми убѣжденіями склонить читателя на сторону своего любимаго лица; но чѣмъ больше онъ убѣждаетъ и рассуждаетъ, тѣмъ больше онъ теряетъ достоинства художника.

Слѣдовательно, не имѣя пока повѣсти въ строгомъ смыслѣ, то-есть въ томъ, въ какомъ мы привыкли ее понимать, мы не находимъ нужнымъ пускаться въ предположенія, какъ г. Л. Н. Т. сьумѣлъ бы выполнить и всѣ условія, налагаемыя этой формой, какъ онъ сьумѣлъ бы выбрать сюжетъ, который укладывается именно въ эту, а не въ какую-либо другую форму. Мы должны судить о томъ, что есть, и потому скажемъ, что, на основаніи всего нами прочитаннаго, ожидаемъ отъ г. Л. Н. Т. очень-многого, а пока теперь, вникнувъ въ силу и разнообразіе его таланта, продолжаемъ считать его однимъ изъ первыхъ нашихъ писателей. Въ ряду ихъ онъ имѣетъ свою особенную, исключительно ему принадлежащую характеристику.

Обратимся къ другой сторонѣ военныхъ рассказовъ.

Если въ изображеніи лицъ, въ манерѣ создавать характеры, мы видѣли огромное вліяніе нашей современной литературы, то еще больше замѣтнимъ его въ *самомъ способѣ рассказывать*. Намъ бы очень хотѣлось привести на память читателю тѣ военные рассказы прежнихъ лѣтъ, гдѣ солдатъ не говоритъ иначе, какъ избранными пословицами, шутить извѣстными шутками и прибаутками, объясняется отгѣнно-складно, какъ человекъ образованный, у котораго передъ глазами лежатъ, напримѣръ, «Пословицы» г. Снегирева, который начитался рассказовъ г. Даля или Скобелева, и думаетъ, что онъ знаетъ языкъ простаго человека. Неудивительно, что это было такъ въ военныхъ рассказахъ: такъ было тогда и во всей литературѣ. Языкъ простонародный былъ *terra incognita*, и потому всякій, кто скажетъ, напримѣръ, что «ученье свѣтъ, а не ученье тьма», или что-нибудь въ этомъ ро-

тъ, считался уже знающим кое-что из русскаго простонароднаго языка. Языкъ крестьянина, языкъ солдата, языкъ купца, весь слагался изъ подобныхъ поговорокъ (даже у двухъ-трехъ извѣстныхъ писателей, которые считали себя знатоками въ этомъ дѣлѣ), такъ-что представлялъ изъ себя что-то натянутое, неестественное; изъ рассказчика же дѣлалъ какого-то забавника и каламбуриста. Средину между пословицами и поговорками занимали обыкновенно цѣлыя фразы, выписанныя изъ печатныхъ книгъ, и рѣчи имѣла видъ какой-то пестрой смеси книжнаго, литературнаго языка и народныхъ поговорокъ. Но съ того времени наша литература, обратившись къ изученію простонароднаго быта, начала изучать языкъ народный. Конечно, это изученіе *было постепенное*, и чѣмъ больше писатели всматривались въ бытъ, тѣмъ ближе къ цѣли подходилъ и самый языкъ. Последнее десятилѣтіе нашей литературы особенно много сдѣлало въ этомъ отношеніи, и мы такъ быстро развивались, что, постепенно хвали то одного, то другаго писателя, спустя два-три года, уже замѣчали и недостатки въ тѣхъ, кого хвалили прежде безусловно. Въ этомъ языкѣ слышались фразы прямо-записанныя съ изустной рѣчи, слышались фразы сочиненныя, слышалось желаніе передать даже самую темноту и неопредѣленность языка простолюдина, хотя они могли имѣть значеніе, можетъ-быть, только для филолога, но отнюдь не для литератора. Какъ бы то ни было, но въ этомъ замѣтенъ былъ трудъ, и трудъ большой, похвальный во всѣхъ отношеніяхъ.

Вдругъ въ это время литература обогатилась множествомъ разсказовъ, какъ мы уже говорили, изъ славныхъ событій нашей вѣдшей войны. Рассказчики очутились вдругъ между двумя крайностями: между преданіемъ прежнихъ военныхъ разсказовъ, которые сочинялись авторами по способамъ, нами выше изложеннымъ, и между простонароднымъ языкомъ, выработаннымъ новѣйшими нашими писателями, изучившими этотъ бытъ. Къ прежнему языку разсказовъ очевидно нельзя уже было возвратиться, и такіе писатели, какъ г. А. Н. Т., сразу съумѣли поставить себя на настоящую точку зрѣнія и создали разговоръ простаго солдата такимъ, каковъ онъ на-самомъ-дѣлѣ. Но для этого нуженъ былъ талантъ г. А. Н. Т. Другіе, желая быть до мелочей вѣрными языку, рѣшились записывать эти разсказы со словъ самихъ солдатъ, и мы получили такимъ-образомъ прекрасные образчики того разговорнаго языка, котораго домогались, къ которому стремились такъ усилленно, и который давался немногимъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія рукописный сборникъ солдатскихъ разсказовъ г. *Сокольскаго*, изъ котораго былъ напечатанъ разсказъ рядоваго Татарскаго подъ названіемъ: *Восемь мѣсяцовъ въ плѣну у французовъ* и *Дѣло подъ Журжею*, разсказъ тоже рядоваго, Иванова, записанный г. *Кузнецовымъ*. Мысль счастливая, и мы увѣрены, что результаты ея будутъ чрезвычайно-благо-

тверны; оба разсказа въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія. Всмотритесь въ постройку фразъ, повидному, неправильную, часто противорѣчащую требованіямъ синтаксиса и вѣстѣ совершенно-ясную; взгляните въ это отсутствіе напыщенности, которою страдали прежніе разсказы; вслушайтесь въ этотъ юморъ и эту наблюдательность, которая не оставляетъ солдата, когда онъ разсказываетъ самое трагическое свое положеніе, когда ему предстояло быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ — и вы, какъ будто начнете понимать, что мы далеко еще не владѣемъ ключомъ къ этому таинственному, непричудливому, но ясному разговору простаго человѣка. Вотъ тотъ языкъ, слѣдовательно, которымъ должно дѣйствовать на умъ и чувство простаго человѣка! вотъ тотъ взглядъ на вещи, неподдѣльный, подъ которымъ старается поддѣлываться каждый писатель, какъ только начинаетъ говорить отъ имени простаго человѣка! Изучите его прежде внимательно, и тогда уже посмотрите на сочиненный языкъ. Еслибъ мѣсто намъ позволяло, мы привели бы и сравнили здѣсь нѣсколько прежнихъ солдатскихъ разсказовъ, и разсказъ, напримѣръ, рядоваго Иванова. Но, пока, мы должны будемъ ограничиться одною выпискою изъ дѣла подъ Журжей. Въ прежнее время, въ угоду литературнымъ требованіямъ своего времени, *писатель не рѣшился бы* записать такой разсказъ со словъ солдата; онъ непремѣнно украсилъ бы его своими собственными разсужденіями, а языкъ выправилъ бы по книжнымъ правиламъ и далъ бы ему фальшивый лоскъ. Но другія времена... и тому, кто не видитъ въ нашей нынѣшней литературѣ ничего хорошаго — еще одинъ урокъ. — Вотъ отрывокъ изъ этого прекраснаго разсказа:

«А самое-то дѣло, ваше благородіе, было 25 іюля. Пушки мы это, значить, еще прежде взяли съ острова, — только четыре осталось. А онъ, должно быть, узналъ, что насъ силы всего два полка было, да стянулъ сюда своего войска и-и-и! Боже сохрани, сколько: турки, эти египетскіе, значить, арапы, поляки, вѣндеры, всякаго званія народъ. Ну, и сталъ онъ переправляться на острова, съ 23-го еще числа, а 25-го такъ-то рано-рано утромъ сталъ выгружаться и на большой островъ, гдѣ наши были. Тутъ силы его было видимо-невидимо, просто всю рѣку запрудили: а у насъ войска-то на самомъ острову всего нѣсколько ротъ въ прикрытіи. Что жъ, я вамъ скажу! островъ-то длинный, ну, и нельзя было его не пустить. Батальонъ-то нашъ всю ночь передъ этимъ раскапывалъ да заравнивалъ мѣста, гдѣ батареи наши были, чтобъ ему, значить, не за чѣмъ было за-сѣсть; а въ девятомъ-то часу утра мы ужъ и въ дѣйствіе поступили, не пшши, не ѣмши. Батальонный командиръ былъ у насъ подполковникъ Вселогурскій; ходитъ по рядамъ, говорить: «ну, говорить, братцы, намъ нынче жарко будетъ (такъ и говорить: не ребята, а братцы); поработайте дружище: первую цѣпь, говорить, пройдетъ — не стрѣляйте, и вторую, говорить, пройдетъ — не стрѣляйте, а тамъ прямо въ штыки! Такъ-то ловчѣй будетъ. Богъ благословляетъ васъ, и я васъ, братцы, благословляю. Ну, говорить, съ Богомъ!» Вотъ мы тутъ ужъ какъ пошли-

видимъ : турки въ нашу батарею, гдѣ прежде стояли, набились, — какъ галочь чертѣть. Ничего, развернулись и мы, стали забѣгать и справа и слева; они сейчасъ батальный огонь открыли; иначе мы таки перескочили черезъ валъ, да въ штыки. Они ужъ тутъ видятъ, что неустойка, что наши уже сзади охватили, — бѣжать! Тутъ мы, сказать бы вамъ, должно съ сотъ до семи ихъ положили. Какъ приперли къ Дунаю, такъ, какъ тараканы, такъ съ берегу и сыпятся; а тутъ мѣсто глубокое: они аммуницію-то свою замочили, и имъ отпаливать нельзя — какой-какой выстрѣлить. А опосля стали мы гнать ихъ еще по водѣ, да какъ подвели подъ нашу батарею, — то тутъ имъ всёмъ и лоскъ. Какіе бросались пылъ, ружье бросать, Дунай-то вѣдь быстѣрь, да такъ шаговъ десять проплыветъ да и тонетъ, только бублики по водѣ, а въ жалко смотрѣть... Ну, этихъ мы кончили всёхъ : у насъ потеря самая малость была, а ихъ-то мы тутъ таки выложили, просто, какъ мостъ лежать. Пошелъ нашъ батальонъ на другую батарею, а я съ товарищемъ въ цѣни остался. Тамъ-то мы видимъ: пальба, дымъ, крикъ, не то ужъ, что кричатъ ура, а такъ только гулъ стоитъ, какъ на ярманкѣ. Ну, и тѣхъ тамъ кончили всёхъ. Я и говорю своему товарищу: «Пойдемъ, братъ, на берегъ; слыхалъ, какъ въ вѣстникахъ читаютъ про нашихъ солдатъ, можетъ и мы отличимся». «Нѣтъ, говоритъ, можетъ и отличишься, а можетъ и жизнь потеряешь такъ-то». — «Ну, потерю, потерю, а я, братъ, пойду». Осмотрѣлъ я ружье, и пошелъ къ берегу: а берегъ тамъ-то высокій, такъ, примѣрно, въ ростъ человѣка — крутой. Вотъ я, значить, къ этому берегу подползъ, камышемъ пробираюсь, и высматриваю, чтобы, значить, турки въ задъ нашимъ не зашли. И, чортъ его знаетъ — извините, ваше благородіе, за слово — какъ я съ берега-то этого оборвался. Вѣдь приключилось же такъ: подъ берегомъ какъ разъ турокъ сидѣлъ: не то онъ ранень былъ, а можетъ, и за какимъ дѣломъ сидѣлъ, и ружье такъ-то штыкомъ къ верху держитъ. Только какъ съ берега-то я грохнулся, да прямо на него шельмовскаго и настѣлъ. Онъ меня, значить, испужался, а я его испужался; и штыкомъ-то онъ какъ разъ зацѣпилъ меня за фуражку, — Богъ помиловалъ, что не въ глазъ. Вижу, что онъ все это штыкомъ, значить, ковыряетъ, все фуражку мою хочеть скопнуть, а я на немъ-то спужу, колѣнками его жму: слышу, ажъ крехтитъ, и все это меня, значить, сбросить хочеть. Тутъ-то я ужъ штыкомъ ему какъ ударилъ въ шею, только зубомъ дернулъ: чуть было иначе и меня въ воду не сунулъ... Ну, вижу я, что подъ берегомъ оставаться неловко, а на берегъ то никакъ не взберусь, земля осыпается: такъ я ужъ ружье его приставилъ, да по ружью и взобрался. Только что это я въ камыщѣ-то сѣлъ, сказать, вотъ только бы вытеръ ружье — слышу шелеститъ что-то по камышу. Глянулъ я, офицеръ ихъ крадется, и прямо это на меня идетъ : сердце-то у меня разобрало, я такъ разомъ какъ кинусь на него: «а ты, говорю, куда, такой-сякой?» (извините, ваше благородіе, за слово), да прямо со штыкомъ къ нему. Онъ оробѣлъ, что ли, мотаегъ мнѣ такъ-то предъ глазами саблей, какъ собаку дражитъ, а колотъ меня не колетъ. Я кричу ему: «сдавайсь!» такъ вѣдь анаоемскій народъ : зубами ляскаетъ, ничего не говоритъ, а самъ все задомъ пятится. А тутъ ужъ вижу, что къ берегу его

приперъ : какъ разомъ какъ кинусь на него, да штыкомъ ему прямо подъ правую руку, тутъ у него сабля и выпала. Ну свалилъ и его. Лежить онъ и тяжело дышетъ, и кровь у него изо рта пробивается : все такъ будто что-то бормочетъ, и видно, что не турокъ — изъ себя такой бѣлолицый, а опосля, вижу, сталъ креститься, и все что-то мнѣ говорить. Наклоняюсь я къ нему, прислушиваюсь, прислушиваюсь, — не понимаю. «Можетъ, говорю, воды тебѣ?» а онъ говорить : «вода, вода!» Хотѣлъ бы я воды ему принести, да берегъ-то больно крутъ, — боюсь, оборвешься опять, да и набрать не во что. Постоялъ я около него, постоялъ, а изъ раны у него кровь такъ и валить, Боже мой! Шарфъ на немъ серебряный, сертукъ — все это кровью такъ и прошло. Итакъ мнѣ это жалко, что я его прокололъ, ажъ я самъ перекрестился. И вижу, что помощь моя ужъ плохая, и что тутъ ужъ ему и рѣшеніе такое, и говорю ему : «покайся, братъ, говорю, жить-то тебѣ, ужъ видно, не приходится»; да только это я говорю ему, а тутъ, выходитъ, Богу угодно было послать на меня новую бѣду : слышу, подъ берегомъ такъ какъ будто щелкаетъ, какъ замокъ. Я къ этому къ берегу-то! вижу турокъ вприталилъ, ружье этакъ на берегъ-то положилъ и въ меня цѣлится. Отъ тутъ, ваше благородіе, грѣха тантъ нечего, я таки дрогнулъ : стрѣлять боюсь — не попаду, а онъ отъ меня въ десяти-то шагахъ всего. Такъ что жъ я? Теперь смѣхъ беретъ : сталъ я предъ нимъ кидаться изъ стороны въ сторону, какъ танцую : а онъ-то все ружьемъ водить за мною: самъ прыгаю, да все ближе къ нему, все ближе. Такъ я, должно, съ полчаса танцевалъ, аль ни потъ меня прошибъ. Ну, какъ выстрѣлилъ онъ, пуля мнѣ въ правый бокъ и пошла, шинель порвало, мундиръ, а по тѣлу, какъ обожгла : послѣ синякъ долго быть. Зато ужъ я, какъ почувствовалъ, что небольно, значитъ, какъ тронулся, подскочилъ къ нему, да хотѣлъ его штыкомъ ударить, такъ увернулся и прямо въ Дунай : какъ водой его унесло. Вотъ пошелъ я съ этого мѣста опять туда, гдѣ прежде сидѣлъ, потому тамъ штуцерная ямка была; въ эту ямку я залѣзъ, и высматриваю: а на островѣ пальба... Ну, ужъ такое мое счастье, ваше благородіе: не посидѣлъ я полчаса — вижу, берегомъ идутъ эти египетскіе арапы, три человека, какъ лѣсъ чернѣютъ. Въ одного я прицѣлился, прямо ему въ грудь попалъ, а онъ-то упалъ, а тѣ какъ закричать: «русь, русь!» да на меня прямо и кинулись. Сейчасъ одинъ штыкомъ ударилъ меня въ грудь, да неловко попалъ : на ремень — только аммуниціи порвалъ. Ну ружье мое опросталось, а я стволомъ какъ даль ему по головѣ, ружье и переломилось. Я ружье это значитъ, бросилъ, выхватилъ тесакъ; а онъ стоитъ, выпучилъ глаза, только лупаетъ. Подскочилъ я опять къ нему, хотѣлъ зарубить, такъ онъ ужъ самъ закачался, закачался и упалъ. А третій бѣжать отъ меня; я за шимъ, — такъ онъ ружье бросилъ, упалъ на землю, руками и ногами дрыгаетъ, кричитъ пардона. Взялъ я его, связалъ ему руки, вывелъ его, значитъ, на чистоту; — тутъ офицеры и наши въ цѣпи уже стояли...»

И т. д. все въ томъ же тонѣ. Удивительный рассказъ! Еслибъ его встрѣтили въ повѣсти какого-нибудь автора, мы не нашли бы словъ для похвалы писателю, который создалъ подобный рассказъ; а ме-

ду-тѣмъ вся эта простая повѣсть записана со словъ солдата! Не забудьте, что солдатъ рассказываетъ про свой дѣйствительно-великій подвигъ, и посмотрите, какъ этотъ рассказъ простъ, естественъ и дышетъ всякимъ отсутствіемъ напыщенности. Рассказчикъ, по скромности, не упомянулъ даже, что ему данъ былъ георгіевскій крестъ за это геройство. И сколько добрыхъ свойствъ! Онъ не скрываетъ, что ему такъ стало жаль проколотаго имъ непріятельскаго офицера, истекавшаго кровью — «ажъ я перекрестился», говоритъ онъ, а когда другой турокъ тонулъ, «аль ни жалко смотрѣть было». И сколько комизма въ то же время! Но обо всемъ этомъ онъ говоритъ такъ же откровенно и просто, какъ и о храбрости.

«Какъ можно къ русскому человѣку примѣнить! (то-есть турка). Наши идутъ, напрямѣръ, на «ура», что ли? *никто не скажетъ: «страшно» и назадъ не побѣжитъ, а только, извѣстно, стоишь подлѣ товарища, говоришь: «ну, братъ, дружище — не выдавать; меня ранютъ, подай помочи, тебя ранютъ — я помогу.»* А ужъ какъ пойдутъ на «ура», такъ тутъ дремать нечего.»

Вотъ вамъ и все опредѣленіе храбрости, сдѣланное, безъ-сомнѣнія, однимъ изъ храбрѣйшихъ... Какъ не вспомнить тутъ капитана Хлопова! А посмотрите, какъ понялъ солдатъ простые слова, сказанныя начальникомъ, слова, которыя замѣнили для него блестящую рѣчь и непременно подействовали на него болѣе, нежели всякое искусственное краснорѣчіе! Послѣ такихъ рассказовъ, мы вполне понимаемъ, какъ глубоко впечатлѣнъ г. Л. Н. Т. въ описываемый имъ бытъ, и почему въ рассказѣ его заключалась какая-то прелесть, которую сначала трудно было уловить. Въ рассказѣ, записанномъ г. Кузнецовымъ, вы чувствуете и человѣка и солдата вмѣстѣ, и когда вспомнишь, что простой человѣкъ такъ безыскусственно и не только безъ гордости, но и безъ сознанія особеннаго достоинства своего дѣла, рассказываетъ, можетъ-быть, лучшій подвигъ своей жизни, что онъ не старается украсить рассказъ ни однимъ хитрымъ словомъ, и не желаетъ скрыть своихъ естественныхъ чувствъ — когда подумаешь обо-всемъ этомъ, да припомнишь прежніе военные рассказы нашихъ писателей, невольно удивишься тому, какъ можно было допустить столько неестественнаго въ эти рассказы...

А намъ часто еще приходится слышать вопросъ: къ чему ведутъ эти повѣсти, драмы и романы, въ которыхъ дѣйствуютъ и разговариваютъ кушцы, крестьяне, солдаты?...

С. ДУДЫШКИНЪ.

Съ новаго года появятся два новыя періодическія изданія : одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ; первое *Русскій Вѣстникъ*, журналъ *учено-литературный и политическій*; другое — *Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ*.

«Русскій Вѣстникъ» обѣщаетъ быть изданіемъ весьма-замѣчательнымъ, какого давно уже не доставало Москвѣ. Вотъ что сказано въ программѣ его, разосланной при газетахъ: «Редакція неуклонно будетъ исполнять долгъ свой—дѣйствовать на умы и таланты, вносить свѣтъ въ дѣло, устанавливать здравый взглядъ на вещи и уяснять различныя направленія какъ въ нашей, такъ и въ иностранныхъ литературахъ. Въ этомъ дѣлѣ «Русскій Вѣстникъ», чуждаясь всякой исключительности и односторонности, будетъ вѣренъ твердымъ и добрымъ началомъ. Цѣль его — содѣйствовать къ утвержденію у насъ самостоятельнаго образа мыслей, къ возбужденію живой производительности, къ возвышенію умственныхъ требованій. Безпощадная при встрѣчѣ съ ложью, злонамѣренностью и легкомысліемъ, критика «Русскаго Вѣстника» будетъ постоянно одушевлена искреннимъ и теплымъ добродѣтельствомъ при оцѣнкѣ трудовъ, при сужденіи о лицахъ» и пр.

Извѣстная въ нашей ученой литературѣ имена редакторовъ «Русскаго Вѣстника» *М. П. Каткова, П. П. Кудрявцева и П. М. Леонтьева* ручаются уже въ томъ, что обѣщаніе, даваемое ими, непременно исполнится, что направленіе ихъ журнала будетъ въ высшей степени дѣльное и честное. По-крайней-мѣрѣ, мы, столько лѣтъ зная лично редакторовъ, смѣло надѣемся этого, и отъ всей души привѣтствуемъ новаго собрата на журнальномъ поприщѣ, желая ему полного успѣха, котораго онъ вполне заслуживаетъ по благонамѣренной цѣли своей, такъ благородно-выраженной программой.

«Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ» предпринято очень-извѣстною русскою писательницею, отлично-знающею англійскій, французскій, итальянскій и нѣмецкій языки и превосходно-владеющею русскимъ. Оно будетъ состоять изъ *двѣнадцати книгъ* въ годъ. Ежемѣсячно будетъ выходить книжка, заключающая въ себѣ *двадцать* и болѣе печатныхъ листовъ и состоящая, какъ сказано въ программѣ, «изъ трехъ отдѣловъ: въ первыхъ двухъ помѣстятся большіе романы, переведенные съ двухъ разныхъ языковъ, напримѣръ: съ англійскаго и французскаго, или съ французскаго и нѣмецкаго, шведскаго, польскаго и другихъ; въ третьемъ — небольшія повѣсти и малые разсказы. Такихъ-образомъ читатель

«въ-теченіе года получать до двѣнадцати романовъ и повѣстей и множество мелкихъ статей. Первая книга выйдетъ въ началѣ января «1856 года» (*). Это изданіе представитъ богатый запасъ чтенія на цѣлый годъ. Иностранные романы, печатаемые въ журналахъ, имѣютъ ту невыгоду, что должны разрываться на нѣсколько мелкихъ частей, потому-что въ одной и той же книжкѣ журнала должно быть помѣщено многое, кромѣ переводнаго романа. Въ изданіи же, посвященномъ исключительно переводнымъ романамъ, нѣтъ такого неудобства: тамъ романъ будетъ выпускаемъ большими частями, а иногда, въ случаѣ нужды, займетъ собою всю книжку, что представляетъ выгоду для тѣхъ изъ читателей, которые не любятъ читать отрывками. Можно заранѣе предсказать успѣхъ такому изданію.

Итакъ, вотъ на будущій годъ еще два новыя періодическія изданія; а если присоединить къ нимъ «Живописную Русскую Библиотеку», «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» и «Художественный Журналъ для юношества», о которыхъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, то получимъ пять новыхъ періодическихъ изданій на 1856 годъ, кромѣ всѣхъ прежнихъ. Лучшаго подарка литературѣ на новый годъ нельзя было и придумать! Желаемъ имъ всѣмъ успѣховъ и повторяемъ прекрасную строфу князя П. А. Вяземскаго, изъ стихотворенія его «На Новый Годъ», напечатанному лѣтъ двадцать назадъ:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
 Плодять читателей они.
 Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
 Въ чести тамъ грамота, перо;
 Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье;
 Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро...

(*) Цѣна за годовое изданіе *шесть рублей пятьдесятъ копеекъ* безъ пересылки, а съ пересылкою *восемь рублей серебромъ*. Подписка принимается въ *Конторѣ Отечественныхъ Записокъ*, которая *принимаетъ на себя полную отвѣтственность за исправный выходъ книжечекъ и доставку ихъ подписчикамъ.*

I.
ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ (*)
1854 — 1855.

VI. КРЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Высадка англійскихъ, французскихъ и турецкихъ войскъ близъ Евпаторіи. — Сраженіе на р. Алмѣ. — Удаленіе русскихъ войскъ на южную сторону Севастополя и потопъ къ Бахчисараю. — Переходъ непріятеля съ сѣверной стороны севастопольской бухты на южную и занятіе Балаклавы. — Усиленіе севастопольскаго гарнизона. — Присоединеніе подкрѣпленій къ русскимъ войскамъ. — Рекогносцировки русской кавалеріи къ Евпаторіи и въ Байдарскую Долину. — Нападеніе на Николаевскую Батарейю. — Разграбленіе г. Ялты и окрестныхъ селеній. — Начале осадныхъ работъ противъ севастопольскихъ укрѣпленій съ южной стороны. — Попытки непріятеля устроить батарею надъ инкерманскимъ спускомъ. — Обложеніе Евпаторіи. — Занятіе русскою пѣхотою д. Чоргувъ. — Бомбардированіе Севастополя 5 и 6 октября. — Наступательное движеніе русскихъ къ д. Комары и къ непріятельскому укрѣпленію. — Дѣйствіе подъ Евпаторіею. — Вылазка русскихъ съ 8-го на 9-е октября. — Продолженіе бомбардированія Севастополя. — Ночная стычка съ англійскимъ патрулемъ. — Дѣло генерала Липранди. — Инкерманская битва. — Бура на Черномъ Морѣ. — Продолженіе осады. — Ночныя нападенія на непріятеля. — Пароходы «Владиміръ» и «Херсонесъ». — Ночныя вылазки русскихъ. — Дѣйствіе непріятельскихъ батарей по Севастополю. — Французское судно «Аяксъ». — Подземныя работы подъ Севастополемъ. — Рекогносцировки непріятеля. — Усиленная рекогносцировка русскихъ къ Евпаторіи. — Редуты Селенгинскій и Воляискій. — Болѣзь князя Меншикова. — Стычка съ непріятелемъ у Евпаторіи. — Покушенія непріятельскихъ судовъ на сѣверовосточный берегъ Чернаго Моря. — Авангардное дѣло подъ Евпаторіею. — Ночная вылазка русскихъ. — Нападеніе непріятеля на камчатскій редутъ. — Прибытіе въ Севастополь генерал-адъютанта князя Горчакова. — Осадныя работы.

1-го сентября 1854 года, по первому извѣстію о появленіи многочисленнаго флота непріятельскаго въ виду мыса Лукулла, генерал-адъютантъ князь Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи на рѣкѣ Алмѣ подвѣдомственныхъ ему войскъ. Пока войска эти стягивались съ разныхъ сторонъ полуострова къ избранной позиціи, значительныя союзныя силы, состоящія изъ англійскихъ, французскихъ и турецкихъ войскъ, произвели 2-го числа высадку у Соленныхъ Озеръ, къ югу отъ Евпаторіи и, расположившись тутъ лагеремъ, ничего въ теченіе вѣсколькихъ дней не предпринимали.

(*) Извлечено изъ «Русскаго Инвалида».

Только 7-го числа неприятель сдѣлалъ усиленную рекогносцировку къ р. Алмѣ. Противъ него высланы были 2-я бригада 17-й Пѣхотной, 2-я бригада 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи и девять сотенъ казаковъ, съ Донскою Конною Батареею. Послѣ маловажной перестрѣлки, неприятель отступилъ къ р. Буйнакъ, а наши передовыя войска, попрежнему, расположились на общей боевой позиціи за р. Алмою.

На другой день, 8-го сентября, неприятель всѣми своими силами атаковалъ эту позицію. Послѣ упорнаго боя, войска наши принуждены были уступить численному перевѣсу противника и отошли за р. Качу. Союзники почти не преслѣдовали ихъ, понеся въ сраженіи весьма-значительный уронъ.

Подробности сраженія на р. Алмѣ были слѣдующія:

Князь Меншиковъ занималъ 8-го сентября позицію за р. Алмою, съ 42-мя бат., 16 эск. и 84 оруд. (*). Центръ боеваго порядка расположенъ былъ по краю крутаго лѣваго берега, противъ дер. Бурлюкъ, а лѣвый флангъ на возвышенной мѣстности, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ моря; первый флангъ составлялъ самую слабую часть позиціи. Впереди боевыхъ линій, на правомъ берегу рѣки дер. Бурлюкъ и ближайшіе къ ней виноградники заняты были стрѣлками. Въ резервъ, за центромъ, стояли три пѣхотные полка (Волинскій, Минскій и Московскій) съ двумя легкими пѣшими батареями; правѣ ихъ оба гусарскіе полка, съ двумя батареями конными, а позади праваго крыла — Углицкій Егерскій Полкъ. Одинъ батальонъ изъ резерва (Минскаго Полка) отряженъ былъ для занятія дер. Улукуль, позади лѣваго фланга позиціи, близъ самаго берега моря.

Въ поддень неприятельскія войска двинулись къ р. Алмѣ и рѣшительно атаковали нашу позицію. Правое крыло составляли французы, лѣвое — англичане (**). Тѣ и другіе наступали стройно, развернутыми линіями, подъ прикрытіемъ густой цѣпи штуцерныхъ стрѣлковъ. Наши стрѣлки встрѣтили неприятеля мѣткимъ огнемъ и вскорѣ на всемъ протяженіи боевыхъ линій завязалась жаркая перестрѣлка. Съ самаго начала боя дѣйствіе многочисленныхъ стрѣлковъ неприятельскихъ, вооруженныхъ штуцерами съ коническими пулями, произвело сильное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Первыми жертвами сего смертоноснаго оружія пали многія изъ начальствующихъ лицъ, и это неизбежно должно было имѣть большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ сраженія.

(*) Пѣхоты: 8 бат. и 16 оруд. 14-й Пѣхотной дивизіи, 16 батал. и 36 оруд. 16-й дивизіи, 12 бат. и 24 оруд. 17-й Дивизіи, 4 батал. резервной бригады 13-й дивизіи, 6-и Стрѣлковый Батальонъ, 6-й Саперный и Морской Сводной Батал.; кавалеріи: 2-я (гусарская) бригада 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, съ Конною Легкою № 12-го и Донскою Казач. № 4 батареями.

(**) Турки оставались въ резервъ, позади французскихъ войскъ.

Занявъ виноградники праваго берега Алмы, непріятельскіе батальоны свернулись въ колонны, перешли черезъ рѣчку и снова развернулись на лѣвомъ берегу ея, несмотря на непрерывное дѣйствіе нашихъ батарей. Князь Меншиковъ приказалъ первой линіи встрѣтить противника штыками, чтобъ сбросить его снова къ рѣкѣ. Батальоны наши нѣсколько разъ брали ружье на руку и бросались впередъ, вслѣдъ за храбрыми своими начальниками, но каждый разъ, встрѣчаемые жестокимъ батальнымъ огнемъ развернутаго строя, или густою цѣпью штуцерныхъ, отражаемы были съ большою потерею. Непріятельская пѣхота стойко и непоколебимо выдерживала отличное дѣйствіе нашей артиллеріи: развернутые батальоны ложились на землю и скрывались за мѣстностью, пока стрѣлки поражали артиллеристовъ. Въ одномъ изъ нашихъ дивизионовъ вся прислуга и лошади легли на мѣстѣ.

Между-тѣмъ какъ упорный этотъ бой происходилъ въ центрѣ позиціи и на правомъ нашемъ крылѣ лѣвый флангъ, несмотря на отдаленность свою отъ морскаго берега, поражаемъ былъ выстрѣлами непріятельскаго флота; подъ покровительствомъ этого огня морской артиллеріи, одна французская колонна, имѣя въ головѣ африканскія войска (такъ-называемыхъ зуавовъ), перешла близъ морскаго берега чрезъ долину р. Алмы, и по едва-замѣтной тропинкѣ вдоль узкаго оврага быстро взобралась на возвышенія. Появленіе этихъ войскъ на флангѣ нашемъ и даже почти въ тылу, заставило князя Меншикова выдвинуть изъ резерва Московскій и Минскій пѣхотные полки, съ нѣсколькими эскадронами гусаръ; но французы успѣли уже выставить на высотахъ батарею, которая встрѣтила наши резервы сильнымъ огнемъ. Оба названные полка принуждены были отступить.

Тогда князь Меншиковъ, видя, что лѣвый флангъ обойденъ, что центръ и правый флангъ, послѣ понесеннаго ими тяжкаго урона, также не въ силахъ уже держаться, началъ отводить всѣ войска къ р. Качѣ. Для прикрытія ихъ отступленія, онъ выдвинулъ гусарскую бригаду; эта мѣра, а можетъ-быть, и значительная потеря, которую долженъ былъ претерпѣть непріятель, остановили его преслѣдованіе. Онъ остался на рѣкѣ Алмѣ, а наши войска, уже послѣ полуночи, перешли за Качу.

Въ этомъ кровопролитномъ бою обѣ стороны сильно пострадали. У насъ убито 1,762 чел., ранено 2,315, контужено 405. Въ числѣ убитыхъ было 45 штабъ и обер-офицеровъ; въ числѣ раненыхъ 4 генерала (начальникъ 16-й дивизіи, генерал-лейтенантъ Квицинскій, бригадный командиръ той же дивизіи, генерал-майоръ Щелкановъ, бригадный командиръ 17-й дивизіи, генерал-майоръ Гогиновъ и командиръ Московскаго Пѣхотнаго Полка, генерал-майоръ Куртыановъ) и 96 штабъ и обер-офицеровъ.

Уронъ на сторонѣ непріятеля положительно неизвѣстенъ; по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ даже превышалъ нашу потерю; но, во всякомъ случаѣ, упорное наступленіе батальоновъ, подъ градомъ нашихъ ядеръ и картечи, не могло не стоить дорого и союзникамъ.

Чтобъ дать нашимъ войскамъ оправиться и въ-особенности пополнить заряды и запасы, князь Меншиковъ 9-го числа отъѣлъ ихъ черезъ Инкерманскій Мостъ на южную сторону Севастополя и оставался здѣсь въ-теченіе трехъ дней. Въ это время непріятель передвинулся на Качу и Бельбекъ. Высланный, 11-го числа, на сѣверную сторону, авангардъ генерал-лейтенанта Кирьякова встрѣтилъ значительныя силы союзниковъ, а потому отошелъ къ Инкерману.

12-го числа, князь Меншиковъ, видя, что непріятель можетъ стать на сообщенія его съ внутренностью имперіи, рѣшился предупредить столь невыгодное послѣдствіе и предпринялъ самое отважное, искусное движеніе. Оставивъ въ гарнизонѣ Севастополя только восемь резервныхъ батальоновъ и высаженный съ флота морскія команды, онъ, съ большею частью своихъ силъ и всѣми обозами и паркомъ, выступилъ вечеромъ изъ города, перешелъ черезъ Черную Рѣчку, поднялся на гору у Мекензіева Хутора и, слѣдуя всю ночь, благополучно дошелъ до р. Бельбека. Пробывъ сутки на этой рѣкѣ, у дер. Отаркой, князь Меншиковъ, 14-го числа, оставилъ тутъ авангардъ генерал-майора Жабокрицкаго, а съ главными силами продолжалъ движеніе до р. Качи и расположился въ четырехъ верстахъ впереди Бахчисараа. Въ этомъ расположеніи онъ поджидалъ подвоза запасовъ изъ Симферополя и подкрѣпленій какъ изъ Перекопа, такъ и съ генераломъ Хомутовымъ изъ Керчи. Съ прибытіемъ ихъ, князь Меншиковъ полагалъ непріятели, стоявшаго на высотахъ передъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ, атаковать во флангъ и въ тылъ.

Но въ то самое время, когда русскія войска совершали свое фланговое движеніе отъ Севастополя къ Бахчисараю, непріятель направился фланговымъ же маршемъ съ сѣверной стороны севастопольской бухты на южную. 13-го числа, утромъ, передовыя англійскія войска, приблизившись къ Мекензіеву Хутору, застали тутъ неожиданно хвостъ русскихъ обозовъ и отбили нѣсколько оставшихъ парковыхъ повозокъ. Союзники продолжали движеніе по дорогѣ на Балаклаву и, при содѣйствіи своего флота, заняли этотъ городокъ, несмотря на геройское, но тщетное сопротивленіе малочисленной команды балаклавскаго греческаго батальона. Получивъ такимъ-образомъ новый опорный пунктъ на берегу моря, непріятельскія силы расположились на пространствѣ между Черной Рѣчкой и Херсонесскимъ Мысомъ, начали укрѣплять Балаклаву, свозить съ кораблей осадную артиллерію и тяжести, а потомъ открыли траншейныя работы противъ южныхъ севастопольскихъ укрѣпленій.

Князь Меншиковъ, узнавъ о передвиженіи непріятели, 16-го сентября прибылъ къ Бельбеку, а на другой день расположился съ главнымъ своимъ отрядомъ между этою рѣкою и севастопольскою бухтою, занявъ спускъ къ Инкерману авангардомъ генерал-майора Жабокрицкаго. Часть войскъ введена была въ самый Севастополь для усиленія гарнизона его; всѣ мѣры приняты къ упорной защитѣ города; а для прегражденія непріятельскому флоту доступа въ бухту, при входѣ въ оную, затоплено нѣсколько старыхъ судовъ.

Между-тѣмъ ожидаемыя подкрѣпленія изъ Керчи и Перекопа по-отепленно присоединялись къ дѣйствующему отряду и дали возможность еще усилить гарнизонъ Севастополя. Сводная Бригада Резервной Легкой Кавалерійской Дивизіи генерал-лейтенанта Рыжова расположилась на Качѣ, для охраненія сообщенія отряда съ Симферополемъ; отъ нея же посланы были легкіе отряды въ горы къ дер. Чургуну, на р. Черной, и къ Байдарской Долинѣ.

22-го числа генерал-майоръ Красновъ былъ отправленъ на рекогносцировку къ Евпаторіи съ 8-ю сотнями Донскихъ № 61-го и 67-го Казачьихъ Полковъ, и доставилъ свѣдѣніе, что городъ этотъ приведенъ въ оборонительное положеніе, занятъ гарнизономъ изъ турокъ, арабовъ и 1000 чел. англо-французскихъ войскъ, а съ моря прикрытъ эскадрою. Казаки, при этомъ поискѣ, отбили скотъ, приваженный къ Евпаторіи изъ окрестныхъ деревень для передачи на суда.

Съ другой стороны, легкій отрядъ генерал-майора Тимоѣева, состоявшій изъ двухъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, двухъ сотенъ казаковъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, направленъ былъ въ Байдарскую Долину, съ тою цѣлью, чтобъ воспрепятствовать неприятели забирать тамъ запасы, и въ-особенности скотъ и фуражъ. Съ-тѣхъ-поръ союзники посылали за фуражемъ лишь малыя партіи къ Черной Рѣчкѣ; но вскорѣ и здѣсь подступъ былъ имъ прегражденъ.

22-го же сентября, въ шесть часовъ утра, четыре неприятели паровыя суда, изъ которыхъ два подъ англійскимъ, а два подъ французскимъ флагами, приблизились къ Николаевской Батарей, временно-устроенной на Очаковскомъ Мысѣ, для защиты входа въ Днѣпровскій Лиманъ. Командующій отрядомъ, при Очаковѣ расположеннымъ, подполковникъ конной артиллеріи Головачевъ принялъ немедленно мѣры къ отраженію неприятеля и встрѣтилъ его калеными ядрами изъ орудій батареи; вмѣстѣ съ тѣмъ открыла по немъ огонь и флотилія изъ пяти канонирскихъ лодокъ, стоявшая при Очаковѣ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Ендогурова. Неприятельскіе пароходы, вооруженные значительнымъ числомъ орудій большихъ калибровъ, дѣйствовали на нашу батарею впродолженіе трехъ съ половиною часовъ ядрами, бомбами и ракетами, но значительнаго вреда ей не причинили; сами же, потерпѣвъ поврежденія, принуждены были, одинъ за другимъ, отойти изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ. Въ десять часовъ утра все дѣло было кончено; прибрежные жители ясно видѣли, какъ потомъ пароходы подошли къ острову Березани и хоронили тамъ своихъ убитыхъ. Съ нашей стороны одинъ только рядовой раненъ и четверо нижнихъ чиновъ контужены.

Начальствующій очаковскимъ отрядомъ, подполковникъ Головачевъ, въ донесеніи своемъ свидѣтельствовалъ о стойкости роты 6-го резервнаго батальона Житомирскаго Егерскаго Полка, находившейся при батарее подъ начальствомъ штабс-капитана Терешова; въ-особенности же съ большою похвалою отозвался о хладнокровіи и мужестве прапорщика Полевой Артиллеріи Крылова, завѣдывавшаго батареею, а также о самоотверженіи благочиннаго очаковской церкви священника Гавріила Сутковскаго, который, добровольно прибывъ на

батарею, съ крестомъ въ рукахъ, благословляя ея защитниковъ, подъ непріятельскими выстрѣлами и даже самъ помогая артиллеристамъ заряжать орудія.

22-го же числа, часть англо-французскихъ войскъ, прибывъ къ Ялтѣ на десяти пароходахъ, вышла на берегъ, грабила болѣе сутокъ какъ городъ, такъ и окрестныя имѣнія, въ томъ числѣ Масандру и Ливадію, а 24-го числа, оставивъ эти опустошенныя мѣста, возвратилась къ Балаклавѣ.

Для обозрѣнія непріятельскаго расположенія между Севастополемъ и Балаклагою, 25-го числа выдвинута была къ Черной Рѣчкѣ почти вся кавалерія наша, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Рыжова. Съ разсвѣтомъ, вторая бригада шестой Легкой Кавалерійской Дивизіи перешла черезъ рѣчку, поднялась на высоты лѣваго берега ея, отогнала стояшіе здѣсь англійскіе аванпосты и благополучно возвратилась за Черную Рѣчку. При этомъ случаѣ, Лейб-Гвардія Крымско-Татарскій полуэскадронъ снялъ англійскій пикетъ гвардейскихъ драгунъ.

Затѣмъ большая часть кавалеріи, поступившей подъ общее начальство генерал-лейтенанта Рыжова, для удобнѣйшаго довольствованія ея, отведена къ прежнему мѣсту на р. Качѣ, наблюдая однимъ полкомъ морской берегъ между Качею и Алмою; сверхъ сего, почти ежедневно отряжались небольшіе летучіе отряды, для поисковъ въ тылу непріятеля со стороны Черной Рѣчки и Байдарской Долины.

Эти дѣйствія, угрожая сообщеніямъ непріятеля съ Балаклагою, отвлекали вниманіе его отъ осадныхъ работъ, предпринятыхъ противъ укрѣпленій севастопольскихъ съ южной стороны. Траншеи, заложенные въ двухъ мѣстахъ, лѣвѣе французами, а правѣе англичанами, но въ довольно-дальнемъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, подвигались весьма-медленно. Все, что въ-теченіе ночи непріятель успѣвалъ устроить съ помощью привезенныхъ имъ шапиръ и мѣшковъ съ землею, было утромъ разрушаемо мѣткими выстрѣлами крѣпостной нашей артиллеріи. Каждую ночь высылаемые изъ города охотники и малые отряды тревожили противника въ траншеяхъ и наносили ему значительный вредъ.

28-го сентября, начальникъ авангарда, генерал-майоръ Жабокрицкій, замѣтивъ, что непріятель началъ строить батарею надъ инкерманскимъ спускомъ, близъ каменоломни, расположилъ въ инкерманскихъ развалинахъ штуцерныхъ стрѣлковъ, которые мѣткими выстрѣлами немедленно принудили осаждающаго удалиться. Ночью и на другой день нѣсколько разъ непріятель пытался возобновить эту работу, но каждый разъ былъ отгоняемъ удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ штуцерныхъ и батарей.

Съ 24-го сентября постепенно начали проходить черезъ Перекопъ части войскъ, посланныя на помощь Крыму изъ Одессы и Бессарабіи. Резервная уланская дивизія, направленная отъ Перекопа къ Евпаторію, для наблюденія за находившимися тамъ непріятельскими войсками, приблизилась къ этому городу 30-го сентября. Передовыя части ея, встрѣченныя толпами арабской и татарской конницы, послаб

незначительной перестрѣлки, вогнали ихъ въ городъ. Съ этого времени Евпаторія была совершенно обложена нашею кавалеріею съ сухаго пути, и непріятель лишень всякой возможности получать запасы изъ окрестныхъ татарскихъ селеній.

1-го октября, генерал-адъютантъ князь Меншиковъ, имѣя цѣлью угрожать сообщеніямъ непріятеля съ Балаклавою, сдѣлалъ распоряженіе о занятіи частью нашей пѣхоты деревни Чоргунъ, въ долині Черной Рѣчки. Направленный туда отрядъ, постепенно былъ подкрѣп-ляемъ (4-го и 5-го), вновь-прибывавшими войсками и подчиненъ командиру 1-й Бригады 12-й Пѣхотной Дивизіи, генерал-майору Семякину.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 3-го числа, выдвинута въ Байдарскую Долину часть кавалеріи, которая, помощью разѣздовъ и летучихъ отрядовъ, вошла въ связь съ войсками, занимавшими Чоргунъ. Разставленные вдоль Черной Рѣчки аванпосты наши имѣли повременамъ перестрѣлку съ непріятелемъ и не подпускали его къ водопою.

Въ расположеніи главныхъ непріятельскихъ силъ передъ Севастополемъ замѣчено со 2-го числа, что онъ усиливалъ свое правое крыло и открывалъ новыя траншеи противъ Малаховой Башни. Дѣйствіе крѣпостной нашей артиллеріи продолжало замедлять осадныя его работы; но въ ночь, съ 4-го на 5-е число, ему удалось, наконецъ, прорѣзать въ своихъ траншеяхъ амбразуры и поставить значительное число орудій. Съ утра же 5-го числа, имъ открытъ на всей его линіи сильный огонь по севастопольскимъ укрѣпленіямъ.

Подробности двухдневнаго бомбардированія Севастополя, 5-го и 6-го октября, заключаются въ слѣдующихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ генерал-адъютанта князя Меншикова.

Донесеніе отъ 5-го (17) октября.

«Въ-теченіе ночи съ 4-го на 5-е число непріятель прорѣзалъ амбразуры въ устроенныхъ имъ траншеяхъ и съ шести часовъ сего утра открылъ сильный и непрерывавшійся огонь противъ нашихъ батарей и бастіоновъ, которые отвѣчали усиленно и довольно-успѣшно.

Орудія на башнѣ Малахова Кургана къ полудню были сбиты; батареи же, устроенныя въ этой части, и всѣ бастіоны не переставали дѣйствовать, и столь-удачно, что подъ-вечеръ у англичанъ осталось только два орудія для продолженія огня. Французскія батареи замолкли гораздо-прежде, вслѣдъ за взорвавшимся у нихъ пороховымъ складомъ.

Потеря съ нашей стороны, сколько я полагаю, до полученія еще подробныхъ съ каждого бастіона и батарей свѣдѣній, едва-ли значительна, но, къ истинному сожалѣнію, велика тѣмъ, что генерал-адъютантъ Корниловъ, раненый ядромъ въ ногу, вскорѣ умеръ.

Въ половинѣ перваго часа пополудни, когда бомбардировка съ траншейныхъ батарей еще продолжалась, непріятельскіе корабли открыли сильный, и непрерывными залпами, огонь противу батарей: № 10-го, Александровской и Константиновской, отвѣчавшихъ непріятелю столько же учащенными выстрѣлами. Густота дыма, при мертвомъ штилѣ и необыкновенной жарѣ, совершенно, можно сказать, закрыла все мо-

ре, такъ—что нельзя было рассмотреть ни вреда нашимъ батареямъ, ни вреда неприятельскимъ судамъ, которыхъ число, повидимому, первоначально простиралось до 14—ти.

Только съ наступленіемъ ночи огонь началъ прекращаться.

Не имѣя еще свѣдѣній о результатахъ бомбардировки, я не смѣю не поспѣшить довести обо всемъ происходившемъ сего числа до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества.

Во время бомбардировки я былъ въ Севастополѣ и видѣлъ войско; передалъ ему неизреченно—милостивыя слова Рескрипта Вашего Величества (привезеннаго ко мнѣ флигель—адъютантомъ Альбедивскимъ), присовокушивъ, что, послѣ бомбардировки, ему придется, можетъ—быть, рукопашнымъ боемъ отстаивать Севастополь отъ штурма.

Надѣюсь, что войско явить себя достойнымъ ожиданій Вашего Величества.»

Донесенія отъ 6-го (18) октября.

«Непрерывавшійся вчера, отъ восхода солнца до наступленія ночи, поразительный массою и громомъ огонь съ неприятельскихъ батарей и судовъ оказался не такъ разрушителенъ, какъ бы можно было ожидать.

Александровская Батарея, а также батарея № 10-го, за которую болѣе всего должно было опасаться, повреждены весьма—мало. Въ Константиновской оказалось болѣе поврежденій.

Изъ бастіоновъ же, дѣйствовавшихъ противъ траншейныхъ батарей неприятеля, многіе вовсе не тронуты, кромѣ бастіона № 3-го, котораго почти всѣ 33 орудія были сбиты и гдѣ мы понесли главнѣйшую потерю въ людяхъ.

Хотя подробныхъ поименныхъ списковъ объ убитыхъ и раненыхъ мнѣ еще не доставлено, но изъ общихъ, собранныхъ на мѣстахъ свѣдѣній, утѣшительно видѣть, что вся потеря наша выбывшими изъ строя едва—ли простирается до 500 человекъ.

Въ числѣ раненыхъ находятся: вице—адмиралъ Нахимовъ и капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ, но первый весьма—легко.

Въ ожиданіи бомбардировки на 6-е число, въ Севастополѣ всю ночь работали по исправленію поврежденій и замѣнили всѣ подбитыя орудія. Бастіонъ же № 3-й усиленъ противъ прежняго пристроенною къ флангу его батареею.

Сего 6-го числа весь неприятельскій огонь устремленъ былъ противъ башни на Малаховомъ Курганѣ и батарей, устроенныхъ въ этой части. Башня осталась безъ особенно—значительныхъ поврежденій, а батареи отстрѣливались съ успѣхомъ.

Огонь съ англійскихъ батарей, вообще не столь сильный, какъ вчера, сталъ, послѣ полудня, замѣтно уменьшаться, вѣроятно, вслѣдствіе того, что генерал—майоръ Семякинъ съ вѣрнымъ ему отрядомъ двинулся, по приказанію моему, изъ деревни Чоргунъ на баялаковскія высоты и, показавшись въ тылу англійскаго лагеря, произвелъ тамъ нѣкоторое замѣшательство, такъ—что войско спѣшило

строиться и выступило по направленію къ Балаклавъ. Этою демонстраціею отдѣльнаго отряда достигнута имѣвшаяся въ виду цѣль : отвлечь непріятели отъ крѣпости. Французскія батареи почти вовсе по Севастополю 6-го числа не дѣйствовали.

Бомбардировавшія вчера суда и, какъ кажется, одни только французскія, сего утра отошли къ Херсонесскому Маяку.

Вчера за дымомъ, а сегодня за утреннимъ туманомъ въ морѣ, нельзя было разглядѣть какой вредъ нанесенъ судамъ. Казалось, что у одного корабля подбитъ рангоутъ и будто-бы два другіе загорѣлись отъ каленыхъ нашихъ ядеръ; но съ достовѣрностью утверждать этого не могу.

Морскіе чины, отъ офицера до матроса, которымъ исключительно ввѣрена защита города съ батареями и бастіонами, явили 5-го числа, во время бомбардировки, примѣрное и достохвальное мужество и стойкость.

На бастіонѣ № 3-го три раза орудіяная прислуга была замѣняема, а между-тѣмъ люди, съ весельемъ и пѣснями, соперничая другъ предъ другомъ, исполняли свое дѣло.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть о вице-адмиралѣ Нахимовѣ, который, дѣятельностью и распорядительностью своею, подвигалъ какъ эти нравственные средства, такъ и матеріальныя, къ упорному и успѣшному отраженію ударовъ непріятели.»

8-го числа генерал-майоръ Семякинъ сдѣлалъ наступательное движеніе отъ дер. Чоргунъ на лѣвую сторону р. Черной, направивъ двѣ колонны къ дер. Комары и къ небольшому укрѣпленію, которое близъ этой деревни было устроено непріятеlemъ. Найдя оба эти пункта имъ оставленными, отрядъ нашъ, съ наступленіемъ ночи, возвратился на прежнія свои мѣста. Англійскія войска снова затѣмъ были выдвинуты къ дер. Комары, открыли ружейный и пушечный огонь по тѣмъ высотамъ, которыя были уже нами покинуты, и ничего болѣе не предпринимали.

Подъ Евпаторіею дѣйствія ограничивались перестрѣлками нашихъ уланскихъ и казачьихъ аванпостовъ съ непріятельскими партіями, покушавшимися выходить изъ города. 8-го числа, вызванные въ охотники Уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны Полка поручикъ Горячевъ и корнетъ Богомолецъ, съ двадцатью уланами и нѣсколькими казаками, пользуясь туманомъ, подсккали къ самой Евпаторіи, врубившись въ толпу татаръ, стоявшую передъ городскою стѣною, положили двѣнадцать человекъ на мѣстѣ, двухъ взяли въ плѣнъ, многихъ поранили и на плечахъ бѣгущихъ ворвались въ городъ; у заставы они закололи стоявшихъ трехъ часовыхъ французской пѣхоты, и когда въ городѣ произошло общее смятеніе, отошли назадъ, угнавъ болѣе тысячи головъ скота, овецъ и лошадей.

При этомъ одинъ корнетъ Богомолецъ легко раненъ пикою.

Въ ночь съ 8-го на 9-е изъ Севастополя посланы были отряды охотниковъ на непріятельскія батареи. Одинъ изъ этихъ отрядовъ,

состоявший изъ пяти офицеровъ и 27-ми нижнихъ чиновъ (*), бросился на французскія траншеи, заклепалъ восемь мортиръ и одиннадцать пушекъ и, лишивъ такимъ образомъ батарею возможности дѣйствовать на другой день, возвратился въ городъ. Удачная эта вылазка, распространившая общую тревогу въ неприятельскомъ лагерѣ, стоила намъ двухъ убитыхъ офицеровъ (лейтенантъ Троицкій и мичманъ князь Путянинъ) и одного матроса. Прочія команды вездѣ встрѣтили бдительное со стороны неприятеля наблюдение и возвратились, потерявъ двѣнадцать раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Вообще при бомбардированіи 8-го числа у насъ убито 50 человекъ (въ томъ числѣ 3 офицера) и ранено 197 (офицеровъ 5).

9-го и 10-го октября бомбардированіе Севастополя съ неприятельскихъ осадныхъ батарей продолжалось; но причиненныя нашими укрѣпленіямъ поврежденія были попрежнему маловажны и немедленно же исправлялись, такъ-что огонь не прекращался ни съ одного изъ нашихъ бастионовъ. Потеря у насъ 9-го числа состояла изъ 30 убитыхъ (1 офицеръ) и 160 раненыхъ (3 офицера); 10-го же числа — еще не приведена въ извѣстность.

Въ ночь съ 9-го на 10-е одинъ изъ нашихъ пикетовъ, состоявшій изъ восьми человекъ, замѣтивъ приближавшійся англійскій патруль изъ сорока человекъ, смѣло бросился на неприятеля, разсыпалъ его и взялъ въ плѣнъ командовавшаго патрулемъ гвардейскаго капитана лорда Дункельна (сына лорда Кланрикарда).

Со стороны моря неприятель опять ничего не предпринималъ.

13-го октября начались наступательныя наши дѣйствія противъ осаждающихъ и были увѣнчаны успѣхомъ. Подробности сего заключаются въ слѣдующемъ донесеніи генерал-лейтенанта Липранди.

Донесеніе генерал-адъютанту князю Мекшикову начальника 12-й Пѣхотной Дивизіи, генерал-лейтенанта Липранди, отъ 14-го октября, № 3076.

«Вслѣдствіе приказаній Вашей Свѣтлости, 13-го октября, войска вѣренней мнѣ дивизіи съ прикомандированными къ ней частями, произвели общее наступленіе изъ с. Чоргуна и атаквали укрѣпленія на высотахъ, образующихъ Кадыкіокскую Долину.

(*) Лейтенантъ Троицкій, мичманъ кн. Путянинъ, подпоручики Минскаго Полка Степановъ и Бѣлостокскаго Скородумовъ, Корнуса Флотскихъ Штурмановъ прапорщикъ Четыркинъ, 33-го флотскаго экипажа квартирмейстеры: Федоръ Коломиецъ, Григорій Ковальчукъ, Парфенъ Зиньковский, Григорій Павловъ; матросы: Сергѣй Герасимовъ, Петръ Мислевичъ, Демьянъ Шталовъ, Никифоръ Егоровъ, Терентій Юдинъ, Василій Ковернюкъ, Максимъ Тищенко, Петръ Абрамовъ, Иванъ Логвиненко, Емельянъ Жесанъ, Гаврило Науменко, Потапъ Амелъченко, Макаръ Тимофеевъ, Трофимъ Сыроштановъ, Максимъ Чененый, Гордѣй Дмитриевъ, Еремѣй Корниенко, Ефимъ Антоновъ, Амвросій Бутовъ, Леонцій Стѣльмашенко, Иванъ Степановъ, Юзефъ Франковскій, и Рогъ Научукъ.

Сходно диспозиціи, на вышеписанное число мною отданной, всѣ войска отряда выступили въ пять часовъ утра изъ с. Чоргуна, по двумъ ущельямъ. По главному ущелью, ведущему изъ сел. Чоргуна на Кадыкой, наступалъ, подъ командою генерал-майора Левуцкаго: Украинскій Егерскій Полкъ, съ четырьмя орудіями Батарейной № 4-го Батареи и шестью орудіями Легкой № 7-го Батареи. Части эти стройно выдвинулись впередъ и, подойдя къ кадыкойскимъ высотамъ, открыли огонь по укрѣпленіямъ № 1-го и 2-го; вслѣдъ за этими частями вышли, подъ командою генерал-майора Семякина, Азовскій Пѣхотный Полкъ, 4-й батальионъ Днѣпровскаго Полка, дивизионъ Батарейной № 4-го и шесть орудій Легкой № 6-го Батареи. По второму ущелью, вдущему изъ Чоргуна въ Байдарскую Долину, наступали, подъ командою генерал-майора Гриббе, первые три батальиона Днѣпровскаго Пѣхотнаго Полка, съ шестью орудіями Легкой № 6-го, дивизиономъ Батарейной № 4-го Батареи, сотнею Донскаго № 53-го Казачьяго Полка и эскадрономъ Своднаго Уланскаго Полка. Генерал-майоръ Гриббе, выдвинувшись впередъ, занялъ с. Комары, пославъ сотню казаковъ къ Байдарской Долинѣ. Одновременно съ этимъ движеніемъ, генерал-майоръ Семякинъ, выйдя на позицію влѣво отъ Украинскаго Полка, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня и разсыпанной впереди цѣпи 2-й роты 4-го стрѣлковаго батальиона, съ штуцерниками отъ Азовскаго Пѣхотнаго Полка, двигался быстро съ Азовскимъ Подкомъ, построеннымъ въ двѣ линіи въ ротныхъ колоннахъ, имѣя между линіями не болѣе ста шаговъ; а въ третьей линіи 1-й батальионъ Азовскаго и 4-й батальионъ Днѣпровскаго Полковъ, въ колоннахъ къ атакѣ. Симъ строемъ подойдя къ укрѣпленной непріятелемъ высотѣ, на разстояніе отъ подошвы не болѣе 150 шаговъ, генерал-майоръ Семякинъ приказалъ идти на приступъ. Быстро двинулись роты и въ семь съ половиною часовъ Азовскій Полкъ поставилъ свои знамена на укрѣпленіяхъ. Трофеями были три крѣпостныя орудія и лагерь. Въ этомъ укрѣпленіи непріятель потерялъ одними убитыми болѣе 170 чел.

Въ то же время непріятель, вида быстрое овладѣніе главною высотой и наступленіе Украинскаго Егерскаго Полка, оставилъ укрѣпленія №№ 2-го и 3-го (первое съ двумя, а второе съ тремя орудіями), которыя и были тотъ же часъ заняты нашими войсками. Одесскій Егерскій Полкъ, съ Легкою № 7-го Батареею, подъ командою полковника Скюдери, наступалъ на редутъ № 4-го; устрешенный непріятель не привялъ и на этомъ пунктѣ атаки и оставилъ укрѣпленіе и въ немъ три орудія. Кромѣ того, во всѣхъ укрѣпленіяхъ оставлены непріятелемъ палатки, порохъ въ погребкахъ и шанцовый инструментъ.

Немедленно, по занятіи укрѣпленій, я приказалъ войскамъ устроиться на оныхъ. Укрѣпленіе № 4-го, какъ слишкомъ-далеко выдавшееся впередъ, я приказалъ сейчасъ же скрыть; находившіяся на ономъ орудія заклепать, перерубить колеса у лафетовъ, а самыя орудія сбросить съ горы. Когда все это было исполнено, тогда войска, занимавшія укрѣпленіе, присоединились къ общей линіи остальныхъ войскъ.

Находившаяся при отрядѣ, подъ командою генерал-лейтенанта Рыжова, Гусарская Бригада 6-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, съ Коннолегкою № 12-го и Казачьею Батарейною № 3-го Батареями, была поставлена на правомъ флангѣ общаго боеваго порядка. Донская артиллерія, при наступленіи войскъ, быстро вынеслась впередъ и, занявъ позицію, мѣткими выстрѣлами своими способствовала успѣху общаго наступленія.

Когда всѣ укрѣпленія были заняты, я выдвинулъ кавалерію, съ Уральскимъ Казачьимъ № 1-го Полкомъ и тремя сотнями Донскаго Казачьяго № 53-го Полка, за перевалъ высотъ къ непріятельскому лагерю. Кавалерія наша быстро вынеслась впередъ до самаго лагеря, но, встрѣченная съ фланга огнемъ непріятельскихъ штуцерныхъ, а съ фронта англійской кавалеріею, должна была остановиться и потомъ отошла, попрежнему, на правый флангъ общаго боеваго порядка, уступомъ назадъ.

Въ это время генерал-майоръ Жабокритскій, съ отрядомъ Владимірскаго (три батальйона), и Суздальскаго Пѣхотныхъ Полковъ, десяти орудій Батарейной № 1-го Батареи, четырехъ орудій Легкой № 2-го Батареи 16-й Артиллерійской Бригады, двухъ ротъ стрѣльковаго № 6-го батальйона, дивизіона Гусарскаго Гросс-герцога Саксен-Веймарскаго Полка и двухъ сотенъ казаковъ № 60-го Полка (Попова) выдвинулся на высоты, лежавшія вправо отъ нашей кавалеріи, и занялъ ихъ.

Едва только кавалерія наша успѣла выстроиться за правымъ флангомъ пѣхоты, какъ изъ-за высоты, гдѣ находилось укрѣпленіе № 4-го, показалась англійская кавалерія въ числѣ болѣе 2000 человекъ. Отчаянное нападеніе ея побудило генерал-лейтенанта Рыжова отступить по дорогѣ къ Чоргуну, чтобъ заманить непріятеля. Между-тѣмъ, я придвинулъ къ правому своему флангу, пришедшій изъ Байдаръ къ отряду генерал-майора Гриббе, Сводный Уланскій Полкъ, подъ командою полковника Еропкина, приказавъ сему полку стать за пѣхотою въ скрытномъ мѣстѣ. Непріятель произвелъ самую упорную атаку, и, несмотря на мѣткій картечный огонь шести орудій Легкой № 7-го Батареи, штуцерныхъ отъ Одесскаго Егерскаго Полка и роты 4-го стрѣльковаго батальйона, находившейся на правомъ флангѣ, а также и на огонь части артиллеріи отряда генерал-майора Жабокритскаго, бросился на нашу кавалерію; но въ это время три эскадрона Своднаго Уланскаго Полка ударили во флангъ непріятелю. Неожиданная атака эта, произведенная стройно и рѣшительно, имѣла блестящій успѣхъ: вся непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ бросилась назадъ, преслѣдуемая нашими уланами и огнемъ батарей. При этой атакѣ непріятель потерялъ болѣе 400 убитыхъ, 60 раненыхъ, подорванныхъ на полѣ, и 22-хъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находится одинъ штаб-офицеръ.

Одинъ французскій эскадронъ африканскихъ конныхъ егерей бросился на отрядъ генерал-майора Жабокритскаго; обскакавъ лѣвый флангъ батарейной батареи, онъ прорвался сквозь стрѣлковую цѣпь до самой батареи и началъ рубить прислугу; за нимъ неслись и про-

чие эскадроны. Тогда два батальона Владимирскаго Полка, подъ личнымъ начальствомъ самого генерал-майора Жабокритскаго, бросились въ штыки и принудили непріятельскую кавалерію податься назадъ; ее провожали мѣткіе выстрѣлы черноморскихъ пластуновъ и стрѣлковъ до подошвы горы. Болѣе десяти тѣлъ и нѣсколько лошадей остались на мѣстѣ; три человека взято въ плѣнъ; офицеръ, командовавшій непріятельской атакой, убитъ.

Замѣтивъ, что непріятель началъ снова подводить къ своему лѣвому флангу свѣжія войска, я усилилъ мой правый флангъ и расположилъ всѣ войска отряда слѣдующимъ образомъ:

Однимъ батальономъ Днѣпровскаго Полка занялъ с. Комары; Азовскій Пѣхотный Полкъ и 1-й батальонъ Днѣпровскаго назначилъ для защиты укрѣпленія № 1-го; одинъ батальонъ Украинскаго Егерскаго Полка оставилъ въ укрѣпленіи № 2-го, а другой батальонъ сего же полка въ укрѣпленіи № 3-го, близъ котораго расположенъ также весь Одесскій Егерскій Полкъ, два батальона Днѣпровскаго и одинъ Украинскаго Егерскаго Полковъ. Вся артиллерія поставлена на выгодныхъ мѣстахъ; кавалерія, попрежнему, стала на правомъ флангѣ пѣхоты; но непріятель уже болѣе не производилъ атаки, и въ четыре часа пополудни прекратилъ канонаду.

Потерю нашу, при овладѣніи съ боя столь сильною позиціею, я считаю въ пѣхотѣ весьма-незначительною; въ кавалеріи она была нѣсколько-болѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Краткая по сему предмету вѣдомость присемъ представляется (*).

Успѣхомъ этого дня я обязанъ усердію и распорядительности гг. частныхъ начальниковъ, мужеству и рвенію всѣхъ войскъ. Въ особенности же командиръ 1-й бригады вѣрренной мѣ дивизіи, генерал-майоръ Семякинъ и, находившійся подъ его начальствомъ, командиръ Азовскаго Пѣхотнаго Полка полковникъ Криденеръ, которымъ предназначено было атаковать самый сильный редутъ № 1-го, находящійся на большой и крутой возвышенности, подавали собою примѣръ храбрости и распорядительности. Атака Азовскаго Пѣхотнаго Полка была исполнена смѣло, быстро и рѣшительно. 2-я рота 4-го стрѣлковаго батальона, подъ командою штабс-капитана Калакуцкаго; шесть орудій Легкой № 6-го Батареи, подъ начальствомъ подполковника Аванасьева, и дивизионъ Батарейной № 4-го Батареи, подъ командою поручика Посникова, находясь при той же колоннѣ, дѣйствовали съ примѣрною быстротою и мѣткостью, что и облегчило взятіе высоты.

При нападеніи непріятельской кавалеріи и отраженіи оной, находившіеся при Одесскомъ Егерскомъ Полку восемь орудій Легкой № 7-го Батареи, подъ начальствомъ командира батареи, капитана Бо-

(*) Въ этой вѣдомости значится убитыхъ: штабъ и обер-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 232; раненыхъ: генераль 1, штабъ и обер-офицеровъ 19 и нижнихъ чиновъ 292.

жанова, мѣткими картечными выстрѣлами нанесли главнѣйшій вредъ непріятельской кавалеріи.

Всѣ дѣйствія артиллеріи 12-й Артиллерійской Бригады, направляемые командиромъ оной, полковникомъ Нѣмовымъ, увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Присланные ко мнѣ Вашею Свѣтлостію Генеральнаго Штаба полковникъ Герсеговановъ и адъютантъ Вашей Свѣтлости, капитан-лейтенантъ баронъ Виллебрандтъ, находясь при мнѣ во все время сраженія, были мнѣ весьма-полезными помощниками, передавая съ строжайшею точностію всѣ мои приказанія войскамъ, въ передовой линіи находившимся.

При этомъ имѣю честь представить Вашей Свѣтлости взятые въ укрѣпленіи № 1-го турецкіе знамя и значекъ.»

Послѣ 13-го числа непріятель ничего противъ позиціи, занятой въ тылу его, отрядомъ генерал-лейтенанта Липранди, не предпринималъ. Въ то же время противъ Севастополя огонь съ англійскихъ батарей производился гораздо-слабѣе, нежели въ предшествовавшіе дни. Французскія батареи продолжали еще канонаду довольно-сильную, но, по-прежнему, важныхъ поврежденій намъ не причиняли. Артиллерія наша отвѣчала съ такимъ успѣхомъ, что заложенная французами еще съ 11-го числа, въ 200 саженьяхъ отъ бастіона № 4-го, новая батарея, примѣрно на 30 орудій, не могла до 15-го числа быть вооружена по причинѣ губительнаго съ означеннаго бастіона картечнаго огня.

24-го октября произведена была изъ Севастополя вылазка со стороны бастіона № 1-го, въ которой участвовали слѣдующія войска:

10-й Пѣхотной Дивизіи: полки Екатеринбургскій, Томскій и Колыванскій.

11-й Пѣхотной Дивизіи: полки Селенгинскій, Якутскій и Охотскій.

16-й Пѣхотной Дивизіи: полки Владимірскій, Суздальскій и Углицкій и

17-й Пѣхотной Дивизіи: полки Бутырскій, Бородинскій и Тарутинскій.

Артиллеріи было столько, сколько трудность взвѣздовъ дозволяла взять (*).

Командованіе войсками поручено было командиру 4-го Пѣхотнаго Корпуса, генералу отъ инфантеріи Данненбергу.

Первый натискъ нашъ на высоты былъ весьма-удаченъ: англійскія укрѣпленія взяты и одиннадцать орудій ихъ заклепаны. Къ несчастію, присемъ первомъ движеніи ранены были начальники войскъ 10-й дивизіи, атаковавшей завалы и редуты; между-тѣмъ французскія силы прибыли на подкрѣпленіе. Осадная артиллерія англичанъ выведена была ими въ поле и наша полевая не могла уже выгодно съ нею состязаться. Числительное превосходство непріятельскихъ штуцерныхъ наносило значительный уронъ въ артиллеріи лошадямъ и прислугѣ, а въ пѣхотѣ—офицерамъ; почему невозможно было, безъ жертво-

(*) Часть войскъ переходила чрезъ Инкерманскій Мостъ.

ванія войскъ, довершить начатыя нами во время боя редуты на мѣстности, которую командовала непріятельская позиція до самаго Севастополя.

Отступление совершилось въ порядкѣ въ Севастополь и чрезъ Инкерманскій Мостъ, а подбитыя орудія свезены съ поля сраженія въ городъ.

Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ находились въ этомъ жестокомъ огнѣ, подавая примѣръ мужества и хладнокровія въ бою.

Одновременно съ сею вылазкою учинена была другая на французскія батареи: Минскимъ Пѣхотнымъ Полкомъ съ одною Легкою Батареєю, подъ начальствомъ артиллеріи генерал-майора Тимоѣева. Во время этой вылазки заклепано пятнадцать орудій.

Потеря наша убитыми не приведена была тогда въ извѣстность, но число раненыхъ простиралось до 3,500 чел. нижнихъ чиновъ и 109 офицеровъ. Въ числѣ послѣднихъ находились; генерал-лейтенантъ Соймоновъ, прострѣленный въ животъ насквозь, и вскорѣ оттого умершій; генерал-майоры: Вильбоа и Охтерлоне; командиры полковъ, полковники: Екатеринбургскаго Пѣхотнаго Александровъ, Томскаго Пустовойтовъ, Охотскаго Егерскаго Бибиновъ, Владимірскаго Пѣхотнаго баронъ Дельвигъ, и Бородинскаго Егерскаго Веревкинъ-Шелюта 2-й.

Контужены: начальникъ артиллеріи генерал-майоръ Кишинскій осколкомъ бомбы; Свиты Его Императорскаго Величества генерал-майоръ князь Меншиковъ—въ шею; флигель-адъютантъ, полковникъ Альбединскій и адъютантъ князя Меншикова, ротмистръ Грейгъ—въ голову.

Подъ генераломъ Данненбергомъ убиты двѣ лошади и окружавшія его лица переранены.

Уронъ непріятеля долженъ быть также не менѣе значителенъ и вылазка генерала Тимоѣева обошлась недешево французамъ, ибо, преслѣдуя его густыми массами, они попали подъ сильный картечный огонь съ бастиона № 6-го (*).

Одновременно же съ вышеописанными движеніями войска, состоявшія подъ начальствомъ князя Горчакова, сдѣлали демонстрацію на Кадыкой, чѣмъ и удержали въ бездѣйствіи балаклавскій отрядъ непріятеля.

(*) По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣ дѣла 24-го октября, оказалось, что потеря, понесенная нашими войсками въ этотъ день, была: съ нашей стороны число убитыхъ простиралось всего до 2,969 челов., со включеніемъ 42 штабъ и обер-офицеровъ; раненыхъ до 5,791, въ томъ числѣ два генерала и 206 штабъ и обер-офицеровъ. Однакожь въ этомъ числѣ было весьма-много легко-раненыхъ, которые поступили въ строй. Уронъ непріятеля положительно намъ неизвѣстенъ; но достоверно, что онъ также весьма-много потерпѣлъ; въ числѣ убитыхъ у нихъ, по разсказу плѣнныхъ, должно-быть, три генерала.

Въ дополненіе къ краткому извѣстію о кровопролитномъ дѣлѣ 24-го октября (8 ноября), князь Меншиковъ доставилъ болѣе-подробныя объ ономъ свѣдѣнія, заключающіяся въ слѣдующихъ донесеніяхъ:

1) *Донесеніе командира 4-го Пѣхотнаго Корпуса, генерала-отъ-инфантеріи Данненберга, отъ 27-го октября.*

«На основаніи диспозиціи по крымской арміи на 24-е октября, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Генерал-лейтенанту Соймонову, командовавшему правою колонною, предписано было, выстроивъ въ боевой порядокъ до разсвѣта, производить наступательное движеніе, упираясь лѣвымъ флангомъ о лѣвый берегъ оврага Килен-балки, дабы, пользуясь удобною для движенія и дѣйствій мѣстностью, развлечь непріятельскія силы, расположенныя около верховья помянутаго оврага.

Лѣвой же колоннѣ, подѣ командою генерал-лейтенанта Павлова, предписано было: 12-ю батальонами Охотскаго, Бородинскаго и Тарутинскаго Егерскаго Полковъ, съ двумя ротами 4-го Стрѣлковаго Батальона, занять и очистить покрытыя густымъ кустарникомъ ушеля за Черною Рѣчкою и двинуть прочія войска по новой, такъ-называемой саперной дорогѣ. Потомъ, построивъ между оврагомъ Килен-Балки и означенными выше ущельями, дѣйствовать на одной высотѣ съ колонною генерал-лейтенанта Соймонова.

Къ крайнему сожалѣнію, колонна генерал-лейтенанта Соймонова, вмѣсто взятія вышеуказаннаго направленія, перешла на правый берегъ оврага Килен-Балки и, съ разсвѣтомъ, не выждавъ появленія лѣвой колонны, быстро двинулась впередъ; къ чему она была, впрочемъ, принуждена сильнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, который, не будучи угрожаемъ съ лѣваго своего фланга, могъ сосредоточить всѣ силы свои между верховьемъ Килен-Балки и Долиною Инкерманскою, на весьма-выгодной для обороны и крайне-пересѣченной мѣстности. Въ 1-й линіи были Томскій и Колыванскій полки, а за ними Екатеринбургскій Пѣхотный Полкъ. За правымъ флангомъ сихъ войскъ шли, подѣ командой генерал-майора Жабокритскаго, Бутырскій Пѣхотный и Углицкій Егерскій полки и 1-я бригада 16-й Пѣхотной Дивизіи, какъ резервъ для прикрытія праваго фланга, сообразно предположенію дѣйствовать на лѣвомъ берегу Килен-Балки.

Для избѣжанія разрушительнаго огня непріятельскихъ штуцерныхъ, Томскій и Колыванскій полки, предшествуемые цѣпью штуцерныхъ, и построившись въ ротныя колонны, бросились на непріятеля, поддерживаемые Батарейною № 2-го Батарею 10-й Артиллерійской Бригады, Батарейною № 1-го 10-й и Легкою № 4-го 17-й Артиллерійской Бригады. Егеря преслѣдовали непріятеля неостановочно, 2-й батальонъ Томскаго и 1-й и 2-й батальоны Колыванскаго полковъ бросились на непріятельскую батарею и заклепали два орудія. Вслѣдъ за симъ 1-й и 3-й батальоны Екатеринбургскаго Пѣхотнаго Полка прошли впередъ и вправо чрезъ Килен-Балку и взяли съ боя часть непріятельскаго лагеря; причемъ заклепали четыре орудія. Успѣшное сіе дѣйствіе прекращено одновременно почти потерю: ране-

наго смертельно генерал-лейтенанта Соймонова; бригадного командира 2-й Пѣхотной Дивизіи, генерал-майора Вильбоа; командира 10-й Артиллерійской Бригады, полковника Загоскина, и командировъ полковъ: Екатеринбургскаго, Томскаго и Колыванскаго, въ которыхъ убиты также убитыми, ранеными батальонные командиры и значительное число офицеровъ.

Полки Егерской Бригады 10-й Пѣхотной Дивизіи 2-й и 4-й батальоны Екатеринбургскаго Пѣхотнаго Полка принуждены были спуститься въ верхнюю часть оврага, въ которомъ пролегаетъ каменоломня. Здѣсь завязалась упорная перестрѣлка. Батарейная № 2-го Батарея 10-й Артиллерійской Бригады и Батарейная № 1-го 16-й, съ Легкими № 4-го и № 8-го Батареями 17-й Артиллерійской Бригады, по распоряженію генерал-майора Жакобритскаго, заняли возвышеніе за вышеупомянутымъ оврагомъ и вправо, параллельно оврагу Киле-Балки. Полки же расположились: Бутырскій Пѣхотный на лѣвомъ флангѣ батарей, Углицкій Егерскій на правомъ. Въ резервѣ же за правымъ флангомъ 1-я бригада 16-й Пѣхотной Дивизіи.

Почти одновременно съ наступленіемъ 10-й Пѣхотной Дивизіи вступили въ дѣло Тарутинскій и Бородинскій Егерскіе полки, построеныя отчасти въ ротныхъ колоннахъ и предшествуемые двумя ротами 4-го Стрѣлковаго Батальона и всеми своими штуцерными. Движеніе сихъ войскъ способствовало къ понужденію непріателя уступить быстрому напору правой колонны. Потомъ, когда полки 10-й пѣхотной дивизіи спустились въ оврагъ, вышеупомянутые полки также вступили въ перестрѣлку съ непріателемъ и бой кипѣлъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Неоднократно непріатель былъ тѣснимъ и отбрасываемъ на правомъ своемъ флангѣ; но, имѣя на ономъ всѣ свои сосредоточенными, противостоялъ натиску нашихъ войскъ. Къ восьми часамъ утра подошли, послѣ крайне-затруднительнаго движенія, на крутыя высоты остальные войска лѣвой колонны: Охотскій Егерскій, Якутскій и Селенгинскій Пѣхотные полки, съ батарейными батареями № 3-го 11-й Артиллерійской Бригады, № 1-го 10-й Артиллерійской Бригады и восьмью орудіями Батарейной № 3-го Батареи 17-й Артиллерійской Бригады. Батареи сіи были поставлены мною на лѣвомъ нашемъ флангѣ, на оконечность котораго прибыли послѣдствіи еще двѣ Донскія Конно-Легкія Батареи, которыя не могли участвовать въ дѣлѣ, по дальности занимаемой непріателемъ позиціи.

Впродолженіе дѣла, Батарейная № 2-го 10-й и восемь орудій Батарейной № 3-го и Легкой № 4-го батареи 17-й Артиллерійской Бригады, потерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ и лошадяхъ, смѣнены были Легкими №№ 1-го и 2-го 10-й и 3-го 10-й Артиллерійскихъ Бригадъ, которыя и оставались на позиціяхъ до конца дѣла.

Для поддержанія боя, продолжавшагося въ оврагѣ передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, я направилъ туда Охотскій Егерскій Полкъ, который, построенъ 3-й и 4-й батальоны въ ротныя колонны, стремительно двинулся впередъ и занялъ непріательскій редутъ съ девятью орудіями, изъ которыхъ три были взяты и спущены въ оврагъ, а остальные заклепаны. Присемъ подвигъ былъ раненъ командиръ полка,

полковникъ Бибиковъ и большая часть штабъ и обер-офицеровъ. Непріятель съ своей стороны продолжалъ подводить новыя силы, къ которымъ подошла и часть французскихъ войскъ, и принудилъ Охотскій Полкъ къ отступленію. Пользуясь глубокимъ оврагомъ, прикрывавшимъ лѣвый флангъ нашей позиціи, я направилъ еще послѣдовательно Якутскій и Селенгинскій Полки, для поддержанія лѣваго фланга въ оврагъ. Якутскій Полкъ встрѣтилъ также стремительно англичанъ, тѣмъ же Охотскій Егерскій Полкъ, и, опрокинувъ сперва съ большимъ успѣхомъ непріятеля, въ свою очередь принужденъ былъ сильнымъ штурпернымъ огнемъ и прибывшими на помощь англичанамъ французскими войсками, оставить захваченную имъ батарею.

Не имѣя болѣе на лѣвомъ флангѣ войскъ въ резервъ, я перевелъ сюда 1-ю бригаду 16-й Пѣхотной дивизіи; между-тѣмъ непріятель продолжалъ держаться съ особеннымъ упорствомъ, и какъ, кромѣ того, къ нему подошли свѣжія французскія войска, то мы были принуждены уступить его превосходству. Войска, сражавшіяся въ оврагъ, направились частью по Инжерманской Долинѣ къ переправѣ черезъ Черную Рѣчку, частью отступили на главную позицію. Для прикрытія движенія лѣваго фланга по Инжерманской Долинѣ, я направилъ еще Владимірскій Пѣхотный Полкъ, который дѣльно исполнилъ свое порученіе; причѣмъ былъ также раненъ командиръ полка полковникъ баронъ Дельвигъ. Вскорѣ разрушительный огонь непріятельской артиллеріи принудилъ насъ отступить къ городу. Движеніе сіе совершилось безпрепятственно и безъ натиска со стороны непріятеля.

Въ семь двѣ всѣ войска, отъ начальниковъ до нижнихъ чиновъ, сражались съ духомъ, достойнымъ войскамъ Его Императорскаго Вѣдѣнства.»

2) Извлеченіе изъ донесенія генерал-майора Тимоѣева отъ 26-го октября.

Въ десять часовъ утра; когда бой на высотахъ инжерманскихъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, генерал-майоръ Тимоѣевъ, съ Минскимъ Пѣхотнымъ Полкомъ и четырьмя орудіями Легкой № 4-го Батареи 14-й Артиллерійской Бригады, произвелъ вылазку изъ Севастополя противъ лѣваго фланга непріятельскихъ работъ. Выступивъ изъ воротъ правѣ бастиона № 6-го, колонна перешла оврагъ Карантиной Бухты, оставила лѣвѣ кладбище и начала тѣснить непріятеля. Впереди шли два батальона въ ротныхъ колоннахъ, прикрывалась цѣпью застрѣльщиковъ и имѣя между батальонами орудія; за ними два другіе батальона въ колоннахъ къ атакѣ.

Оттѣснивъ непріятеля къ самымъ его траншеямъ, батальоны ударили въ штыки и влетѣли на батарею; одни гнали непріятеля отъ траверза, другіе бросались къ орудіямъ, которыхъ и заклепали пятнадцать.

Между-тѣмъ непріятель, опомнившись, сталъ присылать войска. Генерал-майоръ Тимоѣевъ потребовалъ подкрѣпленія; къ нему подослали два батальона 13-й резервной бригады (3-й Брестскаго и 6-й Виленскаго полковъ) и остальные 6 орудій. Построивъ батальоны

въ ротныя колонны и поставивъ между ними артиллерию на правой сторонѣ карантиннаго оврага, генерал-майоръ Тимоѣевъ, видя, что непріятель въ значительныхъ силахъ старается его обойти, приказалъ минскимъ батальонамъ отступить.

Отступление это совершенно было такъ медленно и въ такомъ отличномъ порядкѣ, что не только забраны всѣ наши раненые, но и нѣсколько непріятельскихъ, въ томъ числѣ два офицера.

Непріятель, подошедъ, во время преслѣдованія, подъ картечныя выстрѣлы крѣпостныхъ орудій и ружейнаго огня оборонительной стѣнки, понесъ огромный уронъ и обратился въ бѣгство.

Генерал-майоръ Тимоѣевъ свидѣтельствуетъ о храбрости всего Минскаго Полка, въ-особенности командовавшаго имъ, майора Евсавлева; командира 4-го батальона капитана Лапунова; ротныхъ командировъ, капитановъ Жуковского, Мацкевича, поручика Воробьева, прапорщика Загоровскаго, полковаго адъютанта штабс-капитана Постольскаго, который самъ заклепалъ два орудія и, будучи равенъ въ руку, передалъ заклепки поручику Воробьеву.

Кромѣ сихъ дополнительныхъ свѣдѣній о боѣ 24 октября, Государь Императоръ изволилъ получить отъ генерал-адъютанта князя Меншикова еще слѣдующія два донесенія отъ 31-го числа:

«1) Независимо отъ милостивыхъ къ войску и севастопольскому гарнизону словъ Вашего Императорскаго Величества, переданныхъ мною, согласно велѣнію Вашему, въ особомъ приказѣ, флигель-адъютантъ князь Голицынъ въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе: онъ обошелъ всѣ бастіоны и батареи, гдѣ расположены и дѣйствуютъ флотскіе чины. Монаршія благодарность и ободреніе, которыя князь Голицынъ имѣлъ счастье отъ Имени Вашего Величества высказать храбрымъ морякамъ, не только одушевили, но и тронули до глубины души каждого изъ нихъ. Со слезами выслушивали они слова заботливаго Царя-Отца о Своихъ любимыхъ дѣтяхъ—какъ Ваше Императорское Величество Сами изволили выразиться, въ Рескриптѣ, которымъ я удостоенъ отъ 19-го числа сего мѣсяца.

Съ такимъ же благочестивымъ и признательнымъ благоговѣніемъ приняты войсками даръ и благословеніе Государыни Императрицы. Привезенный княземъ Голицынымъ образъ Спасителя, по совершеніи молебствія, былъ, при стеченіи народа—всего, сколько еще осталось въ Севастополѣ—перенесенъ изъ Михайловской Церкви въ Николаевскую Батарею и оттуда уже священную икону сію, съ должнымъ обрядомъ, понесли по всѣмъ бастіонамъ и батареямъ, для благословенія защитниковъ. Люди, внимая пастырскому слову священника, усердно молились и прикладывались къ святому образу Спасителя.

Теперь эта икона поставлена на приготовленномъ для нея мѣстѣ у входныхъ воротъ Николаевской Батареи.»

«2) Въ донесеніи моемъ Вашему Императорскому Величеству непосредственно послѣ дѣла 24 числа, большой вылазки изъ Севастополя, я имѣлъ уже счастье свидѣтельствовать, что Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ явили Себя на полѣ битвы подъ сильнѣйшимъ непріа-

тельскимъ огнемъ не только вполне достойными высокаго Своего званія, встрѣчая хладнокровно опасности, но и примѣромъ настоящей воинской доблести. Присутствіе Ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и cadaго къ исполненію священнаго долга Царю и отечеству!

Вѣренное мнѣ войско это видѣло, и то мужество, которое показало оно въ столь упорномъ съ обѣихъ сторонъ дѣлѣ, конечно, было плодомъ мысли, что дорогіе Царю и Россіи Дѣти посреди насъ и что въ Ихъ самоотверженіи каждый долженъ видѣть примѣръ для себя.

Въ приказѣ моемъ отъ 29-го числа, я счелъ моею обязанностью повторить передъ войскомъ о доблестяхъ Великихъ Князей, и осмѣлился выразить, что подъ непріятельскимъ огнемъ Они были истинно-русскими Молодцами!

Но я не исполнилъ бы священнѣйшаго и вѣрноподаннѣйшаго моего долга предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и предъ всею Россіею, еслибъ умолчалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ тѣхъ опасностей, въ которыхъ находились Ихъ Высочества.

Доказавъ уже на полѣ сраженія все мужество Свое и хладнокровіе, Государи Великіе Князья пожелали въ тотъ же день посѣтить бастионы и батареи, чтобъ устно, въ исполненіе Высочайшей воли Вашей, передать храбрымъ морякамъ царское «спасибо». Въ это время всѣ почти батареи дѣйствовали, и особенно на Малаховомъ Курганѣ огонь былъ неумоляемый, такъ-что всю дорогу къ этому бастиону громъ ядеръ и даже свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ Князей. На Малаховомъ Курганѣ непріятель доставилъ отрадный случай защитникамъ Севастополя: свое испытанное мужество сочетать съ впервые испытывавшимся мужествомъ дорогихъ Россіи Сыноией! Въ присутствіи Ихъ Высочествъ, почти къ ихъ ногамъ, упали два непріятельскія ядра въ брустверъ; третьимъ, ударившимъ въ мерлонъ, засыпало прислугу, и наконецъ, какъ-бы въ довершеніе испытанія, бомба передъ Ихъ глазами разрушила зданіе въ то время, когда, въ нѣсколькихъ шагахъ, Ихъ Высочества одушевляли команду милостивыми словами Вашего Величества.

Лишне было бы говорить, что во всѣ эти минуты, которыя могли бы быть роковыми, Государи Великіе Князья были—осмѣлюсь и здѣсь повторить—истинно русскими Молодцами!

Ваше Императорское Величество осчастливите все вѣренное мнѣ войско, опредѣливъ Ихъ Высочествамъ тотъ орденъ за воинскія доблести, который въ мысляхъ cadaго изъ насъ единодушно Имъ присужденъ. Высочайшее удостоеніе Ихъ кавалерами ордена Св. Георгія 4-й степени за храбрость, по всей справедливости Ихъ Высочествамъ слѣдующаго, было бы знакомъ монаршей, неизреченной милости и всѣмъ вѣреннымъ мнѣ войскамъ, свидѣтелямъ мужества и неустрашимости Великихъ Князей, которыми, какъ Ваше Императорское Величество, такъ и вся Россія имѣютъ счастливое и полное право гордиться и утѣшаться.

Столь лестный отзывъ главнокомандующаго о воинскихъ доблестяхъ, оказанныхъ въ виду всего войска юными Сыновьями Царскими, до-

ставилъ истинную отраду родительскому сердцу Государя Императора. Его Императорское Величество, согласно представленію генерал-адъютанта князя Меншикова, Всемилостивѣйше пожаловалъ Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу ордена Св. Георгія 4-й степени».

При сильной бурѣ, бывшей на Черномъ Морѣ 2 ноября флотъ неприятельскій значительно пострадалъ. Изъ военныхъ судовъ преимущественно потерпѣли французскія, и особенно въ рангоутѣ. Между прочимъ, одинъ трехдечный корабль видѣнъ былъ безъ руля, управляемый весломъ, какъ рѣчная барка, но столь неудачно, что пароходъ, принявшій этотъ корабль на буксиръ, не могъ въ теченіе цѣлаго дня отвести его отъ флота. У Евпатори и въ другихъ мѣстахъ выброшено на берегъ до 25-ти судовъ, въ томъ числѣ два военные фрегата. Съ высотъ, господствующихъ надъ Балаклагою, замѣчены были два фрегата, стоявшіе на рейдѣ съ изломанными мачтами, а одинъ большой пароходъ буксировалъ четыре баркаса съ грузомъ и людьми, вѣроятно, снятыми съ судна, разбишагося гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Балаклавы; изъ числа этихъ баркасовъ одинъ былъ захваченъ волною.

Дѣйствія неприятеля противъ Севастополя слабѣли съ каждымъ днемъ, а съ 4-го числа осадныя его работы пріостановлены. Потеря наша въ нѣкоторые изъ послѣднихъ дней не превышала 4-хъ убитыхъ и 14-ти раненыхъ. Неприятель обращалъ все вниманіе на усиленіе обоихъ фланговъ своей позиціи.

Огонь нашей артиллеріи и штуцерныхъ замедлялъ, по мѣрѣ возможности, работы осаждающихъ. 1-го числа, командиръ Одесскаго Егерскаго Полка, полковникъ Скюдери, замѣтивъ, что англичане, въ числѣ до 200 человекъ, съ шанцевымъ инструментомъ, спустились съ Сапунъ-горы, противъ праваго фланга чоргуискаго нашего отряда, послалъ противъ нихъ штуцерныхъ, которые, мѣткими выстрѣлами изъ-за кустовъ, принудили неприятеля удалиться, оставивъ на мѣстѣ 5 убитыхъ и уведя съ собою нѣсколько раненыхъ. 3-го числа неприятель неоднократно предпринималъ работы въ верховьи Доковой Балки, но каждый разъ былъ разгоняемъ пушечными нашими выстрѣлами. На другой же день стрѣлки наши сбили англичанъ съ оконечности возвышеннаго мыса, обращеннаго двумя балками, впадающими въ южную бухту, и заняли эту мѣстность, командуящую надъ пересыпью.

Бомбардированіе Севастополя продолжалось, но весьма-слабо и почти для насъ безвредно. По вечерамъ, когда разставленные нами секреты давали знать, что въ осадныхъ траншеяхъ слышны работы, огонь усиливался какъ съ нашихъ, такъ и съ неприятельскихъ батарей, впрочемъ, на короткое лишь время. По ночамъ, выслаемыя команды охотниковъ мѣшали осаднымъ подступамъ, которые нисколько впередъ не подвигались. Неприятель попрежнему занимался укрѣпленіемъ своей позиціи; съ нашей стороны оборона также съ каждымъ днемъ усиливалась.

По ближайшей повѣркѣ, потерь непріятельскаго флота въ бурю 14^{1/2} ч. оказалось, что около Севастополя выброшено было на берегъ и сѣло на мель 14 судовъ; у Евпаторіи же два линійные корабли, два парохода и 13 судовъ разнаго другаго рода; кромѣ-того нѣсколько въ Балаклавѣ. Изъ числа ихъ нѣкоторые нами разобраны, другія сожжены нами же, или непріателемъ, а прочія разбиты. Часть погибшихъ судовъ была нагружена запасами артиллерійскими, провіантскими и комиссоаріатскими; съ нѣкоторыхъ изъ нихъ люди не успѣли спастись и остались въ нашихъ рукахъ.

Съ 19-го по 23-е ноября подъ Севастополемъ огонь съ непріятельскихъ батарей вообще былъ весьма слабъ и потери съ нашей стороны ничтожны. Несмотря на ежедневные проливные дожди, оборонительныя наши работы продолжались съ успѣхомъ.

По ночамъ изъ Севастополя высылались команды охотниковъ, съ тѣмъ, чтобъ тревожить непріятеля. Малая эти вылазки исполнялись довольно-удачно. Такъ, 20-го числа, передъ разсвѣтомъ, Волынскаго Пѣхотнаго Полка подпоручикъ Полевой, съ 5-ю унтер-офицерами и 66-ю рядовыми, смѣло взобрался на высоты передъ южною бухтою, бросился въ штыки на траншею непріятельскую, перекололъ тамъ многихъ англичанъ, взялъ 4-хъ въ плѣнъ и захватилъ 14-ть штуцеровъ. Въ слѣдующую ночь, съ 20-го на 21-е, того же полка поручикъ Васильевъ, съ охотниками отъ разныхъ полковъ, бросился на одну изъ французскихъ батарей и перекололъ до 30-ти непріятелей. Въ ту же ночь, 60 охотниковъ Томскаго Егерскаго Полка, съ 4 матросами, подъ командою поручика Жарнинова, подкрались къ траншеѣ, занятой англійскими штуцерными, которые, при внезапномъ появленіи нашихъ егерей, бѣжали, оставивъ 11-ть тѣлъ, 1 плѣннаго и 4 штуцера. Всѣ эти смѣлыя вылазки произведены нами почти безъ потери.

Съ 23 числа огонь осадныхъ батарей былъ такъ же слабъ и безвреденъ для насъ, какъ въ прошествовавшіе дни.

23-го же числа вылазка, произведенная нашими охотниками, принудила непріятеля покинуть начатыя противъ бастіона № 3-го работы, а вырытые имъ ложементы немедленно были засыпаны.

24 ноября, съ севастопольскаго рейда посланы были два парохода: «Владиміръ» (капитанъ 2 ранга Бутаковъ) и «Херсонесъ» (капитан-лейтенантъ Рудневъ), съ цѣлью нанести вредъ французскому пароходу, стоявшему на якорѣ противъ рейда. Предпріятіе это вполне довольно-успѣшно: пока непріятельскій пароходъ спѣшилъ удалиться подъ прикрытіе другаго, французскаго же парохода, наши успѣли послать ему нѣсколько ядеръ, изъ которыхъ нѣкоторые прямо въ корпусъ. Подошедшій между-тѣмъ англійскій большой 3-хъ мачтовый пароходъ, завлеченный преслѣдованіемъ нашихъ, на возвратномъ пути ихъ къ рейду, приблизился подъ огонь береговыхъ батарей, которыя обили у него грота-рею и повредили вожухъ. У насъ при этомъ не было ни потери въ людяхъ, ни особаго поврежденія въ судахъ.

Послѣ 26-го числа огонь осадныхъ батарей былъ такъ же слабъ, какъ и прежде, и почти никакой потери намъ не причинялъ. Непрѣ-

томъ, хотя и продолжалъ траншейныя работы на лѣвый своей флангъ, однакожъ, обезкопываемый нашими штуцерными, удачно-расположенными въ передовыхъ ложементахъ, не подвигался впередъ, а распространялся влѣво. Съ нашей стороны оборона усиливалась, а по ночамъ производились вылазки. Между-прочимъ, въ ночь съ 28-го на 29-е ноября (10—11 декабря), 40-го Флотскаго Экипажа мичманъ Титовъ 2-й, пользуясь темнотою до восхожденія мѣсяца, вывелъ изъ одного нашего редута два горные единорога, подъ прикрытiемъ 20-ти человекъ флотскихъ нижнихъ чиновъ, и, сдѣлавъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ вдоль французскихъ траншей, гдѣ въ то время производились работы, возвратился въ редутъ безъ всякой потери. Въ то же время, съ другой стороны, командиръ Черноморскаго Казачьяго Пѣшого № 2-го батальона, войсковой старшина Головинскій, съ небольшимъ числомъ храбрыхъ казаковъ, бросился на французскія траншеи, взялъ въ плѣнъ 8 французовъ, въ томъ числѣ одного раненаго офицера, и захватилъ три малыя мортиры, а большія заклепалъ. Захваченныя мортиры немедленно же были обращены противъ тѣхъ самыхъ траншей неприятельскихъ, въ которыхъ оны были взяты.

Въ первыхъ числахъ декабря, проливной дождь, продолжавшiйся нѣсколько дней сряду, препятствовалъ работамъ неприятеля, который ограничивался бросанiемъ бомбъ въ нѣкоторые изъ нашихъ бастionовъ, но значительнаго намъ вреда не причинялъ. Англiйскiя батареи оставались почти въ бездѣйствiи.

Мѣткіе выстрѣлы нашихъ стрѣлковъ препятствовали неприятелю продолжать его подступы. Онъ, повидимому, занятъ былъ преимущественно оборонительными работами для упроченiя своего положенiя на Сапун-Горѣ.

По 14-е (26-е) декабря неприятель никакихъ дѣйствiй противъ Севастополя не предпринималъ. Сильный дождь и ненастная погода, повидимому, препятствовали дальнѣйшему ходу осадныхъ его работъ; рѣдкіе выстрѣлы съ неприятельскихъ батарей причиняли намъ мало вреда.

Ночныя вылазки съ нашей стороны продолжались съ успѣхомъ.

Въ ночь съ 8-го на 9-е число, партiи охотниковъ, подъ командою адъютанта 1-й бригады 4-й Флотской Дивизiи, лейтенанта Бирюлева, лейтенанта Астапова, поручика Московскаго Пѣхотнаго Полка Бейтнера и юнкера того же полка Фролова, атаковали лѣвый флангъ англiйскихъ траншей съ такою стремительностью, что находившееся тамъ прикрытiе мгновенно опрокинута и большею частью переколото штыками; присемъ взято нами въ плѣнъ три офицера и 33 рядовыхъ. Съ нашей же стороны ранены: поручикъ Бейтнеръ, холмшій охотникомъ въ третій разъ, мичманы: Григоренко и Вороновъ; нижнихъ чиновъ убито 4, ранено 22.

Въ то же время, для отвлеченiя неприятеля, произведена другая вылазка; подъ начальствомъ капитан-лейтенанта Ильинскаго, на правый флангъ французскихъ траншей. Открытая неприятелемъ, она возвращена безъ особой потери.

Съ 14-го (26) числа огонь осадныхъ батарей по городу производился слабо и причинялъ намъ мало вреда.

Французы работали въ траншеяхъ противъ верховья Карантинной Бухты; но подступы ихъ впередъ не подвигались. Съ своей же стороны мы продолжали тревожить непріятеля ночными вылазками. Въ одной изъ нихъ, произведенной 19-го (31) числа, подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева, захвачено нами въ плѣнъ 10 зуавовъ.

27-го декабря выпалъ въ Севастополѣ и окрестностяхъ глубокой снѣгъ.

Въ предшествовавшую ночь произведены были двѣ небольшія вылазки на французскія и англійскія траншеи. Въ первыхъ непріятель захваченъ въ-расплохъ и понесъ значительную потерю. Съ нашей стороны убито 3, ранено 8, нижнихъ чиновъ.

Траншейныя работы непріятеля впередъ не подвигались. Огонь его вообще причинялъ намъ мало вреда.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи были однѣ только аванпостныя стычки.

Съ нашей же стороны ночныя вылазки продолжались съ постояннымъ успѣхомъ.

Одна изъ нихъ была исполнена съ 31-го декабря на 1-е января, партией охотниковъ, подъ командою подполковника 5-го Стрѣлковаго Батальона Макарова и флота лейтенантовъ: Астахова и Бирюлева. Она произвела въ англійскомъ лагерѣ большую тревогу, причеиъ взято въ плѣнъ 14 англичанъ и 4 француза.

Другая вылазка въ ночи съ 2-го на 3-е января была направлена противъ французскихъ траншей. Въ ней участвовали 350 охотниковъ Волинскаго Пѣхотнаго Полка, подъ начальствомъ капитана того же полка Сыробоарскаго. Они взяли пять человекъ въ плѣнъ и переклоли значительное число непріятелей.

Находившійся при обѣихъ сихъ вылазкахъ адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, капитан-лейтенантъ Юшковъ легко раненъ штыкомъ.

По показаніямъ перебѣгшихъ къ намъ арабовъ, положеніе турокъ въ непріятельскомъ лагерѣ было чрезвычайно-тягостно. Англичане заставляли ихъ носить въ оный изъ Балаклавы снаряды, провизію и другія тяжести, употребляя ихъ такимъ образомъ вмѣсто рабочаго скота.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи ничего замѣчательнаго не происходило.

Въ ночь съ 7-го на 8-е января произведена была новая удачная вылазка противъ лѣваго фланга и центра французскихъ траншей. При этомъ войска наши раздѣлены были на два отряда: первый состоялъ изъ 230 охотниковъ и 3-й гренадерской роты Минскаго Пѣхотнаго Полка, подъ командою майора Рудановскаго, а лѣвый—изъ пяти ротъ Тобольскаго Пѣхотнаго Полка, подъ начальствомъ капитана Лапунова, и сотни матросовъ, предводимыхъ лейтенантами Титовымъ и Завалишнымъ. Непріятель защищался весьма-упорно; однако не могъ остановить стремленія нашихъ отрядовъ и понесъ значительную потерю; два французскіе офицера и нѣсколько рядовыхъ взяты нами въ плѣнъ. Съ нашей стороны уронъ состоялъ изъ 18 убитыхъ (въ томъ числѣ двухъ офицеровъ Тобольскаго Пѣхотнаго Полка: поручика Степанова

и прапорщика Попова) и 74 раненыхъ (въ числѣ которыхъ три офицера: адъютантъ главнокомандующаго южною арміею, штабс-капитанъ графъ Сухтеленъ, 43-го Флотскаго Экипажа лейтенантъ Титовъ и Тобольскаго Полка поручикъ Гуляевъ.

Дѣйствіе неприятельскихъ батарей по Севастополю, съ 5-го (17) по 10-е (22) число, почти никакого вреда намъ не причиняло. Выпавшій предъ тѣмъ снѣгъ препятствовалъ продолженію осадныхъ работъ. Неприятель, нуждаясь въ топливѣ, ежедневно посылалъ отряды для рубки дровъ на возвышенія лѣваго берега Черной Рѣчки, разбирая зданіе карантина и, не уваживъ даже святыни древняго храма херсонесскаго, снялъ съ него крышу и куполь и разорилъ всю его внутренность.

Неприятель повременамъ бросалъ въ городъ бомбы, а въ ночь, съ 15-го (27) на 16-е (28) число пущено имъ съ французскихъ траншей нѣсколько ракетъ большаго калибра, которыя, однакожь, никакого вреда намъ не причинили, и вообще потеря отъ огня осаждающихъ была совершенно-незначительна. Артиллерія наша успѣшно отвѣчала неприятельскимъ батареямъ.

10 (22) числа, вблизи Евпаторіи выброшено на мель французское военное транспортное судно «Аяксъ». Капитанъ сего судна и 6 матросовъ принуждены были, несмотря на помощь подоспѣвашаго неприятельскаго парохода, сдаться въ плѣнъ высланному къ тому мѣсту полуэскадрону уланъ съ двумя орудіями конной артиллеріи, подъ начальствомъ капитана Генеральнаго Штаба Цитовича. Самое же судно, съ бывшимъ на немъ грузомъ сѣна, предано огню.

Въ ночь съ 19 на 20 число (съ 31 января на 1 февраля), произведена была изъ Севастополя вылазка противъ праваго фланга французскихъ траншей. Отрядъ нашъ, въ числѣ 330 человекъ, подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева, подойдя къ занятымъ неприятелемъ ложеамтамъ, смѣло ударилъ на него въ штыки и выбилъ его оттуда. Несмотря на сильный перекрестный огонь, ружейный и картечный, съ французскихъ и англійскихъ батарей, лейтенантъ Бирюлевъ шесть разъ еще бросался на ближайшія траншеи и нанесъ такую потерю неприятелю, что одна изъ означенныхъ траншей была наполнена тѣлами французовъ; въ плѣнъ взято у нихъ три офицера и семь человекъ нижнихъ чиновъ. Съ нашей стороны убитъ Волынскаго Пѣхотнаго Полка прапорщикъ Семенскій и три рядовыхъ; ранены 34 человека, въ томъ числѣ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ удалцовъ — матросъ Кошка.

Въ донесеніи своемъ объ этомъ удачномъ дѣлѣ, генерал-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ свидѣтельствовалъ о блистательной храбрости и распорядительности лейтенанта Бирюлева, который уже въ четвертый разъ предводительствовалъ вылазками съ примѣрнымъ успѣхомъ.

Кромѣ-того, подъ Севастополемъ и въ окрестностяхъ онаго до 23-го числа ничего особеннаго не происходило. Огонь нашей артиллеріи продолжалъ препятствовать успѣху осадныхъ неприятельскихъ работъ.

Но показанію перебѣдчиковъ изъ союзнаго лагеря, потери въ англійскихъ войскахъ были столь значительны, что третейные караулы содержались одними французами.

18-го января открыты были подземныя работы, которыя французы вели противъ севастопольскихъ укрѣпленій. Принятая нами заблаговременно надлежащія мѣры дали намъ возможность уже 22-го числа разстроить часть неприятельской галереи посредствомъ надулата. Осаждающій пытался затѣмъ употребить то же средство и противъ нашихъ контр-минъ, но взрывъ, съ этою цѣлю имъ произведенный 26-го числа, былъ столь неудаченъ, что обратился ему самому во вредъ. Занявъ воронку, отъ сего взрыва образовавшуюся, мы воспользовались ею, и 28-го числа успѣли изъ оной, посредствомъ новой мины, разстроить еще болѣе галерею противника.

Между-тѣмъ артиллерія наша продолжала съ успѣхомъ отвѣчать батареямъ осаждающаго и штуцерному его огню; по ночамъ же небольшія партіи нашихъ охотниковъ съ прежнимъ успѣхомъ тревожили неприятеля въ траншеяхъ и принуждали его, становясь въ ружье, прерывать осадныя работы.

30-го января колонна неприятельская, до 10,000 человекъ, предшественная нѣсколькими сотнями конницы, произвела рекогносцировку со стороны Балаклавы къ деревнѣ Комарамъ; но далѣе движенія не продолжала и возвратилась на прежнюю позицію.

Высаженнымъ въ Евпаторію турецкія войска предпринявъ отсюда 22-го числа (3-го февраля) наступленіе вдоль морскаго берега къ деревнѣ Сакамъ, въ числѣ двѣнадцати эскадронъ кавалеріи и до 10,000 пѣхоты. Несмотря на туманную погоду, наши передовые посты своевременно о появленіи неприятеля извѣстили флигель-адъютанта, полковника графа Канкринна, который подкрѣпилъ цѣль дивизіона вѣреннаго ему Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича Полка, при двухъ орудіяхъ, и вѣсть съ тѣмъ одинъ эскадронъ Уланскаго Его Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны Полка выслалъ во берегу Гнилаго Озера, дабы, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія противника, ударить ему въ флангъ и отрѣзать его. Тогда турецкія передовыя войска начали быстро отступать, а въ то же время и вся колонна неприятельская также втянулась въ Евпаторію. Неприятель оставилъ шесть убитыхъ; съ нашей стороны убитъ одинъ уланъ, а другой раненъ.

Дабы узнать въ какихъ именно силахъ неприятель занимаетъ Евпаторію и не представляется ли возможности его отсюда выбить, князь Меншиковъ предписалъ генерал-лейтенанту Хрулеву, съ частію войска, въ окрестностяхъ города расположенныхъ, произвести противъ оного 5-го февраля усиленную рекогносцировку.

Предназначенныя для сего войска приблизились къ Евпаторіи на разстояніе 250 сажень и открыли по ней перекрестный артиллерійскій огонь.

Неприятель отвѣчалъ сильнымъ канонадою изъ укрѣпленій, городъ окружающихъ, но, несмотря на это, дѣйствіе нашей артиллеріи было

столь удачно, что у неприятеля въ короткое время взорвано пять зарядныхъ ящичковъ и подбито нѣсколько орудій.

Увлеченные этимъ успѣхомъ 3-й и 4-й батальйоны Азовскаго Пѣхотнаго Полка, батальйонъ греческихъ волонтеровъ и три сотни Донскаго № 61-го Жирова Полка подошли къ самому городу и, пользуясь мѣстными закрытіями, завязали съ неприятелемъ живую перестрѣлку; но генерал-лейтенантъ Хрулевъ, удостовѣрившись, что въ Евпаторіи находится до 40,000 войска, при 100 орудіяхъ, и что дальѣйшія съ нашей стороны усилія не обѣщали никакихъ важныхъ послѣдствій, приказалъ войскамъ выйти изъ-подъ неприятельскихъ выстрѣловъ. Трудное это движеніе исполнено было ими въ примѣрномъ порядкѣ.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простиралась до 500 человекъ убитыми и ранеными. Уронъ неприятеля, по всей вѣроятности, гораздо значительнѣе, ибо войска его, стѣсненные въ узкихъ улицахъ, долгое время находились подъ жестокимъ огнемъ нашей артиллеріи, пронизывавшей городъ своими снарядами. (*)

Подъ Севастополемъ осадныя работы неприятеля по 7-е февраля не подвинулись. Французы пытались устроить новыя батареи и безпрерывно встрѣчали сильное съ нашей стороны сопротивленіе. Огонь нашъ наносилъ неприятелю значительный вредъ; 1-го же числа февраля взорванъ во французскихъ траншеяхъ пороховой погребъ.

Въ ночи съ 9-го на 10-е число февраля, впереди лѣваго фланга севастопольскихъ укрѣпленій, на отлогости Сапунъ-Горы, образующей правый берегъ Килентъ-Балки, нами заложенъ былъ редутъ, дабы противопоставить новое препятствіе успѣху осадныхъ работъ. Предпріятіе это исполнено было съ такою внезапностью, что неприятель не успѣлъ оказать намъ никакого сопротивленія и, простоявъ цѣлую ночь въ ружьѣ, только съ разсвѣтомъ открылъ перестрѣлку съ нашими штуцерными.

Къ вечеру 11-го февраля войска, предназначенныя для довершенія постройки редута, заложеннаго въ предшествовавшую ночь, расположены были слѣдующимъ образомъ:

Селегинскій Пѣхотный Полкъ находился въ редутѣ: 4-й батальйонъ на работѣ, 2-й и 3-й внутри укрѣпленія, а 1-й во рву.

Батальйоны Волинскаго Пѣхотнаго Полка были выдвинуты для прикрытія работъ: 4-й, въ ротныхъ колоннахъ, за устроенными впереди редута ложементами, 1-й и 2-й правѣе, а 3-й лѣвѣе редута, въ колоннахъ къ атакѣ.

Въ 2 часа ночи, по захожденіи луны, дотолѣ ярко освѣщавшей окрестную мѣстность, пластуны Черноморскаго Казачьяго № 8-го батальйона, занимавшіе секреты передъ нашими ложементами, дали знать, что неприятельскія колонны строятся впереди траншей. Въ ту самую минуту цѣпь 10-й и 11-й мушкетерскихъ ротъ Вольнскаго

(*) По показаніямъ плѣнныхъ, уронъ неприятеля простирался до 1000 человекъ.

Полка открыла сильный огонь, а командовавший обоими полками генерал-майор Хрущевъ двинулъ впередъ 1-й и 2-й батальоны Волынского Полка, стоявшіе въ ружьѣ по правую сторону редута; но услышавъ, что непріятель, проникнувшій въ промежутокъ между 2-мъ и 3-мъ батальонами, бросился уже на редутъ, онъ завелъ первые два батальона правымъ плечомъ, и тогда, какъ кровопролитный бой кипѣлъ уже во рву, атаковалъ непріятельскія колонны во флангъ и въ тылъ. Непріятель тотчасъ же былъ отбитъ, заваливъ ровъ своими трупами.

Въ то же время 3-й батальонъ и 12-я мушкетерская рота Волынского Полка, находившіеся на лѣвомъ флангѣ, отразили нападеніе другой колонны, которая подавалась лѣвѣе редута.

Генерал-майоръ Хрущевъ воспользовался этимъ успѣхомъ и приказалъ битъ наступленіе. Удачные воынцы, подъ личнымъ его предводительствомъ, быстро устремились впередъ, поражая штыками зуавовъ и флотскихъ солдатъ, силившихся остановить ихъ натискъ. Долго длилась борьба, но русскій штыкъ превозмогъ стойкость непріятеля, который въ безпорядкѣ побѣжалъ къ своимъ траншеямъ.

Между-тѣмъ полковникъ Сабашинскій, съ однимъ батальономъ вѣреннаго ему Селенгинскаго Полка, вышелъ изъ-за праваго фаса редута и спѣшилъ на помощь товарищамъ. Къ нему присоединились 4-я гренадерская, 10-я и взводъ 11-й мушкетерской роты Волынскаго Полка, подъ командою полковника Свищевскаго. Войска эти съ барабаннымъ боемъ, бросились по саперной дорогѣ, отыскивая въ ночной темнотѣ боровшихся съ непріятелемъ воынцевъ, они встрѣтили французскую колонну, спѣшившую на помощь къ зуавамъ, и опрокинули ее въ лощину, подъ выстрѣлы нашихъ батарей и парходовъ.

Два раза непріятель хотѣлъ перейти въ наступленіе и оба раза съ урономъ былъ опрокидываемъ къ своимъ траншеямъ. Наконецъ, послѣ часоваго рукопашнаго боя, въ-теченіе котораго русскіе барабаны не переставали бить колонный маршъ, непріятель принужденъ былъ отступить рѣшительно, оставивъ въ нашихъ рукахъ болѣе ста тѣлъ, изъ которыхъ восемь офицерскихъ; кромѣ-того, войсками нашими взято въ плѣнъ 24 человекъ, въ томъ числѣ пять офицеровъ. Вообще непріятель потерялъ не менѣе 600 человекъ, ибо, при отступленіи, онъ подвергался жестокому огню съ сосѣднихъ бастіоновъ и стоявшихъ на рейдѣ парходовъ «Владимира», «Херсонеса» и «Громоносца».

Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 65, ранено: обер-офицеровъ пять, нижнихъ чиновъ 236.

Въ ночь съ 16 на 17 число, дабы еще болѣе вредить осаждающимъ, заложены впереди прежняго новый редутъ надъ Георгіевскою Балкою.

Ночныя наши работы не были непріятелемъ замѣчены, а открытый съ разсвѣтомъ ружейный огонь изъ его ложементовъ не могъ уже помѣшать нашему предпріятію.

Оба редута по имени полковъ, ихъ возводившихъ, названы: первый Селегинскимъ, а второй — Волинскимъ.

Минныя галереи непріятеля противъ севастопольскихъ укрѣпленій не подвигались.

Болѣзненное состояніе генерал-адъютанта князя Меншикова въ послѣднее время усилилось до такой степени, что 18-го февраля онъ принужденъ былъ сдать начальство надъ войсками генерал-адъютанту барону Остен-Сакену.

Осадныя работы непріятеля противъ севастопольскихъ укрѣпленій подвигались весьма-медленно. Минныя дѣйствія осаждающаго отражались нами съ постояннымъ успѣхомъ, бывъ обращены во вредъ самому непріятелю.

22-го февраля, съ французскихъ батарей брошено было въ городъ до 30 ракетъ, но онѣ никакого вреда намъ не причинили.

Напротивъ, артиллерія нашихъ батарей и пароходовъ дѣйствовала весьма-удачно.

Отъ начальника евпаторійскаго отряда, генерал-лейтенанта барона Врангеля получено нижеслѣдующее донесеніе отъ 22-го февраля:

«Начальникъ блокаднаго евпаторійскаго отряда, генерал-лейтенантъ Корфъ донесъ мнѣ, что 21-го февраля непріятель, въ числѣ шести эскадроновъ турецкихъ уланъ и двухъ эскадроновъ баши-бузукъ, выйдя изъ Евпаторіи, стремительно атаковалъ центръ и лѣвый флангъ нашихъ аванпостовъ. Казаки, занимавшіе передовую цѣпь, отступили къ главному караулу Новомиргородскаго Уланскаго Полка. Тогда начальникъ аванпостовъ, подполковникъ Никорица немедленно рассыпалъ половину бывшаго въ главномъ караулѣ 7-го эскадрона означеннаго полка и послалъ за 8-мъ эскадрономъ Новоархангельскаго Уланскаго Полка. Турки, подойдя къ нашимъ уланамъ, остановились и завязали перестрѣлку. Въ это время командующій 6-мъ эскадрономъ Новомиргородскаго Полка, поручикъ Козюлькинъ, возвратившись, по смѣнѣ съ аванпостовъ, на квартиры, услышавъ въ цѣпи выстрѣлы, тотчасъ повернулъ свой эскадронъ и, пройдя скрытно по ложицѣ, вмѣстѣ съ казаками пятой сотни Донскаго № 61 Жирова Полка, внезапно атаковалъ правый флангъ турецкой кавалеріи. Одновременно съ этою атакою, подполковникъ Винингъ, увидя приближеніе 8-го эскадрона Новоархангельскаго Полка, ударилъ на непріятеля съ фронта съ 7-мъ Новомиргородскимъ Эскадрономъ, тогда-какъ часть казаковъ 1, 3 и 6-й сотенъ Жирова Полка, подъ командою войсковаго старшины Селиванова, атаковала непріятельскую конницу съ лѣваго фланга. Непріятель, опрокинутый этою дружною атакою, обратился въ бѣгство. Уланы и казаки стремительно преслѣдовали его на разстояніи болѣе трехъ верстъ. Въ городѣ произошла общая тревога; непріятельская пѣхота въ большомъ числѣ начала выходить и строиться внѣ города. Тогда подполковникъ Никорица остановилъ преслѣдованіе, приказавъ эскадронамъ возвратиться и занять аванпосты прежнимъ порядкомъ.

Непріятель потерялъ при первой атакѣ нашей болѣе 40 человекъ убитыми; сверхъ-того, много труповъ оставлено имъ на пути бѣгства.

Въ плѣнъ взято нами восемь человекъ, изъ которыхъ большая часть тяжело ранены.

Нашъ уронъ заключался въ одномъ убитомъ казацкѣ и въ одномъ тяжело-раненомъ рядовомъ Новомиргородскаго Полка; легко ранены: того же полка поручикъ Таировъ и три казака.

Причина такого блестящаго успѣха, при ничтожной съ нашей стороны потерѣ, заключается въ быстротѣ и совокупности одновременной съ трехъ сторонъ атаки.

Подполковникъ Никорица, кромѣ неустрашимости и спокойствія, выказалъ много распорядительности и находчивости. Успѣху дѣла способствовалъ также поручикъ Козюлькинъ, прибывшій съ своимъ эскадрономъ къ мѣсту боя, безъ приказанія, по выстрѣламъ».

Неприятельскія суда дѣлали также покушенія на сѣверо-восточный берегъ Чернаго Моря:

31-го января, англійская винтовая канонерская лодка подошла къ мысу Тузлѣ, противъ Керчи, и высадила до 40 человекъ, вооруженныхъ штуцерами; но подоспѣвшая команда пластуновъ отразила неприятеля, который успѣлъ зажечь только нѣсколько казачьихъ хижинъ. Въ этомъ дѣлѣ раненъ у насъ казакъ и контуженъ хорунжий Семенова.

10-го февраля, англійскій пароходъ приблизился къ Бугазской Косѣ и, обстрѣливая берегъ, спустил къ оному три барказа съ десантомъ, но и здѣсь успѣхи неприятеля ограничились сожженіемъ нѣсколькихъ мазанокъ,

12-го февраля, два паровыя судна возобновили нападеніе на этотъ пунктъ и высадили до 200 человекъ; покровительствуемые огнемъ своей артиллеріи, они заклепали лежащія на берегу тѣла восьми старыхъ чугуныхъ орудій, безъ лафетовъ, и сожгли два домика; но прибывшій на тревогу съ двумя конными орудіями, полковникъ Крыжановскій заставилъ ихъ поспѣшно сѣсть обратно на барказы и удалиться въ море. При этомъ случаѣ у насъ убитъ одинъ казакъ и трое ранены.

24-го февраля, англійскій трехмачтовый пароходъ обстрѣливалъ въ продолженіе трехъ часовъ джеметейскій блокгаузъ, между Бугазомъ и Анапою. Команда, занимавшая этотъ постъ, не претерпѣла никакого урона.

28-го февраля, неприятельская эскадра изъ пяти пароходныхъ судовъ, двухъ фрегатовъ, одного брига, одной шкумы и одной канонерской лодки, вооруженныхъ 67-ю орудіями большого калибра, вошла въ Суджукскую Бухту и, построясь въ боевую линію, въ 1500 саженахъ отъ берега, открыла бомбардированіе по Новороссійску.

По распоряженію генерал-майора Дебу, больные воинскіе чины и жители выведены были анъ выстрѣла, за укрѣпленіе, подъ прикрытіемъ части гарнизона; карауль съ константиновскаго поста, на противоположномъ берегу бухты, стянуть въ городъ и молодецки пробился чрезъ толпы стекавшихся со всѣхъ сторонъ горцевъ. Послѣ продолжавшагося цѣлыя сутки бомбардированія, эскадра подошла

1-го марта къ береговой батарее нашей на ближайшій картечный выстрѣлъ, но, встрѣченная мѣткимъ огнемъ, отступила вскорѣ на прежнюю позицію.

Между-тѣмъ вице-адмиралъ Серебряковъ, по первому извѣстію о семъ нападеніи, выступилъ изъ Анапы съ подвижнымъ резервомъ и, опрокинувъ на пути скопища горцевъ, прибылъ съ неизменною быстротою на подкрѣпленіе храбраго Новороссійскаго Гарнизона. Онъ началъ верки мало-поврежденными, но нѣкоторыя здаши, и въ-особенности госпиталь, подверглись дѣйствию непріятельскихъ ядеръ и бомбъ. У насъ убиты: офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ пять; ранены: офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ пять.

По прибытіи нашего резерва, непріятель снялся съ якоря и скрылся вовсе изъ вида. Онъ входилъ въ сношенія съ горцами и, по словамъ лазутчиковъ, замышлялъ новое съ десантными войсками нападеніе, къ отраженію коего вице-адмиралъ Серебряковъ принялъ надлежащія мѣры.

2-го марта восемь эскадроновъ турецкихъ уланъ произвели нападеніе на аванпосты отряда ввѣреннаго генерал-лейтенанту барону Врангелю.

По извѣстію о семъ, начальствовавшій нашими передовыми постами, подполковникъ уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны Полка Гудима, рассыпалъ казачьи резервы и вслѣдъ за ними двинулъ два эскадрона Новомиргородскихъ Уланъ, съ двумя орудіями Конно-Легкой № 20-го Батареи.

По приближеніи къ непріятелю на разстояніе 250-ти сажень, уланы наши раздались, а конная артиллерія открыла картечный огонь.

Турки, пораженные внезапною, тотчасъ же обратились въ бѣгство, которое было столь стремительно, что казаки и уланы не могли даже настичь ихъ. Только артиллерія наша, при преслѣдованіи непріятеля, провожала его ядрами и гранатами.

Непріятель бросилъ на мѣстѣ пятнадцать тѣлъ. Съ нашей стороны контуженъ обер-офицеръ одинъ.

Вечеру 3-го марта сдѣлана была весьма-удачная вылазка 700 человекъ охотниковъ, подъ начальствомъ майора Рудановскаго. Штаб-офицеръ этотъ раздѣлилъ свою команду на три колонны, бросился съ ними на занятую французами траншею и, не взирая на жестокой перекрестный огонь, вытѣснилъ изъ нея непріятеля съ значительною для него потерею.

По приближеніи къ непріятелю подкрѣпленій, майоръ Рудановскій подалъ сигналъ къ отступленію и совершилъ его въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечнымъ огнемъ осаждающаго.

Потера наша въ этомъ дѣлѣ заключалась въ 13 убитыхъ и 57 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ плѣнъ взято у непріятеля девять человекъ.

5-го марта, вскорѣ по наступленіи сумерекъ, открытъ былъ изъ непріятельскихъ траншей сильный огонь по нашимъ ложеамтамъ, впереди возведеннаго нами передъ корниловскимъ бастіономъ Камчатскаго Редута.

Вскорѣ непріятель, прекративъ ружейный огонь, открылъ канонаду по редуту со всѣхъ своихъ ближайшихъ батарей.

Въ то же время три колонны зуавовъ, предшествуемая застрѣльщиками, бросились въ интервалы между нашими передовыми ложе-ментами, намѣреваясь овладѣть редутомъ.

Занимавшій этотъ редутъ, полковникъ Свищевскій вывелъ изъ укрѣпленія три роты Волинскаго Пѣхотнаго Полка, стремительно атаковалъ ими непріятеля штыками и отбросилъ его къ ложе-ментамъ, занятымъ стрѣлками Якутскаго Полка, которые, пользуясь разстрой-ствомъ непріятельскихъ колоннъ, ударили на нихъ съ тыла.

Зуавы, поставленные между двумя рядами штыковъ, искали спасе-нія въ бѣгствѣ.

Непріятель, подкрѣпивъ отброшенные колонны, снова открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь. Вслѣдъ затѣмъ зуавы бросились вторично на ложементы, но, встрѣченные предварительно выведен-ными изъ редута полковникомъ Бялымъ батальономъ Якутскаго Пѣ-хотнаго и двумя ротами Томскаго Егерскаго полковъ, были снова опрокинуты въ свои окопы.

Преслѣдуя по пятамъ отбитаго непріятеля, удалцы наши ворва-лись въ его траншеи, гдѣ завязался кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ французы понесли значительный уронъ.

Затѣмъ полковникъ Бялый отвелъ свои батальоны и построилъ ихъ впереди ложементовъ. Непріятель прекратилъ перестрѣлку по всей линіи своихъ траншей и не возобновлялъ ее въ теченіе цѣлой ночи.

Союзники имѣли рѣшительное намѣреніе, во что бы ни стало, овладѣть нашимъ редутомъ. По показанію плѣнныхъ, въ этомъ дѣлѣ участвовало до 12,000 непріятельскихъ войскъ.

Потеря непріятеля, судя по упорству ожесточеннаго боя, вообще должна быть весьма-значительна. Близъ одного редута оставлено до 50-ти тѣлъ. Въ плѣнъ взято нами: обер-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ девять.

Съ нашей стороны убито: нижнихъ чиновъ 15, ранено: обер-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 87.

8 марта прибылъ въ Севастополь назначенный, на мѣсто князя Меньшикова, главнокомандующимъ русскими войсками генерал-адъютантъ князь Горчаковъ.

Осадныя работы непріятеля противъ севастопольскихъ укрѣпленій подвигались весьма-медленно.

Напротивъ, съ нашей стороны, положеніе крѣпостныхъ верковъ съ каждымъ днемъ улучшалось, несмотря на усилившійся, почти непрерывный, огонь осаждающаго. Минныя его галереи разруша-лись нами съ прежнимъ успѣхомъ.

Турецкія войска, занимающія Евпаторію, содержались въ тѣсной блокадѣ отрядомъ генерал-лейтенанта барона Врангеля.

II.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ОКТЯБРЬ 1855 ГОДА.

I. Учрежденія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія :

О дозволеніи чиновникамъ Министерства Императорскаго Двора, которымъ положены мундиры военнаго покроя, какъ-то: придворнаго, конюшеннаго и егермейстерскаго вѣдомствъ, Собственнаго Его Величества Николаевскаго Дворца и Дворовъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ имѣть изъ сѣраго сукна плащъ, по вновь утвержденному образцу для кавалерійскихъ офицеровъ, но безъ погоновъ и выпушекъ, съ клапанами на концахъ воротника по цвѣту мундирныхъ воротниковъ и на сѣрой подкладкѣ.

Объ измѣненіи штемпеля медалей, выдаваемыхъ домашнимъ наставникамъ и учителямъ, а также учащимся въ Виленскомъ Дѣвичьемъ Образцовомъ Пансіонѣ, замѣною на прежнихъ рисункахъ изображенія и вензеля блаженныя памяти Императора Николая I-го, изображеніемъ и вензелемъ Его Императорскаго Величества, нынѣ царствующаго Государя.

Объ отмѣнѣ вице-мундирныхъ полукафтановъ при шпагахъ, положенныхъ только первымъ тремъ разрядамъ, для всѣхъ прочихъ разрядовъ.

О дозволеніи воспитанникамъ Александровскаго Лицея поступать въ военную службу на правахъ, присвоенныхъ столичнымъ университетамъ и гимназіямъ.

Объ установленіи, на время войны, для рижской почтовой станціи, по всѣмъ идущимъ отъ нея направленіямъ, прогонной таксы по 2½ коп. сер. на версту и лошадь.

II. Уставы казеннаго управленія.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія :

О дозволеніи привозить въ Закавказскій Край чрезъ сухопутную съ Персією и Турцією границу всѣ европейскіе и колоніальныя товары, разрѣшенные по тарифу 1850 г. къ привозу въ черноморскіе порты.

О дозволеніи отпуска чрезъ Кяхту серебряной монеты иностраннаго чекана.

Объ очисткѣ пошлиною вывозимыхъ изъ Одессы внутрь Имперіи туалетныхъ вещей немедленно по объявленіи оныхъ въ таможи.

О взысканіи штрафа за невѣрныя объявленія на товары, вывозимые по рѣкамъ за границу.

О мѣрахъ къ прекращенію корчемства изъ Курляндіи въ Дисненскій Уѣздъ, Виленской Губерніи.

О производствѣ въ Измаилѣ продажи гербовой бумаги и бандеролей по акцизному сбору съ табаку изъ тамошней Думы.

Объ учрежденіи въ Барнаулѣ арестантской роты горнаго вѣдомства, съ тѣмъ, чтобъ употреблять ее на производство работъ по самому городу и для горнозаводскихъ построекъ, составивъ роту эту изъ мастеровъ и крестьянъ Алтайскаго Округа, которые, по судебнымъ приговорамъ, нынѣ назначаются въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и отсылаются въ другія мѣста.

III. Уставы государственнаго благоустройства.

Послѣдовали Высочайшія повелѣнія :

О нахожденіи грунтовыхъ, почтовыхъ, торговыхъ и военныхъ дорогъ, со всѣми на нихъ сооруженіями, въ предѣлахъ Таганрогскаго Градоначальства, въ непосредственномъ вѣдѣніи тамошняго Строительнаго Комитета, подъ главнымъ начальствомъ Екатеринославской Губернской Строительной и Дорожной Комиссіи.

О дозволеніи купцамъ городовъ Севастополя, Евпаторіи, Ялты, Керчи, Бердянска и Феодосіи производить, по мѣстнымъ свидѣтельствамъ, торговлю во всей Таврической Губерніи, впредь до возстановленія спокойствія въ Крыму.

Высочайше утверждено дополненіе къ положенію о приѣмѣ и передачѣ телеграфическихъ депешъ по электромагнитному телеграфу.

IV. Уставы благочинія.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе :

О производствѣ сиротскаго содержанія дѣтямъ нижнихъ чиновъ, взятыхъ непріятелемъ въ плѣнъ.

V. Законы уголовныя.

Послѣдовало Высочайшее повелѣніе :

О порядкѣ производства дѣлъ о лицахъ, судимыхъ за нѣсколько преступленій, изъ которыхъ одни подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, а другія — суда совѣстнаго.

III.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Пребываніе Государя Императора въ Крыму.—Приказъ Крымской Арміи.—Деревянная бомба. — *Малая жертва* крестьянина. — Памятникъ матросу Шевченко. — Соединеніе русской телеграфической линіи съ австрійскою и прусскою. — Открытіе телеграфическаго дѣйствія отъ Николаева до Симферополя.— Комитетъ для сооружеія желѣзныхъ дорогъ. — Русскіе рельсы. — Наводненіе въ Кизилъяръ.—Морское животное страшнаго вида.—Провѣщеніе въ Нухъ. — Волки.— Обороты главнѣйшихъ ямарокъ.— Пожары. — Привозъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Санктпетербургъ и Москву.— Некрологъ: *Н. А. Ревель, Николай Головинскій, А. Н. Маловъ и С. Е. Рамчъ* (*).

Государь Императоръ 28-го числа октября изволилъ осчастливить посѣщеніемъ Крымскую Свою Армію.

Главнокомандующій и всѣ воинскіе и гражданскіе чины, находящіеся въ Бахчисараѣ, собрались въ церкви: въ два часа пополудни колокольный звонъ и радостные крики «ура!» возвѣстили о прибытіи Государя Императора и Государей Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. У входа въ храмъ Государь былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою. По выслушаніи молебствія о здравіи нашего возлюбленнаго Монарха и его Августѣйшаго Дома, Его Величество изволилъ пройти пѣшкомъ къ дому, занимаемому главнокомандующимъ, и удостоилъ его Своимъ посѣщеніемъ, а оттуда въ квартиру, приготовленную Государю Императору въ частномъ домѣ, по случаю помѣщенія въ бахчисарайскомъ дворцѣ военно-временныхъ госпиталей.

Предъ входомъ въ домъ, депутаты отъ гражданъ города имѣли счастье поднести Его Величеству хлѣбъ и соль, и вмѣстѣ съ тѣмъ были представлены бахчисарайскій татарскій голова и караимскій раввинъ.

Войдя въ покои, Государю Императору представлены были всѣ чины Главнаго Штаба Крымской Арміи; Его Величество изволилъ Всемилостивѣйше благодарить ихъ за вѣрную службу.

По пути отъ г. Симферополя къ г. Бахчисараю, на Алминской Станціи Его Величество уже осмотрѣлъ часть войскъ 2-го Пѣхотнаго Корпуса, тамъ расположенныхъ; а по прибытіи въ г. Бахчисарай, Государь Императоръ соизволилъ отправиться на р. Качу, гдѣ осмотрѣлъ, впереди лагеря, часть находящихся тамъ войскъ 4-го Пѣхотнаго Корпуса, артиллерію и дружины. Къ обѣду Государь Императоръ возвратился въ городъ.

(*) Извлечено: изъ «Русскаго Инвалида», «Морскаго Сборника», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», «Кавказа» и др.

За столомъ Его Величества, къ которому были приглашены генералъ и флигель-адъютанты и генералы главной квартиры, Государь милостиво удостоилъ провозгласить тостъ за здоровье Крымской Арміи.

Вечеромъ извилистыя улицы Бахчисарая и стройныя его минареты были освѣщены разноцвѣтными фонарями, а на вершинахъ утесовъ, нависшихъ надъ узкою бакчисарайскою долиною, были поставлены зажженные осмоленные бочки. Разнообразное, пестрое населеніе города наполняло улицы до глубокой ночи, любясь зрѣлищемъ рѣдкимъ и поистинѣ живописнымъ. Та же иллюминація повторялась и въ послѣдующіе вечера.

На другой день (29-го октября), Государь Императоръ въ коляскѣ, съ главнокомандующимъ и въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей и Его Высочества Герцога Георгія Мекленбургъ-Стрѣлицкаго и Свиты, выѣхалъ въ 8 часовъ утра на станцію Дуванкой, а оттуда, перемѣнивъ лошадей, къ войскамъ 5-го Пѣхотнаго Корпуса, расположеннымъ близъ укрѣпленій сѣверной стороны Севастополя, для осмотра свободныхъ отъ службы частей, передъ ихъ лагеремъ. Отсюда Государь Императоръ, проѣхалъ верхомъ до Волоховой Башни, обозрѣвалъ съ нея окрестную мѣстность, море и въ достославной борьбѣ погибшій городъ; а потомъ изволилъ осмотрѣть верки Сѣвернаго Укрѣпленія.

За симъ Его Величество произвелъ смотръ войскамъ 4-го Пѣхотнаго Корпуса, расположеннымъ на позиціяхъ отъ Инкермана до Менкензевой Горы.

На семь переѣздъ Государь Императоръ благоволилъ принять приготовленный у генерал-лейтенанта Павлова завтракъ, на которомъ снова благодарилъ всѣхъ за службу и изволилъ пить за здоровье 11-й пѣхотной дивизіи; отсюда Государь Императоръ возвратился въ г. Бахчисарай.

Въ воскресенье, 30-го октября, отслушавъ Божественную литургію, Его Величество отправился къ частямъ войскъ 3-го и 5-го Пѣхотныхъ Корпусовъ, находящимся на среднемъ Бельбекѣ, коимъ сдѣлалъ смотръ; послѣ чего, переѣхавъ въ Юкары-Каралезъ, обозрѣлъ тамошнюю позицію и произвелъ смотръ занимающимъ оную войскамъ 3-го Пѣхотнаго Корпуса; а оттуда, проѣхавъ верхомъ до самыхъ передовыхъ нашихъ казачьихъ постовъ, находящихся у перевала въ Байдарскую Долину, возвратился въ Бахчисарай.

31-го числа, Государь Императоръ осматривалъ части войскъ 3-го и 4-го Пѣхотныхъ Корпусовъ на Качѣ и въ Таш-Бастияскомъ Ущельи.

Возвратясь въ городъ и пройдя отъ своей квартиры до бакчисарайскаго дворца, Государь посѣтилъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, удостоилъ ихъ разспросами о службѣ и изъявленіемъ Высочайшей своей благодарности, а въ 3 часа пополудни, въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, отбылъ благополучно въ Симферополь.

На всѣхъ сихъ смотрѣхъ Государь Императоръ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ войска за ихъ вѣрную службу, за мужество, постоянство въ перенесеніи трудовъ и самоотверженіе, которыя они явили при геройской защитѣ Севастополя и при другихъ встрѣчахъ съ непріателемъ. Присемъ Его Величество, собирая вокругъ себя генераловъ, штабъ и обер-офицеровъ, съ отеческою заботливостью освѣдомлялся о полученныхъ ими ранахъ, благодаря всѣхъ и каждого порознь; вѣзжая въ ряды колоннъ, Государь милостиво разговаривалъ съ нижними чинами, имѣющими знакъ военнаго ордена, разспрашивая о сраженіяхъ или вылазкахъ, за которыя они получили отличія, и выслушивалъ отвѣты съ величайшею благосклонностью.

Войска, проникнутыя чувствами вѣрноподданнической любви и глубочайшей признательности къ Всемиловѣйшему нашему Государю, провожали Императора восторженными криками «ура!»; офицеры, въ сердечномъ увлеченіи, толпами тѣснились вокругъ Монарха, чтобъ выразить Его Величеству чувства ихъ безпредѣльной любви и готовности умереть за него съ радостью.

«Постараемся, Государь! Не пощадимъ себя, Государь!» кричали офицеры со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ на милостивое и лестное изъясненіе увѣренности Монарха въ постоянной доблести Его воиновъ.

1-го ноября главнокомандующій получалъ изъ Симферополя приказъ Государя Императора Крымской Арміи, въ которомъ Его Величество, жалуя геройскимъ защитникамъ Севастополя, учрежденную въ память почти годовой осады сего города, серебряную медаль для ношенія въ петлицѣ на георгіевской лентѣ, Всемиловѣйше удостоилъ повторить Крымской Арміи чувства Высочайшаго Своего въ ней благоволенія и признательности.

Приказъ Крымской Арміи.

Храбрые воины Крымской Арміи! Приказомъ Моимъ отъ 30-го августа Я выразилъ вамъ чувства, преисполняющія душу Мою искренней признательности къ заслугамъ вашимъ, увѣковѣчившимъ славу защиты Севастополя. Но сердцу Моему недостаточно было благодарить васъ заочно за тѣ геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, съ которыми вы, удивляя даже враговъ Нашихъ, перенесли тяжкое время почти годовой осады. Здѣсь, среди васъ, желательно Миѣ было изъяснить вамъ чувства Моего къ вамъ благоволенія и искренней привязанности. Свиданіе съ вами доставило Миѣ невыразимое удовольствіе, а блестящее состояніе, въ коемъ Я нашелъ войска Крымской Арміи, при произведенныхъ нынѣ осмотрахъ, превзошло Мои ожиданія. Миѣ отрадно было видѣть васъ и любоваться вами. Благодарю васъ отъ души за службу вашу, за подвиги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твердо въ васъ укорененныя; онѣ Миѣ ручаются въ сохраненіи славы русскаго оружія и въ непрестанной готовности храбраго Моего войска жертвовать собою за Вѣру, Царя и Отечество.

Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя, Я устано-

вилъ собственно для войскъ, защищавшихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущихъ сослуживцахъ вашихъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору Престола и Отечества.

Совокупное же изображеніе на медали именъ незабвеннаго Моего Родителя и Моего, да будетъ залогомъ чувствъ Нашихъ, одинаково къ вамъ благосклонныхъ, и да сохранитъ въ васъ навсегда нераздѣльную память объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о Миѣ. Я вами горжусь, какъ Онъ вами гордился; какъ Онъ, вѣроятно вашей испытанной преданности и рвенію къ исполненію своего долга. Именемъ Его и Своимъ благодарю еще храбрыхъ защитниковъ Севастополя, благодарю всю армію.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано :

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Г. Симферополь.

31 октября 1855 года.

— 20-го августа изъ непріятельскихъ траншей перелетѣла черезъ 2-й бастионъ севастопольскихъ укрѣпленій бочка съ порохомъ. Крѣпко-окованная толстыми обручами, между которыми проложены, для сохраненія разстояній, желѣзныя планки, она была вся оклеена шестью слоями картузной бумаги. Пустоты между обручами проложены веревками, прибитыми мелкими гвоздями. Въ маломъ днѣ двѣ деревянные бомбенныя трубки, и къ нимъ длинный стовпнѣ, обдѣланный въ гутта-перчу и сложенный бухтою на двѣ. Большое дно покрыто желѣзнымъ листомъ въ $\frac{1}{8}$ дюйма толщиною. Бочка эта, пролетѣвшая пространство болѣе ста-двадцати сажень, весьма-похожа на тѣ, которыя дѣлаются для подводныхъ взрывовъ, хотя брошена, какъ бросаются каменометные фугасы. Весьма-вѣроятно, что, не находя употребленія подводнымъ фугасамъ, привезеннымъ для затопленныхъ кораблей нашихъ, вздумали пустить одинъ изъ нихъ бомбою. Къ счастью, не стало дѣло за смѣльчаками, чтобы обрѣзать стовпны. Въ бочкѣ этой оказалось крупнаго пороху отъ шести до восьми пудовъ.

— Начальникъ Вологодской № 141-го Дружины, полковникъ Кусовъ 1-й, донесъ военному губернатору города Ярославля, что когда казначей той дружины штабс-капитанъ Засѣцкій 1-й раздавалъ ратникамъ трехдневную порцію сухарей, 20-го сентября, въ девять часовъ утра, на дневкѣ въ Ярославлѣ, на площади противъ театра, въ это время проѣзжалъ по площади крестьянинъ, лѣтъ сорока отъ-роду, опрятно-одѣтый въ синемъ армякѣ, остановился предъ штабс-капитаномъ Засѣцкимъ и, выйдя съ женою изъ телеги, съ поклономъ отдалъ ему рубль серебромъ въ пользу ратниковъ. На вопросъ, какъ зовутъ его и изъ какой онъ деревни, крестьянинъ отвѣчалъ со слезами: «Не взыщи, батюшко, за малую жертву, болѣе не могу удѣлить роднымъ защитникамъ нашимъ—и этотъ рубль имъ пригодится; а кто его жертвуетъ, то знаетъ Богъ». Военный губер-

наторъ довелъ до общаго свидѣнія объ этомъ прекрасномъ воступи́и крестьянина, который, не пожелавъ объявить своего имени, придалъ пожертвованію своему еще большую цѣну.

— Матросъ 39-го Флотскаго Экипажа Игнатій Шевченко, въ вылазкѣ изъ Севастополя въ ночь съ 19 на 20 января сего года, убить, заслонивъ собою своего начальника Бирюлева. Ростовскій купеческій сынъ Николай Кузнецовъ и купецъ Константинъ Сорокинъ, сочувствуя этому подвигу, просили принять съ каждаго изъ нихъ по 300 руб. сер., а всего 600 руб., для сооруженія памятника матросу Игнатию Шевченко. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ Его Императорскаго Высочества Генерал-Адмирала, повелѣтъ созвондиль: 1) пожертвованіе то принять и жертвователей благодарить, 2) сумму доставить морскому начальству въ Николаевѣ, для сооруженія въ этомъ городѣ памятника, по усмотрѣнію мѣстнаго морскаго начальства.

— По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, согласно заключеннымъ конвенціямъ: 14 (26) сентября 1854 года съ прусскимъ правительствомъ, и 3 (15) мая 1855 года съ австрійскимъ, императорская руссiйская телеграфическая линия отъ С.-Петербурга соединена: съ королевско-прусскою телеграфическою линіею въ Берлинъ, чрезъ станцію Границу и прусскіе города Мысловицъ и Бреславль, и съ императорско-австрійскою телеграфическою линіею въ Вѣну, также чрезъ станцію Границу, австрійское мѣстечко Шаково и г. Краковъ, и телеграфическое дѣйствіе открыто. Такимъ образомъ мы имѣемъ телеграфическое сообщеніе: съ Пруссіею двумя путями отъ С.-Петербурга, чрезъ Динабургъ, Ковно, Маріанполь и Гумбиненъ, въ Берлинъ; отъ С.-Петербурга, чрезъ Динабургъ, Ковно, Варшаву, ст. Границу, города Мысловицъ и Бреславль, также въ Берлинъ; съ Австріею—отъ С.-Петербурга чрезъ Динабургъ, Ковно, Варшаву, ст. Границу, мѣстечко Шаково и г. Краковъ до Вѣны.

— Открыто телеграфическое дѣйствіе отъ Николаева до Симферополя, съ учрежденіемъ здѣсь станцій.

— Для опредѣленія основныхъ началъ условій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными компаніями учрежденъ особый комитетъ. Комитету этому поручено: 1) собрать всѣ законоположенія и уставы, на которыхъ допускается учрежденіе компаній желѣзныхъ дорогъ: въ Пруссіи, Австріи, Франціи, Англии, Бельгии и другихъ государствахъ Европы, а также въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; 2) обозрѣть дѣла, по которымъ Высочайше разрѣшено учрежденіе компаній для сооруженія желѣзныхъ дорогъ: отъ Юрбурга до Ливавы, отъ Динабурга до Риги и отъ Харькова до Феодосіи и разсмотрѣть уставы желѣзныхъ дорогъ царскосельской и отъ Дубовки до Качалина; 3) собрать всѣ установленія Николаевской, Санктпетербурго-Варшавской и Варшавско-Вѣнской желѣзныхъ дорогъ, общіе законы о товариществахъ по участкамъ, или товариществахъ на акціяхъ; и 4) изготовить проектъ нормальныхъ кондицій, на которыхъ могутъ быть учреждаемы частныя компаніи для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Кондиціи эти составить въ трехъ видахъ: 1) для компаній

русскихъ учредителей; 2) для компаній иностранцевъ, принимающихъ на себя постройку желѣзныхъ дорогъ, съ сдачею оныхъ въ казну, и 3) для компаній русскихъ и иностранныхъ, принимающихъ на себя не только постройку желѣзныхъ дорогъ, но и самую эксплуатацію оныхъ.

— Въ Божѣ почившему Государю Императору Николаю Павловичу благоугодно было повелѣть озаботиться введеніемъ выдѣлки рельсовъ на нашихъ горныхъ заводахъ. Дѣло это у насъ совершенно-новое и непривычное; оно требуетъ новыхъ устройствъ, новыхъ машинъ и новыхъ руководителей, дѣлопроизводство знающихъ. На изготовленіе и поставку рельсовъ для Санктпетербурго-Варшавской Желѣзной Дороги соглашены горнозаводовладельцы: наследники тайнаго совѣтника Демидова 1,200,000 пуд. и наследники дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева 1,500,000 пуд. Заподрядъ этотъ ознакомить нашихъ заводчиковъ съ рельсовымъ производствомъ, разовьетъ навыкъ къ этому новому дѣлу, послужитъ примѣромъ для другихъ владельцевъ горныхъ заводовъ, и такимъ-образомъ возродится въ нашемъ отечествѣ производство столь необходимое, и хотя въ настоящее время по цѣнѣ (1 руб. 50 коп. за пудъ), превышающей цѣну заподряда рельсовъ у англійскихъ заводчиковъ (*); но цѣну эту не должно считать постоянною: она есть вынужденная при тѣхъ издержкахъ, которыя заводчики первоначально должны сдѣлать; цѣна эта, конечно, будетъ понижена при дальнѣйшихъ заказахъ, а Россія сохранить капиталы, которые должно бы было употребить къ покупкѣ рельсовъ за границую. Нынѣ съ заводовъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева доставлены въ Санктпетербургъ образцовые рельсы. Рельсы эти подвергнуты испытанію, и оказались, въ-отношеніи качества желѣза, выше англійскихъ, а въ выдѣлкѣ — отличными и вполне соответствующими всѣмъ требованіямъ.

— 11 августа, мирная жизнь Кизляра была возмущена несчастіемъ, какого тамошніе старожилы не запомнятъ. Передъ вечеромъ, сильный напоръ воды изъ Терека въ лѣвый рукавъ, называемый *Прорвою*, разрушивъ сажень на 15 дамбу, служившую рубежемъ между Прорвою и городомъ, какъ бѣшеный звѣрь, шума и бушуя, кинулся на городъ. Посреди тихаго вечера, спокойный городъ огласился зловѣщимъ звономъ колоколовъ съ высоты семи церквей и тревожнымъ барабаннымъ боемъ; широкія нары, мягкія постели, кипучіе вечерніе самовары, веселые разговоры покинуты; народъ бѣжитъ за Бороздинскія и Никольскія Ворота встрѣчать страшнаго врага — воду, которая съ необыкновенною силою и быстротою мчится по полямъ и садамъ вблизи города, на пространствѣ трехъ верствъ въ длину и въ ширину; а 12 числа въ 3 часа достигаетъ самага города съ сѣверо-западной стороны его, врываεται грозно въ улицы, переулки, дворы и

(*) Англійскіе заводчики Гестъ и комп. поставляли рельсы для С.-Петербургско-Варшавской Желѣзной Дороги по 65 коп. сер.; но заводчики эти, по случаю войны, отъ поставки отказались.

дома, затопляетъ всю лѣвую сторону Кизляра, поднявшись въ нѣкоторыхъ домахъ до фундаментовъ, въ нѣкоторыхъ до оконъ, а въ иныхъ и до самыхъ кровель, и бушуетъ повсюду безъ пощады и сожалѣнія.

Видъ бѣдствія былъ ужасенъ. Многіе дома наполнились совершенно водою. Семейства искали спасенія на кровляхъ, подмытыхъ и колеблющихся домовъ своихъ. Многіе, бросивъ всё свое имущество въ добычу воды, перебирались вплавъ и на лодкахъ на правую, сухую сторону города, и въ чужихъ семействахъ находили убѣжище отъ гибели, между-тѣмъ, какъ турлучныя и саманныя ихъ жилища, какъ-бы съ отчаянія по разлукѣ съ своими хозяевами, съ грохотомъ и трескомъ разрушались и падали въ воду.

Изъ города степнаго въ короткое время сдѣлался какой-то островъ, изъ Кизляра—Венеція! Гдѣ прежде ходили люди, бродили овцы и куры, тамъ плавали лодки и ѣздили арбы, едва выказывая изъ воды верхнія части высокихъ колесъ своихъ. Тамъ спасали на лодкахъ женщинъ и дѣтей; тамъ изъ затопленныхъ и разрушенныхъ домовъ, везли перемокшее имущество; тамъ перевозили отнятые у воды кули съ подмокшею мукою. Крикъ, суета, плачь, вой сабакъ, ревъ домашняго скота, неимѣннаго выхода на пастбища — все это вмѣстѣ представляло зрѣлище поразительно-горестное! Лѣвая сторона города, переполняясь водою, опустѣла жителями; правая же сторона его, удвоила свое народонаселеніе, давъ пріютъ несчастнымъ у счастливыхъ.

Благодаря энергической дѣятельности мѣстнаго начальства, дальнѣйшая опасность предупреждена запруженіемъ прорыва дамбы, гдѣ ежедневно и еженочно въ-теченіе нѣсколькихъ сутокъ трудились неустыжно въ потъ лица до тысячи человѣкъ рабочихъ людей.

— Въ Раустуари, находящемся на западной сторонѣ острова, видѣли 20-го сентября большое морское животное страннаго вида. Величною оно, по словамъ тамошнихъ жителей, съ большую рыбачью лодку, съ огромною пастью, которую часто открывало и въ которой торчали длинныя бѣлыя зубы. Хвостъ этого чудовища сходенъ съ рыбьимъ, и оно точно такъ же било имъ по водѣ. Дня два оставалось оно на мелкомъ мѣстѣ, около Ваппарской Бухты, гдѣ, потряхивая косматой, волосами обросшей шеей, грѣлось, переваливаясь съ боку на бокъ, на солнцѣ. Когда люди приближались къ нему, то оно отплывало немного далѣе, но очень-медленно. Старики увѣряютъ, что и прежде видѣли здѣсь подобныхъ животныхъ, хотя этому прошло ужъ не мало времени.

— 8-го августа случилось въ Нухѣ происшествіе, напугавшее весь городъ. Рано утромъ этого дня сотня казаковъ и рота одного мѣстнаго батальона посланы были на подкрѣпленіе двухъ ротъ Мингрельскаго Егерскаго Полка, для занятія лежащаго въ 20-ти верстахъ отъ Нухи ущелья. Лаутчики извѣстили о намѣреніи Шамля сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ нападеніе на городъ, что и побудило занять войсками означенный важный пунктъ. Нѣсколько тысячъ татарской конной милиціи занимали поэтому сильными караулами всё горные проходы въ Нухскомъ Уездѣ. Пробыло восемь часовъ и ночная темнота,

съ обычною скоростью начала покрывать городскіе сады и зданія. Раздались звуки вечерней зари, но они были услышаны немногими и прервались послѣ первыхъ тактовъ. Дикіе крики битвы, раздрающіе душу, вопли женщинъ и дѣтей и ружейные выстрѣлы, нарушили военную церемонію. Въ крѣпости, гдѣ осталась рота линійнаго батальона взялись за оружіе кто только могъ, даже изъ большихъ военного госпиталя. Со всѣхъ сторонъ жители города сбѣгались подъ защиту крѣпостныхъ стѣнъ, полагая, что дикіе лезгинны произвели на него нападеніе. Никто не зналъ еще ни виновниковъ смятенія, ни числа ихъ. Только извѣстіе о томъ, что Гаджи-Гассанъ, богатый купецъ, торгующій шелкомъ и пользующійся общимъ уваженіемъ между мусульманами и христіанами вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, былъ похищенъ изъ своего дома, неподалеку отъ крѣпостныхъ стѣнъ, следовательно изъ середины города, шайкой дерзкихъ разбойниковъ и умерщвленъ ими — съ быстротою молніи распространилась между испуганными жителями Нухи. Ружейные выстрѣлы и дикіе крики, преслѣдовавшей непріятеля татарской милиціи въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ были слышны въ крѣпости и сосѣдней горной лощинѣ, которая по временамъ освѣщалась луною. Была ужъ полночь, когда четверо или пятеро татаръ возвратились изъ затруднительнаго преслѣдованія непріятеля, бѣжавшаго въ горы. Одинъ изъ нихъ несъ на спинѣ тяжелую ношу, которую торжественно сопровождалъ съзади его товарищъ. Въ этой ношѣ находились отрубленные головы двухъ разбойниковъ, и татары несли ихъ для удостовѣренія въ томъ, кто были виновники означеннаго злодѣянія. Въ дикихъ чертахъ одной изъ нихъ признали бывшаго жителя Нухи, извѣстнаго разбойника; другая принадлежала лезгину, котораго никто не зналъ. 9-го августа открылось, что шайка изъ 15-ти человекъ лезгинъ и бѣжавшихъ изъ Нухи преступниковъ была виновницей помянутаго убійства и распространила такой страхъ въ городѣ. На убитомъ лезгинѣ найдена серебряная бляха, или медаль, знакъ милости къ нему Шамяля — съ надписью, буквальныи переводъ которой слѣдующаго содержанія: «Кто размышляетъ о послѣдствіяхъ дѣла, не можетъ быть героемъ».

— Зима прошлаго года на Дону была снѣжная. Стоило только пѣшеходу свернуть съ дороги, чтобъ вдругъ по поясъ погрузиться въ море сугробовъ. Крутоярыя рѣчки, отъ большаго наноса снѣга, сравнялись съ степью, и какъ-бы исчезли изъ виду, представляя при берегахъ своихъ одни только малыя отверзтія, образованныя вѣтромъ. Мятеля и вьюги были повсемѣстны. Въ одну изъ самыхъ холодныхъ январскихъ ночей этого года два старые волка, выведенные, вѣроятно, изъ терпѣнія голодомъ, безъ всякой осторожности пришли на дворъ войсковаго старшины Р. З. С—на, находящагося при поселкѣ его на рѣчкѣ Цуцканѣ, близъ слободы Чистяковки. Не обращая никакого вниманія на отчаянный лай воддюжины дворовыхъ собакъ, хищники пробрались на скотскій базъ, и тамъ притаились, высматривая для себя любую жертву. Въ это время проснулся старшій сынъ хозяина, есаулъ В. С—нъ. Предполагая, по сильному лаю и визгу собакъ, что-то необыкновенное, онъ тотчасъ накинулъ на

себя тулуцъ, обулся и, взявъ ружье, бросился на дворъ. Ночь была не темная и не ясная; снѣгъ падалъ рѣдкими хлопьями на землю. Подбѣжавъ къ плетню, гдѣ стояли волки, атакованные собаками, есаулъ скоро смекнулъ въ чемъ дѣло, и потому, съ взведеннымъ куркомъ, осторожно подошелъ къ воротамъ база. Появленіе человека напугало волковъ: они обратились въ бѣгство, но не разомъ вмѣстѣ, а порознь, и притомъ въ противоположныя стороны: одинъ изъ нихъ, по которому успѣлъ выстрѣлить есаулъ, ударилъ прямо въ степь, а другой бросился къ рѣчкѣ, и прыгнувъ съ яру, провалился въ отверстие. Между-тѣмъ С—нъ бросилъ ружье, какъ бесполезное въ настоящемъ случаѣ, и, схвативъ деревянный колъ, побѣжалъ, что есть мочи, къ тому мѣсту, гдѣ былъ волкъ; но тутъ, нагнувшись съ яру, чтобъ ударить хищника, онъ потерялъ равновѣсіе, упалъ и вдругъ—нужно же было такъ случиться—очутился верхомъ на волкѣ. Въ первое мгновеніе, не имѣя ничего у себя для борьбы съ звѣремъ, С—нъ, по собственному сознанию, порядочно-таки струсилъ, но потомъ, скоро ободрившись, съ такою силою схватилъ его обѣими руками за горло, что не прошло и часа, какъ волкъ, утомленный борьбою, послѣ чрезвычайныхъ усилій опрокинуть сѣдока, издохъ къ неописанной радости послѣдняго. Къ счастью есаула, во время боя, двѣ собаки впились зубами въ уши волка, и такимъ-образомъ не дали ему возможности оборотиться назадъ. Напряженіе ручныхъ мускуловъ при давленіи было столь велико, что руки С—на оцѣпенѣли отъ холода, и когда онъ пришелъ домой, надобно было тереть и разминать околѣнѣлыя пальцы, чтобъ возвратитъ имъ прежнюю чувствительность. Удушенный волкъ, по осмотрѣ, оказался однимъ изъ самыхъ большихъ, какихъ только можно видѣть на Дону.

— *Верхнеудинская* ярмарка въ Забайкальской Области (съ 15-го января по 1-е февраля):

Какихъ именно товаровъ.	На какую сумму рублей:		Осталось не- проданными.
	Привезено.	Продано.	
шелковыхъ издѣлій	11,200	3,900	7,300
бумажныхъ	297,263	186,811	110,452
шерстяныхъ и гарусныхъ	72,300	50,714	21,586
льняныхъ и пеньковыхъ	32,412	21,680	10,732
металлическихъ и другихъ (?) ману- фактурныхъ издѣлій	44,607	29,276	15,331
овощныхъ и москотильныхъ товаровъ	17,630	12,965	4,665
разныхъ мелочныхъ товаровъ (?)	23,082	15,925	7,157
заграничнаго моржана	14,500	11,360	3,140
свѣчъ восковыхъ	5,750	5,100	650
мѣду	1,050	1,050	—
пушныхъ товаровъ	4,500	1,300	3,200
Итого.	524,294	340,081	184,213.

На *коренную* ярмарку въ Курскѣ (съ 27-го мая) товаровъ разнаго рода и лошадей доставлено на 6,338,575 р., продано на 3,566,625 р., что составляетъ, по привозу, на 1,252,769 р., а по сбыту на 1,441,025 р. больше прошлагодняго. Но при этомъ не должно забы-

вать, что обороты прошлогодней ярмарки, въ своихъ размѣрахъ, уступали почти наполовину оборотамъ 1853 и предшествовавшихъ годовъ: цѣнность привоза въ 1852 и 1853 годахъ превышала сумми 9 милльионовъ, а цѣнность сбыта сумми 5 милльионовъ р. сер. Независимо отъ размѣра оборотовъ, число посѣтителей ярмарки возрастаетъ съ каждымъ годомъ, и въ нынѣшній разъ простиралось до 97,107 человекъ (въ 1854 было ихъ 90,582, а въ 1853—76,352 человекъ). Сборъ съ лавокъ, балагановъ и другихъ торговыхъ мѣстъ составлялъ 31,608 р. 20 коп., то-есть превышалъ прошлогодній на 862 р. 2 к. сер.

Важнѣйшими статьями торговли были: бумажныя издѣлія (привезено на 1,745,000, продано на 940,500 р.), шелковыя издѣлія (привезено на 511,000, продано на 216,600 р.), шерстяныя издѣлія (привезено на 485,700, продано на 226,650 р.), сукна (привезено на 270,700, продано на 97,000 р.), серебряныя, золотыя и брилльянтоваыя вещи (привезено на 335,000, продано на 110,800 р.), парчевый и золотокружевный товаръ (привезено на 110,300, продано на 39,400 р.), пушной товаръ (привезено на 112,000, продано на 31,500 р.), холсты и пестрядь (привезено на 97,000, продано на 46,500 р.), скобяныя и металлическія вещи (привезено на 218,000, продано на 101,400 р.), бакалейный, москотильный и овощной товаръ (привезено на 227,400, продано на 138,000 р.), виноградное вино (привезено на 94,000, продано на 62,500 р.), рыба разная (привезено на 146,300, продано на 39,100 руб.), сырыя кожи и мерлушки (привезено на 114,875, продано на 69,075 р.), воскъ (привезено на 214,700, продано на 180,700 руб.), сахаръ (привезено на 366,000, продано на 282,500 р.), чай (привезено на 56,000, продано на 30,000 руб.), платье шитое (привезено на 50,300, продано на 21,650 р.), сапоги, башмаки и юфтяной товаръ (привезено на 51,000, продано на 24,400 руб.), бичевочный и шорный товаръ (привезено на 78,100, продано на 35,700 р.), игольный и разный мелочной товаръ (привезено на 56,000, продано на 24,300 р.), табакъ простой (привезено и продано на 45,000 р.) и лошади (приведено на 550,000, продано на 525,000 р.). Въ этой послѣдней статьѣ оказывается, сравнительно съ прошлогодною ярмаркой, самая значительная разность: тогда приведено и продано было лошадей всего на 50,000 р. сер.

Ильинская ярмарка въ Полтавѣ (ковная съ 10-го по 24-е іюля, краснорядская съ 20-го іюля по 4-е августа) размѣрами торговыхъ оборотовъ хотя и уступаетъ нѣсколько ярмаркѣ 1853 года, но значительно превосходитъ прошлогодною, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія общихъ итоговъ привоза и сбыта за послѣднее трехлѣтіе:

	Въ 1855 г.	Въ 1854 г.	Въ 1853 г.
привезено на . . .	16,047,327 р.	14,151,791 р.	16,198,066
продано	11,121,917	8,249,963	11,436,501 р.
осталось за сбытомъ на	4,925,410 р.	5,903,828 р.	4,761,565 р.

Стеченіе народа на нынѣшнюю ярмарку простиралось до 30,000 душъ; въ томъ числѣ: иностранныхъ торговцевъ было 39, русскаго

иногороднаго купечества 1,285 человекъ. Жители города, отъ отдачи въ наемъ лавокъ, домовъ и другихъ помѣщеній, выручили болѣе 75,000 р., а Городскою Думою съ принадлежащихъ городу мѣстъ собрано дохода на 11,527 р. 52 к.

— Число наиболѣе-замѣчательныхъ пожаровъ простирается, по новѣйшимъ официальнымъ донесеніямъ мѣстныхъ начальствъ, до 70, изъ которыхъ 3 относятся къ июню, 23 къ июлю, 39 къ августу и 5 къ октябрю; въ этомъ числѣ: 5 пожаровъ произошли отъ молніи и 1 былъ слѣдствіемъ умышленнаго поджога. Городовыхъ пожаровъ было 7. Погибли въ огнѣ 7 человекъ: 4 женщины и 3 мальчика. Убытокъ 57 оцѣненныхъ пожаровъ исчисляется въ 344,642 р. сер. Изъ богослужебныхъ, промышленныхъ и торговыхъ строеній сгорѣли: православная церковь въ Орловской Губерніи, татарская мечеть въ Казанской; ткацко-бумажная фабрика въ Москвѣ; чугуно-плавильный заводъ въ Тулѣ; двѣ мельницы въ губерніяхъ Витебской и Харьковской и три питейные дома: два въ губерніи Владимірской и одинъ въ Нижегородской.

— По Николаевской желѣзной дорогѣ въ-теченіе іюля 1855 года привезено товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ въ С.-Петербургъ 235,894³/₄ пуд. и 1877 головъ скота, а въ Москву 37,442¹/₄ п.

— Въ битвѣ 4-го августа при р. Черной палъ славную смертью генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ *Николай Андреевичъ Реадъ*. Онъ происходилъ изъ дворянъ Смоленской Губерніи и въ первый разъ находился въ сраженіи 15-го іюня 1812 года противъ французовъ при Витебскѣ, за что и награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Послѣ того былъ у прикрытія отступленія нашей арміи отъ Витебска, въ сраженіи при д. Орловѣ, въ нѣсколькихъ перестрѣлкахъ и у прикрытія батарей при Смоленскѣ; участвовалъ въ удержаніи непріятеля во время переправы нашей арміи чрезъ Дибѣръ, въ сраженіи при Вязьмѣ и бородинской битвѣ, за отличіе въ которой получилъ чинъ майора. За сраженія при дер. Вороновѣ, г. Боровскѣ, при Тарутинѣ и подъ Краснымъ Н. А. Реадъ награжденъ чиномъ подполковника. Въ 1813 году за сраженіе при Лейпцигѣ и другія онъ получилъ золотую саблю за храбрость, а въ 1814, за участіе при взятіи Парижа—св. Георгія 4-го класса.

Въ декабрѣ 1824 года Н. А. Реадъ произведенъ въ полковники за отличіе по службѣ въ званіи командира Ольвиопольскаго Гусарскаго Полка, а въ 1828 году назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ 1831 году, въ польскую войну, Н. А. особенно отличился въ сраженіи подъ Прагою, за что и произведенъ въ генералъ-майоры. Онъ участвовалъ также во многихъ другихъ сраженіяхъ съ поляками и за оказанное отличіе пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

При открытіи венгерской кампаніи генералъ Реадъ находился—было въ составѣ нашей арміи при переходѣ чрезъ Карпаты; но здѣсь внезапная болѣзнь не позволила ему участвовать въ походѣ, и онъ вынужденъ былъ воротиться въ Россію.

Въ 1851 году Н. А. Реадъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ Кавказскимъ Корпусомъ и за отличіе въ новомъ званіи

произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; по случаю же увольненія въ отпускъ генерал-адъютанта князя Воронцова, вступилъ, 2-го марта 1854 года, въ командованіе Кавказскимъ Корпусомъ и войсками, къ нему прикомандированными, на правахъ командира Отдѣльнаго Корпуса въ военное время.

Впослѣдствіи Н. А. Реадъ назначенъ былъ генерал-адъютантомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и командиромъ 3-го Пѣхотнаго Корпуса.

Еще свѣжа въ памяти всѣхъ реліція о сраженіи 4-го августа текущаго года при р. Черной. Извѣстно, что правая колонна войскъ, назначенныхъ для атаки союзниковъ, ввѣренная начальству генерал-адъютанта Реада, устремилась съ необыкновенною быстротою къ упомянутой рѣкѣ, перешла ее подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, переправилась еще разъ чрезъ широкій водопроводный каналъ и, увлеченная жаромъ боя, бросилась по крутизнамъ на Оедюхины Горы, занятыя непріятелемъ. Здѣсь-то въ числѣ первыхъ палъ Н. А. Реадъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба.

— 7-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ С.-Петербургѣ, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, на сорокъ восьмомъ году отъ рожденія, архіепископъ могилевскій, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, *Игнатій Головинскій*. 12-го октября, въ церкви св. Екатерины, въ С.-Петербургѣ, происходила божественная служба о покойномъ митрополитѣ, при многочисленномъ стеченіи жителей столицы и въ присутствіи министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, иностранныхъ пословъ и сенаторовъ. Службу совершалъ, со всѣмъ католическимъ духовенствомъ, Фердинандъ Канъ, епископъ тираспольскій, а проповѣдь говорилъ профессоръ Римско-Католической Духовной Академіи каноникъ Ивашевичъ. Покойный митрополитъ принадлежалъ къ числу извѣстныхъ писателей.

— 31-го октября въ С.-Петербургѣ скончался одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ нашихъ проповѣдниковъ, протоіерей Исакіевскаго Собора *Алексій Ивановичъ Маловъ*.

— 23-го октября, въ четвертомъ часу пополудни, умеръ въ Москвѣ *Семёнъ Егоровичъ Раичъ*, знатокъ латинской и итальянской литературы и добросовѣстный переводчикъ тассова «Освобожденнаго Іерусалима», аріостова «Неистоваго Орланда» и виргиліевыхъ «Георгикъ».

НОВОСТИ НАУКЪ, ИСКУССТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ (*).

Торжество закрытія парижской всемірной выставки. — Взглядъ на ея значеніе для промышленности. — Очеркъ ея существованія и неудачъ, сопровождавшихъ ея начало. — Общее сужденіе о ней. — Церемонія торжественнаго закрытія. — Рѣчь президента выставки — Раздача наградъ — Нѣсколько словъ о выставкѣ изящныхъ искусствъ. — Закрытіе выставки не было еще концомъ ея. — Судьба, прелестоящая дворцу ея. — Маріо. — Надежды французовъ относительно зимы. — Неурожай и балы. — Очеркъ перемѣнъ въ англійскихъ обычаяхъ. — «Праздникъ гениевъ» въ Ньюйоркѣ. — Осушеніе Гарлемскаго Озера. — Извѣстіе о возвращеніи арктической экспедиціи Кэна. — Акустическіе опыты Лиссажу.

15 ноября происходило въ Парижѣ торжественное закрытіе всемірной выставки и раздача наградъ за лучшія произведенія. Теперь время бросить взглядъ на исторію и степень удачи этого колоссальнаго предпріятія, которое было, послѣ политическихъ вопросовъ, важнѣйшимъ предметомъ общаго вниманія въ цѣлой Европѣ, о которомъ безъ умолку говорили въ—теченіе двухъ лѣтъ, которое даже успѣвало иногда на цѣлыя недѣли отвлекать взоры отъ грозныхъ военныхъ драмъ, совершавшихся въ Крыму.

Лондонская всемірная выставка 1851 года была первымъ опытомъ дать народамъ земнаго шара возможность сравнить относительныя достоинства произведеній своихъ промышленностей; она была выраженіемъ общей потребности, дѣломъ общаго энтузіазма. Такой исторической необходимости не имѣла за себя парижская выставка. Какъ ни быстры успѣхи промышленности и технологии въ послѣднее время, но промежуткутъ четырехъ лѣтъ, отдѣляющій парижскую выставку отъ лондонской, такъ незначителенъ въ дѣлѣ общаго матеріальнаго развитія, что въ—теченіе его относительное положеніе различныхъ націй, по степени высоты, занимаемой ими въ мѣрѣ промышленнаго производства, не могло

(*) Составлены по журналамъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrirte Zeitung*, *Ma, gazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *The Athenaeum*—*L'Athenaeum Français*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal de Débats*.

значительно измѣниться. Особенно должно сказать это о націяхъ, бывшихъ главными участниками обѣихъ выставокъ—Англии и Франціи; онѣ уже такъ давно вступили на поприще промышленнаго развитія, что четыре года не могутъ много значить въ дѣлѣ усовершенствованія и распространенія ихъ машинъ и продуктовъ. Чтобъ сравненіе ихъ настоящаго съ прошедшимъ обнаруживало очевидные успѣхи, точки сравненія должны быть раздѣлены не четырьмя, а пятнадцатью, или по-крайней-мѣрѣ десятью годами. Другое дѣло государства новыя, въ которыхъ развитіе, начавшееся недавно, можетъ дѣлать быстрые успѣхи, пока достигнетъ полнѣйшаго возможнаго совершенства, откуда прогрессъ будетъ уже идти медленнѣе; другое дѣло, говоримъ мы, страны, подобныя Россіи: для нихъ четыре года могутъ быть періодомъ очень-значительнаго усовершенствованія; отчасти тоже надобно сказать о восточной половинѣ Германіи и Австріи; но восточныя области Пруссіи и Австріи не могутъ занимать слишкомъ-виднаго мѣста сравнительно съ громадными массами произведеній, представляемыхъ Англіею, Франціею и даже западною половиною Германіи, а Россія не могла, вслѣдствіе политическихъ событий, участвовать въ новой выставкѣ, и главными состязательницами остались Англія и Франція; а онѣ, какъ мы уже видѣли, не могли представить значительныхъ перемѣнъ сравнительно съ тѣмъ, что представляли четыре года назадъ. Мы этимъ не думаемъ отрицать чрезвычайной значительности успѣховъ, совершившихся въ отдѣльныхъ отрасляхъ техническаго производства, напримѣръ въ дагерротипѣ и фотографіи, въ устройствѣ электро-магнитныхъ приборовъ и вообще въ приложеніяхъ силъ свѣта и электричества къ техническому производству; не думаемъ отрицать значительныхъ успѣховъ и по многимъ другимъ отраслямъ промышленности; но общая картина производства не измѣнилась слишкомъ-поразительнымъ образомъ отъ измѣненій въ отдѣльныхъ чертахъ. Не думаемъ отрицать и того, что новѣйшія усовершенствованія промышленности имѣли своимъ отечествомъ преимущественно Англію и Францію; но дѣло въ томъ, что въ *нѣк* промышленность, уже достигавшей высокаго развитія и прежде, эти новыя усовершенствованія не внесли столь значительной перемѣны, какая могла обнаружиться въ промышленности другихъ странъ, которыя не только движутся вмѣстѣ съ современностью, но еще должны догонять современность. Человѣкъ, который изъ своихъ десяти милльоновъ въ четыре года составилъ одиннадцать, вновь приобрѣлъ массу богатства болѣе-значительную, нежели человѣкъ, изъ своихъ ста тысячъ успѣвшій въ то же время составить триста тысячъ; но образъ жизни и общественное положеніе послѣдняго замѣтнѣе измѣнилось отъ приобретенія двухсотъ тысячъ, нежели положеніе перваго отъ приобретенія милльона. Подобнымъ образомъ и положеніе промышленности въ Англии и Франціи—главныхъ участницъ обѣихъ всемірныхъ выставокъ, измѣнилось въ-теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ менѣе, нежели общій видъ промышленности въ другихъ странахъ; да и повсюду въ-теченіе только четырехъ лѣтъ промышленность не могла сдѣлать столько поразительныхъ шаговъ

впередъ, чтобъ сравненіе 1855 года съ 1851 могло представлять слишкомъ—замѣтные контрасты, могло быть занимательно, могло доставить много новыхъ выводовъ.

Мы видѣли, что, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, парижская выставка могла показать только отдѣльныя улучшенія, но не существенную новизну въ общей своей картинѣ сравнительно съ выставкою 1851 года; она могла быть нѣсколько—улучшеннымъ изданіемъ прежняго творенія, но не твореніемъ новымъ, имѣющимъ самостоятельный характеръ.

Кромѣ—того, политическія обстоятельства неблагопріятствовали парижской выставкѣ, какъ благопріятствовали лондонской, задуманной и приведенной въ исполненіе среди всеобщей тишины, среди всеобщаго мирнаго преуспѣянія народной жизни, когда ничто не отвлекало отъ нея общаго вниманія, когда промышленники, при цвѣтущемъ состояніи дѣлъ своихъ, могли легко жертвовать частью изытковъ для похвалы, для гордости, благородной и даже полезной въ будущемъ, но сопряженной съ убытками въ настоящемъ, когда, наконецъ, они могли рассчитывать на продажу своихъ произведеній, приготовленныхъ нарочно для выставки, какъ бы ни были роскошны и дороги эти произведенія, потому—что въ 1851 году торговля и кредитъ находились въ самомъ цвѣтущемъ положеніи; да и самый Лондонъ представляетъ вдвое—болѣе жителей, то—есть покупателейъ, и въ двадцать разъ болѣе богачей, то—есть вѣрныхъ покупателейъ, нежели Парижъ. Всѣ эти отношенія, столь выгодныя для выставки 1851 года, очень—прискорбно измѣнились къ невыгодѣ выставки нынѣшняго года. Не будемъ распространяться о пагубномъ вліяніи войны на кредитъ, торговлю, развитіе промышленныхъ предпріятій: оно чувствительно во всѣхъ странахъ, въ однихъ болѣе, въ другихъ, быть—можетъ, менѣе, но повсюду оно чрезвычайно чувствительно. Потому, когда война, въ возможность которой такъ долго не хотѣли вѣрить, явилась наконецъ съ своею страшною дѣйствительностью, съ своими еще болѣе грозными предвѣстіями, думали даже, что надобно отложить выставку, какъ предпріятіе несвоевременное въ настоящихъ обстоятельствахъ. Эти сомнѣнія продолжались до самаго ея открытія. Непреклонное желаніе императора французовъ поставило на—своемъ, и выставка была открыта; но приготовленія къ ней были нерѣшительны, мнительны, робки; всѣ промышленники не только стѣснялись въ размѣрѣ своихъ приготовленій тяжелымъ положеніемъ дѣлъ, но и опасеніями, что выставка будетъ отсрочена на годъ, на два, и всѣ ихъ затраты пропадутъ напрасну.

Тѣмъ менѣе могущественныя слѣдствія успѣха лондонской выставки были такъ сильны, она такъ очаровала всѣхъ, что приготовленія къ новой всемірной выставкѣ производились повсюду. Однимъ хотѣлось поддержать репутацию, пріобрѣтенную въ Лондонѣ, другимъ—отнять у нихъ первенство, принесшее много славы и выгодъ. Число экспонентовъ цѣлою третью оказалось болѣе, нежели было въ Лондонѣ: явилось 25,000 экспонентовъ, между—тѣмъ, какъ Гайдпарксній Дворецъ имѣлъ только 17,000.

Подходило время выставки, и явился новый врагъ ея — неурожай, дороговизна хлѣба и въ Англии и во Франціи.

Пришло время открытія—и новый ударъ былъ нанесенъ выставкѣ: недогадливость, странная нерасчетливость людей, занимавшихся приготовленіемъ дворца для выставки, была причиною, что зданіе оказалось недостаточнымъ для помѣщенія всѣхъ произведеній, потребовалось дѣлать пристройки, разбить выставку по тремъ зданіямъ: эффектъ цѣльнаго громаднаго впечатлѣнія, столь поразительный въ Гайдпаркскомъ Кристалльномъ Дворцѣ, былъ потерянъ.

Мало того, что раздробили выставку на три клочка: срокъ открытія пришелъ, а ни одно изъ трехъ зданій не было готово, пришлось отсрочивать выставку, пришлось открывать ее, когда еще не было окончательно отдѣлано зданіе, не была еще разставлена по мѣстамъ и десятая часть произведеній; торжество открытія было совершенно—неудачно; потомъ опять заперли главное зданіе, принялись додѣлывать его, стали открывать публикѣ выставку по кускамъ, по клочкамъ; эффектъ ослѣпительнаго начала былъ совершенно потерянъ; ко всѣмъ этимъ разочарованіямъ присоединилась мелочная придирчивость и жадность компаніи, управлявшей выставкою, жадность и грубость, надѣлавшія безчисленныя непріятности каждому экспоненту, почти каждому посѣтителю. Надобно было заводить ссоры, подавать жалобы...

Однимъ словомъ, трудно представить себѣ колоссальное предпріятіе осуществляющимся при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, подъ управленіемъ столь неловкихъ рукъ, какъ парижская выставка. Въ свое время мы подробно говорили о всѣхъ этихъ жалкихъ подробностяхъ, жалкихъ потому, что, какъ бы то ни было, предпріятіе было полезное и блестящее.

Неудобства, непріятности, разочарованія, столкновения были такъ сильны, что невозможно было не принять крутыхъ мѣръ къ исправленію дѣла. Кое-что успѣли поправить, кое-какіе промахи успѣли загладить, но вообще, за умъ взялись уже слишкомъ—поздно; многого было невозможно ни поправить, ни загладить.

Однакожь, дѣло хотя отчасти пошло на—ладъ, и выставка, начавшаяся рѣшительною неудачею, продолжалась и кончилась только на—половину неудачно.

Энтузіазма, восторга она не возбудила; по—крайней—мѣрѣ не во всемъ и не всѣ начали оуждать ее; мало—по—малу стали даже смотрѣть на выставку безъ предубѣжденій и нашли, что она, независимо отъ всѣхъ недостатковъ исполненія, представляетъ въ цѣломъ зрѣлище интересное и поучительное; общимъ тономъ отзывовъ о ней въ послѣдніе мѣсяцы сдѣлался тонъ одобрительнаго снисхожденія или даже похвалы съ прибавленіемъ неизбежныхъ оговорокъ о томъ, что если дѣло хорошо само—по—себѣ, то исполненіе его дурно. Кажется, эти сужденія близки къ истинѣ.

Публика осталась на—половину довольна выставкою. Сначала число посѣтителей было незначительно, потомъ стало возрастать и иногда, особенно во время пріѣзда въ Парижъ англійской коро-

левы, было даже чрезвычайно-значительно. Вообще, нѣсколько сотъ тысячъ иностранцевъ и, вѣроятно, болѣе миллиона французовъ побывали на произведенія всемирной промышленности, несомнѣнно-удачно сосредоточенныя, но все-таки сосредоточенныя въ постройкахъ Елсейскихъ Полей. Изъ этой толпы десятая или двадцатая часть были даже не ротозѣи, какими, по всей справедливости, надобно назвать остальныхъ, съ глупымъ любопытствомъ ощупывавшихъ бронзовыя или мраморныя вещи, но въ-особенности глазѣвшихъ на механическія куклы и на знаменитые бриллыанты «Регентъ» и «Южная Звѣзда»—нѣтъ, въ числѣ миллионновъ, невывесшихъ съ выставки ничего, кромѣ тупаго удивленія блестящимъ бездѣлкамъ, были и десятки тысячъ людей, которые многому научились, рассматривая со вниманіемъ дивныя изобрѣтенія человѣческаго ума, изучая машины, сукна и полотна, земледѣльческія орудія и металлургическіе продукты.

Остались ли довольны своею спекуляціею акціонеры компаніи, сбиравшей плату за входъ, или увидѣли разрушеніе своихъ блестящихъ надеждъ на обогащеніе?—это все-равно: компанія выставки поступала съ мелочнымъ своекорыстіемъ и не заслуживаетъ сожалѣнія, если потерпѣла неудачу, что и надобно предполагать, потому-что цѣна акцій постоянно понижалась во все продолженіе выставки.

Но остались ли довольны выставкою экспоненты?—повидимому, несомнѣнно. Покупщиковъ нашли они довольно-мало; оставалось одно утѣшеніе—на вознагражденіе справедливымъ распредѣленіемъ наградъ. До какой степени это распредѣленіе удовлетворило ихъ—трудно сказать, потому-что они еще не успѣли осмотрѣться и хладнокровно обсудить соразмѣрность заслугъ съ наградами; но, судя по преобладающему тону нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, надобно предполагать, что приговоры судей выставки не всегда или, лучше сказать, очень-часто были пристрастны или ошибочны.

И вотъ мы дошли до окончательнаго торжества выставки, бывшаго 15-го ноября—закрытія ея и раздачи наградъ. Оно было великолѣпно, гораздо-великолѣпнѣе или удачнѣе, нежели торжество открытія.

Произведенія, заслужившія награду, изъ всѣхъ зданій выставки были перенесены въ главный дворецъ и расположены въ гармоническое, блестящее цѣлое, вдоль колоннъ, отдѣляющихъ боковыя галереи отъ центральнаго огромнаго пространства, посрединѣ этого пространства, около огромной эстрады, приготовленной для императора и его свиты. Эстрада эта возвышалась на пятнадцать ступеней, была обита бархатомъ краснаго цвѣта и малиновымъ сукномъ; надъ нею былъ великолѣпный бадахинъ; съ свода зданія осыпали ее безчисленные флаги всѣхъ націй, участвовавшихъ въ выставкѣ; для зрителей были устроены скамьи въ видѣ амфитеатра; онѣ также были обиты краснымъ сукномъ и малиновымъ бархатомъ; галереи были драпированы точно такъ же, украшены гербами различныхъ державъ и всевозможными эмблемами; повсюду сіяла бронза и позолота. Говорятъ, что эффектъ всего былъ прекрасенъ, благодаря искусному выбору и смѣшенію двухъ оттѣнковъ одного и того же цвѣта.

Императоръ и его свита были встрѣчены музыкаю; оркестръ со-

стоялъ изъ 500 музыкантовъ, хоръ—изъ 750 пѣвцовъ и пѣвицъ, которыми дирижировалъ Берлюозъ; но шумъ и аплодисменты 30,000 зрителей заглушали громъ музыки. Принцъ Наполеонъ, президентъ комиссиі, завѣдывавшей выставкою, прочиталъ рѣчь, въ которой изложилъ значеніе выставки, труды комиссиі, распределение наградъ и проч., и проч. Приводимъ отрывки изъ его рѣчи, отчасти потому, что въ ней есть факты, касающіеся исторіи выставки, отчасти потому, что она представляетъ любопытный образецъ официальнаго «разѣрства».

«Государь! шесть мѣсяцевъ назадъ, при открытіи выставки, я имѣлъ честь изложить в. в. обзоръ трудовъ, совершенныхъ Коммиссіею, въ которой нахожусь я президентомъ, для исполненія первой половины ея обязанности».

«Тогда еще можно было не предвидѣть съ достовѣрностью успѣховъ, которыми должны были увѣнчаться наши усилія. Общественное мнѣніе было преимущественно поражено затруднительностью нашего положенія. Отдаленная и жестокая война, упорная осада, непримѣрная въ исторіи, привлекали къ себѣ безпокойные взоры народа».

«Между-тѣмъ, при первыхъ шагахъ, надобно было бороться съ многочисленными затрудненіями. Распределение произведеній труда столькихъ народовъ, представителями которыхъ были двадцать-пять тысячъ экспонентовъ, требовало чрезвычайной ревности, постоянныхъ и безчисленныхъ заботъ, которыя, наконецъ, привели въ гармонію хаосъ и дали труду возможность съ удобствомъ заняться изученіемъ своихъ произведеній и отличить вниманіемъ превосходнѣйшія созданія промышленности и искусства».

«Суровыя соперничества, международная ненависть рождаются отчужденностью; часто довольно сблизить народы, чтобъ погасить раздоръ между ними. Въ этомъ отношеніи, всемірная выставка произвела огромное дѣйствіе».

«Она представила средство для распространенія братства между народами».

«Я представилъ вашему величеству рядъ декретовъ относительно учрежденія и обязанности присяжныхъ всемірной выставки. Эта Коммиссія Присяжныхъ состоитъ изъ 390 членовъ, раздѣленныхъ на 31 классъ и 8 группъ; члены ея—извѣстнѣйшіе люди изъ всѣхъ націй, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Эти присяжные съ добросовѣстностью и пользою исполнили свои обязанности, столь разнообразныя, столь обширныя, столь многосложныя».

«Имъ была предоставлена самая политѣйшая независимость, и я съ удовольствіемъ повторяю мысль, уже выраженную мною, могу подтвердить ее фактомъ, приносящимъ честь духу нашего времени. Между представителями столькихъ народовъ оказалось менѣе національной враждебности, нежели сколько встарину бывало между французскими провинціями».

«Вездѣ, повсюду было соревнованіе, нигдѣ враждебной завистливости. Расположеніе, одушевлявшее Коммиссію Присяжныхъ, выразилось многозначительными фактами, могущими служить мѣриломъ слѣдствій, которыя будетъ имѣть всемірная парижская выставка».

«Единоедушное желаніе было выражено въ пользу введенія однообразности въ монеты, въсѣ и мѣрахъ; образовались узлы, которыя должны постепенно соединить Европу въ одно великое семейство, какъ то предсказывалъ императоръ, вашъ предшественникъ.

«Работы присяжныхъ производились съ неутомимою дѣятельностью; всѣ рапорты ихъ будутъ обнародованы до истеченія нынѣшняго года.

«Назначенный предсѣдателемъ Совѣта Президентовъ и Вице-президентовъ, я считалъ своею обязанностью приготовиться къ этой должности, слѣдя за трудами отдѣльныхъ комиссій.

«При помощи специалистовъ, я подробно осматрѣлъ замѣчательныя созданія художниковъ и произведенія промышленности. Такимъ-образомъ я могъ составить себѣ понятіе о громадности успѣховъ, совершенныхъ въ настоящемъ и о слѣдствіяхъ ихъ въ близкомъ будущемъ.

«Важныя, даже неполнѣ-разрѣшимыя затрудненія представились въ дѣлѣ распределенія и характера наградъ, которыя должны мы были назначать.

«Въ промышленности, успѣхъ во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ производства—фактъ столь всеобщій, заслуги и достоинства, обнаруживающіяся во всѣхъ вѣтвяхъ промышленности, такъ блестящи, что еслибъ возобновилась еще разъ всемірная выставка, то невозможно было бы давать награды отдѣльнымъ лицамъ, не отнимая у этихъ наградъ рѣшительно всякаго отличія многочисленностью. И нынѣ мы были принуждены опредѣлить количеству наградъ предѣлы, которые могутъ казаться слишкомъ-тѣсными.

«Присяжные промышленной выставки, послѣ многочисленныхъ и трудныхъ совѣщаній, имѣли честь предложить вашему величеству выдачу нѣсколькихъ орденовъ. Кромѣ-того, они назначили:

112 большихъ почетныхъ медалей (*grandes médailles d'honneur*);

252 почетныхъ медалей (*médailles d'honneur*);

около 2300 медалей 1-го класса (*médaille de 1-re classe*);

около 3000 медалей 2-го класса, и

около 4000 почетныхъ отзывовъ (*mentions honorables*).

«Еще труднѣе и щекотливѣе была роль присяжныхъ выставки изящныхъ искусствъ. Я почелъ обязанностью удержаться отъ всякаго соучастія въ ихъ совѣщаніяхъ; я только утверждалъ ихъ избранія и выразилъ желаніе, чтобъ мнѣ было дано право представить вашему величеству просьбу о высокой наградѣ художнику, который, слѣдуя славнымъ преданіямъ цвѣтущихъ вѣковъ искусства, посвятилъ жизнь и талантъ тому роду, который мнѣ кажется вѣчнымъ типомъ прекраснаго.

«Награды, назначенныя за произведенія искусствъ, распределяются слѣдующимъ образомъ:

40 орденовъ, данныхъ вашимъ величествомъ;

16 почетныхъ медалей, назначенныхъ присяжными;

67 медалей перваго класса;

87 медалей втораго класса;

77 медалей третьяго класса, и

222 почетныхъ отзывовъ.

«Въ чемъ источникъ нашихъ силъ, столь блистательно-обнаруженныхъ всемірною выставкою?—въ свободномъ, но неутомимомъ трудѣ, этомъ великомъ законѣ человѣческой жизни, который выводитъ чело-вѣка изъ дикости и ведетъ его на высоту цивилизаціи.

Отвѣтъ Наполеона извѣстенъ читателямъ изъ газетъ; онъ не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ политическихъ фразъ, и потому не имѣетъ интереса для нашего разсказа.

Потомъ императоръ французовъ началъ изъ своихъ рукъ раздавать ордена, которыми были награждены во множествѣ не только экспоненты, но также члены Коммиссіи Присяжныхъ, иностранные комиссары и чиновники, завѣдывавшіе различными частями выставки; потомъ, также изъ своихъ рукъ, роздалъ онъ экспонентамъ и художникамъ большія почетныя медали. Эта церемонія продолжалась около часа и во все время гремѣли оркестръ и хоръ. Въ-заключеніе, по обыкновенію, всѣ разошлись и разъѣхались, очень-довольные тѣмъ, что присутствовали при великолѣпной церемоніи.

Но исторія выставки еще не кончилась этимъ торжествомъ—такова ужъ, вѣроятно, судьба парижской выставки, что она не можетъ ни начаться, ни кончиться въ назначенное время. До 1-го декабря, то-есть цѣлыя двѣ недѣли, пока выносились и упаковывались нагроможденные произведенія, во дворцѣ промышленности давались концерты хоромъ и оркестромъ, участвовавшими въ церемоніи. Концерты эти были, по общему отзыву, превосходны какъ по исполненію, такъ и по выбору шестъ. Посѣтителей каждый разъ было десятки тысячъ, и аплодисменты продолжались по цѣлымъ часамъ.

Изъ наградъ, выданныхъ экспонентамъ, замѣтимъ высшія степени ордена Почетнаго Легіона и почетныя медали, данныя художникамъ. Почетныя медали были присуждены Коммиссіею Присяжныхъ 16 художникамъ. Намъ пока извѣстно только четырнадцать именъ; они слѣдующія:

Живопись. Орасъ Верне, Энгръ, Деканъ, Корнелиусъ (Пруссія), Лэндсѣръ (Англія), Лейсъ (Бельгія), Геймъ, Гюденъ.

Гравированіе. Энрике-Дюпонъ.

Скульптура. Рюдъ, Дюре, Рихель (Германія), Дюмонъ.

Архитектура. Дюбанъ.

Имена, послѣ которыхъ не выставлено имени страны, принадлежатъ Франціи. Нѣмцы ропщутъ на то, что не дано медалей ни Каульбаху, ни Овербеку, ни Рауху. Англичане осуждаютъ французскихъ присяжныхъ за то, что, изъ всѣхъ британскихъ знаменитостей, они первымъ поставили Лэндсѣра, между-тѣмъ, какъ по мнѣнію его соотечественниковъ, онъ только пятый или шестой между лучшими современными живописцами Англіи; особенно досаждаютъ они на то, что не дано почетной медали Мэклайзу.

Высшія степени ордена Почетнаго Легіона получили живописцы: Делакруа, Гюденъ и Энгръ. Энгръ (о которомъ говорилъ президентъ выставки въ своей рѣчи) получилъ первую степень Почетнаго Легіона (Grand-officier)—знакъ отличія, который дается очень-немногимъ даже изъ высшихъ сановниковъ государства, а Делакруа и Гюденъ — вторую степень (commandeur), которой также не имѣютъ еще многіе изъ

любимѣйшихъ министровъ императора французовъ. Другія степени ордена были даны французскимъ художникамъ десятками.

О выставкѣ изящныхъ искусствъ мы не упоминали, дѣлая очеркъ исторіи промышленной выставки; это потому, что она имѣла свою особенную судьбу, не столь обильную злключеніями, но и не представлявшую ничего особенно-блестящаго. Искусства играли второстепенную роль, сравнительно съ шумными толками, какіе были возбуждены чудесами промышленности. Число посѣтителей выставки изящныхъ искусствъ составляло только пятую или шестую часть безчисленной толпы, наполнявшей дворецъ промышленности съ его пристройками.

Въ этомъ равнодушіи невиновато направленіе нашего времени, называемаго меркантильнымъ, индустриальнымъ и т. д.; напротивъ, надобно дивиться тому, что выставка изящныхъ искусствъ имѣла сотни тысячъ посѣтителей, потому-что за входъ надобно было платить столько же, сколько за посѣщеніе дворца промышленности; а произведеній, которыя не были бы ужъ давно извѣстны французамъ, представляла она мало: иностранные художники приняли въ парижской выставкѣ очень-слабое участіе, потому-что изъ берлинскихъ, вѣнскихъ и лондонскихъ и проч. любителей искусствъ, имѣющихъ картинныя галереи, очень-немногіе соглашались на просьбы художниковъ, продавшихъ имъ свои картины, отправить свои сокровища на полгода въ Парижъ. Такимъ-образомъ, при невозможности выставить въ Парижъ лучшія свои произведенія въ значительномъ количествѣ, почти всѣ иностранные художники, по-неволѣ, отказались отъ желанія выступить съ своими картинами, статуями и проч. на всемірное состязаніе, чтобъ не уронить своей славы, пославъ немногія и не самыя удачныя произведенія.

Что дѣлать съ огромнымъ дворцомъ промышленности, теперь опустѣвшимъ? Онъ строился съ тою цѣлью, чтобъ служить мѣстомъ для французскихъ (не всемірныхъ, а обыкновенныхъ) выставокъ, которымъ не находилось въ Парижѣ приличнаго помѣщенія. Въ свободное отъ выставокъ время предполагалось давать въ немъ колоссальные концерты, подобные тѣмъ, какіе давалъ Берлиозъ по закрытіи выставки, учреждать различныя народныя торжества и проч. Но теперь, кажется, забыли о первоначальномъ намѣреніи и толкуютъ о томъ, чтобъ перенести въ этотъ дворецъ биржу. При громадномъ, болѣзненномъ развитіи духа спекуляцій во Франціи, нынѣшнее зданіе биржи сдѣлалось тѣсно для десятковъ тысячъ, ежедневно стекающихся, чтобъ принять участіе въ пагубной «биржевой игрѣ», которая даетъ милліоны десяткамъ ловкихъ спекулантовъ, и разоряетъ тысячи людей, увлекающихся надеждами на подобное счастье. Если это предположеніе исполнится, то въ прежнее зданіе биржи будетъ перенесена итальянская опера.

Кстати, объ оперѣ. Маріо нынѣ поетъ въ Парижѣ; и хотя слушатели находятъ, что онъ потерялъ прежнюю силу и свѣжесть голоса, но театръ всегда бываетъ полонъ. Другихъ театральныхъ новостей пока еще нѣтъ; во все время выставки давались однѣ и тѣ же пье-

сы, потому—что каждый вечеръ смѣнялась публика, состоявшая изъ прїѣзжихъ провинціаловъ и иностранцевъ; но къ зимѣ, когда останутся въ Парижѣ только коренные его жители, явится безчисленное множество новыхъ пьесъ, изъ числа которыхъ обѣщаютъ двѣ или три замѣчательныя по достоинству.

Впрочемъ, кромѣ театральныхъ пьесъ, отъ зимы трудно ожидать чего—нибудь хорошаго для Франціи. Неурокай уже значительно поднялъ цѣну сѣстныхъ припасовъ; предвидятъ, что людямъ недостаточнымъ будетъ очень—трудно перенести наступающіе холода, когда дровы, которыя употребляются обыкновенно на дрова, пойдутъ въ дополненіе расходовъ на провизію. И знаете ли, какое средство придумано для облегченія страданій народа?—то самое, которое съ такимъ успѣхомъ употреблялъ передъ французскою революціею знаменитый Калоннъ, приведшій государство къ банкротству: правительство должно поощрять роскошь, которая пуститъ деньги изъ кармановъ министровъ и сенаторовъ Наполеоновской Имперіи въ обращеніе — и народъ будетъ благоденствовать, потому—что всѣмъ сановникамъ приказано давать зимою великолѣпныя балы и обѣды—превосходное средство помочь народу, если сообразить, что деньги, которыя будутъ растрачиваемы на кружевные платья и роскошныя блюда, предварительно будутъ собираемы съ того же самаго народа въ видѣ дополнительныхъ налоговъ и займовъ, проценты которыхъ уплачиваетъ опять—таки народъ.

Изъ Лондона доходить къ намъ мало слуховъ, за исключеніемъ политическихъ и промышленныхъ извѣстій. Англійскія газеты очень—подробно описываютъ балы, свадьбы и похороны лордовъ; но списки герцоговъ и баронетовъ, присутствовавшихъ при бракосочетаніи какого—нибудь графа, или украсившихъ своимъ присутствіемъ балъ какого—нибудь виконта, представляютъ мало назидательнаго для людей, неимѣющихъ удовольствія лично знать этихъ господъ. Но въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ мы нашли несомнѣнно дурно—написанный очеркъ перемѣнъ, которыя мало—по—малу проникаютъ съ материка въ чопорныя формы англійской жизни. Неприкосновенность обычаевъ пустыхъ и стѣсняющихъ жизнь и самыя понятія народа — всѣ эти угловатости, которыми англичане такъ гордятся передъ остальными народами, навлекая тѣмъ на себя всеобщую нелюбовь — всѣ эти натянутыя, жеманныя и тяжелыя особенности въ обращеніи, образѣ жизни, такъ глубоко—сроднившіяся съ англичаниномъ, понемногу начинаютъ колебаться, уступая мѣсто обычаямъ, господствующимъ во всей остальной Европѣ. Не мало помогаетъ этому война, доказавшая, что гордость и исключительность не—есть еще сила; но главное сближеніе островитянъ съ остальными европейцами надобно приписать приливу иностранцевъ въ Англію и англичанъ въ Европѣ, вслѣдствіе развитія торговыхъ сношеній и появленія удобныхъ и дешевыхъ средствъ сообщенія. До—сихъ—поръ измѣненія, занесенныя въ Англію, не произвели еще рѣшительнаго перелома въ закостѣлости англійскихъ обычаевъ, но признаки перемѣны ужь очевидны. Авторъ письма, изъ котораго мы заимствуемъ эти

подробности, легко и шутивно описывает наблюдаемое имъ превращеніе англичанъ въ европейцевъ.

«Лондонъ служитъ перепутьемъ изъ Европы въ Америку, изъ Сѣверной Европы въ Южную Европу (говоритъ нашъ вѣмецъ); Лондонъ центръ мореплаванія всего земнаго шара. Изъ Лондона съ его предметъями (нынче, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, Саутгэмптонъ, Ливерпуль, Плимуть, Портсмутъ, Дувръ, сдѣлались его предметъями) вы можете, когда вамъ угодно, ѣхать въ любую страну земнаго шара; Лондонъ средоточіе англійской торговли, а Англія центръ всемірной торговли, обороты которой возрастаютъ не по годамъ, а, можно сказать, по днямъ, и потому—то Лондонъ, быстро возрастающій и въ объемъ, и въ богатствѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ быстро теряетъ свой исключительно-англійскій колоритъ, все болѣе-и-болѣе превращаясь въ общую торговую контору всѣхъ націй. Первымъ поразительнымъ проявленіемъ этого характера была всемірная выставка, устроенная въ немъ четыре года назадъ, и съ того времени съ каждымъ годомъ замѣтнѣе становится, что Лондонъ скоро утратитъ свою исключительную національность, которую такъ строго хранилъ прежде. Я день за днемъ слѣдилъ исторію этого превращенія, ужъ много лѣтъ не покидая ни на одну недѣлю столицу Англій—поѣздки за двадцать, за тридцать миль не занесли меня за черту Лондона, потому—что его окружность теряется въ десяткахъ миль отъ его центра: Лондонъ, можно сказать, сталъ безпредѣленъ, потому—что еще не кончались сады и домики, служащіе его продолженіемъ, какъ уже примыкаютъ по всѣмъ направленіямъ къ другимъ городамъ, сливающимся съ столицею, готовящимся исчезнуть въ этомъ разливающимся морѣ зданий, садовъ и людей.

«Какъ много измѣнилась лондонская жизнь съ 1851 года! Начнемъ хоть съ того, что исчезаютъ эти рыжіе бакенбарды, видомъ которыхъ отравлялись всѣ удовольствія моего существованія въ Лондонѣ. Я ненавидѣлъ эти нелѣпныя полосы рыжихъ волосъ, маущія отъ висковъ до угловъ губъ, и не на чемъ было отдохнуть моего глазу: каждая иноземная борода была освистываема, забрасываема грязью, чуть не вырываема съ корнемъ строгими лондонцами, едва осмѣливалась осквернить собою улицы ихъ города, доступныя только рыжимъ бакенбардамъ. Но послѣ всемірной выставки ярость противъ бороды и усовъ стала ослабѣвать, начала водворяться нѣкоторая терпимость относительно бритвенныхъ дѣлъ, по—крайней—мѣрѣ для иностранцевъ. Потомъ начали носиться темныя слухи, будто природныя англичане, желая похвастаться храбростью, говорятъ, что если захотятъ, то отпустятъ усы и бороды. Отвержѣншіе изъ врачей начали шептать пациентамъ, страдающимъ простудою горла, или зубною болью, что усы, предохранительное средство отъ простуды зубовъ, борода—отъ простуды не только зубовъ, но и горла. Наконецъ, мистеръ Punch узналъ, что нѣкоторые природныя британцы ужъ нѣсколько дней не брились, въ явномъ намѣреніи законопреступничать противъ права бакенбартъ быть единственнымъ украшеніемъ лица. Нѣсколько мѣсяцовъ поражалъ онъ отступникомъ

стрѣлами своего остроумія, обливая ихъ рождающіяся бороды лдовитѣйшими кислотами желчнаго юмора, но все напрасно! Движеніе въ пользу усовъ и бороды, разсматриваемыхъ какъ нѣчто эстетически-прекрасное и гигиенически-здоровое, какъ завидное преимущество французовъ, жидовъ и Луи-Наполеона, распространилось, усиливалось и одержало побѣду! Консерваторы — приверженцы бакенбардъ были заклеимлены прозвищемъ «людей отсталыхъ, работѣствующихъ нелѣпымъ предразсудкамъ». Первыми инсургентами явились живописцы, вслѣдъ за ними музыканты, литографы, типографчики запустили дѣла по всему пространству личностей своихъ, отъ глазъ до жилета. Студенты послѣдовали ихъ примѣру. Въ Кембриджѣ открытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлью введеніе усовъ на ученыхъ физиономіяхъ. Заговоръ былъ подавленъ. Но въ Лондонѣ союзники злоумышленниковъ торжествовали. Прикащики въ магазинахъ, писцы въ конторахъ отвергли употребленіе бритвы. И чтобъ одною картиною показать всю великость зла, скажу вамъ, въ какомъ видѣ нашелъ я Королевскую Академію Изящныхъ Искусствъ, посѣтивъ ее послѣ двухлѣтняго отсутствія: я не узналъ ни одного знакомаго лица. Вмѣсто моего стариннаго друга, прежняго хранителя произведеній скульптуры, стоялъ передо мною дикобразъ, обросшій щетиною. «Мнѣ нужно видѣть директора», сказалъ я ему. «Идите за мною: я васъ проведу къ нему» отвѣчалъ мнѣ дикобразъ, знакомымъ голосомъ; я едва опомнился отъ изумленія: у директора изъ-за густѣйшихъ усовъ выглядывалъ только кончикъ носа—увы! и онъ отвергся бритвы! Я оглянулся; меня окружали люди съ бородами величикою въ лопату, и я предложилъ имъ придѣлать усы статуямъ Діаны, для приведенія созданій искусства въ гармонію съ окружающею дѣйствительностью.

«Я знаю, что мое доказательство назовутъ тривиальнымъ. Но, подумайте, какимъ опасностямъ подвергался за пять лѣтъ человекъ, являвшійся безъ волосъ на щекахъ, или съ волосами на верхней губѣ! Подумайте объ этомъ и сравните настоящее съ минувшимъ, и вы проникнетесь чувствомъ историческаго міросозерцанія при видѣ Академіи Изящныхъ Искусствъ, облеченной въ бороды!

«А англійская круглая шляпа, эта неизбѣжная, необходимая черная шляпа, столь неизбѣжная, что Пакстонъ былъ на замѣчаніи у всего Лондона не какъ гениальный архитекторъ, а какъ человекъ, носившій лѣтомъ бѣлую шляпу — гдѣ нынче господство ея? Теперь вы найдете въ каждомъ шляпномъ магазинѣ сотни шляпъ сѣрыхъ и бѣлыхъ, съ широкими и широчайшими полями, шляпъ войлочныхъ и соломенныхъ. Развращеніе нравовъ достигнуто того, что нынче каждый дерзаетъ выбирать шляпу по своему собственному вкусу, и нѣкоторые наглецы осмѣливаются даже появляться въ фуражкахъ! Это ли еще не важная реформа въ нравахъ? Посмотрите на окна домовъ: они — о чудо! дѣлаются уже створчатые, а не подъемныя или опускаемыя — и никто уже не разбѣгаетъ ротъ, проходя мимо отвореннаго, а не поднятаго окна. О, въ эти окна вторгнется континентальная зараза, и уже погибаютъ отъ нея британскіе обычан!

«Этого мало; я вижу дома, вижу цѣлыя улицы домовъ, въ которыхъ кухни помѣщаются не въ подвалѣ, а въ одномъ этажѣ съ комнатами, гдѣ живутъ джентльмены. Слыханое ли это дѣло, возможное ли дѣло?—поварь, кухарка живутъ на одной высотѣ съ джентльменами! Это вліяніе Европы!»

«Да и самая постройка домовъ измѣнилась: перемѣна въ окнахъ, въ помѣщеніи кухни повлекла за собою измѣненіе архитектурнаго стиля. И въ самой Сити сколько ужъ исчезло узкихъ, темныхъ проулковъ, уступивъ мѣсто широкимъ улицамъ съ домами въ новомъ стилѣ!»

— Въ англійскихъ газетахъ мы прочитали подробное описаніе, довольно-оригинальнаго по своей мысли, праздника, который происходилъ нынѣшнею осенью въ Нью-Йоркѣ, въ знаменитомъ Кристалльномъ Дворцѣ, гдѣ, года два назадъ, устраивалось, впрочемъ, совершенно-неудачное, подражаніе лондонской всемірной выставкѣ. Въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ, который нынѣ вмѣщаетъ Музей Естественной Исторіи, публичную бібліотеку, въ которомъ бывають колоссальные концерты, и проч. и проч., который, однимъ словомъ, представляетъ блѣдное подобіе Сейденгэмскаго Дворца, 15-го сентября былъ пышный праздникъ, которому подобные, если не ошибаемся, не случаются въ Европѣ. Американскіе книгопродавцы давали американскимъ—литераторамъ великолѣпный пиръ или, по выраженію афишъ и пригласительныхъ билетовъ «праздникъ въ честь геніевъ»; все на этомъ пирѣ было проникнуто чисто-американскимъ характеромъ, отъ идеи самого праздника до украшеній залы, отъ изгнанія винъ, по причинѣ присутствія дамъ, до гордаго тона рѣчей. Изъ знаменитостей, слава которыхъ достигла Европы, на банкетѣ были поэтъ Брэнтъ, историкъ Гильдретъ, Вашингтонъ Ирвингъ и мистриссъ Робинзонъ (Тальви), извѣстная переводчица сербскихъ и другихъ славянскихъ народныхъ пѣсень. Мистриссъ Бичеръ Стоу, Прескоттъ, Банкрофтъ и другіе, которымъ нельзя было присутствовать на праздникѣ, прислали вмѣсто себя письма, которыя были торжественно читаны. Число гостей, исключительно писателей и книгопродавцевъ, простиралось до нѣсколькихъ сотъ. Послѣ обѣда начались рѣчи и тосты; какимъ образомъ пились тосты, если не было вина—остается загадкою. Писатели хвалили книгопродавцевъ, и еще больше самихъ себя; книгопродавцы тоже хвалили писателей, и еще больше самихъ себя; разумѣется, дѣло не обошлось безъ объясненій о томъ, что англичане не понимаютъ всей важности, какую приобрѣла въ послѣднее время сѣвероамериканская литература, и что американская литература — первая въ мірѣ, и въ доказательство было вычислено, что еслибъ склеить въ одну полосу всѣ листы бумаги, которую покрыли печатными буквами нью-йорскія типографіи въ—теченіе послѣднихъ осьмнадцати мѣсяцовъ, то этою лентою бумаги можно было бы связать луну съ землею; это очень-вѣроятно, если припомнимъ таблицу типографской производительности Сѣверо-американскихъ Штатовъ, которую мы недавно представили читателямъ. Европейскія литературы могутъ ли гордиться изданіями книгъ въ 60,000, во 100,000, въ

200,000, даже въ 300,000 экземпляровъ? говорили американцы:—а у насъ такія изданія вовсе не рѣдкость; и съ этой стороны они правы: ни одна изъ европейскихъ литературъ не провикаетъ такъ широко въ массу населенія, какъ сѣвероамериканская; нигдѣ просвѣщеніе не разлито въ такой степени, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ почти невозможно встрѣтить человѣка, который хотя отчасти не слѣдилъ бы за литературою.

— Въ послѣднее время былъ обнаруженъ голландскимъ правительствомъ обзоръ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью осушеніе знаменитаго Гарлемскаго Озера, которое, постепенно увеличиваясь въ объемѣ, грозило потопленіемъ всей окрестности, лежащей, подобно ему, ниже морскаго уровня. Спустить воду изъ этого страшнаго водоема было невозможно, потому—что общій уровень рѣкъ гораздо—выше его, и голландцы рѣшились вычерпать эту огромную массу воды—колоссальный проектъ, всю видимую несбыточность котораго мы поймемъ, припоминая, что поверхность Гарлемскаго Озера въ послѣднее время простиралась уже до 18,000 гектаровъ (175 квадратныхъ верстъ). Но паровыя машины дали возможность осуществить эту гигантскую мысль. Нѣсколько лѣтъ сряду онѣ день и ночь приводили въ движеніе гигантскіе насосы, имѣвшіе болѣе сажени въ разрѣзѣ водоподъемной трубы, и теперь исполненное дѣло ихъ совершено. Онѣ вычерпали, подняли на значительную высоту, вылили въ устроенныя на высотѣ трубы до 1,000 милліоновъ кубическихъ футовъ (около 100 милліоновъ сороковыхъ бочекъ) воды, и эта вода стекла въ океанъ, очистивъ 18,000 десятинъ превосходной, удобренной иломъ земли. Исдержки предпріятія простираются до девяти милліоновъ флориновъ, но онѣ почти совершенно покрыты продажей осушенной земли. Ободренные успѣхомъ своего предпріятія, голландцы начинаютъ думать о новомъ, еще громаднѣйшемъ: они говорятъ, что надобно теперь приступить къ осушенію Эйндер-Зе, этого моря, потопившаго некогда цѣлую цвѣтущую область ихъ страны и имѣющаго поверхность въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ! По-неволѣ повторяешь избитое, но справедливое восклицаніе: какъ могущественъ человѣкъ, когда направляетъ всю свою дѣятельность на осуществленіе здоровой и полезной мысли!

— Экспедиція доктора Кэна (Kane), послѣдняя изъ экспедицій, отправленныхъ для отысканія Франклина, воротилась не нашедши (какъ и надобно было ожидать) слѣдовъ несчастнаго путешественника, но совершивъ нѣкоторыя изслѣдованія, нелишныя важности для науки. Представляемъ извлеченіе изъ рапорта, поданнаго сѣвероамериканскому министру морскихъ силъ докторомъ Кэномъ.

Отправившись изъ Нью-Йорка 31 мая 1853 года, на бригѣ Advance, экспедиція, черезъ Мельвилевъ Заливъ, прибыла 5 августа въ проливъ Смита; оттуда, прорубаясь сквозь ледъ, плывшій густыми массами, бригъ пошелъ по сѣверному берегу до 78° 54', сѣверн. широты, и остановился зимовать 10 сентября. Зима была необычайно—холодна: вода замерзала уже въ ноябрѣ; ртуть оставалась замерзшею около четырехъ мѣсяцевъ сряду; спиртовые термометры показывали отъ

шестидесяти до семидесяти-пяти градусовъ холода по Фаренгейту, ($-40-50^{\circ}$ по Реомюру) средняя годовичная температура была $-5,2^{\circ}$ по Фаренгейту (-16° по Реомюру): это самая низшая годовичная температура изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ. Необычайный морозъ породилъ въ экипажѣ болѣзнь tetanus, которая для многихъ была смертельна; этой же болѣзни подверглись и собаки, сопровождавшія экспедицію. Въ мартѣ экспедиція пустилась въ дальнѣйшій путь, на санкахъ, которыя тащили собаки. Изслѣдованія продолжались до 12 июля. Главнѣйшими изъ полученныхъ результатовъ были слѣдующіе. Пролитъ Смита изслѣдованъ по всей своей длинѣ; онъ имѣетъ направленіе на сѣверовостокъ и выходитъ въ заливъ, длина котораго 110 миль (англійскихъ). По линіи 60° восточн. долготы между Гренландіею и материкомъ идетъ цѣпь лдяныхъ горъ, высотой въ 300 футовъ. Цѣпь эта осматрѣна на протяженіи 80 миль. Она составляетъ одинъ огромный ледникъ, чѣмъ и объясняется постоянное накопленіе льда въ проливѣ Смита. Подъ широтою $80^{\circ} 12'$ и на параллели залива Пибоди (Peabody) найдена была обширная площадь моря, свободнаго отъ льдовъ; до самыхъ предѣловъ горизонта на сѣверъ не было видно льда, но экспедиція не могла изслѣдовать этого пространства составляющаго южную часть полярнаго океана, по всей вѣроятности совершенно свободнаго отъ льдовъ; лдяныя скалы, отдѣлявшія путешественниковъ отъ этой площади водъ, были такъ утесисты, что невозможно было перенести черезъ нихъ шлюпки. Во все лѣто 1854 бригъ былъ запертъ неподвижными льдами, оковавшими его въ теченіе зимы. Вторая зимовка была еще тяжелѣе первой, по истощенію силъ во всѣхъ участникахъ экспедиціи. Были періоды, когда изъ всего экипажа только двое могли вставать съ мѣста, остальные всѣ лежали въ скорбѣтѣ. Нѣсколько человекъ умерли отъ tetanus. Третьей зимовки экипажъ не могъ бы вынести, а на освобожденіе брига отъ льдовъ въ теченіе лѣта 1855 г. нельзя было надѣяться. Потому Кэнъ перевезъ шлюпки на саняхъ черезъ лдяное поле въ 316 миль широты, до мыса Александра и такимъ образомъ достигъ части океана, свободной отъ льдовъ.

— Вотъ опыты, которые, безъ-сомнѣнія, приведутъ къ важнымъ открытіямъ въ теоріи звука. Описываемъ ихъ словами самого изобрѣтателя, Лиссажу (Lissajoux).

«Сотрясенія упругихъ тѣлъ, производящія звукъ, такъ быстры, что глазъ не можетъ слѣдить за ними; на сѣткѣ глаза ихъ изображенія совпадаютъ одно съ другимъ. Для раздѣленія этихъ изображеній, надобно, чтобъ колебанія свѣтлой черты не соотвѣтствовали постоянно одной и той же части сѣтки, но перемѣщались бы съ быстротою, достаточною для образованія волнообразной линіи, которой различныя изгибы не закрывались бы взаимно. Способъ, посредствомъ котораго я удовлетворилъ этому требованію, можетъ быть приложенъ ко всѣмъ упругимъ тѣламъ; но теперь я опишу только простѣйшіе опыты съ камертономъ.

«При концѣ одной ножки камертона, я прикрѣпилъ полированную металлическую пластинку, отражавшую предметы, какъ зеркало.

«Поставивъ противъ нея свѣчу, я привелъ камертонъ въ сотрясение и увидалъ изображеніе свѣчи расширеннымъ вдоль ножки камертона; съ его обращеніемъ около его оси, видъ изображенія перемѣнился; въ моемъ зеркальцѣ представилась свѣтлая изогнутая линія, и формы ея изгибовъ показали величину или амплитуды колебзній сотрясающихся частицъ камертона.

«Этотъ опытъ можно измѣнить такъ, что колебанія упругаго тѣла «увидать многіе зрители. Въ темную комнату впустите солнечный лучъ, пріймите его на зеркальцо камертона и отразите на стѣну или на экранъ, на которомъ изобразится свѣтлая черта; отъ сотрясеній камертона, превратится она въ линію съ изгибами различныхъ формъ, показывающихъ амплитуды колебаній, какъ въ первомъ опытѣ.

«Описанные опыты нетрудно примѣнить къ изслѣдованію многихъ явленій акустики. На одной подставкѣ я утвердилъ два камертона съ зеркальцами, такъ—что лучъ свѣта, упавшій на одно зеркальцо, отражался къ другому, и отсюда въ мой глазъ. Когда оба камертона были приведены въ сотрясенія, тогда въ двукратно-отраженномъ лучѣ свѣта я видѣлъ уклоненія отъ прямой линіи, которая равнялись то суммѣ, то разности уклоненій, изображавшихся въ каждомъ зеркалѣ отдѣльно. Потомъ сотрясенія частицъ камертона соединились въ одну кривую линію, въ которой величина изгибовъ перемѣнялась періодически.

«Такимъ—образомъ я надѣюсь, что, посредствомъ моего способа наблюденій надъ сотрясеніями звучныхъ волнъ, можно сосчитать въ число сотрясеній въ определенное время, соответствующихъ различнымъ тонамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ продолжительность впечатлѣній всякаго быстрого движенія на глазъ, и пр. Но самою—собою разумѣется, что чѣмъ сложнѣе будетъ вопросъ, тѣмъ совершеннѣе долженъ быть снарядъ; основныя же начала наблюденій не перемѣнятся».

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Зима. — Петербургскіе jours fixes. — Образчики назначенныхъ дней. — Армида новый балетъ. — Комедія г. Ожье на русской и французской сценахъ. — *Coignure dorée*. — *Тестъ любитъ честь, зять любитъ еяго*. — *Невинное заблужденіе* — Водевиль. — Русская и итальянская оперы. — Удовольствія предвечернія. — Заѣринецъ г. Бернабо. — Закрытіе Невы и зимнія удовольствія. — Концерты въ Университетѣ. — Лекція въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Настала зима съ сибгомъ, морозами и назначенными днями. Житель благословенной деревни, котораго объятія, какъ и ворота, открыты для пріема добрыхъ знакомыхъ, къ которому въ гости пріѣзжаютъ люди съ чадами и домочадцами, съ лошадьми и собаками, пріѣзжаютъ не на вечеръ, не на день, а на недѣлю и болѣе, знакомъ съ такъ—называемыми jours fixes только развѣ по слухамъ и

обычай ихъ, очень-вѣроятно, ему кажется страннымъ. Но Петербургъ — городъ дѣловой, Петербургъ городъ промышленный, и жителямъ его некогда терять даромъ время, потому-что время — деньги. Обыватель деревни смотритъ на гостей, почти какъ на какую-то благодать, при помощи которой у него скорѣе проходитъ время: петербуржецъ, напротивъ, на каждого ненужнаго ему человека, охотника до визитовъ и посѣщеній, смотритъ почти такъ же, какъ на человека, имѣющаго слабость у каждого занимать деньги. Но жизнь человѣческая полна различныхъ пожертвованій, говорилъ одинъ мудрецъ, играя каждый вечеръ въ шахматы съ богатымъ дядюшкой. У каждаго живущаго въ обществѣ есть множество знакомствъ, возникшихъ то вслѣдствіе какихъ-нибудь отношеній, то частыхъ встрѣчъ, то вслѣдствіе прощальной фразы, сказанной просто для округленія разговора: «сдѣлайте одолженіе соберитесь къ намъ». А такъ-какъ каждый знакомый полагаетъ, что приглашающій будетъ радоваться его посѣщенію и нерѣдко, не зная гдѣ бы убить вечеръ, является охотиться на-время въ чужія владѣнія, то, для избавленія себя отъ жертвъ ежедневныхъ, гостепріимные люди рѣшились приносить себя въ жертву однажды въ недѣлю въ какой-либо избранный ими день. Въ этотъ день великодушный хозяинъ, предоставляя себѣ въ распоряженіе своихъ скучныхъ и веселыхъ знакомыхъ, позволяетъ имъ мучить себя вопросами о здоровьѣ, терзать безконечными новостями, тупѣйшими анекдотами, однимъ словомъ, пытатъ всѣми орудіями вниманія и любезности, какія только будетъ угодно употребить благосклоннымъ посѣтителемъ. Вотъ философски-историческій взглядъ на начало и развитіе *jours fixes*. Прежде назначенные дни существовали только въ высшемъ классѣ, теперь они распространяются уже во всѣхъ обществахъ. «*Nous sommes tous les jeudis à la maison*» говоритъ свѣтская дама, привѣтливо улыбаясь представленному ей молодому человѣку.—«Не забывайте пятницъ, Степанъ Степанычъ, кричитъ на Невскомъ господинъ внушающей наружности, во слѣдъ маленькому человѣчку въ бекешкѣ.—«Покорно благодарю. А у меня среды», отвѣчаетъ послѣдній, размахивая шляпой.—«Что бы когда-нибудь въ субботу заглянуть ко мнѣ? небось нѣтъ!..» хихикая, говоритъ толстенькій господинъ, разставаясь съ сослуживцемъ у дверей присутственнаго мѣста, и т. д.

Кромѣ купцовъ, которые попрежнему зовутъ гостей на именины, крестины и всѣ другіе жители Петербурга, особенно украшенные свѣтлыми пуговицами, имѣютъ свои поведѣльники, вторники, четверткіи и т. д.

Дни такихъ жертвоприношеній бываютъ конечно разные, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ классѣ бюрократическомъ самый употребительный день для приемовъ суббота, по той простой причинѣ, что за ней слѣдуетъ воскресенье. Жертвоприношенія дѣлаются людьми разныхъ званій и состояній и характеръ ихъ зависитъ, конечно, отъ свойствъ самыхъ жертвъ, то-есть хозяевъ. Гости при этомъ остаются спокойны и равнодушны, напоминая нѣкоторыхъ жрецовъ въ оперѣ Сафо, которые, въ ожиданіи, что знаменитая женщина-поэтъ,

по ихъ приговору, бросится съ Левкадской Скалы въ море, но похваляютъ—себѣ преспокойно табакъ.

Настаетъ назначенный день: вторникъ, четвергъ или суббота. Комнаты, положимъ, Петра Петровича, освѣщены, самъ Петръ Петровичъ выходитъ въ гостиную, гдѣ, у столика, въ изящнѣйшемъ чепцѣ и такомъ же платьѣ, его супруга вѣжетъ, вышивааетъ или шпнлетъ корпию. Петръ Петровичъ проаживается по комнатамъ, смотритъ отъ-вѣчего-дѣлать, на лампы, звъзаетъ и наконецъ останавливается передъ супругою:

— Скоро девять часовъ, а никого еще нѣтъ! говорить онъ.

— Пожалуй никого и не будетъ сегодня... Великъ знать, лучше бы повхатъ въ театръ.

— Не будетъ? едва-ли...

— Забудилъ развѣ?

— А чортъ бы его взял! какъ онъ мнѣ наскучилъ!

— Онъ скромный молодой человекъ, неговорливъ только... Рюшикъ тебѣ больше нравится?

— Тоже дрянъ...

— Онъ думаетъ, что очень-хорошъ собою.

— Да всѣ они думаютъ, что очень-хороши... А что?.. Въ это время раздается звонокъ.

— Вотъ кто-то и явился.

— Сборовы, можетъ быть...

— Только ихъ и недоставало!

Въ дальней комнатѣ слышатся шаги, шаги эти приближаются и наконецъ въ дверяхъ гостиной показывается высокій, блѣдный, худощавый молодой человекъ.

— Я сказала, что Сборовъ будетъ, тихо говоритъ хозяйка, самою привѣтливою улыбною встрѣчая гостя.

— Василій Васильичъ, милости просимъ! говоритъ хозяйка и, протягивая гостю руку, указываетъ ему мѣсто между собою и женою.

— Какъ удивительно поправилась нога!.. Давеча дождь, теперѣ дува. Чудный вечеръ... начинается гость.

— А завтра опять будетъ дождь, поддерживаетъ хозяйка...

— Можетъ-быть...

Разговоръ продолжается на эту тему; но снова раздается звонокъ и въ дверяхъ гостиной показываются три женскія фигуры, позади которыхъ, какъ тѣнь Наполеона, рисуется черная фигура главы бывшаго семейства... Хозяйка встаетъ съ своего мѣста и идетъ на встрѣчу дамамъ, хозяйка слѣдуетъ за нею, чтобъ привѣтствовать Сборовыхъ. За этими гостями слѣдуютъ новыя, за ними еще новыя и т. д. Радужно привѣтствуя вновь-прибывающихъ, хозяйка затѣвъ оставляютъ ихъ совершенно на собственное ихъ попеченіе. Гостиамъ предоставляется самимъ занимать себя, какъ угодно: бесѣдовать—для чего имѣется множество удобныхъ креселъ и козетонъ; курить—для чего въ кабинетѣ положены сигары и папирсы; заняться музыкой—для чего есть рояль; спать—что очень-удобно на столпикѣ въ кабинетѣ отоманить; звать, бродя, въ ожиданіи ужина, изъ кабинета въ

комнату, которыхъ довольно, или составить партію, для чего у чело-
вѣка можно спросить и карты и столъ. Все это гости могутъ дѣлать,
если имъ угодно, безъ всякаго стѣсненія; но если они не съумѣютъ
ничего этого сдѣлать, то имъ предоставляется умереть со скуки, какъ
и отъ удовольствія, если найдутъ себѣ занятіе, не обративъ на это
ни чьего вниманія. Хозяева преспокойно занимаются съ тѣмъ, съ кѣмъ
имъ приятно, или, вѣрнѣе, съ кѣмъ случилось заняться. Всякій по-
сторонній чело-вѣкъ, который бы явился въ это общество, навѣрно,
не угадалъ бы, кто гости, кто хозяева. Такимъ-образомъ долго ли,
коротко ли, продолжается назначенный вечеръ и затѣмъ гости поки-
даютъ свою жертву.

— Наконецъ развѣхались! говоритъ искренно и глубоко вздох-
нувъ жертва, Петръ Петровичъ, отправляясь въ свою спальню.
Неизвѣстно, что думаютъ и говорятъ жрецы о вторичныхъ жертво-
приношеніяхъ, хотя они не могутъ говорить ничего худаго, потому-
что, если они скучали, никто не мѣшалъ имъ уйдти домой. Какъ бы
то ни было, а Петръ Петровичъ можетъ служить образцомъ амфитріо-
новъ *равнодушныхъ*, которыми бываютъ обыкновенно люди, составив-
шіе себѣ извѣстное общественное положеніе, извѣстныя матеріальныя
средства, а потому люди болѣе или менѣе-независимые, люди ни въ
комъ особенно ненуждающіеся.

Другаго сорта чело-вѣкъ Степанъ Степанычъ и третьяго — Иванъ
Иванычъ.

Иванъ Иванычъ — это типъ амфитріоновъ, *заботящихся о своихъ
вѣщахъ*; Степанъ Степанычъ — *о самомъ себѣ*... День Ивана Ивана-
ча — среда. Едва въ этотъ день померкаетъ небесное свѣтило, какъ
на лѣстницѣ, ведущей въ квартиру Ивана Иванаыча, мрачной, какъ
пещера, появляются таинственныя лампы, напоминающія свѣтильники
въ балетныхъ подземельяхъ. Въ квартирѣ Ивана Иванаыча сдѣланы
приготовленія: подсвѣчники съ стеариновыми свѣчамъ, вытянутые въ
шеренгу, стоятъ на окнахъ столовой, имѣя у подножій своихъ кар-
точные марки, щеточки и мелки. Самъ хозяинъ маленькій, толстень-
кій, кругленькій, въ сюртучкѣ, пѣвномъ галстухѣ и свѣтлыхъ пан-
талонахъ, взглядомъ полководца обводитъ диваны, кресла и прочую
комнатную обстановку.

— Что это за пріемъ у Петра Петровича! говоритъ онъ своей
супругѣ, дамѣ въ чепцѣ и съ длиннымъ носомъ: — мало позвать
гостей да угостить ихъ чаемъ и ужиномъ, надобно занять ихъ: это
гораздо-важнѣе.

Такое мнѣніе Иванъ Иванаычъ старается приводить въ исполненіе
и каждаго гостя онъ встрѣчаетъ съ распростертыми объятіями. Какъ
Леонидъ въ проходѣ еермопильскомъ, каждое вновь-появляющееся
лицо старается онъ сбить съ рукъ, говоря практически—или занявъ,
говоря болѣе вѣжливо.

— Что жь, господа? четверо налицо, говоритъ онъ, когда такое
число особъ оказалось въ его кабинетѣ: — не пора ли и выступить
на зеленое поле?

— Не рано ли? говоритъ одинъ.

— Еще успѣемъ, говорить другой.

— А я ужъ и играть разучился, замѣчаетъ третій.

— И, полноте! у меня вѣдь всё вы играете и играть научитесь. Что даромъ-то терять золотое время! Пафнутій! (у Ивана Иваныча лакеи носятъ всегда весьма-рѣдкое имя) раскрой столъ!

Пафнутій раскрываетъ столъ; Иванъ Иванычъ быстро распечатываетъ карты и съ искусствомъ укладываетъ ихъ въ видѣ мелко-сплоенной манжеты.

— Къ дѣлу, Захаръ Анисимычъ! говоритъ онъ, нѣжно взявъ за талью толстенькаго господина и увлекая его къ столу. Всѣ прочіе невольны слѣдуютъ за ними, и черезъ пять минутъ четыре гостя перестаютъ беспокоить гостепріимнаго хозяина, занявшись своими собственными дѣлами. Такъ мало-по-малу къ одной партіи присоединяются другія. Иванъ Иванычъ не можетъ себѣ представить, чтобъ человѣкъ могъ быть иногда нерасположенъ къ игрѣ, что ему было бы пріятнѣе поговорить съ тѣмъ или другимъ, или даже просто посмотрѣть, какъ играютъ другіе. Каждый, кто когда-либо былъ замѣченъ въ занятіяхъ картами, непременно подвергается вербовкѣ со стороны хозяина. Послѣдній въ этомъ случаѣ не стѣсняется никакими уговорами и средствами, и бывали случаи, что всѣ четыре партнера въ вистѣ-преферансѣ играли не за себя, а за хозяина. Наконецъ этотъ трудъ Ивана Иваныча оконченъ, кабинетъ и прилежащая къ нему комната представляются чѣмъ-то въ родѣ фабрики, на которой лица разныхъ половъ, возрастовъ и фигуръ, пресерьезно работаютъ за освѣщенными столиками. Иванъ Иванычъ потираетъ руки и отирается въ гостиную. Онъ подсаживается къ одной дамѣ и спрашиваетъ: часто ли она бываетъ въ театрѣ, къ другой—«освѣдомляется: не началъ ли говорить ея сыночекъ (которому—что извѣстно Ивану Иванычу, минулъ только пятый мѣсяцъ); пожимаетъ локоть господину, ставшему въ позу у экрана, и, подмигивая ему лукаво, говорить: засмотрѣлись, знаю на кого; очень-миленькая! очень-миленькая! — Страсть служить гостямъ своимъ доходить до такой степени въ Иванѣ Иванычѣ, что попроси его юноша, облокотившійся на экранъ, снести любовное письмо къ созерцаемой имъ дамѣ, Иванъ Иванычъ непременно снесетъ, несмотря на то, что дама эта жена его истиннаго пріятеля.

— Но, mesdames, что жъ такъ сидѣть? не угодно ли потанцовать? Дѣвицы улыбаются и, конечно, отъ-души хотятъ танцовать.

— Я сама думала, да нѣкому играть, говоритъ хозяйка.

— Какъ нѣкому? Мы попросимъ Анфису Петровну, и Иванъ Иванычъ обращается съ просьбою сыграть что-нибудь къ Анфисѣ Петровнѣ, немолодой вдовѣ, несущей чепчиковъ, которой онъ выхлопоталъ недавно пособіе; но вдова, очевидно, не хочетъ играть, а хочетъ тоже танцовать. Она отговаривается, что не помнитъ безъ ногъ ни одного контрданса; однако Иванъ Иванычъ настаиваетъ, вдова соглашается, подходитъ къ фортепьяно, дѣлаетъ гримасу и играетъ ригурнель... Дѣвицы оживаютъ; дамы говорятъ между собою, очевидно не слушаютъ другъ друга, потому-что считаютъ

дѣвицъ , соображая , достанетъ ли на всѣхъ кавалеровъ . Въ кавалерахъ , конечно , оказывается недостатокъ ; Иванъ Ивановичъ бѣжитъ въ кабинетъ , гдѣ нѣсколько молодыхъ и почти-молодыхъ людей курятъ папиросы , разсказывая разные новости и исторіи .

— Вотъ они куда забрались ! говоритъ Иванъ Ивановичъ (хотя ему очень-хорошо было известно ихъ мѣстопробываніе) . « Дамы ждутъ... Не грѣхъ ли !... Пожалуйте , пожалуйста , становятся въ кадрили... » Нѣсколько молодыхъ людей оставляютъ папиросы ; тѣхъ , которые отказываются отъ предлагаемаго удовольствія , Иванъ Ивановичъ уговариваетъ самымъ-убѣдительнымъ образомъ .

— Нѣтъ , ужъ какъ вамъ угодно , а надо танцевать... Что это такое ? когда жъ и танцевать , если не въ ваши лѣта ? говоритъ онъ какому-нибудь съ кислой фizioноміей господину , таща его за руку изъ кабинета .

— Да я , право , нездоровъ , жалобно вопіетъ тотъ , упираясь противъ любезныхъ насилій хозяина .

— Знаю , дорогой мой ; оттого и нездоровы , что сидите... Танцуйте , такъ , повѣрьте мнѣ , кровь не будетъ застаиваться — да !

И кислый господинъ , при помощи хозяина , является въ залъ , ангажируетъ какую-то даму и становится на мѣсто... Но , несмотря на всѣ насилія хозяина , двѣ-три дѣвицы или дамы , менѣе пригожія , все еще не ангажированы . Иванъ Ивановичъ бросается опять на поиски , и неизвѣстно откуда добываетъ гимназиста и совершенно-плѣшиваго господина ; самъ ангажируетъ немолодую , высокую , какъ мамонтъ , даму , предлагая ей танцевать каждую фигуру дважды , чтобъ доставить удовольствіе старушкѣ въ бѣжкахъ , танцующей съ гимназистомъ . Танцы начинаются . Анфиса Петровна закабалена въ игру на фортепьяно , кавалерамъ не дается отдыха ни минуты : они должны танцевать безъ устали , чему хозяинъ подаетъ имъ разительный примѣръ .

Если танцовъ составить никакъ ужъ невозможно , или нѣтъ ни Анфисы Петровны , ни достаточнаго числа кавалеровъ , Иванъ Ивановичъ предлагаетъ какія-нибудь игры : фанты , жмурки , кошку-мышку . Не устроиваются игры , заботливый хозяинъ вытаскиваетъ откуда-то господина и скрипку , изъ которыхъ первый прескверно сыграетъ на послѣдней ; уговоритъ какую-нибудь дѣвицу , неимѣющую голоса , спѣтъ итальянскую арію о какихъ-нибудь страданіяхъ , или русскій романсъ о любви дѣвицы и мужика ; добудетъ гдѣ-нибудь маленькую дѣвочку , которая поразитъ всѣхъ искусствомъ танцевать русскую или качучу и — большими ногами .

— Сколько искусства , какой голосъ — соловей ! настоящій соловей ! говоритъ Иванъ Ивановичъ о фигурирующихъ персонахъ и похвалы свои усиливаетъ тѣмъ болѣе , чѣмъ менѣе слышится ихъ со стороны другихъ .

— А вы-то и не танцуете ! говоритъ Иванъ Ивановичъ , во время танцевъ , одному почтенному господину , семеня передъ нимъ ножками .

— Куда ужъ мнѣ танцевать !

— Не угодно ли хоть въ пре-ерансъ ?

— Ненавижу карты.

— Не-уже-ли?... Какъ это удивительно!

— Вы знаете Дарью Ѳедоровну?

— Нѣтъ.

— Умиѣйшая женщина; романъ написала лѣтъ девять назадъ... Славный романъ, былъ напечатанъ. Я не читалъ, а вотъ братъ моей жены читалъ и говорить, что хорошъ.

— Вотъ!...

— Это преинтересная дама; угодно, я познакомлю васъ съ нею.

— Не люблю я этихъ писательницъ, право...

— Не любите?...

Иванъ Ивановичъ очень разсчитывалъ занять своего почтеннаго гостя обществомъ Дарьи Ѳедоровны, но надежды его не имѣли успѣха, а между-тѣмъ почетный и ничѣмъ-незанятый гость какъ бѣльмо на глазу у хозяина.

— Вы, говорятъ, много читаете?

— Да, читаю.

— Я тоже очень-люблю читать... У меня есть крошечная библиотека: «Сынъ Отечества» года за четыре; «Утренняя Заря»; французскія книги есть. У меня тоже есть коллекція старыхъ монетъ и насѣкомыхъ. Вы не видали въ кабинетъ?

— Нѣтъ.

— Монеты-то мнѣ подарилъ одинъ старый пріятель, а насѣкомыхъ я купилъ очень-выгодно, вмѣстѣ съ мѣбелью. Одинъ чиновникъ изъ нашихъ разсматривалъ насѣкомыхъ и говорить, что есть одна бабочка очень-рѣдкая... бразильская... яркаго цвѣта, очень-яркаго... Удивительный цвѣтъ въ этихъ климатахъ... Не угодно ли полюбопытствовать?

— Извините; но я, право, не знаю въ насѣкомыхъ никакого толку.

— Я думалъ, такъ... Полюбопытствуете. Не угодно ли покурить? У меня отличныя есть сигары.

— Нѣтъ, покорно благодарю, я не курю.

— Гм... гм... дѣлаетъ Иванъ Ивановичъ и съ особымъ искусствомъ удаляется отъ почетнаго гостя.

— Этакимъ неукладистымъ этотъ Прохоръ Прохорычъ! говорить Иванъ Ивановичъ, встрѣтившись съ своею супругою въ столовой: — что ни предлагалъ, ничего не хочетъ; ходить-себѣ со шляпой да и только.

Сказавъ это, Иванъ Ивановичъ отправляется занимать другихъ гостей.

За ужиномъ (можетъ ли отпустить гостей своихъ Иванъ Ивановичъ безъ ужина?) гостепрѣимство хозяина выражается въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Иванъ Ивановичъ не садится за столъ; онъ переходитъ отъ одного гостя къ другому, упрасивая брать кушанья какъ можно-болѣе, пить вино безъ церемоніи. Отговорки, въ родѣ непривычки ужинать, слабости здоровья — не принимаются. Гость можетъ на другой день слечь въ постель отъ разстройства желудка, но въ среду онъ долженъ ѣсть и пить какъ акула, такъ-

какъ Иванъ Ивановичъ увѣренъ, что въ этомъ заключается высшее удовольствіе его гостя, который не хочетъ только въ томъ сознаться... Но вотъ окончился ужинъ, гости начинаютъ расходиться, и когда всѣ они исчезнутъ изъ-подъ гостепріимнаго крова, Иванъ Ивановичъ, потирая весело руки, говоритъ своей супругѣ: «Каковы наши ереды-то, мамурочка — а? Три часа, а я увѣренъ, никто и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время». А въ то же время одинъ, а, можетъ-быть, и не одинъ изъ гостей его, возвращаясь домой, скажетъ своей супругѣ: «Какой смѣшной, право, этотъ Иванъ Ивановичъ! Я увѣренъ, что онъ скоро начнетъ ходить на головѣ, чтобъ занимать своихъ гостей. Такое гостепріимство хуже равнодушія...»

Степанъ Степанычъ и его супруга, учредивъ понедѣльники, прежде всего думаютъ о самихъ-себѣ. Понедѣльники ихъ прежде всего должны служить чѣмъ-то въ родѣ блестящаго ореола; придавая имъ большій блескъ и большее значеніе въ глазахъ другихъ, хозяева думаютъ придать блескъ и самимъ себѣ. Степанъ Степанычъ — человѣкъ, получившій нѣкоторое образованіе и имѣющій крошечное состояніе. Женысь на дочери какого-то генерала, у которой есть родственники въ высшемъ обществѣ, Степанъ Степанычъ и, конечно, его супруга чрезвычайно любятъ аристократовъ и всѣми средствами стараются задавать тонъ. Комнаты Степана Степановича убраны съ претензією, въ гостиной стоятъ даже двѣ фарфоровыя вазы, о которыхъ супруги мечтали очень-долго, потому-что видѣли такія же у одного князя.

Понедѣльникъ. Квартира Степана Степаныча освѣщена, лакеи — въ бѣлыхъ жилетахъ и галстукахъ, хозяинъ — во фракѣ, и кажется первымъ пріѣхавшимъ гостемъ. Онъ молчаливо проходитъ по комнатамъ, испытующимъ взоромъ осматриваетъ лакеевъ, придаетъ изысканный беспорядокъ разложеннымъ на столахъ (увы! неновымъ) кипсекамъ и альбомамъ, смотритъ въ зеркало на свои воротнички и бакевбарды.

— Будетъ ли сегодня графъ Зуринъ? говоритъ хозяинъ, обращаясь къ супругѣ.

— Обѣщаль.

— Если обѣщаль, такъ будетъ. Какъ онъ милъ! сейчасъ видно, что изъ высшаго круга.

— Генерала Хрюстива я тоже звалъ.

— Вотъ! Значитъ, у насъ будетъ довольно сегодня...

— Должно ожидать; о Суслинѣ и говорить ужъ нечего.

— Суслинъ!... какой фракъ — ужасъ! теперь никто такихъ не носитъ.

— Онъ или скудъ, или оригинальничаетъ.

— Куда ему оригинальничать! скрага, просто. А замѣтила ты, какіе у него сапоги?

— Нѣтъ.

— Какъ у кучера.

— А умный человѣкъ...

— Что въ его умѣ, онъ ужаснѣйшій не *comme-il-faut*.

Но вотъ гости начинаютъ собираться. Мужчины во фракы и бѣ-

лыхъ перчаткахъ, дамы чуть не въ бальныхъ нарядахъ. Степанъ Степанычъ, принимая гостей, одному улыбается болѣе, другому менѣе; одному жметъ руку крѣпче, другому слабѣе, смотря по рангамъ и званіямъ.

— Графъ, не угодно ли вамъ составить партію? Вы, баронъ, княгиня и Павелъ Ивановичъ Зюзинъ... вы, можетъ-быть, знаете генерала Зюзина, онъ тоже долго жилъ въ Ярославлѣ, говоритъ хозяинъ, подходя къ дряхлѣйшему графу.

Вслѣдъ одной партіи составляются другія и хозяинъ, посматривая на значительныхъ, составляющихъ ихъ, персонажей, чувствуетъ себя весьма-довольнымъ. Но вдругъ раздается звонокъ, въ залѣ показывается молодой человекъ пріятной наружности. Степанъ Степанычъ взглядываетъ на пришедшаго и лицо его какъ-будто измѣняется. Молодой человекъ подходитъ къ хозяину, протягиваетъ ему руку, тотъ нерѣшительно подаетъ свою... Волненіе становится замѣтнымъ въ каждой жилкѣ лица хозяина; онъ то смотритъ на пришедшаго, то бросаетъ робкіе взгляды на барона, проборъ котораго проведенъ точно при посредствѣ геометрическихъ измѣреній. Радужный Иванъ Ивановичъ могъ бы биться три дня и не угадать причины волненія Степана Степаныча. Но что жъ въ-самомъ-дѣлѣ причиною волненія бѣднаго хозяина?... Маленькіе бѣленькіе листочки, украшающіе панталоны молодого человека.

«Этакая невѣжа! на вечеръ идетъ точно на охоту. Конечно, у меня не балъ, не танцы, однако, приличіе вездѣ должно быть соблюдаемо», говоритъ про-себя Степанъ Степанычъ, и чтобъ скрыть эти недостатки гостя, спѣшитъ посадить его за карты съ наперсницею графини и еще какими-то старухами втораго сорта. Но едва минула одна бѣда для Степана Степаныча, какъ новая туча повисла надъ его главою. Суслинь, ужасавшій хозяйку фракомъ и сапогами, забрался на самое видное мѣсто гостиной и съ поразительною вѣрностью рассказываетъ о весельи на именинахъ своего кума, какого-то чиновника, котораго посѣтилъ онъ наканунѣ. Вызвать его изъ гостиной нѣтъ никакой возможности; хозяину остается только улыбаться и шутками подсахаривать рассказы господина Суслина. Но эти непріятности съ одной стороны вознаграждаются для Степана Степаныча съ другой. Съ какимъ удовольствіемъ смотритъ онъ на графа и барона, на Зюзина и другихъ лицъ, безусловныхъ *comme-il-faut*! Какимъ чуднымъ бархатомъ гладится его сердце и сердце его супруги, когда они глядятъ на приличныя манеры, походку и прочее всѣхъ этихъ персонажей! съ какимъ восторгомъ прислушиваются они къ французскому говору дамъ и кавалеровъ, или любятъ блестящими созвѣздіями, сіяющими надъ карточными столами!...

Въ эти минуты Степанъ Степанычъ кажется выросъ, выросъ неизмѣримо; а супруга его — летаетъ... Полные восторга, въ эти минуты они не шадятъ любезности и для тѣхъ темныхъ тѣлъ, которыя соответствуютъ требованіямъ приличія. Когда гости разъѣзжаются, хозяинъ входитъ въ соображенія, лично до него ка-

сающихся, въ чемъ немало помогаетъ ему и его супруга, немножко-аристократическаго происхожденія.

— Вотъ, говорятъ она: — сколько у насъ собралось; у Ниловыхъ въ званые дни не бываетъ и половины.

— Гм... да! Мулюковъ-то и прошлый разъ былъ и сегодня.

— А Хрюмина-то, какъ его ни зоветь, былъ разъ, а больше и не ѣдетъ...

— Да, сегодня вечеръ былъ славный: сколько звѣздъ-то! Ха-ха-ха! я остро. Молодежь тоже весьма-прилична.

— Вотъ еслибъ была Сребровская, ей было бы досадно: у ней Богъ-знаетъ кто является на вечера...

— Да, если она проѣзжала мимо изъ оперы, то, я думаю, пришла въ отчаяніе: у подъѣзда-то—я взглянулъ въ окно—точно иллюминація...

— Да. Все было очень, очень-хорошо.

— Только вотъ Злобинъ...

— А что?

— Ты не видала? Въ пестромъ костюмѣ пришелъ; я ужъ поскорѣй посадилъ его за карты.

— Удивительно!

А въ то время, какъ такого рода разговоры идутъ между требующими строжайшаго приличія хозяевами, молодой человѣкъ въ панталонахъ съ листочками съ другимъ молодымъ человѣкомъ, удовлетворяющимъ строжайшему *comme-il-faut*, рассуждаетъ о Степанѣ Степанычѣ и его поведѣльникахъ...

— Этакая скука у Степана Степаныча, говоритъ молодой человѣкъ въ панталонахъ съ крапинками.

— Немудрено: хозяинъ даетъ тонъ своимъ собраніямъ, а Степанъ Степанычъ только и думаетъ о приличіи да хорошемъ тонѣ...

— Все у него точно на пружинахъ, говоритъ первый.

— Да, нѣчего сказать, китайскіе поведѣльники, говоритъ второй...

Вотъ нѣсколько очерковъ петербургскихъ *jours fixes*. Петры Петровичи, Иваны Ивановичи и Степаны Степановичи водятся во всѣхъ классахъ общества и характеръ описанныхъ нами «назначенныхъ дней» въ другихъ формахъ и другой обстановкѣ повторяется и въ бель-этажахъ, и въ шестыхъ этажахъ, у хозяевъ, принимающихъ гостей во фракахъ, въ пиджакахъ и яркихъ галстукахъ. Какой изъ приведенныхъ характеровъ лучше, каковъ долженъ быть идеалъ празднованія «назначенныхъ дней» — это вопросы весьма-трудные. Рѣшеніе ихъ повело бы къ философіи общежитія, то-есть повело бы очень-далеко, а мы пишемъ не философію, а только мѣтлопись петербургской общественной жизни. Обратимся же къ ней.

...Балетмейстеры нашего времени, не довольствуясь для произведеній своихъ собственною фантазією, стали прибѣгать къ твореніямъ великихъ поэтовъ. Еще недавно г. Перро вывелъ въ балетѣ ученаго Фауста; теперь въ новомъ своемъ произведеніи онъ передалъ языкомъ хореографіи часть славнаго творенія Тасса «Освобожденный Иерусалимъ». Четвертая, пятая и семь послѣднихъ пѣсней этой поэмы, нѣсколько передѣланныя и измѣненныя, составляютъ сюжетъ *Армиды*—

большаго героико-фантастическаго балета въ 4-хъ дѣйствіяхъ. При помощи гг. Роллера и Вагнера, написавшихъ декораціи, гг. Кальера и Можара, сдѣлавшихъ костюмы, и г. Гаврилова — различныхъ скульптурныя вещи, подъ звуки музыки г. Пувыи, г. Перро передаѣтъ фантастическую часть этой поэмы, именно эпизоды любви и мщениа волшебницы Армиды и рыцаря Ринальда.

Послѣ пролога, въ которомъ волшебникъ Идрао, посылаетъ прятивъ крестовосцевъ свою племянницу Армиду, красота которой, можетъ-быть, опаснѣе оружія, зритель переносится въ садъ волшебницы. Садъ этотъ, такъ поэтически-описанный у Тасса, представилъ случай г. Роллеру сдѣлать прекрасную декорацію. Роскошный дворецъ съ колоннадой смотрится въ бассейнъ водъ; въ разныхъ мѣстахъ бьютъ фонтаны, вездѣ цвѣты, зелень; плоды украшаютъ каждый шагъ мѣстности. Посреди этой роскошной природы, забывъ о храбрости и брани, опутанный цвѣтами и любовью, проводитъ дни плѣненный Армидою рыцарь Ринальдъ. Волшебница встрѣтила его мщениемъ; но мщение это превратилось въ любовь. Это чувство даетъ поводъ ко многимъ пластическимъ сценамъ и, въ томъ числѣ, сценѣ съ зеркаломъ, въ которомъ, какъ говоритъ програма балета: «они узнаютъ искренность своихъ чувствъ и, не сомнѣваясь болѣе въ взаимной любви, страстными группами выражаютъ свое блаженство». Однако блаженство это непродолжительно. Храбрый рыцарь Убададъ и менестрель Джіавео отыскиваютъ плѣнника Армиды. Они напоминаютъ ему о рыцарствѣ и чести и, несмотря на слезы и отчаяніе волшебницы, увозятъ изъ очарованныхъ мѣстъ. Но Армида не въ силахъ разстаться съ Ринальдомъ. Слѣдуя совѣту неразлучнаго съ нею Амура, она садится въ запряженную драконами колесницу и уносится въ слѣдъ любимому рыцарю. Этимъ оканчивается первое дѣйствіе балета.

Второе представляетъ лагерь крестовосцевъ. Раскаленное небо расинулось надъ изсушенною зноемъ мѣстностью; источники изсыкли; вездѣ не видно ни клочка зелени. Крестовосцы, утомленные трудомъ и жаждою, забыли о своихъ завоевательныхъ намѣреніяхъ и готовы покинуть лагерь. Въ такомъ положеніи Готфридъ проситъ помощи у неба. Молитва его услышана: солнце помрачается тучами, раздаются раскаты грома и проливной дождь орошаетъ измученное войско. Прежняя сила и бодрость оживаютъ въ лагерь; надежда на побѣду усиливается, когда возвращается Ринальдъ, который, по предсказаніямъ, долженъ побѣдить невѣрныхъ. Но Ринальдъ, отправленный Готфридомъ въ очарованный лѣсъ, куда не могъ проникнуть Танкредъ, снова попадаетъ въ сѣти Армиды. Чудовища не допустивъ въ лѣсъ его спутниковъ и онъ одинъ, предшествуемый волшебницею, идетъ по незнакомымъ ему мѣстамъ. Золотые мосты перекидываются сами-собою надъ пропастями, чтобъ открыть путь рыцарю; цвѣты растутъ подъ ногами несущейся передъ нимъ Армиды. Но Ринальдъ разрушаетъ чары волшебницы. При помощи догнавшихъ его спутниковъ, онъ рубитъ очарованныя деревья и еще разъ отвергнувъ любовь Армиды, сѣлится въ свой лагерь. Армида въ отчаяніи. Не

вѣчный спутникъ ея Амуръ научаетъ, какъ дѣйствовать. Онъ вмигъ создаетъ цѣлую кузницу для приготовления оружія волшебницѣ, и велитъ ей мстью отплатить измѣннику Ринальду.

Въ послѣднемъ дѣйствіи Армида, сопровождаемая войскомъ, является въ виду Иерусалима предъ Солимана и предлагаетъ ему свою помощь противъ христіанъ. Помощь эта принята; Солиманъ предается веселью, какъ въ дали показываются дружины крестоносцевъ. Они приближаются, ударяютъ на невѣрныхъ и Иерусалимъ переходитъ въ руки христіанъ. Побѣжденная Армида, съ отчаянья, готова лишиться себя жизни, но отчаяніе ея непродолжительно: исполнивъ долгъ рыцаря, Ринальдъ возвращается къ ногамъ прекрасной волшебницы и балетъ оканчивается блестящимъ апоѳеозомъ. Яркое солнце восходитъ надъ Иерусалимомъ, а въ дали видны рати крестоносцевъ, благодарящія небо за побѣду надъ невѣрными.

Вотъ содержаніе новаго балета, которое мы рассказали довольно-подробно, стараясь дать понятіе не только о его канвѣ, но и самой обстановкѣ. Тотъ, кто знакомъ съ талантами гг. Ролера и Вагнера, можетъ себѣ представить, какъ хороши въ новомъ балетѣ декораціи. Армидинъ садъ, очарованный лѣсъ съ выростающими и распускающимися цвѣтами, пустыня, орошаемая дождемъ, наконецъ и самый апоѳеозъ съ загорающимъ солнцемъ—все это прекрасно! Тотъ, кто знакомъ съ тою роскошью, съ которою ставятся у насъ балеты и оперы, представитъ себѣ, какъ изящны были костюмы и другія принадлежности. Наконецъ, кто знакомъ съ хореографическими способностями г. Перро, тотъ, безъ-сомнѣнія, вообразитъ, какъ хороши и разнообразны танцы новаго балета. Но если первые два предположенія оправдываются на самомъ дѣлѣ, то третье, къ удивленію, должно остаться безъ исполненія. Это вовсе не потому, чтобъ танцы новаго балета были нехороши, но потому, что ихъ въ балетѣ очень-мало. Группы, группы и группы занимаютъ въ немъ первое мѣсто; пластикѣ отдано преимущество передъ танцевальнымъ искусствомъ. Танцы, которые въ немъ есть, исполняются попреимуществу цѣлымъ кордебалетомъ, въ которомъ поглощаются личности первыхъ танцовщицъ. Такая особенность балета ставитъ насъ въ невозможность сказать что-нибудь рѣшительное и о талантѣ г-жи Фанни-Черрито, которая дебютировала въ роли Армиды. Соло, исполненное въ послѣднемъ актѣ, показало въ ней опытную, искусную танцовщицу. Но мы такъ избалованы искусствомъ нашихъ балетныхъ артистокъ, что по этому solo не можемъ сказать ничего особеннаго о г-жѣ Черрито. Говорятъ, что главное свойство ея таланта — мимика и пластика, и это мнѣніе, особенно въ послѣднемъ отношеніи, кажется справедливо: жесты и позы ея дѣйствительно чрезвычайно-пластичны.

Рядомъ съ Армидою, какъ изображеніе ея чувствъ, постоянно, въ разныхъ видахъ, является Амуръ. Эту роль исполняла очень-молоденькая воспитанница Театральнаго Училища, г-жа Муравьева, и исполняла такъ мило, съ такою граціей, что, несмотря на совершенное

почти отсутствіе въ роли ея танцевъ, на ея долю выпала значительная часть аплодисментовъ. Остальные аплодисменты принадлежали г-жамъ Ришаръ, Петипа (Суровщиковой), Черрито. Эти три танцовщицы только и имѣли случай танцовать небольшія solo; всѣ другія участвовали въ танцахъ общихъ, изъ которыхъ особенно понравились «*pas des fleurs animées*» и «*pas de voiles*». — Музыка балета, написанная г. Пуви, не представляетъ большихъ достоинствъ, а успѣхъ всего балета былъ посредственный.

Переходя къ новостямъ русской и французской сцены, мы должны почти исключительно говорить о произведеніяхъ одного автора, г. Ожье. Всѣ наиболѣе-замѣчательныя пьесы конца октября и первой половины ноября, принадлежатъ этому писателю, который получилъ медаль за нравственность и извѣстность, за умъ и чувство, заключающіеся въ его твореніяхъ. На французской сценѣ видѣли мы возобновленную его комедію: *Le Gendre de mr. Poirier* и новую *La ceinture dorée*; на русской — передѣланные на наши нравы г. Сазиковымъ, первую изъ названныхъ нами пьесъ, подъ названіемъ: *Тестъ любитъ честь, зять любитъ зять* и нѣкогда имѣвшую большой успѣхъ на Михайловскомъ Театрѣ «*Gabrielle*», которую г. Куликовъ назвалъ *Минутнымъ заблужденіемъ*. Къ чести французскихъ драматическихъ писателей надобно сказать, что, кромѣ умѣнья вести пьесы, придавать имъ жизнь и интересъ, они въ основу своихъ произведеній всегда кладутъ какую-нибудь мысль. Нѣтъ спора, эта мысль часто бываетъ старою, иногда она бываетъ уже черезчуръ перхитренною, но тѣмъ не менѣе сущность мысли всегда и благородна и нравственна. Припомните пьесы послѣдняго времени, о которыхъ говорили мы, или о которыхъ упоминалось въ нашихъ «Новостяхъ»: «*Gabrielle*», «*L'honneur et l'argent*», «*Philiberte*», «*Les filles de marbre*», «*Le gendre de mr. Poirier*», «*Les Parisiens de la décadence*», и проч. Въ одной защищается неприкосновенность супружескаго счастья, въ другой — нравственные качества передъ наружными; тамъ разоблачается бездушіе каменныхъ женщинъ, здѣсь прославляется честь, которой въ жертву приносятъ богатства матеріальныя. Многія изъ названныхъ нами пьесъ не выдержатъ критики художественной; но, въ отношеніи нравственному, всѣ онѣ безукоризненны. Цѣлая масса такихъ пьесъ можетъ-быть немного прибавить къ капиталу національной литературы, но онѣ проходятъ не безъ заслуги для общества. Драма — самая популярная отрасль изящной словесности, которая болѣе всѣхъ другихъ можетъ имѣть вліяніе на публику. Вотъ почему распространяя или хотъ напоминая только частныя мысли, воздавая должное лицамъ благороднымъ, хотъ-бы иногда до идеализма, они благотворно дѣйствуютъ на зрителей. А если это справедливо, если «*Gabrielle*» спасла хотъ одну женщину отъ паденія, если «*L'Honneur et l'argent*» хотъ одному юношѣ напомнила о чести его родоваго имени, а вѣчножаждущій денегъ Буржуа (въ *Parisiens de la décadence*) расшевелилъ сердце хотъ одному изъ тѣхъ сильныхъ, которые ради выгодъ готовы обидѣть слабого, то даже мимо литературныхъ достоинствъ и недостатковъ, пьесы эти заслу-

живаютъ искренней похвалы. Вотъ почему мы всегда съ удовольствіемъ указываемъ на пьесы въ родѣ перечисленныхъ нами.

«Le gendre de mr. Poigieg» комедія, возобновленная на михайловской сценѣ въ бенефисъ г. Лемениля, на другой день, въ бенефисъ г. Марковецкаго, появилась на русской сценѣ въ передѣлкѣ г. Сазикова. Мы не знаемъ челоѣка, который бы, видя пьесу Ожье въ оригиналѣ, остался ею недоволенъ, какъ не видѣли ни одного такого, который, видя «Тестъ любить честь; зять любить зять» отозвался бы о ней съ похвалою. Передѣлка г. Сазикова производитъ такое же впечатлѣніе, какое бы произвело общество, перерядившееся въ чужое платье и говорящее совершенно-несвойственныя ему заученныя чужія рѣчи. Г. Сазиковъ далъ французамъ, дѣйствующимъ въ комедіи Ожье, русскія фамиліи (фамиліи напоминающія романы двадцатыхъ годовъ, напримѣръ: Блесткина, Двинскаго и т. п.), и тѣмъ ограничилась его передѣлка. Все остальное французской комедіи переведено почти буквально; можно посудить, что, послѣ такого простаго процесса, вышло изъ бѣдной французской комедіи, которая попреимуществу комедія нравовъ. Гг. Мартыновъ (Дьячковъ), Максимовъ (Двинскій), старались сдѣлать все, что могли для комедіи, но ихъ искусства не доставало, чтобъ спасти пьесу отъ скорой кончины. Она была представлена всего два раза. Гораздо-удачнѣе передѣлка г. Куликова другой пьесы того же автора «Gabrielle», хотя передѣлка эта была гораздо-легче. Въ одной комедіи выведены отношенія общественныя (отношенія буржуа и аристократа), въ другой же отношенія семейныя (мужа и жены). Но, несмотря на то, что эта комедія ближе подходитъ къ нашимъ нравамъ, несмотря на то, что она переведена иногда довольно-звучными стихами, что при игрѣ ея, нѣкоторыя сцены возбуждаютъ видимое участіе, а нѣкоторыя тирады—рукоплесканія, все-таки она также не имѣла большаго успѣха. Что тому причиною?—является неминуемый вопросъ. Вопервыхъ, думаемъ мы, непривычка посѣтителей русскаго театра къ пьесамъ, особенно большимъ, въ которыхъ много движеній нравственныхъ, но въ которыхъ нѣтъ движенія внѣшняго; вовторыхъ, недостатокъ въ исполненіи. Правда, г. Максимовъ 1-й, игравшій роль мужа, обращающаго жену свою на путь чести и законной любви, игралъ роль свою съ жаромъ и благородствомъ; въ роляхъ старыхъ супруговъ были хороши г. Сосницкій и г-жа Орлова, но другая главная роль—жены, несовѣтъ шла къ недавно-выступившей на сценическое поприщѣ, г-жѣ Ситковой, а вообще исполненію не доставало ансамбля.

Изъ другихъ пьесъ, составлявшихъ три-четыре бенефисные спектакля, мы упомянемъ только развѣ о сценахъ изъ народнаго быта г. Стаховича *Ночное*. Къ старику Михѣичу, караульщику на степномъ купеческомъ хуторѣ, на ночной караулъ приходитъ живущая въ ближнемъ селѣ внучка Дуня и пастухъ Ваня. Они гуторятъ то со старикомъ, то между собою, и наконецъ Ваня, давно-любившій Дуню, узнавъ, что за нее сватаютъ какого-то богатаго вдовца, сватается самъ и получаетъ согласіе дѣвушки и Михѣича, который; въ приданое ей, выкапываетъ зарытый кладъ — корчагу съ деньгами.

Содержанія въ этой пьесѣ такъ же мало, какъ въ какой-нибудь драматической поговоркѣ; но такъ-какъ лица, выведенныя въ ней, особенно при хорошей игрѣ, кажутся живыми, языкъ, которымъ они говорятъ, очень-естественъ, то сцена смогрится съ удовольствіемъ. Роль Вани очень-проста и естественно была исполнена для перваго дебюта г. Горбуновымъ, съ драматическими способностями котораго въ Петербургѣ познакомились уже очень-многіе прежде появленія его на сцену. Г. Горбуновъ обладаетъ большимъ талантомъ съ необыкновенною вѣрностью представлять типы изъ народнаго быта, сохраняя характеристическій языкъ изображаемаго имъ лица. Если слушать его рассказы или сцены изъ другой комнаты, то можно подумать, что говорить не одинъ, а нѣсколько человекъ — такъ мастерски умѣетъ онъ, сообразно представляемымъ имъ лицамъ, мѣнять голосъ и дикцію. Съ умѣньемъ рассказывать, г. Горбуновъ обладаетъ талантомъ литературнымъ и наблюдательностью, чему доказательствомъ могутъ служить коротенькія сцены изъ купеческаго быта «Просто случай», помѣщенные въ сентябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Пріѣхавъ прошлымъ лѣтомъ къ намъ изъ Москвы, г. Горбуновъ возбудилъ во всѣхъ интересъ своимъ оригинальнымъ дарованіемъ. Такой успѣхъ г. Горбунова указалъ ему на настоящее поприще, и онъ рѣшился поступить на сцену. Выбравъ для своего перваго дебюта небольшую роль (чтò дѣлаетъ честь скромности дебютанта), г. Горбуновъ исполнилъ ее очень-просто, естественно и заслужилъ одобреніе публики. Жаль только, что г. Горбуновъ говорилъ неслыхкомъ-внятно, такъ-что нѣкоторыхъ слово нельзя было даже слышать. Впрочемъ, причину этому было, вѣроятно, волненіе, неразлучное съ первымъ дебютомъ. Главную роль старика Михѣича, съ обыкновенною отчетливостью игралъ г. Самойловъ. Публика три раза заставила его повторить пѣсню, которую на радостяхъ поетъ Михѣичъ, найдя жениха своей внучкѣ.

Изъ водевилей, данныхъ на французской сценѣ, болѣе другихъ имѣли успѣхъ: *Les mystères de l'été* и *L'amour que qu'est que ça*. Первый изъ нихъ уморителенъ, второй чрезвычайно-граціозенъ. Въ первомъ, одинъ содержатель моднаго магазина, человекъ женатый и почтенный, подъ вліяніемъ лѣта, позволяетъ себѣ самыя разнообразныя и смѣлыя удовольствія, не исключая провпкновенія въ уборную наѣздницъ ипподрома. Во второмъ, молоденькій владѣлецъ мельницы (г-жа Майеръ) и его хорошенькая работница (г-жа Милла) доискивающіеся, чтò такое любовь, наконецъ угадываютъ, что они, находящіе особенное удовольствіе быть вмѣстѣ, сердящіеся, если посторонній занимаетъ ихъ мѣсто другъ у друга, угадываютъ, что они любятъ другъ друга. Эта послѣдняя пьеса, благодаря граціи, которую проникнута, благодаря првосходному исполненію, имѣетъ успѣхъ огромный. Ее повторяютъ безпрестанно.

Изъ многихъ передѣланныхъ и переведенныхъ комедій и водевилей, дававшихся на Александринскомъ Театрѣ, можно упомянуть только развѣ о *Системѣ супружескаго счастья*, комедіи, переведенной съ французскаго актѣромъ г. Байковымъ. Такъ-какъ, по общему поряд-

бу, у каждой замужней женщины есть вздыхатель, то авторъ комеди совѣтуетъ мужьямъ стараться добывать еще вздыхателя, чтобы они перебывали дорогу одинъ другому и сторожили взаимные поступки. Но если система эта и дозольно-остроумна, то, подобно многимъ другимъ, оказалась неудобною. Пока происходило соперничество двоихъ, явился третій и... Но дѣло кончилось тѣмъ, что мужъ выпроводилъ всѣхъ троихъ изъ своего дома. Комедійка была очень-хорошо разыграна гг. Каратыгинымъ (мужъ), Яблочкинымъ и Байковымъ (вздыхатели). Г. Яблочкинъ былъ бы еще лучше, еслибъ не слишкомъ утрировалъ; что касается до г. Байкова, то въ игрѣ его много естественности и онъ, думаемъ мы, не безъ успѣха можетъ занимать роли комическихъ любовниковъ.

— Въ Итальянской оперѣ, въ бенефисъ г. де-Бассини, давали въ первый разъ оперу Верди *Трубадуръ* (Travatore), которая имѣла большой успѣхъ.

Несмотря на то, что знаменитый музыкальный критикъ Фетистъ старался доказывать всѣмъ и каждому, что Верди шарлатанъ, бездарный композиторъ, безстыдный похититель чужой собственности; что онъ исписался, болѣе ничего не напишетъ порядочнаго; что чрезъ нѣсколько лѣтъ не останется на сценѣ и духу отъ его жалкихъ произведеній, музыка Верди не только не думаетъ убираться съ европейскихъ лирическихъ сценъ, но все болѣе-и-болѣе тамъ утверждается. Несмотря ни на какія доказательства, Верди продолжаетъ писать, и успѣхъ его продолжаетъ расти. Вотъ какъ иногда ошибаются великіе критики, особенно, если они, при этой великости, нечужды мелкаго самолюбія, зависти, чувства личной неприязни и другихъ качествъ, которыя водятъ ихъ перомъ въ то время, какъ они пишутъ свои, такъ-называемые, безпристрастные отзывы. Когда Фетистъ писалъ свои филиппики противъ Верди, большинство европейскихъ меломановъ, за исключеніемъ, впрочемъ, итальянскихъ, составляло одинъ хоръ; оно вторило своему хоругу и объясняло всѣмъ, кому знать надлежитъ или знать охота, что за ужасный человѣкъ Верди, какихъ онъ бѣдъ натворилъ въ драматической музыкѣ и какъ хорошо было бы, еслибъ его совсѣмъ не было. Верди, вѣроятно, испуганный этимъ шумомъ, въ ту пору запрятался на какую-то виллу и, съ отчаянія, не зная что дѣлать, вздумалъ самъ передѣлывать себя, отказаться отъ прежней рутины и выйти на новый путь. Хоръ недоброжелателей зналъ объ этомъ намѣреніи Верди (композиторъ самъ высказалъ его въ одномъ письмѣ, которое было потомъ опубликовано), и заранее предсказывалъ, что изъ этой метаморфозы проку не будетъ. Однако прокъ вышелъ, да и какой! Верди написалъ нѣсколько оперъ въ совершенно-отличномъ отъ прежняго стилѣ и сразу завоевалъ себѣ расположение массы. Прежніе его враги явились въ его лагерь и на противной сторонѣ остались только одни упрямцы, которыхъ никакія убѣжденія не заставятъ отказаться отъ однажды-высказаннаго ими мнѣнія, да истые нѣмецкіе меломаны, которые уже рѣдятся на свѣтъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что всякая итальянская музыка — не музыка. Конечно, мы въ томъ и другомъ случаѣ разумѣемъ

лица изъ среды публики, не критиковъ; критики же такой народъ, которыхъ не скоро разберешь; на нихъ весь свѣтъ не угодить. Недавно, напримѣръ, одинъ нѣмецкій критикъ попалъ изъ какого-то ультрамузыкальнаго городка—гдѣ нѣмки слушаютъ Фрейшюца не иначе, какъ со слезами на глазахъ и съ чулкомъ въ рукахъ—прямо въ парижскую Большую Оперу и остался недоволенъ... какъ бы вы думали, чѣмъ?... тѣмъ, что парижскія дамы вьдять въ оперу не слушать музыку, а только для того, чтобъ показывать свои наряды, что вообще публика слушаетъ музыкальныя произведенія невнимательно; отъ слушателей перешель къ исполнителямъ, отъ исполнителей къ распорядителямъ и такъ далѣе, пока у него не вышла длинная статья, которую онъ и тиснулъ въ нѣмецкомъ музыкальномъ журналѣ. Боже! какая допотопная исторія! Какъ-будто первыя дамы, пришедшія на первое драматическое представленіе, если, положимъ, принять за начало этихъ представленій ѳесписова козла, не точно ли такъ же занимались нарядами и уборами, какъ и современныя дамы? Развѣ... но къ-чему тутъ возраженія? По справкѣ оказалось, что нѣмецкій критикъ болѣе всего оскорбленъ былъ не невниманіемъ парижанъ къ искусству, а невниманіемъ ихъ къ нему самому. Вотъ и разгадка статьи объ упадкѣ драматической музыки въ Парижѣ! Вѣрьте же послѣ этого критикамъ! Нѣтъ, ужъ если вы хотите вѣрить кому-нибудь, то вѣрьте лучше мнѣнію публики. Публика, напримѣръ, теперь окончательно рѣшила, что Верди исправился, тотъ самый грубый Верди, буянъ, который прежде такъ шумѣлъ и трубилъ безопадно, что нервныя дамы падали отъ его финаловъ въ обморокъ. Не говоримъ уже объ унисонахъ, которые испортили столько крови у всѣхъ почитателей строгой музыки! Верди замѣтилъ, что другіе достигаютъ успѣховъ не столь грубыми средствами, и сталъ поддѣлываться подъ образъ дѣйствій другихъ. Теперь онъ такой смиренный, скромный; вмѣсто шумныхъ галоповъ онъ предлагаетъ слушателямъ нѣжныя канцонаты, вмѣсто оглушительныхъ финаловъ, оканчиваетъ акты страстными аріями; оркестру же велѣлъ вовсе забыть знакъ fff и проч. и проч.—и всѣ имъ довольны. Произведенія Верди начинаютъ получать успѣхъ не колеблющійся, а рѣшительный, чему, между-прочимъ, служить доказательствомъ и «Трубадуръ» — новая опера, менѣе нежели въ два года обошедшая почти всѣ европейскія лирическія сцены и дѣйствительно весьма-пріятная. Слово «пріятная» будетъ, полагаемъ, для нея самымъ лучшимъ эпитетомъ. Въ ней нѣтъ глубины или свѣжести идей, нѣтъ самобытнаго творчества, но за-то есть умѣнье распорядиться матеріаломъ, расчитать вѣрный эффектъ, придать интересъ музыкальному развитію—словомъ, умѣнье занять, заинтересовать публику. По этому произведенію вы тотчасъ видите, что Верди употребилъ въ дѣло всю свою опытность, приобрѣтенную цѣлымъ рядомъ произведеній, созданныхъ для сцены. Онъ хотѣлъ во что бы ни стало заинтересовать публику, и писалъ не спроста, какъ прежде, но рассчитывая на эффекты и обдумывая эффекты. Либреттистъ, чтобъ удовлетворить въ этомъ случаѣ композитора, доставилъ ему множество эффектовъ, которые Верди и попытался переложить на

музыку. Канва драмы самая запутанная, наполненная ужасами. Дѣйствіе происходитъ по-большой-части ночью; впродолженіе пьесы часы бьютъ не одинъ разъ полночь, месть и злоба въ полномъ разгарѣ, а въ-заключеніе ихъ — сцена братоубійства. Кажется, есть гдѣ композитору выказать обиліе музыкальнаго драматизма. Постараемся передать содержаніе драмы нѣсколькими словами, если только достанетъ у насъ на это умѣнья, потому-что, когда сюжетъ основанъ на сплетеніи мелкихъ частностей, трудно вѣрно объяснить дѣло одними крупными чертами. Графъ де-Луна любитъ Леонору, а Леонора любитъ трубадура Манрико. Соперники встрѣчаются у Леоноры, вызываютъ другъ друга на поединокъ и идутъ драться. Это первый актъ. Во второмъ актѣ цыганка Азучена рассказываетъ трубадуру, который оказывается принадлежащимъ къ цыганскому табору, какъ ея мать была сожжена на кострѣ по приказанію графа, за колдовство, и какъ потомъ сама она, чтобъ отмстить за смерть матери, похитила малолѣтнаго брата графа. Она думала сжечь этого ребенка, но какъ-то ошиблась и сожгла вмѣсто него своего сына. Изъ этого же разговора мы узнаемъ, что Манрико бился съ графомъ на поединкѣ и пощадилъ послѣдняго, что происходило потомъ сраженіе, въ которомъ Манрико сочтенъ былъ всѣми за убитого и спасенъ той же цыганкой. Между-тѣмъ Леонора, отъ тоски по Манрико, котораго и она тоже считаетъ убитымъ, рѣшается идти въ монастырь. Графъ хочетъ ее похитить, но является Манрико и спасаетъ Леонору. Въ третьемъ актѣ Манрико заперся съ мятежниками въ крѣпости; графъ осаждаетъ эту крѣпость и во время осады захватываетъ цыганку. Уничивъ ее въ смерти своего малолѣтнаго брата, графъ велитъ ее сжечь. Манрико, чтобъ спасти цыганку, которую онъ считаетъ своею матерью, вступаетъ съ войсками графа въ бой и самъ попадаетъ въ плѣнъ, а мы въ это время достигаемъ четвертаго акта. Леонора приходитъ къ темницѣ, въ которой заключенъ злосчастный трубадуръ. Она встрѣчается съ графомъ и проситъ его пощадить жизнь Манрико. Графъ соглашается съ условіемъ, чтобъ Леонора принадлежала ему, то-есть графу. Леонора и на это согласна. Она входитъ въ темницу къ трубадуру (съ нимъ вмѣстѣ содержится и цыганка) и убѣждаетъ Манрико бѣжать. Манрико, узнавъ, что Леонора рѣшилась пожертвовать собой, не принимаетъ этого предложенія. Леонора умираетъ на его рукахъ: она приняла ядъ. Графъ видитъ, что онъ ошибся въ расчетѣ и велитъ казнить Манрико, и когда казнь уже совершилась, узнаетъ отъ цыганки, что Манрико, ею похищенный, братъ его.

По этой-то канвѣ композиторъ долженъ былъ вышить музыкальные узоры. Онъ исполнилъ свое дѣло искусно. Каждую свою мысль онъ разработалъ старательно, обдуманно, такъ, какъ прежде не поступалъ. Сразу видно, какъ мы уже выше сказали, что Верди въ своей новой оперѣ сильно рассчитывалъ на произведеніе эффекта, на созданіе чего-то такого, что могло бы особенно затронуть вниманіе слушателей. Для этого онъ не пренебрегъ ни колоколами, ни наковальнями, пастроеными въ аккордъ и составляющими акомпаниментъ хору, ни одновременнымъ исполненіемъ трехъ различныхъ партій,

одной на сценѣ и двухъ за сценой, наконецъ, тремя ударами дитавръ, замѣняющими собою увертюру. Но въ то же время вы видите, что за этою вишнею эффектностью скрывается стремление къ драматизму. Возьмите, наприимѣръ, музыкальный рассказъ цыганки (gassopfo) во второмъ актѣ: тутъ есть несомнѣнные драматическія красоты, точно также, какъ и во всей партіи этого дѣйствующаго лица. Конечно, Верди въ этомъ отношеніи ушелъ въ своей новой оперѣ еще не Богъ знаетъ какъ далеко: онъ пока еще только примѣривается къ драматизму, а въ самую глубь пуститься не рѣшается или, просто, не въ силахъ. Пока это только попытки, но, во всякомъ случаѣ, уже хорошо и то, что есть. Мы могли бы сказать: «подождемъ, что будетъ далѣе», еслибъ, къ сожалѣнію, не знали, что у Верди случилось далѣе. У него вслѣдъ за «Трубадуромъ» явились «La traviata» и «Сицилійскія Вечерни» и, какъ говорятъ, въ этихъ произведеніяхъ его талантъ далѣе не подвинулся. Какъ труденъ былъ для композитора процессъ переработки, которому онъ себя подвергнулъ, можно судить по неровностямъ, которыя замѣтны въ стилѣ его «Трубадура». Нѣтъ-вѣтъ, да что-нибудь и прорвется изъ прежней манеры, то унисонъ, то галопъ некстати, то обычная фраза изъ прежнихъ произведеній, то избитая фигура акомпанимента. Впрочемъ, все это прикрито довольно-искусно и вполне выкупается новыми красотами. Публикѣ нравятся эти красоты, и она слушаетъ оперу съ удовольствіемъ.

«Трубадуръ» данъ былъ въ бенефисъ г. Дебассини, исполнявшаго партію графа. Прочія роли распределены были слѣдующимъ образомъ: Леонора — г-жа Бозіо, Манрико — г. Тамберликъ, цыганка — г-жа Де-Мерикъ. Въ оперѣ есть еще небольшая роль Фернанда, слугителя графа; ее исполнилъ г. Тальяфико. Каждый изъ этихъ исполнителей имѣлъ для себя въ пьесѣ нумеръ, которымъ могъ блеснуть: г-жа Бозіо сцену предъ темницей, г. Тамберликъ арію въ третьемъ актѣ (когда трубадуръ готовится къ битвѣ), allegro marciale, г. Де-Бассини арію съ хоромъ во второмъ актѣ (въ сценѣ, когда графъ хочетъ похитить Леонору) и, наконецъ, г-жа Де-Мерикъ свой рассказъ (gassopfo). Если всѣ главные сюжеты стоятъ одобренія за отчетливое исполненіе, то г-жа Де-Мерикъ болѣе другихъ: ей досталась такая трудная роль, которая заставила эту артистку употребить, можно сказать, сверхъестественныя усилія, чтобъ придать рельефность исполненію. Между заграничными исполнительницами партіи цыганки лучшею считается г-жа Вярдо; по этому уже можно судить, чего требуетъ эта партія. Г-жа Де-Мерикъ должна была играть пожилую женщину самаго энергическаго характера. Азучена постоянно находится въ какомъ-то состояніи прорицанія и думаетъ только о мести. Г-жа Де-Мерикъ, для полноты эффекта, сдѣлала все, что могла: она костюмировалась отлично, играла съ большимъ увлеченіемъ и ни на минуту не выходила изъ характера роли. Видно, что она трудилась усердно. Публика оцѣнила старанія артистки и въ продолженіе всей пьесы награждала ее шумными аплодисментами и возовами. Названные нами выше нумера оперы имѣли наибольшій успѣхъ; впрочемъ, должно сказать, что вся вообще опера очень понравилась

публикѣ. Если судить по первому представленію, то, кажется, смѣло можно предсказать новому произведенію Верди долговѣчную жизнь на нашей итальянской сценѣ.

Кромѣ удовольствій вечернихъ, въ Петербургѣ есть удовольствія передвечернія. Каждый день, и въ-особенности по праздникамъ, между пятымъ и седьмымъ часами множество жителей собирается въ новый звѣринецъ г. Бернабо изъ Пармы. Такъ-какъ звѣри одной породы очень-схожи между собою, и въ Петербургѣ едва-ли найдутся люди, которые бы дотога были знакомы съ звѣринцемъ Зама, что по какому-нибудь пятнышку на носу льва или по желваку подъ челюстью львицы могли отличить его звѣрей отъ подобной же движущейся собственности другаго лица, то нельзя ничего сказать давѣрное, а можно только предполагать, что вновь-открытый звѣринецъ есть не болѣе какъ дополненный давно-знакомый звѣринецъ Зама. Кромѣ львовъ, тигровъ, гиенъ и леопардовъ, бѣлаго и бураго медвѣдей, испанскаго волка, шакала, обезьянъ, кенгуру, енотовъ, двухъ боа-констрикторовъ и нѣкоторыхъ другихъ звѣрей, съ которыми знакомы посѣтители звѣринца Зама, здѣсь есть слонъ, котораго давно не бывало въ Петербургѣ (хотя желавшіе могли видѣть слоновъ въ Царскомъ Селѣ), крокодилы, змѣи — анкода, пеликаны и еще нѣсколько другихъ экзотическихъ птицъ и животныхъ, которыхъ мы не забудемъ въ прежнемъ звѣринцѣ.

Въ каждомъ человѣкѣ есть большее или меньшее стремленіе къ изученію природы и знакомству съ ея явленіями. Если звѣринецъ Зама въ послѣднее время и былъ посѣщаемъ очень-мало и звѣрямъ его, въ случаѣ зависимости ихъ кормленія отъ сборовъ въ кассъ, по всей вѣроятности пришлось бы прогуливаться по Невскому Проспекту въ видѣ шубъ на людяхъ или ковровъ и полостей на саняхъ и на колескахъ, то это потому, что Зама съ своею труппою жилъ въ Петербургѣ чуть не десятки лѣтъ. Теперь же при небольшомъ хотѣ увеличеніи числа новыхъ сюжетовъ, при помощи большихъ разсказанныхъ о томъ афишъ, снова возбуждены любознательность и любопытство публики, и она спѣшитъ пользоваться приглашеніемъ г. Бернабо. Хотя, конечно, левъ, этотъ властитель львовъ и звѣрей, проведеншій большую часть своей жизни въ узкой клеткѣ, бенгальскіе тигры, родившіеся въ Москвѣ и Казани или страшный боа-констрикторъ, который, какъ какой-нибудь ипохондрикъ, постоянно лежитъ въ стеганыхъ одѣялахъ, утратили немало не только своей силы, энергіи, но даже измѣнились и по наружности, тѣмъ не менѣе, однако, обозрѣніе живыхъ звѣрей можетъ познать съ ними любознательнаго человека болѣе нежели картины. Мимо пользы, прогулка по звѣринцу можетъ принести и удовольствіе... Прогуливаясь здѣсь, смотря на обитателей звѣринца, нерѣдко удивляешься сходству между животными и человекомъ. Казуаръ и алпака, расхаживающіе по звѣринцу, напоминаютъ рѣшительно двухъ супруговъ, и сходство это нисколько не уменьшается оттого, что одинъ принадлежитъ къ птицамъ, а другой къ четвероногимъ. Алпака очень-спокойно толкается между публикою, апатично посматриваетъ на посѣтителей и наконецъ уста-

наваливается гдѣ-нибудь въ углу. Но взгляните на казуара: это самая внимательная хозяйка. Онѣ ходитъ такъ, какъ ходятъ иногда высокія женщины, напоминая своимъ пушистымъ хвостомъ широкія платья. Онѣ ходитъ осторожно между зрителями, безпрестанно останавливаясь у барьера, протягиваетъ длинную шею, съ неусерпаемымъ любопытствомъ осматриваетъ своихъ неизмѣнныхъ товарищей; бѣлаго медвѣдя, льва, тигра и т. п. и кажется, каждому изъ нихъ хотеть сказать по комплименту. А слонъ, этотъ неуклюжій, плѣшивый слонъ, съ его спокойными манерами, умнымъ взглядомъ, добротою и снисходительностью, развѣ не походитъ онъ на людей, у которыхъ подъ грубою наружностью скрывается и умъ, и чувство и великодушіе; какъ ловкая съ блестящими глазами пантера напоминаетъ не одну даму, которыхъ называютъ часто пиковыми и которая, опасная для другихъ, сами, какъ въ зрѣлищѣ, окружены иногда семействомъ, съ фигурами пантеръ, а съ кожей тигровъ... Многочисленная семья тигровъ покоится, точно въ оперной ложѣ, въ клѣткѣ, выставивъ рядъ желтыхъ лапъ; пеликанъ всюду суетъ свой длинный носъ, точно какая-нибудь старуха, которая въ нравственномъ отношеніи занимается тѣмъ же самымъ. Большая толпа постоянно стоитъ передъ небольшою клѣткою рателя и, можетъ-быть, очень-многіе изъ зрителей, смотря на него, припоминаютъ неумоимыхъ танцоровъ полекъ и т. п., такъ-какъ ратель цѣлые часы сряду специально занятъ перескакиваніемъ съ заднихъ лапъ на переднія. Не говоря уже объ обезьянахъ — этихъ карикатурахъ человѣка, многое припоминается изъ встрѣчаемаго въ ежедневной жизни, смотря на леопардовъ, волковъ, двуутробковъ и т. п. — а особенно когда происходитъ ихъ кормленіе: хищнымъ звѣрямъ пища просто приносится къ клѣткамъ, но смиренный слонъ, для того, чтобъ съѣсть пятокъ яблоковъ и кусокъ бѣлаго хлѣба, долженъ разыграть цѣлую сцену. Онъ звонитъ въ колокольчикъ, чтобъ подавали кушанье, играетъ на шарманкѣ и еще какомъ-то духовомъ инструментѣ, а въ заключеніе, возитъ своего хозяина по всему звѣринцу. Вотъ сколько хлопотъ неуклюжему слону!

— 11-го ноября пошелъ первый снѣгъ, а съ того же почти дня началась санная дорога; 13 ноября стала Песа. Въ нынѣшнемъ году ледъ остановился бугристо, что, по народному повѣрью, обѣщаетъ хорошій урожай. Дай Богъ!

— Едва установился зимній путь, какъ разныя объявленія возвѣстили о зимнихъ загородныхъ удовольствіяхъ. На Черной Рѣчкѣ, у Выборгской дороги, предлагаются обѣды, ужины и бильярдъ, на Крестовскомъ, конечно, готовятся горы; въ Екатерингофѣ начались концерты *настолицъ* московскихъ цыганъ. На улицахъ показались тройки съ бубенчиками: очевидно приглашенія разныхъ увеселителей имѣютъ желанныя послѣдствія.

— Съ ноября, по обычаю, начались такъ-называемая музыкальныя упражненія въ Университетѣ и публичныя лекціи въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Мы не разъ говорили о концертахъ Университета, приносимой ими пользѣ и доставляемомъ удо-

вольствіи; новаго же сказать ничего не имѣемъ. Попрежнему, они сохраняютъ свой классическій характеръ, состоя преимущественно изъ произведеній великихъ мастеровъ искусства, попрежнему сохраняютъ свою многочисленную публику, которая собирается сюда не щеголять новостями моды, а слушать славныя творенія Гайдновъ, Моцартовъ, Мендельсоновъ и Бетховеновъ.

— Въ Экономическомъ Обществѣ продолжаютъ, начатыя еще въ прошломъ году чтенія химіи г. Ходневымъ, и новыя «о физиологійи и анатоміи растений» докторомъ философіи г. Мерклинымъ. Въ прошломъ году, г. Ходневъ, познакомивъ слушателей своихъ съ химіею общеою, въ нынѣшнемъ читаетъ химію неорганическую, предлагая органическую читать въ будущемъ году. Лекціи его, сопровождаемыя непрерывными опытами, чрезвычайно-интересны. Что касается до чтеній ботаническихъ, то въ нихъ видна ученость и основательное знаніе лекторомъ своего предмета; но чтеніямъ г. Мерклина не достаетъ одушевленія. Это зависитъ много оттого, что г. Мерклинъ, не вполне владѣя русскимъ языкомъ, долженъ вести рѣчь свою съ возможною осторожностію. По цѣли самыхъ лекцій, мы и посмотримъ на нихъ съ популярной точки зрѣнія.

— Вмѣстѣ съ лекціями въ Экономическомъ Обществѣ, цѣль которыхъ — распространеніе въ публикѣ познаній, имѣющихъ прямое или косвенное значеніе для сельскаго хозяйства и народной промышленности — въ Залѣ Второй Гимназіи преподаватель французскаго языка г. Рюо, читалъ по-французски «о пользѣ и вредѣ литературныхъ занятій.» Въ два сеанса, посвященные этому предмету, г. Рюо коснулся разныхъ періодовъ французской литературы, сдѣлалъ множество мелкихъ замѣтокъ, сообщилъ немало разныхъ случаевъ и анекдотовъ — умно, живо и игриво, но о пользѣ и вредѣ литературныхъ занятій сказалъ немного и во всякомъ случаѣ ничего новаго.

М О Д Ы.

Много привезено вещей для дамскаго туалета, и всѣ онѣ такъ хороши, что не знаешь, которой отдать преимущество. Начнемъ съ матерій. Вотъ, напримѣръ, моарè-antique коричневаго цвѣта съ атласными черными цвѣтами, клѣтчатый понелинъ, дамà, пу-де-суа съ цвѣтами и съ затканными воланами, множество матерій полосатыхъ, клѣтчатыхъ — однимъ-словомъ, такое разнообразіе, какого, можетъ-быть, никогда не было. Но сказать, какія матеріи или рисунки болѣе въ модѣ — рѣшительно невозможно. Большія клѣтки также въ модѣ, какъ и маленькія; полосатыя матеріи тоже считаются модными; словомъ, предоставлено на вкусъ всякому выбирать матерію и убирать платье какъ вздумается.

Прибавимъ только, что въ числѣ бахромъ, пуговиць, кружевъ, пуфовъ, волановъ, клѣтчатыхъ лентъ — словомъ, между всѣми уборками платья, черный бархатъ необходимъ. Нѣтъ платья, мантіи, манишки, подрукавниковъ, которые не были бы украшены черными

бархатными лентами; даже если тутъ есть и цвѣтныя ленты, то все-таки считается необходимостью, чтобъ лучше отгѣнить цвѣтъ, при-мѣшивать черныя бархатныя ленты; даже воротники, которые прежде были просто кружевные или вышитые, нынче въ нѣсколько рядовъ обшиваются бархатомъ.

Кстати скажемъ, что воротники съ лопастями въ большой модѣ, точно такъ же, какъ рукава съ буфами.

О манто мы давно ничего не говорили, потому-что ждали чего-нибудь новаго; но наши предсказанія сбылись: манто всё попрежнему остались похожими на манто-тальма, только съ небольшими измѣненіями.

Вотъ манто-Ристори: это совершенная тальма, только къ ней приделанъ воротникъ.

Манто Сгмееп также похожа сзади на тальму; оно кроится косое, сзади; на плечахъ большія складки, которыя покрываютъ рукава. Спереди полы закидываются одна на другую и застегиваются на боку. Манто это дѣлается изъ самой толстой шерстяной матеріи, безъ подкладки, и обшивается тесьмой.

Манто Jenny-Bell, предназначенное больше для молодыхъ дѣвицъ, довольно-коротко, кругло, въ видѣ большой пелеринки, съ широкими рукавами. На всѣхъ швахъ этого манто, равно какъ и на борть—тесъма.

Sortie du bal дѣлаются тоже въ родѣ большихъ пелеринокъ, съ рукавами, но къ нимъ необходимъ или воротникъ, или капюшонъ. Вотъ очень-красивый фасонъ для этого, называемый «таугесде». Это большой кусокъ матеріи, собранной сзади и на плечахъ въ огромныхъ складкахъ; спереди полы гладкія; капюшонъ большой, съ вострыми концами и съ большою шелковою кистью. Матерія выбирается для подобныхъ манто въ алжирскомъ вкусѣ: полосатая, или бѣлая. Многія дѣлають это манто изъ плюша.

Бальныя платья попрежнему убираются лентами, кружевами, цвѣтами. Бѣлыя кисейныя платья очень-часто убираются черными узенькими бархатными лентами.

Куафюры дѣлаются изъ бѣлыхъ блондъ и черныхъ блондъ; эта смѣсь нынче въ такой модѣ, что привезены бѣлыя блонды съ черными цвѣтами, или съ чернымъ ободкомъ, и наоборотъ.

Для куафюръ есть также превосходныя плюшевыя ленты, которыя накалываются большимъ бантомъ, съ длинными концами на самой косѣ. Эта уборка преимущественно дѣлается для молодыхъ дѣвицъ.

Для дамъ очень-красивы куафюры изъ широкихъ блондъ, которыя, какъ фалбала нашитыя на ленту или тюль, покрываютъ затылокъ; съ боковъ ленты или цвѣты.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 11-й книжкѣ «Отеч. Записокъ» въ статьѣ «Основоположеніе на стр. 16-й напечатано: «М. А. Миксиновичъ издалъ въ Москвѣ 1824 года» и вслѣдствіе «1827 года», на стр. 29-й «Основоположеніе профессора «математики», вслѣдствіе «профессора математики».

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У **М. БЕРНАРДА,**

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домъ Паскаля, № 11,

Для оркестра.

	Сер. Р. К.
<i>Auber.</i> — Overture de l'opéra Marco Spada (5 p. 70 к.). Ouverture de l'opéra l'enfant prodigue	6 —
<i>Engel.</i> — Die Anspruchslosen. Walzer	3 45
<i>Esser.</i> — Symphonie (D-moll) op. 44.	12 —
<i>Clapisson.</i> — Overture de l'opéra Gibby la cornemuse.	5 15
<i>Ftotow.</i> — Overture de l'opéra Rübezahl	3 40
<i>Frank.</i> — Le carnaval romain. Overture. Partition	4 —
<i>Gungl.</i> — Elisen-Tänze. Walzer (3 p. 45 к.). Pfingstrosen. Walzer (3 p. 45 к.). Cajetana-Tänze. Walzer (3 p. 45 к.) Zephyr-Lüfte. Walzer (3 p. 45 к.). Tropfen in das Walzermeer. Walzer	3 —
<i>Hetsch.</i> — Quodlibet (Potpourri)	4 30
<i>Labitzky.</i> — Huldigung den Frauen. Walzer (4 p. 30 к.) Lilie, Rose und Myrthe. Drei Polkas	4 60
<i>Lachner.</i> — Symphonie (C-moll) op. 100	13 70
<i>Lanner</i> (Sohn). — D'ersten Gedanken. Walzer.	4 85
<i>Schubert.</i> — Overture de l'opéra Rosamunde	5 15
<i>Strauss.</i> — Knall-Kügerln. Walzer (3 p. 15 к.). Wiedersehen. Polka (1 p. 45 к.). La Viennoise. Polka-Mazurka (1 p. 15 к.). Bürger-Ball-Polka (1 p. 45 к.). Novellen-Walzer (4 p. 60 к.). Musen-Polka (1 p. 45 к.). Ball-G'schichten. Walzer (3 p. 15 к.). Elisen-Polka (1 p. 45 к.). Carnaval-Spektakel-Quadrille (2 p. 85 к.). Nordstern-Quadrille	9 85
<i>Thalberg.</i> — Overture de l'opéra Florinda.	5 15

Для малаго оркестра.

<i>Boieldieu.</i> — Overture de l'opéra la dame blanche	3 15
<i>Casino.</i> — Choix de morceaux favoris et de potpourris des opéras nouveaux pour petit orchestre: № 14. Les quatre fils d'Haymon de Balfe (2 p. 85 к.). № 21. La Juive de Halevy (4 p.). № 22. Robert de Meyerbeer (3 p. 15 к.) № 23. Ernani de Verdi (5 p. 70 к.). № 29. Lucia di Lammermoor. 1-r Cahier (5 p. 15 к.). № 30. Lucia di Lammermoor. 2-d Cahier.	4 50
<i>Cherubini.</i> — Overture de l'opéra les deux journées (Водовозъ)	2 85
<i>Kreutzer.</i> — Overture de l'opéra «das Nachtlager in Granada»	3 70

Labitzky. — Valses, galops et polkas pour petit orchestre по 90 к., 1 р. и	1 60
Schacht. — Danses pour petit orchestre, 6 тетрадей, по . . .	3 —
Suppé. — Ouverture de l'opéra le poète et le paysan . . .	4 30
<i>Для фортепьяно.</i>	
Ascher. — Mazurka des traineaux (88 к.). La perle du nord. Mazurka (75 к.). Danse Andalouse. Caprice de concert . . .	1 15
Bernard. — La clochette. Bluette musicale (60 к.). Приветствие Государственному Ополчению. Музыкальный экспромпт —	75
Boyer. — Petites fantaisies sur des motifs favoris des opéras: Zora (60 к.). Robert (60 к.). La fille du regiment (60 к.) Rigoletto (60 к.). Bouquet de mélodies des opéras: Lucrezia Borgia (1 p.). Charles le téméraire (1 p.). Der Freischütz	1 —
Chopin. — Valse mélancolique. Oeuvre posthume.	— 30
— Mazurka favorite op. 33. № 4	— 60
Dreyschock. — La plainte. Nocturne (60 к.). Souvenir de Copenhague. Morceau de piano	1 15
Duvernoy. — École du style. Douze études (2 p. 30 к.). Fantaisie sur l'opéra Rigoletto (60 к.). Fiorentina. Fantaisie —	75
Echeberg. — Маршъ дружинъ Государственнаго Ополченія.	— 50
Goria. — Chef d'oeuvre de Rossini transcrit.	1 —
Grützmacher. — La harpe d'éole	1 —
Herz. — Transcription-fantaisie sur la Sonnambula (1 p.). La cristallique. Polka-Mazurka de salon	— 75
Krüger. — La harpe éolienne	— 75

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. БЕРНАРДА. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го декабря 12-я тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XVI), содержащая въ себѣ *одиннадцать* пьесъ сочиненія Lefebure-Wely, Prudent, Adler, Heller, Varival, Hüntten, Gigord, Helmann, Duvernoy, Henrion и графа Комаровскаго и Музыкально-литературное прибавленіе № 12. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.)

Нувеллистъ будетъ выходить въ 1856 г. на томъ же основаніи, какъ и въ нынѣшнемъ.

==

Печатать позволено, декабря 30-го дня 1855 г. Цензоръ А. Фрейманъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. Словесность.

	СТР.
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. Романъ изъ престопаднаго быта. Д. В. ГРИГОРОВИЧА. Части первая и вторая..... 1	331
ЧУЖОЕ ДОБРО ВЪ ПРОКЪ НЕ ИДЕТЬ, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, А. А. ПОГЪХИНА.....	49
СТИХОТВОРЕНІЯ : 1) Праздникъ Рима, К. К. ПАВЛОВОЙ (стр. 115); 2) «Люблю я васъ, младыя дѣвы», К. К. ПАВЛОВОЙ (стр. 118); 3) Союзникамъ, А. ПОДОЛИНСКАГО (стр. 167); 4) «Какъ воздухъ родины въ странѣ чужой и дальней, А. ПОДОЛИНСКАГО (стр. 168).	
ЕВРОПЕЙСКІЕ НЕГРЫ. Романъ Ф. В. ГАВЛЕНДЕРА. Части вторая, третья и послѣдняя.....	119 и 275
ДОКТОРША. Повесть. В. Р. ЗОТОВА.....	169

II. Науки и Художества.

ОСНОВЬЯНЕНКО (Г. О. Квитка). Матеріалы для исторіи украинской литературы. Статьи первая, вторая и послѣдняя. Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.....	1 и 97
---	--------

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ. IV. <i>Посольство въ Россію графа Карлейля, въ XVII-мъ столѣтіи</i>	47
ВОСПОМИНАНІЕ о Тимоѣѣ Николаевичѣ Грановскомъ. П. Н. КУДРЯВЦЕВА.....	87
ВОСПОМИНАНІЕ О К. П. БРЮЛЛОВѢ. А. И. ЖОКРИЦКАГО.....	145

III. Критика.

Прошлен. Сборникъ статей во классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга IV. (<i>Статьи первая и вторая</i>). Н. М. ВЛАГОВЪЩЕНСКАГО.....	† и 27
--	--------

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Стихотворенія Я. П. Полонскаго.....	1
Актъ восьмага выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института.....	8
Петръ Горошкинъ, драматическое сочиненіе.....	15
Геройскіе подвиги доблестныхъ защитниковъ Севастополя.....	—
Разказы десять тысячъ бомбъ самовидцевъ, <i>Ө. Кузмищева</i> ...	—
Говоръ простаго человека. 1. Пѣтушницы, <i>А. Месковскаго</i> ...	16
Начертаніе Древней Географіи и Исторіи древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ, <i>Н. Зуева</i>	—
Права и обязанности домовладѣльцевъ.....	19
Наставленіе дворникамъ.....	20
Народныя русскія сказки, изд. <i>А. Аванасьевымъ</i> , выпускъ 1.	47
Сельскохозяйственная статистика Смоленской Губерніи, <i>Я. Соловьева</i>	52
Новый способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса, <i>А. Мейера</i>	55
Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бальтійской Руси, <i>М. Безъ-Корниловича</i>	56
Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи, <i>Н. Березина</i>	58
Памятная книжка Импер. Александровскаго Лицея на 1855 — 1856 годъ.....	—
Курсъ Технической Химіи, <i>А. Ходнева</i>	59

Нѣкоторыя замѣчанія о причинахъ гибели императорскихъ полчищъ въ 1812 году, <i>И. Липранди</i>	61
Россійскіе законы о торговлѣ и промышленности, <i>А. Леонарда</i>	64
Крымская экспедиція.....	65
Развитіе плѣнныхъ на Кавказѣ.....	—
Собраніе новѣйшихъ военныхъ и другихъ пѣсенъ.....	—
Болгарскія пѣсни, изд. <i>П. Безсоновымъ</i>	67
Руководство Статистики Россіи, <i>А. Соколовскаго</i>	69
Путешествіе вокругъ свѣта (Сѣверная Америка), <i>Ө. Студинскаго</i>	71
Фабрикація стеариновыхъ и другихъ свѣчей, <i>Малмейера</i>	—

ПЕРЕВОДЫ.

Восточная война.....	12
О званіи генерала, соч. <i>Л. Дюра-Ласаль</i>	14
Гомеопатическая Психологія, соч. доктора <i>Яра</i>	18
Ложь и действительность восточной войны, <i>В. Жоли</i>	65
О приключеніи морскихъ дорогъ къ военному искусству, соч. <i>П—ца</i>	66
Правила свѣтскаго воспитанія дѣтей, <i>Ф. Гюнтера</i>	67

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Le Guide de l'enfance ou cours pratique de langue française à l'usage des commençans.....	18
Русскіе простонародные рассказы, <i>Ө. Рутанова</i>	20

ЖУРНАЛИСТИКА.

О журнальной пеленкѣ, о критикѣ, о нападкахъ на нее, и доброе слово въ ея защиту.....	21
Еще слово о современной журнальной критикѣ. — Рассказы г. <i>И. Л. Т.</i> изъ военного быта, и рассказы, записанные со словъ очевидцевъ, гг. <i>Таторскимъ</i> и <i>Кузнецовымъ</i> и собранные г. <i>Сокольскимъ</i>	71

V. Современная Хроника Россіи.

Обзоръ военныхъ дѣйствій 1854 — 1855. III. Черноморскій флотъ и начало войны съ Англіей и Франціей.

IV. Извѣстія съ Балтійскаго Моря. V. Извѣстія съ Вѣлаго Моря и изъ Камчатки. VI. Крымская экспедиція..... 1 и 81

Обозрѣніе движенія русскаго законодательства по государственному управленію за сентябрь и октябрь 1855 года..... 61 и 113

Событія въ Отечества (Письма Сестеръ Крестовоздвиженской Общины попеченія о больныхъ и раненыхъ въ Крыму. — Лейтенантъ Дорожнинскій. — Операція, сдѣланная непріятелемъ. — Раздробленные ноги. — Военная хитрость финскаго мужика. — Борьба англичанъ съ бараномъ. — Были на пароходѣ во время бури. — Грозовой ударъ. — Уроды. — Одиравшій мальчикъ. — Николаевскій Мостъ на Днѣпрѣ. — Военная богадѣльня Калгина. — Практическая Школа Шелководства. — Спускъ корабля «Ретвизанъ». — Количество золота, добытаго на уральскихъ заводахъ въ первой половинѣ 1855 года. — Количество привоза по Николаевской Желѣзной Дорогѣ разныхъ товаровъ, грузовъ, жизненныхъ припасовъ и скота въ Санктпетербургъ и Москву, въ теченіе іюня. — Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ въ 1855 году. — Замѣчательнѣйшіе пожары. — Некрологъ : *К. А. Невоминъ* и баронъ *Мейендорфъ*. — Пребываніе Государа Императора въ Крыму. — Приказъ Крымской Арміи. — Деревянная бомба. — *Малая жертва* крестьянина. — Памятникъ матросу Шевченко. — Соединеніе русской телеграфической линіи съ австрійскою и прусскою. — Открытіе телеграфическаго дѣйствія отъ Николаева до Симферополя. — Комитетъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. — Русскіе рельсы. — Наводненіе въ Кизлярѣ. — Морское животное страннаго вида. — Происшествіе въ Нухѣ. — Волки. — Обороты главнѣйшихъ ярмарокъ. — Пожары. — Привозъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ припасовъ, по Николаевской Желѣзной Дорогѣ въ Санктпетербургъ и Москву. — Некрологъ : *Н. А. Реадъ*, *Игнатій Головинскій*, *А. И. Маловъ* и *С. Е. Раичъ* 63 и 115

VI. Смѣсь.

Новости наукъ, искусствъ, промышленности и литературы.

Опера герцога Эрнста саксен-кобург-готскаго «*Santa Chiara*». — Драма Жоржа Занда «*Maître Favilla*». — Египетская мело-

драма Физболя «Нитокриса». — Г-жа Арну-Плесси въ Théâtre-Français. — Рашель въ Америкѣ. — Отъездъ Тэккерея въ Америку. — Новый романъ Диккенса. — Исторія галереи дешевыхъ товаровъ. — Такса на мясо въ Парижѣ. — Новый Селькиркъ, обгоняющій лошадей. — Процессъ между двумя матерями одного ребенка. — Ученныя собранія прошедшей осени. — Финская пѣсня въ переводахъ на всея языки земнаго шара. — Число періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и Германіи. — Статистика нѣмецкихъ университетовъ. — Обзоръніе засѣданій Британскаго Общества по отдѣленіямъ астрономіи, химіи, геологіи, ботаники и механики. — Средиземное Море въ Южной Африкѣ. — Краткая автобіографія Гумбольдта. — Некрологъ Мажанди. — Гидростатистическая постель. — Планиметръ, изобрѣтенный г. Буняковскимъ. — Паденіе авролитовъ близъ Гамбурга.....

Торжество закрытія парижской всемірной выставки. — Взглядъ на ея значеніе для промышленности. — Очеркъ ея существованія и неудачъ, сопровождавшихъ ея начало. — Общее сужденіе о ней. — Церемонія торжественнаго закрытія. — Речь президента выставки. — Раздача наградъ. — Нѣсколько словъ о выставкѣ изящныхъ искусствъ. — Закрытіе выставки не было еще концомъ ея. — Судьба, предстоящая дворцу ея. — Маріо. — Надежды французовъ относительно зимы. — Неурожай и балы. — Очеркъ перемѣнъ въ англійскихъ обычаяхъ. — «Праздникъ геніевъ» въ Ньюйоркѣ. — Осушеніе Гарлемскаго Озера. — Извѣстіе о возвращеніи арктической экспедиціи Кэна. — Акустическіе опыты Лиссажу.....

1

57

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ: Картины, писанныя на заданныя программы. — Живопись историческая. — Картины *de genre*. — Живопись перспективная. — Портреты. — Гравюры. — Женщины-художники. — Пейзажи. — Картины г. Айвазовскаго и Каляма. — Скульптурныя работы. — Архитектурные проекты. — Новости русскаго и французскаго театровъ: *Ипохондрикъ*, ком. г. Писемскаго. — Пьесы гг. Островскаго и Дружинина. — *Le demi-monde*, ком. Дюма-сына. — Г. и г-жа Роже-Солье. — Дебютъ г. Сетова. — *Чародѣй*, опера въ двухъ

дѣйствіяхъ, кн. Вяземскаго. — Дебюты итальянскихъ пѣвцовъ. —
Г-жа Фанни Черрито. — Новыя русскія періодическія изда-
нія. — Наружность петербургскихъ домовъ. — Пальто воен-
ныя и статскія. — Частныя объявленія въ газетахъ. — Борь-
ба куафёровъ. — Приближеніе баловъ и балныя оркестры. —
Новости ежедневныхъ оѣздовъ..... 27

Зима. — Петербургскіе *jougs fixes*. — Образчики назначенныхъ
дней. — *Армида*, новый балетъ. — Комедія г. Омье на рус-
ской и французской сценахъ. — *Ceinture dorée*. — *Гость*
любимъ честь, аять любитъ взять. — *Невинное заблу-*
жденіе. — *Воденица*. — Русская и итальянская оперы. — Удо-
вольствія предвечернія. — Зѣрищадъ г. Берзабо. — Закрытіе
Невы и явнія удовольствія. — Концерты въ Университетѣ. —
Лекціи въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. 72

Моды, (съ тремя парижскими картинками дамскихъ и муж-
скихъ модъ).

JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG 1856.

Ce Journal, suffisamment connu du public, reproduit les nouvelles les plus accréditées, ou les faits les plus intéressants de la politique étrangère, et publie les Actes officiels et les résolutions les plus importantes du Gouvernement Russe.

A partir de 1856, le *Journal de St.-Petersbourg* change d'éditeur, le titulaire actuel ayant obtenu l'autorisation de se démettre de cet emploi.

Le but du Journal et le prix de l'abonnement restent les mêmes. Sa rédaction sera modifiée et son format considérablement augmenté.

Si l'on compare aujourd'hui cette feuille à ce qu'elle était lors de ses débuts, on reconnaîtra qu'elle a constamment marché dans la voie des améliorations. Le nouvel éditeur continuera à suivre cette route, et ne négligera rien pour que le *Journal de St.-Petersbourg* devienne toujours plus intéressant et plus complet.

Les nouvelles de l'étranger, insérées dans toute leur étendue, ou analysées avec plus ou moins de détails, selon leur importance, seront transmises aux abonnés avec une célérité indispensable en pareille matière.

En dehors des événements politiques, qui absorbent si puissamment l'attention aujourd'hui, toutes les questions d'économie politique, commerciale et agricole, de sciences, d'industrie, de littérature et d'art, agitées dans les meilleurs recueils spéciaux, seront traitées avec un soin tout particulier. Les documents relatifs aux voyages et aux découvertes seront puisés aux meilleures sources.

L'agrandissement du format permettra au *Journal de St.-Petersbourg* de tenir ses lecteurs au courant de tout ce que l'industrie et le commerce de la Russie offriront de plus important.

Les feuilletons du Journal, plus nombreux à l'avenir, seront consacrés à des comptes-rendus d'ouvrages remarquables, à la reproduction des plus intéressantes nouvelles de l'époque, au progrès de l'art dramatique et des beaux-arts en général. Des relations établies avec des littérateurs français assurent au *Journal de St.-Petersbourg* une précieuse collaboration, et lui permettront d'offrir à ses abonnés la primeur de quelques romans nouveaux, quelques-unes de ces œuvres de fantaisie gracieuse qui tombent quelquefois d'une plume spirituelle et aimée du public.

Rapidité dans la publication des nouvelles étrangères, discernement dans le choix des questions traitées au point de vue de l'intérêt général, variété et bon goût dans le choix des matériaux littéraires, impartialité dans les appréciations artistiques. Tel est le programme que s'impose le nouvel éditeur du *Journal de St.-Petersbourg*. Il espère le remplir de manière à mériter l'approbation de ses abonnés.

H. Glarner,

Éditeur du Journal de St.-Petersbourg.

CONDITIONS DE LA SOUSCRIPTION:

PORT COMPRIS

<i>Pour St.-Petersbourg.</i>		<i>Pour l'intérieur.</i>	
Pour un an	15 rbls. — cop. d'arg.	16 rbls. 50 cop. d'arg.	
» six mois	8 » — » »	8 » 75 » »	
» trois mois	4 » 50 » »	— » — » »	

ON S'ABONNE :

A *Saint-Petersbourg*: au Bureau du *Journal de Saint-Petersbourg* (à l. Librairie de S. Dufour), au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise et pour l'intérieur à l'Expédition des Gazettes.

n. 52
4.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1856-МЪ ГОДУ

будутъ выходить ежемѣсячно книжками,
изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ
отъ 20 до 25 листовъ большого формата.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

БЕЗЪ КАРТИНОКЪ МОДЪ.

Въ Петербургъ и Москвѣ :

14 рублей 50 коп. серебромъ.

Съ пересылкою :

16 рублей серебромъ.

СЪ 18-Ю ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ
ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ МОДЪ.

Въ Петербургъ и Москвѣ :

15 рублей 50 коп. серебромъ.

Съ пересылкою :

17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ :

**Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ Проспектѣ, на углу
Малой Морской, въ домъ Потбека.**

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у П. В. Базунова,
на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типо-
графіи, въ домъ Загряжскаго.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ
магазинѣ В. П. Григорьева, на Де-Рибасовской Улицѣ, въ домъ
Синицыной.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями,
надписывая ихъ : Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ
Санктпетербургъ.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 1 декабря 1855 года.

Ценсоръ А. Фрейгаггъ.

